

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»
КАФЕДРА АДВОКАТУРЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЦЕНТР ЧАСТНОПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НИИ ТИСО

ПОСТОЯННАЯ КОМИССИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ФИНАНСОВОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
БЕЛОРУССКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОЛЛЕГИЯ АДВОКАТОВ
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сборник статей Международной научно-практической конференции
г. Минск, 27 апреля 2016 г.
В двух частях

Часть 2

Минск
Международный университет «МИТСО»
2016

Редакционный совет:

Князев С. Н., доктор юридических наук, профессор, ректор Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» (председатель редакционного совета);
Бондаренко Н. Л., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры адвокатуры Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»;
Василевич Г. А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета;
Витушко В. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры адвокатуры юридического факультета Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»;
Ермолович В. Ф., доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»;
Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, председатель общественного объединения «Белорусский республиканский союз юристов», заведующий кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности юридического факультета Белорусского государственного университета;
Вабищевич С. С., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Государственного федерального бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный социальный университет», филиал в г. Минске;
Дедковский А. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры адвокатуры юридического факультета Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»;
Маньковский И. А., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры юридического факультета Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» (гл. ред.);
Матвийчук С. Б., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры адвокатуры юридического факультета Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»;
Сергиенко Ю. П., кандидат юридических наук, доцент, начальник центра частноправовых исследований НИИ ТиСО Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО».

П78 Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации :
сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 27 апр. 2016 г. : в 2 ч. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол. :
И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – Ч. 2. – 278 с.
ISBN 978-985-497-322-7.

В издании представлены научные статьи, освещающие проблемные вопросы правопонимания и осуществления прав и законных интересов субъектов общественных отношений.

Адресовано научным работникам, преподавателям, студентам магистратуры и студентам, интересующимся современным состоянием и перспективами развития права постсоветских государств.

УДК 34
ББК 67.408+67.410+67.411+67.51

ISBN 978-985-497-322-7 (Ч. 2)
ISBN 978-985-497-320-3

© Международный университет «МИТСО», 2016

Научное издание

**Проблемы правопонимания и правоприменения
в прошлом, настоящем и будущем цивилизации**
Сборник статей Международной научно-практической конференции
г. Минск, 27 апреля 2016 г.
Часть 2

Ответственный за выпуск И. А. Маньковский
Подготовка оригинал-макета И. А. Маньковский

Подписано в печать 20.04.2016. Формат 60×84^{1/8}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,8. Уч.-изд. л. 36,4.
Тираж 99 экз. Заказ № .

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
Ул. Казинца, 21–3, 220099, Минск.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий от 02.09.2014 № 1/423.

Отпечатано в ПДУП «Типография Федерации профсоюзов Беларуси».
г. Минск, пл. Свободы, 23/90.
ЛП № 02330/54 от 12.08.2013.

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Станислав Никифорович КНЯЗЕВ, ректор Международного университета «МИТСО», доктор юридических наук, профессор

Александр Семенович БАНЬКОВ, директор Научно-исследовательского института трудовых и социальных отношений Международного университета «МИТСО», кандидат технических наук

Наталья Леонидовна БОНДАРЕНКО, профессор кафедры адвокатуры юридического факультета Международного университета «МИТСО», доктор юридических наук, профессор

Владимир Александрович ВИТУШКО, профессор кафедры адвокатуры юридического факультета Международного университета «МИТСО», доктор юридических наук, профессор

Владимир Федорович ЕРМОЛОВИЧ, декан юридического факультета Международного университета «МИТСО», доктор юридических наук, профессор

Виктор Сергеевич КАМЕНКОВ, председатель общественного объединения «Белорусский республиканский союз юристов», заведующий кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Ольга Анатольевна КУЗНЕЦОВА, заместитель декана юридического факультета по научной работе ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», доктор юридических наук, профессор

Игорь Александрович МАНЬКОВСКИЙ, заведующий кафедрой адвокатуры юридического факультета Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент

Татьяна Владимировна МАТУСЕВИЧ, заместитель председателя Белорусской республиканской коллегии адвокатов

Юрий Петрович СЕРГИЕНКО, начальник центра частноправовых исследований НИИ ТиСО Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент

Владимир Олегович ЧЕРЕВАЧ, заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь

РАЗДЕЛ III

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО, ФИНАНСОВОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА

Артамонов Алексей Николаевич,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Брянского государственного университета, г. Брянск,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА РЕГИОНАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В соответствии с пунктом «к» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации административное и административно-процессуальное законодательство находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Это положение нашло свое дальнейшее отражение и в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, в части 1 статьи 1.1 которого указано: «Законодательство об административных правонарушениях состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях» [1].

Одной из важнейших задач как федерального, так и регионального нормотворчества в данной сфере является принятие законов высокого правового качества, соответствующих всем требованиям, предъявляемым к нормативным правовым актам такого уровня. Между тем анализ законодательства об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации показывает, что по целому ряду своих параметров оно весьма далеко от совершенства. Не вдаваясь в содержательную часть всего массива регионального административно-деликтного законодательства, остановимся на вопросах, связанных с его технико-юридическими характеристиками. В свое время технико-юридические свойства законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях являлись предметом изучения таких известных ученых-административистов, как В. В. Игнатенко и М. Я. Масленникова, однако в последнее время интерес к этому направлению научного исследования административно-деликтного законодательства неоправданно снижается.

Технико-юридическое качество законов об административных правонарушениях В. В. Игнатенко определяет как устойчивую совокупность правовых свойств этих законов, характеризующую степень их соответствия выработанным наукой и законотворческой практикой правилам и приемам законодательной техники [2]. При оценке же технико-юридического качества законов им предлагается в первую очередь обращать внимание на качество их структурирования, правильность использования логических и языковых средств при изложении текстов законодательных актов.

К числу языковых требований относятся правила ясности, точности, нейтральности, экономичности юридических текстов, совершенства синтаксических конструкций, устойчивости способов выражения норм и т. д. Важнейшим неотъемлемым элементом законодательной техники является понятийно-терминологический аппарат. Как утверждают авторы одной из коллективных монографий, посвященной вопросам нормотворчества: «Единство используемого в законопроектной работе лексического инструментария – обязательное условие поддержания слаженной системы законодательства [3]. И наоборот, «нарушение логики закона, неточность его формулировок, неопределенность использованных терминов порождают многочисленные запросы, влекут дополнения, толкования и разъяснения, вызывают произвольную трату времени, сил и энергии и вместе с тем являются питательной почвой для бюрократической волокиты, позволяют извращать смысл закона и неправильно его применять» [4].

Понимание юридических терминов зависит от четкости их определения прежде всего в законодательных актах. К основным требованиям, предъявляемым к юридической терминологии, относятся: единство и общепризнанность юридической терминологии, ее стабильность (устойчивость) и точность. Применительно к законодательству об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации данные требования более чем актуальны, так как нередки случаи, когда дефиниции одних и тех же терминов варьируются от региона к региону, когда в текстах законов встречаются элементы разговорной речи, просторечия и жаргонизмы, оценочные термины и категории, а также иные нарушения юридико-лингвистических правил.

Обратимся к законодательной практике. Практически в каждом субъекте Российской Федерации предусматривается административная ответственность за нарушение тишины и покоя граждан в ночное время. С точки зрения юридической техники проблема состоит в том, что хронологические рамки понятия «ночное время» региональный законодатель определяет весьма произвольно. Так, в ст. 12 Закона Тамбовской области – с 23.00 до 7.00 [5]; ст. 12 Закона Ярославской области – с 22.00 до 6.00, а в период с 1 июня по 31 августа – с 23.00 до 6.00 [6]; ст. 14.9 Кодекса Волгоградской области – с 22.00 до 7.00 [7]; ст. 8.4 Кодекса Липецкой области – с 22.00 до 8.00 [8]. Согласно ст. 1 Закона Московской области под ночным временем понимается период времени с **22.00 до 6.00 часов в рабочие дни и с 23.00 до 9.00 часов в выходные дни** (суббота, воскресенье) [9]. Не проясняет содержание данного понятия и федеральное законодательство. В соответствии со ст. 96 ТК РФ ночным временем признается время с 22 до 6 часов, а согласно ст. 23 ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии

населения», отсылающей нас к СН 2.2.4/2.1.8.562-96, временные границы «ночного времени» устанавливаются с 23 до 7 часов утра.

Неоднозначно в законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях трактуется и понятие «крепкие спиртные напитки домашней выработки». В ст. 15 Закона Ярославской области под ними понимаются напитки с объемной долей этилового спирта более 28 %, в ст. 2.5 Закона Калужской области – спиртные напитки с содержанием этилового спирта более 22 % [10], в статье 2.1 Кодекса Пензенской области – спиртные напитки с содержанием спирта более 15% [11], а в статье 3.4 «Правонарушения в области изготовления и продажи крепких спиртных напитков домашней выработки» соответствующего Закона Рязанской области вообще отсутствует дефиниция данного понятия [12].

Анализ административно-деликтного законодательства субъектов Российской Федерации свидетельствует о наличии в нем элементов разговорной лексики, так называемых вульгаризмов, просторечий, а иногда и жаргонизмов. Так, разговорная лексика присутствует в составах административных правонарушений, указанных в статьях 3.11, 3.12 и п. 3 ст. 4.1 Закона Кировской области от 4 декабря 2007 г. № 200-ЗО «Об административной ответственности в Кировской области»: «приставание к гражданам с целью гадания...»; «захламление дворов, придомовых территорий, улиц бытовыми отходами, организация несанкционированных свалок бытовых и производственных отходов, – грунта и снега...»; «бытовое дебоширство» [13]. В ст. 5.11 Закона об административных правонарушениях в Ивановской области, устанавливающей административную ответственность за «семейно-бытовое дебоширство», даны определения таких его разновидностей, как «буйство» и «скандал» [14]. Статья 3.11 Кодекса об административных правонарушениях Республики Тыва называется «Изготовление с целью сбыта и (или) сбыт гражданами самогона, браги и других спиртосодержащих жидкостей» [15].

Жаргонизмы, как правило, проникают в законодательство об административных правонарушениях из уголовно-правовой сферы и чаще всего встречаются в нормах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Иллюстрацией может служить ст. 15.27 КоАП РФ «Неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», в которой используется жаргонизм из ст. 174 УК РФ «отмывание». Подобная тенденция наблюдается и в отдельных законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Жаргонное слово «притон», содержащееся в статьях 232 и 241 УК РФ, активно используется в региональном нормотворчестве (ст. 2.6 «Организация притона для распития браги, самогона, другой алкогольной и спиртосодержащей продукции» Закона «Об административных правонарушениях в Калужской области»). В статье 14.3 Кодекса Волгоградской области об административной ответственности дается весьма неоднозначное по своему юридическому содержанию определение притона, под которым региональный законодатель понимает «жилое (квартира, комната, дача, дом) или нежилое (подвал, чердак, сарай, гараж, склад и т.п.) помещение, систематически (два и более раза в течение года) предоставляемое лицом, являющимся собственником помещения, а равно осуществляющим право пользования им по иным основаниям, для распития спиртных напитков». Жаргонизмы из статьи 151 УК РФ «бродяжничество» и «попрошайничество» также нередко употребляются в региональном нормотворчестве (ст. 35 «Навязчивое приставание к гражданам» Кодекса Хабаровского края об административных правонарушениях) [16].

Некоторые жаргонные слова и выражения, давно исчезнувшие из норм федерального законодательства, до сих пор бытуют в отдельных законах субъектов Российской Федерации, регулирующих административно-деликтные правоотношения. Как справедливо отмечает в своей статье Е. П. Анищенко: «Хотя КоАП РФ, в отличие от КоАП РСФСР, не оперирует жаргонизмами наперсток, торговля с рук, их по-прежнему можно встретить в нормативных актах регионального уровня, в частности в Законе Кировской области».

Дублирование дефиниций, содержащихся в федеральном законодательстве – одна из типичных болезней, свойственных законодательству субъектов Российской Федерации. Статьей 2 Закона «Об административных правонарушениях на территории Смоленской области» установлено, что «в настоящем законе используются понятия и термины в значениях, установленных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях» [18]. Мысль совершенно здравая и правильная. Вместе с тем существует немало законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, в которых с неясной целью повторяются дефиниции понятий, прямо установленных КоАП РФ. Так, в статье 1.6 Кодекса Нижегородской области об административных правонарушениях и статье 1.2 Закона об административной ответственности Амурской области содержатся определения понятия должностного лица [19]. Еще дальше пошли разработчики Закона Новосибирской области об административных правонарушениях [20]. Они сочли нужным включить в его содержание дефиниции следующих понятий из федерального кодекса: «крайняя необходимость», «невменяемость», «малозначительность», «вина юридического лица», «действие законодательства об административных правонарушениях во времени» и др. Нормы Закона Краснодарского края от 23 июля 2003 года № 608-КЗ «Об административных правонарушениях» дублируют определения таких видов административных наказаний, как предупреждение и административный штраф (статьи 1.4 и 1.5 Закона) [21]. Но дальше всех пошли рязанские законодатели. В статье 1.4 Закона Рязанской области дано определение административного правонарушения, под которым понимается «противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Законом установлена административная ответственность». Чем местным законотворцам не угодило определение административного правонарушения, содержащееся в части 1 статьи 2.1 КоАП РФ, остается только догадываться.

Серьезную проблему для правоприменителя составляет наличие в административно-деликтном законодательстве «оценочных» понятий и категорий. Суть проблемы состоит в том, что содержание оценочных понятий и категорий составляют наиболее общие признаки того или иного явления, само это явление детально не раскрывается в правовой норме, а его наполнение осуществляется в процессе применения права. С одной стороны, использование оценочных правовых понятий обеспечивает определенную гибкость административной ответственности, позволяет более полно реализовать принцип справедливости в применении административных наказаний. С другой стороны, увлечение оценочными понятиями и категориями может привести к произвольному применению правовых норм, злоупотреблениям и правонарушениям коррупционной направленности.

Безусловно, количество оценочных понятий и категорий в региональном административно-деликтном законодательстве значительно меньше, чем в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Тем не менее подобные примеры не редкость. К ним, например, относятся: «иное общественное место» (ст. 19.1 Закона Тамбовской области); «ненадлежащее содержание» (ст. 1.7 Закона Калужской области); «навязчивое приставание» (ст. 35 Кодекса Хабаровского края); «проявление неуважения» (ст. 5.2 Кодекса Кабардино-Балкарской Республики) [22]; «трудная жизненная ситуация» (ст. 23 Закона Республики Крым) [23]; «другие ритуальные знаки памяти» (ст. 24 Закона Республики Бурятия) [24] и др.

Модернизация действующего законодательства является процессом объективным и неизбежным. К сожалению, многочисленные изменения и дополнения в административном законодательстве не носят системного характера и тем более не затрагивают вопросов совершенствования юридической техники. Полагаем необходимым провести научную «ревизию» административно-деликтного законодательства на предмет использования его понятийного аппарата. По итогам ее проведения юридическая терминология, используемая в законодательных актах, должна быть подвергнута унификации и стандартизации. Кроме того, желательно реанимировать практику создания внутрифедеральных модельных законов. Модельный закон «Об административной ответственности в субъекте Российской Федерации» в значительной мере помог бы улучшить качество регионально-административно-деликтного законодательства и повысить его эффективность.

Список использованных источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон Рос. Федерации, 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Государственной Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. // *Собрание законодательства Рос. Федерации*. – 2002. – № 1 (Ч. 1). – Ст. 1.
2. Игнатенко, В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях (Теоретические и прикладные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Игнатенко. – Екатеринбург. – 1999.
3. Организация законопроектной работы в системе федеральных органов исполнительной власти / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М., 2006. – С. 67.
4. Тимошенко, И. В. Понятийный аппарат законодательства об административной ответственности: состояние и направления развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. В. Тимошенко. – Ростов н/Д, 2006. – С. 4.
5. Об административных правонарушениях в Тамбовской области : Закон Тамбовской области, 29 окт. 2003 г., № 155-З // *Тамбовская жизнь*. – № 223. – 2003. – 11 нояб.
6. Об административных правонарушениях : Закон Ярославской области, 3 дек. 2007 г., № 100-З // *Губернские вести*. – № 98. – 2007. – 8 дек.
7. Кодекс Волгоградской области об административной ответственности : Закон Волгоградской области, 11 июня 2008 г., № 1693-ОД // *Волгоградская правда*. – № 105. – 2008. 18 июня.
8. Кодекс Липецкой области об административных правонарушениях : Закон Липецкой области, 31 авг. 2004 г., № 119-ОЗ // *Липецкая газета*. – № 177. – 2004. – 10 сент.
9. Об обеспечении тишины и покоя граждан на территории Московской области : Закон Московской области, 7 марта 2014 г., № 16/2014-ОЗ // *Ежедневные Новости. Подмосковье*. – № 48. – 2014. – 19 марта.
10. Об административных правонарушениях в Калужской области : Закон Калужской области, 28 февр. 2011 г., № 122-ОЗ // *Весть*. – № 80-82. – 2011. – 4 марта.
11. Кодекс Пензенской области об административных правонарушениях : Закон Пензенской области, 2 апр. 2008 г., № 1506-ЗПО // *Пензенские Губернские ведомости*. – № 17. – 2008. – 15 апр.
12. Об административных правонарушениях : Закон Рязанской области, 4 дек. 2008 г., № 182-ОЗ // *Рязанские ведомости*. – № 233. – 2008. 10 дек.
13. Об административной ответственности в Кировской области : Закон Кировской области, 4 дек. 2007 г., № 200-ЗО // *Вятский край*. – № 234. – 2007. – 19 дек.
14. Об административных правонарушениях в Ивановской области : Закон Ивановской области, 24 апр. 2008 г., № 11-ОЗ // *Ивановская газета*. – № 76. – 2008. – 26 апр.
15. Кодекс Республики Тыва об административных правонарушениях : Закон Респ. Тыва, 30 дек. 2008 г., № 905 ВХ-П // *Тувинская правда*. – № 9. – 2009. – 30 янв.
16. Кодекс Хабаровского края об административных правонарушениях : Закон Хабаровского края, 24 июня 2009 г., № 256 // *Приамурские ведомости*. – № 104. – 2009. – 17 июля.
17. Анищенко, Е. П. Лексические несовершенства современного российского законодательства / Е. П. Анищенко // *Современное право*. – 2008. – № 7. – С. 124.

18. Об административных правонарушениях на территории Смоленской области : Закон Смоленской области, 25 июня 2003 г., № 28-З // Смоленская газета (приложение 1). – 2003. – 26 мая.
19. Об административной ответственности в Амурской области : Закон Амурской области, 30 марта 2007 г., № 319-ОЗ // Вестник Администрации Амурской области. – № 3. – 2007. – 1 апр.
20. Об административных правонарушениях в Новосибирской области : Закон Новосибирской области, 14 февр. 2003 г., № 99-ОЗ // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов. – № 9. – 2003. – 28 февр.
21. Об административных правонарушениях : Закон Краснодарского края, 23 июля 2003 г., № 608-КЗ // Кубанские новости. – № 125. – 2003. – 29 июля.
22. Кодекс Кабардино-Балкарской республики об административных правонарушениях : Закон Кабардино-Балкарской Респ., 22 июля 2003 г., № 66-РЗ // Кабардино-Балкарская правда. – № 173–176. 2003. – 25 июля.
23. Об административных правонарушениях в Республике Крым : Закон Респ. Крым, 25 июня 2015 г., № 117-ЗРК/2015 // Крымские известия. – № 126. – 2015. – 4 июля.
24. Об административных правонарушениях : Закон Респ. Бурятия, 5 мая 2011 г., № 2003-IV // Бурятия. – № 79. – 2011. – 7 мая.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В РОССИИ С ПОЗИЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ

Безвербная Марина Юрьевна,
заведующий кафедрой государственно-муниципального управления и предпринимательского права
Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Иркутск,
кандидат экономических наук, доцент

Арбитражный управляющий в Российской Федерации осуществляет ряд целенаправленных и взаимосвязанных действий во время ведения различных процедур банкротства, в зависимости от их назначения, направленных на получение конкретного результата – реабилитации или ликвидации предприятия-должника. Однако наблюдается ситуация, в которой часто Арбитражным судом назначается один и тот же арбитражный управляющий на все процедуры банкротства (реабилитационные и ликвидационные), которые вводятся в отношении конкретного должника, что в итоге приводит к негативным последствиям.

Для эффективного осуществления процедур банкротства в Российской Федерации предлагается разделить функции арбитражного управляющего (в соответствии с французским законодательством о несостоятельности), в результате чего появятся *судебные администраторы*, осуществляющие только восстановление платежеспособности должников, и *судебные представители*, реализующие только ликвидационную процедуру. Вследствие такого разделения у арбитражных управляющих будет отсутствовать заинтересованность в затягивании процедур банкротства и перевода должника в конкурсное производство, тем самым будет исключена возможность появления «институциональной ловушки».

Для преодоления возникающих тенденций необходимо активно развивать институт саморегулирования и совершенствовать законодательство о несостоятельности (банкротстве) в России, что предполагает: наложение прямого запрета на привлечение арбитражным управляющим специалистов для оказания консалтинговых, юридических услуг без согласования с саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих (далее – СРО); исключение из обязанностей арбитражного управляющего положений о выявлении признаков преднамеренного (фиктивного) банкротства и расширение требований к проведению анализа финансового состояния должника необходимым составом показателей; наделение органов государственной власти правом давать заключение (проводить экспертизу) на предмет наличия признаков преднамеренного (фиктивного) банкротства; установление жестких сроков завершения процедуры конкурсного производства, предполагающие ее продление не более шести месяцев и не более двух раз; установление порядка передачи нереализованного в ходе конкурсного производства имущества, оборот которого ограничен в силу норм федерального законодательства, на баланс федеральных органов власти; введение положения об обязательности согласования собранием кредиторов производственной деятельности в конкурсном производстве и сметы расходов конкурсного управляющего; введение права СРО на немотивированную замену арбитражного управляющего; ужесточение контроля за деятельностью арбитражных управляющих со стороны СРО.

Использование этих правовых инструментов позволит не только повысить эффективность проведения процедур банкротства, но и снизить напряженность между кредиторами, в том числе уполномоченным органом, и арбитражными управляющими, повысить как защищенность кредиторов в процедуре банкротства, так и арбитражных управляющих, которые четко будут знать какие расходы и в какой сумме они могут произвести без негативных последствий для себя.

На сегодня актуален вопрос нормативного регулирования определения размера вознаграждения арбитражного управляющего по законодательству Российской Федерации как одного из основных элементов обеспечения профессионализма и качества выполнения им должностных полномочий [1, с. 10].

Именно от качества и эффективности деятельности арбитражных управляющих зависит качество и эффективность проведения процедур банкротства. В свою очередь, обеспечение профессионализма и качество работы

арбитражных управляющих напрямую зависит от уровня их вознаграждения. В связи с этим считаем необходимым усовершенствовать правовое регулирование, направленное на размер вознаграждения арбитражного управляющего.

Способы определения размера вознаграждения за рубежом можно разделить на следующие группы: нормативное определение в законодательстве (Франция, Германия, Бельгия); договорное определение – законодательством определено, что размер вознаграждения устанавливается соглашением между кредиторами и управляющим (Великобритания, Чехия); смешанное регулирование (Англия, Австралия).

Несоответствие размера вознаграждения арбитражного управляющего, определенного в Федеральном законе Российской Федерации от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), реальной экономической ситуации, а также недостаток регулятивного определения вознаграждения приводит к его зависимости от спроса на предоставление услуг арбитражных управляющих. Это приводит, с одной стороны, к ограничению конкуренции в связи с законодательными ограничениями на доступ к профессиональному рынку, а с другой – к нарушению рыночного равновесия на рынке соответствующих услуг.

В связи с этим трудно говорить о свободно действующем механизме ценообразования в данном секторе, что обуславливает высокую чувствительность цен. Поэтому законодатели вынуждены устанавливать минимальный размер вознаграждения при выборе договорного порядка регулирования с целью защиты интересов арбитражных управляющих и максимальный уровень вознаграждения в целях защиты интересов должника и кредиторов.

Таким образом, договорной порядок определения вознаграждения может привести к тому, что кредиторы, минимизируя свои расходы, будут устанавливать минимальное вознаграждение, предусмотренное законом, либо арбитражный управляющий в сговоре с отдельными кредиторами «запросит» чрезмерно высокую плату, уменьшая тем самым конкурсную массу и нанося ущерб другим кредиторам и должнику.

Существенной проблемой нормативного определения является выбор критерия для установления размера вознаграждения арбитражного управляющего. Чаще других иностранным законодательством в качестве критериев используются пропорциональная зависимость от размера конкурсной массы и размера средств, направляемых на погашение требований кредиторов, а также размер активов должника и размер удовлетворения требований должника.

В этой связи в ряде стран отдается предпочтение смешанному регулированию, предусматривающему возможность договорного установления размера вознаграждения, если арбитражный управляющий и кредиторы согласятся на вариант, отличный от нормативно установленного.

Тем более с точки зрения полномочий суда по утверждению или изменению ранее утвержденного размера вознаграждения арбитражного управляющего существует значительное количество вариантов размера вознаграждения, зависящих от типа регулирования. При этом в рамках одного правового пространства полномочия суда могут меняться, исходя из конкретной ситуации.

Например, в Германии при существовании нормативного регулирования размера вознаграждения арбитражного управляющего судам предоставлено право изменять его размер с учетом сложности процедуры банкротства. В Австралии в зависимости от применимых правил (договорное или нормативное определение вознаграждения) суды имеют различный объем прав: от проверки соответствия выплаты вознаграждения установленным правилам до контроля за исполнением договора об установлении размера вознаграждения. В Великобритании суд вправе снизить размер вознаграждения, если он является, по его мнению, завышенным или переходит разумный порог расходования средств конкурсной массы [2, с. 547].

Существенным отличием российского регулирования выплаты вознаграждения арбитражному управляющему является то, что практически во всех правовых системах действует принцип: «вознаграждение заработано по окончании процедур, а не в связи с назначением», что предполагает его выплату исключительно по конечному результату, а не в связи с самой деятельностью. В ряде случаев в зарубежном законодательстве допускается возможность авансовой выплаты вознаграждения, однако четко определенный характер такой выплаты «по конечному результату» позволяет взыскать полученные суммы, если в итоге работы не были выполнены.

Основная проблема выплаты денежного вознаграждения арбитражному управляющему в России заключается в том, что его осуществление происходит за счет имущества должника. На практике мы наблюдаем такую ситуацию, что предприятие, проходящее процедуру банкротства, например наблюдение, не имеет никаких активов. Эти активы уже были выведены еще до начала процедуры банкротства. Возникает вопрос: а за счет чего или кого будет осуществляться выплата денежного вознаграждения арбитражному управляющему?

Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 дополнительно было разъяснено: применяя п. 5 статьи 20.6 о праве суда увеличить размер фиксированной суммы вознаграждения, следует иметь в виду, что, поскольку такое вознаграждение выплачивается арбитражному управляющему за счет средств должника, указанное увеличение возможно лишь при доказанности наличия у должника средств, достаточных для выплаты повышенной суммы вознаграждения [3, с. 13].

Порядок выплаты и размеры дополнительного вознаграждения арбитражного управляющего зависят от воли собрания кредиторов. Кроме того, данный вид вознаграждения не является обязательным и может вообще не выплачиваться арбитражному управляющему. Решение об установлении дополнительного вознаграждения арбитражному управляющему не подлежит утверждению судом и выплачивается в соответствии с решением собрания кредиторов. В этой ситуации необходимо посмотреть на опыт французского законодательства о банкротстве в части выплаты дополнительного денежного вознаграждения. В российское законодательство о банк-

ротстве необходимо внести изменения о фиксированной (постоянной) и переменной составляющей вознаграждения арбитражному управляющему.

При расчете переменной части вознаграждения арбитражного управляющего в России применяется балансовая стоимость активов должника по состоянию на последнюю отчетную дату, но не выше балансовой стоимости активов должника на дату введения процедуры банкротства, применительно к которой рассчитывается вознаграждение. Переменная часть размера вознаграждения арбитражного управляющего, по нашему мнению, должна включать объем функций, выполняемых арбитражным управляющим в рамках соответствующей процедуры банкротства, а также учитывать объем работы, связанный с особенностями реализации процедур банкротства в отношении отдельных категорий должников, установленных законом о банкротстве.

При определении размера вознаграждения арбитражного управляющего необходимо, на наш взгляд, дополнительно учитывать следующие критерии: процент удовлетворения требований кредиторов либо восстановления платежеспособности; квалификацию и профессиональный опыт арбитражного управляющего.

В соответствии с Законом о банкротстве за счет выплачиваемого вознаграждения арбитражные управляющие также обязаны осуществлять обязательные текущие расходы, связанные с их деятельностью, например, обязательная публикация о введении соответствующей процедуры банкротства, проведении торгов, уведомление всех конкурсных кредиторов.

Представляется недопустимым установление вознаграждения арбитражного управляющего в размере менее суммы обязательных расходов и, соответственно, не обеспечивающем экономическую заинтересованность в осуществлении арбитражным управляющим своих функций. В этой связи при определении вознаграждения арбитражного управляющего уполномоченным органом целесообразно учитывать следующее.

В соответствии с п. 2 ст. 24.1 Закона о банкротстве арбитражный управляющий в течение десяти дней с даты его утверждения арбитражным судом должен дополнительно застраховать свою ответственность на случай причинения убытков лицам, участвующим в деле о банкротстве, в размере, зависящем от балансовой стоимости активов должника по состоянию на последнюю отчетную дату, предшествующую дате введения соответствующей процедуры банкротства [4].

В связи с этим вознаграждение арбитражного управляющего должно обеспечивать возможность оплаты арбитражным управляющим страховой премии по дополнительному страхованию, определение размера которой целесообразно осуществлять в соответствии с текущими рыночными условиями.

При определении суммы вознаграждения немаловажным является и такой фактор, как количество поступающих жалоб на действия арбитражного управляющего и нарушений. При наличии систематических нарушений законодательства арбитражным управляющим и жалоб на его действия (бездействие) необходимо снижать переменную составляющую вознаграждения.

Таким образом, все выше перечисленные факторы влияют на размер вознаграждения арбитражного управляющего и от этого напрямую оказывают влияние на качественное проведение арбитражным управляющим процедур банкротства в интересах должника, кредиторов и общества.

Учет предложенных параметров и зарубежной практики позволит существенно повысить эффективность и прозрачность процедур банкротства, поднять правовой статус профессии арбитражного управляющего в России на высокий уровень и будет способствовать качественному и эффективному выполнению им своих обязанностей.

Список использованных источников

1. Церенов, Ц. Д. Определение размера вознаграждения арбитражного управляющего / Ц. Д. Церенов // Эффективное антикризисное управление. – 2005. – № 36–37. – С. 10–11.
2. Wilson, R. Bankruptcy prediction using neural networks / R. Wilson // Decision Support Systems. – 2004. – No 11(5). – P. 545–557.
3. О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации, 23 июля 2009 г., № 60 // Вестник ВАС Рос. Федерации. – 2009. – № 9. – С. 12–15.
4. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон Рос. Федерации, 26 окт. 2002 г., № 127-ФЗ // Рос. газ. – 2002. – 2 нояб.

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Валюшко-Орса Наталья Викторовна,
доцент кафедры государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск
кандидат юридических наук

Законодательство, регулирующее правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике

Беларусь, постоянно совершенствуется. В нем широко, всесторонне и многопланово закреплены права, свободы и обязанности данных лиц с учетом происходящих процессов демократизации развития общества в целом.

В настоящее время множество нормативных правовых актов определяют и регулируют правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь. Это создает серьезные затруднения для их использования. Было бы целесообразно данную множественность нормативных правовых актов, регулирующих основные права, свободы и обязанности иностранных граждан и лиц без гражданства, систематизировать. В связи с этим возникает необходимость в разработке и принятии Миграционного кодекса Республики Беларусь. Именно в нем должно быть сконцентрировано содержание всего многообразия законодательных актов, касающихся правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [1, с. 9].

Принимая во внимание сложный и многообразный характер отношений в сфере обеспечения правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, структурно Миграционный кодекс следует подразделить на общую и особенную части.

В общей части следует дать основные понятия, касающиеся миграции. Целесообразно не только определить основные категории иностранных граждан и лиц без гражданства в зависимости от особенностей их правового режима в Республике Беларусь, но и дать им четкие характеристики. Следует определить общие для граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства основные права, свободы и обязанности, а также специфические права и обязанности иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь. Кроме того, необходимо закрепить основные гарантии прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь.

Что касается специфических прав и обязанностей иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, то к ним можно отнести: право убежища; право на вступление в белорусское гражданство; право дипломатических и консульских представителей иностранных государств на обладание определенными привилегиями и иммунитетом. Кроме того, особым образом регулируются порядок въезда, выезда и транзитного проезда иностранных граждан и лиц без гражданства через территорию Республики Беларусь.

В особенной части следует закрепить: порядок выезда граждан Республики Беларусь из страны и въезда в страну; порядок въезда иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь; порядок выезда иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь; порядок транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь; порядок постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь; порядок временного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь; порядок временного пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь; порядок оформления виз на въезд в Республику Беларусь; порядок выдачи разрешения на временное проживание в Республике Беларусь; порядок выдачи разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь; порядок получения вида на жительство в Республике Беларусь; порядок депортации, высылки и передачи иностранных граждан и лиц без гражданства сопредельным государствам; ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь; и другие вопросы.

С учетом вышеизложенного разработка и принятие Миграционного кодекса Республики Беларусь позволит решить ряд взаимосвязанных задач: создать единый, целостный механизм правового регулирования на базе уже сложившегося законодательства о правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства, систематизировав и упорядочив действующие нормы права, а также конкретизировать те позиции, которые являются основополагающими во всей сфере миграционных процессов; повысить эффективность управления миграционными потоками; повысить до законодательного уровня регулирование части отношений в сфере обеспечения правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства; способствовать осуществлению мер по разумной интеграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь; усовершенствовать меры по своевременному выявлению, предупреждению и пресечению незаконной миграции в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. Валушко, Н. В. Научно-методические рекомендации по изучению конституционно-правового статуса иностранцев и лиц без гражданства в Республике Беларусь / Н. В. Валушко. – Минск : Право и экономика, 2008. – 28 с.

ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ И САНКЦИЙ С ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Власова Елена Львовна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ВСФ ФГБОУ ВО РГУП, г. Иркутск,
кандидат педагогических наук, доцент

Статья 57 Конституции Российской Федерации гласит «каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы». Исходя из смысла данной статьи, обязанность платить налоги, или налоговая обязанность – это конституционная обязанность граждан своевременно и в полном объеме уплачивать законно установленные

налоги и сборы в пользу государства и муниципальных образований. Таким образом, налог следует рассматривать как средство упорядочения финансовых отношений гражданина и государства. Гражданину он указывает меру его обязанности, а налоговому органу – меру дозволенных действий. Попробуем определить пределы дозволенных действий налоговых органов и границы их применения. Итак, в основе любого, в том числе налогового правоотношения лежит юридический факт, то есть, обстоятельство, которое ведет к возникновению налоговой обязанности, ее изменению и прекращению. В соответствии с п. 1, 2 ст. 44 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) к основаниям возникновения налоговой обязанности относят: во-первых, наличие объекта конкретного налога или сбора (дохода – в налоге на доходы физических лиц или транспортного средства – в транспортном налоге и др.); во-вторых, наличие непосредственной связи между объектом налога (сбора) и субъектом (налогоплательщиком). Например, для возникновения налоговой обязанности по уплате земельного налога физическое лицо должно иметь титул собственности на земельный участок и др.; в-третьих, наступление срока уплаты налога или сбора, критерии определения которого указаны в ст. 57 п. 3 НК РФ. При этом сроки уплаты налогов и сборов устанавливаются применительно к каждому налогу и сбору, нарушение данного срока влечет начисление пени.

В соответствии с требованиями НК РФ общим правилом является возложение обязанности на налогоплательщиков самостоятельно исчислять сумму налога, подлежащую уплате за налоговый период, исходя из налоговой базы, налоговой ставки и налоговых льгот. Примером самостоятельного исчисления налога налогоплательщиком является налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций, НДС, акцизы. В случаях, предусмотренных законодательством, обязанность по исчислению суммы налога может быть возложена на налоговый орган или налогового агента. В случае если обязанность по исчислению суммы налога возлагается на налоговый орган, это прежде всего касается поимущественных налогов, уплачиваемых физическими лицами: земельного налога, транспортного налога, налога на имущество физических лиц, то не позднее 30 дней до наступления срока платежа налоговый орган направляет налогоплательщику налоговое уведомление (ст. 52 п. 2 НК РФ). Налоговое уведомление содержит сведения о сумме налога, подлежащей уплате, об объекте налогообложения, о налоговой базе, а также о сроке уплаты налога. Исходя из этого следует, что объем налогового обязательства, подлежащего исполнению налогоплательщиком – физическим лицом по поимущественным налогам, определяется в налоговом уведомлении.

В идеале налогоплательщик – физическое лицо, получив налоговое уведомление, уплачивает в указанные в нем сроки требуемую сумму налога. По общему правилу моментом исполнения налогоплательщиком своей обязанности по уплате налога служит:

момент передачи физическим лицом в банк поручения на перечисление в бюджетную систему России на соответствующий счет Федерального казначейства без открытия счета в банке денежных средств, предоставленных банку физическим лицом, при условии их достаточности для перечисления (подп. 1.1 п. 3 ст. 45 НК РФ);

со дня внесения физическим лицом в банк, кассу местной администрации либо в организацию федеральной почтовой связи наличных денежных средств для их перечисления в бюджетную систему РФ на соответствующий счет Федерального казначейства (подп. 3 п. 3 ст. 45 НК РФ).

Однако не всегда налогоплательщик – физическое лицо добровольно исполняет обязанность по уплате налога. Причины могут быть тут самые разные: длительная болезнь, отъезд, отсутствие денежных средств, работы, своеобразная демонстрация своей гражданской позиции – не в этом суть, а в том, что налоговые органы вынуждены применять принудительный порядок взыскания обязательных платежей и санкций с физических лиц, все это требует дополнительного временного и человеческого ресурса, материальных затрат и как следствие неисполнение отдельных статей Федерального бюджета по доходам.

Со вступлением в силу Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) [1] налоговые органы для реализации своих полномочий по принудительному взысканию обязательных платежей и санкций с физических лиц стали предъявлять административные иски в районные суды в качестве суда первой инстанции. Статьей 287 КАС РФ определены требования к административному исковому заявлению о взыскании обязательных платежей и санкций, а именно: административный иск оформляется только в письменной форме и подписывается руководителем налогового органа, от имени которого подается заявление; в административном иске указываются наименование обязательного платежа, подлежащего взысканию, размер денежной суммы, составляющей платеж, и ее расчет; положения федерального закона или иного нормативного правового акта, предусматривающие уплату обязательного платежа; сведения о направлении требования об уплате платежа в добровольном порядке.

Дополнительно при взыскании санкций указываются: нормативный правовой акт, устанавливающий санкцию; размер и расчет денежной суммы, составляющей санкцию, в случае, если она имеет имущественный характер.

Нормы КАС РФ определяют право налоговых органов обратиться с административным иском о взыскании с физических лиц денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций при наличии следующих условий: наличие задолженности по обязательным платежам; неисполнение требования налогового органа об уплате взыскиваемой денежной суммы в добровольном порядке (если пропущен указанный в таком требовании срок уплаты денежной суммы и федеральным законом не предусмотрен иной порядок взыскания обязательных платежей и санкций, иск может быть подан в суд в течение шести месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате обязательных платежей и санкций).

Рассмотрим это более подробно на примере поимущественных налогов, уплачиваемых физическими лицами.

Определяющим документом для принудительного взыскания по транспортному налогу, земельному налогу

и налогу на имущество физических лиц является налоговое уведомление. Налоговое уведомление должно быть передано физическому лицу (его представителю) лично под расписку, в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи или через личный кабинет налогоплательщика, по почте заказным письмом, при этом направление налогового уведомления через личный кабинет предусмотрено законодательством с 1 июля 2015 г.

В случае направления налогового уведомления по почте заказным письмом налоговое уведомление считается полученным по истечении шести дней с даты направления заказного письма (ст. 52 п. 4 НК РФ). Если налогоплательщик не получил налоговое уведомление, он не считается обязанным платить налог (ст. 57 п. 4 НК РФ).

Без налогового уведомления и его вручения для физических лиц не возникает самой обязанности по уплате земельного налога, транспортного налога и налога на имущество физических лиц [3]. Исходя из этого следует, что если не представлено доказательство вручения налогового уведомления, то не имеется доказательства возникновения обязанности по уплате поимущественных налогов, а соответственно отсутствует недоимка. На сегодня это одна из самых значимых проблем по рассматриваемому вопросу, и, возможно, налоговому органу необходимо ее решать кардинально, путем внесения изменения в законодательство в части вручения налогового уведомления, например, через налоговых агентов, отделы кадров для работающих налогоплательщиков, пенсионные отделы. Установление факта вручения налогового уведомления является юридически значимым обстоятельством для правильного разрешения требования налоговых органов по налогам, уплачиваемых физическими лицами.

Следующим документом для реализации процедуры принудительного взыскания недоимок является требование об уплате налога, сбора, пеней, штрафов. Налоговое требование должно быть передано физическому лицу (его законному или уполномоченному представителю) лично под расписку, направлено по почте заказным письмом, передано в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи или через личный кабинет налогоплательщика в течение трех месяцев со дня выявления недоимки (п. 1 ст. 70 НК РФ). В случае если сумма недоимки и задолженности по пеням и штрафам, относящейся к этой недоимке, составляет менее 500 рублей, требование об уплате налога должно быть направлено налогоплательщику не позднее одного года со дня выявления недоимки. Срок исполнения требования 8 дней с даты получения указанного требования, если более продолжительный период времени для уплаты налога не указан в этом требовании (ст. 69 п. 4 НК РФ), при этом в случае направления указанного требования по почте заказным письмом оно считается полученным по истечении шести дней с даты направления заказного письма. В налоговом требовании определяются юридически значимые обстоятельства для принудительного взыскания, а именно:

направление требования об уплате налогов, сборов, пеней, штрафов является обязательным условием, предшествующим подаче в суд заявления о взыскании недоимок. По сути, этим документом определяется внесудебное и досудебное разрешение разногласий между налоговым органом и налогоплательщиком – физическим лицом. Суд не может принято административный иск без указанного документа и доказательства его вручения способами, которые были перечислены выше;

в налоговом требовании установлены специальные требования о предельном размере требований, которые могут быть заявлены налоговыми органами в суд. Налоговый орган согласно ст. 48 НК РФ может заявить в административном иске требования только в пределах сумм, указанных в требовании об уплате налогов, сборов, пеней, штрафов;

требование об уплате налогов, сборов, пеней, штрафов не может заменить собой налогового уведомления;

срок, указанный в требовании об уплате налогов, сборов, пеней, штрафов для его исполнения, является определяющим для исчисления срока обращения налогового органа с административным иском.

Таким образом, ст. 48, 52, 54, 57 НК РФ и гл. 32 КАС РФ определен перечень документов, которые должны быть приложены к административному иску. Это налоговое уведомление и доказательство его вручения, требование об уплате налога, сбора, пени, штрафов и доказательства его вручения, доказательство направления копии административного иска налогоплательщику. Сроки обращения с административными исками о взыскании обязательных платежей и санкций остались прежними – шесть месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате обязательных платежей и санкций (п. 2 ст. 48 НК РФ). Данный срок не является пресекательным и может быть восстановлен при наличии уважительных причин пропуска. При этом положения ст. 289 КАС РФ прямо возлагают на суд обязанность по проверке соблюдения срока обращения в суд. Таким образом, если суд устанавливает пропуск срока обращения в суд и налоговый орган не заявляет о его восстановлении или суд не восстанавливает срок обращения, то в удовлетворении административного иска должно быть отказано (ст. 286, 289 КАС РФ, ст. 48 НК РФ).

Если же административный иск удовлетворен, то суд выносит решение, при этом согласно ч. 1 ст. 289 КАС РФ по делам о взыскании обязательных платежей и санкций установлен трехмесячный срок рассмотрения, независимо от того, в каком суде рассматривается дело (гл. 32 КАС РФ). Согласно ст. 290 КАС РФ в решении суда по административному делу должен быть указан общий размер подлежащей взысканию денежной суммы с определением отдельно основной задолженности и санкций.

В порядке, установленном гл. 7 КАС РФ, суд вправе наложить арест на имущество административного ответчика в размере, не превышающем объема заявленных требований. С того момента, когда был наложен арест на имущество, пени за несвоевременное перечисление налогов не начисляются (п. 6 ст. 48 НК РФ). Любое решение, в том числе по административным искам, может быть обжаловано. Решение суда, не вступившее в законную силу, обжалуется в апелляционном порядке в Верховный Суд субъекта, а затем судебные постановления, вступившие в законную силу, могут быть обжалованы в кассационном порядке. Кассационное обжалование судебных постановлений возможно только при условии, что лица, обратившиеся с кассационной жалобой,

ранее обжаловали судебное решение в апелляционном порядке. На основании решения, вступившего в законную силу, выдается только исполнительный лист (ст. 353 КАС РФ).

Взыскание на имущество физических лиц по исполнительным документам обращается в первую очередь на его денежные средства в рублях и иностранной валюте и иные ценности, в том числе находящиеся на счетах, во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях. Взыскание на денежные средства должника в иностранной валюте обращается при отсутствии или недостаточности у него денежных средств в рублях.

Если у должника нет денежных средств или их не хватает для покрытия долга, взыскание обращается на иное имущество, принадлежащее ему на праве собственности, кроме имущества, изъятого из оборота, имущества, на которое в соответствии с федеральным законом не может быть обращено взыскание. Должник вправе указать имущество, на которое он просит обратить взыскание в первую очередь, но окончательно очередность обращения взыскания на имущество должника определяется судебным приставом – исполнителем. Статьей 446 ГПК РФ определен перечень имущества, принадлежащего гражданину – должнику на праве собственности, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительному листу. Судебный пристав – исполнитель в целях обеспечения исполнения исполнительного документа, содержащего требования об имущественных взысканиях, вправе, в том числе в течение срока, установленного для добровольного исполнения должником содержащихся в исполнительном документе требований, наложить арест на имущество должника. При этом судебный пристав – исполнитель вправе не применять правила очередности обращения взыскания на имущество должника. Обязанность по уплате налога, сбора, пеней, штрафов за счет имущества физического лица, считается исполненной с момента реализации такого имущества и погашения задолженности за счет вырученных сумм.

Резюмируя изложенное, следует признать, что с принятием КАС РФ был сформирован правовой институт принудительного взыскания обязательных платежей и санкций с физических лиц, реализация норм которого должна осуществляться в единстве с нормами НК РФ. Теперь для реализации своих полномочий по принудительному взысканию обязательных платежей и санкций налоговые органы обязаны предъявлять административные иски. Законодательство с 15 сентября 2015 г. исключило применение ранее действующих упрощенных процедур принудительного взыскания обязательных платежей и санкций, за исключением случаев, установленных КАС РФ для письменного производства (гл. 33 КАС РФ). Однако, думается, чтобы достичь результатов снижения нагрузки на судебную систему за счет введения данной процедуры, необходимо решить иные вопросы, связанные с порядком вручения налогового уведомления, налогового требования налогоплательщикам – физическим лицам, соблюдения сроков подачи иска налоговыми органами и сроками ознакомления ответчика с административным иском.

Список использованных источников

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Кодекс Рос. Федерации, 8 марта 2015 г., № 21-ФЗ; принят Государственной Думой 20 февр. 2015 г. : одобр. Советом Федерации 25 февр. 2015 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая. – М. : Проспект, КноРус, 2014. – 1024 с.

3. Дело об оспаривании требования налогового органа об уплате налогов, сборов, пеней и штрафов [Электронный ресурс] : определение Верховного Суда Рос. Федерации, 28 июля 2010 г., № 4-В-10-16 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

4. Цинделиани, И. А. Правовое регулирование взыскания недоимок по налогам, сборам, пеням, штрафам с налогоплательщиков-физических лиц: современное законодательство и правоприменительная практика / И. А. Цинделиани // Финансовое право. – 2012. – № 11. – С. 14–21.

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 29 ДЕКАБРЯ 2015 Г. № 391-ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Куленко Наталья Ивановна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Института права ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск,
кандидат юридических наук

В статье рассматриваются некоторые изменения и дополнения в правовом регулировании нотариальной деятельности в Российской Федерации, внесенные Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В частности, указывается на положительный эффект законодательного закрепления института исполнительной надписи нотариуса, обязательной нотариальной формы отдельных видов сделок с недвижимостью. Рассматривается порядок участия и роль нотариата в сфере защиты прав бизнесменов. Указывается также на активное внедрение нотариатом в своей деятельности электронных технологий, позволяющих повысить достоверность и защищенность юридически важной информации.

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] вступил в силу с 29 декабря 2015 г., за исключением отдельных его положений.

В указанном Законе предусмотрено значительное количество статей, предусматривающих внесение изменений и дополнений, касающихся полномочий нотариуса и порядка осуществления отдельных нотариальных действий. Так, законодатель отчасти разрешил вопрос, являющийся предметом многолетних дебатов, а именно о необходимости участия нотариусов в заключении сделок с недвижимостью, дополнив ст. 30 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [2] (далее – Закон о регистрации) пунктом 2 следующего содержания: «Сделки, связанные с распоряжением недвижимым имуществом на условиях доверительного управления или опеки, а также сделки по продаже недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему гражданину или гражданину, признанному ограниченно дееспособным, подлежат нотариальному удостоверению». Непонятно только, почему законодатель обошел своим вниманием такую категорию субъектов гражданских правоотношений, нуждающихся в особой защите государства, как лица, признанные недееспособными в установленном законом порядке. Логично было бы включить в данный перечень все категории лиц, которым государство должно обеспечить усиленную защиту.

Законодатель, наконец, обратил внимание на проблемы, возникающие при продаже доли (долей) в общей собственности на недвижимое имущество третьему лицу. Теперь указанные сделки подлежат обязательному нотариальному удостоверению (п. 1 ст. 24 Закона о регистрации). В указанном пункте конкретизированы положения ст. 250 ГК РФ. В частности, такая сделка может быть совершена не ранее чем по истечении одного месяца со дня извещения владельцем этой доли остальных участников долевой собственности о принятом решении по поводу отчуждаемого имущества. Однако нотариус может удостоверить сделку до окончания месячного срока, если продавец доли представит ему письменный отказ остальных участников долевой собственности выкупить объект сделки.

Удостоверяя сделку по продаже доли в общей собственности, нотариус обязан проверить соблюдение условий, предусмотренных ст. 250 ГК РФ. Иначе говоря, появилась гарантия того, что сособственникам действительно будет предложено выкупить продаваемую долю по цене не выше той, по которой ее смогут выкупить третьи лица. На практике чаще всего доли в общей собственности продаются на фоне неприязненных отношений между сособственниками, возникших вследствие разногласий по поводу порядка пользования этим имуществом. В такой ситуации именно нотариус разъяснит сторонам последствия заключаемой сделки, проследит за тем, чтобы она совершалась в добровольном порядке и в соответствии с требованиями закона.

Сделка по продаже земельной доли теперь также должна быть нотариально удостоверена (п. 3 ст. 24¹ Закона о регистрации). Думается, что более правильным было бы закрепление обязательной нотариальной формы для отдельных видов сделок в нормах Гражданского кодекса РФ, а не в Федеральном законе, регулирующем процедуру регистрации прав на недвижимость.

Включены в закон № 391-ФЗ и нормы, касающиеся развития деятельности нотариата с помощью электронных технологий. Так, с 1 июля 2014 г. введена в действие единая информационная система нотариата, которая содержит сведения о совершенных нотариусами нотариальных действиях, удостоверенных завещаниях (в том числе сведения об отмененных и признанных недействительными), наследственных делах, уведомлениях о залоге имущества и др. (ч. 1–2 ст. 34.2 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 [3], далее – Основы). Законодатель предусмотрел поэтапный переход всех нотариусов к регистрации нотариальных действий в электронной форме, который должен завершиться к 1 января 2018 г. (п. 1 ст. 20 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]).

У нотариусов теперь есть возможность совершать нотариальные действия, оформляя документы в электронном виде. В некоторых случаях обратившиеся лица могут оформить электронные документы при условии наличия у них усиленной квалифицированной электронной подписи, полученной в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [5]. Данное требование применяется в случае, когда электронные документы, удостоверяемые нотариально, должны быть подписаны заявителем.

Данным федеральным законом также уточнены требования к условиям совершения нотариусом такого нотариального действия, как удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе и наоборот (ст. 103.8–103.9 Основ). В частности, указано, что не подлежат переводу в цифровой вид документы, удостоверяющие личность, а также документы, подтверждающие заключение сделок в простой письменной форме (ч. 2 ст. 103.8. Основ).

Нормы, развивающие электронные технологии в нотариальной деятельности, позволяют значительно ускорить процедуру оформления нотариальных актов, повысить достоверность необходимой для совершения нотариального действия юридической информации.

Согласно ст. 37 Основ право совершать отдельные нотариальные действия предоставлено должностным лицам местного самоуправления сельских поселений и муниципальных районов. Закон № 391-ФЗ уточнил, что указанные должностные лица вправе совершать нотариальные действия только для лиц, зарегистрированных по месту жительства или по месту пребывания в данных населенных пунктах.

Внеся указанное дополнение в Основы законодательства о нотариате, законодатель отреагировал на сложившуюся ситуацию, в результате которой возросло количество мошеннических действий со стороны недобросовестных граждан. Ситуация, когда лицо могло поехать в любой другой населенный пункт, где отсутствует

нотариус (поскольку возможность обратиться к должностному лицу органа местного самоуправления для совершения нотариального действия допускается только в случае полного отсутствия в данной местности нотариуса) и обратиться в местную администрацию для совершения какого-либо нотариального действия, сознавая, что оно совершается с нарушениями законодательства. Обусловлено это тем, что данное лицо понимает (и для этого есть основания), что должностные лица органов местного самоуправления зачастую не обладают необходимыми юридическими знаниями, должной квалификацией и это позволяет легче обойти закон. Появилась надежда, что в результате внесенного дополнения снизится количество оспариваемых нотариальных действий, поскольку должностные лица органов местного самоуправления теперь должны будут совершать нотариальные действия только в случае необходимости для проживающих в данной местности лиц, а не для реализации каких-то сомнительных действий приезжающих откуда-то мошенников.

Полагаю, что вышеописанная ситуация, связанная с оказанием нотариальных услуг населению, где отсутствует государственная нотариальная контора или частнопрактикующий нотариус, с принятием упомянутого закона станет менее вероятной. В Основы (ст. 11.2) внесено соответствующее дополнение, обеспечивающее работу нотариата в труднодоступных и малонаселенных территориях. Предполагается создание специального фонда Федеральной нотариальной палаты – фонда поддержки нотариата в малонаселенных и труднодоступных местностях, что будет способствовать возможности совершать нотариальные действия профессионалами – высококвалифицированными нотариусами, а также обеспечить право каждого гражданина на получение гарантированной государством квалифицированной юридической помощи. При этом необходимо отметить, что указанный фонд будет формироваться из текущих взносов в Федеральную нотариальную палату и его создание и деятельность никак не отразятся на стоимости нотариальных услуг. После вступления данного положения в силу с 1 января 2017 г. нотариат должен будет принять положение об указанном фонде, которое будет регулировать порядок определения получателей помощи, расходования средств фонда и прочие условия. Таким образом, нотариат самостоятельно, без государственной поддержки, будет обеспечивать нотариальной помощью граждан на территориях, где отсутствует возможность содержать нотариальную контору.

С 12 октября 2015 г. вступила в силу статья 47.1 Основ, согласно которой в случаях, когда для совершения нотариального действия необходимы сведения, внесенные в государственный кадастр недвижимости, нотариусы не вправе требовать представление таких сведений от обратившегося за совершением данного нотариального действия лица, а обязаны их получить самостоятельно.

Принятый Закон № 391-ФЗ дополнил Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [6] положением, в соответствии с которым нотариус вправе бесплатно получать сведения, внесенные в государственный кадастр недвижимости. Это означает, что теперь, поскольку нотариус освобожден от обязанности оплачивать получение данных сведений, для лиц, обратившихся за совершением нотариальных действий эта плата также отменяется.

Законодатель установил повышенную доказательственную силу нотариального акта в арбитражном процессе. Статья 69 АПК РФ дополнена пунктом 5, закрепляющим, что обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в рамках проверки заявления о фальсификации (ст. 161 АПК РФ) или если нотариальный акт не был отменен в судебном порядке. Аналогично повышенная доказательственная сила нотариального акта установлена и в действующем Гражданском процессуальном кодексе РФ (п. 5 ст. 61).

Получил, наконец, признание и законодательное закрепление институт исполнительной надписи нотариуса. Конкретизируются правила совершения нотариусом исполнительной надписи (ст. 91.1, 91.2, ч. 1 ст. 92, Основ). Установлен перечень документов, необходимых для совершения данного нотариального действия (ст. 94.1 Основ). Регламентировано содержание исполнительной надписи (ч. 1 ст. 92 Основ). Предусмотрена обязанность нотариуса уведомлять должника о совершении исполнительной надписи в течение трех рабочих дней после ее совершения (ст. 91.2 Основ).

Для принятия судебным приставом исполнительной надписи к исполнению больше не требуется наличия соглашения между спорящими сторонами о внесудебном порядке обращения взыскания на заложенное имущество (п. 9 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [7]).

Введение в Российской Федерации института личного банкротства предопределило и новые функции нотариата, связанные с деятельностью данного института. В частности, дела о банкротстве могут быть не только продолжены после смерти должника, но и инициированы в отношении должников, которые на момент возбуждения дела скончались (ст. 63.1 Основ, ст. 223.1 ФЗ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [8]). Так, в случае смерти должника, в отношении которого применялась процедура реструктуризации долгов, нотариус в течение пяти рабочих дней с даты открытия наследственного дела должен заявить в арбитражный суд ходатайство о переходе к реализации имущества наследодателя. По запросу суда нотариус также должен представить копию наследственного дела для признания наследников лицами, участвующими в деле о банкротстве гражданина. Кроме того, он обязан передать финансовому управляющему информацию о наследственном имуществе (абз. 1, абз. 3–4 п. 4 ст. 223.1 Закона о банкротстве).

Установлено и новое основание для приостановления выдачи свидетельства о праве на наследство. Если в отношении наследодателя было возбуждено дело о банкротстве, принять наследство можно будет только после окончания производства по делу (ч. 6 ст. 41 Основ).

Уточнен порядок участия нотариусов и в сфере защиты прав бизнесменов. Установлена обязательная нотариальная форма для сделок, направленных на переход доли или части доли в уставном капитале общества

с ограниченной ответственностью при использовании преимущественного права покупки посредством направления оферты о продаже доли или части доли и ее акцепта (п. 5–7 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) [9]). Заявление участника общества с ограниченной ответственностью о выходе из общества также должно быть нотариально удостоверено по правилам, предусмотренным законодательством о нотариате для удостоверения сделок (п. 1 ст. 26 Закона об ООО в редакции Федерального закона от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [10]).

Регламентирована процедура удостоверения нотариусом опционного договора в отношении долей с ООО. Теперь нет необходимости заключать нотариально удостоверенный договор в виде единого документа. Отдельно удостоверяется нотариально безотзывная оферта, в том числе путем нотариального удостоверения соглашения о предоставлении опциона на заключение договора. Впоследствии удостоверяется также нотариально акцепт оферты (п. 11 ст. 21 Закона об ООО). Договор по отчуждению доли считается заключенным с момента оформления оферты. При этом необходимо отметить, что право собственности на отчуждаемую долю возникает с момента регистрации изменения в ЕГРЮЛ, а не с момента нотариального удостоверения отчуждения доли, как это было ранее, кроме случаев, предусмотренных п. 7 ст. 23 Закона об ООО (выход участника из общества, исключение участника из общества и т. п.) (абз. 1 п. 12 ст. 21 Закона об ООО).

Заявление о государственной регистрации соответствующих изменений в ЕГРЮЛ направляется нотариусом (это можно также сделать в электронной форме) в течение двух рабочих дней со дня удостоверения договора об отчуждении доли или части доли в уставном капитале или акцепта безотзывной оферты. Однако новый закон предоставляет возможность продлить указанный срок по соглашению между сторонами (п. 14 ст. 21 Закона об ООО).

Вышеописанные изменения дают возможность российскому бизнесу использовать современные механизмы заключения сделок, что значительно улучшит инвестиционный климат в стране, поскольку эти изменения не только повышают комфортность реализации сторонами своих прав при заключении сделок, но и более эффективно защищают права собственника.

Безусловно, все изменения и дополнения, связанные с нотариальной деятельностью, направлены на дальнейшее развитие института нотариата. Развитие нотариальной деятельности с помощью электронных технологий, частичное возвращение нотариата в сферу бизнеса, оборота недвижимости, признание повышенной доказательственной силы нотариальных актов не только способствует развитию нотариальной деятельности, повышению статуса нотариуса в гражданском обороте, но и самым положительным образом скажется на развитии бизнеса, защите прав собственников и других субъектов гражданских правовых отношений.

Список использованных источников

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон Рос. Федерации, 29 дек. 2015 г. № 391-ФЗ //Собрание законодательства Рос. Федерации. – № 1 (ч. 1). – 04.01.2016. – Ст. 11.
2. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним : Федеральный закон, 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 30. –Ст. 3594.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. – 1993.– № 10. – Ст. 357.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон Рос. Федерации, 21 дек. 2013 г., № 379-ФЗ //Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2013. –№ 51. – Ст. 6699.
5. Об электронной подписи : Федеральный закон Рос. Федерации, 6 апр. 2011 г., № 63-ФЗ //Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.
6. О государственном кадастре недвижимости : Федеральный закон Рос. Федерации, 24 июля 2007 г., № 221-ФЗ //Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 31. – Ст. 4017.
7. Об исполнительном производстве : Федеральный закон Рос. Федерации, 2 окт. 2007 г., № 229-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
8. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон Рос. Федерации, 26 окт. 2002 г., № 127-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
9. Об обществах с ограниченной ответственностью : Федеральный закон Рос. Федерации, 8 февр. 1998 г., № 14-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федеральный закон Рос. Федерации. – 30 марта 2015 г., № 67-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 13. – Ст. 1811.

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Кураков Денис Владимирович,
старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел,
кандидат юридических наук

Обеспечение безопасности дорожного движения, сохранение жизни и здоровья людей стало глобальной проблемой, и подразделения Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации непосредственно уполномочены на решение данных задач.

Государственная инспекция безопасности дорожного движения (ГИБДД) Министерства внутренних дел Российской Федерации среди всех субъектов, осуществляющих свою деятельность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, занимает особое место и в соответствии с этим обладает особым административно-правовым статусом.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 и Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации целью их деятельности является реализация государственной политики в области безопасности дорожного движения, а одной из главных задач является осуществление административного надзора в указанной сфере.

В зависимости от выполняемых функций выделяются: подразделения по осуществлению предварительного надзора, подразделения по осуществлению функций, обеспечивающих организацию административного надзора, непосредственное осуществление административного надзора («чистый надзор»), иные функции. На примере это будет выглядеть следующим образом:

осуществление предварительного надзора заключается в приеме экзамена на право управления автотранспортными средствами, трамваями, троллейбусами и выдаче водительских удостоверений; регистрация в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, автотранспортных средств, прицепов к ним и выдача в установленных случаях свидетельств о допуске их к перевозке опасных грузов;

осуществление функций, обеспечивающих организацию административного надзора, заключается в регулировании дорожного движения; оформлении документов о дорожно-транспортных происшествиях;

осуществление административного надзора («чистый надзор») заключается в организации государственного контроля (надзора) за соблюдением правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения, а также за деятельностью организаций, проводящих обязательный технический осмотр автотранспортных средств и прицепов к ним;

осуществление государственного учета показателей состояния безопасности дорожного движения; осуществление на основаниях и в порядке, предусмотренных Правительством Российской Федерации, сопровождение транспортных средств; согласование маршрутов движения транспортных средств, осуществляющих перевозки опасных, крупногабаритных и (или) тяжеловесных грузов; выдача в установленном порядке разрешения на установку на транспортных средствах устройств для подачи специальных световых и звуковых сигналов, условных опознавательных знаков (сигналов) [1].

При осуществлении и реализации административного надзора в сфере обеспечения безопасности дорожного движения отдельные подразделения Госавтоинспекции наделены разрешительными и регистрационными полномочиями в пределах своей компетенции.

Одним из важнейших направлений в деятельности регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции остается осуществление административного надзора за подготовкой водительских кадров, который проводится в форме: регистрации образовательных учреждений, осуществляющих подготовку водителей; приема экзаменов по Правилам дорожного движения и навыкам практического вождения транспортных средств; выдача водительских удостоверений лицам, успешно выдержавшим экзаменационные испытания [1].

При осуществлении предварительного надзора регистрационно-экзаменационные подразделения осуществляют взаимодействие с образовательными учреждениями, занимающимися подготовкой водителей транспортных средств. Указанные учреждения должны иметь лицензию на право ведения такого рода деятельности, копия которой должна храниться в подразделениях ГИБДД. Получение данной лицензии осуществляется в соответствии с Положением о лицензировании образовательной деятельности, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2009 г. № 277 [3], в Государственных органах управления образованием субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления. Регистрационно-экзаменационные подразделения Госавтоинспекции при осуществлении административного надзора за деятельностью учебных заведений вправе: принимать участие в обследовании на соответствие материально-технической базы учреждений требованиям нормативно-правовых актов, регламентирующих организацию подготовки водителей; контролировать выполнение лицензионных требований; анализировать итоги экзаменов по уровню теоретических знаний и умению вождения.

В случае выявления нарушений нормативных актов, устанавливающих требования к подготовке водителей, должностные лица ГИБДД вправе выдать предписание руководителю учреждения об устранении выявленных нарушений. В случае невыполнения требований предписания по устранению нарушений, соответствующим

подразделением Госавтоинспекции направляется информация в лицензионные органы и вышестоящую организацию данного образовательного учреждения для принятия соответствующих мер по аннулированию лицензии на право осуществления образовательной деятельности.

Согласно данным статистики, в 2015 году число ДТП с участием водителей, стаж вождения которых менее двух лет увеличилось. Было установлено, что одной из причин аварийности начинающих водителей является низкий уровень подготовки и причиной такой подготовки является, во-первых, несоответствие материально-технической базы образовательных учреждений предъявляемым требованиям, во-вторых, недостаточная квалификация преподавательского состава, в-третьих, невыполнение в полном объеме программ обучения. Больше всего низким качеством подготовки водителей характеризуются коммерческие автошколы, при проверке которых, как правило, выявляются все вышеуказанные нарушения.

Одним из основных направлений повышения качества подготовки водителей является расширение полномочий Госавтоинспекции и лицензирующих органов по осуществлению административного надзора за деятельностью образовательных учреждений, занимающихся подготовкой водителей. К сожалению, в настоящее время отсутствуют нормативные акты, регламентирующие полномочия и компетенцию органов, которые будут осуществлять контроль и надзора за деятельностью автошкол.

К основным целям регистрации транспортных средств можно отнести: осуществление учета количества транспортных средств, осуществление надзорных полномочий за техническим состоянием при производстве регистрационных мероприятий, профилактической целью является установление личности владельцев транспортных средств, совершивших правонарушения.

Общие правовые основы организации и осуществления дорожного надзора установлены Федеральными законами от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [4], от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации» [5], а также Наставлением по службе дорожной инспекции и организации движения Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД Российской Федерации, утвержденным приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 8 июня 1999 г. № 410 [6]. Указанные нормативные акты устанавливают основные требования к обеспечению безопасности дорожного движения при проектировании, строительстве и реконструкции дорог, а также при ремонте и содержании дорог, надзор за соблюдением которых возлагается на подразделения ГИБДД.

Строительство такого сложного сооружения, как дорожное полотно, с нарушением технологий и приводит к значительному снижению эксплуатационных качеств дороги. В случае выявления нарушения правил, нормативов, стандартов, относящихся к обеспечению безопасности дорожного движения, сотрудники подразделений дорожной инспекции и организации движения вправе давать обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений. Предписания даются в письменном виде, подписывать их имеют право только главные государственные инспекторы по субъектам Российской Федерации, городам, районам или иным муниципальным образованиям. При невыполнении должностными лицами предписания подразделений ДИ и ОД ГИБДД, при нарушении правил содержания дорог и дорожных сооружений сотрудники данного подразделения вправе составлять протоколы об административных правонарушениях и привлекать к ответственности в пределах своей компетенции.

Организация административного надзора сотрудниками подразделений ДИ и ОД ГИБДД производится на всех этапах проектирования и осуществляется в следующих формах: участие в работе градостроительных и технических советов, участие в разработке на проектировании улиц и дорог, рассмотрение и согласование проектов дорог, улиц и дорожных сооружений [6].

Несоблюдение технологии строительства, низкое качество выполнения скрытых работ приводят к быстрому снижению эксплуатационных качеств построенных дорог, к деформациям и разрушениям, представляющим серьезную опасность для дорожного движения. Поэтому осуществление административного надзора необходимо не только за соответствием геометрических параметров, но и за соблюдением требований в части технологии и качества выполняемых работ.

Организация административного надзора, или «чистого надзора», возложена на строевые подразделения ДПС ГИБДД. Дорожно-патрульная служба является структурным подразделением Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России. Сотрудники данного подразделения уполномочены на осуществление оперативно-профилактических, надзорных и разрешительных функций в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

При реализации полномочий в сфере обеспечения безопасности дорожного движения подразделениям Госавтоинспекции необходимо учитывать постоянную динамику условий дорожного движения, в связи с этим с целью постоянного соответствия данным условиям необходимо своевременно реагировать на все изменения путем внесения дополнительных ограничений для участников дорожного движения. Но применение таких мер должно обязательно иметь нормативное закрепление путем внесения изменений во все нормативные акты в соответствующей сфере.

Эффективность административного надзора, осуществляемого сотрудниками подразделений ДПС, за соблюдением установленных правил в сфере обеспечения безопасности дорожного движения во многом зависит от правильного выбора методов осуществления своей деятельности.

Основным способом пресечения правонарушения является остановка транспортного средства. Наставлением по работе ДПС ГИБДД установлены конкретные основания остановки транспортных средств: установленные визуально или зафиксированные с использованием технических средств признаки нарушений требований

в области обеспечения безопасности дорожного движения; наличие данных (ориентировки, информации дежурного, других нарядов, участников дорожного движения, визуально зафиксированного обстоятельства), свидетельствующих о причастности водителя, пассажиров к совершению дорожно-транспортного происшествия, преступления или административного правонарушения; наличие данных (ориентировки, информация оперативно-справочных и розыскных учетов, информации дежурного, других нарядов, участников дорожного движения) об использовании транспортного средства в противоправных целях или оснований полагать, что они находятся в розыске; необходимости опроса водителя или пассажиров об обстоятельствах совершения дорожно-транспортного происшествия, административного правонарушения, преступления, очевидцами которого они являлись или являются; необходимости привлечения участника дорожного движения в качестве понятого; выполнения распорядительно-регулирующих действий; необходимости использования транспортного средства; необходимости привлечения водителя для оказания помощи другим участникам дорожного движения или сотрудникам полиции; проведение на основании распорядительных актов руководителей органов внутренних дел, органов управления специальных мероприятий, связанных с проверкой в соответствии с целями соответствующих специальных мероприятий транспортных средств, перемещающихся в них лиц и перевозимых грузов; проверки документов на право пользования и управления транспортным средством, документов на транспортное средство и перевозимый груз, а также документов, удостоверяющих личность водителя и пассажиров (только на стационарных постах ДПС) [7].

Таким образом, организация административного надзора подразделениями ДПС ГИБДД определяется конкретными условиями дорожного движения и соответствующими служебными задачами нарядов ДПС. Деятельность различных подразделений ГИБДД нацелена на обеспечение бесперебойного и безопасного процесса дорожного движения, оказание помощи его участникам. Совершенствование деятельности подразделений ГИБДД по осуществлению административного надзора в сфере обеспечения безопасности дорожного движения является одним из приоритетных направлений.

Список использованных источников

1. О полиции : Федеральный закон Рос. Федерации, 7 февр. 2011 г., № 3-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
2. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения (вместе с Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации) : Указ Президента Рос. Федерации, 15 июня 1998 г., № 711 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 25. – Ст. 2897.
3. Об утверждении Положения о лицензировании образовательной деятельности : постановление Правительства Рос. Федерации, 31 марта 2009 г. № 277 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 14. – Ст. 1661; 2010. – № 40. – Ст. 5076.
4. О безопасности дорожного движения : Федеральный закон Рос. Федерации, 10 дек. 1995 г., № Ф 196-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – № 50. – 1995. – Ст. 4873; 2010. – № 30. – Ст. 4000.
5. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон Рос. Федерации. – 8 нояб. 2007 г. – № 257-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2007. № 46. – Ст. 5553; 2009. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6427.
6. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения в части соблюдения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения, правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и эксплуатации автомобильных дорог [Электронный ресурс] : приказ Министерства внутренних дел Рос. Федерации, 30 марта 2015 г., № 380 // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
7. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения : приказ Министерства внутренних дел Рос. Федерации, 2 марта 2009 г., № 185 // Рос. газ. – № 122. – 2009. – 7 июля.

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ

Куницкая Ольга Михайловна,

доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск,
кандидат юридических наук

На современном этапе развития общественных отношений и их правового регулирования в Республике Беларусь определены общие правовые условия государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), которые за-

конодательно заложены в Законе Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон о ГЧП или Закон).

В соответствии со ст. 1 данного Закона «государственно-частное партнерство – это юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество государственного и частного партнеров в целях объединения ресурсов и распределения рисков, отвечающее целям, задачам и принципам, определенным Законом, осуществляемое в форме соглашения о государственно-частном партнерстве» [1].

Не останавливаясь на детальном анализе всех признаков ГЧП, которые вытекают из данного определения, внимание уделим проблеме правовой формы ГЧП. Приведенное определение указывает на такую форму сотрудничества государственного и частного партнеров, как соглашение о ГЧП. Исходя из соответствующей нормы Закона о ГЧП, оно означает «письменное соглашение между государственным и частным партнерами, определяющее права, обязанности и ответственность сторон, а также иные условия реализации проекта государственно-частного партнерства» [1]. Другими словами, можно сказать, что речь идет о договоре, в котором определены условия реализации проекта ГЧП, а именно: 1) права, обязанности и ответственность сторон соглашения; 2) иные условия реализации проекта ГЧП.

Статья 29 Закона о ГЧП называет права и обязанности сторон, а также ответственность сторон за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязательств по соглашению о ГЧП в качестве *условий соглашения о ГЧП*. Возникает вопрос о самом проекте ГЧП, а также об *условиях реализации проекта ГЧП*, их значении и содержании, а также соотношении *условий соглашения о ГЧП с условиями реализации проекта ГЧП*.

Согласно ст. 1 Закона о ГЧП проект ГЧП означает проект в отношении объекта инфраструктуры, отвечающий целям, задачам и принципам, определенным Законом о ГЧП [1]. Ключевым становится объект инфраструктуры, что, следует отметить, не отражается в определении самого понятия ГЧП. При этом объект инфраструктуры находится в собственности Республики Беларусь и (или) ее административно-территориальной единицы или возводится в рамках рассматриваемого проекта (ст. 1 Закона о ГЧП). Надо полагать, имеет место также связь со ст. 5 Закона о сферах осуществления ГЧП. Кроме того, исходя из ст. 2 Закона данный проект должен отвечать целям по концентрации ресурсов, балансу интересов и рисков, привлечению средств из внебюджетных источников на развитие объектов инфраструктуры. Задачи проекта разнообразны, но, по сути, должны отвечать созданию условий для обеспечения устойчивого социально-экономического развития и национальной безопасности Республики Беларусь. Среди принципов ГЧП назван принцип эффективности проектов ГЧП (ст. 3 Закона о ГЧП). Закон ГЧП отсылает нас также к терминологии относительно «проектирования», применяемой в значениях, определенных ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» [2], где данное определение в указанной статье не приводится.

В законодательстве Республики Беларусь, касающемся правил по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов [3] и порядка организации разработки, утверждения и рассмотрения бизнес-планов инвестиционных проектов, а также проведения экспертизы инвестиционных проектов [4], встречается понятие «инвестиционный проект». Он означает совокупность документов и иных материалов, определяющих целесообразность, условия и способы вложения инвестиций, объемы и источники их финансирования, увязанные по срокам и исполнителям мероприятия, направленные на достижение заданного участниками инвестиционного проекта результата за определенный период времени [4].

Инвестиционный проект имеет стадии жизненного цикла: предынвестиционную, инвестиционную, эксплуатационную, ликвидационную [3]. Содержание инвестиционной стадии указывает на то, что инвестиционный проект связан со строительством зданий и сооружений, приобретением оборудования и вводом объекта в эксплуатацию, государственной регистрацией создания объекта недвижимости и возникновением прав на него.

Закон о ГЧП прямо не называет проект ГЧП инвестиционным проектом. По нашему мнению, проект ГЧП по своей сути является инвестиционным проектом с дополнительным пополнением содержания его стадий, в частности эксплуатационной стадии [5, с. 30].

Мы получаем представление о проекте ГЧП также из нормы об этапах данного проекта (ст. 6 Закона о ГЧП), который включает: подготовку, рассмотрение и оценку предложения о реализации проекта; принятие решения о реализации проекта; конкурс по выбору частного партнера для заключения соглашения о ГЧП; заключение и исполнение соглашения о ГЧП [1].

Таким образом, *заключение и исполнение соглашения о ГЧП как соглашения, определяющего условия реализации проекта ГЧП*, – это завершающий этап проекта ГЧП, но данное соглашение должно «*определять условия реализации проекта ГЧП*» на всех его этапах. На наш взгляд, соглашение о ГЧП вряд ли может содержать условия по подготовке, рассмотрению и оценке предложения о реализации проекта; принятию решения о реализации проекта; конкурсу по выбору частного партнера.

На первом этапе проекта ГЧП проект соглашения о ГЧП должен входить в состав «предложения о реализации проекта ГЧП». Участники конкурса должны обладать «достаточными возможностями и квалификацией, необходимыми для исполнения соглашения о ГЧП» (ст. 20 Закона о ГЧП), их конкурсные предложения должны соответствовать условиям конкурса (ст. 21, 22 Закона о ГЧП) и т.д. Соглашение о ГЧП заключается между уполномоченными государственным органом или организацией в сфере ГЧП и участником, выигравшим конкурс, или единственным участником конкурса, конкурсное предложение которого соответствует условиям конкурса.

Проект ГЧП шире в смысловом значении соглашения о ГЧП. Последнее должно содержать условия реализации данного проекта.

Возможно, приступив к анализу соглашения о ГЧП, обратившись к соответствующей отдельной главе Закона о ГЧП, мы сможем определить эти самые условия реализации проекта ГЧП.

Предметом соглашения о ГЧП является осуществление в отношении объекта инфраструктуры *проектирования, возведения* и (или) реконструкции, реставрации, ремонта, модернизации, а также технического обслуживания и (или) *эксплуатации*. Предмет соглашения отражается в конкурсной документации, содержащей условия конкурса (ст. 21 Закона о ГЧП) и предложения участников должны им соответствовать (ст. 22 Закона о ГЧП).

Условия соглашения о ГЧП определены в ст. 29 Закона о ГЧП: предмет соглашения; права и обязанности сторон; источники финансирования с разбивкой по годам; источники возмещения затрат и получения прибыли (доходов) частного партнера с разбивкой по годам; график платежей с разбивкой по каждому источнику финансирования пропорционально доле каждого источника; порядок расчетов между сторонами; сроки и порядок технического обслуживания и (или) эксплуатации объекта инфраструктуры; порядок и условия распределения между сторонами рисков, связанных с исполнением соглашения; ответственность сторон по соглашению; основания и порядок изменения, расторжения соглашения; порядок определения размера компенсации, возмещения убытков в случае расторжения соглашения; обязательства сторон по благоустройству территории и охране окружающей среды, в том числе по сбору и иному обращению с отходами, а также по принятию иных мер по предотвращению вредного воздействия на окружающую среду; конфиденциальные сведения, не подлежащие разглашению сторонами; срок действия соглашения.

Данный перечень условий дополняется в зависимости от некоторых дополнительных особенностей взаимоотношений партнеров (сторон соглашения), а именно от правил: 1) передачи права собственности на возведенный частным партнером объект инфраструктуры Республике Беларусь или ее административно-территориальной единице; 2) передачи объекта инфраструктуры частному партнеру во владение, пользование, в том числе в безвозмездное пользование [1].

Обязательства государственного партнера вытекают из соглашения, в том числе касающиеся направления частному партнеру средств республиканского и (или) местных бюджетов в соответствии с бюджетным законодательством Республики Беларусь и условиями соглашения о ГЧП (ст. 25 Закона о ГЧП). Обязательства частного партнера по соглашению о ГЧП связаны непосредственно с предметом соглашения о ГЧП, то есть с проектированием, возведением и (или) реконструкцией, реставрацией, ремонтом, модернизацией, а также техническим обслуживанием и (или) эксплуатацией объекта инфраструктуры (ст. 26 Закона о ГЧП).

Но могут ли условия реализации проекта ГЧП быть условиями соглашения о ГЧП? Закон о ГЧП дает основания полагать, что это так.

Список использованных источников

1. О государственно-частном партнерстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2015 г., № 345-З // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 июля 2004 г., № 100-З // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Об утверждении правил по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов [Электронный ресурс] : постановление Министерства экономики Респ. Беларусь, 31 авг. 2005 г., № 158 // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. О бизнес-планах инвестиционных проектов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 мая 2014 г., № 506 // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Куницкая, О. М. Понятие и правовые формы государственно-частного партнерства, основанного на осуществлении инвестиций / О. М. Куницкая. – Минск : Право и экономика, 2015. – 278 с.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ БЮДЖЕТА

Лопуть Надежда Александровна,
доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск,
кандидат юридических наук

Основополагающие начала бюджетной системы нашли отражение в статье 8 Бюджетного кодекса Республики Беларусь (далее – БК), содержащей исчерпывающий перечень принципов ее формирования.

Одним из таких принципов является принцип эффективного использования средств бюджета, который означает, что при составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении бюджетов все участники бюджетного процесса должны исходить из необходимости достижения заданных целей с использованием минимального объема бюджетных средств или достижения максимального результата с использованием определенного бюд-

жетом объема средств. Данный принцип включает в себя две составляющие: первая состоит в достижении определенной цели с минимальными затратами, то есть подразумевает под собой достижение наиболее «дешевого» заданного результата, вторая – в максимально возможном результате при заданном объеме финансирования. Очевидно, что возможность реализации данного принципа производна и напрямую зависит от первичного, хотя и не закрепленного в качестве отдельного принципа, достижения результата, как такового.

Важность соблюдения принципа эффективности сложно переоценить, так как потери от недостаточной эффективности и результативности расходов бюджета не менее ощутимы, чем от нецелевого использования бюджетных средств и иных нарушений бюджетного законодательства.

Вместе с тем реализация данного принципа в настоящее время не нашла должного отражения в белорусской правоприменительной практике.

Проблема его реализации заключается в том числе в отсутствии единообразного определения понятия «эффективность» и неизбежности применения оценочного подхода при анализе соблюдения указанного принципа в каждой конкретной ситуации. Более того, учитывая, что неэффективное использование средств бюджета должно повлечь за собой негативные последствия для их получателей, критерии эффективности должны быть известны и субъектам, использующим бюджетные средства.

Следует отметить, что, например, в Российской Федерации существует практика рассмотрения судами категории дел, связанных с нарушением статьи 34 «Принцип эффективности использования бюджетных средств» Бюджетного кодекса Российской Федерации [1]. В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что, оценивая соблюдение участниками бюджетного процесса принципа эффективности использования бюджетных средств, судам необходимо учитывать, что участники бюджетного процесса в рамках реализации поставленных перед ними задач и в пределах выделенных на определенные цели бюджетных средств самостоятельно определяют необходимость, целесообразность и экономическую обоснованность совершения конкретной расходной операции. В связи с этим конкретная расходная операция может быть признана неэффективным расходованием бюджетных средств только в случае, если уполномоченный орган докажет, что поставленные перед участником бюджетного процесса задачи могли быть выполнены с использованием меньшего объема средств или что, используя определенный бюджетом объем средств, участник бюджетного процесса мог бы достигнуть лучшего результата [2].

Полнота реализации данного принципа представляется возможной при наличии четко установленной на законодательном уровне последовательности определения конечного результата, которого необходимо достичь при использовании средств бюджета, критериев эффективности бюджетных вложений, контроля результата и ответственности за неэффективное использование бюджетных средств.

В частности, именно такой алгоритм реализации целевого и законного использования средств бюджета нашел отражение в белорусском законодательстве:

в БК установлены обязанности получателей средств по целевому использованию и использованию в соответствии с законодательством средств бюджета (статья 82 БК);

устанавливаются конкретные цели их использования при выделении таких средств;

предусмотрены меры принуждения за нецелевое использование, использование с нарушением законодательства, незаконное получение средств бюджета (статьи 136-138 БК предусматривают приостановление или ограничение финансирования расходов либо взыскание в бесспорном порядке в доход соответствующего бюджета полученных (использованных) бюджетных средств с начислением процентов в размере ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь),

предусмотрены меры административной ответственности (статья 11.16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях предусматривает ответственность в виде штрафа).

В настоящее время в отдельных нормативных правовых актах предприняты попытки установления механизма реализации закрепленного БК принципа эффективности.

В частности, в пункте 14 Положения о порядке разработки и выполнения научно-технических программ, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 августа 2005 г. № 961, установлено, что, если выпуск вновь освоеной продукции не начат в течение трех лет после завершения разработки соответствующей научно-технической программы, средства республиканского бюджета, израсходованные на разработку такой продукции, признаются неэффективно использованными и подлежат возврату в бюджет как использованные с нарушением бюджетного законодательства.

Если в течение определенного срока суммарный выпуск вновь освоеной продукции не достиг объемов, предусмотренных заданием программы, возврату в бюджет подлежит часть бюджетных средств, израсходованных на ее разработку, определяемая процентом от суммы бюджетных средств, израсходованных на разработку этой продукции, равным проценту невыполнения задания программы по объемам выпуска продукции в натуральном выражении.

Решение о признании средств бюджета неэффективно использованными исполнителем задания программы или изготовителем вновь освоеной продукции и необходимости их возврата в установленном законодательством порядке в доход государства принимается контролирующим (надзорным) органом, уполномоченным законодательными актами на осуществление контроля (надзора).

Положением о порядке формирования, финансирования и контроля за выполнением государственных, региональных и отраслевых программ, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от

31 марта 2009 г. № 404, предусмотрено, что при недостижении цели и задач соответствующей программы, а также отдельных ее показателей, такая программа может быть признана неэффективной и требующей корректировки. При недостижении показателей программы исполнителями (в случаях, предусмотренных законодательством или договором) производится возмещение в соответствующий бюджет выделенных средств пропорционально недополученному результату, а в случае невозмещения Министерство финансов взыскивает со счетов исполнителей сумму задолженности (на основании письменного обращения заказчика-координатора).

Вместе с тем в вышеуказанных случаях речь скорее идет о первичном компоненте принципа эффективности – достижении результата как такового. При этом неэффективным использованием средств признается недостижение заданных показателей в принципе, без учета фактора затрат.

Данный «сегмент» неэффективности позволяет в полной мере «вычленивать» широкое внедрение в бюджетный процесс прогрессивных программно-целевых методов планирования, ориентированных на результат.

В частности, концепция результативного бюджетирования реализована в Российской Федерации. «Результативное бюджетирование предполагает трансформацию бюджетного процесса в целом, изменяя в том числе процедуры исполнения бюджетов и контроля за их исполнением. Результативное бюджетирование обусловило необходимость расширения горизонта бюджетного планирования в целях гарантирования достижения результатов в долгосрочной перспективе и появление новых типов государственного финансового контроля – аудита эффективности и стратегического аудита» [3].

Задача по использованию программно-целевых методов бюджетирования реализуется в настоящее время и в Республике Беларусь.

Так, Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. «О внесении изменений и дополнений в Бюджетный кодекс Республики Беларусь» предусматривается использование в бюджетном процессе программно-целевого метода, а также переход на среднесрочные финансовые программы.

Под программно-целевым методом в соответствии с указанным Законом понимается метод управления средствами республиканского и (или) местных бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов при выполнении государственных программ, направленный на достижение конкретных результатов с учетом оценки эффективности использования данных средств на всех стадиях бюджетного процесса.

При использовании программно-целевого метода в бюджетном процессе расходы бюджетов формируются, как правило, в соответствии с государственными программами и подпрограммами и являются программными расходами.

При этом предполагается, что в каждой принимаемой программе будут закладываться показатели, соблюдение которых будет свидетельствовать об эффективности использования выделяемых на мероприятия конкретной программы средств. Установление соответствующих показателей, с одной стороны, станет ориентиром для получателей бюджетных средств, с другой – позволит контролировать выполнение установленных задач, давать оценку результатам и принимать необходимые и своевременные меры по внесению корректировок в соответствующие программы.

Как отмечено в решении Конституционного Суда Республики Беларусь по вышеуказанному Закону, нормы, устанавливающие использование программно-целевого метода в бюджетном процессе, а также предусматривающие переход на среднесрочные финансовые программы, согласуются с конституционным положением о проведении на территории Республики Беларусь единой бюджетно-финансовой политики, призваны способствовать устойчивости бюджетной системы и реализации принципа эффективности использования бюджетных средств, закрепленного в статье 8 БК [4].

Список использованных источников

1. Лермонтов, Ю. М. Постатейный комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] / Ю. М. Лермонтов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
2. О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации, 22 июня 2006 г., № 23 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
3. Рябова, Е. В. Характеристика правовых принципов управления бюджетными средствами и анализ их реализации / Е. В. Рябова // Финансовое право. – 2014. – № 7. – С. 15–19.
4. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Бюджетный кодекс Республики Беларусь» [Электронный ресурс]: решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 28 дек. 2015 г., № Р-1019/2015 // КонсультантПлюс. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

СОСТОЯНИЕ НОТАРИАТА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Мамедов Заур Алирза оглы,

ведущий научный сотрудник отдела теории государства и права, гражданского права и гражданского процесса
Института Философии и права Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку,
доктор философии права, доцент

26 ноября 1999 г. принят закон Азербайджанской Республики «О нотариате», вступивший в силу 30 января 2000 г., то есть со дня опубликования в газете «Азербайджан» [1]. Закон Азербайджанской Республики «О нотариате» состоял из 19 глав, 94 статей и двух приложений. В приложении 1 отражены ставки государственной пошлины, взимаемой за совершение нотариальных действий, а в приложении 2 – ставки, взимаемые за дополнительные услуги нотариальных действий. Это был первый случай в истории нотариата Азербайджана, когда ставки государственной пошлины и за услуги нотариальных действий определялись в Законе «О нотариате». До вступления в силу этого Закона ставки государственной пошлины всегда определялись постановлением Кабинета Министров Азербайджана, и в новом Законе ставки государственной пошлины были значительно повышены. Например, за удостоверение договоров об отчуждении недвижимого имущества, ценных бумаг, о предоставлении жилых площадей во временное пользование, если по договору имущество переходило другим лицам (кроме мужа (жены), детей, родителей, брата, сестры, дедушки, бабушки, внуков, племянников, дяди, тети и их детей), было предусмотрено взимание 5 % от суммы договора (ранее – 2,5 %).

Со вступлением в силу Закона началось взимание новых, высоких ставок государственной пошлины, и повышенные госпошлины стали причиной справедливого недовольства населения. В связи с этим Милли Меджлис 18 апреля 2000 г., внося изменение в Закон «О нотариате», значительно снизил ставки госпошлины. Изменение вступило в силу 3 июня 2000 г. После этих изменений впервые в истории Азербайджана Законом «О нотариате» было предусмотрено взимание государственной пошлины не в процентном отношении от сделки, а в твердой ставке. Таким образом, начиная с 3 июня 2000 г. при удостоверении недвижимости, находящейся в городе Баку, стоимостью 10 млн долларов США или 5 тыс. долларов США взимается одинаковая государственная пошлина, что противоречит здравому смыслу. Азербайджан – единственная из стран СНГ, в которой при отчуждении недвижимости государственная пошлина взимается не в процентном соотношении от договора, а в твердой ставке. Мы считаем, что взимание одинаковой государственной пошлины в таком порядке неправильно. Правильным решением является определение государственной пошлины равной определенному проценту цены продаваемой недвижимой вещи.

4 декабря 2001 г. принят Закон Азербайджанской Республики «О государственной пошлине», вступивший в силу 1 января 2002 г. Со вступлением в силу этого Закона утратила силу ст. 31 Закона «О нотариате», называвшаяся «Оплата за дополнительные услуги», а также приложение 1 «Ставки государственной пошлины» и приложение 2 «Ставки за дополнительные услуги» [2].

В статье 1.1 Закона «О государственной пошлине» говорится, что государственная пошлина является обязательным платежом (взносом), выплачиваемым за правовые действия и услуги (составление документов, регистрация, дача согласия и др.), оказанные государственными органами в процессе выполнения ими властных полномочий и порождающие юридические последствия.

Анализируя разницу между налогом и пошлиной А. В. Реут приходит к выводу, что в отличие от налогов, которые взимаются в целях удовлетворения коллективных потребностей людей, пошлины взимаются за оказание плательщику государством «специальной услуги». Смысл «специальной услуги» состоит в предоставлении плательщику дополнительных мер защиты его прав и законных интересов. Одновременно оказание уполномоченными органами и должностными лицами плательщику «специальной услуги» содействует защите интересов неограниченного круга лиц, т. е. «специальная услуга» оказывается в итоге в интересах всего общества. Именно в публичных целях государство зачастую силой закона обязывает плательщика обратиться в государственное учреждение за «специальной услугой» [3, с. 14].

Видимо, говоря об удовлетворении коллективных потребностей людей, А. В. Реут имела в виду, что от налогов, взимаемых в государственный бюджет, будут получать пользу все граждане страны.

Одна из новелл нового Закона «О нотариате» состоит в том, что здесь впервые наряду с государственными нотариальными конторами предусмотрено осуществление нотариальной деятельности в частном порядке. Несмотря на то что новый Закон «О нотариате» вступил в силу 30 января 2000 г., к сожалению, первое свидетельство для занятия частной нотариальной деятельностью было выдано лишь через 10 лет и 7 месяцев, то есть в августе 2010 года.

Согласно части 4 статьи 25 этого Закона рабочий режим частного нотариуса, штатное расписание частной нотариальной конторы и кандидаты, принимаемые на работу частным нотариусом, согласуются с Министерством юстиции Азербайджанской Республики. Эта статья Закона ущемляет права частных нотариусов. Обычно в зарубежных странах, в которых действуют частные нотариусы, нет такого ограничения для частных нотариусов. Мы считаем, что частный нотариус должен обладать правом самостоятельности в вопросе штатного расписания нотариальной конторы и для принятия работников в контору согласно штатному расписанию. Чтобы обеспечить самостоятельность частных нотариусов в указанных вопросах, предлагаем изменить ч. 4 ст. 25 Закона Азербайджанской Республики «О нотариате» и изложить ее в нижеследующей редакции:

«Частный нотариус самостоятельно определяет штатное расписание нотариальной конторы и самостоятельно принимает на работу работников. Режим работы частного нотариуса согласуется с соответствующим органом исполнительной власти Азербайджанской Республики (имеется в виду Министерство юстиции Азербайджанской Республики)».

На основании части 4 статьи 30 Закона Азербайджанской Республики «О нотариате» государственная пошлина принимается государственным нотариусом и в течение двух банковских дней перечисляется в государственный бюджет. Считаю неправильным, императивное возложение получения государственными нотариусами государственной пошлины наличным образом и перечисления ее в государственный бюджет. На наш взгляд, в целях более культурного обслуживания плательщиков государственной пошлины (ими могут быть как физические, так и юридические лица) и своевременного перечисления в государственный бюджет государственной пошлины правильнее было бы установление POS-терминалов во всех нотариальных конторах и осуществление оплаты государственной пошлины только посредством POS-терминалов, почты или банка. Для этого целесообразнее было бы изменить часть 4 статьи 30 закона «О нотариате» Азербайджанской Республики и изложить ее нижеследующим образом:

«Оплата государственной пошлины за нотариальные действия осуществляется посредством POS-терминалов, почты или банка».

18 июня 2001 года Президент Азербайджанской Республики издал Указ «Об усовершенствовании применения государственного языка» [4]. Если до 1 августа 2001 г. делопроизводство в нотариальных конторах велось на азербайджанском языке на кириллической и латинской графике, а также иногда на русском языке, то начиная с 1 августа 2001 года делопроизводство стало вестись только на латинской графике на азербайджанском языке.

Согласно статье 13 Закона «О нотариате» делопроизводство по нотариальной деятельности в Азербайджанской Республике ведется на государственном языке Азербайджанской Республики. Если обратившееся за совершением нотариальных действий лицо не владеет языком, на котором ведется делопроизводство, или просит совершить нотариальные действия на каком-либо ином языке, нотариус по возможности составляет тексты оформляемых им документов на желаемом языке или текст переводится ему переводчиком.

На основании части 1 ст. 21 Конституции Азербайджанской Республики государственным языком Азербайджанской Республики является азербайджанский язык. Азербайджанская Республика обеспечивает развитие азербайджанского языка.

В соответствии с частью 2 ст. 21 Конституции Азербайджанская Республика обеспечивает свободное использование и развитие других языков, на которых говорит население [5].

При обращении к нотариальной практике видим, что в настоящее время делопроизводство в нотариальных конторах обычно ведется на азербайджанском языке на латинской графике, но иногда, руководствуясь частью 2 ст. 13 Закона «О нотариате», составляются документы на русском языке. Так как все нотариусы в разной степени владеют русским языком, то среди документов, составленных на иностранном языке, встречаются только документы, составленные на русском языке. Составленные на азербайджанском языке документы нотариусом также устно переводятся лицам, которые обращались для совершения нотариальных действий, и лицо, подписывая документ на русском языке, пишет «текст с азербайджанского языка на русский язык переведен и объяснен мне нотариусом».

Если лицо, которое обращается для совершения нотариальных действий, не владеет ни азербайджанским, ни русским языком, то текст переводится переводчиком. Обычно такие лица приходят в нотариальную контору с переводчиком.

Надо сказать, что со вступлением в силу Закона Азербайджанской Республики «О нотариате» за 16 лет этот закон более 26 раз претерпел изменения и дополнения. Конечно, это дает основание говорить, что Закон был подготовлен не очень качественно.

Согласно части 3 ст. 14 Закона «О нотариате» проверка нотариальной деятельности каждого нотариуса проводится не реже одного раза в два года.

Приказом Министра юстиции от 28 октября 2005 г. утвержден Порядок проверки нотариальной деятельности. В пункте 1.10 Порядка проверки нотариальной деятельности указывается, что в зависимости от объема работы срок проверки не должен превышать 7 рабочих дней. Возможно продление этого срока в случаях возникновения необходимости. Но не указывается, на какое максимальное число дней можно продлить проверку. Если учесть, что в городе Баку есть нотариальные конторы, которые в течение двух лет удостоверяют больше 100 тысяч нотариальных действий, то невозможность проверки деятельности таких нотариальных контор за 7 рабочих дней не вызывает сомнения. Поэтому мы предлагаем изменить содержание части 3 статьи 14 Закона «О нотариате» и изложить ее следующим образом: «Проверка нотариальной деятельности каждого нотариуса проводится не реже одного раза в два года, а проверка нотариальной деятельности нотариуса, который в течение года удостоверил более 30 тысяч нотариальных действий, – не реже одного раза в год».

Для сравнения хотелось бы отметить, что согласно статье 122 закона Турецкой Республики «О нотариате», которая называется «Ревизия нотариальных контор», в нотариальных конторах Турции ревизия проводится не менее одного раза в год.

18 апреля 2006 г. Президент Азербайджанской Республики издал указ об утверждении Положения о Министерстве юстиции Азербайджанской Республики. В Положении указывается, что Министерство юстиции является органом центральной исполнительной власти со статусом правоохранительного органа [6]. Со вступлением в силу этого Указа впервые государственные нотариусы получили статус работника правоохранительного органа.

Указом Президента Азербайджанской Республики от 17 августа 2006 г. в целях упрощения работы по государственной регистрации, повышения эффективности оказываемых физическим и юридическим лицам нотариальных услуг на базе управлений Государственной регистрации юридических лиц и Нотариата и актов гражданского состояния создано Главное управление регистрации и нотариата. В настоящее время контроль за деятельностью государственных и частных нотариусов осуществляется Главным управлением регистрации и нотариата Министерства юстиции Азербайджанской Республики. В зарубежных странах, в которых действуют частные нотариусы, контроль за деятельностью частных нотариусов осуществляется нотариальными палатами. Например, согласно ст. 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате контроль за исполнением профессиональных обязанностей нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах, осуществляет федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю в сфере нотариата, и его территориальные органы, а нотариусами, занимающимися частной практикой, – нотариальные палаты [7, с. 27].

На наш взгляд, чтобы более эффективно осуществить контроль за деятельностью частных нотариусов и обеспечить самостоятельность частных нотариусов, целесообразно было бы создание нотариальной палаты. Поэтому предлагаем изменить часть 2 статьи 14 Закона Азербайджанской Республики «О нотариате» и изложить ее нижеследующим образом:

«Контроль за деятельностью государственных нотариусов осуществляет соответствующий орган исполнительной власти (Министерство юстиции Азербайджанской Республики), а за частными нотариусами – нотариальные палаты».

По мнению российского ученого И. Г. Черемных, в систему принципов нотариальной деятельности входят:

- 1) принцип законности;
- 2) принцип, в соответствии с которым нотариальная деятельность осуществляется строго определенным способом – путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий;
- 3) принцип осуществления нотариальной деятельности специальными субъектами – нотариусами и уполномоченными должностными лицами;
- 4) независимость и беспристрастность нотариуса при осуществлении нотариальной деятельности;
- 5) принцип равенства перед законом при осуществлении нотариальной деятельности всех субъектов нотариального права, занимающих в нотариальном производстве одинаковое процессуальное положение. Принцип равенства перед законом не исключает возможности закрепления в законе дополнительных гарантий прав отдельных категорий граждан, например, льгот по оплате государственной пошлины (нотариального тарифа) за совершение нотариальных действий;
- 6) принцип осуществления нотариальной деятельности исключительно в сфере бесспорной юрисдикции;
- 7) принцип осуществления нотариальной деятельности от имени Российской Федерации;
- 8) принцип процессуальности (процедурности) нотариальной деятельности;
- 9) принцип ответственности нотариуса при осуществлении нотариальной деятельности;
- 10) некоммерческий характер нотариальной деятельности;
- 11) принцип осуществления нотариальной деятельности в соответствии не только с законодательными, но и с моральными, нравственными нормами, действующими в обществе [8, с. 25–26].

В соответствии со статьей 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариальные действия в этой стране совершаются от имени Российской Федерации. Видимо, И. Г. Черемных, руководствуясь этой статьей, в систему принципов нотариальной деятельности включил осуществление нотариальной деятельности от имени Российской Федерации.

Прискорбным фактом является, отсутствие отражения в Законе «О нотариате» совершения нотариальных действий от имени Азербайджанской Республики. На наш взгляд, изменение статьи 1 Закона «О нотариате» и отражение в нем совершения нотариальных действий от имени Азербайджанской Республики повысило бы престиж нотариуса в нашей республике, а физические и юридические лица с более возросшим доверием обращались бы в нотариальные конторы для совершения нотариальных действий. Иначе говоря, у этих лиц будет создаваться мнение, что, как суды выносят решения от имени государства, удостоверение государственным или частным нотариусом нотариальных действий тоже совершается от имени Азербайджанской Республики и государство соответственно дает гарантии их обеспечения. С этой целью предлагаем дополнить часть 3 статьи 1 Закона «О нотариате» следующим положением:

«Нотариальные действия совершаются от имени Азербайджанской Республики».

Считаем целесообразным назначать на должность нотариуса аналогично назначению судей лиц в возрасте не моложе 30 лет. Поскольку возраст до 30 лет лица, желающего стать нотариусом, и его работа в нотариальном конторе консультантом или на другой должности, а также в другой отрасли права и соответственно определенный опыт практической работы облегчили бы деятельность этого лица в качестве нотариуса.

В каждодневной жизни заключение договоров между лицами широко распространено. С целью защитить права и законные интересы физических и юридических лиц законодателем установлено, что некоторые договоры действительны лишь при удостоверении в нотариальном порядке. Договор, заключенный с нарушением указанных условий недействителен. Например, согласно статье 307.7 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики, договор об ипотеке подлежит нотариальному удостоверению.

Другой пример. На основании статьи 865.2 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики договор ренты, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества подвыпущены, подлежит нотариальному удостоверению [9].

В Азербайджанской Республике начиная лишь с февраля 2011 года на юридическом факультете Бакинского государственного университета только в трех группах (две группы азербайджанского, одна группа русского сектора) началось преподавание учебной дисциплины «Нотариальное право». Из-за того, что нотариальное право не является обязательной учебной дисциплиной, отведенные на нее учебные часы очень малы. На преподавание этой выборочной учебной дисциплины предусмотрено 30 часов лекций и 15 часов семинарных занятий.

На юридических факультетах других учебных заведений – Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, Национальной академии авиации, Нахичеванском государственном университете и Полицейской академии Министерства внутренних дел, нотариальное право как учебная дисциплина не преподается.

Считаем, что есть необходимость в развитии нотариального права как учебной дисциплины и как отрасли науки. Учитывая близость дисциплины «Нотариальное право» к дисциплинам «Гражданское право» и «Гражданский процесс» считаем целесообразным на четвертом курсе ступени бакалавриата высших учебных заведений, где имеется юридический факультет, преподавание обязательной дисциплины «Нотариальное право». Эта целесообразность исходит из того, что на 2 и 3 курсах преподается общая и особенная части дисциплины «Гражданское право», а также «Гражданский процесс».

Учитывая, что вопросы наследования, отношения связанные с недвижимым имуществом, институт обязательства и другие преподаются в дисциплине «Гражданское право», а порядок судопроизводства по гражданским делам и экономическим спорам – в дисциплине «Гражданский процесс», для студентов после изучения учебных дисциплин «Гражданское право» и «Гражданский процесс» будет гораздо легче усвоить дисциплину «Нотариальное право».

Учебную дисциплину «Нотариальное право» необходимо преподавать во взаимосвязи с нотариальной практикой. Если в процессе преподавания дисциплины «Гражданский процесс» студенты безо всяких проблем могут посещать судебные заседания, то в вопросе ознакомления с нотариальной практикой у студентов эта возможность отсутствует в связи с вопросом сохранения тайны нотариальных действий. Целесообразным выходом из создавшейся ситуации считаем привлечение опытных нотариусов к преподаванию дисциплины «Нотариальное право».

Список использованных источников

1. О нотариате : Закон Азербайджанской Респ., 26 нояб.1999 г. // Азербайджан. – 2000. 30 янв.
2. О государственной пошлине : Закон Азербайджанской Респ., 4 дек. 2001 г. // Азербайджан. – 2001. – 28 дек.
3. Реут, А. В. Правовой режим государственной пошлины в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Реут. – М., 2009. – 26 с.
4. Об усовершенствовании применения государственного языка : Указ Президента Азербайджанской Респ., 18 июня 2001 г. // Азербайджан. – 2001. – 19 июня.
5. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года. – Баку : Ганун, 2012. – 64 с.
6. Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Азербайджанской Республики : Указ Президента Азербайджанской Респ., 18 апр. 2006 г. – Азербайджан. – 2006. – 19 апр.
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года. – М. : Рид Групп, 2011. – 144 с.
8. Черемных, И. Г. Становление независимого нотариата России как института по осуществлению правоохранительной деятельности : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / И. Г. Черемных. – М., 2007. – 54 с.
9. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики. – Баку : Ганун, 2012. – 760 с.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Минько Наталья Сергеевна,
доцент кафедры адвокатуры юридического факультета
Международного университета «МИТСО», г. Минск
кандидат юридических наук, доцент

В научной и учебной юридической литературе понятие «государственное регулирование» (англ. *state regulation*) рассматривается как целенаправленное воздействие государства на организацию определенной сферы жизнедеятельности общества путем издания законов и других нормативных правовых актов, определяющих предлагаемые государством правила деятельности субъектов в соответствующей сфере.

Основной целью государственного регулирования, с одной стороны, выступает формирование механизмов и стимулов определенной организации и деятельности, а с другой – применение мер государственного принуждения к лицам, нарушающим требования, выраженные в нормативных правовых актах. Нормативные правовые акты в данном случае являются юридической формой, в которую облакаются различные методы и средства государственного воздействия. Эти методы и средства представляют собой сложную систему правовых, экономических, организационных, социальных и других мероприятий. Такой подход, предложенный рядом российских ученых, таких как Ю. А. Тихомиров, М. Ю. Тихомиров, Л. В. Тихомирова [1, с. 202], представляется оправданным и объективным, однако следует учитывать, что не все правовое воздействие можно отнести к регулированию.

Другой подход к определению сущности государственного регулирования отражен в отдельных справочных изданиях [2, с. 82–83], где государственное регулирование предусматривает осуществление комплекса мер (мероприятий), направленных на реализацию специфических принципов в определенной сфере деятельности. В Юридическом словаре-справочнике высшего управленческого персонала государственное регулирование рассматривается как система мер (вмешательство государства), обеспечивающих необходимый контроль конкретной сферы в определенных законом целях посредством специфических методов [3, с. 94–95], однако не приводится перечень названных методов. Между тем мы полагаем, что нельзя сводить содержание процесса государственного регулирования к итоговой реализации контрольных полномочий, поскольку им должна предшествовать определенная организационная деятельность.

По мнению И. Л. Бачило, государственное регулирование осуществляется в основном через организацию, прогнозирование, программное управление, ресурсную систему, финансирование, информационное обеспечение. В самом общем виде государственное регулирование представляет собой способ или метод государственного воздействия на состояние и поведение объекта регулируемых отношений и реализуется главным образом путем передачи полномочий (в том числе управленческих) от субъекта к субъекту регулирования, активным использованием договорных отношений, лицензирования, проявляясь преимущественно через законодательство и другие формы нормотворческой деятельности [4, с. 207].

Представляется, что данная формулировка несколько усложнена. Указание в ней возможности использования договорных отношений вступает в противоречие с положением об обязательности государственно-властных предписаний и установлений; возможность передачи управленческих полномочий целесообразнее было бы выделить именно в рамках государственного управления.

Ряд белорусских авторов применительно к отношениям государственного регулирования указывают, что нужно вести речь именно о государственном управлении в широком смысле. Так, Л. М. Рябцев при этом использует формулировку «управление делами государства всеми органами государства и ветвями власти» [5, с. 11; 6, с. 15], аналогичного мнения придерживаются А. А. Постникова и А. И. Сухаркова [7, с. 7]. Государственное управление Л. Т. Разумова рассматривает как «конкретный вид деятельности по осуществлению единой государственной власти, имеющий функциональную и компетенционную специфику» [8, с. 12].

Д. А. Гавриленко, А. Н. Крамник и другие ученые [9–11] указывают на возможность включения в систему государственного управления не только исполнительных и распорядительных органов. Однако, на наш взгляд, не совсем верно отождествлять указанные понятия, поскольку по содержательному и субъектному критериям они будут иметь существенные отличия.

Российские ученые Г. В. Атаманчук [12, с. 63–65], В. М. Фокин [13, с. 37], А. Н. Козырина и М. А. Штатина [14, с. 28–30] указанные понятия не отождествляют, трактуя государственное управление исключительно как деятельность органов исполнительной власти.

По мнению Н. И. Глазуновой, государственное управление идентифицируется с целенаправленным организующе-регулирующим воздействием государства (через систему его органов и должностных лиц) на общественные процессы, отношения и деятельность людей [15].

Структурно государственное управление как система состоит из трех диалектически взаимосвязанных между собой подсистем: управляющей системы, под которой понимается, как правило, государство как ведущий субъект управления, управляемой системы, которая преимущественно соответствует общественной системе, а также системы взаимодействия между государственной властью и обществом.

В основе управления лежит принцип единоначалия, означающий предоставление руководителю какого-либо органа широких полномочий, необходимых для выполнения его функций, а также установление его персональной ответственности за результаты работы. В этом случае предполагается, что руководителю дают широкие, но функционально ограниченные полномочия. Одновременно с этим он несет ответственность за все достигнутые результаты работы. В отличие от единоначалия, ключевым для понимания сути современного менеджмента является анализ результатов, а не сам процесс работы/деятельности [16, с. 38].

Вместе с тем в трудах белорусских исследователей термин «государственное регулирование» всестороннему специальному изучению не подвергался, а лишь использовался применительно к анализу различных видов общественных отношений (государственному регулированию инвестиционной, внешнеторговой, природоресурсной деятельности и др.).

По своей сущности государственное управление имеет выраженный общественно-политический уклон, в то время как государственное регулирование характеризует разностороннее, комплексное воздействие государства преимущественно на экономическую жизнь общества. Его цель состоит в необходимости упорядочить действия субъектов хозяйствования, придать процессам организационный характер, обеспечить соблюдение законов, реализацию государственных интересов.

При этом регулирование включает в себя прогнозирование, планирование, финансирование, бюджетирование, налогообложение, кредитование, администрирование, учет и контроль [17, с. 182]. По нашему мнению, оно также охватывает функции экспертизы и надзора, мониторинга, программирования, информирования, установления лимитов, распределения и перераспределения ресурсов, их воспроизводства, принятие оперативных решений, а также разрешения споров, включая рассмотрение обращений в той или иной сфере и т. д.

Таким образом, получающий все большее распространение термин «государственное регулирование» не нашел единообразного закрепления в законодательстве Республики Беларусь. Прослеживается тенденция дифференциации формулировки и содержания рассматриваемого понятия согласно направлениям деятельности

государственных органов, к этому же сводятся установления нормативных правовых актов, принятых в течение последних десяти лет. Применительно к различным областям жизнедеятельности общества также преимущественно используются формулировки: «обеспечение», «установление», «руководство», «контроль».

В данных условиях заслуживает внимания вопрос о необходимости единообразного законодательного закрепления понятия, содержания (направлений), методов государственного регулирования как специфической области деятельности уполномоченных государственных органов.

Следует обратиться к признакам, которые помогут сформировать представление о сущности и содержании понятия «государственное регулирование».

Так, круг субъектов, осуществляющих государственное регулирование в определенной области общественных отношений, представлен различными органами государственной власти, в частности, органами законодательной и исполнительной власти. По своему содержанию данная деятельность предусматривает возможность осуществления указанными субъектами как управленческих, так нормотворческих и контрольных полномочий.

Важно отметить, что в отличие от государственного управления, носящего по своей юридической природе «подзаконный характер, вторичный по отношению к законодательной деятельности» [18, с. 15–16], государственное регулирование объединяет в себе как подзаконную, так и законодательную организующую деятельность.

Формы государственного регулирования различных сфер жизнедеятельности общества находят свое выражение преимущественно в виде правотворческой, правоприменительной (правореализующей) и правоохранительной деятельности государства. Причем, по мнению Е. В. Чурсиной, правотворческая деятельность органов государственной власти может осуществляться в двух основных направлениях: в рамках и во исполнение полномочий органов государственной власти (прямое, непосредственное решение вопросов, относящихся к их компетенции), а также в виде опережающего правового регулирования [19, с. 22].

Интересной представляется позиция А. В. Малько, который выделяет в рамках правореализующей деятельности – использование, выполнение и применение, причем использование связывается с реализацией правовых стимулов, выполнение – с реализацией правовых тормозов [20, с. 109].

Сущность государственного регулирования определяется конкретной областью воздействуемых общественных отношений, обуславливающих использование специфических методов. В частности, административных методов (санкционирование (дозволение), властное предписание, согласование, запрет), экономических методов (платность, материальное стимулирование), а также методов морального поощрения, или так называемых идеологических методов (убеждение, воспитание, разъяснение, меры нематериального характера), которые в совокупности образуют единый императивно-диспозитивный метод государственного регулирования. Все указанные методы регулирования общественных отношений применялись государственными органами на определенных этапах общественного развития.

С учетом анализа предложенных учеными понятий и законодательных тенденций представляется, что наиболее точно, оптимально определяют понятие «государственное регулирование» российские ученые Ю. А. Тихомиров, М. Ю. Тихомиров, Л. В. Тихомирова, что позволяет рассматривать его содержание в конкретной области общественных отношений как деятельность государства в лице компетентных государственных органов, осуществляющих нормотворческие, управленческие и контрольные полномочия, по организации общественных отношений в определенной сфере жизнедеятельности общества с использованием соответствующих методов.

Данная деятельность носит направляющий характер, обеспечивает правовой режим развития в рамках определенной сферы общественных отношений, предусматривает вмешательство с целью перспективного воздействия в нужном государству направлении для решения определенных задач или проблем.

Современное демократическое общество является объектом воздействия и вмешательства не только государственных органов, но и иных субъектов (например, бизнес-структур, церкви и т. д.). Регулирующее воздействие должно создавать определенный уровень устойчивости в общественных отношениях, предотвращать развитие негативных явлений. Государственное управление и государственное регулирование не противоречат и не исключают, а дополняют друг друга в условиях демократии и рыночной экономики. В настоящее время в Республике Беларусь продолжается формирование рациональной, эффективной и сбалансированной системы государственного регулирования общественных отношений.

Список использованных источников

1. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров ; под общ. ред. М. Ю. Тихомирова. – 6-е изд. доп. и пер. – М. : Изд-во Тихомирова М. Ю., 2008. – 1088 с.
2. Словарь юридических терминов / под. общ. ред. А. М. Абрамовича. – Минск : НЦПИ Респ. Беларусь; Инф.-прав. агентство «Регистр», 2000. – 531 с.
3. Гавриленко, В. Г. Юридический словарь-справочник высшего управленческого персонала / В. Г. Гавриленко, П. Г. Никитенко, Н. И. Ядевич ; под общ. ред. В. Г. Гавриленко. – Минск : Право и экономика, 2001. – 1100 с.
4. Юридическая энциклопедия / под общ. ред. Б. Н. Топорнина. – М. : Юрист, 2001. – 1272 с.
5. Административное право : учеб. пособие / Л. М. Рябцев [и др.] ; под общ. ред. Л. М. Рябцева. – Минск : Амалфея, 2009. – 432 с.
6. Административное право : учеб. пособие / Л. М. Рябцев, Г. А. Василевич, А. Г. Тиковенко, Г. Б. Шишко [и др.] ; под общ. ред. Л. М. Рябцева. – Минск : Книжный Дом, 2007. – 320 с.

7. Постникова, А. А. Административное право : учеб. пособие / А. А. Постникова, А. И. Сухаркова. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2003. – 191 с.
8. Разумова, Л. Т. Конституционные основы деятельности органов власти / Л. Т. Разумова. – Минск : Право и экономика, 2005. – 190 с.
9. Административное право : учеб. пособие / Л. М. Рябцев, Г. А. Василевич, А. Г. Тиковенко, Г. Б. Шишко [и др.] ; под общ. ред. Л. М. Рябцева. – Минск : Книжный Дом, 2007. – 320 с.
10. Административное право : учеб. пособие для студентов вузов / Д. А. Гавриленко, С. Д. Гавриленко ; под общ. ред. Д. А. Гавриленко. – Минск : Амалфея, 2002. – 414 с.
11. Административно-правовые основы государственного управления : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; общ. ред. А. Н. Крамника. – Минск : Тесей, 2004. – 702 с.
12. Административное право : учеб. / под ред. Г.В. Атаманчука. – М. : Изд-во РАГС, 2003. – 392 с.
13. Фокин, В.М. Административное право. Общая часть : учеб. пособие / В.М. Фокин. – М. : Былина, 2003. – 310 с.
14. Административное право зарубежных стран : учебник / под ред. А. Н. Козырина, М. А Шатиной. – М. : Спарк, 2003. – 464 с.
15. Глазунова, Н. И. Государственное и муниципальное управление : учебник / Н. И. Глазунова. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
16. Антошин, В. А. Современное общество: диалектика управления и регулирования / В. А. Антошин // Вопросы управления. – 2013. – № 4. – С. 35–50.
17. Петров, В. К. Устойчивость государства / В. К. Петров, С. Г. Селиванов. – М. : Экономика, 2005.
18. Крамник, А. Н. Административное право и государственное управление в Республике Беларусь / А. Н. Крамник. – Минск : Амалфея, 2001. – 224 с.
19. Чурсина, Е. В. Разграничение полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов по предметам совместного ведения: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е. В. Чурсина ; Краснодар. Акад. МВД России. – Ставрополь, 2005. – 31 с.
20. Малько, А. В. Укрепление законности: проблемы стимулирования и торможения / А. В. Малько // Современное государство и право. Вопросы теории и истории : сб. науч. тр. / Дальневост. ун-т ; редкол. : Т. М. Алеева (отв. ред.) [и др.]. – Владивосток, 1992. – С. 106–112.

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ АТИПИЧНЫХ СДЕЛОК ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА: ДЕЛИКТНЫЙ АСПЕКТ

Михайлов Дмитрий Игоревич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, г. Гомель,
кандидат юридических наук, доцент

В соответствии с новой редакцией ст. 57.1 и 58 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 года «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о хозяйственных обществах) в качестве условия оспаривания крупных сделок, а также сделок с заинтересованностью признается причинение обществу убытков или возникновение угрозы их причинения, а равно иных неблагоприятных последствий [1]. Это условие имеет ряд особенностей, значительно усложняющих правоприменение. К данным особенностям следует отнести: а) недостаточную категориальную определенность причиняемых обществу убытков; б) недостаточную конкретизацию степени абстрагирования убытков общества, наступающих в результате совершения конкретной сделки. С учетом деликтной природы неодобрения или ненадлежащего одобрения сделок с заинтересованностью и крупных сделок высшим или наблюдательным органом общества, в качестве возможных последствий его следует рассматривать только убытки, отвечающие требованиям ст. 14 Гражданского кодекса Беларуси (далее – ГК) и иным нормам гражданского законодательства.

Вместе с тем определение убытков, причиненных вследствие сделки с заинтересованностью, должно основываться на сопоставлении экономического результата этой сделки с экономическим результатом аналогичных сделок. Неблагоприятную для общества разницу в расходах следует квалифицировать как реальный ущерб, а такую же разницу в доходах – как упущенную выгоду. Исходя из этого, можно сделать вывод, что правила ст. 57.1 и 58 Закона об обществах предусматривают в качестве условия признания рассматриваемых сделок общества причинение или угрозу причинения ему абстрактных убытков, основанных на сопоставлении экономических результатов. До закрепления в Законе об обществах указанных норм абстрактные убытки были предусмотрены ст. 494 ГК в качестве правовых последствий расторжения договора поставки, а также утратившим силу (от 18 июля 2000 г.) и действующим (от 13 июля 2012 г.) законами «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон об экономической несостоятельности) (ст. 108) в качестве одного из оснований для одностороннего отказа управляющего от исполнения неденежного обязательства должника [2; 3]. В некотором смысле можно констатировать уязвимое положение хозяйственного общества, заключившего сделку с заинтересованностью без одобрения его высшего органа. Однако степень уязвимости его положения

нельзя считать сопоставимой степени уязвимости экономически несостоятельного должника. В силу указанных причин применение правил ст. 108 Закона об экономической несостоятельности, а тем более правил ст. 494 ГК Беларуси по аналогии представляется затруднительным. На основании изложенного, можно заключить, что правила ст. 57.1 и 58 Закона об обществах, с одной стороны, предполагают причинение обществу именно абстрактных убытков, однако, с другой – прямо не указывают на данную категорию убытков в отсутствии приемлемой нормы, подходящей для аналогии закона в данном случае. Примером констатации абстрактных убытков может служить постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.12.2010 № 10082/10 по делу № А40-7163/08-83-74, в котором отмечается факт причинения убытков, вследствие нескольких сделок, в результате которых общество утратило право на автозаправочный комплекс, получив взамен 50 тысяч рублей, то есть передав его фактически безвозмездно [4]. В этой связи необходимо отметить, что в правилах ч. 1 ст. 110 Закона об экономической несостоятельности и п. 1 ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» несопоставимая сумма обязательства контрагента именуется заведомо неравноценным встречным обязательством, а не абстрактными убытками [2; 5]. При этом наличие таких условий сделки несостоятельного должника является самостоятельным основанием ее недействительности, а не разновидностью оспоримых сделок, причиняющих ущерб кредиторам [6, с. 73–76]. Кроме того, абстрактные убытки применимы лишь в случае наличия биржевой или рыночной цены на товар, которая может быть определена не для каждого вида имущества [7, с. 528].

Альтернативой доказыванию абстрактных убытков в качестве условия признания недействительности сделки с заинтересованностью может стать доказывание атипичных убытков. Под атипичными убытками в данном случае следует понимать возникновение в результате совершения сделки с заинтересованностью или крупной сделки расходов или упущенных доходов, несвойственных сделкам данного вида (разновидности). Атипичные убытки следует отличать от обычных убытков, возникающих вследствие неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязательств. Обычные убытки возникают не в результате заключения сделки, а в результате несоблюдения ее условий. При этом нельзя исключать иного толкования правил ст. 57.1 Закона об обществах, при котором сделку с заинтересованностью, в отличие от крупной, следует рассматривать как причину возникновения обычных убытков. В этом случае нужно исходить из специфики субъектного состава, положенного в основу самого юридического конструкта сделки с заинтересованностью. Контрагент общества по такой сделке может рассматриваться в качестве элемента сделки наравне с ее условиями. При этом низкий уровень его деловой репутации может квалифицироваться как своеобразный аналог условия сделки, вследствие которого обществу были причинены обычные убытки. Однако деловая репутация является оценочной категорией, что существенно усложнит применение рассматриваемого правила ст. 57.1 Закона о хозяйственных обществах в случае квалификации репутации контрагента общества как аналога условия сделки с ним. Атипичные убытки не являются абстрактными, поэтому в нормах действующего гражданского законодательства отсутствуют препятствия для констатации данных убытков в качестве условия удовлетворения иска о признании недействительности сделки с заинтересованностью. Однако ограничение сферы применения рассматриваемого условия, предусмотренного ст. 57.1 и 58 Закона о хозяйственных обществах, только наличием или угрозой возникновения атипичных убытков представляется некорректным с точки зрения вероятного смысла данных правил, которые ориентированы на защиту любых имущественных интересов общества, нарушенных в результате несоблюдения порядка совершения сделки.

Правилами ст. 57.1 и 58 предусматривается возможность оспаривания таких сделок при возникновении угрозы причинения убытков, однако не устанавливается никакого критерия определения степени соответствующего риска. Область знаний, необходимая для оценки степени риска возникновения убытков, определяется причинами возникновения убытков. Убытки могут наступить вследствие технических, экономических и правовых причин. При оценке страховых или инвестиционных рисков необходимо учитывать все указанные категории причин, поэтому дифференциация данных причин в зависимости от отраслей научных знаний юридического значения в этих случаях не имеет. Однако при установлении угрозы возникновения у хозяйственного общества убытков вследствие сделки с заинтересованностью или крупной сделки указанная дифференциация причин имеет большое значение. Причины возникновения убытков лежат в основе причинно-следственной связи между сделкой общества и угрозой возникновения убытков.

Множественность неопределенных и сложных факторов не может способствовать эффективности правоприменения. В связи с этим необходимо совершенствование правил, регламентирующих условия удовлетворения иска о признании недействительности сделки с заинтересованностью аффилированных лиц, а равно крупной сделки по двум направлениям: конкретизация убытков как правовой категории в рассмотренном аспекте; разработка гражданско-правовых альтернатив убытков для оптимизации защиты интересов хозяйственного общества и его участников.

Список использованных источников

1. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Судас, А. П. Обязательства сторон должны исполняться надлежащим образом [Электронный ресурс] / А. П. Судас // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.12.2010, № 10082/10 по делу № 40-7163/08-83-74 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

5. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Федеральный закон Рос. Федерации, 26 окт. 2002 г., № 127-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

6. Михайлов, Д. И. Сделки с заинтересованностью в отношении должника, влекущие причинение ущерба его кредиторам / Д. И. Михайлов // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь. – 2013. – № 2. – С. 73–81.

7. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Общие положения / М. И Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 1997.– 682 с.

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ СПОРА В ПРИРОДООХРАННОЙ СФЕРЕ

Мороз Олег Васильевич,
доцент кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Понятие спора в области охраны окружающей среды в законодательстве не приводится. Это обусловлено отсутствием единого подхода к пониманию спора не только в сфере охраны окружающей среды, но и в других областях общественных отношений. Учитывая материальную и процессуальную природу спора в области охраны окружающей среды, под таковым следует понимать конфликт между субъектами природоохранных правоотношений, порядок разрешения которого обуславливается содержанием соответствующих правоотношений. Поэтому виды споров в сфере природопользования и охраны окружающей среды определяются в соответствии с предметом правового регулирования различных институтов экологического права. Такой подход позволяет классифицировать споры в сфере охраны окружающей среды на: споры по поводу прав общественности в области охраны окружающей среды; споры, возникающие в сфере осуществления природоохранной деятельности; споры, возникающие в сфере соблюдения требований экологической безопасности.

Каждая из приведенных групп обладает определенной спецификой по таким аспектам как участники и содержание спора, правовые формы разрешения спора и способы защиты прав.

Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в целом определяет общественные отношения, на основе которых могут возникнуть споры в области охраны окружающей среды, а также круг субъектов этих отношений, к которым относятся:

граждане Республики Беларусь, включая индивидуальных предпринимателей, юридические лица Республики Беларусь, в том числе общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды, а также специально уполномоченные республиканские органы государственного управления в области охраны окружающей среды, местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы.

По общему правилу споры в области охраны окружающей среды разрешаются Минприроды Республики Беларусь или его территориальными органами и (или) судом в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь [1]. Тем не менее отсутствует правовая регламентация административного порядка разрешения споров Минприроды Республики Беларусь или его территориальными органами по аналогии с разрешением земельных споров. При совершенствовании законодательства также следует учитывать положения Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (далее – Орхусская конвенция).

Возможные способы защиты прав в области охраны окружающей среды, закрепленные в специальном природоохранном законодательстве, включают в том числе приостановление (запрет) хозяйственной и иной деятельности, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду, возмещение вреда, причиненного окружающей среде, возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу граждан, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате вредного воздействия на окружающую среду.

Приостановление (запрет) хозяйственной и иной деятельности, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду, регламентируется в статьях 100, 100¹ Закона «Об охране окружающей среды». Хозяйственная и иная деятельность, оказывающая вредное воздействие на окружающую среду, может быть приостановлена (запрещена) в административном либо судебном порядке.

В административном порядке такая деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей приостанавливается (запрещается) государственным органом, осуществляющим контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов. В данном случае основанием к применению такой меры будет являться выявление нарушения законодательства Республики Беларусь, создающего

угрозу причинения вреда окружающей среде. Порядок приостановления (запрета), возобновления приостановленной (запрещенной) экологически вредной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей осуществляется в порядке, предусмотренном Положением о порядке организации и проведении проверок, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510. В частности, выносятся требование (предписание) о приостановлении (запрете) экологически опасной деятельности. В нем указывается срок приостановления (запрета) и срок информирования контролирующего (надзорного) органа, проводившего проверку, об устранении нарушений, повлекших приостановление (запрет). Данное требование (предписание) не позднее одного рабочего дня, следующего за днем его вручения (направления), утверждается должностным лицом контролирующего (надзорного) органа, уполномоченным в соответствии с его компетенцией рассматривать материалы проверки. При необходимости указанным должностным лицом выносятся решение о полной или частичной отмене требования (предписания), уменьшении срока приостановления (запрета) и (или) срока информирования об устранении нарушений, повлекших приостановление (запрет) [2].

Инициаторами судебного порядка приостановления (запрета) хозяйственной и иной деятельности, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду, могут выступать общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды, и граждане. Это предполагает возможность предъявить в суд иск, если в результате такой деятельности нарушаются требования в области охраны окружающей среды, причиняется экологический вред или создается опасность причинения экологического вреда в будущем. Кроме того, если хозяйственная и иная деятельность, оказывающая вредное воздействие на окружающую среду и причиняющая экологический вред, создает опасность причинения экологического вреда в будущем, суд вправе обязать юридических лиц или индивидуальных предпринимателей помимо возмещения экологического вреда приостановить до устранения выявленного нарушения либо запретить такую деятельность.

Возмещение вреда, причиненного окружающей среде, также представляется возможным рассматривать как способ защиты прав в области охраны окружающей среды. Основопологающие нормы, регулирующие данные отношения, содержатся в статьях 101–101⁴ Закона «Об охране окружающей среды». Вред, причиненный окружающей среде – это имеющее денежную оценку отрицательное изменение окружающей среды или отдельных компонентов природной среды, природных или природно-антропогенных объектов, в результате вредного воздействия на окружающую среду, связанного с нарушением требований в области охраны окружающей среды, иным нарушением законодательства Республики Беларусь. Может выражаться в загрязнении, деградации, истощении, повреждении, уничтожении, незаконном изъятии и других формах. Вред, причиненный окружающей среде, подлежит возмещению лицом, его причинившим, в полном объеме, добровольно или по решению суда [3]. Порядок возмещения вреда, причиненного окружающей среде, можно разделить на несколько этапов: установление факта его причинения, предъявление претензии о возмещении такого вреда, предъявление соответствующего иска.

Факт причинения вреда окружающей среде фиксируется государственным органом, осуществляющим контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, в акте об установлении факта причинения вреда окружающей среде и не подлежит доказыванию. Однако в опровержение его могут быть представлены доказательства. В данном акте указываются: сведения о государственном органе (должностном лице), установившем факт причинения вреда окружающей среде; время, место, обстоятельства причинения вреда окружающей среде со ссылкой на нормативные правовые акты, нормы которых нарушены; результаты измерений в области охраны окружающей среды (если они выполнялись), подтверждающих факт причинения вреда окружающей среде; размер возмещения вреда, причиненного окружающей среде. Порядок его составления определяется Положением о порядке исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и составления акта об установлении факта причинения вреда окружающей среде. Акт подписывается должностным лицом, установившим этот факт. Следует отметить, что факт причинения вреда окружающей среде может быть также зафиксирован органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры, другими государственными органами, не осуществляющими контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, процессуально-исполнительным законодательством об административных правонарушениях и иным законодательством Республики Беларусь.

Претензия о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, предъявляется лицу, причинившему такой вред, со стороны государственного органа, осуществляющий контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, иной государственной организации в пределах своей компетенции. Данная претензия предъявляется до подачи соответствующего иска и в ней указываются: сведения о государственном органе, предъявляющем претензию; сведения о лице, причинившем вред; обстоятельства, на которых государственный орган, предъявляющий претензию, основывает свои требования, со ссылкой на нормативные правовые акты, нормы которых нарушены; расчет размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, способы и срок его возмещения, реквизиты банковского счета, на который следует перечислять средства для возмещения вреда, причиненного окружающей среде. При возмещении вреда в денежной форме срок его возмещения не должен превышать двух месяцев со дня предъявления претензии. К претензии о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, должен быть приложен акт об установлении факта причинения вреда окружающей среде. При согласии возместить вред, причиненный окружающей среде, претензия находит удовлетворение. В некоторой степени такой добровольный внеадминистративный и внесудебный порядок разрешения спорной ситуации можно рассматривать как правовую форму альтернативного разрешения споров в сфере охраны окружающей среды.

Иск о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, предъявляется в случае полного или частичного отказа удовлетворить претензию. Данное исковое заявление вправе подавать государственный орган, осуществляющий контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, иная государственная организация в пределах своей компетенции либо прокурор. Исковая давность на требования о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, не распространяется. Однако требования, предъявленные по истечении трех лет со дня установления факта причинения вреда, удовлетворяются не более чем за три года, предшествовавшие предъявлению иска.

При возмещении такого вреда следует учитывать ряд иных правил. Так, требования о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, выразившегося в ее загрязнении, не предъявляются государственным органом, осуществляющим контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, в случае если размер возмещения такого вреда не превышает трех базовых величин. Следует отметить, что юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие экологически опасную деятельность, обязаны возместить вред, причиненный окружающей среде в результате указанной деятельности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы.

Возможна натуральная и денежная форма его возмещения. Натуральная форма выражается в восстановлении нарушенного состояния окружающей среды за счет собственных средств причинителя вреда в соответствии с предписаниями, содержащимися в претензии о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, либо по решению суда с учетом обстоятельств дела. При этом размер средств, направленных на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, не может быть меньше размера возмещения вреда, определенного в соответствии с таксами для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде. Восстановление нарушенного состояния окружающей среды производится в сроки, установленные в предписаниях, содержащихся в претензии о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, либо в решении суда в соответствии с законодательством Республики Беларусь и необходимые для проведения работ по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды. При возмещении вреда, причиненного окружающей среде, в денежной форме размер определяется по таксам, установленным в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде», а при отсутствии такс – по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды, которые определяются в соответствии с Положением о порядке исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и составления акта об установлении факта причинения вреда окружающей среде [4, 5].

Особое значение имеет такой способ защиты прав в области охраны окружающей среды как *возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу граждан, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате вредного воздействия на окружающую среду*. Вред, причиненный жизни и здоровью граждан в результате вредного воздействия на окружающую среду может выражаться, в том числе, в заболевании, утрате трудоспособности, расстройстве здоровья, негативных генетических последствиях, нравственных и физических страданиях. Вред, причиненный имуществу граждан, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате вредного воздействия на окружающую среду может выражаться в утрате, повреждении имущества, приведении его в негодность и т. д. Подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. В соответствии со статьей 102 Закона «Об охране окружающей среде» при возмещении такого вреда следует руководствоваться гражданским законодательством Республики Беларусь, а в случае с трансграничным воздействием на окружающую среду – международными договорами Республики Беларусь в области охраны окружающей среды.

Список использованных источников

1. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХП : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Положение о порядке организации и проведения проверок [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Мороз, О. В. Экологические права граждан Республики Беларусь : учеб. модуль для юрид. клиник / О. В. Мороз. – Минск : БГУ, 2011. – 36 с.

4. О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 июня 2008 г., № 348 : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Положение о порядке исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и составления акта об установлении факта причинения вреда окружающей среде [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 1042 : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННО-РЕАЛИЗАЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК

Орса Александр Евгеньевич,
доцент кафедры государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск,
кандидат юридических наук

Традиционно построение правового государства предполагает проникновение права во все сферы общественной жизни. Наиболее полно это проявляется в тех случаях, когда соответствующие отношения носят оценочный характер и в той или иной степени затрагивают каждого индивидуума.

Областями жизнедеятельности человека, где изобилуют эти факторы, являются производство и реализация. При этом все их аспекты – от заключения договоров на закупку сырья и материалов до распределения и даже перераспределения созданных благ – неразрывно связаны с присущими данным процессам расходами [1, с. 28]. Поэтому все отношения, возникающие по поводу производственно-реализационных издержек, должны быть детально урегулированы законодательством. Актуальность такого регулирования обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего, адекватное исчисление затрат необходимо для объективного установления степени рентабельности субъекта хозяйствования и планирования его социально-экономической деятельности. Кроме того, правильно исчисленные издержки требуются для финансовых, кредитных, других управленческих и правоохранительных органов. Остро необходимые газ, нефть, руды и другие геологические ресурсы в Беларуси имеются в недостаточном количестве, поэтому в республике должен быть введен строжайший режим экономии имеющихся соответствующих благ. Одним из весомых факторов в установлении такого режима должно стать нормирование потребления указанных ресурсов через расходы на производство и реализацию. Наконец, законодательное упорядочение экономических отношений, возникающих в процессе исчисления издержек, будет соответствовать наметившейся в мире тенденции усиления воздействия государства с помощью права на экологию, особенно в плане ресурсо- и энергосбережения.

Для достижения поставленной цели необходимо существование четкого правового механизма, регламентирующего всю совокупность сложнейших общественных отношений, складывающихся в сфере затрат на производство и реализацию и связанных с ними. Указанный механизм должен найти свое отражение в наличии стройной системы правотворчества, законодательства и правоприменительной практики об издержках.

Тем не менее в Беларуси для современной нормативно-правовой регламентации издержек характерны фрагментарность, раздробленность многих актов, их противоречивость, неконкретность, наличие правовых пробелов [2, с. 23]. При таком положении всегда существуют стремление и довольно широкие возможности для обхода закона.

Например, об издержках производства и реализации лишь в самых общих чертах упоминается в различных актах законодательства, а в Налоговом кодексе Республики Беларусь аспекты производственно-реализационных затрат затрагиваются лишь в контексте налогообложения.

Пробелы в правовом регулировании издержек производства и реализации обусловили неопределенность их социально-юридической сущности, понятия, структуры элементов, содержания и истинного назначения, что вызывает разные негативные последствия в предпринимательской деятельности в виде злоупотреблений посредством завышения или искажения производственно-реализационных расходов, порождения теневой экономики и безответственности.

В этой связи представляется закономерным стремление Главы государства к поднятию на качественно новый уровень правотворческой работы, устранению пробелов в национальном законодательстве, совершенствованию экономических законов [3].

Таким образом, существует необходимость формирования единой комплексной, научно обоснованной, отвечающей современным экономическим реалиям правовой базы о данном институте финансового права, регламентирующей всю совокупность сложнейших явлений и отношений, связанных с издержками производства продукции (работ, услуг) и реализации товаров. При этом неукоснительно должна соблюдаться строгая иерархия различных актов законодательства с учетом их юридической силы, а также направленности содержащихся в данных документах норм права на регулирование названных отношений.

Поскольку в Гражданском кодексе Республики Беларусь, являющемся «экономической конституцией государства», содержатся понятия «предпринимательская деятельность», «коммерческая организация» и т. п., имеется потребность закрепления в данном кодифицированном нормативном правовом акте терминов «издержки» («затраты», «расходы»), «товар» и других обязательных для применения в правотворческой и правореализационной практике дефиниций, относящихся к сфере ценообразования и гражданского оборота, следующего содержания:

издержки производства продукции (работ, услуг) и реализации товаров – это совокупность подпадающих нормативно-правовому урегулированию и нуждающихся в таком регулировании общественных отношений, возникающих по поводу материально-вещественных и нематериальных человеческих затрат, обладающих юридически значимыми этимологическими, политико-идеологическими, физическими, организационными, экономическими, экологическими, социально-регулятивными и собственно правовыми признаками и характеристиками в контексте их стоимостной оценки и используемых в соответствующих отраслях или сферах их вложения

для создания и сбыта конкретных социальных благ в целях удовлетворения потребностей отдельных индивидов, государства и общества в целом;

товар – это любые изготовленные человеческим трудом и/или машинами-автоматами реализуемые либо предназначенные для реализации вещи, иные материальные и нематериальные блага.

Следует законодательно разграничить процесс производства от процесса реализации продукции, работ и услуг на сторону. Необходимость этого разделения объясняется тем, что производство и реализация являются количественно и качественно разнородными процессами. В свою очередь, продукция, работы и услуги – количественно-качественно различные экономические явления, отождествление, а тем более смешение которых методологически, теоретически и практически неверно.

Конституционные и гражданско-правовые предписания о затратах должны получить развитие в других общерегулятивных законодательных актах. В частности, вопросы, определяющие виды, формы, меру и порядок привлечения к юридической ответственности за нарушение законодательства об издержках, должны найти свое отражение в Уголовном кодексе Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, Трудовом кодексе Республики Беларусь. Необходимо закрепить нормы об ответственности в сфере издержек, наступающей за совершение **правонарушений в сфере издержек**, под которыми следует понимать виновное, противоправное, запрещенное законом деяние (действие или бездействие), нарушающее порядок формирования издержек производства и реализации, вызывающее их чрезмерное завышение и вследствие этого причиняющее вред, а также создающее угрозу причинения такого вреда экологическим, экономическим и моральным правам и интересам физических и юридических лиц, государству и обществу в целом.

Данное определение является универсальным и соответственно должно конкретизироваться в Уголовном кодексе Республики Беларусь и Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях как преступление или проступок в зависимости от степени общественной опасности деяния. Однако основную юридическую нагрузку следует возложить на специальные законодательные акты об издержках.

При этом целесообразно определиться со сферой регулирования: а) законодательное регулирование издержек производства продукции, выполнения возмездных работ и оказания платных услуг или б) однопорядковое регулирование исчисления себестоимости произведенной продукции, выполненных возмездных работ и оказанных платных услуг на сторону. Для этого необходимо уяснить и разграничить понятия «издержки» и «себестоимость», которые в экономической литературе не совсем обоснованно рассматриваются как равнозначные категории [4, с. 10]. Между тем этимологически и сущностно-содержательно они являются разнородными терминами.

В этимологическом аспекте издержки означают, что хозяйствующий субъект «издержался», «израсходовал на что-либо определенную сумму», т. е. понес затраты. Соответственно при разумности, социальной оправданности формирования издержек последние должны компенсироваться производителю при реализации товара. Себестоимость в этом же контексте представляет собой некорректную, неблагозвучную и даже несколько парадоксальную словесно-терминологическую конструкцию в виде «стоимости, оценивающей саму себя», с неопределенным субъектом и объектом оценки. Поэтому какое-либо возмещение является гипотетичным.

В этой связи экономически и юридически более оправданно использовать фактически объективизированный термин «издержки». Поэтому представляется методологически, теоретически и практически более оправданным разработка и принятие Закона Республики Беларусь «Об издержках производства продукции, выполнения работ и оказания услуг».

Сущностью этого закона как одного из важнейших источников правового регулирования общественных отношений должна стать задача изыскания возможностей уменьшения производственных затрат на основе роста производительности труда, экономии сырья, материалов, топлива, энергоресурсов и лучшего использования основных средств.

Введение в действие указанного законодательного акта оставляет неопределенность отношений на стадии реализации товаров. Между тем эффективность правового регулирования конкретного вида общественных отношений значительно повышается при реализации «пакетного» принципа подготовки законопроектов. В этой связи возникает необходимость в нормативно-правовом упорядочении отношений по поводу сбыта продукции (работ, услуг), которые на данном этапе приобретают свойства товара. Формой такого упорядочения правомерно избрать разработку и принятие Закона Республики Беларусь «Об издержках реализации товаров». Данные законодательные акты должны более жестко регулировать общественные отношения по поводу производственно-реализационных затрат.

Примечательно, что необходимость в правовом регулировании может появиться и после принятия соответствующих законов. Поскольку в силу ряда причин существует специфика проявления издержек в отдельных отраслях и сферах народного хозяйства, нельзя обойтись без ее так называемого подзаконного регулирования. В связи с этим необходимо в развитие названных законов разработать и принять постановление Совета Министров: «Об издержках производства продукции», «Об издержках реализации товаров», «О выполнении работ и оказании услуг». Такое разделение предлагаемых актов законодательства объясняется своеобразной спецификой работ и услуг, для которых процесс выполнения (оказания) часто совпадает с процессом их реализации. Например, несколько некорректно вести речь об издержках производства и реализации продукции в сферах обороны, государственной безопасности, образования и некоторых других функциональных непромышленных сферах. Однако, следует предусмотреть правовое регулирование исчисления издержек по выполнению работ или оказанию услуг такими субъектами на сторону. Указанные правительственные нормативные правовые акты должны детализировать и развивать нормы упомянутых законодательных актов для отдельных народно-

хозяйственных сфер и отраслей: коммунально-бытовой; транспорта; связи; промышленности; сельского хозяйства; строительства; торговли и т. д.

Возможны разъяснения данных положений рекомендательными документами, принимаемыми соответствующими республиканскими органами государственного управления. Допустима систематизация указанных актов законодательства, преимущественно в форме инкорпорации, представляющей собой подготовку и издание различного рода сборников (собраний) нормативных правовых актов без изменения их содержания.

Таким образом, сформируется логически последовательная, иерархически стройная система нормативных правовых актов об издержках производства продукции, реализации товаров, выполнения работ и (или) оказания услуг, также обладающих товарными свойствами.

Предпринимать указанные правотворческие действия следует безотлагательно, так как снижение производственно-реализационных затрат является одним из основных факторов увеличения прибыли и, следовательно, расширения производства, развития социальной сферы, финансирования других нужд государства. Одновременно оно служит основой снижения цен на продукцию, которое, в свою очередь, является главным фактором повышения жизненного уровня населения страны. Только имея четкую структурированную, конкретную, исчерпывающую и легитимированную систему издержек антропогенной деятельности, можно с определенной уверенностью прогнозировать постепенное развитие рыночных отношений, в частности – решение проблем выпуска продукции (работ, услуг) и реализации товаров, повышение конкурентоспособности субъектов хозяйствования, регулируемость процессов ценообразования, кредитования и т. д.

Предлагаемая система нормативных актов об издержках производства и реализации легитимирует и определяет правовой статус экономических пассивов субъектов производственной, иной хозяйственной и нехозяйственной деятельности во всех отраслях и сферах народного хозяйства, станет одним из весомых вкладов в построение правового государства. Формирование предлагаемой нормативно-правовой базы о затратах должно быть исходной юридической основой понимания и разграничения издержек как экономической и социально-правовой категории, а также весомым фактором обеспечения малозатратной, конкурентоспособной, экологичной и иной эффективной предпринимательской деятельности. Кроме того, оно приблизит Беларусь к одному из общественных идеалов – демократичной нормативной системе четких и понятных законов, которые разумно, строго и справедливо регулировали бы отношения между людьми.

Список использованных источников

1. Хойер, В. Как делать бизнес в Европе / В. Хойер. – М. : Прогресс, 1990. – 253 с.
2. Тихиня, В. Г. Состояние хозяйственного законодательства Республики Беларусь и основные направления его совершенствования в условиях формирования правового государства / В. Г. Тихиня // Юридический журнал. – 2005. – № 4. – С. 23–27.
3. Впереди у нас – масштабная работа / Обращение Президента Республики Беларусь А. Лукашенко с Посланием белорусскому народу и Национальному Собранию // Совет. Белорус. – 2005. – 20 апреля. – С. 1–7.
4. Издержки производства (планирование и калькулирование себестоимости продукции в важнейших отраслях народного хозяйства) / под ред. Л. М. Кантора, А. Г. Завьялкова. – Минск : Выш. шк., 1974. – 368 с.

ЗАКОН СТОИМОСТИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Павлов Владимир Павлович,
профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва,
доктор юридических наук, профессор

Вопрос о соотношении права и экономики первоначально инициированный экономистами, сегодня находит все большую поддержку среди юристов. Из последних исследований сопоставительного плана можно отметить труды Е. М. Ашмариной и Г. Ф. Ручкиной в финансовой сфере, Н. Л. Бондаренко в сфере гражданского права.

Объективно действующий в условиях товарного производства закон стоимости, находит свое отражение в цивилистике через презумпцию эквивалентности возмездных отношений. Посмотрим, чем подкреплена эта презумпция в действующем российском законодательстве.

Действующий Основной закон России охарактеризован Председателем Конституционного суда В. Зорькиным как Экономическая конституция. Однако, несмотря на детальную проработку структуры и содержания государственной (политической) власти в этом основном нормативном акте государства (в п. 4 ст. 3 Конституции России содержится запрет на присвоение именно государственной власти частными лицами), документ не дает явного ответа на главный вопрос экономической жизни общества – о системе экономической власти в стране. Проблема тем более актуальна, что после отказа от советского наследия, в рамках которого политическая и экономическая власти были соединены в руках государства за счет закрепления основных средств производства за государством, задача повышения эффективности производства в стране как главная предпосылка социально-экономического развития до сих пор не решена. Именно поэтому Президент Российской Федерации

Владимир Путин поставил целью увеличение производительности труда к 2018 году в 1,5 раза относительно уровня 2011 года, создание и модернизацию 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году. Президент также подчеркнул, что «...сегодняшние темпы роста (3,1 % по итогам прошлого года) фактически освидетельствуют о застое экономики, ее однобокой структуре и сырьевом характере [1, с. 19].

Исходя из тезиса о том, что экономическая власть находится в руках собственников средств производства, рассмотрим нормативно установленные предпосылки социально-экономического развития нашей страны. Конституция РФ при перечислении существующих форм собственности на первое место ставит частную собственность (п. 2 ст. 8, п. 2 ст. 9 Конституции России). Это дало основание судье Конституционного суда Г. Гаджиеву утверждать, что в основе экономики России лежит частная собственность. Возникает вопрос о системе субъектов частной собственности, закрепленной в законодательстве, поскольку от этого напрямую зависит заинтересованность участников производственного процесса в результатах своего труда.

Мировой опыт показывает, что производительность труда напрямую зависит от материальной заинтересованности членов трудового коллектива. Выдающиеся экономические показатели КНР обусловлены тем, что более 40 % действующих предприятий там имеют статус народных, т. е. управление и распределение прибыли находится в руках трудового коллектива. Концепция участия работников в прибыли предприятия востребована и в западных странах. Например, в Германском автомобильном концерне «Фольксваген» каждый работник должен иметь акции предприятия, что стимулирует его к высокопроизводительному труду.

Российская Конституция в ст. 37, посвященной условиям труда, обходит молчанием вопрос об участии наемного работника в прибыли предприятия. В п. 3 этой статьи определен нижний уровень заработной платы наемного работника через МРОТ, который нормативно не связан даже с прожиточным минимумом.

Авторы Гражданского кодекса Российской Федерации вслед за конституционалистами определили его значение в системе нормативных актов как «Экономическую конституцию России». Системный анализ положений, закрепленных в этом документе, позволяет выявить изменение целевых установок в направлении развития экономики, произошедшее с 1990 г. Так, если ГК РСФСР 1964 г. прямо ориентировал на развитие экономики путем создания новых материальных и нематериальных благ для удовлетворения потребностей граждан (ст. 1 ГК РСФСР) и именно это содержание вкладывал в понятие «прибыль», то ГК РФ 1994 г. придает понятию «прибыль» не экономическое, а хрематистическое значение «барыша», полученного частным предпринимателем в результате неэквивалентного обмена (ст. 2 ГК РФ).

Разработчики части первой ГК РФ исходили из того, что субъектами права собственности не могут выступать трудовые коллективы, поскольку они не являются собственниками средств производства. Поэтому никакой «коллективной» или иной «формы собственности» ГК РФ не предусматривает [2, с. 232].

Однако отсутствие права собственности на средства производства у трудового коллектива не может быть основанием для отказа в признании собственности на товарный продукт, созданный этим коллективом. Отказ законодателя в гражданской правосубъектности трудовому коллективу – явное нарушение закона стоимости.

Следует отметить, что история России изобилует отрицательными примерами результатов нормативного отделения трудового коллектива от участия в распределении результатов его труда путем закрепления права собственности за обладателем средств производства:

Так, крестьянская реформа 1861 г. по своему экономическому содержанию была освобождением в первую очередь владельцев крупных помещичьих имений от залоговых платежей кредитным организациям. Неоплаты долгами было обременено более двух третей дворянских имений. Помещичий долг, согласно экономическому содержанию реформы, перекладывался на плечи крепостных крестьян, которые за 49 лет должны были выкупить земельные наделы.

В послевоенный период отмена в 1954 году единовременного пересмотра норм выработки подорвала материальное стимулирование и серьезно затормозила возможности повышения производительности труда. Реформы 1960-х годов начатые А. Н. Косыгиным по югославской модели «народных предприятий», где управление предприятием передавалось в руки трудовых коллективов, привели к позитивным сдвигам в этом направлении. По мнению Дэн Сяопина: «...если бы Косыгину и его сторонникам позволили бы “развернуть” реформы, СССР начал бы преобразования, схожие с нашими, намного раньше нас. И возможно, что Китай в своих реформах использовал бы советский опыт» [3]. Усилиями партийно-государственной номенклатуры эти реформы были свернуты.

Последовательный анализ Конституционного, гражданского, налогового, уголовного права позволяет выявить те механизмы неэквивалентного обмена, которые обеспечивают частный характер власти имущих над неимущими, нуждающимися в средствах к существованию.

В п. 2 ст. 34 Конституции России установлен запрет на экономическую деятельность, направленную на монополизацию. Вместе с тем нормы главы 71 ГК РФ, относящиеся к правам, смежным с авторскими, устанавливают юридическую монополию издателей, производителей фонограмм, публикаторов, которые используют чужие авторские произведения в предпринимательской деятельности. Тем самым на законодательном уровне нивелируется один из существенных признаков предпринимательской деятельности, которая по определению должна носить рискованный характер (см. ч. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ).

В п. 1 ст. 36 Конституции РФ установлено право частной собственности на землю. Нерукотворный объект природы стал товаром, т. е. объектом частной ренты для посредников со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями для экономики страны.

В п. 1 ст. 128 ГК РФ на денежные знаки распространяется правовой режим вещей. На этом основании денежные знаки, которые функционально предназначены лишь для обеспечения удобства товарооборота, сами стано-

вятся товаром в финансово-кредитных операциях (ст. 37 ФЗ о ЦБ РФ), что способствует инфляционным процессам в экономике.

Налоговый кодекс определяет прибыль, как полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов (ст. 427 НК РФ). Естественно, что для удобства расчетов в целях налогообложения эти величины выражаются в рублях. Однако в экономике, в отличие от хрематистики, прибыль – это результат производительного труда, приведший к появлению нового реального продукта, на величину которого возросло общественное богатство. Законодатель же рассматривает маржу посредника от рыночной торговли и прибыль производителя продукции как однопорядковые явления [4, с. 12].

Коррупционная составляющая в деятельности руководящего звена частных компаний является предметом пристального внимания контрольных органов государства. Например, только за 2015 год Банк России отозвал лицензии у 93 банков и небанковских организаций. Каковы же санкции, налагаемые на руководителя за неправомерные действия приведшие к банкротству? Законодатель в ст. 195–197 УК РФ в качестве альтернативной санкции предусматривает штраф с максимальным размером в 500 тысяч рублей. С учетом того, что субъектом преступления является лицо, относящееся к руководящему звену предприятия, указанная норма УК РФ может лишь провоцировать злоумышленника на хищения в значительно более крупном масштабе.

Приведенные примеры дают наглядное представление о том, что существующая система законодательства, закрепляющая экономическую модель в стране и построенная на игнорировании основного экономического закона товарного производства, не создает мотивации для повышения производительности труда и не может служить социально-экономическому развитию. Приходит время осознания того неопровержимого факта, что разрозненными усилиями, без совместной творческой деятельности экономистов и юристов в сфере экономического законодательства, без активной роли профсоюзов на предприятиях, невозможно разработать и реализовать на практике эффективную экономическую модель развития страны не построить.

Список использованных источников

1. Гончаров, В. С., Иванов С.Ю., Иванов А.С. Резервы роста производительности труда и стратегия профсоюзов в переговорах с работодателем : информ.-аналит. материал / В. С. Гончаров, С. Ю. Иванов, А. С. Иванов. – М. : ИИЦ «АТиСО», 2016. – 149 с.
2. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. – М. : Фонд «Правовая культура», 1995. – 480 с.
3. Нереализованные реформы Косыгина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cccp-2.ru/the-news/284-2012-01-17-13-23-56>. – Дата доступа: 10.03.2016.
4. См. Альбов, А. П., Попова, А. В. Экономика или хрематистика, право или нравственность / А. П. Альбов, А. В. Попова // Вопросы экономики и права. – 2015. – № 11. – С. 7–13.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Павлова Евгения Васильевна,
заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова г. Орел,
кандидат юридических наук

Сидорова Маргарита Владимировна,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова г. Орел,
кандидат педагогических наук

В российском законодательстве об административной ответственности обязательные работы являются относительно новой мерой административного принуждения, способствующей не только защите прав и свобод человека и гражданина, но и обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

Вместе с тем необходимо отметить, что наряду с российским административным законодательством обязательные работы широко применяются и в иных странах.

В настоящее время небезынтересен опыт применения данного вида административного наказания в других государствах, например в Республике Беларусь, потому что в рассматриваемых государствах осуществляется своевременное реагирование на меняющиеся политические, экономические и социальные условия посредством внесения поправок в различные отрасли права, в том числе в административное.

Как вид административного наказания обязательные работы впервые были введены в административное законодательство Российской Федерации в 2012 году, с внесением соответствующих поправок в Федеральный закон от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетирова-

ниях», а непосредственная реализация его началась в 2013 году. Так, в соответствии со ст. 3.13 КоАП РФ обязательные работы как вид административного наказания заключаются в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ общим сроком от 20 до 200 часов и отбыванием не более 4 часов в день [1].

Необходимо уточнить, что для определения выполнения бесплатных общественно полезных работ применяется термин «обязательные работы», хотя, на наш взгляд, терминология «общественные работы», способствовала бы более полному отражению сущности данного вида административного наказания.

Содержание данного понятия позволяет выделить три характерных признака: это полезные работы; выполняются только официально занятые граждане в свободное время; осуществляемые безвозмездно [2, с. 265].

Законодателем установлен перечень составов правонарушений, к которым данная мера может быть применена, причем назначение обязательных работ допускается в случае, если был причинен реальный ущерб чьему-либо здоровью или имуществу [3].

Что касается законодательства Республики Беларусь об административной ответственности, то в качестве положительного аспекта следует отметить, что наши страны развиваются на общей правовой основе [4, с. 96], однако в отличие от административно-деликтного законодательства Российской Федерации, состоящего из федерального и законодательства субъектов РФ, административная ответственность Республики Беларусь в настоящее время представлена только в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях [5], регулирующем меры административной ответственности данного государства, выражающиеся в материальных нормах, а процессуальные основы административной ответственности закреплены в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях. Данный правовой акт устанавливает порядок административного процесса, правовой статус его участников, определяет особенности исполнения административного взыскания [6]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, значительно систематизирует и регулирует правоприменительную деятельность государственных органов и их должностных лиц по применению материальных норм КоАП. К сожалению, в России нет единого кодифицированного акта, закрепляющего процедуру производства по делам об административных правонарушениях. На практике данное обстоятельство приводит к тому, что одна и та же норма в различных субъектах трактуется по-разному и соответственно процедура применения также отличается.

Кроме того, в отличие от Российской Федерации, в Республике Беларусь меры административной ответственности именуется административными взысканиями и среди установленного перечня административных взысканий имеет место такой вид взыскания, как исправительные работы, которые существенно отличаются по содержанию от обязательных работ, закрепленных в КоАП РФ. Представляется обоснованным, что корректнее употребление термина административные наказания, так как он отражает сущность деятельности государства в отношении лица, совершившего административное правонарушение. Основная цель наказания правонарушителя, а не взыскать с него определенную денежную сумму. Кроме того, отдельные виды наказаний не могут относиться к взысканиям, например предупреждение в силу того, что их применение вообще не связано с какими-либо материальными ограничениями. Особенно в современный период развития государства, когда идет попытка декриминализации отдельных видов противоправных деяний (например, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, побори), а уголовное законодательство, как известно, предусматривает в качестве меры воздействия наказания. Таким образом, вполне справедливо, что смежные отрасли права будут использовать единую терминологию.

Так, исправительные работы как вид административного наказания применяется в качестве основного вида взыскания, которое назначается непосредственно судьей физическому лицу, освобожденному от уголовной ответственности и привлеченному к административной ответственности в соответствии с уголовным законодательством Республики Беларусь. Необходимо отметить, что в отличие от сроков, установленных по обязательным работам по законодательству РФ, сроки по данному виду наказаний составляют от одного до двух месяцев, причем физическое лицо отбывает данный вид наказания непосредственно по месту своей работы. Данная мера государственного принуждения в Беларуси является реакцией государства на совершение противоправных деяний, не представляющих большой общественной опасности, и, как правило, применяется к лицам, возместившим ущерб либо иным образом загладившим нанесенный преступлением вред [7, с. 320]. Следовательно, этот вид взыскания не может быть применен к лицам, совершившим административные правонарушения. При этом при рассмотрении срока отбытия данного взыскания следует учесть, что оно назначается лицам, имеющим постоянную работу, соответственно законодатель закрепил целый перечень лиц, которым исправительные работы не назначаются, а именно беременным женщинам, инвалидам 1 и 2 группы, лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, женщинам в возрасте 55 лет и мужчинам старше 60 лет. Это та категория лиц, которая в силу определенных жизненных обстоятельств не имеет значительного заработка либо не осуществляет трудовую деятельность. Общая сумма, которая взыскивается с субъекта составляет 20 % от заработной платы ежемесячно. Следовательно, всего нарушитель закона обязан перечислить в доход государства 40 % своего заработка. Нам представляется, что данная позиция требует расширительного толкования, так как, реализуя это положение, не учитывается размер заработной платы физического лица. Следовательно, за одни и те же уголовно-наказуемые деяния разные лица понесут разное денежное взыскание. Считаем это не совсем обоснованным, ибо индивидуализация ответственности должна учитывать иные особенности, характеризующие нарушителя, либо личностные, либо связанные с самим фактом нарушения. Поэтому более обоснованным было бы установление фиксированной суммы, которая должна быть взыскана в результате назначения исправительных работ,

а следовательно, может меняться срок реализации взыскания. Еще одно обстоятельство, которое требует рассмотрения, – то, что уголовная ответственность как бы заменяется на административную, хотя основанием для назначения может являться только факт совершенного административного правонарушения. Получается, что лицу назначат исправительные работы только в том случае, если у него есть работа. А если нет, то он подлежит уголовной ответственности. Думается, тем самым государство преследует достижение и иных целей, нежели наказание и перевоспитание, а именно трудовая занятость населения, что не совсем правильно. Такие цели должны достигаться иными административными ресурсами.

В Российской Федерации при назначении наказания в виде обязательных работ уполномоченному субъекту административной юрисдикции необходимо соблюдать ряд установленных ограничений, а именно данная санкция не применяется к определенной категории граждан, обладающих специальным статусом: женщинам беременным или имеющим детей до 3 лет; гражданам, находящимся на военных сборах; инвалидам второй и первой группы; сотрудникам силовых ведомств (СК РФ, полиции, системы исполнения наказаний, пожарной охраны, таможни, наркоконтроля, военнослужащим). Как мы видим, приведенная группа субъектов не связана именно с осуществляемой трудовой деятельностью, что нам представляется правильным.

Как возможный вариант развития системы административных взысканий Республики Беларусь предлагаем закрепить в Кодексе об административных правонарушениях самостоятельный вид административного взыскания и предусмотреть перечень составов административных правонарушений, по которым возможно назначение данного вида взыскания.

Отдельные положения, нашедшие отражение в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, мы полагаем новаторскими и возможными в качестве норм в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Так, в Республике Беларусь по общему правилу административная ответственность наступает с 14 лет. В Российской Федерации аналогичная норма предусматривает возрастной ценз 16 лет. В современной действительности вполне обоснованно, что физическое лицо в возрасте 14 лет осознает противоправность деяния и отдает себе отчет о наступлении возможных негативных последствий. Данное изменение, на наш взгляд, дисциплинирует субъектов административных правонарушений и позволяет формировать «навык» законопослушного гражданина значительно раньше.

Таким образом, проанализировав особенности административного наказания в виде обязательных работ в Российской Федерации и исправительных работ в Республике Беларусь мы выявили ряд положений, по которым рассматриваемые наказания отражают единую сущность правового института. Целый ряд моментов следует отнести к отличительным особенностям этих мер принуждения. Однако, если рассматривать международные нормы, Республика Беларусь их выполняет в полном объеме, а именно придерживается положений Конвенции об упразднении принудительного труда, принятой 25 июня 1957 года Генеральной конференцией Международной организацией труда.

Таким образом, следует отметить, что административное право в целом и ее отдельные правовые институты в частности не могут должным образом поступательно развиваться без сравнительного анализа с законодательством иностранных государств. Думается, что бывшие «союзные» республики для этой роли подходят больше всего, ибо и менталитет населения, и экономическое, и социальное развитие таких государств имеют схожие черты. Республика Беларусь имеет множество административно-правовых вопросов, урегулированных должным образом, именно поэтому мы обратились к опыту этого государства и почерпнули полезную информацию для дальнейшего развития системы административных наказаний в Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Кодекс Рос. Федерации, 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Государственной Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации : 26 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
2. Хвощевская, Е. А. Применение наказания в виде обязательных работ / Е. А. Хвощевская // Молодой ученый. – 2013. – № 2. – С. 265.
3. По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации, 14 февр. 2013 г., № 4-П // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
4. Богоненко, В. А. Интегрирование новых институтов в гражданском праве (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь) / В. А. Богоненко // Журнал рос. права. – 2004. – № 3. – С. 96.
5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Кодекс 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
6. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Кодекс, 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
7. Солдатов, А. П. Административная ответственность в законодательстве зарубежных стран / А. П. Солдатов // Общество и право. – 2012. – № 3 (40). – С. 320.

НАЛОГОВО-ПРАВОВАЯ ПРЕЗУМПЦИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Пилипенко Александр Анатольевич,

доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Закрепление в законодательстве презумпций призвано нивелировать ситуации неопределенности, которые довольно часто наблюдаются в процессе правоприменения. Как отмечает Б. А. Булаевский, любая презумпция призвана устранить неопределенность относительно факта существования соответствующего правового явления [1, с. 49]. Н. А. Власенко констатирует, что цель презумпции – внести определенность в фактическую ситуацию, подлежащую правовой регламентации [2, с. 90]. Особенно это актуально в налоговой сфере, где модель построения взаимоотношений между государством и налогоплательщиками основана не только на рисковом характере деятельности последних, но и на риске наступления для них неблагоприятных финансовых последствий.

Изначальной методологической предпосылкой анализа любого понятия является обращение не только к историческим аспектам его появления и дефинирования, но и его терминологическое моделирование в различных словарях и энциклопедиях.

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова определяет презумпцию как предположение, признаваемое истинным, пока не доказано иное [3, с. 862]. В современном толковом словаре русского языка Т. Е. Ефремова, приводя аналогичное определение, акцентирует внимание на юридически прикладном аспекте презумпции: «Презумпция – предположение, которое признается истинным, пока не доказано обратное (в юридической практике)» [4, с. 972].

Определение презумпции через истинное предположение с потенциальной возможностью его опровержения наблюдается в различных словарях иностранных слов. Например, Л. П. Крысин в толковом словаре иноязычных слов трактует презумпцию следующим образом: «Презумпция (лат. *praesumptio*, предположение, ожидание) – предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное» [5, с. 619]. Словарь иностранных слов В. В. Бурцевой и Н. М. Семеновой определяют презумпцию двухаспектным образом как предположение, основанное на вероятности и признании факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное [6, с. 534].

Энциклопедические источники XVIII–XIX веков также уделяли внимание рассматриваемому феномену. Так, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона под презумпцией понимает положения, устанавливающие наличие фактов или событий без полного доказательства их существования [7, с. 52]. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат моделируют презумпцию в правовой сфере: «Презумпция в праве – предположение о доказанности какого-либо обстоятельства в виду наличия данных фактов» [8, с. 339].

Дополнительный импульс и новые теоретические возможности в понимании презумпции дает философия. В то же время, несмотря на то что рассматриваемая категория не является достоянием лишь правовой науки (хотя и получила наибольшее распространение в праве), ее конкретно-научное философское звучание и оформление прослеживается в трудах именно представителей данной науки. Онтологическое понимание презумпции правоведами основано на определенном отношении субъекта к явлениям окружающего мира посредством в контексте философско-логического подхода. Например, Н. И. Горячев считает, что естественная (общелогическая) презумпция – это достаточно обоснованное вероятностное суждение (предположение) об истинности элементов (фактов) некоторого достаточно многочисленного класса, рассчитанное на заранее не определенное количество элементов (фактов) этого класса и, как следствие этого, допускающее возможность неоднократного использования и неоднократного опровержения [9, с. 25]. М. П. Пронина в русле философско-логических оснований существования презумптивных предположений, а также соответствующих атрибутивных признаков предлагает следующее определение презумпции в философском контексте: «Презумпция – это индуктивное умозаключение о вероятном существовании факта, основанное на статистически закономерной, обусловленной повторяемостью явлений и процессов взаимосвязи между имеющимися и презюмируемыми фактами» [10, с. 19]. На индуктивный характер презумпции обращает внимание Н. Ф. Качур, который полагает, что с философско-логической точки зрения презумпция представляет собой индуктивное умозаключение, основанное на так называемых эмпирических законах. Наблюдение, накопление фактического материала составляют необходимое условие формирования презумптивных обобщений. При этом число всех предполагаемых событий, явлений не совпадает с числом известных событий и явлений, что позволяет говорить о преобладающем значении неполной (популярной) индукции в этом познавательном процессе [11, с. 13].

Теоретико-правовое форматирование презумпций осуществлено в достаточно большом количестве трудов, каждый из которых ее детерминирует, дополняет и конкретизирует.

В. К. Бабаев, который долгое время занимался проблемой исследования данного правового феномена, предлагает наиболее известное и часто цитируемое определение презумпции как закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом [12, с. 14].

В. А. Булаевский рассматривает презумпцию как сложную правовую конструкцию и дает ей следующее определение: «Презумпция (как юридическая конструкция) – это закрепленная в правовой норме, основанная на предположении модель юридически значимого факта, правоотношения и др.), применяемая в регулировании

общественных отношений при наличии определенных правовой нормой условий, за исключением случаев, когда будут доказаны обстоятельства, указывающие на невозможность использования такой модели» [13, с. 70].

М. П. Пронина, подробно осветив признаки правовой презумпции, понимает под ней закрепленное в правовой норме вероятностное суждение о существовании юридического факта, основанное на статистически закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и предполагаемым [10, с. 34].

Н. Н. Цуканов высказывает критикуемое в научном сообществе суждение о закреплении в формализованной нормативным образом презумпции юридических обязанностей: «Правовая презумпция есть непосредственно закрепленная в норме права юридическая обязанность признать определенный (презюмируемый) факт при наличии факта исходного, пока иное не будет установлено правоприменительным решением компетентного субъекта. Правовая презумпция формируется законодателем и действует как нормативное предписание» [14, с. 6]. В развитии данного мнения следует отметить, что достаточно большое количество авторов, мнения которых основаны на установлении нормативной связи между основанием презумпции и презумптивным предположением. Например, В. А. Витушко определяет презумпцию как нормативные предписания и юридические факты, которые порождают или утверждают наличие субъективного права, если в процессе осуществления права не установлено других обстоятельств, отвергающих действие презумпции [15, с. 212]. Н. С. Каранина полагает, что правовая презумпция – это разновидность нормативного предписания, представляющего собой правило-прием, согласно которому без специальных доказательств, а лишь на основании установленных юридических фактов можно сделать предположение о наличии (отсутствии) искомых юридических фактов или правоотношений [16, с. 13].

О. А. Курсова в контексте местоположения правовой презумпции в системе приемов юридической техники рассматривает ее сугубо с технико-юридической стороны как строго юридико-техническое средство, выполняющее определенные функции и основанное либо на индуктивных обобщениях (опровержимые и неопровержимые презумпции), либо экспериментальном моделировании (квазипрезумпция) [17, с. 84].

В рамках межотраслевых исследований по налоговой проблематике следует отметить мнения авторов по теоретико-правовому дефинированию презумпции. Например, С. А. Мосин констатирует, что под правовой презумпцией понимается необходимое для правового регулирования предположение, прямо или косвенно закрепленное в правовой норме, направленное на установление или отсутствие определенных фактов, обстоятельств, процессов и считающееся истинным, пока не будет установлено иное [18, с. 3]. В. И. Земцова определяет презумпцию как презумпцию как юридическое правило доказывания, основанное на знании о том, что при наличии по делу юридического факта, совпадающего с презюмируемым законом фактом, всегда наступают определенные последствия, в силу чего субъекту предписываются те или иные правила поведения или принятие соответствующего обязательные решения по делу [19, с. 73]. В контексте отнесения презумпции к юридическим правилам доказывания аналогичного мнения придерживается А. В. Сидорова [20, с. 82].

В то же время можно привести доктринальную позицию о правовой презумпции в узком и широком смысле, высказанную Д. М. Щекиным, который является представителем налогово-правовой науки: «В узком смысле правовая презумпция является суждением о факте, а в широком – не только о фактических обстоятельствах, но и о нормативных основаниях возникновения правоотношения. Правовая презумпция в широком смысле – это прямо или косвенно закрепленное в законодательстве обязательное суждение, имеющее вероятностную природу, о наличии или отсутствии нормативных или фактических оснований для возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей, направленное на достижение целей правового регулирования» [21, с. 29].

Непосредственное дефинирование налогово-правовой презумпции в литературе по налоговому праву встречается крайне редко. Можно обратить внимание на воззрение Д. В. Винницкого, который выводит понятие отраслевой налогово-правовой презумпции следующим образом: «Это непосредственно закрепленное в налогово-правовых нормах или вытекающее из их содержания предположение о наличии или отсутствии определенных юридических фактов, имеющих значение для налогообложения. Налогово-правовая презумпция может быть основана на объективной связи между предполагаемыми фактами и фактами наличными, которая обычно проявляет себя в сфере налоговых отношений (индуктивная презумпция). В противном случае установление презумпции обусловлено исключительно содержанием налогово-правовых принципов и чертами метода налогово-правового регулирования (идеологические презумпции)» [22, с. 268]. А. В. Демин определяет презумпцию в сфере налоговых отношений следующим образом: «Презумпция в налоговом праве – это прямо или косвенно закрепленное в источнике налогового права предположительное суждение об условии (т.е. принимаемом без доказывания) наличии либо отсутствии презюмируемого факта (события, правоотношения) при установленном наличии (отсутствии) связанного с ним факта-основания» [23, с. 261].

В центре научного внимания отдельных налоговых ученых находится не процесс категоризации презумпцию в налоговых отношениях, а ее значение для регулирования вышеуказанных отношений, в том числе посредством определения отдельных атрибутивных признаков. Ю. В. Старых, не давая определение налогово-правовым презумпциям, но подробно детерминировав важность данного приема юридической техники, полагает, что они являются эффективным средством ограничения негативного усмотрения в деятельности правоприменительных органов, позволяют решить проблему обеспечения законных прав налогоплательщика и служат гарантией реализации политики налоговой справедливости [24, с. 121]. При этом, данный автор моделирует отдельные дефинитивные суждения для характеристики презумпции как признания факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное, вытекающего из словарного толкования [24, с. 108]. М. В. Карасева отмечает, что правовой потенциал презумпций как одного из приемов финансово-правового регулирования обусловлен наличием у них свойства предположительности. Это свойство присуще презумпциям потому, что с точки зрения своего образования они

представляют обобщения какого-то числа однородных случаев. Естественно, какие-то конкретные жизненные ситуации с участием налогоплательщика могут не подпадать под эти обобщения. В этом случае презумпция опровергается и демонстрирует свой не универсальный, а предположительный характер [25, с. 72]. Д. А. Смирнов полагает, что юридические презумпции в налоговом праве характеризуются вероятностным характером наличия или отсутствия нормативных и фактических оснований для возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей, направленных на достижение налогово-правового регулирования [26, с. 187].

Основным признаком налогово-правовой презумпции, как и правовой, детерминирующим другие атрибутивные характеристики рассматриваемого феномена, является ее предположительность. При этом положительное для субъекта предположение довольно часто делается на основании не только возможного, но и подтвержденного прикладной реальностью отрицательного результата. Для налоговых отношений приведенная авторская сентенция является доминантой в отношениях между налогоплательщиками и государством в контексте перманентного поиска последних финансовых ресурсов. Например, закрепленная в белорусском законодательстве презумпция добросовестности налогоплательщика не делает его таковым не только по причине проведения контрольных мероприятий, результатом которых является выявление нарушений законодательства, но и вследствие персонифицированного понимания самим налогоплательщиком в контексте проводимой государством налоговой политики тщетности приведенной презумпции. В данном случае мы сталкиваемся с классическим случаем опровержения предположения, которое положено в основу налогово-правовой презумпции. В свете вышесказанного следует констатировать, что данное опровержение, к сожалению, становится первоочередной обязанностью соответствующего субъекта публичного права.

В свою очередь, имманентной характеристикой предположения является вероятность, степень которой является важным фактором при разрешении вопроса о закреплении в правовой материи той или иной налогово-правовой презумпции. При этом вероятность его истинности может быть как относительно высокой, так и низкой, т. е. находиться в интервале от 0 до 1. М. П. Пронина для определения степени вероятности презумпции предлагает использовать следующую формулу: $V = K_1 / K_2$, где K_2 – количество рассмотренных случаев, а K_1 – количество совпадений предположения и действительного факта [10, с. 17]. Приводя формулу расчета вероятности, данный автор делает вывод, что, как правило, презумптивное знание основывается на высоковероятной закономерности [10, с. 17]. Степень вероятности, которая устанавливает связь между предположением и его подтверждением или опровержением, служит средством установления искомых обстоятельств, юридических фактов и их следствий.

На основании вышеизложенного полагаем необходимым определить налогово-правовую презумпцию как предположение различной степени вероятности, прямо или косвенно закрепленное в налоговом законодательстве, о наличии или отсутствии одного юридического факта при наличии другого юридического факта, действующее до его официального опровержения государственным органом.

Список использованных источников

1. Булаевский, Б. А. Понимание презумпций как основа их эффективного применения (в поиске гражданско-правовых особенностей) / Б. А. Булаевский // Журн. рос. права. – 2014. – № 5. – С. 48–55.
2. Власенко, Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании / Н. А. Власенко. – М. : Ин-т зава и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : ИНФРА-М, 2016. – 157 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс, 2009. – 1260 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Современный словарь русского языка. В 3 Т. : ок. 160 000 слов / Т.Ф. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – Т. 2: М–П. – 1160 с.
5. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – 944 с.
6. Словарь иностранных слов : свыше 21 000 слов ; отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенов. – 5-е изд., стереот. – М. : Рус. яз., 2008– 817 с.
7. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Томъ XXV. Пряга-Просрочка отпуска. – СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. – 478 с.
8. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат ; под ред. Ю. С. Гамбарова. – СПб. : Т-во «Бр. А. и И. Гранатъ и К^о, 1913. – Т. 33. – 690 с.
9. Горячев, И. Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. Н. Горячев. – Ярославль, 2010. – 210 л.
10. Пронина, М. П. Презумпции в современном российском праве / М. П. Пронина ; под ред. А. П. Кузнецова. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 152 с.
11. Качур, Н. Ф. Презумпции в советском семейном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. Ф. Качур. – Свердловск, 1982. – 216 л.
12. Бабаев, В. К. Презумпции в советском праве : учеб. пособие / В. К. Бабаев. – Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. – 124 с.
13. Булаевский, Б. А. К вопросу о понятии презумпций в праве / Б. А. Булаевский // Журн. рос. права. – 2010. – № 3. – С. 63–71.
14. Цуканов, Н. Н. Правовые презумпции в административной деятельности милиции : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Н. Н. Цуканов ; Омск, Академия МВД России. – Омск, 2001. – 26 с.

15. Витушко, В. А. Курс гражданского права. Общая часть: в 5 т. : науч.-практ. пособие / В. А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 2002. – Т. 2. – 717 с.
16. Каранина, Н. С. Правовые презумпции в теории права и российском законодательстве : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н. С. Каранина ; Ин-т государства и права РАН. – М., 2006. – 28 с.
17. Курсова, О.А. Фикции в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. А. Курсова. – Н. Новгород, 2001. – 193 л.
18. Мосин, С. А. Роль конституционно-правовых презумпций в налоговых правоотношениях / С. А. Мосин // Вестн. Рос. правовой академии. – 2012. – № 2. – С. 3–6.
19. Земцова, В. Презумпции и преюдиции как юридические правила доказывания в налоговых спорах / В. Земцова // Право и экономика. – 2009. – № 9. – С. 73–75.
20. Сидорова, А. Правовые презумпции в налоговом праве / А. Сидорова // Закон и право. – 2007. – № 8. – С. 82.
21. Щекин, Д. М. Юридические презумпции в налоговом праве: учеб. пособие / Д. М. Щекин ; под ред. С. Г. Пепеляева. – М. : Академ. правовой ун-т, 2002. – 252 с.
22. Винницкий, Д. В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики / Д. В. Винницкий. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. – 397 с.
23. Демин, А. В. Принцип определенности налогообложения / А. В. Демин. – М. : Статут, 2015. – 368 с.
24. Старых, Ю. В. Усмотрение в налоговом правоприменении / Ю. В. Старых; под ред. М. В. Карасевой. – М. : Юриспруденция, 2007. – 176 с.
25. Карасева, М. В. Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса Российской Федерации / М. В. Карасева // Журн. рос. права. – 2002. – № 9. – С. 71–80.
26. Смирнов, Д. А. Принципы российского налогового права: понятие, формирование, реализация / Д. А. Смирнов ; под ред. Н. И. Химичевой. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 248 с.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ

Сидорчук Валерий Кириллович,

доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Коммунальные услуги (лат. *communis* от *munia* – тяжесть, которую несут совместно) являются самыми распространенными и потребляемыми. Ими повсеместно пользуются все без исключения жители и организации (англ. *public service*). Например, отопление или освещение необходимо и на работе, и дома; и днем, и ночью. Коммунальные услуги имеют необходимый, «жизненно важный» характер. В их отношении не возникает вопрос: потреблять или не потреблять? Они вызывают мультипликационные воздействия на все без исключения хозяйственные и социальные отрасли. Многие права граждан, закрепленные в Конституции Республики Беларусь, реализуются через предоставление коммунальных услуг.

Вопрос о коммунальных услугах является ключевым для понимания основных социально-экономических процессов. Коммунальные услуги обладают особым экономическим, социальным и правовым содержанием, в силу чего подлежат специальному научному анализу и отдельному нормативному регулированию.

Правовые признаки и понятие коммунальных услуг

В качестве первой в истории коммунальной услуги две тысячи лет назад вода по трубопроводу была подана миллиону жителей Рима. Для управления данным предприятием был изобретен специальный орган – муниципалитет (лат. *municipium* – город с правом самоуправления). В первой же коммунальной услуге проявилась такая характерная черта, как связанность с материальным носителем (вода, технологические коммуникации), а также с необходимостью производства работ на объектах жизнеобеспечения (строительство, обслуживание, ремонт). Многие коммунальные услуги оказываются в форме предоставления определенных материализованных продуктов. Это позволяет фиксировать качество услуг в требованиях технических нормативных правовых актов и условиях договора.

Каталог коммунальных услуг исторически последовательно расширяется. Т. И. Довнар отмечает, что «у першай палове XVI стагоддзя агульная колькасць гарадоў і мястэчак Вялікага Княства складала 757. ... Рэгуляванне адносін у гандлёвай і рамеснай дзейнасці з'яўлялася адным з важных напрамкаў дзейнасці рады. У распараджэнні рады знаходзіліся гасцінныя двары, рынкі, гарадскія вагі, млын і інш. Бурмістры займаліся рашэннем бягучых спраў, ведалі пытаннямі гандлю, рамёстваў, гарадскога добраўладкавання» [1, с. 71–74]. Вопросы услуг составляли также основу содержания привилеев на магдебургское право средневековых поселений нашей страны. В них особое место занимали нормы, што «рэгулявалі ганадаль і рамесніцтва, дзейнасць цэхаў і купецкіх гільдый, парадак падаткаабкладання» [2, с. 15]. Эпоху позднага средневековья Е. Б. Хохлов определяет как особую стадию в эволюции хозяйства – эпоху городского хозяйства. Город осуществлял общественное благоустройство, строил аптеки, обеспечивал врачебную помощь, административные меры против роскоши, отрицал идею барыша (прибыли). Городская власть контролировала потребление, регулирование торгового оборота, формирование промышленности, борьбу с нищенством [3, с. 98–101].

В середине XIX в. в Европе была обоснована хозяйственная теория местного самоуправления. Ее авторы (О. Ресслер и Р. Моль) главное содержание общинной (коммунальной) деятельности видели в решении не управленческих, а хозяйственных вопросов. Приоритетными функциями общины определялось строительство и содержание дорог, рынков, больниц, школ и других объектов общего пользования. Теория социального обслуживания также акцентирует деятельность территориальной коммуны на самостоятельном решении вопросов повседневной жизни населения.

Исследуя политико-правовую природу земств на рубеже XIX–XX вв., И. А. Юхо подчеркивал, что в их компетенцию «уваходзіла мясцовая гаспадарка, пабудова і дагляд дарог, школ, бальніц, дабрачынныя ўстановы, арганізацыя сельскагаспадарчага крэдыту, прапаганда аграрнамічных ведаў, паляпшэнне саматужнай прамысловасці, арганізацыя земскай статыстыкі і г. д.». [4, с. 331]. Правоспособность земств реализовалась преимущественно в рамках хозяйственных и социальных мероприятий в сферах сельского хозяйства, ветеринарии, путей сообщения, народного образования, страхового и пожарного дела.

Современные авторы также основное место в деятельности местного самоуправления отводят обеспечению предоставления коммунальных услуг, связанных с текущей жизнедеятельностью населения и перспективным развитием местных сообществ [5, с. 55, 56]. Коммунальная сфера преимущественно носит социальный нерыночный потребительский характер. Более 80 % семей, проживающих в многоквартирных домах, являются не покупателями, а лишь потребителями коммунальных услуг.

В зарубежном законодательстве и теории те объекты, которые в Беларуси отнесены к коммунальным услугам именуется муниципальными услугами. Согласно ст. 69 Бюджетного кодекса РФ муниципальная услуга – это любая услуга, предоставляемая потребителям (физическим и юридическим лицам) за счет ассигнований из местного бюджета органами местного самоуправления, бюджетными учреждениями, иными юридическими лицами. В данной формулировке отражен бюджетный аспект услуги. Но в действительности большинство муниципальных (коммунальных) услуг в какой-то части либо полностью оплачивают потребители. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ст. 2) определяет муниципальную услугу как предоставляемую органом местного самоуправления деятельность по реализации функций органа местного самоуправления, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий органа, предоставляющего муниципальные услуги, по решению вопросов местного значения, установленных в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и уставами муниципальных образований. Данное определение отражает целевую направленность рассматриваемых услуг на решение вопросов местного значения. Это позволяет четко определять их каталог в законодательстве и локальных правовых актах.

На взгляд С. А. Кирсанова, под муниципальными услугами следует понимать услуги, обязанность по обеспечению предоставления которых возложена на муниципальное образование в соответствии с законодательством, а также уставом муниципального образования в связи с решением вопросов местного значения. Муниципальные услуги представляют собой совокупность процесса и результата целевой деятельности органов местного самоуправления и хозяйствующих субъектов на территории муниципального образования по удовлетворению конкретной социальной потребности жителей муниципального образования, а также соответствующие товары, работы [6, с. 16, 17].

К муниципальным услугам Е. С. Шугрина относит такие услуги, которые предоставляются в месте проживания человека или вблизи от него и за обеспечение которых органы местного самоуправления несут определенную ответственность. Это не означает, что их должны оказывать сами органы местного самоуправления. Но они отвечают за то, чтобы люди имели возможность получать их на территории муниципального образования. Перечень основных муниципальных услуг, оказание которых обязана обеспечить местная власть, перечисляется в законодательстве о местном самоуправлении в качестве его предметов ведения или вопросов местного значения [7, с. 18]. Данное определение также фиксирует обязанность исполнителя оказывать услугу потребителю в связи с решением нормативно закрепленных вопросов местного значения.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. № 405-З «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг» (далее – Закон № 405-З) жилищно-коммунальной услугой является деятельность, направленная на поддержание и (или) восстановление надлежащего санитарного и (или) технического состояния жилых домов, жилых и вспомогательных помещений, придомовой территории, обеспечение их благоустроенности, комфортных и безопасных условий для проживания граждан. Например, предприятия санитарной очистки ежегодно обрабатывают около 10 млн м³ твердых бытовых отходов. Предоставление коммунальных услуг состоит в решении вопросов местного значения, связанных с жизнедеятельностью населения и организаций в территориальном образовании. Наличие минимума коммунальных услуг есть гарантия успеха в производстве, науке, учебе, это залог здоровья и благополучия.

Постановлением Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь от 3 декабря 2010 г. № 25 определены требования, предъявляемые к качеству основных жилищно-коммунальных услуг. При их оказании на основании заключенных договоров между потребителями и исполнителями должны быть обеспечены: регулярное техническое обслуживание многоквартирных жилых домов; бесперебойное горячее и холодное водоснабжение; регулярное водоотведение (канализация); централизованное газоснабжение; постоянное электроснабжение; централизованное теплоснабжение; бесперебойная и безопасная работа лифтов; регулярный вывоз и обезвреживание твердых бытовых отходов.

Названные требования указывают на комплекс характеристик коммунальных услуг, подлежащих учету при правовом регулировании организации их производства и предоставления: наличие постоянного спроса. Коммунальные услуги являются востребованными ежедневно каждым и сильно влияют на экономическое положение страны в целом; уникальный насыщенный характер потребления и отсутствие взаимозаменяемости. Уникальность как блага исключает возможность для потребителя проявлять свои предпочтения, искать замену предлагаемой услуге; общедоступность их потребления; отсутствие у потребителя выбора поставщика услуг (следует преодолеть).

Производство коммунальных услуг имеет местный характер оказания и потребления услуг (продукции), эти процессы, как правило, протекают в границах территориального образования; носит непрерывный характер. Коммунальные услуги доступны потребителям в любое время, когда у них возникает потребность в услугах: свойство бесперебойности и надежности предоставления услуг; процесс производства и потребления неразрывны во времени, что сказывается на сетевой структуре коммунальных производственных фондов, что ограничивает свободу выбора услуг; технологическая связь с потребителем. В ряде случаев предусматривается техническая и юридическая обязанность «подключения» потребителя к услуге.

Рынок коммунальных услуг имеет насыщенный характер. Он гарантирует удовлетворение потребностей в услугах в полном объеме и обеспечивает их общую доступность. Система коммунальной инфраструктуры производит в каждый период времени тот объем услуг, который соответствует величине фактических потребностей в них. Рынок коммунальных услуг всегда является сбалансированным. Независимо от того, какое количество услуг реализуется в конкретный период времени, спрос и предложение услуг должны быть уравновешены, что обеспечивается наличием резервного оборудования; отсутствие эластичности спроса и предложения. Насыщенный и уникальный характер потребления услуг (свойство незаменимости) не позволяет потребителям отказываться от услуг или сокращать их потребление при повышении цены услуг либо увеличивать их потребление, при снижении цены услуг. Потребители скорее пойдут на сокращение своих расходов на пищу, одежду и т.п. для того, чтобы не прекращали подачу воды, тепла, газа, электроэнергии; государственное регулирование тарифов на услуги, многие из них являются фиксированными; неценовой характер колебания спроса. Колебания потребления коммунальных услуг имеют неценовую природу и поэтому не оказывают влияния на изменение их цены. Изменение цены не приводит в действие механизм спроса и предложения, а превращает цены в инструмент социальной дискриминации потребителя; низкий уровень конкуренции и значительная монополизация. При отсутствии контроля коммунальное предприятие стремится быть монополистом в своей сфере деятельности и отрицательно относится к появлению любого конкурента, который, в состоянии оказывать ту же услугу дешевле и качественнее. В связи с этим потребители заинтересованы в создании конкурентной среды для оказания таких услуг с участием предприятий различных форм собственности.

Поставщик не может отказаться от предоставления услуг потребителю из-за его неплатежеспособности, так как насыщенный и незаменимый характер коммунальных услуг делает их общественным благом. Между предприятиями и потребителями складываются устойчивые хозяйственные взаимоотношения, формируются предпосылки для своевременных расчетов за потребленные услуги.

Виды коммунальных услуг

К коммунальным услугам относятся: комплекс жилищных услуг, общественный транспорт, обустройство и содержание территории; обеспечение экологического и санитарного благополучия и др.

В ст. 4 Закона № 405-3 определены виды жилищно-коммунальных услуг: основные (жилищно-коммунальные услуги, которые оказываются в обязательном порядке и обеспечивают необходимую благоустроенность жилых домов, жилых и вспомогательных помещений, придомовой территории применительно к условиям соответствующего населенного пункта, их соответствие установленным санитарным и техническим требованиям. Перечень основных жилищно-коммунальных услуг определяется Советом Министров Республики Беларусь) и дополнительные (жилищно-коммунальные услуги, которые могут оказываться дополнительно к основным жилищно-коммунальным услугам по договору между исполнителем и потребителем). В территориальных образованиях могут быть оказаны факультативные услуги (тропа здоровья, бассейн).

В зависимости от особенностей содержания и целевого назначения жилищно-коммунальные услуги подразделяются на следующие виды: 1) коммунальные услуги, включающие горячее и холодное водоснабжение, водоотведение (канализацию), газо-, электро- и теплоснабжение, пользование лифтом, вывоз и обезвреживание твердых бытовых отходов; 2) техническое обслуживание, включающее эксплуатацию и текущий ремонт общего имущества жилых домов, уборку и освещение вспомогательных помещений жилых домов, придомовой территории, а также ремонт усовершенствованных покрытий проездов, проходов, уход за зелеными насаждениями; 3) капитальный ремонт многоквартирного жилого дома, осуществляемый в установленном законодательством порядке; 4) услуги по управлению жилым домом или группой жилых домов; 5) иные жилищно-коммунальные услуги.

В зависимости от подотраслей коммунального хозяйства коммунальные услуги могут быть дифференцированы на следующие группы: 1) указанные выше жилищно-коммунальные услуги, непосредственно связанные с функционированием жилого фонда; 2) услуги по благоустройству и развитию инфраструктуры территориального образования: озеленение населенных пунктов, дорожно-строительные работы, уборка улиц; 3) бытовые услуги для населения и приезжих граждан: банно-прачечные услуги, гостиничные услуги, ритуальные услуги.

В зависимости от способа потребления коммунальные услуги разделяются: 1) на общественные (инфраструктурные – улицы, площади); 2) потребляемые в индивидуальном порядке (вода, энергия и т. п.); 3) услуги смешанного общественно-индивидуального характера (общественный транспорт).

Услуги могут быть делимыми (индивидуальными) и неделимыми. С расширением внедрения приборного учета все более видов коммунальных услуг теряют свойство неделимости.

Органы ЕС (Комиссия совместно с Судом справедливости) разделяют коммунальные услуги на экономические и неэкономические [8, с. 253].

Выводы

В Беларуси коммунальные услуги (их перечень в различных населенных пунктах, качество и стоимость) остаются приоритетным предметом общественной дискуссии. Однако, несмотря на фундаментальное значение и вездусущее проникновение, коммунальные услуги не получили адекватного внимания в отечественной правовой науке. Во-первых, следует признать их одной из сфер хозяйственной деятельности местного публичного значения. Из этого, во-вторых, вытекает, что к ним обязательно нужно относиться профессионально, производить новаторски в конкурентной среде, за счет чего получать прибыль для последующего реинвестирования в коммунальную инфраструктуру. В-третьих, территориальный принцип организации предоставления (но не производства) коммунальных услуг требует их передачи в ведение местных сообществ (общин, коммун, гмин) и организации системы местной власти на принципах самоуправления (это коммунальная, а не государственная и не региональная забота). Хозяйственная природа услуг предполагает самостоятельную ответственность и производителя и покупателя услуг.

Коммунальные услуги как разновидность общественных (общедоступных) услуг являются объектом специального правового регулирования в интересах местного населения (*public service*). Правовое регулирование отражает технологическое содержание обязательной услуги, предоставляемой широкому кругу потребителей; сложный хозяйственно-властный статус субъекта, предоставляющего услугу; характеристику деятельности субъектов коммунального сектора; а также режим собственности поставщиков и потребителей услуг. По сути, комплексное социально-экономическое развитие территориального образования – это целенаправленное увеличение объема и повышение качества коммунальных услуг, оказываемых населению и всем местным резидентам. Из этого складывается уровень потребления материальных благ, а значит, уровень и качество жизни.

Для Беларуси актуально осуществить муниципализацию коммунальных услуг в уставах территориальных образований. Невозможно быть реальным субъектом отношений по производству столь важных услуг (продуктов) без высокого уровня и качества своей юридикации. В Беларуси следует на конституционном уровне признать территориальные образования муниципалитетами - юридическими лицами, со специальной публичной правоспособностью, зафиксированной в законах и их уставах. Главное место в содержании полномочий территориальных образований должно быть отведено определению каталога услуг, механизму их производства и потребления.

Предоставление коммунальных услуг относится к сфере хозяйствования и социального обслуживания и по содержанию не является властной деятельностью. В связи с этим непосредственное их оказание может более эффективно осуществляться как коммунальными, так и другими субъектами хозяйствования, которые испытывают организующее воздействие органов местного самоуправления. Это главная задача органов местного самоуправления (для управления нет). Во многих странах, в том числе с классическими системами социальных гарантий, в систему предоставления коммунальных услуг последовательно включаются частные предприниматели, в том числе ТНК. Таким образом, реализуется принцип потребительского выбора, внедряются рыночные начала в предоставление коммунальных услуг публичного характера.

Население заинтересовано в создании конкурентной среды для оказания муниципальных услуг с участием предприятий различных форм собственности. Частные предприятия заинтересованы в снижении затрат. Их профессионализм способствует улучшению качества и снижению тарифов. Одновременно местные органы власти освобождаются от излишних хозяйственных функций и могут сосредоточить свои усилия на решении стратегических задач.

Построение территориальной системы организации коммунальных услуг является одним из важнейших приоритетов в Республике Беларусь. Для повышения качества в каждом территориальном образовании целесообразно разработать Положение о коммунальных услугах и другие правовые акты о коммунальных услугах.

Список использованных источников

1. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т. І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.
2. Магдэбургскае права на Магілеўшчыне : зб. навук. матэрыялаў / уклад. І. А. Пушкін, А. Р. Агееў. – Магілёў : МДУХ, 2015. – 111 с.
3. Хохлов, Е. Б. Западноевропейский город в эпоху средних веков: цехи и цеховая политика – городской и корпоративный строй / Е. Б. Хохлов // Правоведение. – 2011. – № 6. – С. 79–101.
4. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. : у 2 ч. / Я. І. Юхо. – Мінск : РІВШ БДУ, 2000. – Ч. 1. – 352 с.
5. Васильев, В. И. Муниципальное право России : учебник / В. И. Васильев. – М. : ЗАО Юстицинформ, 2008. – 848 с.
6. Кирсанов, С. А. Организация и регламенты муниципальных услуг в Российской Федерации : моногр. / С. А. Кирсанов, В. В. Яновский. – М. : Русайнс, 2015. – 284 с.
7. Шугрина, Е. С. Муниципальное право : учебник. – Е. С. Шугрина. – 4 – е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 560 с.

ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОЛГОМ: ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ

Цареградская Юлия Константиновна,
доцент кафедры финансового права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва,
кандидат юридических наук, доцент

В практической финансовой деятельности государств, как правило, используется сочетание административного и финансового подходов, позволяющих эффективно проводить операции с долговыми обязательствами государства. Использование сочетания различных групп методов является наиболее эффективным при управлении государственным долгом. В частности, М. Х. Канкулов, указывает на то, что управление должно быть системным, а систему управления государственным долгом определяет как систему привлечения государством необходимых финансовых ресурсов и использования единого комплекса взаимосвязанных бюджетных, финансовых, учетных, организационных, контрольных и других процедур, направленных на эффективное регулирование объема и структуры государственного долга и снижения влияния долговых обязательств на темпы социально-экономического развития национального хозяйства [1, с. 8].

По мнению Е. В. Покачаловой, в условиях рыночного хозяйства преобладающими должны являться экономические и финансовые методы управления государственным долгом, рассматриваемые в узком и широком понимании. Причем в широком понимании автор включает и возможность использования административно-правовых и гражданско-правовых методов управления [2, с. 305].

Другой плоскостью споров о методах управления государственным долгом является вопрос о преобладании в правовых методах императивных или диспозитивных методов, зародившийся еще с момента становления науки финансов и финансового права. В работе «План финансов» М. М. Сперанский отмечал, что приоритет интересов государства не оспорим над интересами субъектов-держателей государственных долговых бумаг, но это ни в коем случае не отвергает наличия гражданских прав и свобод, а только лишь подчеркивает специфику данных правоотношений [3, с. 64–65].

Практическая реализация элементов диспозитивности в управленческих отношениях, связанных с государственным долгом проявилась в 1990-е годы, когда нормы гражданского законодательства стали содержать положения о договоре государственного займа, заложившие и дискуссию о частноправовом характере регулирования в финансовом праве. В частности, ст. 817 ГК РФ, устанавливает правила о том, что государственные займы являются добровольными, а договор государственного займа заключается путем приобретения займодавцем выпущенных государственных облигаций или иных государственных ценных бумаг [4, ст. 410]. По мнению В. В. Витрянского, «появление в ГК РФ норм о договоре государственного займа как об отдельном виде договора займа видимо является реакцией законодателя на печальную (для граждан-займодавцев) отечественную традицию в развитии отношений государственного займа, сложившуюся еще в советское время, когда граждан обязывали подписываться на облигации государственных займов, а государство бесконечно переносило сроки погашения этих облигаций» [5, с. 270].

Разнообразие позиций вышеуказанных авторов об использовании в управлении государственным долгом административных, финансовых, экономических, гражданско-правовых и других методов, свидетельствует об эффективности использования всех методов в совокупности, а субъективность позволяет лишь акцентировать внимание на отдельной группе методов.

При правовой характеристике методов управления государственным долгом следует учитывать рекомендации, разработанные Международной организацией высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ). Данные Рекомендации разработаны в отношении нормативно-правовой базы, регулирующей долговые отношения, и выборе методов управления государственным долгом.

В соответствии с рекомендациями Комитета по государственному долгу стран – участниц ИНТОСАИ национальная законодательная база должна определять следующие векторы: политику и стратегию государственного долга; определение целей и направлений использования долга; наличие специальной организации или федерального агентства, уполномоченного на получение кредитов от имени государства и организации выплат по долгу; субъектов, ответственных за одобрение получаемых долговых контрактов и уполномоченных на их подписание; субъектов, ответственных за учет и управление государственным долгом; условия, при которых федеральный орган исполнительной власти может выступать в качестве гаранта; публичность и прозрачность в отношении информации о государственном долге, в частности, публикация отчетов по управлению государственным долгом.

При определении наиболее эффективных методов управления государственным долгом ИНТОСАИ рекомендует учитывать следующие аспекты: 1) предварительное составление долговой стратегии федеральным органом исполнительной власти до возникновения долгового обязательства; 2) сформировавшаяся структура и состав долга должны соответствовать выработанной долговой стратегии; 3) управление государственным долгом должно включать в себя оценку риска, направленную на поддержание долговой стратегии; 4) выбор благо-

разумных методов управления государственным долгом; 5) организация надлежащего учета, мониторинга и контроля за управлением государственным долгом [6].

Анализируя данные Рекомендации, необходимо отметить, что первостепенное значение при организации процесса управления государственным долгом отводится принципам плановости, гласности, единства учета и долговой политики, снижения рисков и оптимальности, характерных в целом для государственного долга [7, с. 36].

В теории финансового права традиционно принято выделять следующие методы управления государственным долгом: рефинансирование, реструктуризация, секьютиризация конверсия, консолидация, аннулирование, унификация, списание долгов.

Согласно позиции Л. С. Брагинской, существующие методы управления государственным долгом представлены в стандартных и нестандартных схемах управления государственным долгом. Для стандартных схем управления характерны: 1) погашение долга, по графикам, предусмотренным соглашениями изначально; 2) погашение долга по графикам, предусмотренным в рамках соглашений о реструктуризации; 3) погашение наличными платежами по номиналу срочных к платежу требований.

Для нестандартных схем управления свойственно наличие элемента списания части долга и неденежная форма расчетов [6].

Таким образом, делаем вывод о том, что методы управления государственным долгом можно объединить в две группы: стандартные и нестандартные. Стандартные методы управления государственным долгом представлены рефинансированием, конверсией, консолидацией, унификацией, секьютиризацией, аннулированием, списанием долговых обязательств (долга), выкуп долговых обязательств (долга) и реструктуризацией. К нестандартным методам управления государственным долгом можно отнести следующие: товарный, уступка прав требования, зачет взаимных долговых требований, списание части долговых обязательств (долга), использование государственных внешних финансовых активов, обмен задолженности.

Если в качестве оптимального варианта по управлению государственным долгом необходимо использовать несколько методов, тогда стороны прибегают к реструктуризации долга, которая легально закреплена в бюджетном законодательстве.

Реструктуризация как метод управления государственным долгом относительно новый, поскольку был заимствован в 1990-е годы из международной практики управления долговой политикой. Реструктуризация получила юридическое закрепление в ст. 105 БК РФ как прекращение долговых обязательств, составляющих государственный или муниципальный долг, с заменой указанных долговых обязательств иными долговыми обязательствами, предусматривающими другие условия обслуживания и погашения обязательств, основанное на соглашении [8, ст. 3823]. Соответственно, данный метод представляет собой замену одного долгового обязательства другим, предусматривающую пересмотр графика платежей по обслуживанию задолженности, создание нового и более приемлемого графика выплаты долга за счет продления льготного периода выплат процентов и увеличения периода выплат основного долга [9, с. 72]. В связи с подобным содержанием реструктуризации необходимо учитывать, что данный метод управления государственным долгом сочетается в правовом регулировании долговых отношений публичный и частноправовой характер, проявляющийся в том, что необходимо руководствоваться правилами ст. 818 и ст. 414 ГК РФ о новации, которая представляет собой прекращение обязательств по соглашению сторон о замене первоначального обязательства, существовавшего между ними, другим обязательством между теми же лицами (новация), если иное не установлено законом или не вытекает из существа отношений [4, ст. 410]. Впервые на практике положения Гражданского кодекса РФ о новации применительно к государственному долгу были применены после кризиса 1998 года, когда новация предполагала замену одного обязательства другим, в частности, замену обязательства по государственным краткосрочным облигациям с погашением до 31 декабря 1999 г. на обязательства по облигациям федеральных займов с постоянным и переменным купонным доходом с погашением до 2013 г. [10, ст. 5203].

Следует отметить, что реструктуризация государственного долга может быть осуществлена и с частичным списанием суммы основного долга, то есть относиться не ко всему объему долгового обязательства, а только к его части. В связи с этим обстоятельством высказываются точки зрения, что реструктуризация это совокупность методов по управлению государственным долгом, включающая большую часть вышеперечисленных методов.

За время юридического закрепления данного метода в бюджетном законодательстве сложилась судебная практика, связанная с реструктуризацией долговых обязательств. В постановлении ФАС Дальневосточного округа от 4 февраля 2009 г. № Ф03-3686/2008 суд особо подчеркнул, что в силу п. 1 ст. 105 БК РФ для реструктуризации долга необходимо соглашение всех сторон обязательства, в котором стороны установят, каким образом будет происходить замена первоначальных долговых обязательств новыми [11]. В постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 августа 2009 г. № 09АП-14423/2009-ГК обозначено, что условия проведения реструктуризации долга заключаются в погашении долговых обязательств путем выпуска новых долговых обязательств в объеме погашаемых с одновременным установлением новых условий обслуживания и сроков погашения размещаемого долга [12].

Кроме того, следует учитывать, что понятие реструктуризации долга, связано не только с бюджетным законодательством, но и с гражданским законодательством. Например, в Апелляционном определении Московского городского суда от 30 мая 2012 г. по делу № 11-8081 суд отметил, что гражданское законодательство не содержит трактовки понятия «реструктуризация долга», хотя и использует его, однако глава 26 ГК РФ регулирует порядок внесудебного прекращения обязательств. Данное определение суда акцентирует внимание на том, что в теории права под реструктуризацией долга принято понимать изменение условий выплаты, погашения долга

и процентов по нему в сторону их смягчения; увеличение сроков погашения; отсрочку очередных платежей или даже прощение части долга. В юридической литературе может быть использовано и иное понимание данного термина – это любое изменение первоначальных договоренностей кредитора с должником в связи с затруднительностью погашения долга прежним способом с целью получить исполнение обязательств любым иным способом. Подобная трактовка данного понятия по замечаниям суда, основывается на положениях именно на положениях ст. 105 БК РФ, определяющих реструктуризацию долга как основанное на соглашении прекращение долговых обязательств, с заменой указанных долговых обязательств иными долговыми обязательствами, предусматривающими другие условия обслуживания и погашения обязательств. Кроме того, данное определение законодатель использует в ст. 2 Федерального закона от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» [13].

Использование реструктуризации как метода ставит перед собой цель - восстановление способности хозяйствующего субъекта (государства, его территориального подразделения, юридического лица и др.) обслуживать долги за счет отсрочки платежей, и, соответственно, уменьшения суммы выплат и высвобождения финансовых ресурсов.

Подводя итоги, необходимо указать, что сегодня ни одно государство в мире не может прожить без привлечения займов. По мнению Д. Хьюма, правительства склонны злоупотреблять долговым финансированием, поэтому при неправильном и неэффективном управлении государственным долгом государству можно причинить огромный вред [10, с. 73].

Список использованных источников

1. Канкулов, М. Х. Совершенствование механизма управления государственным внешним долгом Российской Федерации : автореф. дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.10 / М. Х. Канкулов. – М., 2008. – 27 с.
2. Покачалова Е. В. Становление и развитие публичного долга и его форм (финансово-правовые аспекты) / Е. В. Покачалова. – Саратов, 2007. – 428с.
3. Сперанский, М. М. План финансов. У истоков финансового права / М. М. Сперанский. – М., 1998. – Т. 1. – С. 17–106.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996 г. №14-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
5. Витрянский, В. В. Договор займа: общие положения и отдельные виды договора / В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2004. – 333 с.
6. Брагинская, Л. С. Государственный долг: анализ системы управления и оценка ее эффективности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/49925/ogl.shtml>. – Дата доступа: 07.09.2015.
7. Цареградская, Ю. К. Принципы государственного долг // Юридическое образование и наука. – 2015. – № 4. – С. 35–39.
8. Бюджетный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Росс. Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
9. Бусыгина, И. А. Управление государственным долгом: теория, содержание и методы / И. А. Бусыгина // Экономические науки. – 2012. – № 3 (88). – С. 70–73.
10. О новации по государственным ценным бумагам : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 12 дек. 1998 г., № 1787-р // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 51. – Ст. 6359; 2000. – № 52 (ч. 2). – Ст. 5203.
11. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 04.02.2009 № Ф03-3686/2008 по делу № А24-5801/2006-09 // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.08.2009. № 09АП-14423/2009-ГК // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
13. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 30.05.2012. по делу № 11-8081 // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА

Цегельник Ольга Владимировна,
доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Учебная дисциплина «Хозяйственное право» преподается на юридическом факультете Белорусского государственного университета достаточно долгое время, начиная с начала 1990-х годов – кафедрой гражданского права, после 2004 года и по настоящее время – кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности. Ее преподавание также осуществляется и другими высшими учебными заведениями Беларуси, например Академией управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусским государственным

экономическим университетом и т. д. Министерством образования Республики Беларусь 14 июля 2013 года была утверждена Типовая учебная программа по дисциплине «Хозяйственное право» для учреждений высшего образования по соответствующим специальностям [1]. Приведенная в ней тематика мало чем отличается от тематики курса «Хозяйственное право», преподаваемого в свое время указанной выше кафедрой гражданского права [2].

Вопрос о правовой природе хозяйственного права является дискуссионным среди белорусских и зарубежных ученых в части ответа на вопрос, является ли хозяйственное право самостоятельной отраслью права в Республике Беларусь, а дискуссия по этой проблеме идет с 1930-х годов в рамках СССР.

Большинство отечественных авторов определяют хозяйственное право как *«совокупность правовых норм, регулирующих предпринимательские отношения и тесно связанные с ними иные, в том числе некоммерческие отношения, а также отношения по государственному регулированию экономики в целях обеспечения интересов общества и государства»* [3; 4].

На сегодня согласно мнению профессора В. Н. Годунова, «... в реальности говорить о хозяйственном праве как самостоятельной отрасли права сейчас нет оснований. ... Хозяйственное право, а также предпринимательское право, когда последнее наполняется тем же содержанием, следует рассматривать как отрасль законодательства, как науку и как учебную дисциплину. *Вместе с тем независимо от подходов к хозяйственному праву реально существует хозяйственно-правовое регулирование и хозяйственное законодательство»* [3]. Такой же точки зрения придерживается и В. К. Сидорчук, определяющий хозяйственное право как нормативную форму гармонизации частных и публичных интересов в сфере профессионально осуществляемой экономической деятельности [4].

В то же время ряд других авторов, в частности, профессор В. С. Каменков [5], авторы соответствующих учебников по хозяйственному праву, например В. С. Гальцов [6], Е. А. Реуцкая [7], С. П. Кацубо [8], рассматривают хозяйственное право как самостоятельную отрасль права.

Среди зарубежных ученых, представивших, на наш взгляд, наиболее полное обоснование хозяйственного права как самостоятельной отрасли права следует отметить академика В. К. Мамутова [9]. В качестве аргумента против концепции хозяйственного права как комплексной отрасли права (**или комплексной отрасли законодательства**) названный автор задает следующий вопрос: «Что же объединяет, цементирует нормы права в «комплексном хозяйственном праве?». И считает, что на этот вопрос авторы указанной концепции не дают ответа [9, с. 12].

При рассмотрении данного вопроса необходимо обратиться к предмету и методу хозяйственного права. И здесь, на наш взгляд, следует согласиться с мнением В. К. Мамутова, что предметом регулирования хозяйственного законодательства являются те или иные виды хозяйственной деятельности в различных сферах экономики, а понятия хозяйственной деятельности и хозяйственных отношений очень близки по смыслу, они обозначают конкретные поведенческие акты различных субъектов в сфере хозяйствования [9, с. 11].

В. К. Мамутов также подчеркивает одну важную особенность хозяйственных отношений, а именно: «разделение их на некоторые виды (горизонтальные и вертикальные) – это в значительной степени условно. Речь должна идти, прежде всего, о единстве этих отношений, predeterminedном тем, что все эти виды имеют одну глубинную связь – они являются организационно-имущественными. ... *Именно хозяйственное правоотношение призвано быть тем звеном в регламентации поведения участников хозяйственной деятельности, которое согласовывает их интересы, увязывает их взаимные волевые отношения.* Причем эту функцию правоотношение выполняет при помощи метода хозяйственно-правового регулирования, основное назначение которого – обеспечить равное подчинение субъектов хозяйствования общественному хозяйственному порядку [9, с. 16, 67].

Рассуждая о методе, В. К. Мамутов не отрицает наличие известных методов в хозяйственном праве. Но при этом обосновывает следующую весьма важную позицию. Исходя из единства хозяйственных отношений и целей хозяйственного права, целостное воздействие на хозяйственные отношения можно оказывать, если применение ранее известных методов будет каким-то образом скоординировано, системно увязано. Для этого совсем не обязательно, чтобы один из известных методов был выдвинут на первый план в едином методе хозяйственно-правового регулирования. Системную организацию единого метода можно создать путем подчинения всех первичных (автономных) методов какому-либо одному руководящему началу (принципу), наиболее полно отражающему потребности развития хозяйственных отношений в современной экономике. В нашем случае (при выявлении сущности метода хозяйственного права) весьма полезная роль «третьего» элемента может быть отведена понятию «общественный хозяйственный порядок». Тогда ключевой метод хозяйственного права, способный интегрировать все другие методы, должен заключаться в равном подчинении всех субъектов хозяйствования общественному хозяйственному порядку, под которым указанный автор предлагает понимать господствующий в обществе уклад материального производства, основанный на положениях Конституции, нормах права, моральных принципах, деловых правилах и обычаях, одобренных высшей законодательной властью в стратегических экономических решениях, обеспечивающий гармонизацию частных и публичных интересов, создающий партнерские и добропорядочные взаимоотношения в хозяйствовании [9, с. 30–31].

Альтернатива общественному хозяйственному порядку – хаос в экономике. Общественный хозяйственный порядок становится опорной, ключевой категорией хозяйственного права. В. А. Семейсов раскрывает ее большое значение в следующем образном высказывании «хозяйственное право – это соединение идей в купол, на котором начертано «общественный хозяйственный порядок» [10]. Ключевой метод хозяйственно-правового регулирования делает принципиально однородными правовые связи в горизонтальных и вертикальных аспектах хозяйствования [9, с. 32].

Подобный подход к рассмотрению хозяйственного права разделяют также авторы учебника по хозяйственному праву Украины, указывая при этом дополнительно, что понятие общественного хозяйственного порядка используется не только в научной литературе, но и в преамбуле Хозяйственного кодекса Украины, а в ст. 5 ХК Украины определяется, на чем формируется правовой хозяйственный порядок [11, с. 24-25]. Названные авторы также перечисляют иные *системообразующие элементы хозяйственного права*, а именно: единство принципов регулирования, своеобразие понятийного инструментария, собственные меры ответственности и наличие систематизированного законодательства, а также развитая на ее основе отраслевая правовая наука [11, с. 25]. На наш взгляд, также *дополнительным системообразующим* элементом является *цель хозяйственного права*, которая не сводится лишь к охране и стабилизации отношений. Она должна указывать направление развития этих отношений, обеспечить системный характер такого развития. Чтобы эта цель была достигнута, необходимо иметь адекватные ей средства, обеспечивающие целостное воздействие на хозяйственные отношения, о которых говорилось выше.

Преподавание курса по хозяйственному праву на юридическом факультете Белорусского государственного университета основывается на хозяйственном законодательстве Республики Беларусь и доктринальных положениях отечественных и зарубежных авторов.

Мы разделяем в первую очередь подход академика В. К. Мамутова относительно предмета и метода хозяйственно-правового регулирования, и считаем, что его теоретические воззрения могут распространяться применительно к хозяйственному праву Республики Беларусь на основании следующего.

Развитие хозяйственного законодательства в Республике Беларусь происходит поэтапно согласно определенным целям развития экономики, при этом нельзя не отметить, что оно совершенствуется. Дальнейшее развитие хозяйственного законодательства (которое невозможно без его изучения), на наш взгляд, *должно быть подчинено определенной методологической цели (идее), которая должна быть озвучена, как минимум, при преподавании учебной дисциплины «Хозяйственное право» и в соответствующем учебном пособии*. В качестве такой цели может выступать предложенная академиком В. К. Мамутовым концепция единого метода хозяйственно-правового регулирования, подчинения его общественному хозяйственному порядку в его понимании (см. определение выше), гармонизации условий осуществления хозяйственной (экономической) деятельности, согласования публичных и частных интересов ее субъектов, при которой имеет место обратная связь этих субъектов при разработке тех или иных нормативных правовых актов, реализации важных проектов (обсуждение и учет мнений, их закрепление и внедрение на практике), например деятельность Министерства экономики по обсуждению проектов различных законов, других общественных объединений [12; 13].

Кроме того, в последнее время среди ученых, в том числе и юристов, активно исследуется содержание такой категории, как *«гармония»* в сфере правового регулирования хозяйственной деятельности, реализации ее в отношениях государственно-частного партнерства [14].

В качестве предмета хозяйственно-правового регулирования называлась хозяйственная деятельность. При этом следует обратить внимание, что в начале 1990-х годов при названии рассматриваемой дисциплины акцент большинством авторов ставился на отождествлении терминов хозяйственное (предпринимательское) право, что, по всей видимости, было обусловлено тем, что в данный период актуальным было развитие правового регулирования именно предпринимательской деятельности. В то же время, если исходить из содержания понятия хозяйственной деятельности, предложенной В. Н. Годуновым [3, с. 266], В. С. Каменковым [15], В. К. Мамутовым [9, с. 18], то следует отметить, что данное понятие является более широким и не ограничивается только предпринимательской деятельностью.

Исходя из целей хозяйственного права – способствовать развитию производства и экономики в целом – на сегодня весьма актуальным становится вопрос о соотношении хозяйственной деятельности и инвестиционной в части таких составляющих, как достижение положительного социального эффекта от их результатов и в конечном итоге – экономической деятельности. Наряду с целью получения прибыли от осуществления предпринимательской (инвестиционной) деятельности важным также становится вопрос о социальном развитии и развитии тех сфер хозяйства (экономики), которые, являясь неприбыльными либо будучи прибыльными, имеют высокую тенденцию (риск) быть убыточными и без функционирования которых Республика Беларусь как правовое социальное государство может не состояться (охрана окружающей среды, здравоохранение, образование, спорт, транспорт, обеспечение государственной безопасности и др.). Это свидетельствует о том, что правовое регулирование так называемой «некоммерческой» составляющей части хозяйственной деятельности требует изучения и преподавания в рамках хозяйственного права. Кроме того, в последние годы при характеристике инвестиционных отношений (правоотношений), авторами высказывается точка зрения о необходимости закрепления в науке термина «гармония в инвестиционных правоотношениях», который свидетельствует о согласованности интересов участников этих отношений (например, государство, инвестор, реципиент). При этом предлагается считать инвестиции не состоявшимися в случае, если отсутствует указанная гармония [16]. Кроме того, данная идея (о гармонии в указанных отношениях) заложена в определении инвестиционных отношений, предложенном профессором О. М. Винник, согласно которому это *разновидность или составляющая хозяйственных отношений*, которые возникают между инвестором и иными участниками инвестиционного процесса (исполнителями, посредниками, финансовыми учреждениями, органами хозяйственного управления) относительно подготовки, реализации инвестиций и получения определенного социально-экономического эффекта (в том числе прибыли) *с целью удовлетворения частных интересов участников инвестирования и публичных интересов (сообщества, государства, территориальных единиц), для обеспечения сбалансированного учета*

(взаимодействия) которых (интересов) обеспечивается определенный уровень государственного регулирования. При этом большинство указанных отношений является организационными – относительно организации инвестирования, управления этим процессом и контроля по поддержанию порядка инвестирования [17, с. 20].

Наряду с термином хозяйственное право используется термин «инвестиционное право», под которым тот же автор предлагает понимать «подотрасль хозяйственного права, которая регулирует инвестиционные хозяйственные отношения с участием инвесторов и иных участников инвестирования с использованием методов правового регулирования, свойственных хозяйственному праву и базируется на инвестиционном законодательстве как подотрасли хозяйственного законодательства» [17, с. 54].

На фоне того, что одной из важнейших задач развития экономики является ее модернизация и привлечение прямых инвестиций, можно сделать вывод о том, что *инвестиционная деятельность и, прежде всего, эффективный опыт ее организации и ведения* потребуют пристального изучения со стороны различных специалистов и соответствующего правового регулирования, и не исключено, что при соответствующем комплексном, ответственном подходе ее удельный вес в рамках хозяйственной (экономической) деятельности будет возрастать.

Неотъемлемой чертой развития современной экономики также является развитие конкуренции, ограничение монополии и обеспечение правового регулирования соответствующих отношений как в Республике Беларусь, так и в рамках территориальных образований, в состав которых она входит, обеспечение их единства (единого подхода в их регулировании) [18, 19].

Заключение

В целом вышеизложенное подтверждает вывод о том, что *хозяйственное право в Республике Беларусь обладает признаками самостоятельной отрасли права*, несмотря на отсутствие Хозяйственного кодекса. Об этом также свидетельствует то, что в 2013 году в Номенклатуре специальностей научных работников появился новый шифр специальности 12.00.07 – хозяйственное право; корпоративное право; энергетическое право, согласно постановлению Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 8 июня 2009 г. № 4 «Об утверждении номенклатуры специальностей научных работников Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых правовых актов». На данном этапе важно закрепить и в дальнейшем развивать сформулированные в статье положения при изучении курса хозяйственного права. Способствовать этому должны соответствующие учебные пособия [20]. Предложенный подход к подготовке учебников по хозяйственному праву будет способствовать систематизации хозяйственного законодательства, его изучению, выявлению соответствующих недостатков, поиску путей их устранения, его развитию и развитию хозяйственного права как отрасли права, учебной дисциплины и науки, а также соответствующей подготовке специалистов.

Список использованных источников

1. Типовая учебная программа по дисциплине «Хозяйственное право» для учреждений высшего образования по специальностям: 1 – 24 01 02 Правоведение, 1– 24 01 03 Экономическое право, 1 – 23 01 06 Политология (по направлениям), 1 – 24 01 01 Международное право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/45695/1/E505-2013.pdf. – Дата доступа: 02.02.2016.
2. Практикум по хозяйственному праву / под ред. В. Ф. Чигира, В. Н. Годунова – Минск : Амалфея, 2003. – 240 с.
3. Годунов, В. Н. Хозяйственные отношения и их правовое регулирование/ В. Н. Годунов // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь: материалы междунар. науч.-практ. конф., 21–22 окт. 2010 г., г. Минск / редкол. : И. Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Позитив-центр, 2010 – С. – 272 – 273.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С УЧЕТОМ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ УКРАИНЫ

Шаповалова Ольга Викторовна,
заведующий кафедрой хозяйственного права
Востокукраинского национального университета имени Владимира Даля, г. Северодонецк,
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института
правового обеспечения инновационного развития Академии правовых наук Украины, г. Харьков,
доктор юридических наук, профессор

Исследование правового обеспечения адаптации инвестиционной модели развития экономики Украины к праву Европейского Союза является актуальной проблемой, что было обосновано в многочисленных научных публикациях и концептуальных источниках. В то же время конституционное предписание об обеспечении со стороны государства социальной направленности экономики еще не реализовано в полной мере в специальных юридических конструкциях украинского законодательства. В частности, не достигнуто адаптивности той части гражданского и хозяйственного законодательства, которую называют инструментальной в достижении цели правовой охраны интересов участников инвестирования в предпринимательскую деятельность, связанную с хозяйственным использованием природных ресурсов.

В этой связи методологические основы исследования правового обеспечения адаптации инвестиционной модели развития экономики Украины к праву Европейского союза следует ориентировать на проведение императивов общественного публичного интереса в практику правового регулирования хозяйственной деятельности в условиях, когда в роли гаранта интереса выступают государство и его властные субъекты, а проводником общественного публичного интереса – предприниматели, вовлекающие в имущественный оборот недра, полезные ископаемые и другие природные ресурсы на договорных условиях.

Накопление знаний о средствах хозяйственного законодательства в достижении задекларированных в нем целей содействия становлению инвестиционной модели развития экономики было начато еще в 1980-х годах. Изучение Б. И. Пугинским гражданско-правовых средств регулирования хозяйственных отношений позволило ему обосновать вывод о формировании нового направления гражданского права - теории правовых средств [1, с. 197]. В исследованиях Г. Л. Знаменского представлены принципы построения функционально-целевых подсистем хозяйственного законодательства [2, с. 132–153]. Данный подход позволяет выдвинуть гипотезу о целесообразности образования в структуре данной отрасли законодательства функционально-целевой подсистемы правовых средств обеспечения инвестиционной модели развития экономики Украины. В процессе конкретизации элементов указанной структурной части подспорьем будут общенаучные положения работы И. В. Блауберг и Е. Г. Юдина «Становление и сущность системного подхода» [3, с. 189–190]. Известно, что теория права рассматривает законодательство и его реализацию как отражение и зачастую опережающий отражение объективной действительности, направляющее его развитие. Современные проблемы обеспечения эффективности законодательства обычно связывают с совершенствованием содержания урегулирования традиционных (договорных) отношений на новых принципах в отношении формы регулирования, системы и т. д. [4, с. 27].

Как видно, И. В. Булгакова ориентируется на внутриотраслевом восприятии целостности структуры конгломерата норм указанной отрасли законодательства, чего недостаточно для совершенствования. Внешняя ориентированность на интеграционные процессы в экономических системах обуславливает необходимость изучения хозяйственно-правовых средств в аспекте наполнения их содержанием, необходимым для выполнения субъектами хозяйствования требований и реализацией прав, связанных с обеспечением экономического развития на инвестиционной основе.

В экономической науке исследовались вопросы управления экономическим ростом на инвестиционной основе. Так, по определению И. В. Сытник, управление указанным процессом на инвестиционной основе – это управление количественным и качественным совершенствованием процесса общественного воспроизводства, ростом национального богатства благодаря инвестиционным рычагам, которое реализуется на основе экономических и правовых законов [5, с. 16]. Но в юриспруденции не было изучено правовых законов в аспекте их способности стать основой для организации развития, как это представлено в концепции устойчивого экономического развития.

Правовые средства содействия экономическому росту и техническому прогрессу масштабно рассматриваются в работах современных исследователей, но единого взгляда на сущность и значимость адаптации инвестиционной модели развития экономики Украины к праву Европейского союза не было достигнуто. В данном исследовании под хозяйственно-правовыми средствами содействия становлению инвестиционной модели развития экономики Украины понимаются, во-первых, способы материально-процедурного и другого операционного уровня, которые имеют практический смысл решения организационно-имущественных задач хозяйственного использования природных ресурсов. Во-вторых, средства законодательного уровня (правовые конструкции, целевые комплексы норм и т. д.), направленные на совершенствование правового режима использования природных ресурсов в сфере хозяйствования. По известной классификации Г. Л. Знаменского [6, с. 58] и первые, и вторые с некоторой погрешностью можно отнести к внешним средствам.

Если бы первичные (основные из внешних) хозяйственно-правовые средства были ориентированы на обеспечение инвестиционной модели развития экономики Украины таким образом, чтобы в результате реализации Хозяйственного кодекса обеспечивались бы предписания международных документов по требованиям устойчивого экономического развития, тем самым создавалось бы беспрепятственное правовое пространство действия не только его норм, но и норм другого законодательства. Однако пока остаются нерешенными острые вопросы детализации обязанности обеспечения социальной направленности экономики природопользования и экологизации хозяйствования в соответствующих отраслях. Как следствие, реализация инвестиционно-хозяйственных прав, возникающих на основании договора о совместной эксплуатации и переработке нефти с последующей реализацией готовой продукции (о совместной деятельности), существенно деформирована. Потеряна также пакетная связь законов относительно соглашений о разделе продукции, о концессии, о государственно-частном партнерстве, что не способствует координации организационно-имущественных взаимосвязей инвестирования в развитие топливно-энергетического комплекса Украины, выведения из тени отрасли по добыче янтаря и т. д.

Процесс обновления структуры законодательства на основе сближения его функций с задачами реализации долгосрочных проектов устойчивого экономического развития побуждает к выяснению предмета научного познания функционально-целевой подсистемы, ориентированной на содействие становлению инвестиционной модели развития экономики Украины.

Право- и социально-познавательные основы указанного процесса были заложены в работах А. А. Беляевич «Хозяйственное договорное право Украины (теоретические аспекты)» [8], А. Г. Бобковой «Правовое обеспечение рекреационной деятельности» [9], В. А. Витушко «Теория механизма правового регулирования экономических отношений» [10], В. А. Гайворонского (в авторском разделе учебника) «Правовое регулирование хозяй-

ственных отношений с участием промышленных предприятий» [11], И. Е. Замоиского «Обеспечение договорных обязательств на предприятии», [12, с. 14–17], А. М. Запорожца «К вопросу о предмете и методе хозяйственного права» [12, с. 53–80], в диссертации Л. Знаменского «Цели и способы повышения эффективности хозяйственного законодательства» [2] и цикле других работ [6; 14; 15, с. 572–573; 16, с. 20–21; 17 с. 37–43; 19], В. М. Коссака «Правовые основы иностранного инвестирования в Украину» [20], В. В. Лаптева «Предмет и система хозяйственного права» [21], В. В. Луця «Контракты в предпринимательской деятельности» [22], «Проблемы договорного регулирования имущественных отношений по новому Гражданским и Хозяйственным кодексам Украины» [23, с. 21–32], В. К. Мамутова «Совершенствование правового регулирования хозяйственной деятельности (методология, направления)» [24] и цикле других работ.

Формирование концепции целостного функционально-целевого образования норм о средствах содействия устойчивому развитию сконцентрировало вокруг данной проблемы внимание авторов научного творчества и специалистов, знакомых с действительным положением законодательства. Их прогнозы позволяют задуматься о дальнейшей специальной кодификации (на основе общей). Это может снять противопоставление Хозяйственному кодексу предложения по разработке отдельного Кодекса экономического планирования. Научное обоснование методологии сведения законодательства о средствах содействия экономическому развитию в единую систему остается актуальной проблемой экономико-правовой области знаний.

В Европе академический интерес вызывают вопросы достижения динамического баланса и рамок сближения самых разных интересов экономики, экологии и социального прогресса, когда речь заходит о «устойчивом использовании» природных ресурсов. В данном исследовании определяются задачи хозяйственно-правовой науки в современных условиях преодоления имеющихся проблем реализации требований устойчивого развития, используя потенциал хозяйственного законодательства.

В Законе Украины «Об оценке имущества, имущественных прав и профессиональной деятельности в Украине» права на деятельность по использованию природных ресурсов названы специфическими правами. Законодатель объединил таким термином обязательственные права (право требовать и право осуществлять деятельность). Такое сочетание является предметным организационно-имущественным признаком правового режима использования природных ресурсов в сфере хозяйствования. Оно означает, что государство передает на определенных условиях право использовать комплекс исключительных прав в предпринимательской деятельности негосударственных субъектов использования. На особенности правового режима использования природных ресурсов в сфере хозяйствования сделан акцент в ХК Украины, но в науке хозяйственного права сущность особенностей такого режима не была раскрыта. Исходя из этого, можно было бы установить содержание требований хозяйственно-правовой природы, которые именуются требованиями устойчивого развития. В то же время знания особенностей разноотраслевой специализации позволяют предложить рекомендации по обновлению уже существующих соответствующих законоположений.

Ученые неоднократно указывали, что частичные изменения, нарушая нормальный ход повседневной практической деятельности, приводят к ослаблению авторитета закона. Следовательно, требовать стабильности законодательства – значит избегать произвольных изменений, вызванных субъективными причинами. Поэтому обновление хозяйственного законодательства с целью обеспечения стабилизации развития является позитивным процессом, который базируется на научном обосновании в науке конституционного права интереса субъектов хозяйствования (как значительной части общества) к социальной направленности экономики. Это их конституционное право созвучно праву на развитие, которое защищается международным сообществом. Достижение соответствия хозяйственно-правовых средств требованиям устойчивого экономического развития потребует реализации цели адаптации в украинских реалиях (условий и требований) экономического роста.

Теория отражения объективной реальности в праве играет чрезвычайно важную методологическую роль в определении критериев новеллизации законодательства, в частности, в аспекте осуществления адаптации его инструментария к современным известным средствам поддержки и защиты правопорядка. Тем самым обеспечивается стабильное развитие, цели, условия и требования которого определяются уровнем общественных и правовых достижений.

Однако, учитывая, что достижение гармонии с повторяющимся воздействием общества на законодательство и обратным его влиянием на сферу хозяйствования, значимость правовых средств в стабилизации экономического развития понимают неоднозначно. Если обобщить позитивный подход авторов к законодательству, то представление о нем как об условии развития общественных отношений можно изложить в следующем тезисе: Значимость законодательства в реализации требований устойчивого развития заключается в возможности участия современного гражданского общества в преобразовании условий своего развития (чаще при сохранении в неизыблемости классических канонов гражданского права) под соответствующий уровень эволюции экономических отношений и состояния трансформации законных интересов субъектов хозяйствования.

Думаю, роль гражданского права (как «материнской» отрасли для хозяйственного) здесь отождествляется с ее предназначением быть жестким «регистратором» действительности и «не прогибаться» под эту действительность в ущерб классическим канонам. Например, с целью ликвидации противозаконных экономических структур и организованных преступных организаций, покрывающих незаконную добычу янтаря, его теневой сбыт и контрабанду, в Украине был подготовлен законопроект «О добыче и реализации янтаря». Настоящий Закон направлен на создание благоприятных условий для развития в Украине новой отрасли экономики, связанной с добычей, реализацией и обработкой янтаря, привлечение в эту отрасль инвестиций и новых технологий.

В совокупности отношений, которые имеют смешанную природу и разноплановый период существования, недопустимо терять подчиненность изменения статуса их участников определенным обстоятельствам, очерченным в законодательстве

Считается, что именно благодаря гибким хозяйственно-правовым средствам здесь удастся избежать восприятия хозяйственно-правовых средств пассивным «регистратором» действительности, что позволит провести комплекс мер и мероприятий, направленных на преобразование незаконной хозяйственной деятельности и легализацию предпринимательства. А гражданско-правовые средства смогут подключиться, когда понадобится регулировать легальное предпринимательство.

Формально нормативная трактовка хозяйственно-правовых средств легализации предпринимательства по добыче и реализации янтаря позволяет вносить устойчивость в содержание мероприятий по легализации благодаря текущим, сквозным и вспомогательным функциям.

Еще один пример. Задачи Закона Украины «О нефти и газе» являются теоретически взвешенными, но нормы самого закона об охране правового порядка и интересов государства в части коммерческого обращения природного сырья грубо нарушаются. Немало нарушений стали следствием отсутствия внутренне согласованного комплекса норм. Также неоднозначность вопроса о статусе госпредприятий отрасли недропользования мешает укреплению динамики достижения прозрачности их функционирования в хозяйственной сфере.

Для изучения отношений, которые имеют смешанную природу и разноплановый период существования, полезно обращаться к наработкам представителей частного права. Так, до сих пор остается необработанными для нужд теории хозяйственного законодательства метод континуальной методологии.

В основу диссертации на тему «Теория механизма правового регулирования экономических отношений» В. А. Витушко была положена идея о комплексном многоуровневом характере общественных связей. По сравнению с другими общими методами теории он доказывает преимущества континуального метода правового регулирования взаимосвязи частных и публичных прав и интересов в рамках правоотношения [10].

Рассматривая принцип непрерывного охвата нормами права различных отраслей и институтов любого субъективного права и обязанности, автор устанавливает взаимосвязь между кажущимися (как несовместимыми между собой) правовыми институтами, оценивая содержание правоотношения не только с точки зрения формальных правовых критериев, но и с позиций других социальных регулятивных систем и законов экономики и рынка. Континуальная методология вобрала традицию более обобщенно, взаимосвязано и непрерывно рассматривать формирование прав. Такой подход к описанию социальных явлений с технологией толкование прав должен способствовать полной оценке делегированных инвестору прав на осуществление предпринимательской и организационно-хозяйственной деятельности по использованию природных ресурсов.

Юридический континуум как общенаучный метод позволяет выверить непрерывную связанность совокупности гражданско- и хозяйственно-правовых норм, которые трансформируются в права и обязанности сторон обязательственных отношений по выполнению требований устойчивого развития инвестором. Исходя из того, что их акты поведения и фактическая деятельность инвестора тождественны реальному процессу хозяйствования, юридический континуум целесообразен при формировании предписаний специального закона о концессиях природопользования в части принципов и условий ответственности субъектов хозяйствования.

Проведенный анализ позволяет установить недостаточную методологическую обеспеченность процесса комплексного изучения проблемы правового обеспечения адаптации инвестиционной модели развития экономики Украины к праву Европейского союза.

Список использованных источников

1. Пугинский, Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б. И. Пугинский. – М. : Юрид. лит, 1984. – 224 с.
2. Знаменский, Г. Л. Цели и способы повышения эффективности хозяйственного законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.04 / Г. Л. Знаменский. – М., 1985. – 487 с.
3. Блауберг, И. В., Юдин, Э. Г. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 214 с.
4. Булгакова, І. В. Господарське право України : навч. посібник / І. В. Булгакова. – К. : Прецедент, 2006. – 346 с.
5. Ситнік, І. В. Управління економічним зростанням на інвестиційній основі: дис. ... канд. екон. наук : 08.02.03 / І. В. Ситнік ; Інститут економіко-правових досліджень НАН України.- Д., 2003.-
6. Знаменский, Г. Л. Совершенствование хозяйственного законодательства: цель и средства / Г. Л. Знаменский. – К. : Наук. думка, 1980. – 187 с.
7. Проблемы методологии и методики правоведения. – М., – 1974.
8. Беляневич, О. А. Господарське договірне право України (теоретичні аспекти) / О. А. Беляневич. – Київ : Юрінком Інтер, 2006.
9. Бобкова, А. Г. Правовое обеспечение рекреационной деятельности / А. Г. Бобкова. – Донецк : Юго-Восток, 2000. – 307 с.
10. Витушко, В. А. Теория механизма правового регулирования экономических отношений: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. А. Витушко ; Белорусский государственный ун-т. – Минск, 2001. – 442 с.
11. Правове регулювання господарських відносин за участю промислових підприємств /

- В. М. Гайворонський, В. П. Жушман, Н. П. Титов [та ін.] ; за ред. В. М. Гайворонського та В. П. Жушмана. – Х. : Право, 2000. – 278 с.
12. Замоийский, И. Е. Обеспечение договорных обязательств на предприятии / И. Е. Замоийский. – М. : Юрид. лит., 1982. – 111 с.
13. Запорожец, А. М. К вопросу о предмете и методе хозяйственного права / А. М. Запорожец // Проблемы взаимодействия отраслей частного права: доктрина и методика преподавания : материалы Междунар. науч.-метод. конф., 3–4 марта 2006 г. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006. – С. 53–80.
14. Знаменский, Г. Л. Хозяйственное законодательство Украины: формирование и перспективы развития / Г. Л. Знаменский. – К. : Наук. думка. – 1996. – 64 с.
15. Знаменский, Г. Л. Ще раз про предмет господарського права / Г. Л. Знаменський // Вісник академії правових наук. – № 2 (33). – № 3 (34). – 2003. – С. 567–580.
16. Знаменський, Г. Л. Господарський Кодекс України: концептуальний задум і реалії законотворчості / Г. Л. Знаменський // Юридична Україна. – 2003. – № 5. – С. 17–24.
17. Знаменський, Г. Л. Державна законодавча політика — важливий фактор детінізації і декриміналізації економіки / Г. Л. Знаменський // Детенизация экономики: опыт экономико-правового и экономико-математического исследования : сб. науч. тр. ; ИЭПИ НАН Украины ; редкол. : В. К. Мамутов (отв. ред.) и др. – Донецк, 2000. – С. 37–43.
18. Знаменський, Г. Л. Кодифікація і гармонізація економічного законодавства / Г. Л. Знаменський // Юрид. вісник України. – 2003. – 20–26 вер. – № 38. – С. 10.
19. Знаменский, Г. Л. Блеск и нищета современной цивилистики / Г. Л. Знаменский // Экономика и право. – 2004. – № 2(9); 2005. – № 1(11), № 2(12).
20. Коссаk, В. М. Іноземні інвестиції в Україні (цивільно-правовий аспект) / В. М. Коссаk. – Львів : Центр Європи, 1996. – 216 с.
21. Лаптев, В. В. Предмет и система хозяйственного права / В. В. Лаптев. – М. : Юрид. лит., 1969. – 176 с.
22. Луць, В. В. Контракти у підприємницькій діяльності : навч. посібник / В. В. Луць. – К. : Юрінком Інтер, 1999. – 560 с.
23. Луць, В. В. Проблеми договірної регулювання майнових відносин за новим Цивільним та Господарським кодексами України / В. В. Луць // Українське комерційне право. – 2003. – №4. – С. 21–32.
24. Мамутов, В. К. Совершенствование правового регулирования хозяйственной деятельности (методология, направления) / В. К. Мамутов. – К. : Наук. думка, 1982. – 238 с.
25. Мамутов, В. К. Формирование и развитие хозяйственного законодательства Украины / В. К. Мамутов. – // Журнал рос. права. – 2001. – № 7. – С. 129–136.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Бочарова Наталья Николаевна,
старший преподаватель кафедры процессуального права
Южно-Российского института управления РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону

На протяжении последних лет в Российской Федерации осуществляется административная реформа, которая во многом носит избирательный, фрагментарный характер не только по органам государственной власти, относящимся к различным ветвям власти, но и по их уровням. По справедливому мнению ряда авторов [1], административная реформа сегодня в большинстве своем заключается в уточнении полномочий органов публичной власти, что напрямую связано с конкретизацией функций не только органов исполнительной власти, но и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. В настоящее время размещение территориальных органов федеральных органов исполнительной власти проведено неравномерно и бессистемно, что в первую очередь обусловлено отсутствием четких критериев создания территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (в ст. 71, 72 Конституции Российской Федерации лишь очерчены вопросы, по которым они должны создаваться) [2]. На этот процесс также наложил серьезный отпечаток Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849, создавший семь федеральных округов (впоследствии появились еще 2) [3].

Сегодня сложилась парадоксальная ситуация, когда одни федеральные органы исполнительной власти имеют свои территориальные органы или представительства в федеральных округах (Федеральная служба по финансовому мониторингу), другие – в субъектах Федерации (Федеральная антимонопольная служба), третьи – на части территории субъекта Федерации (Министерство культуры Российской Федерации), четвертые – в регионах, включающих субъекты Федерации, расположенные как на территории одного федерального округа, так и сопредельных федеральных округов (Федеральное агентство водных ресурсов), пятые – в федеральных округах, субъектах Федерации и муниципалитетах (Федеральная налоговая служба), шестые – одновременно в федеральных округах, регионах, а также в субъектах Федерации (Министерство внутренних дел Российской Федерации), седьмые – вообще не имеют таковых (Федеральное архивное агентство). При этом разными явля-

ются их виды, налицо избыточность территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в субъектах Федерации.

В такой ситуации для унификации процесса организации и взаимодействия территориальных органов федеральных органов исполнительной власти мы считаем целесообразным проведение мониторинга нормативно-правовых актов, регулирующих такие организацию и взаимодействие, по всем территориальным органам федеральных органов исполнительной власти в субъектах России и федеральных округах и выработку единственного документа, устанавливающего единые критерии и стандарты организации и взаимодействия, и закрепление его указом Президента или постановлением Правительства.

Предлагая правовой мониторинг для унификации процесса организации и взаимодействия территориальных органов, изучим само понимание данного понятия. Так, по мнению А. А. Невеселова, правовой мониторинг представляет собой особую разновидность прикладной научно-познавательной юридической деятельности, выступающей как система получения и анализа правовой информации о состоянии правовых явлений и степени его адекватности осуществляемой государственной политике [4, с. 8].

Под правовым мониторингом Л. А. Иванова понимает «методически обоснованную комплексную систематическую деятельность уполномоченных субъектов по наблюдению, анализу, оценке качества правовых норм и практики их применения на предмет достижения заложенных в них целей и планируемых результатов правового регулирования общественных отношений, а также по прогнозированию путей совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности» [5, с. 9].

Правовой мониторинг А. С. Фадеева определяет как «методически обоснованную, комплексную, систематическую аналитико-оценочную деятельность уполномоченных субъектов, включающую в себя наблюдение, анализ, обобщение, оценку информации о качестве принимаемых и действующих нормативных правовых актов, практике применения последних, а также выработку предложений об устранении выявленных недостатков нормотворчества и правоприменения, прогнозирование направлений развития правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений» [6, с. 14].

Н. Н. Черногор считает, что правовой мониторинг представляет собой методически обоснованную комплексную систематическую деятельность уполномоченных субъектов по наблюдению, анализу, оценке качества правовых норм и практики их применения на предмет достижения заложенных в них целей и планируемых результатов правового регулирования общественных отношений, а также по прогнозированию путей совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности [7].

Приведенный обзор, безусловно, не является исчерпывающим. В нем показаны лишь некоторые подходы к понятию «правовой мониторинг». Вместе с тем сравнительный анализ объема и содержания понятий позволяет выделить общий признак: правовой мониторинг есть систематическая деятельность, которая сводится в основном к мониторингу законодательства и правоприменения.

Опираясь на Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [8] и научные исследования в области правового мониторинга, необходимо провести комплексную и плановую деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу нормативных правовых актов различного уровня, касающихся деятельности федеральных органов исполнительной власти, их территориальных органов на окружном и региональном уровнях. В основу такого мониторинга необходимо положить единые принципы функционирования территориальных органов исполнительной власти. Считаем также, что проведение такого мониторинга должно способствовать исключению дублирования функций территориальных органов федеральных органов исполнительной власти на окружном и региональном уровнях и органов исполнительной власти субъектов России и повышению эффективности их взаимодействия.

Список использованных источников

1. Черкасов, К. В. Организационно-правовые основы учреждения и функционирования федеральных органов исполнительной власти на уровне федерального округа / К. В. Черкасов // Законодательство и экономика. – 2008. – № 12.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. Электронный ресурс Режим доступа: // www.pravo.gov.ru. – Дата доступа: 04.03.2016.
3. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе : Указ Президента Рос. Федерации, 13 мая 2000 г., № 849 // Российская газета. – 2000. – № 92-93. – 16 мая.
4. Невеселов, А. А. Правовой мониторинг и государственная политика: теоретико-правовые основы взаимодействия : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук/ А. А. Невеселов. – Ростов на/Д., 2009.
5. Иванова, Л. А. Определение эффективности нормативных актов в процессе правового мониторинга : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Л. А. Иванова. – М., 2011.
6. Фадеева, А. С. Аналитическая функция правового мониторинга : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А. С. Фадеева. – М., 2011.
7. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: моногр. / под ред. Н. Н. Черногора // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
8. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации (вместе с Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации) : Указ Президента Рос. Федерации, 20 мая 2011 г. № 657 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 23.05.2011. – № 21. – Ст. 2930.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ПУНКТОВ ПРОПУСКА ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Будько Виктор Николаевич,
старший преподаватель кафедры пограничной службы
Института пограничной службы Республики Беларусь

Пункт пропуска – территория (акватория) в пределах железнодорожного вокзала (станции), речного порта, аэропорта, открытых для международных сообщений (международных полетов), а также иной специально выделенный и оборудованный участок местности, где осуществляется пропуск через Государственную границу физических лиц, транспортных средств и товаров [1, ст. 1].

Весьма важной до настоящего времени как с теоретической (правовой), так и с практической точки зрения является проблема дифференциации таких пунктов пропуска. В настоящее время известно несколько классификаций пунктов пропуска. В правовом плане данные классификации закреплены в нормативных правовых актах Республики Беларусь, Союзаного государства (Российской Федерации и Республики Беларусь), в совместных нормативных документах стран – участниц Таможенного союза ЕАЭС.

В Республике Беларусь впервые классификация пунктов пропуска была закреплена в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 16 декабря 1997 г. № 1664 «Об утверждении Положения о пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь» (утратило силу в 2006 году). В данном документе было определено, что в Республике Беларусь устанавливаются следующие виды пунктов пропуска: пункт пропуска на железнодорожных вокзалах (станциях), в речных портах, аэропортах, на аэродромах; автодорожный пункт пропуска; пункт упрощенного пропуска.

Пункты пропуска подразделяются на следующие категории:

А (международные) – для пропуска в установленном порядке физических лиц, транспортных средств и товаров, независимо от их гражданства (подданства) и государственной принадлежности;

Б (межгосударственные) – для пропуска в установленном порядке на основе двустороннего договора с сопредельным государством физических лиц, транспортных средств и товаров Республики Беларусь и этого государства.

Пункты пропуска классифицируются также в зависимости от вида и характера международного сообщения, режима работы: по виду международного сообщения – речные, воздушные, автодорожные, железнодорожные, пешеходные; по характеру международного сообщения – пассажирские, грузовые, грузо-пассажирские; по режиму работы – постоянные, временные, сезонные [2, ст. 9–11].

В 2006 году Указом Президента Республики Беларусь от 10 мая 2006 г. № 313 «О пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь и видах контроля, осуществляемых в них» утверждены: перечень пунктов пропуска через Государственную границу Республики Беларусь; перечень пунктов пропуска через Государственную границу Республики Беларусь, в которых осуществляется только пограничный контроль; виды контроля (кроме пограничного и таможенного), которые могут осуществляться в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь [3]. В данном Указе определены:

«...На границе Республики Беларусь с Латвийской Республикой, с Литовской Республикой, с Республикой Польша, с Украиной: пункты пропуска на железнодорожном вокзале (станции); автодорожные пункты пропуска; пункты упрощенного пропуска.

Пункты пропуска в аэропортах.

Пункты пропуска в речных портах.

Пункты пропуска на железнодорожных станциях...» [3].

Известны и другие научные подходы классификации пунктов пропуска через границу. В частности, в Решении Комиссии Таможенного союза от 22 июня 2011 года № 688 приводится следующая классификация пунктов пропуска через внешнюю границу государств – членов Таможенного союза.

Данные пункты пропуска дифференцированы:

1) по виду международного сообщения на:

автомобильные (автодорожные);

железнодорожные;

морские;

речные (озерные);

воздушные;

пешеходные;

смешанные;

2) по характеру международного сообщения на:

грузовые;

пассажирские;

грузо-пассажирские.

3) по порядку функционирования:

постоянные, в том числе:

работающие на регулярной основе;

сезонные;

работающие на нерегулярной основе;

временные;

4) по статусу:

многосторонние (международные);

двусторонние (межгосударственные).

Представляется интересной классификация, приведенная в постановлении Правительства Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 482 «Об утверждении Правил установления, открытия, функционирования (эксплуата-

ции), реконструкции и закрытия пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации». В разделе 2 «Классификация и специализация пунктов пропуска» пункты пропуска классифицируются на:

«...морские, речные (озерные), воздушные, автомобильные, железнодорожные, пешеходные, смешанные – по виду международного сообщения;

пассажирские, грузовые, грузо-пассажирские – по характеру международного сообщения;

постоянные, временные, сезонные, работающие на нерегулярной основе – по режиму работы;

многосторонние – для пересечения государственной границы Российской Федерации лицами независимо от их гражданства (подданства), в том числе лицами без гражданства, и транспортными средствами независимо от государственной принадлежности, а также для перемещения через нее грузов, товаров и животных независимо от их государственной принадлежности;

двусторонние – для пересечения государственной границы Российской Федерации гражданами, в том числе в упрощенном порядке, и транспортными средствами Российской Федерации и сопредельного государства, а также для перемещения через государственную границу Российской Федерации грузов, товаров и животных только Российской Федерации и сопредельного государства.

В соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами пункты пропуска могут специализироваться по видам перемещаемых грузов, товаров и животных (далее – специализированные пункты пропуска).

Специализированные пункты пропуска включаются в перечни, издаваемые Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерством сельского хозяйства Российской Федерации в соответствии с установленными Правительством Российской Федерации правилами, и подразделяются на:

специально оборудованные и предназначенные для ввоза на территорию Российской Федерации товаров, химических, биологических и радиоактивных веществ, отходов и иных грузов, представляющих опасность для человека, пищевых продуктов, материалов и изделий;

специально оборудованные и предназначенные для ввоза на территорию Российской Федерации животных, продуктов животноводства и кормов, подкарантинной продукции (подкарантинного материала, подкарантинного груза)...» [4, п. 5–6].

Не ставя задачу специального исследования вышеуказанных классификаций, считаем целесообразным уточнить критерии (основания) дифференциации пунктов пропуска применительно к Государственной границе Республики Беларусь.

Наряду с отмеченными выше критериями дифференциации пунктов пропуска, на наш взгляд, востребованным, как с научной, так и практической точек зрения является рассмотрение и использование в современных условиях и других критериев систематизации рассматриваемых пунктов на Государственной границе Республики Беларусь.

В Республике Беларусь данные пункты целесообразно классифицировать:

в зависимости от того на территорию какого государства осуществляют пропуск физических лиц, транспортных средств и перемещение товаров (грузов) через Государственную границу Республики Беларусь: на территорию Латвийской Республики; территорию Литовской Республики; территорию Республики Польша; территорию Украины; территорию нескольких сопредельных государств; территорию отдельного государства дальнего зарубежья; территорию нескольких государств дальнего зарубежья.

По месту расположения: на расположенные в пределах пограничной полосы; расположенные в пределах пограничной зоны; расположенные за пределами пограничной полосы и пограничной зоны.

По виду дислокации: на стационарно дислоцируемые; временно дислоцируемые.

В зависимости от вида транспорта, пропускаемого через Государственную границу: на автомобильные (автомобильные); железнодорожные; речные (озерные); воздушные; пешеходные; смешанные.

В зависимости от характера международного сообщения: на грузовые; пассажирские; грузо-пассажирские.

В зависимости от порядка функционирования (по режиму работы): на постоянные; эпизодические (сезонные) и другие, работающие на нерегулярной основе для обеспечения пропуска лиц, осуществляющих разные виды строительных работ (мосты, туннели, каналы, шлюзы), сбор грибов, ягод, отстрел, отлов животных, птиц).

В зависимости от межгосударственного статуса: на двусторонние (между двумя государствами); многосторонние (между тремя и более государствами).

Список использованных источников

1. О Государственной границе Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г. № 419-З, в ред. от 10 янв. 2015 г. № 242-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Об утверждении Положения о пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 16 декабря 1997 г. № 1664. Зарег. в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь № 5/7370 от 21 августа 2001 г.

3. О пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь и видах контроля, осуществляемых в них [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 мая 2006 г., № 313, с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Об утверждении Правил установления, открытия, функционирования (эксплуатации), реконструкции и закрытия пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 482 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2016.

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ДОЛЖНИКА

Гладкая Екатерина Николаевна,
преподаватель кафедры адвокатуры
юридического факультета Международного университета «МИТСО», г. Минск,
магистр юридических наук

Особое значение для национальной экономики в целом играет институт экономической несостоятельности (банкротства), необходимость существования которого обусловлена конкурентными отношениями, возникающими в конкурентной рыночной среде. Институт экономической несостоятельности (банкротства) стоит на защите прав и законных интересов не только кредитора, но и должника, в случае если последний не имеет фактической возможности удовлетворить требования кредитора.

Таким образом, основной целью данного института является повышение уровня эффективного использования производственных ресурсов, что, в конечном счете, является приоритетным направлением экономической политики любого государства.

Институт экономической несостоятельности (банкротства) – комплексный правовой институт: будучи институтом гражданского права, он включает в себя нормы процессуального права. Так, согласно мнению И. Э. Мартыненко, нормы материального права устанавливают критерии банкротства, т. е. условия, при наличии которых участник экономического оборота предполагается банкротом де-факто, процессуальное право «включает» собственно механизм банкротства, переводящий такого участника из разряда обычных, обладающих равной с остальными дееспособностью, в категорию особых, дееспособность которых определяется их правовым положением – объявленным судом статусом банкрота [1].

Из сказанного следует, что и материальная часть, и процессуальная часть законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве) имеют равное значение для регулирования отношений, возникающих при рассмотрении дела об экономической несостоятельности (банкротстве) должника.

Комплексным характером института экономической несостоятельности (банкротства) обусловлен перечень нормативных правовых актов, возможных к применению для регулирования отношений, возникающих между должником и кредитором. Так, дела об экономической несостоятельности (банкротстве) должника рассматриваются экономическими судами по правилам, установленным Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ХПК), с учетом особенностей, нашедших закрепление в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), Указе Президента Республики Беларусь от 5 февраля 2013 г. № 63 «О некоторых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства)» и ряде иных нормативных правовых актах Республики Беларусь об экономической несостоятельности (банкротстве).

Закон о банкротстве является основным источником правового регулирования отношений, связанных с экономической несостоятельностью (банкротством) должника. Им устанавливаются основания для признания экономическим судом должника экономически несостоятельным (банкротом), регулируются порядок и условия проведения производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве), осуществления мер по предупреждению экономической несостоятельности (банкротства) и иные связанные с этим отношения, порядок и условия проведения санации должника, а при невозможности проведения санации или отсутствии оснований для ее проведения – порядок ликвидационного производства должника [3, ч. 1 ст. 2]. Таким образом, основной целью рассмотрения дел об экономической несостоятельности (банкротстве) является не разрешение спора, а установление факта несостоятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и определение путей восстановления платежеспособности должника либо лишение должника его статуса, т. е. его ликвидация (прекращение деятельности).

К иным нормативным правовым актам, относящимся к законодательству, регулирующему отдельные вопросы, касающиеся экономической несостоятельности (банкротства) субъектов хозяйственной деятельности относятся: Гражданский кодекс Республики Беларусь; Трудовой кодекс Республики Беларусь; Особенная часть Налогового кодекса Республики Беларусь; Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях; Уголовный кодекс Республики Беларусь; Указ Президента Республики Беларусь от 5 февраля 2013 г. № 63 «О некоторых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства)»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 мая 2013 г. № 391 «О некоторых вопросах Единого государственного реестра сведений о банкротстве»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 января 2013 г. № 14 «О некоторых вопросах аттестации и переематтестации физических лиц в качестве временных (антикризисных) управляющих в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве)»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 декабря 2011 г. № 1672 «Об определении

критериев оценки платежеспособности субъектов хозяйствования»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 февраля 2007 г. № 260 «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты вознаграждения временному (антикризисному) управляющему в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве)»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 сентября 2013 г. № 785 «Об утверждении комплекса мероприятий по предупреждению экономической несостоятельности (банкротства) и проведению процедур экономической несостоятельности (банкротства)»; постановление Министерства финансов Республики Беларусь, Министерства экономики Республики Беларусь от 27 декабря 2011 г. № 140/206 «Об утверждении Инструкции о порядке расчета коэффициентов платежеспособности и проведения анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования»; постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 21 ноября 2012 г. № 96 «Об утверждении Инструкции о порядке ведения антикризисным управляющим реестра требований кредиторов»; постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 4 декабря 2012 г. № 107 «Об утверждении Инструкции о порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредитору, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам»; постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 2 декабря 2005 г. № 30 «О некоторых вопросах практики применения законодательства, регулирующего вопросы экономической несостоятельности (банкротства)»; постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 27 октября 2006 г. № 11 «О некоторых вопросах применения субсидиарной ответственности»; постановление Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 апреля 2010 г. № 14 «О некоторых вопросах признания недействительными сделок должника в деле об экономической несостоятельности (банкротстве)»; постановление Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 17 февраля 2010 г. № 6 «О некоторых вопросах заключения и утверждения мирового соглашения по делам об экономической несостоятельности (банкротстве)»; постановление Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 2012 г. № 35 «Об отдельных вопросах организации работы хозяйственных судов по рассмотрению дел об экономической несостоятельности (банкротстве) и контроля за деятельностью управляющих».

Согласно ст. 1 Закона о банкротстве, должник – неплатежеспособное юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией (за исключением унитарного предприятия, основанного на праве оперативного управления (казенного предприятия)) либо некоммерческой организацией, осуществляющей деятельность в форме потребительского кооператива, благотворительного и иного фонда, неплатежеспособный индивидуальный предприниматель; кредиторы – лица, имеющие по отношению к должнику права требования по денежным обязательствам, по обязательствам об уплате обязательных платежей, о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих по трудовому договору (контракту).

Согласно ст. 7 ХПК, формой обращения в экономический суд по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) является заявление.

Правом на подачу в экономический суд заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) должника в связи с неисполнением денежных обязательств обладают: должник; кредитор; прокурор; представитель работников должника; орган государственного управления по делам об экономической несостоятельности (банкротстве); другие уполномоченные государственные органы; иные лица, которым предоставлено право на подачу заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) должника в связи с неисполнением денежных обязательств.

Правом на подачу в экономический суд заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) должника в связи с неисполнением обязанности по уплате обязательных платежей обладают: должник; прокурор; налоговые органы; таможенные органы; органы Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь; другие государственные органы, наделенные правом выносить решения (предписания, постановления) о взыскании (уплате) обязательных платежей.

Правом на подачу в экономический суд заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) должника в связи с неисполнением обязательств, вытекающих из трудовых и связанных с ними отношений, обладает представитель работников должника [3, ст. 8].

В частности, основаниями для подачи заявления кредитора являются в совокупности: 1) наличие у кредитора достоверных, документально подтвержденных сведений о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер; 2) применение к должнику принудительного исполнения, не произведенного в течение трех месяцев, либо выявление в процессе принудительного исполнения факта отсутствия у должника имущества, достаточного для удовлетворения предъявленных к нему требований; 3) наличие задолженности перед кредитором, подавшим заявление кредитора, в размере ста и более базовых величин, а в случае, если должник является градообразующей или приравненной к ней организацией, государственной организацией, юридическим лицом, акции (доли в уставном фонде) которого находятся в управлении государственных органов или хозяйственном ведении, оперативном управлении государственных юридических лиц, а также юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, имеющим государственные и (или) международные заказы, – в размере двух тысяч пятисот и более базовых величин [3, ст. 12].

Перечень лиц, которым предоставлено право участвовать в деле об экономической несостоятельности (банкротстве), закреплен в ст. 24 Закона о банкротстве. Таковыми являются: должник; управляющий; кредиторы, в том

числе конкурсные кредиторы, их представители; собственник имущества должника – унитарного предприятия, его представители; учредители (участники) должника – юридического лица, их представители; государственные органы, в подчинении (составе) которых находится должник или которые осуществляют управление принадлежащими Республике Беларусь либо находящимися в коммунальной собственности акциями (долями в уставном фонде) должника; местный исполнительный и распорядительный орган по месту нахождения должника – юридического лица; орган государственного управления по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) в случае подачи им заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) должника; налоговые и другие государственные органы, имеющие право требования по обязательным платежам; представитель работников должника; прокурор, другие заинтересованные государственные органы, привлеченные экономическим судом в качестве лиц, участвующих в деле об экономической несостоятельности (банкротстве); иные лица в случаях, предусмотренных законодательными актами. Государственные органы иностранных государств, международные организации (их полномочные представители) могут быть привлечены (с их согласия) экономическим судом в качестве лиц, участвующих в деле об экономической несостоятельности (банкротстве) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих государственные и (или) международные заказы.

При рассмотрении дела об экономической несостоятельности (банкротстве) должника – юридического лица применяются следующие процедуры экономической несостоятельности (банкротства): 1) защитный период; 2) конкурсное производство; 3) мировое соглашение.

При рассмотрении дела об экономической несостоятельности (банкротстве) должника – индивидуального предпринимателя могут применяться следующие процедуры экономической несостоятельности (банкротства): 1) защитный период – в случае необходимости завершения досудебного оздоровления, если оно не завершено до возбуждения производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве); 2) конкурсное производство; 3) мировое соглашение.

Конкурсное производство включает следующие процедуры: завершение подготовки дела к судебному разбирательству; санацию; ликвидационное производство [3, ст. 13].

Санация вводится экономическим судом на основании решения собрания кредиторов либо по собственной инициативе при наличии условий, установленных частью третьей ст. 122, ст. 124 и частью третьей ст. 170 Закона о банкротстве.

Решение об открытии ликвидационного производства принимается экономическим судом при отсутствии оснований для проведения санации.

Решение о санации и решение об открытии ликвидационного производства подлежат немедленному исполнению, но могут быть обжалованы (опротестованы) в порядке, установленном ХПК [3, ч. 1–3 ст. 50].

Согласно ч. 1 ст. 152 Закона о банкротстве мировое соглашение может быть заключено с момента возбуждения экономическим судом производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) после погашения задолженности по требованиям кредиторов первой и второй очереди, но не ранее проведения первого собрания кредиторов. При этом следует отметить, что на практике мировое соглашение заключается крайне редко. Это объясняется тем, что собранию кредиторов крайне сложно согласовать такие условия мирового соглашения, которые бы в полной мере удовлетворяли требования всех, или хотя бы большей части, кредиторов.

Законом о банкротстве предусмотрен ряд особенностей применения законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве). Так, согласно ст. 3 Закона о банкротстве, в отношении субъектов естественных монополий, юридических лиц, являющихся режимными и особо режимными объектами и (или) имеющих такие объекты, юридических лиц, имеющих объекты, находящиеся только в собственности государства, обеспечивающих поддержание необходимого уровня обороноспособности, функционирование стратегически значимых отраслей экономики и (или) иные важные государственные потребности и реализующих исключительное право государства на осуществление отдельных видов деятельности, законодательство об экономической несостоятельности (банкротстве) не применяется, за исключением статей 17 – 19 и части пятой статьи 110 Закона о банкротстве.

Согласно последним статистическим данным, общее количество дел об экономической несостоятельности (банкротстве), находящихся в производстве экономических судов по состоянию на 1 марта 2016 г., составило 2564 дела, из которых количество дел об экономической несостоятельности (банкротстве) организаций частной формы собственности составило 2490 дел, то есть 97,1 % от общего количества дел данной категории.

По состоянию на 1 марта 2016 года в производстве экономических судов Республики Беларусь находилось 74 дела об экономической несостоятельности (банкротстве) организаций, имеющих значение для экономики и социальной сферы страны, к которым относятся государственные организации, организации, имеющие долю государственной собственности в уставном фонде, градообразующие и приравненные к ним организации, бюджетобразующие, системообразующие организации.

Количество дел, по которым вынесено решение об открытии ликвидационного производства превысило количество дел, по которым вынесено решение о санации, в 2,6 раза [4].

Список использованных источников

1. Мартыненко, И. Э. Судебное устройство и судебное устройство по хозяйственным спорам [Электронный ресурс] / И. Э. Мартыненко // Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы». – Режим доступа: <http://ebooks.grsu.by/martiNeko/chast-1.htm>. – Дата доступа: 10.02.2016.

2. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-3 : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона на Респ. Беларусь от 01.07.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Справка по делам об экономической несостоятельности (банкротстве), находящимся в производстве экономических судов в период с 01.01.2016 по 01.02.2016 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Официальный портал судов общей юрисдикции. – Режим доступа: http://www.court.by/online-help/bankr_inf/. – Дата доступа: 17.03.2016.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА ПРИ ОКАЗАНИИ УСЛУГ В ОБЛАСТИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Коваленко Дмитрий Владимирович,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук
Национального центра законодательства и правовых исследований

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности; гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества (части вторая, четвертая и пятая статьи 13) [1].

Согласно позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, нашедшей свое отражение в его решении от 30 декабря 2013 г. № Р-912/2013 [2], из смысла приведенных конституционных положений следует, что в Республике Беларусь должны создаваться максимально благоприятные условия для функционирования как экономической системы в целом, так и отдельных ее составляющих, предполагающие в том числе обеспечение развития торговли для максимально полного удовлетворения потребностей в товарах и услугах, а также создания основы для формирования рыночной и конкурентоспособной системы реализации товаров и услуг.

В этих условиях весьма значимым фактором является обеспечение благоприятных условий развития предпринимательской деятельности в стране и поддержание достаточного уровня экономической безопасности предпринимательства. В виду изменений происходящих в законодательстве актуальной представляется проблема определения правового положения предпринимателя.

Так, Республика Беларусь является участницей международных договоров, устанавливающих равные права, в том числе на осуществление хозяйственной деятельности, для граждан договаривающихся государств.

С 1 января 2015 года вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС) [3]. Республика Беларусь наряду с Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Армения является государством – членом Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Согласно статье 4 Договора о ЕАЭС одной из основных целей Союза является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза.

Правовые основы регулирования торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций в государствах – членах ЕАЭС определяются приложением 16 к Договору о ЕАЭС (далее – Протокол № 16). Государства – члены ЕАЭС стремятся к созданию и обеспечению функционирования единого рынка услуг, предусмотренного пунктами 38–43 Протокола № 16 (пункт 1 статьи 65, пункт 3 статьи 66 Договора о ЕАЭС).

Под единым рынком услуг понимается состояние рынка услуг в рамках конкретного сектора, в котором каждое государство-член предоставляет лицам любого другого государства-члена право на поставку и получение услуг на условиях, указанных в Протоколе № 16, без ограничений, изъятий и дополнительных требований, за исключением условий и ограничений, предусмотренных перечнем сохраняемых государствами-членами «горизонтальных» ограничений в отношении всех секторов и видов деятельности (далее – приложение 2 к Протоколу № 16); поставку услуг без дополнительного учреждения в форме юридического лица.

Перечень секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза, утвержден решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 110 (далее – Перечень секторов) [4]. Пунктом 14 Перечня секторов предусмотрены услуги в области розничной торговли.

В связи с этим физические лица, зарегистрированные в соответствии с законодательством государств-членов ЕАЭС в качестве индивидуальных предпринимателей, при оказании услуг в области розничной торговли на территории Республики Беларусь в рамках действия Договора о ЕАЭС и Протокола № 16 вправе осуществлять на территории Республики Беларусь предпринимательскую деятельность в режиме не менее благоприятном, чем режим, предоставляемый для белорусских индивидуальных предпринимателей.

Соответственно индивидуальные предприниматели государств-членов ЕАЭС освобождаются от получения специального разрешения на право осуществления разовой реализации товаров на рынках или в иных установленных местными исполнительными и распорядительными органами местах, выдаваемого в соответствии с частью четвертой статьи 11 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-3 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [5].

Учитывая, что на основании пункта 30 Протокола № 16 государства-члены не вводят и не применяют в отношении лиц любого государства-члена в связи с торговлей услугами, учреждением и деятельностью количественных ограничений, то каких-либо временных ограничений по осуществлению деятельности на территории Республики Беларусь для индивидуальных предпринимателей государств-членов ЕАЭС законодательство Республики Беларусь не предусматривает.

Вместе с тем, исходя из положений пунктов 23, 26, 28, 31 и 33 Протокола № 16, государство-член может применять отдельные ограничения, изъятия и дополнительные требования в отношении секторов услуг, указанных в национальных перечнях или в приложении № 2 к Протоколу № 16.

Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 112 [6] утверждены индивидуальные национальные перечни ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для государств – членов ЕАЭС (далее – национальный перечень).

В пункте 2 национального перечня Республики Беларусь ограничения закреплены в отношении деятельности, на осуществление которой требуется лицензия. Такая деятельность может осуществляться только юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными в установленном порядке в Республике Беларусь. Аналогичное ограничение в отношении деятельности, на осуществление которой требуется лицензия, предусмотрено в национальных перечнях государств – членов ЕАЭС.

Таким образом, физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей в государствах-членах ЕАЭС, не вправе осуществлять на территориях других государств – членов ЕАЭС деятельность, на осуществление которой требуется лицензия. Такой деятельностью на территории государства-члена ЕАЭС имеют право заниматься индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в этом государстве-члене ЕАЭС и получившие в установленном порядке соответствующую лицензию.

Так, индивидуальные предприниматели государств – членов ЕАЭС не вправе осуществлять на территории Республики Беларусь розничную торговлю этиловым спиртом, алкогольной и спиртосодержащей продукцией, табачными изделиями.

В отношении розничной торговли иными товарами какие-либо ограничения, в том числе требование о дополнительном учреждении (регистрации в качестве индивидуального предпринимателя Республики Беларусь) приложением 2 к Протоколу № 16, а также национальным перечнем не предусмотрены.

На основании изложенного при наличии у физического лица статуса индивидуального предпринимателя, приобретенного в соответствии с законодательством государства – члена ЕАЭС, дополнительная регистрация такого лица в качестве индивидуального предпринимателя в Республике Беларусь для осуществления на территории республики розничной торговли, за исключением розничной торговли, подлежащей лицензированию, не требуется.

Приведенный выше пример введения государствами-членами ЕАЭС ограничений, а также наличие утвержденных сторонами изъятий, дополнительных требований и условий в рамках ЕАЭС, свидетельствует о нахождении стран ЕАЭС на начальном этапе формирования единого рынка услуг в рамках Союза без изъятий и ограничений. В этой связи в перспективе улучшение правового положения индивидуальных предпринимателей путем снятия барьеров, ограничений и изъятий в торговле товарами и оказании услуг видится более чем оправданным.

Список используемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 30 дек. 2013 г., № Р-912/2013 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : Решение Высшего Евразийского экономического совета, 23 дек. 2014 г., № 110 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

6. Об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации [Электронный ресурс] : Решение Высшего Евразийского экономического совета, 23 дек. 2014 г., № 112 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ФИНАНСОВОЙ И ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Конаневич Юрий Григорьевич,
старший преподаватель кафедры адвокатуры
юридического факультета Международного университета «МИТСО», г. Минск

Финансовая система является следствием общественного договора, неформально существующего между государством и обществом, в силу которого государство, как нанятый обществом субъект, управляет последним и его хозяйственной деятельностью, а общество в порядке взаимности «оплачивает» услуги государства в формах, актуальных для современной общественной формации. Причем государство полученную «оплату» потребляет не полностью, а часть аккумулированных ресурсов распределяет между членами этого общества для целей обеспечения социальной стабильности, функционирования экономики и реализации внутренней и внешней политики.

Исходя из природы финансовой системы, можно констатировать, что она представляет собой сложную систему жизнеобеспечения государственного и общественного организмов, по аналогии сравнимую с кровеносной системой в живом организме (в рамках которого аналогом политической будет мозг, аналогом общества (социальной системы) – весь организм в целом, а аналогом его экономической системы – органы, обеспечивающие выполнение организмом трудовых функций).

В экономической литературе финансовую систему принято рассматривать также в сочетании с банковской системой, которые в своей совокупности образуют финансово-кредитную систему. Аналогичный подход к построению системы государственного устройства и системы хозяйствования закреплен в Разделе VII «Финансово-кредитная система Республики Беларусь».

Банковская система состоит из центрального банка страны (Национальный банк в Республике Беларусь, Федеральная резервная система в США и др.) и иных банков. Одновременно банковская система выступает структурным элементом более широкой системы, порождаемой государством и обществом, – денежно-кредитной (монетарной) системы, включающей в себя также небанковские кредитно-финансовые организации, банки, не включаемые в структуру банковской системы (например, банки развития – специализированные кредитно-финансовые организации, призванные осуществлять государственные инвестиции в форме банковского кредита; в Республике Беларусь таковым является ОАО «Банк развития Республики Беларусь»), специализированные организации, осуществляющие страхование банковских рисков, связанных с невозвратом вкладов и депозитов (например, в Республике Беларусь – Агентство по гарантированному возмещению вкладов (депозитов) физических лиц), организации, составляющие платежную систему государства, а также иные организации (организации, обеспечивающие разработку и изготовление денег и др.). Кроме того, в качестве структурного элемента монетарной системы государства следует также рассматривать ряд специфических субъектов биржевого и внебиржевого валютного рынка и рынка производных финансовых инструментов (деривативов), например субъектов внебиржевого рынка FOREX.

Большинство государств на современном этапе развития цивилизации придерживаются принципа конституционного закрепления природы и структуры национальной финансовой системы и смежных ей систем, обеспечивающих жизнедеятельность государственного, общественного и экономического механизмов.

Республика Беларусь не является исключением в этом ряду. Основной закон Республики Беларусь содержит Раздел VII «Финансово-кредитная система Республики Беларусь», в структуру которого включены нормы и принципы построения как национальной финансовой системы, так и смежных ей систем. Содержание Раздела VII Конституции Республики Беларусь является следствием норм и принципов, задекларированных в статье 21 Основного закона, в силу которой обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства, а каждому гражданину в государстве гарантируется прав на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий. Кроме того, в основе национальной финансовой системы и смежных ей систем лежат нормы и принципы статьи 56 Конституции Республики Беларусь, устанавливающей обязанность граждан Республики Беларусь принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей.

Содержание и состояние национальной финансовой системы Республики Беларусь на современном этапе не является суверенной волей нашего государства в силу активного участия нашей страны в мировом сообществе. основополагающее влияние на структуру и содержание национальной финансовой и финансово-кредитной систем оказывают нормы и принципы Статей соглашения Международного валютного фонда от 22 июля 1944 г. и Статей соглашения Международного банка реконструкции и развития от 21 декабря 1945 г. – международных договоров, явившихся основой для формирования современной глобальной финансовой системы, сформированной на так называемых Бреттон-Вудских принципах.

В соответствии с Разделом 1 «Общие обязательства государств-членов» Статьи IV «Обязательства в отношении валютного режима» Статей соглашения Международного валютного фонда от 22 июля 1944 г., Республика Беларусь признала за собою наличие международно-правовых обязательств по формированию глобальной финансовой и валютной системы, основанной на универсальных для всех членов мирового сообщества принципах. Целью выполнения данных обязательств является формирование во взаимодействии с иными субъектами международного права таких условий, правил и принципов использования денег, как товара, обращения валютных ценностей и финансовых инструментов, а также осуществления финансового цикла финансовых ресурсов всех видов, при которых они будут служить структурной основой, способствующей обмену товарами и услугами и движению капитала между странами и поддерживающей устойчивый экономический рост. Кроме того, одной из основных задач формирования национальной финансовой системы в соответствии с международно-правовыми нормами и принципами является непрерывное совершенствование упорядоченных базисных условий, необходимых для финансовой и экономической стабильности.

Для достижения названных целей Республика Беларусь каждое приняла на себя обязательства сотрудничать с международными финансовыми институтами, в том числе с Международным валютным фондом, а также с иными субъектами международного права, предполагающие, что наше государство:

прилагает усилия, чтобы направить свою экономическую и финансовую политику на стимулирование упорядоченного экономического роста в условиях разумной стабильности цен, с учетом существующих обстоятельств;

стремится содействовать стабильности за счет усилий, направленных на поддержку упорядоченных базисных экономических и финансовых условий, а также такой денежно-кредитной системы, которая не ведет к возникновению непредсказуемых сбоев;

избегает манипулирования обменными курсами или международной валютной системой в целях предотвращения действительной стабилизации платежного баланса или для получения несправедливого преимущества в конкуренции с другими государствами-членами;

проводит валютную политику, не противоречащую международным обязательствам.

Конституция Республики Беларусь декларирует соответствие национальной финансовой системы международно-правовым принципам ее построения, а также экономическим законам и принципам, лежащим в основе современной глобальной финансовой системы. Подобное умозаключение вытекает из содержания статьи 132 Конституции Республики Беларусь, в силу которой структура национальной финансовой системы соответствует общепринятым международным принципам, а также декларирует принцип единства проведения финансовой, фискальной, денежно-кредитной и валютной политики на основе национальной финансовой системы.

Следует отметить, что с начала 2016 года Республика Беларусь вступила в период значительного преобразования национальной финансовой системы, обусловленный как необходимостью трансформации национальной экономики под современные вызовы, так и вступлением государства в Евразийский экономический союз, а также подготовкой ко вступлению во Всемирную торговую организацию. Содержание национальной финансовой, денежно-кредитной, фискальной и валютной политики в части реформирования системы публичных и частично комбинированных финансов в Республике Беларусь закреплено законодательно в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 23 декабря 2015 г. № 1080 «О реформировании системы управления государственными финансами Республики Беларусь». Стратегия и тактика реформирования системы частных финансов по состоянию на первую половину 2016 года государством пока не выработана.

Реформирование системы государственных финансов осуществляется в целях более тесной интеграции страны в мировую экономическую и финансовую систему, а также в целях последующего совершенствования национальной экономической системы. Предполагается, что в процессе реформирования системы публичных и частично комбинированных финансов будут преодолены актуальные для государства проблемы и решены следующие задачи:

повышение реалистичности бюджета и его составление в соответствии с целями государственной политики посредством повышения обоснованности прогнозов основных макроэкономических параметров социально-экономического развития Республики Беларусь, используемых для подготовки республиканского и местных бюджетов, совершенствования оценки доходов бюджета, определения и измерения налоговых льгот, внедрения действенной системы среднесрочного планирования бюджета и бюджетирования, ориентированного на результаты;

достижение прозрачности и полноты бюджета путем совершенствования бюджетной классификации с учетом используемых в международной практике принципов и стандартов, интегрирования в общий бюджетный процесс принятия решений по государственным капитальным вложениям, оптимизации межбюджетных отношений, разработки эффективной и действенной системы управления внебюджетными средствами сектора государственного управления, совершенствования механизмов управления государственным долгом, формирования общедоступных информационных ресурсов;

предсказуемость и контроль в процессе исполнения бюджета за счет консолидации государственных средств в рамках интегрированной единой системы счетов, повышения эффективности учета и контроля в процессе исполнения бюджетных обязательств, создания современной эффективной торговой платформы государственных закупок;

совершенствование системы бухгалтерского учета и отчетности сектора государственного управления путем ее сближения с международными стандартами финансовой отчетности в общественном секторе (МСФООС);

внедрение качественно нового подхода к организации внутреннего финансового контроля, где помимо проверки законности и целевого использования государственных средств должен осуществляться аудит эффективности, направленный на проверку экономичности и результативности государственного управления;

разработка новой интегрированной информационной системы управления государственными финансами (ИИСУГФ) путем создания единого информационного пространства в сфере управления государственными финансами, поддержки единой методологии планирования, исполнения бюджета, ведения бухгалтерского и кадрового учета на всех уровнях бюджетной системы Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Статьи соглашения Международного валютного фонда [Электронный ресурс] : Договор Респ. Беларусь от 22 июля 1944 года : текст по сост. на 18 марта 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. О реформировании системы управления государственными финансами Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 23 дек. 2015 г., № 1080 : текст по сост. на 18 марта 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ЕСТЬ ЛИ ОСОБЕННОСТИ?

Кухарчук Марина Леонидовна,

аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований, ведущий специалист управления правового регулирования гражданских, экологических отношений, лицензирования и внешнеэкономической деятельности главного управления нормотворческой деятельности в сфере экономики и экологии Министерства юстиции Республики Беларусь, г. Минск

Одной из самых актуальных и социально значимых задач, стоящих перед обществом, является поиск путей и снижение роста преступлений среди молодежи и повышение эффективности проводимой с ними профилактической работы. В этой связи с целью определения основных мероприятий, направленных на профилактику правонарушений среди студентов, необходимо установить особенности правонарушений, совершаемых в студенческой среде.

Принимая во внимание изложенное, нами были изучены труды социологов, философов, юристов, в которых раскрываются основные подходы к изучению причин, особенностей правонарушений, материалы уголовной и административной статистики по УВД Гродненского облисполкома, табели пропуска занятий, приказы, распоряжения ректоров, директора, деканов факультетов ГрГУ им. Я. Купалы, БИП, ГГАУ, ГрГМУ, сведения о правонарушениях совершенных студентами в ГрГУ им. Я. Купалы, БИП, ГГАУ, ГрГМУ, проведено анкетирование сотрудников прокуратуры, преподавателей ГрГУ им. Я. Купалы, ГрГМУ, ГГАУ, а также студентов вышеуказанных вузов.

В данной работе мы более подробно остановимся на материалах анкетирования. В результате проведенного исследования нами было выявлено, что наиболее часто студентами совершаются дисциплинарные правонарушения, которые заключаются в нарушении установленных нормативными актами (уставом вуза, положениями и т. п.) правил поведения студента в вузе или приказов ректора, распоряжений декана. Второе место по распространенности в структуре правонарушений занимают административно-правовые деликты.

При этом в ходе проведенного анкетирования было установлено, что студенты, которые имеют дисциплинарные взыскания, в связи с нарушением установленных в вузе норм поведения с большей вероятностью могут совершить административные, уголовные правонарушения (большинством респондентов была отмечена данная закономерность).

При анализе особенностей совершения правонарушений в студенческой среде необходимо уделить внимание характеристике личности студента-правонарушителя. Как верно отмечается криминологами проблема личности преступника – одна из центральных и наиболее сложных криминологических проблем. Ее изучение – существенная предпосылка успешной разработки теории предупреждения преступлений, поскольку именно личность является носителем причин их совершения [1, с. 109].

С целью изучения личности студента-правонарушителя респондентам были предложены следующие вопросы: влияет ли половая принадлежность на частоту совершаемых студентами правонарушений, существует ли взаимосвязь девиантного поведения от года обучения, на каком курсе обучения уровень совершаемых студентами правонарушений является максимальным, какая группа студентов (местные или приезжие; обучающиеся на платной или бюджетной форме; проживающие в общежитии, дома с родителями, арендующими комнату или квартиру) совершают больше правонарушений, на каком факультете правонарушения совершаются чаще всего по сравнению с другими факультетами, в одиночку или в компании студенты чаще совершают правонарушения.

Таким образом, исследование социально-демографической характеристики правонарушителей-студентов показало, что в половой структуре этого контингента, по мнению респондентов, имеется устойчивое преобладание доли мужчин (83 % опрошенных считают, что правонарушения чаще совершаются студентами мужского пола, 1% опро-

шенных считает, что чаще правонарушения совершаются женщинами, 13 % респондентов отметили, что половая принадлежность не влияет на уровень правонарушений).

Сопоставление правонарушений, совершенных студентами из числа приезжих и местных жителей (соответственно 66 и 11 %), показывает, что местные студенты совершают отклонения от общественных норм меньше.

Исследование зависимости числа совершения правонарушений от года обучения дало следующую картину. Респонденты отмечают, что наибольшее число правонарушений совершается на 3 и 4 курсе (25 и 17 % соответственно), при этом наблюдается уменьшение количества правонарушений на 5 курсе.

В ходе проведения исследования нами было установлено, что студенты чаще всего совершают правонарушения в компании (88 %). Употребление алкогольных напитков, наркотических и психотропных веществ способствует совершению правонарушений среди студентов.

При проведении исследования была установлена зависимость числа правонарушений совершаемых студентами от факультета, а также между числом совершаемых правонарушений и уровнем материальной обеспеченности. Указанные особенности совершения правонарушений в студенческой среде подтверждаются анализом статистических данных о правонарушениях совершаемых студентами, таблицей пропусков занятий, изучением приказов, распоряжений ректора, деканов факультетов, также опросам студентов [2, с. 87–97].

При характеристике особенностей совершения правонарушений в студенческой среде необходимо остановиться на факторах, которые влияют на становление личности студента. Именно данные факторы также в дальнейшем определяют особенности совершения правонарушений в студенческой среде.

В ходе исследования нами было установлено, что на становление личности студента большое внимание оказывает семья (90 % опрошенных сотрудников прокуратуры, преподавателей вузов поставили данный фактор на первое место), на втором месте – друзья (76 %), одноклассники, СМИ, преподаватели.

Таким образом, изучив работы юристов по рассматриваемому нами вопросу, проанализировав статистические, а также данные полученные путем анкетирования сотрудников прокуратуры, преподавателей мы можем сделать вывод, что непосредственно при изучении личности студентов, а следовательно, при выявлении особенностей совершения правонарушений в студенческой среде должны учитываться: социально-демографическая и правовая характеристика личности (социальное положение, возраст, образование, семейное положение, наличие профессии); нравственно-психологическая характеристика (социальная и антисоциальная направленность личности, система ценностей, основные потребности и интересы, отношение к нормам морали, уровень правосознания, психические и физиологические особенности); социальное поведение (отношение в социальной группе: в семье, учебном коллективе, ближайшем окружении; общественная активность, возможная связь с антиобщественными элементами, самооценка).

Правонарушения, совершаемые студентами вузов, имеют свои специфические особенности, показатели и свой характер, а именно установлена зависимость вида совершаемого правонарушения от половой принадлежности, факультета, курса, уровня культурного и интеллектуального развития, материальной обеспеченности, места проживания, степени контроля студентов со стороны их родителей, а также лиц занимающихся воспитательной работой со студентами, и это, в свою очередь, обусловлено тем, что студенчество представляет собой специфическую социальную группу, характеризующуюся особыми условиями жизни, труда, быта, социальным поведением.

Список использованных источников

1. Шиханцов, Г. Г. Криминология : учебник / Г. Г. Шиханцов. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 296 с.
2. Кухарчук, М. Л. Правонарушения в студенческой среде: проблемы и способы, пути профилактики / М. Л. Кухарчук // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2011. – № 3 (117). – С. 87–97.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО»

Кучура Петр Игоревич,
доцент кафедры адвокатуры
юридического факультета «Международного университета «МИТСО», г. Минск

Взаимодействие государства, общества и частного бизнеса как субъектов инновационного развития связано с внедрением государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), направленного на снижение рисков в инвестиционных и предпринимательских сферах. Государственно-частное партнерство рассматривается в настоящее время как один из инновационных механизмов развития белорусской экономики. Данный институт широко известен за рубежом. Однако единые требования к формам такого партнерства, принципам правового регулирования отсутствуют. Этот факт определяет актуальность рассматриваемой тематики, ее практическую и теоретическую востребованность в белорусской науке.

ГЧП – общее понятие, обозначающее совокупность механизмов привлечения ресурсов, финансовых и организационных возможностей и усилий частного сектора органами публичной власти в публичных интересах

и охватывающее широкий спектр взаимовыгодных коммерческих и организационных отношений между публичным и частным секторами, основанных на совместных усилиях по достижению искомых результатов для публичного сектора услуг. Данное понятие часто используется для обобщенного обозначения соглашений между государственным сектором и частными организациями, но такое использование не вполне корректно, так как при этом происходит смешивание ГЧП как особой формы имеющего особое содержание взаимодействия государства и частного сектора с другими формами.

Содержание понятия «государственно-частное партнерство» является не вполне определенным. Отсутствует законодательство о ГЧП, слабо детализированы и противоречивы правовые механизмы государственно-частного партнерства, отсутствуют четко зафиксированные приоритеты государственно-частного партнерства, прежде всего в части определения отраслей, в которых ГЧП следует считать оправданным. Для внедрения механизмов взаимодействия публично-правовых образований и частного сектора необходимо создать институциональную среду, основанную на системе правовых норм. Данная система должна являться совокупностью норм как публичного, так и частного права, а также должна объединить не только материальные, но и процессуальные нормы права. Поэтому в определении государственного частного партнерства должно быть четко установлено, что это межотраслевой правовой институт, нормы регулирования которого основываются на нормах конституционного, гражданского, административного, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права [1, с. 60].

Термин «государственно-частное партнерство» является переводом с английского языка понятия *public-private partnership*. Государственно-частное партнерство рассматривается как юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество органов (организаций) государственной власти и субъектов предпринимательской деятельности в отношении объектов, находящихся в сфере непосредственного государственного интереса и контроля, а также услуг, осуществляемых государством. Это сотрудничество предполагает объединение ресурсов и распределение рисков между партнерами, осуществляемое в целях наиболее эффективной реализации проектов, имеющих важное государственное и общественное значение. Государственно-частное партнерство может осуществляться в различных сферах деятельности [2, с. 50]. В мировой практике существуют различные определения ГЧП.

Всемирный банк определяет ГЧП как соглашения между публичной и частной сторонами по поводу производства и оказания инфраструктурных услуг, заключаемые с целью привлечения дополнительных инвестиций и, что ещё более важно, как средство повышения эффективности бюджетного финансирования. В Евросоюзе под этим термином принято понимать «формы кооперации между общественными властями и бизнесом, которые служат цели обеспечения финансирования, строительства, модернизации, управления, эксплуатации инфраструктуры или оказания услуг».

В отдельных странах ЕС существуют также свои определения ГЧП. В Великобритании, где ГЧП получило довольно широкое распространение, эта форма хозяйствования определяется как «ключевой элемент стратегии правительства по обеспечению современного, высококачественного коммунального обслуживания и повышению конкурентоспособности страны».

Государственно-частные партнерства имеют широкий диапазон бизнес – структур и форм товарищества: от «частной финансовой инициативы» до совместных предприятий и концессий, аутсорсинга, продажи части акций в принадлежащих государству предприятиях, осуществляющих коммерческую деятельность.

В Германии под ГЧП понимается в большинстве случаев «закрепленное договором долгосрочное сотрудничество государственных исполнительных органов, с одной стороны, и частного сектора экономики – с другой, при котором необходимые для получения взаимной выгоды ресурсы (например, ноу-хау, средства производства, капитал, персонал и т. д.) вносятся в качестве капитала в совместное предприятие, создаваемое в определенной организационно-правовой форме, а имеющиеся риски проекта оптимально распределяются и управляются в соответствии с компетентностью партнеров» (данная формулировка используется Федеральным министерством транспорта, строительства и жилищного хозяйства Германии) [3].

В США государственно-частное партнёрство понимается как «закрепленное в договорной форме соглашение между государством и частной компанией, позволяющее последней в согласованной форме участвовать в государственной собственности и исполнять функции, традиционно лежащие в сфере ответственности публичной власти. Такое соглашение предполагает наличие соглашения между правительством и частной компанией, предметом которого выступают реконструкция, строительство объекта государственной собственности и/или его эксплуатация, управление и т. п. [1, с. 62].

В Российской Федерации ГЧП рассматривается как взаимовыгодное сотрудничество (отношения) государства и частного бизнеса в реализации социально значимых проектов, но реализуется такое сотрудничество в самых различных формах. Заслуживает внимания определение, представленное российским ученым В. Г. Варнавским: «ГЧП - это стратегический, институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности, вплоть до сферы услуг» [4, с. 26]. А. В. Белицкая рассматривает ГЧП как юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество органов и организаций публичной власти и субъектов частного предпринимательства в отношении объектов, находящихся в сфере непосредственного государственного интереса и контроля, предполагающее объединение ресурсов и распределение рисков между партнерами, осуществляемое в целях наиболее эффективной реализации проектов, имеющих важное государственное и общественное значение.

Сложным остается вопрос об определении правовой природы отношений по государственно-частному партнерству. Многие ученые склоняются к тому, чтобы рассматривать отношения в сфере ГЧП как гражданско-правовые. Свою точку зрения они обосновывают следующим: «ГЧП предусматривает большое количество институтов и категорий гражданского права, в том числе институт юридических лиц, договоры и соглашения, возможность использования смешанных договоров, институты собственности и ответственности, недвижимое имущество, права и обязанности сторон, залог и т. д. При этом обязательным участником отношений в сфере ГЧП являются публично-правовое образование – Российская Федерация или ее субъекты, что прямо допускается ГК РФ» [5, с. 41].

На сегодняшний день большинство форм государственно-частного партнерства реализуются в рамках договорных отношений между публично-правовыми образованиями и частными лицами. Соответственно правовой аспект участия государства в партнерских отношениях обнаруживает особенности правового положения государства как участника гражданско-правовых отношений.

Однако при рассмотрении государства как субъекта частного, а не публичного права очевиден дуализм его правового положения в данной сфере. В первую очередь такой дуализм выражается в том, что вступая в частноправовые отношения от собственного имени государство, хотя и не утрачивает свой неотъемлемый признак – публичную власть, но не может её использовать в силу принципа равенства правового режима всех субъектов гражданского права [6, с. 5].

Действующий ГК Республики Беларусь прямо указывает на государство как на субъект гражданского права (п. 3 ст. 2 ГК). По сообщению пресс-службы Министерства экономики Республики Беларусь в Беларуси доработан проект концепции Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве». Правовой основой для подготовки закона стала Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», принятая для дальнейшей либерализации белорусской экономики, повышения ее конкурентоспособности и создания благоприятных условий для динамичного и устойчивого развития, которой предусмотрено формирование правовой базы, стимулирующей развитие в Беларуси государственно-частного партнерства. Данный закон призван стать основой правовой базы, стимулирующей развитие в Беларуси всех форм государственно-частного партнерства. В Республике Беларусь необходимость развития института ГЧП закреплена указами Президента Республики Беларусь от 11 апреля 2011 г. № 136 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы», от 1 августа 2011 г. № 342 «О Государственной программе устойчивого развития села на 2011–2015 годы», от 30 августа 2011 г. № 385 «Об утверждении Основных направлений государственной градостроительной политики Республики Беларусь на 2011–2015 годы»; постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 июля 2011 г. № 942 «Об утверждении мероприятий по выполнению Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы».

Основная цель подготовки документа – содействие привлечению инвестиций в экономику страны, обеспечение эффективности использования имущества, находящегося в собственности государства, развитие наукоемких производств, совершенствование технологических процессов, развитие объектов инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры.

В документе указано, что принятие закона не повлечет за собой необходимости корректировки законодательства об инвестиционных договорах, концессии, которые имеют самостоятельное правовое регулирование. Закон предоставит возможность взаимодействия государства и субъектов предпринимательской деятельности на условиях государственно-частного партнерства.

Принятие его в Беларуси усилит воздействие государства на экономические отношения, повысит рост социальной активности в государстве, расширит административное регулирования сферы предпринимательской и торговой деятельности организаций, приведет к взаимному проникновению норм публичного и частного права. Именно на «границе» частного и публичного права появляются новые отраслевые и межотраслевые правовые институты, такие, как институт государственно-частного партнерства. Предложенные изменения законодательства призваны снять существующие ограничения и расширить возможные формы реализации проектов на принципах ГЧП.

В проекте под государственно-частным партнерством понимается долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров, направленное на реализацию проектов партнерства в целях достижения задач социально-экономического развития публично-правовых образований, повышения уровня доступности и качества публичных услуг. Такое сотрудничество достигается посредством разделения рисков и привлечения частных ресурсов [7, с. 158].

Основные формы ГЧП: особые экономические зоны, концессионные соглашения, государственный заказ, совместное участие в капитале и в управлении проектами, арендные отношения (в том числе лизинговые), инвестиции из государственных фондов, целевые программы. Каждой группе объектов управления, каждому элементу сферы культуры соответствуют различные инструменты ГЧП [8, с. 3].

В международной практике к основным сферам применения ГЧП относятся: транспорт и транспортная инфраструктура; электро- и теплоэнергетика; телекоммуникации; строительство; жилищно-коммунальное хозяйство; финансовая, страховая, инновационная сферы.

В ряде стран механизм ГЧП используется в социальных сферах: здравоохранении (строительство, реконструкция, управление больницами и др.), спорте (строительство спортивных сооружений); образовании, культуре (реставрация памятников, реконструкция музейных комплексов) [9, с. 33].

В нашем понимании государственно-частное партнёрство представляет собой межотраслевой правовой институт, регулирующий взаимовыгодное сотрудничество между органами публичной власти и субъектами частного права, осуществляемое на основе объединения ресурсов, средств, собственности и опыта, с целью решения стратегических, социально значимых задач государства и общества. Проекты ГЧП по правовой природе и целям рассчитаны на долгосрочное сотрудничество между государством и частным партнером. Обе стороны связаны договорными обязательствами, поэтому ГЧП – это прежде всего партнерство, предполагающее равноправные юридические отношения.

Проекты ГЧП в его различных формах активно набирают популярность в качестве инструмента создания новых объектов инфраструктуры, предоставления инфраструктурных и иных публичных услуг, организации общественных работ.

В то же время ГЧП не следует рассматривать и как принципиально новую идею или институт, сотрудничество между публичным и частным секторами для создания, обеспечения и управления инфраструктурой, имеет довольно давние традиции. История существования и активного применения института ГЧП насчитывает несколько столетий в Бразилии, Испании, Италии, Мексике, США, Франции и других странах.

Список использованных источников

1. Кривопалова, А. А. О проблеме определения понятия государственно-частного партнерства / А. А. Кривопалова // Бизнес в законе. – 2013. – № 1. – С. 60–62.
2. Комиссарова, С. В. Доработан проект концепции закона о государственно-частном партнерстве / С. В. Комиссарова // Налоги Беларуси. – 2013. – № 34. – С. 4–53.
3. Кнюпфер, Вернер. Государственно-частные партнёрства (ГЧП) в контексте использования современных форм управления комплексами недвижимости [Электронный ресурс] / Кнюпфер, Вернер. – 2010. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/sobstven/analysis/corporation/5knpfer.html>. – Дата доступа: 02.09.2014.
4. Варнавский, В. Г. Государственно-частное партнерство в России: проблемы становления / В. Г. Варнавский // Отечественные записки. – 2004. – № 6. – С. 24–35.
5. Белицкая, А. В. Правовое определение государственно-частного партнерства / А. В. Белицкая / Законодательство. – 2009. – № 8. – С. 38 – 49.
6. Царев, Д. Государственно-частное партнерство: правовой аспект / Д. Царев, А. Иванюк // Финансовая газета. – 2009. – № 17 – С. 5.
7. Губин, Е. П. [рецензия] / Е. П. Губин на монографию А. В. Белицкой «Правовое регулирование государственно-частного партнерства» // Предпринимательское право. – 2012. – № 1. – С. 157–159.
8. Петров, А. И. Формирование механизма государственно-частного партнерства в сфере культуры : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / А. И. Петров. – СПб., 2012. – 12 с.
9. Тур, А. Н. Особенности формирования государственно-частного партнерства в Республике Беларусь / А. Н. Тур // Право и управление. – 2011. – № 2. – С. 33.

К ВОПРОСУ ОБ НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН ПО ВСТУПЛЕНИЮ ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ (ВТО)

Мамадамонов Умед Мулкамонович,
старший преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения
юридического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета, г. Душанбе

Одним из основных шагов по интеграции Республики Таджикистан в мировую экономическую систему является вступление ее во Всемирную торговую организацию. Всемирная торговая организация является краеугольным камнем современной международной торговой системы [5, с. 5]. Это связано как с широким кругом вопросов, входящих в сферу ее компетенции, так и с влиянием этого субъекта глобального управления на функционирование всего комплекса современных мирохозяйственных связей.

С 2 марта 2013 года Республика Таджикистан считается полноправным членом Всемирной торговой организации. В настоящее время Таджикистан связан всеми соглашениями ВТО, включенными в Приложения 1, 2 и 3 к Марракешскому соглашению, которое составляет единое обязательство. Республика Таджикистан должна выполнить обязательства, отраженные в перечнях, приложенных к его протоколу о присоединении. Кроме вышечисленных обязательств Таджикистан связан любым специфическим обязательством, которое он взял на себя и отразил в параграфе 351 отчета Рабочей группы по вступлению его во Всемирную торговую организацию.

В частности, в силу принятых на себя обязательств Таджикистан для обеспечения прозрачности и информирования членов ВТО будет представлять периодические отчеты о ходе реализации экономических реформ, связанных с обязательствами в соответствии с Соглашением ВТО.

В условиях рынка подъем экономики республики прямо связан с привлечением инвестиций, другого выбора или альтернативы в решение экономических и социальных задач просто нет [1, с. 5]. Роль инвестиций в эконо-

мике государства огромна, они играют значительную роль в поддержании, функционировании и динамическом развитии страны. Республика Таджикистан также обязалась, что будет применять свой инвестиционный режим в соответствии с Соглашением ВТО, включая Соглашение ВТО по связанным с торговлей инвестиционным мерам (ТРИМС). Таджикистан будет применять Соглашение ТРИМС с момента вступления, не прибегая к какому-либо переходному периоду, на недискриминационной основе по отношению к импорту из всех стран – членов ВТО и товарам отечественного производства.

Одним из методов таможенно-тарифного регулирования внешнеэкономической деятельности является предоставление тарифных льгот, способствующих увеличению объема ввоза товаров, претендующих на предоставление преференций. Республика Таджикистан взяла на себя обязанность, что с момента присоединения любые изменения в применении тарифных квот и тарифных льгот в Таджикистане будут проводиться на прозрачной и консультативной основе. Любая тарифная квота на импорт, применяемая в настоящее время или которая будет введена в будущем, будет применяться и вводиться в действие в соответствии с ГАТТ от 1994 года и других соглашений ВТО, включая Соглашение по процедурам лицензирования импорта и Соглашения по сельскому хозяйству.

Антидемпинговые меры, будучи исключением из принципа наиболее благоприятствуемой нации, применяются только при наличии достаточного повода, оправдывающего их использование [3, с. 60]. Антидемпинговые пошлины не могут быть наложены другими государствами-членами ВТО на импорт из Таджикистана без обязательного предварительного расследования, в результате которого будет сделано заключение, что экспорт из Таджикистана является демпинговым, и что такая практика наносит ущерб национальной промышленности страны-импортера. Таджикистан взял на себя обязательство, что примет защитные либо компенсационные меры после адаптации своего законодательства в соответствии с Соглашениями ВТО по применению статьи VI ГАТТ от 1994 г.

Технические стандарты и требования, системы измерения и контроля качества, техники безопасности – все это объективно необходимые вещи, особенно в постиндустриальном обществе, где преобладает производство высокотехнологичных товаров [4, с. 104]. Таджикистан приступил к законодательной реформе, чтобы привести свой режим стандартов и сертификации в соответствие с Соглашением по техническим барьерам в торговле (ТБТ). Согласно реформе, предыдущие обязательные стандарты были либо преобразованы в технические регламенты либо в добровольные стандарты. В соответствии с новой законодательной базой новые технические регламенты должны заменить обязательные стандарты к 1 января 2017 года. Несмотря на переходный этап, Таджикистан принял обязательство не применять некоторые части своих обязательных стандартов, которые не соответствуют положениям Соглашения по ТБТ с момента своего вступления в ВТО.

Вступление в ВТО имеет свои преимущества и недостатки. Как и в других странах с переходной экономикой, вступление в данную организацию подразумевает, что Таджикистан должен был начать реализацию серьезных экономических реформ. Оптимизация преимуществ и минимизация недостатков могут быть достигнуты путем хорошо продуманной и правильно сформулированной экономической политикой, созданием институциональных структур, стимулирующих и поддерживающих государственно-частный диалог, и вовлечения всех заинтересованных сторон. Знание многосторонних соглашений и процедур будет способствовать интеграции Таджикистана в многостороннюю торговую систему, а также позволит промышленности и заинтересованным сторонам воспользоваться имеющимися возможностями. Заключительная оценка возможных последствий вступления в ВТО для Республики Таджикистан затруднена, так как они определяются соотношением долгосрочных прямых и косвенных динамических эффектов от перераспределения ресурсов вследствие структурных изменений экономики.

Список использованных источников

1. Бозоров, Р. Б. Инвестиционное право : учебник / Р. Б. Бозоров. – Душанбе : ТГНУ, 2008. – 408 с.
2. Вергана, П., МакКиннон, М. Бизнес руководства по обязательствам Таджикистан по вступлению в ВТО / Паоло Вергана, Макольм МакКиннон. – Женева, 2013. – 77 с.
3. Шепенко, Р. А. Введение в право ВТО: курс антидемпингового регулирования: учеб. пособие / Р. А. Шепенко. – М. : Проспект, 2014. – 216 с.
4. Шумилов, В. М. Право Всемирной торговой организации (ВТО) : учебник для магистров и аспирантов / В. М. Шумилов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2014. – 219 с.

К ВОПРОСУ О ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Мартюшевская Елена Николаевна,
старший преподаватель кафедры таможенного дела
факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск

Правоприменение в деятельности таможенных органов – это властно-регулятивные действия должностных лиц таможенных органов по претворению в жизнь предписаний правовых норм. Правоприменение должно осу-

ществляться в строгом соответствии с нормами действующего законодательства, устанавливающими процедуру правоприменительной деятельности, круг субъектов правоприменительной деятельности и другие вопросы.

Следует учитывать, что правоприменительные отношения в области таможенного дела, как и сама правоприменительная деятельность таможенных органов, предполагают участие двух сторон. В качестве первой стороны выступает таможенный орган, который применяет нормы права, а вторая – субъектами внешнеэкономической деятельности (ВЭД), субъектами ВЭД, осуществляющими свою деятельность в области таможенного дела, а также физическими лицами, перемещающими товары через таможенную границу ЕАЭС, к которым применяются правовые предписания. В науке подобного рода «правоприменительные отношения – специфические связи между управляющими (правоприменительными органами) и управляемыми (непосредственными носителями прав и обязанностей) субъектами» [1, с. 98].

Правоприменителем как субъектом таможенных правоотношений может выступать как должностное лицо таможенного органа, так и таможенный орган, т. е. любой элемент системы таможенных органов, а именно Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (далее – ГТК), таможня, учреждение, подчиненное ГТК. Каждый из данных субъектов-правоприменителей наделен государственно-властными полномочиями, что определяется сущностью его компетенции, форм и методов работы. В связи с этим правовой статус таможенного органа, как правоприменителя, отражает сущность правоприменительной деятельности.

Субъекты, в отношении которых применяются нормы таможенного законодательства, также наделены правовым статусом. В числе данных субъектов: субъекты ВЭД, субъектами ВЭД, осуществляющие свою деятельность в области таможенного дела, а также физические лица, перемещающие товары через таможенную границу ЕАЭС.

У отдельных субъектов, вступающих в правоотношения с таможенными органами данный статус особый, в некоторой степени привилегированный. К ним относятся таможенные представители, таможенные перевозчики, владельцы таможенных складов, владельцы складов временного хранения, владельцы магазина беспошлинной торговли и уполномоченные экономические операторы. Правовой статус указанных субъектов определен Таможенным кодексом таможенного союза [2], Законом Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» [3].

Субъекты ВЭД и физические лица, перемещающие товары через таможенную границу ЕАЭС, к которым применяются нормы таможенного законодательства, имеют право отстаивать и защищать свои интересы, поскольку они наделены достаточно широким объемом процессуальных прав и юридических гарантий. При этом за каждым из данных субъектов признается автономия воли в выборе того либо иного варианта правомерного поведения. Так, Законом Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» в п. 2 ст. 17 «Соблюдение требований таможенного законодательства Таможенного союза и законодательства Республики Беларусь таможенными органами и их должностными лицами» прямо установлено, что соблюдение требований таможенного законодательства Таможенного союза и законодательства Республики Беларусь при принятии таможенными органами и их должностными лицами решений, совершении ими действий (бездействия) обеспечивается правом на обжалование, прокурорским надзором, а также ведомственным контролем. Вместе с тем, в гл. 3 «Обжалование решений, действий (бездействия) таможенных органов и их должностных лиц» предусмотрено право субъектам, в отношении которых применялись нормы права, в результате которых были нарушены его права или законные интересы либо незаконно возложены на него какие-либо обязанности обращаться в вышестоящую инстанцию таможенного органа и (или) суд [3].

Следует также учитывать, что правоприменительная деятельность таможенных органов Республики Беларусь выступает не только как одна из форм реализации права, но и как государственно-правовой метод по обеспечению претворения норм права в жизнь. Более того, решения ряда проблем лежит в понимании сущности (природы) правоприменения в области таможенного дела, поскольку оно довольно динамично по сравнению с иными отраслями законодательства.

Следовательно, если рассматривать правоприменение в области таможенного дела и как метод государственного управления, то стоит отметить, что оказывая содействие, в необходимых случаях принуждая к реализации правовых норм, таможенный орган как правоприменитель не только возлагает ответственность на правонарушителя, но и, регулируя общественные отношения в области таможенного дела, порождает юридические факты.

С точки зрения содержательной характеристики правоприменительная деятельность таможенных органов состоит в формулировании соответствующих общим установлениям правовых норм, правоприменительных предписаний, обращенных к персонально определенным субъектам, т. е. в принятии решений по конкретным делам, имеющим юридический характер. Так, в отношении субъектов ВЭД, перемещающих товары через таможенную границу ЕАЭС, при нарушении ими норм таможенного законодательства наступают соответствующие юридические последствия, предусмотренные санкцией статьи (административное взыскание, уголовное наказание). В случае, если подобное нарушение норм таможенного законодательства допускается одним из субъектов ВЭД, осуществляющим свою деятельность в области таможенного дела, последствия в значительной степени превышают: при повторном совершении административного правонарушения в течение одного календарного года следует исключение из реестра и ряд других правовых последствий.

Еще одной особенностью правоприменительной деятельности таможенных органов Республики Беларусь является то, что природа их деятельности прежде всего государственно-властная с ярко выраженным характером надведомственного управления в отношении управляемых субъектов.

Как следствие, правовая природа деятельности таможенных органов характеризуется тем, что они имеют право:

- 1) принятия (издания) нормативных правовых актов и правовых актов индивидуального применения (индивидуальные приказы ГТК), обязательные для исполнения всеми субъектами таможенных правоотношений, которым они адресованы;
- 2) обеспечения выполнения установленных этими актами правил поведения;
- 3) защиты с помощью применения мер административного принуждения от имени государства, содержащихся в правовых актах предписаний от возможных нарушений таможенного законодательства.

Список использованных источников

1. Дюрягин, И. Я. Право и управление / И. Я. Дюрягин. – М. : Юрид. лит., 1981. – 158 с.
2. Таможенный кодекс Таможенного союза : Закон Респ. Беларусь от 2 июля 2010 г. № 158-3 : принят Межгос. Советом Евраз. экон. сообщества 27 нояб. 2009 г. – 3-е изд. – Минск : Белтаможсервис, 2014. – 303 с.
3. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2014 г., № 129-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

ПАСПОРТИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО САМОКОНТРОЛЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Солодченко Сергей Викторович,
аспирант кафедры хозяйственного права

Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля, г. Северодонецк

Самоорганизация предприятия, осуществляемая в совокупности с внешней организационной деятельностью, позволяет рассматривать его типичным и универсальным хозяйствующим субъектом, способным быть автономным центром производственных, хозяйственных и социальных решений.

Хозяйствующий субъект принимает связанные с процессом ведения производственной деятельности решения. Такие решения могут быть направлены как во внутрь, в сферу непосредственного производства, так и во вне, в сферу межпроизводственных отношений. Характер решений различен: это и технологические, и чисто организационные, и социальные решения, но все они являются решениями хозяйственными, поскольку имеют хозяйственные цели и способствуют реализации хозяйствования [1, с. 13]. Именно в таком значении в данном исследовании используется понятие «хозяйственное решение».

В юридической литературе были исследованы не только субъекты контроля относительно хозяйственных решений, но и формы организации внутреннего контроля, которые представлены отделами и службами предприятия. В частности: ревизионной комиссией; отделом внутреннего аудита; наблюдательным советом; службами и отделами, осуществляющие контроль внутри отделов. Их контрольные функции, не будучи основными, выполняются в виде самоконтроля или определяются специфическими задачами этих служб [2, с. 10].

Одной из инновационных технологий осуществления самоконтроля субъектов хозяйствования можно считать ведение ими паспортов юридических лиц. В паспорт вносятся сведения, которые служат основой для оценки эффективности самоорганизации субъекта. Локальное нормативное регулирование применения данного средства самоконтроля, а также ответственности за содержание и сроки реализации соответствующих процедур, подчинены следующим правилам: а) применяемые средства самоорганизации не запрещены законом и не противоречат принципам хозяйственного правопорядка; б) объем ответственности соответствует содержанию нарушенных требований относительно интереса в самоконтроле и характеру деяний, а также последствиям совершённых деяний.

Однако не только сами хозяйствующие субъекты выступают инициаторами систематического внесения и обновления сведений в информационном своде паспортных данных. Так, известны обязательные предписания о паспортизации аптек, складских помещений и др. На государственном уровне разработана форма энергетического паспорта предприятия и предписан порядок отражения в нем информации об энергосбережении и других показателях стратегического характера. Паспортизация энергопотребляющих объектов в Украине осуществляется в соответствии с требованиями приказа Государственного комитета Украины по энергосбережению от 8 августа 1997 г. № 74. Важное требование приказа: «энергетический паспорт должны иметь предприятия и организации всех форм собственности с объемом годового потребления топливно-энергетических ресурсов свыше 1000 т у. т. (из них тепловой энергии – 3000 Гкал в год) и разрешенной мощностью электропотребляющего оборудования 100 кВт и более. Данный паспорт содержит сведения о наличии энергогенерирующего и энергопотребляющего оборудования, отражает характеристику энергетической эффективности технологических процессов на предприятии, а также привлечение к его энергетическому балансу вторичных энергоресурсов, обновленных видов энергии и альтернативных нетрадиционных источников. На практике паспорт служит основанием (условием) проведения анализа использования топливно-энергетических ресурсов предприятием. Он воспринимается фактором планирования его развития и технологического перевооружения. На практике также

имеет место добровольное ведение негосударственными субъектами инвестиционных паспортов предприятий, экологических паспортов предприятий, разрабатывающих недра и добывающих полезные ископаемые. Известны призывы ученых к собственникам агропромышленных предприятий относительно ведения ими паспорта, модели которого разработаны представителями разных наук.

Следовательно, в одних случаях на государственном уровне вводится обязательная паспортизация, в других – предприятия могут добровольно вводить паспорта, разрабатывая на локальном уровне все требования к ним.

Так, бытует мнение, что экологический паспорт предприятия не является обязательным документом, но предприятия, у которых он есть, быстрее получают разрешения на разного рода выбросы, к ним реже предъявляются претензии со стороны природоохранных структур.

Невзирая на стремление органов государственной управления и органов местного самоуправления приспособить паспортизацию хозяйствующих субъектов исключительно к задачам государственного контроля, данная функция оказалась неэффективной. Однако на практике она вызвала интерес в качестве средства реализации внутрихозяйственного контроля, корпоративного контроля и других разновидностей самоконтроля как элемента самоорганизации.

В связи с этим актуальной становится проблема инструментализации паспортизации как хозяйственно-правового средства самоконтроля. Задачу обоснования данного средства следует начинать с толкования функций, которые выполняет данное средство.

Главной целью паспортизации является закрепление созданных на централизованном, региональном и локальном уровнях условий и предпосылок для принятия хозяйственного и иного решения в соответствии с установками хозяйственного правопорядка. Основные установки обозначены в ст. 5 Хозяйственного кодекса Украины, а в ч. 3 ст. 5 закреплено, что «Субъекты хозяйствования и другие участники отношений в сфере хозяйствования осуществляют свою деятельность в пределах установленного правового хозяйственного порядка» [3, ч. 3 ст. 5].

Конкретизация в паспорте этих пределов позволит формировать основу предметно-организационной деятельности всех обязанных субъектов для оптимального упорядочения их деятельности. Кроме того, паспортизация, как процесс, позволяющий унифицировать систему последовательных, самоорганизационно-значимых действий обязанных субъектов на различных уровнях, способна упорядочить многочисленные взаимоотношения их с различными государственными органами. Указанная функция имеет важное организационное значение для взаимодействия государственных органов на различных уровнях и хозяйствующих субъектов.

В тоже время препятствием на данном пути становится тот факт, что остаётся неотработанным единый подход к оценке паспортизации хозяйствующих субъектов в качестве формально определённого средства самоконтроля. При определении места паспортизации хозяйствующих субъектов в социально-правовой действительности этот подход является исходным. Однако в науке паспортизация хозяйствующих субъектов, в основном, исследовалась в аспекте государственного контроля, что свидетельствует об усеченном представлении о ее потенциальных возможностях выполнения функции самоконтроля.

Контроль в сфере хозяйствования (даже там, где он уместен) в нашей стране в основном не соответствует своему назначению. По мнению ученых «... контроль в Украине во многом потерял свою ценность. Использование контрольных мероприятий как средства политической борьбы, отстаивания непонятных интересов привело к тому, что контроль перестал выполнять ту основную функцию, для которой он был создан – организация хозяйственной деятельности и повышение эффективности хозяйствования» [4, с. 7].

Зато самоконтроль в сфере предпринимательства не исчерпал своих возможностей в организации хозяйственной деятельности. Внутрихозяйственный самоконтроль воспринимают основанием для повышения возможностей формирования и использования имущественной основы хозяйствования. Таким образом, вследствие категорически отрицательной оценки контроля, возникает необходимость определить потенциал паспортизации как средства самоконтроля в сфере хозяйствования.

Анализ действующего законодательства показал, что на практике имеет место проблема определения субъектно-объектного состава в отношениях регламентации паспортизации. Предпосылкой ее возникновения является неопределенность законодателя с делегированием со стороны государства в адрес торгово-промышленных палат, других общественных организаций функции ведения негосударственного реестра предпринимателей, некоторых других мероприятий государственного контроля на уровень самоконтроля. Данная неопределенность сдерживает разработку четкого механизма правопреемства по ряду организационно-хозяйственных обязательств при государственно-частном и коммунально-частном партнерстве. С развитием местного самоуправления паспортизация хозяйствующих субъектов поможет как торгово-промышленным палатам, так и исполнительной власти более плодотворно сотрудничать при разработке и осуществлении инвестиционных программ поддержки бизнеса.

Паспортизация обеспечивает взаимодействие разрозненных государственных контрольных механизмов с механизмами самоконтроля хозяйствующих субъектов. Однако изучение паспортизации как средства самоконтроля является крайне разбалансированным в связи с разноотраслевым подходом к анализу его правовой природы. Основной причиной правовой неопределенности паспортизации служит отсутствие знаний о возможностях локально-правовой регламентации самоконтроля в сфере хозяйствования.

Список использованных источников

1. Знаменский, Г. Л. Хозяйственное право // Хозяйственная деятельность как предмет хозяйственного права : учебник ; под ред. акад. В. К. Мамутова. – К. : Юринком Интер. – 2002. – 926 с.

2. Попелюк, В. П. Правовое регулирование отношений контроля в сфере хозяйствования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / В. П. Попелюк ; Национальный ун-т «Одесская юридическая академия». – Одесса, 2011. – 18 с.

3. Господарський кодекс України [Текст] // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 18–22. – Ст. 144. – Ст. 5.

4. Никитченко, Н. В. Державний контроль як складова забезпечення господарського правопорядку: проблеми теорії та практики : моногр. / Н. В. Никитченко. – Ірпінь : Нац. ун-т ДПС України, 2014. – 342 с.

ДОГОВОРНАЯ БАЗА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ

Сташкевич Анастасия Валерьевна,
аспирант кафедры финансового права
и правового регулирования хозяйственной деятельности
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск

Сегодня евразийская интеграция вышла на качественно новый уровень [1, с. 4]. С 1 января 2015 года начал функционировать Евразийский экономический союз. Проведение согласованной валютной политики государств-членов Евразийского экономического союза (далее – государства – члены ЕАЭС) формируется и осуществляется на основе действующих международных договоров.

К международному договору, регулиющему взаимодействие Национального банка Республики Беларусь, Национального банка Республики Казахстан и Центрального банка Российской Федерации в сфере валютного регулирования и валютного контроля, относится Договор о согласованной валютной политике государств-участников Соглашения о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 года (12 декабря 2011 года). Данный Договор предусматривает взаимодействие национальных (центральных) банков Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации по следующим направлениям: координация политики обменного курса национальных валют; определение взаимных курсов валют и установление официальных курсов национальных валют; проведение межбанковских конверсионных операций; развитие платежно-расчетных отношений; развитие организованного рынка производных финансовых инструментов; обмен информацией о состоянии и перспективах развития валютного рынка [2].

Взаимоотношения государств – членов ЕАЭС в сфере валютного регулирования и валютного контроля осуществляются на основании Договора о Евразийском экономическом союзе (29 мая 2014 года).

В Договоре о Евразийском экономическом союзе закреплены: цели и принципы согласованной валютной политики; меры, направленные на проведение согласованной валютной политики; пути взаимодействия органов исполнительной власти, иных государственных органов государств-членов ЕАЭС, обладающих полномочиями по осуществлению валютного контроля, и национальных (центральных) банков государств-членов ЕАЭС (далее – уполномоченные органы валютного контроля); порядок обмена информацией на основании запросов уполномоченных органов валютного контроля; случаи введения валютных ограничений и порядок уведомления государств-членов ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии о введении таких ограничений [3].

Разработка и проведение согласованной валютной политики проводится в целях углубления экономической интеграции, развития сотрудничества в валютно-финансовой сфере, обеспечения свободного движения товаров, услуг и капитала на территориях государств – членов ЕАЭС, повышения роли национальных валют государств-членов ЕАЭС во внешнеэкономических и инвестиционных операциях, а также обеспечения взаимной конвертируемости указанных валют [3].

В пункте 1 статьи 64 Договора о Евразийском экономическом союзе закреплены принципы разработки и проведения согласованной валютной политики. В частности, государства – члены ЕАЭС договорились о поэтапном осуществлении гармонизации и сближении подходов к формированию и проведению валютной политики, о создании необходимых организационно-правовых условий на национальном и межгосударственном уровнях для развития интеграционных процессов в валютной сфере, координации и согласования валютной политики [3].

Государства – члены ЕАЭС согласились не применять в валютной сфере действий, которые могут негативно повлиять на развитие интеграционных процессов, а в случае их вынужденного применения – минимизировать последствия таких действий. При этом стороны Договора о Евразийском экономическом союзе руководствуются принципом проведения такой экономической политики, которая направлена на повышение доверия к национальным валютам государств – членов ЕАЭС, как на внутреннем валютном рынке каждого государства-члена ЕАЭС, так и на международных валютных рынках [3].

Таким образом, Договором о Евразийском экономическом союзе в области валютной политики кодифицированы ранее действовавшее Соглашение о согласованных принципах валютной политики (9 декабря 2010 года), Договор о взаимодействии уполномоченных органов государств-участников Соглашения о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 года, осуществляющих валютный контроль (15 декабря 2011 года).

Исходя из пункта 4 статьи 64 Договора о Евразийском экономическом союзе, предполагается, что гармонизация национального валютного законодательства будет осуществляться посредством заключения международного договора в рамках Евразийского экономического союза, содержащего согласованные подходы государств-членов ЕАЭС к регулированию валютных правоотношений и принятию мер либерализации [4, с. 20].

В целях реализации пункта 4 статьи 64 Договора о Евразийском Экономическом союзе Коллегией Евразийской экономической комиссии 1 сентября 2015 года было принято решение № 110 «О проекте Соглашения о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации» (далее – Соглашение). Основной целью Соглашения является выработка согласованных подходов к регулированию валютных правоотношений и принятие мер либерализации в государствах – членах ЕАЭС. Сторонами Соглашения являются Правительство Республики Армения и Центральный банк Республики Армения, Правительство Республики Беларусь и Национальный банк Республики Беларусь, Правительство Республики Казахстан и Национальный Банк Республики Казахстан, Правительство Кыргызской Республики и Национальный банк Кыргызской Республики, Правительство Российской Федерации и Центральный банк Российской Федерации.

Соглашением определяется порядок покупки и продажи (конверсии) иностранной валюты на территориях государств – членов ЕАЭС; перечень валютных операций, осуществляемых резидентами государств – членов ЕАЭС, в отношении которых не применяются валютные ограничения; условия открытия счетов (вкладов) и осуществление операций по ним резидентов государств-членов ЕАЭС и резидентов третьих стран; меры либерализации; порядок репатриации денежных средств резидентами государств – членов ЕАЭС; цели и основные направления валютного контроля; перечень нарушений в сфере валютного законодательства, по которым государства – члены ЕАЭС принимают меры, направленные на установление административной и уголовной ответственности [5].

Для Республики Беларусь положения пункта 2 статьи 3 (перечень валютных операций, осуществляемых резидентами государств – членов ЕАЭС, в отношении которых не применяются валютные ограничения), пункта 1 статьи 4 (открытие резидентами одного государства-члена ЕАЭС без ограничений счетов (вкладов) в иностранной валюте и национальной валюте и осуществление по ним операций в уполномоченных организациях другого государства – члена ЕАЭС) и статьи 5 (меры либерализации) Соглашения применяются с 1 января 2017 года. При этом Республика Беларусь до 1 января 2017 года принимает на себя обязательства не превышать норматив обязательной продажи иностранной валюты на внутреннем валютном рынке, установленный на дату вступления Соглашения в силу. Для Республики Беларусь на период до 1 января 2020 года сохраняется право применять свое законодательство в отношении сроков репатриации денежных средств резидентами Республики Беларусь [5].

В связи с установлением переходного периода Республика Беларусь принимает на себя обязательства не ухудшать условия осуществления резидентами государств – членов ЕАЭС валютных операций, указанных в пункте 2 статьи 3 Соглашения, открытия и ведения ими счетов (вкладов) в иностранной валюте и в национальной валюте в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Соглашения, а также осуществления операций по этим счетам (вкладам) по сравнению с условиями, действовавшими в Республике Беларусь по состоянию на 1 января 2015 года [5].

Список использованных источников

1. Дроздова, С. А. Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз: историко-правовой аспект этапов интеграции / С. А. Дроздова // Таможенное дело. – 2013. – № 1. – С. 2–4.
2. Договор о согласованной валютной политике государств – участников Соглашения о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 года [Электронный ресурс] : [подписан в г. Алматы 12.12.2011 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс] : в ред. Протокола от 8 мая 2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Богданова, А. В. Правовые основы экономических инструментов нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности в государствах – членах Таможенного союза ЕвразЭС (на примере валютных ограничений и валютного контроля) / А. В. Богданова // Реформы и право. – 2014. – № 3. – С. 14–21.
5. О проекте Соглашения о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации [Электронный ресурс] : решение Коллегии Евразийской экономической комиссии, 1 сент. 2015 г., № 110 // Евразийский экономический союз. – 2016. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> – Дата доступа: 20.01.2016.

ПРОЦЕДУРЫ ЗАЧЕТА И ВОЗВРАТА В РАМКАХ ИСЧИСЛЕНИЯ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ

Швед Юлия Николаевна,
старший преподаватель кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск,

Регулируемые налоговым правом имущественные (денежные) правоотношения [1, с. 36–37], с одной стороны, проявляются как законное ограничение вещного права налогоплательщиков, с другой – как отношения по возникновению в установленном законодательством порядке права собственности государства. В соответствии

с п. 1 ст. 36 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК Республики Беларусь) налоговым обязательством признается обязанность плательщика (иного обязанного лица) при наличии обстоятельств, установленных НК, таможенным законодательством Таможенного союза и (или) актами Президента Республики Беларусь либо решениями местных Советов депутатов (в отношении местных налогов и сборов), уплатить определенный налог, сбор (пошлину). Соответственно, при отсутствии закрепленного отраслевым законодательством основания возникновения права собственности публичного субъекта на налоговые денежные средства их собственником остается плательщик налога.

Нарушенное излишней уплатой либо излишним взысканием суммы налога, сбора (пошлины), пени (далее – неналоговые платежи), имущественное положение налогоплательщика может быть восстановлено [2, с. 187] посредством зачета либо возврата излишне уплаченных сумм налогов, неналоговых платежей в соответствии с гл. 7 НК Республики Беларусь [3]. Отметим, что в рамках процедуры зачета сумм излишне уплаченных (взысканных) налогов, неналоговых платежей имеет место прекращение двух «встречных» обязанностей – обязанности государства по возврату полученных без должного основания денежных средств их собственнику и обязанность налогоплательщика по уплате соответствующих платежей в бюджет, и в данном смысле зачет представляет собой разновидность уплаты налога или неналоговых платежей. Содержание процедуры возврата заключается в «изъятии из бюджета ранее уплаченных сумм налога, сбора и пеней» [4, с. 142], что тем самым влечет прекращение обязанности публичного субъекта по возврату полученных без законного основания денежных средств их собственнику (распорядителю).

Отметим, что права и обязанности между субъектами данного правоотношения распределены нетрадиционным для налогового права образом, то есть плательщик налога выступает на стороне кредитора, тогда как государство в лиц налоговых органов выступает на стороне должника.

Национальный законодатель в рамках гл. 7 НК Республики Беларусь учитывает вышеобозначенные различия между рассматриваемыми категориями и закрепляет зачет и возврат излишне уплаченных (взысканных) сумм налогов, неналоговых платежей в качестве самостоятельных процедур.

Прямо противоположная позиция законодателя к категориям «зачета» и «возврата» прослеживается в рамках гл. 12 Налогового кодекса [5], регулирующей процедуру возмещения разницы между суммой налоговых вычетов и общей суммой налога на добавленную стоимость, где зачет представлен в качестве формы процедуры возврата. В частности, ч. 3 п. 6 ст. 103 НК Республики Беларусь закреплен порядок осуществления «возврата разницы между суммой налоговых вычетов и общей суммой налога на добавленную стоимость, исчисленной по реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, путем ее зачета в счет налога на добавленную стоимость, подлежащего уплате по реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав».

При обложении налогом на добавленную стоимость выстраивается отношение «государство – плательщик налога – потребитель (носитель налога)», в рамках которого плательщик и государство состоят между собой в непосредственной правовой связи: во исполнение обязанности по уплате налога плательщик производит отчуждение принадлежащих ему на вещном праве денежных средств государству, на которые у государства возникает право собственности. Таким образом, «при уплате косвенного налога налоговые правоотношения заключаются в переходе собственности на сумму налога от налогоплательщика к государству, а не в переходе суммы от носителя налога к государству» [6, с. 128].

Следовательно, на данном этапе потребитель в налоговые правоотношения с государством не вступает, но в дальнейшем, при соблюдении определенных законодательством условий, приобретает право на вычет (возмещение отрицательной разницы) сумм входящего налога на добавленную стоимость, то есть формируется второе правоотношение, в рамках которого потребитель приобретает статус налогоплательщика. Так как ранее перечисленные налогоплательщиком денежные средства поступили государству в собственность, при возмещении отрицательной разницы в рамках налога на добавленную стоимость имеет место отчуждение в предусмотренном законодательством порядке принадлежащих государству на праве собственности денежных средств соответствующему частному субъекту. Данное отчуждение «обусловлено структурными особенностями механизма исчисления данного налога» [7, с. 166 – 167].

Очевидно, что категории зачета и возврата в рамках возмещения сумм налога на добавленную стоимость, как и в рамках возмещения излишне уплаченных (взысканных) сумм налогов, неналоговых платежей, являются самостоятельными способами прекращения обязанности государства перед частным субъектом. Основное различие между ними состоит в том, что зачет влечет прекращение двух «встречных» обязанностей – обязанности публичного субъекта по отчуждению принадлежащих ему на вещном праве денежных средств в предусмотренном законодательством порядке и обязанность частного субъекта по уплате соответствующих платежей в бюджет, тогда как при возврате сумм налога на добавленную стоимость прекращается только соответствующая обязанность публичного субъекта. В связи с этим целесообразно рассматривать категории зачета и возврата в качестве самостоятельных способов (форм) в рамках единой процедуры возмещения сумм превышения налоговых вычетов над общей суммой налога на добавленную стоимость, исчисленной по реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, что влечет необходимость внесения соответствующих изменений в национальное законодательство (п. 7 ст. 103 НК Республики Беларусь).

Таким образом, процедуры зачета и возврата излишне уплаченной суммы налогов и (или) неналоговых платежей, закрепленные статьями Общей части Налогового кодекса, подлежат применению при наличии фактов переплаты по всем, в том числе косвенным, налогам. Если же возмещение сумм налога на добавленную стоимость обусловлено особым порядком его исчисления, то руководствоваться следует положениями гл. 12 НК

Республики Беларусь. Субсидиарное применение норм общей части при рассмотрении вопросов возмещения налога на добавленную стоимость, обусловленных особенностями исчисления данного налога, является необоснованным.

Список использованных источников

1. Печенкина, А. А. Сравнительно-правовой анализ использования категории «налоговое обязательство» в странах СНГ / А. А. Печенкина // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2010. – № 2-2. – С. 36–40.

2. Глазунова, И. В. Правовая природа институтов возврата и возмещения налога в контексте имущественных правоотношений в налоговом праве / И. В. Глазунова // Налоговое и бюджетное право: современные проблемы имущественных отношений : материалы междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 29–31 марта 2012 г. ; под ред. М. В. Карасевой (Сенцовой) ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2012. – С. 187–195.

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 19 дек. 2002 г., № 166-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Глазунова, И. В. Правовая природа институтов возврата и возмещения в контексте имущественных правоотношений в налоговом праве / И. В. Глазунова. – Вестник Омского ун-та. Серия Право. – 2013. – № 1(34). – С. 142–148.

5. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 29 дек. 2009 г., № 71-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

6. Кудряшова, Е. Правовые аспекты косвенного налогообложения: теория и практика / Е. Кудряшова. – М. : ВолтерсКлувер, 2006. – 263 с.

7. Popławski, M. The Essence and Purposes of Tax Refunds / M. Popławski // Налоговое и бюджетное право: современные проблемы имущественных отношений : материалы междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 29–31 марта 2012 г. ; под ред. М. В. Карасевой (Сенцовой); Воронежский гос. ун-т. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2012. – 536 с.

РАЗДЕЛ IV ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Береговцова Диана Сергеевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Брест,
кандидат юридических наук, доцент

Введение. Характерной особенностью нынешнего этапа развития общества является возрастающее значение науки, с которой все чаще связывается будущее благоденствие человечества. Достижения научно-технического прогресса способны решить многие проблемы, стоящие перед людьми, помочь избавиться от нищеты, голода и болезней. Не будет преувеличением сказать, что одни из наиболее значительных открытий были сделаны в сфере биологии и медицины. Трансплантация органов и тканей, клонирование, создание организмов с заранее заданными свойствами – эти и многие другие достижения современной биомедицины способны не только существенно улучшить качество жизни человека, но и увеличить ее продолжительность, позволяют успешно бороться с заболеваниями, считавшимися ранее неизлечимыми.

Трансплантация органов и тканей человека представляет собой разновидность современных биомедицинских технологий, которая, с одной стороны, зачастую является единственным способом спасения жизни и улучшения состояния здоровья больного, когда все остальные средства уже исчерпаны, а с другой чревато возникновением многочисленных медицинских, этических и правовых проблем. Как отмечено в Стамбульской декларации о трансплантационном туризме и торговле органами: «Трансплантация органов, одно из чудес двадцатого века, продолжает спасать и улучшать жизни сотен тысяч пациентов по всему миру. Великие научные достижения и клинические успехи трансплантологов, также как и бесчисленные акты благородства со стороны доноров органов и их семей, сделали трансплантацию не только видом медицины, спасающим жизнь, но и сияющим символом человеческой солидарности. Но все эти достижения омрачаются множеством сообщений об использовании бедных людей в качестве источника донорских органов и о богатых пациентах-туристах, пересекающих границы для поиска и покупки органов» [1]. Применение технологии трансплантации органов и тканей чревато возникновением и иных правовых проблем прав человека.

Данные обстоятельства указывают на необходимость закрепления как на международном уровне, так и на уровне отдельных национальных государств порядка проведения медицинских вмешательств, направленных на пересадку человеку органов или тканей, взятых из того же или другого организма.

Основная часть. К числу международных актов, принятых на международном (глобальном) уровне, посвященных вопросам трансплантации органов и тканей человека, прежде всего, следует отнести резолюции специализированного учреждения Объединенных Наций, Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), в частности резолюции WHA 40.13, WHA 42.5, WHA 44.25, WHA 57.18, WHA 63.22, носящие рекомендательный характер.

Так, впервые проблемы трансплантации органов и тканей попали в поле зрения ВОЗ еще в 1987 г. В резолюциях WHA 40.13 (1987 г.) и WHA 42.5 (1989 г.) ВОЗ заявила о необходимости создания глобальных стандартов в области трансплантации органов и тканей человека, а также выразила свою обеспокоенность куплей-продажей человеческих органов и тканей и обратилась с призывом к государствам-членам необходимости принятия мер по предупреждению коммерциализации трансплантологии [2].

Резолюцией WHA 44.25 (1991 г.) была утверждена первоначальная редакция Руководящих принципов ВОЗ по трансплантации человеческих органов. На 57-й сессии ВОЗ в рамках резолюции WHA 57.18 было принято решение «продолжить изучение и сбор данных во всем мире о практике, безопасности, качестве, эффективности и эпидемиологии аллогенной трансплантации с тем, чтобы внести коррективы в Руководящие принципы по трансплантации органов человека» [3]. Впоследствии в мае 2010 г. была принята резолюция WHA 63.22, которой были утверждены откорректированные и обновленные Руководящие принципы. В силу несомненной значимости и важности рассмотрим данные принципы более подробно. Целью Руководящих принципов является предоставление упорядоченной, приемлемой структурной основы для процедур приобретения и трансплантации человеческих клеток, тканей и органов в лечебных целях с соблюдением этических принципов. Пути реализации Руководящих принципов должны быть правовой системой каждой страны [4]. Всего в документе содержится 11 Руководящих принципов, а также комментарии к каждому принципу.

Так, в соответствии с положениями Руководящих принципов органы и ткани могут быть изъяты из тел умерших в случае, если получено согласие в форме, требуемой законом, и нет оснований полагать, что умершее лицо возражало против такого изъятия. В резолюции подчеркивается, что в зависимости от особенностей конкретной страны, в ее законодательстве может быть закреплена система четко выраженного согласия (презумпция несогласия) или система предполагаемого согласия (презумпция согласия). Однако вне зависимости от того, какая именно система закреплена в законодательстве той или иной страны, любое надежное свидетельство неприятия человеком посмертного изъятия его клеток, тканей или органов воспрепятствует такому изъятию.

В соответствии с Руководящими принципами врачи, удостоверяющие факт смерти потенциального донора, также не должны участвовать непосредственно в изъятии у него клеток, тканей или органов или в последующих процедурах пересадки.

Приоритет в Руководящих принципах отдается трупному (посмертному) донорству, однако органы и ткани могут быть изъяти и у живых доноров при соблюдении некоторых основных требований. В частности, живые доноры должны находиться в генетической, правовой или эмоциональной связи со своими реципиентами, а также выразить информированное добровольное согласие на изъятие органов и тканей для трансплантации.

При этом в соответствии с Руководящими принципами органы и ткани могут быть взяты для пересадки у совершеннолетнего дееспособного донора. В законодательстве конкретной страны могут быть установлены исключения из данного правила, однако в этом случае должны существовать меры специальной защиты данных уязвимых лиц.

Важное значение для развития национальных законодательств и борьбе с всевозможными злоупотреблениями в области трансплантологии играет провозглашенный принцип безвозмездности предоставления органов и тканей, а также запрет купли-продажи органов и тканей и рекламы необходимости в органах и тканях с целью предложения оплаты.

Вопросы трансплантации органов и тканей человека являются объектом пристального внимания также со стороны Всемирной медицинской ассоциации, которая представляет собой самую авторитетную неправительственную некоммерческую международную организацию, членами которой являются представители врачебных сообществ различных стран мира (национальные медицинские ассоциации). К числу наиболее значимых документов области трансплантологии, принятых ВМА следует отнести Заявление о торговле живыми органами (принято 37-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, октябрь 1985 г.), Декларацию о трансплантации человеческих органов (принята 39-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, октябрь 1987), Заявление о трансплантации эмбриональных тканей (принято 41-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, сентябрь 1989 г.), Резолюцию по вопросам поведения врачей при осуществлении трансплантации человеческих органов (принята 46-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, сентябрь 1994).

В названных международных документах подчеркиваются принципы заботы о состоянии здоровья пациента, обеспечения высоких стандартов в оказании медицинской помощи потенциальному донору, обеспечения права на согласие на медицинское вмешательство при трансплантации органов и тканей, особую защиту уязвимых категорий лиц (заключенных, детей, лиц, находящихся в тяжелом материальном положении), строго осуждается купля-продажа человеческих органов.

Характеризуя международные акты, принятые по вопросам трансплантации органов и тканей человека, нельзя не упомянуть Стамбульскую декларацию о трансплантационном туризме и торговле органами. И хотя данная декларация принята по итогам Стамбульского саммита, проведенного в Стамбуле в 2008 г. Трансплантационным обществом и Международным обществом нефрологии, выражает точку зрения участников Саммита и носит скорее характер политического призыва, однако в ней закрепляются отдельные значимые понятия и категории, такие как «торговля органами», «трансплантационный коммерциализм», «поездка для выполнения трансплантации», «трансплантационный туризм». Так, в декларации отмечается, что поездка для выполнения трансплантации становится трансплантационным туризмом, если при этом обнаруживается трансплантационный коммерциализм, торговля органами или участники, участвующие в обеспечении операций пациенту из-за рубежа, подрывают тем самым способность страны к обеспечению трансплантационной помощью собственного населения [1]. В Стамбульской декларации также сформулированы основные принципы трансплантации органов и тканей и предложения, направленные на увеличение эффективности посмертного донорства.

Рассмотренные выше международные акты носят сугубо рекомендательный характер и соответственно их положения не имеют юридически обязательной силы, но вместе с тем зачастую учитываются внутренним правом и являются основой для дальнейшего совершенствования и развития национальных законодательств в области трансплантологии, в том числе законодательства Республики Беларусь, в котором нашли закрепление все основные принципы, изложенные в рассмотренных выше актах. Как правильно отметила М. А. Коробенкова, характеризуя нормотворческую деятельность ВОЗ, «хотя рекомендации не содержат юридически обязательных норм, они имеют большую моральную и политическую силу, так как зачастую получают последующее признание в практике государств. Многие внутригосударственные акты могут приниматься на основе рекомендаций ВОЗ. Тем не менее имеются все основания говорить о недостаточном применении ВОЗ регламентирующих инструментов воздействия на государства. Регулируя вопросы своей компетенции ограниченным набором правил и рекомендациями, ВОЗ практически не использует право принимать конвенции» [5]. Согласившись с высказанной точкой зрения, отметим, что в настоящее время на международном (глобальном) уровне не принято ни одного международного акта, посвященного исключительно вопросам трансплантации органов и тканей человека, положения которого носили бы обязательный характер. Совсем иначе дело обстоит с региональными актами, действующими в данной области.

Следует отметить, что на региональном уровне в рамках Совета Европы разработаны и действуют акты, регламентирующие основные принципы трансплантологии, имеющие обязательный характер для присоединивших к ним государств. К числу таких актов следует отнести Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине) (Овьедо, 1997 г.), Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека (Страсбург, 2002).

Конвенция о правах человека и биомедицине охватывает все сферы применения медицины и биологии человека, включая их использование в профилактических, диагностических, терапевтических и научно-исследовательских целях [6]. При этом следует отметить, что данное международное соглашение носит рамочный характер, то есть содержит лишь самые общие нормы о защите прав человека в связи с использованием достижений биологии и медицины. Изначально, еще на этапе его разработки было принято решение, что эти общие нормы будут уточнены и детализированы применительно к различным сферам биомедицины. Так, впоследствии были разработаны дополнительные протоколы к Конвенции. К настоящему времени приняты три протокола – «О запрете клонирования человеческих существ» (12 января 1998 г.), «Относительно трансплантации органов и тканей человека» (24 января 2002 г.), «О биомедицинских исследованиях» (21 января 2005 г.).

Непосредственно вопросам трансплантации органов и тканей человека посвящены главы VI и VII Конвенции о правах человека и биомедицине. Так, в соответствии со ст. 19 Конвенции изъятие органов и тканей у живого донора для трансплантации может проводиться исключительно с целью лечения реципиента и при отсутствии пригодного органа или ткани, полученных от трупа, и невозможности проведения альтернативного лечения с сопоставимой эффективностью. Закрепляется правило получения обязательного ясно выраженного и конкретного согласия для изъятия органа или ткани и запрет изъятия органов и тканей у человека, не способного дать согласие, а также запрет на извлечение финансовой выгоды от возможного использования органов и тканей человека.

В соответствии с положениями Дополнительного протокола к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека его стороны защищают достоинство и индивидуальную целостность человека и гарантируют каждому без исключения соблюдение неприкосновенности личности и других прав и основных свобод в связи с трансплантацией органов и тканей человека. Для достижения этой основной цели в соответствии с положениями протокола провозглашается:

необходимость проведения любого вмешательства в области трансплантации органов и тканей в соответствии с профессиональными стандартами (ст. 4 Дополнительного протокола);

необходимость принятия специалистами, участвующих в процессе трансплантации всех разумных мер для минимизации риска передачи любых заболеваний получателю органа или ткани (ст. 6 Дополнительного протокола);

требования удаления органов и тканей у живого лица исключительно с лечебной пользой для получателя, если не имеется подходящего органа или ткани у умершего лица и нет альтернативных лечебных методов аналогичной эффективности (ст. 9 Дополнительного протокола);

требования удаления органа у живого донора для пользы того получателя, с которым донор состоит в близких родственных отношениях или при отсутствии таких отношений согласно условиям, определенным законодательством, и с согласия соответствующего независимого органа (ст. 10 Дополнительного протокола);

необходимость получения добровольного информированного согласия живого донора на удаление органов и (или) тканей (ст. 13 Дополнительного протокола);

запрет на удаление органа или ткани у лица, которое не способно дать согласие. В качестве исключения предусматривается удаление регенеративной ткани у лица, не способного дать согласие. Такое удаление, однако, может быть произведено при соблюдении ряда условий, закрепленных в протоколе (ст. 14 Дополнительного протокола);

требования, в соответствии с которыми органы и ткани не могут быть удалены у умершего лица, если это лицо не признано умершим в соответствии с законодательством. При этом доктора, свидетельствующие о смерти лица, не должны непосредственно участвовать в удалении органов или тканей у умершего лица или в последующих процедурах трансплантации или несут ответственность за потенциальных получателей органа или ткани (ст. 16 Дополнительного протокола) [7].

В рамках Европейского союза вопросы трансплантации органов и тканей человека на данный момент регулируются Директивой N 2010/45/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС о стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации (Страсбург, 7 июля 2010 г.) [8]. Директива была принята с целью разработки общих стандартов для подготовки, транспортировки и использования органов на уровне Европейского союза. Указанные стандарты призваны упростить обмен органами для блага тысяч европейских пациентов, которые ежегодно нуждаются в указанной медицинской помощи.

Директивой устанавливаются стандарты качества и безопасности органов на протяжении периода с момента изъятия органов до момента их пересадки, закрепляются положения об организации донорства и защите прав доноров и реципиентов, а также основные принципы деятельности и обязанности компетентных органов в области трансплантации органов и тканей. Под компетентными органами в Директиве понимаются государственные органы (либо некоммерческие организации) государств – членов ЕС, ответственные за ведение реестра деятельности организаций, занимающихся подготовкой органов, и центров по трансплантации органов, включая обобщенные данные о числе живых и умерших доноров, видах и количестве подготовленных, пересаженных либо уничтоженных органов в соответствии с правовыми нормами Европейского союза и национальными правовыми нормами по защите данных персонального характера и статистических данных. Государства – члены ЕС вправе самостоятельно либо путем предоставления права компетентным органам заключать соглашения с европейскими организациями по обмену органами при условии, что указанные организации действуют в соответствии с требованиями рассматриваемой Директивы.

Заключение. Таким образом, законодательство Республики Беларусь о трансплантации органов и тканей человека соответствует положениям рекомендательных актов ВОЗ и иных рассмотренных выше международных документов, которые хотя и не носят императивный характер, однако являются основой для дальнейшего совершенствования и развития национальных законодательств в области трансплантологии, в том числе и законодательства Республики Беларусь.

Вместе с тем, представляется, что вступление Республики Беларусь в Совет Европы и присоединение к принятым в рамках данной международной организации международным документам, касающимся регламентации порядка и условий трансплантации органов и тканей человека, в частности к Конвенции о правах человека и биомедицине (4 апреля 1997 г.) и дополнительным протоколам к ней, а также воплощение норм указанных документов в белорусском законодательстве позволило бы наиболее эффективно обеспечить реализацию и защиту прав белорусских граждан в области трансплантологии.

Список использованных источников

1. Стамбульская декларация о трансплантационном туризме и торговле органами [Электронный ресурс] : [заключена в г. Стамбуле, май 2008 г.] // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: www.declarationofistambul.org/. – Дата доступа : 29.01.2016.
2. Резолюция ВНА 40.13 [Электронный ресурс] : принята 40 сессией Всемирной ассамблеи здравоохранения, Женева, 4–15 мая 1987 г. – Режим доступа : who.int/...en/WNA40.13pdf. – Дата доступа : 29.01.2016.
3. Резолюция ВНА 57/18 [Электронный ресурс] : принята 57 сессией Всемирной ассамблеи здравоохранения, Женева, 17–22 мая 2004 г. – Режим доступа : http://www.who.int/transplantation/en/A57_R18-ru.pdf. – Дата доступа : 1.02.2016 г.
4. Резолюция ВНА 63.22/2010 [Электронный ресурс] : принята 57 сессией Всемирной Ассамблеи Здравоохранения, Женева, 17–22 мая 2010 г. – Режим доступа : http://www.who.int/transplantation/Guiding_Principles_Transplantation_WNA63.22en.pdf Accessed 29/11/2011. – Дата доступа : 1.02.2016 г.
5. Коробенкова, М. А. Некоторые аспекты нормотворческой деятельности Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс] / М.А. Коробенкова // Юридическая библиотека ЮРИСТЛИБ. – Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_9311.html/ – Дата доступа : 04.02.2016.
6. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины : Конвенция о правах человека и биомедицине, Овьедо, 4 апреля 1997 г. // Права человека : сб. междунар. правовых док. / подгот. В. В. Щербовым, А. Селивановым ; сост. В. В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 835–844.
7. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] : [принят в г. Страсбурге, 24 января 2002 г.] // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901909729>. – Дата доступа: 29.01.2016.
8. О стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации [Электронный ресурс] : Директива № 2010/45/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС, Страсбург, 7 июля 2010 г. // Парус Интернет-Консультант. – Режим доступа : <http://consultant.parus.ua/?doc=08FDN076D8&abz=E3UEU>. – Дата доступа : 02.02.2016.

СУЩНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА, ЕГО СИСТЕМА

Гречуха Владимир Николаевич,

профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

В современных условиях интенсивных международных интеграционных процессов в экономической сфере важная роль принадлежит транспорту. Международные перевозки играют роль одного из связующих звеньев между экономиками государств, отдельных регионов и континентов, обеспечивая активное развитие международной торговли. Транспортная деятельность, связанная с международными перевозками, достаточно полно урегулирована международными договорами (конвенциями и соглашениями), внутренними (национальными) источниками, правовыми обычаями, судебными прецедентами. Содержащаяся в них система норм представляет одну из отраслей права, именуемую международным транспортным правом. Ее предметом являются общественные отношения разных видов, что характерно для комплексных отраслей права. Центральное место среди них занимают правоотношения, связанные с организацией и осуществлением международных перевозок пассажиров, грузов, багажа, базирующихся на договорных началах. Это отношения международного частногоправового характера.

Поскольку международные перевозки осуществляются с пересечением границ по территориям разных государств, предметом международного транспортного права являются также отношения между государствами по поводу установления международных сообщений, возможности свободного передвижения иностранных перевозчиков с соблюдением правового режима территорий суверенных государств, международных территорий общего пользования и территорий со смешанным режимом.

Следующая группа отношений, составляющих предмет международного транспортного права, – это отношения по эксплуатации транспорта, использования транспортных артерий в процессе осуществления международных перевозок, отношения, связанные с соблюдением таможенного режима, с финансовыми расчетами в связи с налогами, сборами, пошлинами. Они представляют отношения международно-административного характера.

Предмет международного транспортного права составляют также правоотношения, возникающие между сторонами договора международной перевозки в связи с разрешением споров, т. е. международные процессуальные правоотношения.

Другим важным фактором, дающим основание отнести международное транспортное право к комплексным отраслям, является то обстоятельство, что его нормы не связаны единым методом правового регулирования. Так, международным частноправовым транспортным договорным отношениям присущи метод юридического равенства сторон, диспозитивный метод. Вместе с тем нормативные источники разных государств в некоторых случаях неодинаково регулируют частноправовые отношения, порождая тем самым коллизии между нормами источников отдельных правовых систем. Подобные коллизии существуют и между национальными источниками, регулирующими международные перевозки. Решение коллизий, возникающих в частноправовых транспортных международных договорных отношениях, является методом регулирования указанных отношений [1, с. 18].

Применительно к межгосударственным отношениям по поводу использования при перевозках территорий суверенных государств способы их регулирования определяются, исходя из согласительной природы международного публичного права.

Что касается связанных с международными перевозками административных, таможенных, налоговых отношений, то для них характерен императивный, властно-распорядительный метод, а для процессуальных правоотношений – диспозитивно-императивный метод.

Именно комплексным отраслям права присущи в качестве предмета общественные отношения не одного вида, а в качестве метода – разные способы, средства их регулирования.

В юридической литературе высказываются различные мнения о сущности международного транспортного права, его месте в общей системе права. Существуют два основных подхода в решении этих вопросов.

Мнение одних авторов сводится к утверждению, что международное транспортное право относится к международному публичному праву. Его придерживается, в частности К. А. Бекашев [2, с. 20], а также Ю. Н. Малеев, который утверждает, что «международное транспортное право – комплексная часть международного права, в которую входят отношения как публичного, так и (преимущественно) частноправового характера» [3, с. 653].

Неясно, что автор подразумевает под правовой категорией «комплексная часть». Он не увязывает данное понятие ни с отраслью права, ни с подотраслью права или правовым институтом. Непонятно также, как частноправовые отношения могут регулироваться нормами международного публичного права.

Таковы в общих чертах мнения представителей точки зрения, согласно которой международное транспортное право является составной частью международного публичного права.

Другого подхода в решении этого вопроса придерживаются исследователи международного частного права. В своих работах они не используют термин «международное транспортное право», а оперируют, как правило, понятием «международные перевозки», однако при этом не только анализируют частноправовые отношения, но и касаются публично-правовых транспортных отношений [4, с. 83].

Таким образом, следует констатировать тот факт, что ни одну из точек зрения на характер международного транспортного права, его место в правовой системе, связь с международным публичным правом и международным частным правом нельзя признать безупречной. Ситуация усугубляется еще и тем обстоятельством, что существуют разные доктринальные подходы в определении соотношения международного публичного права и международного частного права. Возникает вопрос, влияют ли они на оценки международного транспортного права? Для ответа на него кратко рассмотрим высказанные мнения.

В спорах можно выделить следующие основные позиции. Согласно первой международное публичное право и международное частное право составляют два раздела единой системы международного права. По мнению представителей второй позиции, международное частное право входит в состав международного публичного права в широком смысле слова, поскольку им присущи единые источники – международные договоры. Третья точка зрения сводится к утверждению, что международное частное право входит в национальные правовые системы в качестве отрасли. Четвертая позиция занимает промежуточное положение между второй и третьей. По мнению ее авторов, система норм международного частного права состоит из совокупности норм как национальных правовых систем, так и международного публичного права. Получается, что данный полисистемный комплекс входит отдельными частями и в национальные правовые системы, и в международное публичное право. Следовательно, особенность международного частного права в том, что оно регулирует отношения, обладающие двойственным характером, поэтому не является самостоятельной правовой системой [5, с. 26-28].

Не вдаваясь в детализацию высказанных точек зрения и приведенных аргументов, отметим, что за исключением последнего мнения общим для остальных является отнесение международного публичного и международного частного права к самостоятельным правовым системам. Поэтому различие мнений о соотношении между ними не сказывается кардинально на определении сущности международного права и его связи с ука-

занными самостоятельными отраслями права. В любом случае независимо от высказанных мнений мы имеем дело с системами правовых норм, регулируемыми качественно отличающиеся общественные отношения, во-первых, публично-правового, а во-вторых, частноправового характера, т. е. отношения различных видов. Это обстоятельство является ключевым в определении сущности международного транспортного права.

Основной вывод из рассмотренных двух противоположных мнений заключается в том, что нормы международного транспортного права регулируют отношения как публично-правового, так и частноправового характера. В этом проявляется его неразрывная связь с международным публичным и международным частным правом. Поскольку международное транспортное право включает в себя правовые нормы обеих отраслей права, оно как бы входит частями и в ту, и в другую правовую систему и вместе с тем сохраняет структурную обособленность, самостоятельность в качестве комплексного правового образования.

Как любой отрасли права, международному транспортному праву присущи в качестве составных частей подотрасли и правовые институты. В юридической литературе подотрасль права трактуется как целостное образование норм, регулирующих специфический вид общественных отношений в пределах сферы правового регулирования соответствующей отрасли [6, с. 429]. Именно такой подход, учитывающий характер регулируемых системой норм отношений и методов регулирования, позволяет выделить несколько подотраслей международного транспортного права.

Первая касается межгосударственной деятельности по выработке и соблюдению принципов и правил использования территорий, водной и воздушной среды для осуществления международных перевозок. Нормы данной подотрасли права регулируют вопросы использования территорий государств, их воздушного пространства, внутренних вод и портов, территориальных морей, а также открытого моря, международных проливов, каналов морских коридоров для архипелажных проходов и воздушного пространства над ними для перевозок пассажиров, багажа и грузов. В ее сферу входит установление транснациональных транспортных артерий, их правового режима и порядка использования. Кроме того, это участие государств в международных транспортных организациях.

Следующая подотрасль международного транспортного права охватывает международные транспортные договорные обязательства, регулирующие договорные основы организации и осуществления международных перевозок, а также связанные с ними услуги. Они включают договорные условия организации перевозок и доставки с пересечением государственной границы пассажиров, багажа и грузов в пункты назначения. В зависимости от используемых видов транспорта нормы подотрасли отражают особенности условий перевозок, порядок их организации и осуществления автомобильным, железнодорожным, воздушным, морским и внутренним водным транспортом.

Кроме договорных обязательств по международным перевозкам, нормы данной подотрасли регулируют также договорные обязательства, связанные с транспортно-экспедиционным обеспечением международных перевозок и страхованием при их осуществлении;

Еще одна отрасль международного транспортного права отражает деятельность компетентных органов исполнительной власти по обеспечению безопасности международных перевозок, соблюдению правил пересечения границ. Эта подотрасль регулирует вопросы установления и строгого выполнения режима безопасного движения транспорта при осуществлении международных перевозок, порядка и условий перемещения через государственную и таможенную границы перевозимых объектов, реализации установленного налогового бремени, обеспечения оплаты пошлин и сборов.

Если международному транспортному праву как комплексной отрасли права присущи родовые признаки общественных отношений, составляющие его предмет, то отличительные признаки подотраслей заключаются в видовой принадлежности их общественных отношений. Следовательно, каждая из перечисленных подотраслей международного транспортного права имеет свой специфический предмет и связанный с ним метод правового регулирования.

Наряду с подотраслями международного транспортного права существуют его институты. В теории права правовой институт определяется как обособленный комплекс правовых норм, являющихся частью отрасли права и регулирующих разновидность определенного вида общественных отношений [7, 421–422; 453; 267]. В нашем случае институт международного транспортного права представляет собой систему правовых норм, регулирующих разновидность предметно связанных международных транспортных отношений в рамках соответствующей подотрасли.

Если рассматривать институты такой подотрасли как международные транспортные договорные обязательства, то это прежде всего институты договорных перевозочных обязательств, ответственности в связи с организацией и осуществлением международных перевозок, претензионно-искового порядка разрешения споров сторонами транспортных договоров и т.д.

Однородность норм института права можно проиллюстрировать на примере такого института, как договорные перевозочные обязательства. Система его норм регулирует отношения по заключению договоров перевозки, предмет каждого из них, условия, права и обязанности сторон, отношения, связанные с исполнением договоров и их прекращением.

Другой пример института международного транспортного права, который действует в рамках подотрасли международных транспортных обязательств, – это институт договорных обязательств по оказанию транспортно-экспедиционных услуг. Предмет института договорных обязательств по оказанию транспортно-экспедиционных услуг – это договорные отношения по организации перевозки, определению вида транспорта для ее осуществления, по заключению экспедитором договора перевозки, получению требующихся для экс-

порта и импорта документов, погрузке и выгрузке груза, сопровождению его в пути следования, уплаты пошлин и сборов и некоторым другим вопросам.

В свою очередь институты международного транспорта права подразделяются на подинституты. В гражданском праве некоторые авторы называют их субинститутами [8, с. 31]. На наш взгляд, если исходить из общепринятых в праве понятий «отрасль права» и «подотрасль права», по аналогии более приемлемы термины «институт права» и «подинститут права». В частности, в рамках того же института договорных перевозочных обязательств можно выделить в качестве подинститутов договорные обязательства по перевозке пассажиров, багажа, грузобагажа и грузов.

Подинституты содержат системы норм меньших масштабов по сравнению с системами норм институтов, в состав которых они входят.

В целом же международное транспортное право достаточно четко организовано. Системная организация норм этой комплексной отрасли права имеет как теоретическое, так и практическое значение. Во-первых, она облегчает работу правотворческих органов при принятии новых правовых источников и совершенствовании действующих. Она позволяет устранять пробелы в действующей системе международного транспортного права, а также отменять нормы, уже не отвечающие потребностям международной транспортной практики.

Во-вторых, при надлежащей систематизации норм международного транспортного права значительно упрощается поиск и применение соответствующих норм к конкретным случаям.

Таким образом, можно прийти к выводу, что международное транспортное право как комплексная отрасль имеет свою достаточно четкую организацию. Его правовые нормы представляют собой структурированную систему, которая существует и развивается по своим внутренним законам. Эта система включает подотрасли, институты и подинституты.

Список использованных источников

1. Гречуха, В. Н. Международное транспортное право : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. Н. Гречуха. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 397 с.
2. Международное публичное право : учебник / отв. ред. К. А. Бекяшев. – Глава I: Понятие, предмет и система международного права. – М. : Проспект, 2004. – С. 20.
3. Малеев, Ю. Н. Международно-правовое регулирование экономического, научно-технического и культурного сотрудничества / Ю. Н. Малеев // Международное право : учебник / отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М., 2000. – 713 с.
4. Гречуха, В. Н. Понятие международного транспортного права / В. Н. Гречуха // Актуальные проблемы частного и публичного права : сб. межвузовской науч.-практ. конф. ; под. ред. проф. Ручкиной. – М., 2009 – С. 80–90.
5. Гречуха, В. Н. Международное транспортное право : учебник для магистров / В. Н. Гречуха. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013 – 542 с.
6. Мухаев, Р. Т. Теория государства и права: учебник для бакалавриата / Р. Т. Мухаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2014. – 429 с.; Общая теория права : учебник для юрид. вузов / под общ. ред. А. С. Пиголкина. – М., 1995. – 184 с.
7. Мухаев, Р. Т. Указ. соч. С. 421–422; Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов / А. Б. Венгеров. – М., 1998. – 453 с.; Хропанюк, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Хропанюк. – М., 2012. – 267 с.
8. Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М., 2001. – Т. 1. – 587 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ФРАНЧАЙЗИНГА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Абдурахманова Тахмина Джамолитдиновна,
старший преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения
юридического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета, г. Душанбе

Любой договор предполагает собой наличие прав и обязанностей сторон, что является одним из его основных атрибутов. В этом плане договор международного франчайзинга не является исключением.

По сути, договор международного франчайзинга носит взаимный характер, что предполагает собой наличие прав и обязанностей как на стороне пользователя, так и на стороне правообладателя.

Необходимо заметить, что, несмотря на двусторонний характер договора франчайзинга, он содержит в себе условия, практически ставящие стороны в неравное положение. Следует согласиться с В. В. Витрянским, что если исходить из положений норм действующего законодательства, регламентирующих объем, круг прав и обязанностей контрагентов по договору международного франчайзинга, то можно заметить, что в целом правообладателю в договоре отведена роль кредитора, а пользователю – должника [1, с.1017].

Исходя из этого, характер взаимоотношений правообладателя и пользователя, складывающийся по договору международного франчайзинга, а также надлежащее правовое регулирование данных отношений играют суще-

ственную роль в развитии предпринимательской деятельности в рамках франшизной сети, что, в свою очередь, в целом влияет и на экономику страны. Между тем правовое регулирование договора международного франчайзинга должно, во-первых, способствовать эффективному использованию преимуществ договора франчайзинга и извлечению всеми его участниками максимальной пользы от этих отношений и, во-вторых, устранить пробелы и коллизии, возникающие при регламентации отношений в рамках договора международного франчайзинга. Тем более что в правовой доктрине юридическая действительность договора франчайзинга ставится в зависимость не только от положений самого договора, но и от поведения сторон такого договора [2, с. 11].

В связи с этим более подробно остановимся на исследовании прав и обязанностей правообладателя, потому как они должны быть, прежде всего, направлены «на обеспечение пользователю фактических и юридических условий, необходимых ему для реализации полученных по договору прав в рамках осуществления его хозяйственной деятельности» [4, с. 467].

Так, права и обязанности правообладателя являются разнообразными. Их можно объединить в несколько крупных блоков:

1) права и обязанности правообладателя, связанные с передачей пользователю всего комплекса исключительных прав по договору франчайзинга (императивные права и обязанности);

2) права и обязанности правообладателя, которыми он наделяется в силу включения их в качестве таковых в договор франчайзинга (диспозитивные права и обязанности);

3) права и обязанности правообладателя, связанные с запретом совершать действия в силу договора франчайзинга (ограничивающие права и обязанности).

Первый блок обязанностей заключается в предоставлении правообладателем пользователю технической, коммерческой документации и иной информации, которая необходима последнему для осуществления им прав, предоставленных по договору.

Отсутствие в гражданском законодательстве Республики Таджикистан правовой регламентации преддоговорного информирования франчайзи о франшизе, а также порядка и объема предоставления франчайзером необходимой информации франчайзи обусловлено недостаточной востребованностью предпринимателей в договоре франчайзинга на таджикском рынке товаров, работ и услуг. Это связано с малой развитостью экономики страны, в частности производственных отношений. Предприниматели страны, в основном выступая в роли пользователей, заключают международные договоры франчайзинга с иностранными предпринимателями – обладателями исключительных прав на территории иностранного государства, где непосредственно находится правообладатель, подчиняя свои правоотношения законодательству этой страны, в связи с этим их права и обязанности как слабой стороны в договоре могут нарушаться.

Вместе с тем следует обратить внимание и на тот факт, что на преддоговорном этапе интересы франчайзера так же находятся под угрозой, что может быть связано с неблагоприятными последствиями, вызванными разглашением франчайзи информации, предоставленной ему франчайзером, в случае отказа франчайзи от заключения договора франчайзинга. В целях защиты прав и интересов франчайзера и во избежание необоснованных требований со стороны франчайзи о раскрытии информации считаем приемлемым заключение между потенциальными сторонами договора франчайзинга на преддоговорном этапе договора, непосредственно регулирующего вопросы о взаимных обязательствах сторон на случай отказа заключения договора франчайзинга, в том числе о последствиях разглашения франчайзи информации, переданной ему от франчайзера.

Исходя из этого, предлагаем п. 1 ст. 962 ГК РТ изложить в следующей редакции: «1. Правообладатель обязан: за 20 дней до подписания договора или до момента оплаты потенциальным пользователем причитающихся сумм, связанных с подписанием договора, передать пользователю техническую и коммерческую документацию и предоставить иную информацию, необходимую пользователю для осуществления прав, предоставленных ему по договору франчайзинга (документ раскрытия информации). При этом потенциальные стороны договора должны заключить договор, регулирующий вопросы о взаимных обязательствах сторон на случай отказа заключения договора франчайзинга, в том числе последствия разглашения пользователем документа раскрытия информации, переданного ему правообладателем. Потенциальный пользователь должен по требованию правообладателя в письменной форме подтвердить получение документа раскрытия информации.

Во второй блок прав и обязанностей правообладателя по договору международного франчайзинга входят те обязанности, которыми правообладатель наделяется в силу включения их в качестве таковых в договор франчайзинга. Иначе, если иное не предусмотрено договором, данные обязанности будут интерпретироваться как права правообладателя. Словом, это диспозитивные нормы (дополнительные права и обязанности), которые стороны могут изменять по своему усмотрению.

Так, если договором франчайзинга не установлено иное, правообладатель обязан (ч. 2 ст. 962 ГК РТ): обеспечить регистрацию договора франчайзинга; оказывать пользователю постоянное техническое и консультативное содействие, включая содействие в общении и повышении квалификации работников; контролировать качество товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) пользователем на основании договора франчайзинга.

Наряду с указанными выше правами и обязанностями правообладателя, существуют такие права и обязанности правообладателя, которые связаны с запретом на совершение тех или иных действий в рамках договора франчайзинга. Эти права объединяются в третий блок указанной нами классификации прав и обязанностей правообладателя ограничительного характера. Как заметил А. А. Иванов, особенность ограничений состоит в том, что они способствуют реализации требований антимонопольного законодательства, в то же время не допуская

ограничения конкуренции. Автор также отмечает, что порой продвижение товаров, работ и услуг в рамках договоров франчайзинга не стимулирует, а ограничивает конкуренцию [3, с. 752].

Ограничения прав правообладателя по договору франчайзинга, по существу, формулируются как его обязанность, хотя сами такие обязательства включаются в договор по усмотрению сторон.

В рамках блока прав и обязанностей правообладателя, носящих ограничительный характер, можно выделить ограничения, которые разрешается включить в условия договора, и ограничения, которые не разрешаются включить в договор.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что законодатель наделяет правообладателя достаточным объемом прав и обязанностей, необходимых для реализации договора международного франчайзинга, однако договор франчайзинга содержит в себе условия, практически ставящие стороны в неравное положение. Такое неравенство сторон по договору франчайзинга проявляется в большинстве случаев при возможных допущениях злоупотребления правом со стороны правообладателя как на стадии заключения договора, так и на стадии его исполнения.

Список использованных источников

1. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М., 2002. – 1055 с.
2. Вера, К. Франчайзинг в праве Европейского Союза / К. Вера // Журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2005. – № 4. – С. 9–18
3. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Ю. Валявина [и др.] / отв. ред. А. П. Сергеев и Ю. К. Толстой. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – Т. 2. – 848 с.
4. Садиков, О. Н. Гражданское право России. Обязательственное право : курс лекций / О. Н. Садиков. – М. : Юристъ, 2010. – 845 с.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Давлатов Хизр Хакимович,
преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения
юридического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета, г. Душанбе

Миграционные процессы существовали практически во всех областях мира и были свойственны самым различным историческим периодам развития человечества. Однако все они характеризовались одной существенной чертой – по половому признаку в названных процессах преобладали мужчины, женщины чаще рассматривались как иждивенцы в составе мигрирующей семьи.

На сегодняшний день уже можно говорить об определенной феминизации миграции. Причины вовлечения женщин в миграционные потоки разные. Как отмечает Е. В. Киселева, в результате финансового кризиса, начавшегося в 2007 г., и последовавшего за ним экономического кризиса, произошел рост безработицы в глобальных масштабах, особенно в развитых странах. Автор также отмечает, что показатели участия женщин-мигрантов в рабочей силе в ряде стран возросли отчасти в связи с необходимостью компенсировать потерю дохода мужчин в семьях [3, с. 30].

Соглашаясь с утверждением автора, подчеркнем, что оно актуально и по сей день. Например, по данным Федеральной миграционной службы России 156 530 [5] женщин различных возрастов, являющихся гражданами Республики Таджикистан, мигрировали в Российскую Федерацию.

В их составе преимущественно женщины-мигранты. Здесь нужно отметить два факта. Во-первых, для страны с восьмимиллионным [4, с. 32] населением это достаточно серьезные цифры, с учетом того, что рассматривается хоть и основной, но всего лишь один миграционный поток в Российскую Федерацию. Во-вторых, нужно учитывать региональные особенности в менталитете, где достаточно сильны традиционалистские взгляды о роли женщины. В этой связи отметим, что кризис в экономическом секторе все еще задает тон миграционным процессам.

С сожалением приходится отмечать, что женская миграция не всегда носит сугубо добровольный характер. Например, на долю жертв торговли людьми приходится 0,3–0,4 % (от 600 до 800 тыс.) от общего количества мигрантов [6, с. 18]. Большинство жертв торговли людьми – около 70 % – составляют женщины и девочки, которых перепродают для занятия проституцией [1, с. 18].

На глобальном уровне действуют международно-правовые акты универсального характера, которые в той или иной мере защищают права женщин-мигрантов. Одним из подобных соглашений, которые играют достаточно серьезную роль в защите прав женщин, является Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. В миграционном контексте отдельные положения конвенции содержат нормы, которые обязывают участвующих в соглашении государства предоставлять мужчинам и женщинам одинаковые права в отношении законодательства, касающегося передвижения лиц и свободы выбора места проживания и местожительства.

Положительным считаем, что свобода передвижения закрепляется практически во многих универсальных и региональных актах, носящих правозащитный характер. Однако в силу того, что Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года не предусматривает специальной нормы о миграции, проблемам женщин-мигрантов не уделяется обстоятельного внимания.

В Преамбуле Международной конвенции о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., отмечается, что государства – участники конвенции, принимают во внимание принципы, закрепленные в основных документах Организации Объединенных Наций по правам человека. В их числе указывается Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Отдельные нормы данного соглашения не адресованы конкретно правам женщин-мигрантов. С учетом того, что мужчины все же составляют основное ядро всего контингента мигрантов во всем мире, можно допустить предположение, что чаще всего женщин и дети относятся к категории «члены семьи трудящихся-мигрантов».

Достаточно большая работа по вопросам защиты прав трудящихся-мигрантов проводится в рамках Международной организации труда. Статья 6 Конвенции МОТ №97 о трудящихся-мигрантах от 1949г., указывает, что каждый член организации, для которого настоящая Конвенция находится в силе, обязуется предоставлять, без дискриминации по признаку национальности, расы, религии или пола, иммигрантам, законно пребывающим на его территории, условия не менее благоприятные, чем те, которыми пользуются его собственные граждане, в том числе в отношении вопросов женского труда и труда подростков.

На пути женщин-мигрантов стоит множество препятствий и опасностей. К примеру, более чем в 20 странах женщинам не разрешается самостоятельно обращаться за получением загранпаспортов, а другие страны, в том числе Мьянма, Саудовская Аравия и Свазиленд, ограничивают выезд женщин за границу. Если женщине все же удалось мигрировать, она может столкнуться с тем, что некоторые принимающие страны не обеспечивают для мигрантов-женщин стандартные условия охраны труда. Так, в странах – членах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива незамужних женщин-мигрантов, если они забеременели, высылают на родину [2, с. 2].

Как уже отмечалось, международное сообщество общими усилиями создает различные механизмы для защиты прав женщин-мигрантов, но проблемы в контексте женской миграции все еще актуальны, и говорить о решении большинства из них еще рано.

Список использованных источников

1. Банзон, М. – И. Л. Борьба с торговлей людьми на основе гендерно-ориентированной стратегии // Хроника ООН. – 2005. – № 1. – С. 56. (Цит. по: Киселева, Е. В. Международно-правовое регулирование миграции : учеб. пособие / Е. В. Киселева. – М. : РУДН, 2012. – 398 с.).
2. Джени Кругман. Женщины-мигранты: одинаковые цифры, несоразмерные трудности. Доклад о развитии человека ПРООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/development/hdr/2009/hdr_2009_pr5.pdf. – Дата доступа: 10.03.2016.
3. Киселева, Е. В. Международно-правовое регулирование миграции : учеб. пособие / Е. В. Киселева. – М. : РУДН, 2012. – 398 с.
4. Численность населения Республики Таджикистан на 1 января 2015 года [Электронный ресурс] : стат. сб. // Официальный сайт Агентства по статистике при Президенте Респ. Таджикистан. – Дата доступа: http://www.stat.tj/ru/img/65a709121baf8a64bf15d33f398aafde_1435736807.pdf. – Дата доступа: 09.03.2016.
5. Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 4 марта 2016 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной миграционной службы Рос. Федерации. – Дата доступа: http://www.fms.gov.ru/about/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_grazh/item/5850/. – Дата доступа: 09.03.2016.
6. Перкинс, У.Ю. Живые голоса: роль пропаганды и оказания услуг в борьбе НПО против торговли людьми / У. Ю. Перкинс // Хроника ООН. – 2005. – № 1. – С. 54.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ИНВАЛИДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Поценья Вероника Игоревна,
студент магистратуры Института магистерской подготовки
Белорусского государственного экономического университета, г. Минск

В международном праве под стандартами понимаются обязательные требования, нормы, закрепленные в международных документах. Общеизвестно, что Всеобщая декларация прав человека (далее – Декларация) не является юридически обязательным документом, однако права и обязанности человека, зафиксированные в ней, служат ярким примером стандартов [1]. Содержание Декларации является исходным как для международного права прав человека, так и для построения национальных систем прав человека, поскольку ее нормы носят институциональный и основополагающий характер.

Исследуя международные стандарты как основу правового регулирования труда инвалидов в Республике Беларусь, следует вести речь о международно-правовых аспектах реализации права на труд инвалидов, а также о сфере действия международных документов по отношению к Республике Беларусь.

Так, в первую очередь необходимо отметить Декларацию, провозглашающую, что «Каждый человек имеет право на труд...», «...на равную оплату за равный труд», «...на справедливое вознаграждение, обеспечивающее достойное существование для него самого и его семьи [1]. Кроме того, в указанный документ содержит ряд статей, которые связаны с правом на труд и влияют на качество жизни человека.

Следующим не менее значимым актом является Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (далее – Пакт). Его важность проявляется не только на международном уровне, но и на национальном. Пакт устанавливает, что право на труд признают все участвующие в данном Пакте государства. При этом подразумевается, что у каждого человека должна быть возможность зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается [2].

Немаловажное значение играет Замечание общего порядка № 18 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. Указанным документом Комитет напоминает «...о принципе недопущении дискриминации в сфере доступа инвалидов к занятости...» [3].

Еще одним важным документом в области правового регулирования труда лиц с инвалидностью, являются Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов, (далее – Правила) [4]. К сожалению, Правила не носят обязательный характер для государств.

В данном документе указывается, что законодательство о занятости, принимаемое государствами – членами ООН, не должны носить дискриминационный характер по отношению к лицам с инвалидностью и создавать препятствия для их трудоустройства. Кроме того, государства – члены ООН обязуются активно поддерживать включение инвалидов в свободный рынок труда, стимулировать нанимателей своей страны создавать условия для работы инвалидов, сотрудничать с различными общественными организациями в обеспечении инвалидам равных условий найма [5].

В настоящее время основным международным документом в области прав людей с инвалидностью является Конвенция о правах инвалидов (далее – Конвенция). Конвенция направлена на защиту и поощрение прав инвалидов. Так, согласно Конвенции, инвалиды имеют право на труд. Данное право дает возможность зарабатывать себе на жизнь трудом, который инвалид свободно выбрал или на который он свободно согласился, в условиях, когда рынок труда и производственная среда являются открытыми, инклюзивными и доступными для данной категории граждан. При этом на государства-участники возложена обязанность обеспечивать и поощрять реализацию права на труд и теми лицами, которые получают инвалидность во время трудовой деятельности, путем принятия, в том числе в законодательном порядке, надлежащих мер [6]. Стоит отметить, что Республика Беларусь подписала Конвенцию. Последующие шаги – ратификация, имплементация и использование Конвенции как основополагающего документа для национальной политики инвалидности.

Несмотря на то что Конвенция не содержит никаких новых прав, она является первым всеобъемлющим международно-правовым документом, систематизирующим и уточняющим применение и гарантии существующих прав человека в конкретных обстоятельствах, в которых находятся инвалиды. Ввиду этого основной целью Конвенции провозглашается поощрение, защита и обеспечение полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также уважение достоинства инвалидов [6]. Конвенция вместе с другими международными, региональными и национальными инициативами дает новый толчок, побуждая правительства к изменению или отмене существующих законов, правил, обычаев и практики, дискриминационных по отношению к инвалидам, а также к принятию соответствующих актов законодательства и иных мер, направленных на реализацию содержащихся в этой Конвенции прав.

Таким образом, анализ международных стандартов, составляющих основу правового регулирования труда инвалидов в Республики Беларусь, позволяет сделать следующие выводы.

Развитие в международных актах понимания права на труд как наиболее достойного способа самоопределения человека, не допускающего дискриминационного отношения по какому-либо признаку, призывающего обеспечивать равенство каждого по отношению к данному праву, обеспечение равенства является в настоящее время одной из главных задач каждого государства по отношению к своим гражданам. При этом восприятие норм международного права в области трудоустройства людей с инвалидностью, а также создание условий для их реализации в Республике Беларусь подчеркивает социальную направленность нашего государства.

В настоящее время основным международным документом в области прав людей с инвалидностью является Конвенция. Принятие стандартов, содержащихся в Конвенции, поднимет Республику Беларусь на новый уровень в международных отношениях. При этом представляется, что такая интеграция должна быть поэтапной (планомерной), поскольку необходимо создать все условия для эффективности действия механизма, заложенного в Конвенции и протоколе к нему. Главную роль в выполнении требований, содержащихся в Конвенции, и создании условий для ее принятия должны сыграть национальные организации в первую очередь при помощи консультаций с правительствами своих государств и участия в решении широкого круга политических и программных вопросов, включая вопросы, относящиеся к труду и занятости.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Документы Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org.ru/dokuments/>. – Дата доступа: 01.03.2016.

2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] // Документы Организации Объединенных Наций от 16 дек. 1966 г. – Режим доступа: <http://www.un.org.ru/dokuments/>. – Дата доступа: 01.03.2016.

3. Замечание общего порядка 18, Право на труд, статья 6, тридцать пятая сессия, E/C.12/GC/18, 6 фев. 2006 г. [Электронный ресурс] // Документы Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org.ru/dokuments/>. – Дата доступа: 01.03.2016.

4. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов [Электронный ресурс] / Документы Организации Объединенных Наций от 20 дек. 1993 г. – Режим доступа: <http://www.un.org.ru/dokuments/>. – Дата доступа: 01.03.2016.

5. Проблемы работы и трудоустройства людей с ограниченными возможностями [Электронный ресурс] // Доклад Секретариата Совета по правам человека. – Режим доступа: <http://www.un.org.ru/dokuments/>. – Дата доступа: 01.03.2016.

6. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] // Документы Организации Объединенных Наций от 13 дек. 2006 г. – Режим доступа: <http://www.un.org.ru/dokuments/>. – Дата доступа: 01.03.2016.

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В БОРЬБЕ С ПРОБЛЕМОЙ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Шевко Надежда Михайловна,
преподаватель кафедры адвокатуры
юридического факультета Международного университета «МИТСО», г. Минск,
магистр юридических наук

В современном мире изменение климата представляет собой одну из наиболее сложных проблем. Несмотря на то, что данная проблема по своей природе носит экологический характер, она оказывает значительное влияние на такие глобальные проблемы, как: нищета, экономическое развитие, рост численности населения, устойчивое развитие, управление ресурсами и ряд других [1]. С целью решения данной многоаспектной проблемы современные государства активно сотрудничают в рамках Организации Объединенных Наций (далее – ООН).

В 1979 году состоялась Первая Всемирная климатологическая конференция, на которой было признано, что изменение климата является серьезной проблемой [2, с. 10]. Созданием Всемирной климатической программы, после проведения данной конференции, Всемирная Метеорологическая Организация и Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) совместно с Международным советом научных союзов продемонстрировали свое твердое намерение проводить исследования в области климата и изменения климата. Их совместные усилия достигли стадии принятия решений на Международной конференции по оценке роли двуокиси углерода и других газов, вызывающих парниковый эффект, в колебаниях климата и связанных с ними воздействиях (Филлах, Австрия, 1985 г.). Выводы Конференции и последующие совещания по данной проблеме заложили основу для текущей международной деятельности по проблеме глобального потепления [3, с. VII].

Так, в 1988 году Программой ООН по окружающей среде совместно со Всемирной Метеорологической Организацией с целью предоставления всеобъемлющей оценки состояния научно-технических и социально-экономических знаний об изменении климата, его причинах, потенциальных последствиях и стратегиях реагирования была создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) [4]. До настоящего времени МГЭИК является ведущим международным органом по оценке изменения климата.

Свой Первый оценочный доклад МГЭИК представила в 1990 году, в котором подчеркивалось, что проблема климатических изменений очень продолжительна по времени. Концентрация парниковых газов также будет расти еще в течение нескольких столетий и с тем, чтобы остановить этот процесс, необходимо что-то более радикальное. Правительства разных стран не смогли проигнорировать столь сильное предупреждение и пришли к выводу о том, что необходимо создать некий юридически обязательный инструмент для решения проблемы [5].

И первым таким инструментом стала Рамочная конвенция об изменении климата (далее – РКИК), которая вступила в силу 21 марта 1994 года. Стороны РКИК признали, что изменение климата Земли и его неблагоприятные последствия являются предметом общей озабоченности человечества. Решение данной проблемы требует максимально широкого сотрудничества всех стран, их участия в деятельности по эффективному и надлежащему международному реагированию сообразно их общей, но дифференцированной ответственности и реальным возможностям, а также их социальным и экономическим условиям (РКИК). Цель настоящей Конвенции – стабилизация концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему (ст. 2).

Однако спустя три года страны убедились в том, что положений о сокращении выбросов, предусмотренных Конвенцией, недостаточно. В 1997 году в г. Киото (Япония) на третьей сессии Конференции сторон по Рамочной конвенции ООН об изменении климата был принят Киотский протокол к РКИК, который вступил в силу 16 февраля 2005 года. Разделяя цели, принципы и институты РКИК, протокол налагает на страны-подписанты, включенные в Приложение I, индивидуальные, предусмотренные законом обязанности по ограничению или снижению выбросов парниковых газов [6, с. 2]. Более того, настоящий протокол является юридически обяза-

тельным документом для развитых стран и устанавливает конкретные цели по сокращению выбросов. Киотский протокол разделен на два периода действия: первый период действия обязательств начался в 2008 году и истек в 2012 году; второй период начался 1 января 2013 года и закончится в 2020 году [1].

Важно отметить, что в рамках Повестки дня в области устойчиво развития на период до 2030 года (вступила в силу 1 февраля 2016 года) стороны признали РКИК главной международной межправительственной основой для согласования мер глобального реагирования на изменение климата. Они также выразили намерение решительно противостоять угрозе, порождаемой изменением климата и ухудшением состояния окружающей среды. Более того, глобальный характер изменения климата требует максимально широкого международного сотрудничества, направленного на ускоренное сокращение глобальных выбросов парниковых газов и решение проблемы адаптации к негативным последствиям изменения климата [7, п. 31]. С целью принятия срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями государствам рекомендовано: повысить сопротивляемость и способность адаптироваться к опасным климатическим явлениям и стихийным бедствиям [7, п. 13.1]; включить меры реагирования на изменение климата в политику, стратегии и планирование на национальном уровне [7, п. 13.2]; содействовать созданию механизмов по укреплению возможностей планирования и управления, связанных с изменением климата [7, п. 13.b]. В то же время стороны обратили особое внимание на обязательство всех государств добиваться заключения амбициозного и универсального соглашения по климату [7, п. 32]. И такое новое соглашение по климату было принято на 21-й конференции, проводимой в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP 21), и 11-й конференции – в рамках совещания сторон по Киотскому протоколу (CRP-11) в декабре 2015 года. Делегаты конференции договорились удержать повышение глобальной температуры на уровне 1, 5 градусов Цельсия. Новое соглашение также содержит меры по поддержке бедных стран в деле адаптации к изменению климата. В свою очередь, развитые страны взяли на себя лидирующую роль в оказании финансовой и технологической помощи бедным государствам, а развивающиеся страны обязались принимать соответствующие их возможностям меры для борьбы с изменением климата. Настоящее соглашение должно вступить в силу в апреле 2016 года [8].

Список использованных источников

1. ООН и изменение климата [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://www.un.org/climatechange/ru/towards-a-climate-agreement-ru/>. – Дата доступа : 23.03.2016.
2. Изменение климата и последствия для Беларуси [Электронный ресурс] / Общественное объединение «Экопроект». – Минск, 2005. – Режим доступа: http://ecopartnerstvo.by/sites/default/files/_klim.pdf. – Дата доступа: 23.03.2016. – 30 с.
3. Изменение климата : Оценки МГЭИК (1990 г. и 1992 г.) / ВМО, ЮНЕП (ООН), Межправ группа экс-тов по изменению климата. – Канада, 1992. – 180 с.
4. Intergovernmental panel on climate change [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://ipcc.ch/home_languages_main_russian.shtml#tabs-3. – Дата доступа : 23.03.2016.
5. Рамочная конвенция ООН. Первые десять лет / Секретариат Рамочной конвенции ООН об изменении климата. – Бонн, 2004. – 15 С.
6. Информационный бюллетень. Атомная энергетика № 3 (9) / НАН Беларуси; сост. : В. И. Кувшинов, В. А. Брылева, Л. М. Нарейко. – Минск, 2010. – 26 с.
7. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2016. Режим доступа : <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/285/75/PDF/N1528575.pdf?OpenElement>. – Дата доступа : 23.03.2016.
8. United Nations Conference on climate change [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cop21.gouv.fr/en/195-countries-adopt-the-first-universal-climate-agreement>. – Дата доступа: 23.03.2016.

РАЗДЕЛ V
УГОЛОВНОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО,
КРИМИНОЛОГИЯ, КРИМИНАЛИСТИКА, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
И СУДОУСТРОЙСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ОБ ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Акопян Норайр Айрапетович,
адвокат, советник директора ГНО «Служба по охране исторической среды
и историко-культурных музеев-заповедников»
Министерства культуры Республики Армения, г. Ереван
кандидат юридических наук

В Республике Армения на государственный учет приняты 24 152 памятника, из которых государственный список недвижимых памятников истории и культуры включает в себя 18 935 памятников с 6145 охраняемыми единицами, являющимися государственной собственностью Республики Армения и не подлежащие отчуждению [8]. Государство, стремясь обеспечить охрану, изучение, популяризацию и использование являющихся государственной собственностью исторических, археологических, архитектурных недвижимых памятников, памятных комплексов исторической и природной среды, историко-культурных земель, ландшафтов и других культурных ценностей, регулирует отношения, связанные с охраной недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды [6].

Конституция Республики Армения определяет обязанность каждого заботиться о сохранении культурного наследия и дает право каждому на доступ к культурным ценностям, связанным с объектами культурного наследия. Статья 15 Конституции Республики Армения (с изменениями, принятыми всенародным референдумом 6 декабря 2015 г.) гласит, что государство стимулирует развитие культуры, образования и науки, армянский язык и армянское культурное наследие находятся под государственной охраной и попечением.

В соответствии со ст. 19 Конституции Республики Армения на основе международного права способствует сохранению в других государствах армянского языка, армянских исторических и культурных ценностей, содействует развитию армянской образовательной и культурной жизни.

Одновременно действующая Конституция, определяя основные цели государственной политики (ст. 86), закрепляет положения о содействии свободному приобщению каждого к национальным и общечеловеческим ценностям. Согласно требованиям этих конституционных норм, государственные органы и органы местного самоуправления в рамках своих полномочий и возможностей должны осуществлять вышеуказанные цели [3].

Отношения в области государственной охраны, сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия, кроме Конституции Республики Армения, регулируются документами международного права в области культурного наследия, законами Республики Армения «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды» (1998 г.), «Об основах культурного законодательства» (2002 г.) [7], «О недвижимых памятниках истории и культуры, являющихся государственной собственностью и не подлежащих отчуждению» (2003 г.) [9], «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (2004 г.) [2].

Охрана недвижимых исторических и культурных памятников имеет преобладающее значение в деле национальной безопасности и сохранения армянского народа. Памятники истории и культуры причисляются к культурному состоянию, представляют собой национальное богатство Республики Армения и являются собственностью армянского народа [1].

Осуществляемая ныне в области охраны и использования недвижимых исторических и культурных памятников и исторической среды политика направлена на установление правовых основ в области охраны и использования памятников, комплексного урегулирования возникающих вокруг них отношений, на решение возникающих проблем охраны памятников, их эффективного и комплексного использования с целью осуществления конституционного права граждан к приобщению к культурным ценностям, обеспечение надлежащего государственного контроля в сфере охраны и использования недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды.

Несмотря на то что в Республике Армения имеется достаточная правовая база для охраны историко-культурного наследия, однако, к сожалению, имеется немало фактов уничтожения или повреждения памятников истории и культуры.

Посвяательства совершаются как на считающиеся государственной собственностью Республики Армения и не подлежащие отчуждению древние и средневековые памятники истории и культуры, так и на памятники нового и новейшего периодов. В число совершенных правонарушений входит немало таких нарушений законодательных требований в сфере охраны памятников, как разрушение кладоискателями в пределах охранной зоны культурного слоя памятника и его сооружения, осуществление с той или иной целью самовольного строительства, работы по перестройке памятника без соответствующего разрешения, факты осквернения памятника надписями и рисунками.

Анализ судебно-следственной практики по уголовным делам данной категории показывает, что к делам, имеющим одни и те же фактические обстоятельства, особенно в отношении возмещения причиненного памятнику ущерба, проявляются различные подходы.

Так, суд первой инстанции общей юрисдикции Котайкской области в апреле 2015 г., рассматривая на открытом судебном заседании уголовное дело в отношении гр-на М. Н. по обвинению ч. 2 ст. 264 УК Республики Армения (уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, находящихся под охраной государства и имеющих особую ценность), посчитал доказанным то, что он был осведомлен о том, что собирающиеся возле языческого храма Гарни язычники совершают здесь ритуалы и приносят жертвоприношения, 26 сентября 2014 г. около 11.30 утра, предварительно принеся с собой красную краску, намеренно, с прямым умыслом сделал на южной стене храма надпись уничтожающего содержания, тем самым он нанес вред языческому храму Гарни – уникальному храму эпохи эллинизма на постсоветском пространстве, памятнику истории и культуры республиканского значения, находящемуся под охраной государства, проявив, таким образом, свое отрицательное отношение к язычникам и к совершаемым ими ритуалам. Суд признал М. Н. виновным по ч. 2 ст. 264 УК Республики Армения и назначил наказание в виде ареста сроком на два месяца. Одновременно на основании гражданского иска, предъявленного Службой по охране исторической среды и историко-культурных музеев-заповедников, в пользу государства за нанесенный преступным деянием ущерб была взыскана сумма в размере 839 390 драм (более 2 тыс. долларов США). Суд при вынесении приговора и удовлетворении гражданского иска строго и неуклонно следовал закону, точно соблюдал установленные процедуры принятия юридических решений и на основании проверенных, достоверных, не подлежащих сомнению фактов и тщательного их изучения, при правоприменении использовал лишь относящихся к делу материалы.

Суд, согласно требованиям ст. 360 УПК Республики Армения, считая доказанным деяние, в котором обвиняется подсудимая, найдя, что оно соответствует признакам ч. 2 ст. 264 УК Республики Армения, считая обоснованными предъявленные обвинения и вину в инкриминируемом ей преступлении, принимая во внимание смягчающие и отягчающие обстоятельства ее ответственности за совершенное преступление, справедливо нашел, что обвиняемая подлежит наказанию, однако игнорировал то обстоятельство, что он не мог прийти к подобному заключению при отсутствии объективной стороны преступления: повреждение памятника проявляется в конкретном материальном ущербе и, в данном случае, требуется необходимая для восстановления памятника сумма в размере 2 810 550 драм – это около 7 тыс. долларов США. Суд пришел к необоснованному заключению, что предметом представленного со стороны ГНО иска является требование возмещения затрат на последующее восстановление памятника, а не возмещение ущерба, предусмотренного в порядке уголовного судопроизводства.

Часть 2 ст. 264 УК Республики Армения предусматривает уголовную ответственность при уничтожении или повреждении памятников истории и культуры, находящихся под охраной государства и имеющих особую ценность. В данном случае объективной стороной преступления является повреждение памятника, которое выражается в виде материального ущерба [4].

Иначе говоря, повреждение памятника означает такое изменение его признаков, в результате которых состояние памятника существенно ухудшается, но в какой-то мере с помощью определенных затрат возможно восстановление, хотя и не полное, его качественных признаков.

«В правоохранительной деятельности определять размер ущерба, причиненного историко-культурной ценности (памятнику), – пишет И. Э. Мартыненко, – необходимо с учетом: стоимости научного исследования уничтоженной (поврежденной) части памятника; стоимости проведенных на памятнике охранных мероприятий; стоимости восстановительных и консервационных работ; стоимости утраченных предметов; стоимости упущенной выгоды от использования памятника.

Материальный ущерб может определяться как сумма следующих слагаемых: стоимости затрат на научное исследование памятника после его разрушения; стоимости утраченных предметов, которая может устанавливаться исходя из сложившейся страховочной или каталожной стоимости на аналоговые предметы; стоимости консервационных работ по восстановлению памятника.

При расчете стоимости работ могут быть использованы проектно-сметная и научная документация предыдущего исследования памятника, материалы исследований памятников, аналогичных объекту экспертизы (по типу, мощности культурного слоя, степени сохранности и другим показателям). Кроме того, в стоимость полноценного научного исследования памятника должны быть включены камеральная обработка материала и составление научного отчета» [5, с. 17].

Привлеченный к уголовному делу эксперт для определения нанесенного памятнику ущерба предложил, руководствуясь следующими составляющими, определить: размер ущерба, нанесенного культурному слою и археологической потенции, вследствие образования выбоин; размер необходимой суммы для осуществления работ по засыпке раскопов; размер необходимой суммы для проведения работ по благоустройству, подвергнутой разрушению части памятника. Это один из первых опытов применения на практике научной методики возмещения ущерба, причиненного памятнику истории и культуры. Таким образом, мы видим, что теоретические разработки могут применяться на практике.

Список использованных источников

1. Декларация «О независимости Республики Армения»: принята 23 августа 1990 г. // Вестник Верховного совета Респ. Армения. – 1990. – № 16.

2. Законы Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.parliament.am/legislation.php?sel=alpha&lang=rus. – Дата доступа: 01.02.2016.
3. Конституция Республики Армения : с изм., принятыми всенар. референдумом 6 дек. 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.parliament.am/law-docs5/. – Дата доступа: 01.02.2016.
4. Мартыненко, И. Э. Международная и национальные правовые системы охраны историко-культурного наследия государств-участников СНГ / И. Э. Мартыненко. – М. : Зерцало-М, 2012. – 113 с.
5. Мартыненко, И. Э. Проблемы возмещения ущерба, нанесенного археологическим памятникам / И. Э. Мартыненко // Մեծամր. Հետաքրքիր պատմություններ հայաստանի պատմության [Мецамор. Летопись полувековых раскопок] : сб. ст. – Ереван. – 2015. – С. 17.
6. Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения, 11 нояб. 1998 г. – № ЗР-261-Н. – Режим доступа: www.parliament.am/legislation.php?sel=alpha&lang=rus. – Дата доступа: 01.02.2016.
7. Об основах культурного законодательства [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения, 20 нояб. 2002 г., № ЗР-465-Н. – Режим доступа: www.parliament.am/legislation.php?sel=alpha&lang=rus. – Дата доступа: 01.02.2016.
8. О государственном учете, исследовании, сохранении, восстановлении, использовании и укреплении недвижимых памятников истории и культуры [Электронный ресурс] : постановление Правительства Респ. Армения, 20 апр. 2002 г., № 438-Н. – Режим доступа: www.parliament.am/legislation.php?sel=alpha&lang=rus. – Дата доступа: 01.02.2016.
9. Об утверждении государственного списка о недвижимых памятниках истории и культуры, являющихся государственной собственностью и не подлежащих отчуждению [Электронный ресурс] : постановление Правительства Республики Армения, 15 марта 2007 г., № 385-Н. – Режим доступа: www.parliament.am/legislation.php?sel=alpha&lang=rus. – Дата доступа: 01.02.2016.

СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бочкарёва Юлия Владимировна,
доцент Пензенского государственного университета г. Пенза,
кандидат юридических наук

Судебная система – это совокупность судов Российской Федерации, разных уровней, объединяемая единством задач судебной власти, принципов организации и деятельности судов в соответствии с их компетенцией, построенная с учетом федеративного и административно-территориального устройства государства.

Правовую основу деятельности судебной системы Российской Федерации составляют: Основной Закон страны – Конституция Российской Федерации 1993 года (глава 7 «Судебная власть и прокуратура») и Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 05.02.2014). Кроме того, имеется ряд законов, регламентирующих деятельность вполне конкретных судов и институтов. К ним относятся: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 14.12.2015), Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 15.02.2016), Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (в ред. от 21.07.2014).

Согласно ст. 118 Конституции России правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается [1, ст. 118].

Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия [2, ч. 1 ст. 1].

Единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается путем:

установления судебной системы Российской Федерации Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»;

соблюдения всеми федеральными судами и мировыми судьями установленных федеральными законами правил судопроизводства;

применения всеми судами Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, а также конституций (уставов) и других законов субъектов Российской Федерации;

признания обязательности исполнения на всей территории Российской Федерации судебных постановлений, вступивших в законную силу;

законодательного закрепления единства статуса судей;

финансирования федеральных судов и мировых судей из федерального бюджета [2, ст. 3].

В настоящее время в Российской Федерации действуют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации, составляющие судебную систему Российской Федерации. К федеральным судам относятся: Конституционный Суд Российской Федерации; Верховный Суд Российской Федерации; верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов Российской Федерации и специализированные арбитражные суды, составляющие систему федеральных арбитражных судов. К судам субъектов Российской Федерации относятся: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации [2, ст. 4]. Суды реализуют присущую им судебную власть в определенном процессуальном порядке, который определен АПК РФ, ГПК РФ, УПК РФ, КоАП РФ, КАС РФ, а также Законом о Конституционном Суде Российской Федерации.

Порядок и организация деятельности судебных органов основывается на закрепленных в Конституции Российской Федерации конституционных принципах осуществления правосудия, определяющих наиболее существенные стороны данного вида государственной деятельности (главы 2, 7), а отраслевые процессуальные кодексы определяют порядок, последовательность, основные этапы производства по делу (судопроизводства), виды принимаемых решений. В указанных кодексах и в Законе о Конституционном Суде регламентированы права и обязанности субъектов, участвующих по делу (гражданскому, уголовному, конституционному). Общим для осуществления правосудия по делу является его рассмотрение и разрешение в судебном заседании.

Развитие Российской Федерации на современном этапе характеризуется повышенным вниманием общества к судебной системе.

Судебная система как механизм государственной защиты имеет большое значение в любом правовом государстве. Исполняя роль общественного арбитра, она защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности [7, раздел 1].

Тем более актуальными являются вопросы совершенствования судебной системы Российской Федерации, которые возникли одновременно с ее созданием и остаются актуальными в настоящее время. Основы действующей судебной системы были заложены в принятой в 1991 году Концепции судебной реформы. В дальнейшем судебная система была закреплена Конституцией Российской Федерации и принятыми в соответствии с ней федеральными конституционными законами.

Длительное время критикуемая, нуждающаяся в корректировке и изменениях судебная система в России требует нового порядка в ее формировании и понимании, поскольку является частью системы общества. Для этого законодателем была разработана и утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 1082-р Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы. Но на исполнении этой федеральной целевой программы совершенствование судебной системы России не закончилось. В связи с чем постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 утверждена Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы».

В рамках этой программы 5 февраля 2014 г. Президентом России В. В. Путиным был подписан Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Закон Российской Федерации о поправке к Конституции России «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», тем самым ознаменовался новый, уже четвертый этап судебной реформы.

Указанные законы были разработаны в связи с объединением Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда. В связи с внесенными изменениями Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образован в соответствии с Федеральным конституционным законом.

Верховный Суд Российской Федерации осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов, образованных в соответствии с Федеральным конституционным законом, рассматривая гражданские дела, дела по разрешению экономических споров, уголовные, административные и иные дела, подсудные указанным судам, в качестве суда надзорной инстанции, а также в пределах своей компетенции в качестве суда апелляционной и кассационной инстанций. Кроме того, рассматривает отнесенные к его подсудности дела в качестве суда первой инстанции и по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

В целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации Верховный Суд Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики.

Полномочия, порядок образования и деятельности Верховного Суда Российской Федерации устанавливаются федеральным конституционным законом о Верховном Суде Российской Федерации [5, ст. 1].

Как известно, организация судебной системы, судостроительство в России - это исключительная прерогатива законодателя, который в рамках Конституции Российской Федерации и посредством федеральных конституционных законов вправе учреждать судебные институты (часть 3 статьи 118, часть 3 статьи 128 Конституции Российской Федерации). Законодатель создает судебную власть в том виде, который представляется ему наиболее эффективным, соответствующим конкретной социально-политической обстановке, традициям страны.

Решит ли данная реформа проблему повышения авторитета российского судопроизводства и станет ли настоящая судебная система эффективным средством защиты гражданами своих прав и законных интересов, покажет время. Пока реформирование судебной системы продолжается. Потребуется немало времени для создания реально эффективной федеративной судебной системы. Конечно, все имеющиеся проблемы совершенствования судебной системы не могут быть решены ежеминутно, однако все чаще реальная проблема заключается не во времени, а в том, чтобы было принято политическое решение о создании рациональной, подлинно самостоятельной и эффективной судебной системы в России.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 15. – Ст. 1591.
2. О судебной системе Российской Федерации : Федеральный конституционный закон, 31 дек. 1996 г., № 1-ФКЗ : ред. от 05.02.2014 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
3. О Верховном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон, 5 февр. 2014 г., № 3-ФКЗ : ред. от 15.02.2016 // Российская газета. – 2014. – № 6299. – Ст. 19.
4. О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон, 21 июля 1994 г., № 1-ФКЗ : ред. от 14.12.2015 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
5. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» : Федеральный конституционный закон, 5 февр. 2014 г., № 4-ФКЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 6. – Ст. 551.
6. О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации : Закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации, 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 6. – Ст. 548.
7. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : постановление Правительства Рос. Федерации, 27 дек. 2012 г. № 1406 : ред. от 25.12.2015 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

ФОРМЫ ПОЗИТИВНОГО ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Боярская Александра Владимировна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск,
кандидат юридических наук

Предметом исследования в данной статье выступают формы позитивного посткриминального поведения, связанного с применением дифференцированных уголовно-процессуальных процедур. Подобная постановка вопроса требует пояснений. Сразу оговоримся, что под дифференцированными процедурами мы понимаем уголовно-процессуальные производства, подвергшиеся дифференциации в сторону их усложнения или упрощения.

Применительно к законодательству Российской Федерации (далее – Россия) таковыми выступают: особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный гл. 40 УПК России; сокращенное дознание, закрепленное в гл. 32.1 УПК России; особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК России). Первые две процедуры являются упрощенными, третья, содержащаяся в гл. 40.1 УПК России, в зависимости от ситуации может предполагать альтернативно упрощение или усложнение. Последнее возможно в случае осуществления судебного разбирательства в общем режиме с дополнительным исследованием обстоятельств, предусмотренных ч. 4 ст. 317.7 УПК России [1, с. 164–167].

В уголовно-процессуальном законодательстве России представлены и иные дифференцированные процедуры, однако, перечисленные выше производства были нами выбраны в силу того, что их применение стимулируется специальными правилами назначения наказания, предусмотренными ч. 2 и 5 ст. 62 УК России.

Обращаясь к уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь (далее – Беларусь), выделим для анализа ускоренное производство, предусмотренное гл. 47 УПК Беларуси, а также производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, охарактеризованное в гл. 49¹ УПК РБ. Последнее мы, ориентируясь на содержание ст. 468¹¹ УПК Беларуси, классифицируем как усложненное, исходя из признака расширения предмета доказывания. При этом, как указывает В. И. Самарин, рассматриваемая процедура, как и ее российский аналог, может предусматривать упрощенную форму судебного следствия, производимого в порядке, установленном ст. 326 УПК Беларуси [2].

Отметим, что с данной точкой зрения соглашаются не все ученые. Так, Ю. С. Климович высказывает позицию, что «производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено

досудебное соглашение о сотрудничестве, в отличие, например, от ускоренного производства, не является особой формой уголовного процесса», поскольку «речь идет о специфике содержания, подачи, рассмотрения и обжалования ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». При этом автором уточняется, что в рамках обозначенной процедуры «на следователя и прокурора на этапе окончания предварительного следствия, а на судью – в ходе судебного разбирательства возлагается обязанность исследовать и разрешить ряд дополнительных вопросов» [3].

Полагаем, изложенное само по себе свидетельствует о существенном преобразовании процессуальной формы производства по уголовному делу, по которому заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, которое дает основания говорить о формировании особой формы уголовного процесса. Ведь рассматриваемая процедура дополняется новыми процессуальными действиями и решениями, процесс доказывания усложняется за счет расширения круга вопросов, подлежащих установлению как на этапе предварительного расследования, так и судебного разбирательства, что, с нашей точки зрения, предполагает расширение предмета доказывания, а не только его пределов.

Корреспондирующими данным дифференцированным процедурам в УК Беларуси являются специальные правила назначения наказания, содержащиеся в ст. 69 и 69¹.

Начнем свое рассуждение с обращения к российскому законодательству, а именно к ст. 62 УК России. В ней содержатся правила назначения наказания с учетом посткриминального поведения лица, совершившего преступление.

Указанные специальные правила, а также сама категория «посткриминальное поведение» уже неоднократно становились предметом рассмотрения видных ученых. По данной причине оговорим сразу ряд базовых положений, которые берутся нами в качестве аксиом, на которых строится дальнейшее рассуждение. Их авторами являются Р. А. Сабитов, И. Э. Звечаровский, П. С. Щерба и А. В. Савкин:

1. Под посткриминальным поведением субъекта преступления следует понимать предусмотренное нормой уголовного права непроступное деяние лица после совершения преступления [4, с. 10].

2. Посткриминальное поведение лица может быть правомерным или неправомерным, положительным или отрицательным [5, с. 14].

3. Анализируемое поведение может выражаться в совершении посткриминального поступка или проступка, для которых характерен свой юридический состав, который включает признаки объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны [6, с. 200–202; 7, с. 13].

Рассмотрим положения, закрепленные в ч. 2 и 5 ст. 62 УК России, через призму юридической конструкции состава правомерного поступка, закрепленного в каждой из указанных норм. Установить его нам поможет определение характера взаимосвязи указанных правил с ч. 1 ст. 62 УК России. Обратимся, прежде всего, к объективной стороне составов указанных правомерных поступков.

Специальные правила назначения наказания, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 62 УК России применяются только альтернативно. При конкуренции норм приоритет отдается ч. 2 ст. 62 УК России. При установлении обстоятельств, предусмотренных как ч. 5, так и ч. 1 ст. 62 УК России, применяется совокупность правил смягчения наказания: вначале применяются положения ч. 5 ст. 62 УК России, затем – ч. 1 ст. 62 УК России [8].

Почему правила сформулированы именно таким образом? Ответ на данный вопрос был дан Верховным Судом России еще в 2012 г. в руководящих разъяснениях, согласно которым правила смягчения наказания, содержащиеся в ч. 1 и 2 ст. 62 УК России, предполагают льготу материально-правового характера, а в ч. 5 ст. 62 УК России – уголовно-правового, связанную с формой судопроизводства [9, с. 46].

Данные утверждения представляется не совсем корректными. Несмотря на то что в соответствующей норме содержится прямое указание на п. «и» ч. 1 ст. 61 УК России, одного лишь наличия в действиях лица соответствующего смягчающего обстоятельства недостаточно. Юридический состав позитивного посткриминального поступка, предусмотренного ч. 2 ст. 62 УК России, устанавливается посредством системного толкования положений ст. 62, 63.1 УК России, а также ч. 1 ст. 317.5, ч. 4 ст. 317.6, ст. 317.7 УПК России. Он формируется за счет позитивных (указывают на наличие каких-либо обстоятельств) и негативных признаков (указывают на отсутствие каких-либо обстоятельств). По взаимосвязи друг с другом они могут носить обязательный, факультативный или альтернативный характер.

Позитивные признаки:

1) заключение досудебного соглашения о сотрудничестве;

2) исполнение его условий посредством активного способствования раскрытию и расследованию преступления, которое должно предполагать: а) сообщение подозреваемым или обвиняемым сведений о его собственном участии в преступной деятельности; б) альтернативно сообщение сведений о соучастниках преступления либо иных лицах, совершивших иные преступления, помимо расследуемого (ч. 4 ст. 317.6 УПК России);

3) содействие реализации принципа процессуальной экономии за счет выбора упрощенного порядка судопроизводства, предусмотренного ст. 317.7 УПК России.

Первые два признака являются обязательными, третий – факультативным. Должен также присутствовать негативный признак состава: отсутствие отягчающих наказание обстоятельств.

Изложенное позволяет сделать следующее значимое наблюдение: положения УПК России меняют содержание п. «и» ч. 1 ст. 61 УК России применительно к целям ст. 62 УК России, так как ч. 4 ст. 317.6 УПК России конкретизирует необходимые формы активного способствования раскрытию и расследованию преступления, наличие которых будет свидетельствовать о реализации обвиняемым условий досудебного соглашения. Кроме

того, УПК России формулирует отсутствующий в УК России вариант позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление в виде сообщения сведений об иных лицах, совершивших иные преступления, не связанные с расследуемым. О данном обстоятельстве неоднократно писали как автор настоящей статьи, так и иные ученые [10, с. 87–88; 11, с. 14, 12].

Далее обратимся к законодательству Республики Беларусь. Прежде всего, отметим как конструктивный сам факт, что специальное правило назначения наказания, связанное с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, выделено в отдельную статью. Кроме того, обоснованным является подход, согласно которому сущность досудебного соглашения о сотрудничестве в УПК Беларуси, а также содержание позитивного посткриминального поведения, предусмотренного в ст. 69¹ УК Беларуси, раскрываются без привлечения обстоятельств, смягчающих ответственность, закрепленных в ст. 63 УК Беларуси.

В ч. 1 ст. 69¹ УК Беларуси, в отличие от ч. 2 ст. 62 УК России, прямо говорится, что смягчение наказания производится при условии выполнения лицом, совершившим преступление, обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве. Подобной формулировки в ст. 62 УК России нет, хотя она необходима.

Обозначенный признак подлежит уточнению за счет положений ст. 468⁶, ч. 2, 3 ст. 468⁸, ст. 468¹¹ УПК Беларуси. Изучив их содержание, можно сказать, что для смягчения наказания лицо, совершившее преступление и заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, должно:

- 1) признать свою вину;
- 2) оказать содействие предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем;
- 3) совершить действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением.

Дополнительно также это лицо может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших. Первые три признака являются обязательными, четвертый – факультативным.

Анализ приведенных законодательных положений позволяет отметить следующее.

1. УПК Республики Беларусь при конструировании процессуальной формы производства по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, уделяет гораздо больше внимания защите прав потерпевшего, требует обеспечения интересов последнего посредством заглаживания вреда причиненного преступлением. УПК России аналогичных положений не содержит. Особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в России сориентирован, прежде всего, на защиту интересов общества и государства и стимулирует подозреваемого (обвиняемого) активно способствовать раскрытию и расследованию преступлений, совершенных данным лицом или иными лицами.

Хотя, как и в России, «нормы статей 468⁵–468¹¹ УПК Беларуси не предусматривают участия потерпевшего или гражданского истца в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также не связывают решение вопроса о возможности использования данного соглашения при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании с их волеизъявлением, чем в определенной мере затрагиваются права и законные интересы указанных участников уголовного процесса» [13].

2. УПК Беларуси прямо говорит, что дополнительно подозреваемый (обвиняемый) может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших. Уголовно-процессуальный закон Беларуси говорит о данной возможности прямо, тогда как закон России – иносказательно.

3. Буквальное толкование текста ч. 4 ст. 468⁶ УПК Беларуси позволяет предположить, что в данном государстве досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено только по уголовным делам о преступлениях, совершенных в соучастии. В России первоначально также давалось подобное толкование норм гл. 40.1 УПК [14, с. 85]. Однако судебная практика пошла по пути заключения досудебных соглашений о сотрудничестве и по уголовным делам о преступлениях, совершенных подозреваемым (обвиняемым) единолично, если он может сообщить сведения об иных лицах, совершивших иные преступления. Осуществить анализ правоприменительной практики Беларуси по данному вопросу автору настоящей статьи затруднительно, однако, полагаем, в любом случае заключение досудебного соглашения о сотрудничестве не должно ограничиваться лишь преступлениями, совершенными в соучастии.

Далее обратимся к ч. 5 ст. 62 УК России. Она предполагает смягчение назначаемого наказания лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке, предусмотренном гл. 40 либо ст. 226.9 УПК России. Верховный Суд России называет данную льготу при назначении наказания уголовно-процессуальной, связанной с формой уголовного судопроизводства. Так ли это? По данному поводу отметим следующее. Уголовный процесс представляет собой форму жизни уголовного закона.

Конкретные упрощенные уголовно-процессуальные производства вводятся для применения определенного круга уголовно-правовых норм, которые ставят перед конкретными уголовно-процессуальными формами, специфические, характерные лишь для них задачи.

Можно назвать следующие специальные задачи, стоящие перед сокращенным дознанием и особым порядком судебного разбирательства:

- стимулирование позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление;
- процессуальная экономия [15, с. 53–54].

Какое позитивное посткриминальное поведение способны стимулировать упомянутые процессуальные формы? Данные формы посткриминального поведения можно разделить на две группы: непосредственно выте-

кающие из нормативных положений глав 40 и 32.1 УПК России, т. е. обязательные, а также потенциально достижимые и желательные, т. е. факультативные:

К числу первых можно отнести: 1) согласие с предъявленным обвинением или признание вины (для сокращенного дознания); 2) содействие реализации принципа процессуальной экономии за счет выбора упрощенной формы производства по уголовному делу.

К потенциально достижимым и факультативным можно отнести положительное посткриминальное поведение в виде примирения с потерпевшим и добровольного возмещения имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

Стимулирование соответствующего поведения осуществляется за счет установления правила о недопустимости применения упрощенных судебных процедур при наличии возражений со стороны потерпевшего (п. 6 ч. 1 ст. 226.2, ч. 4 ст. 314 УПК России). Факультативным соответствующий элемент является потому, что УПК России не считает значимыми мотивы, по которым потерпевший соглашается на применение упрощенной формы уголовного судопроизводства.

На основании изложенного можно сказать, что содержание ч. 1 и 5 ст. 62 УК России частично пересекается, поскольку соответствующие нормы стимулируют один и тот же вариант позитивного посткриминального поведения субъекта в виде добровольного возмещения имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, также иных действий, направленных на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. Только одна норма делает это прямо, а другая – косвенно.

По данной причине совместное применение правил, содержащихся в ч. 1 и 5 ст. 62 УК России, с нашей точки зрения, нарушает выделяемый такими авторами, как Ю. В. Голик [16, с. 52–60] и Т. Сабитов [17], принцип экономии мер поощрения.

Полагаем также, что рассматривать согласие лица с предъявленным обвинением или даже признание вины в качестве специально стимулируемого позитивного посткриминального поведения не совсем точно. Как указывает в данной связи Д. С. Дядькин, «чистосердечное раскаяние и признание вины при отсутствии конкретных фактов деятельного раскаяния, скажем явки с повинной или способствования раскрытию преступления, не могут свидетельствовать о достаточном снижении степени общественной опасности личности виновного» уголовного закона» [18].

По данной причине единственным обязательным и бесспорным вариантом правомерного посткриминального поведения, предусмотренного ч. 5 ст. 62 УК России является содействие подсудимого реализации принципа процессуальной экономии посредством выбора упрощенной формы производства по уголовному делу.

Обратимся далее к законодательству Беларуси. Показательным является то обстоятельство, что уголовное законодательство данного государства не содержит специального правила назначения наказания, связанного с применением ускоренного производства, предусмотренного гл. 47 УПК Беларуси, т. е. специальная поощрительная норма для данного случая не установлена.

Изложенное означает, что лицо, в отношении которого осуществляется производство в ускоренном порядке, для смягчения наказания обязано реализовать варианты позитивного посткриминального поведения, перечисленные в ч. 1 ст. 69 УК Беларуси, а именно: явка с повинной или активное способствование выявлению преступления, изобличению других участников преступления, розыску имущества, приобретенного преступным путем **или** оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после преступления; добровольное возмещение ущерба, уплата дохода, полученного преступным путем, устранение вреда, причиненного преступлением; иные действия, направленные на заглаживание такого вреда.

Вводится также негативный признак: отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных ст. 64 УК Беларуси.

Следовательно, законодатели Беларуси стимулируют реализацию указанных вариантов позитивного посткриминального поведения прямо, вне зависимости от используемой формы производства по уголовному делу, что можно отметить как положительный момент, исключающий двойное поощрение одного и того же варианта позитивного постпреступного поведения лица, совершившего преступление.

Однако позволим себе поддержать отечественных законодателей в том отношении, что применение упрощенной процессуальной формы, обеспечивающее процессуальную экономию, нуждается в дополнительном стимулировании, что не учитывается белорусскими законодателями в полной мере.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы.

1. Произведенный анализ нормативного материала говорит о том, что российским и белорусским законодателям следует больше внимания обращать на позитивный зарубежный опыт определения стимулируемых форм позитивного посткриминального поведения.

2. Преимуществом белорусского подхода к решению обозначенных проблем является обеспечение защиты интересов потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Плюсом можно также назвать более ясное изложение текста уголовного и уголовно-процессуального закона по вопросам определения обязательств, которые должен или может принять на себя по такому соглашению подозреваемый или обвиняемый. УК также не предполагает избыточного стимулирования применения упрощенных форм уголовного судопроизводства.

3. Достоинством российского подхода можно назвать достаточно единообразный характер специальных правил назначения наказания, выработанных для отдельных уголовно-процессуальных процедур. Кроме того,

указанные специальные правила предполагают единый вариант смягчения наказания в виде сокращения максимального срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного за совершение определенного преступления. Тогда как в УК РБ статьи 69 и 69¹ предполагают разнохарактерное смягчение подсудимому назначаемого наказания. Укажем также, что не чрезмерное, а разумное стимулирование применения упрощенных форм уголовно процесса, обеспечивающих процессуальную экономию, все-таки желательно.

Список использованных источников

1. Боярская, А. В. Специфика юридической конструкции особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / А. В. Боярская // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2013. – Ч. 59. – С. 164–167.
2. Самарин, В. И. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном законодательстве Республики Беларусь (часть 2) / В. И. Самарин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Климович, Ю. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве: сущность и проблемы реализации (часть 1) / Ю. С. Климович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Сабитов, Р. А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора / Р. А. Сабитов. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 368 с.
5. Звечаровский, И. Э. Посткриминальное поведение личности: ответственность и стимулирование / И. Э. Звечаровский : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 1993. – 37 с.
6. Сабитов, Р. А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора / Р. А. Сабитов. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 368 с.
7. Щерба, С. П. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении / С. П. Щерба, А. В. Савкин. – М. : Изд-во «Спарк», 1997. – 110 с.
8. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации, 22 дек. 2015 г., № 58 // Российская газета. – 2015. – 22 дек.
9. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», и от 7 декабря 2011 г. №420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2012. – № 11. – С. 43–49.
10. Николаева, Т. Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве / Т. Николаева, Е. Ларкина // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 85–88.
11. Мартыненко, Н. Э. Досудебное соглашение о сотрудничестве как средство защиты интересов потерпевшего / Н. Э. Мартыненко // Российский следователь. – 2011. – № 22. – С. 13–15.
12. Лобанова, Л. В. Учет смягчающих обстоятельств при назначении наказания лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве / Л. В. Лобанова ; Lex russica. – 2014. – № 3 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
13. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 26 дек. 2014 г., № Р-967/2014 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 13.01.2015. – 6/1465.
14. Великий, Д. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе / Д. П. Великий // Журнал рос. права. – 2010. – № 2. – С. 84–90.
15. Боярская, А. В. Проблемы конструирования специальных правил назначения наказания, связанных с применением упрощенных уголовно-процессуальных процедур / А. В. Боярская // Российская юстиция. – 2014. – № 5. – С. 51–55.
16. Голик, Ю.В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: Вопросы теории / Ю. В. Голик. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. – 80 с.
17. Сабитов, Т. Принципы поощрения в уголовном праве / Т. Сабитов // Уголовное право. – 2006. – № 1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
18. Дядькин, Д. С. Обстоятельства, смягчающие наказание, не указанные в законе / Д. С. Дядькин // Российский следователь. – 2008. – № 11 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУК УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА

Владыкина Татьяна Анатольевна,
докторант кафедры судебной деятельности
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», г. Екатеринбург,
кандидат юридических наук

Плодотворность имеющихся [1] и актуальность дальнейших разработок криминалистической наукой адекватных современным правовым реалиям методик ведения судебного следствия для сторон судебного разбирательства, думается, не вызывает сомнений. Впрочем, этот разделяемый нами научный подход имеет и своих противников. Их главный аргумент – «размывание» границ уголовно-процессуального законодательства и предмета науки уголовно-процессуального права «использованием познавательного инструментария других общественных наук и наук, не являющихся общественными, например, криминалистики» [2]. Считаю данные суждения утопичными. Отказ криминалистике в статусе общественной науки не учитывает системности научного знания. Не являясь наукой собственно об обществе, криминалистика изучает закономерности, детерминированные таким социальным явлением как преступность, необходимость познания которого определяется социальными потребностями борьбы с ней.

В этой связи вполне справедливо утверждение Г. А. Матусовского о том, что криминалистика является наукой о явлениях общественно детерминированных [3]. В монографиях и учебниках, научных статьях и диссертациях Р. С. Белкина [4], А. А. Белякова [5], Л. Я. Драпкина [6], В. Н. Карагодина [7], Г. А. Кокурина [8], В. А. Мамуркова [9], Д. А. Ракунова [10], И. Н. Сорокотягина [11] и ряда других ученых в непосредственном или опосредованном плане (в том числе при рассмотрении тактических основ расследования отдельных видов преступлений) детально изучается соотношение между институтами, понятиями и терминами криминалистики и терминосистемой уголовно-процессуального права. Одним из исследований, позволившим комплексно и глубоко определить место, роль и значение криминалистики в системе юридических наук уголовно-правового цикла, уяснить ее соотношение с уголовно-процессуальным правом, является докторская диссертация Е. В. Смахтина [12]. По нашему мнению, соотношение криминалистики с уголовно-процессуальным правом должно обозначаться, как минимум на двух познавательных уровнях. Во-первых, на уровне правотворчества, поскольку криминалистические положения активно воспринимаются законодателем, находят свое отражение в тексте УПК РФ (например, нормы ст. 335 УПК РФ, описывающие основы тактики сторон в судебном следствии). Во-вторых, на уровне правоприменения, поскольку основой для выработки тактических рекомендаций по производству процессуальных действий является уголовно-процессуальная регламентация деятельности участников уголовного процесса.

«Практическая деятельность прокурора, следователя, осуществляющих от имени государства функции уголовно-релевантного познания и уголовного преследования, – подчеркнул А. А. Беляков, – объект изучения криминалистики» [5]. Вместе с тем, как справедливо заметил Е. В. Смахтин, интегративный характер криминалистики не означает возможность применения шаблонов и необоснованного «вторжения» в предметные сферы других уголовно-правовых наук, в том числе уголовно-процессуального права. Необходима дифференциация знаний при изучении общих объектов познания [12]. На наш взгляд, роль криминалистики в практической деятельности, направленной на реализацию назначения уголовного судопроизводства и повышение качества правосудия не может замыкаться исключительно деятельностью участников уголовного процесса, обладающих властными полномочиями. Криминалистические рекомендации весьма полезны и стороне защиты. Исследование наиболее типичных способов поведения стороны защиты в рамках судебного разбирательства уголовного дела судом с участием присяжных заседателей должно преследовать цель совершенствования методических рекомендаций о типичных защитительных версиях, тактике их доказывания и т. п. Эти тактические закономерности должны изучаться криминалистикой в единстве с тактической деятельностью государственных обвинителей, что позволит выработать для обоих профессиональных субъектов судебного разбирательства наиболее оптимальные приемы ведения судебного следствия по уголовным делам.

Считаем сказанное принципиально важным, поскольку, несмотря на регламентацию (порой весьма детальную) судебного разбирательства в целом, и судебного следствия, в частности, каждое уголовное дело по-своему уникально и в его рамках возникает немало тактических вопросов, остающихся за пределами уголовно-процессуального регулирования, например, порядок исследования доказательств, тактика осмотра судом местности и помещения и др. Согласимся с С. Л. Кисленко в том, что эти вопросы имеют тактический характер и должны решаться не на основе субъективного подхода участника уголовного судопроизводства, а с учетом криминалистических рекомендаций [13]. При этом речь не идет о разработке специфических криминалистических средств и методов для применения в суде, а об использовании среди имеющихся наиболее эффективных, что на наш взгляд, заслуживает специального научного исследования.

Список использованных источников

1. Андрианова, Т. П. Применение специальных криминалистических познаний при судебном разбирательстве уголовных дел : автореферат дис...канд. юрид. наук / Т. П. Андрианова. – Минск, 1989; Кисленко, С. Л. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики : дис. ... канд. юрид. наук / С. Л. Кис-

- ленко. – Саратов, 2002. – С. 71–80; Сухов, С. П. К вопросу о структуре и содержании криминалистической тактики // Теоретические проблемы криминалистической тактики. – Свердловск, 1981 и др.
2. См., например, об этом: Волков, А. В. Юридические науки: системность организации / А. В. Волков. – М., 2010. – С. 178–180.
 3. Матусовский, Г. А. Криминалистика в системе юридических наук и ее межнаучные связи : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1980. – С. 12.
 4. Белкин, Р. С. Курс криминалистики / Р. С. Белкин. – М., 1997. – Т. 1.
 5. Беляков, А. А. Значение исследования преступлений, связанных со взрывами, как объекта криминалистики / А. А. Беляков // Российский юрид. журнал. – 2012. – № 3. – С. 16–18.
 6. Драпкин, Л. Я., Карагодин, В. Н. Криминалистика : учебник / Л. Я. Драпкин, В. Н. Карагодин. – М., 2011; Драпкин, Л. Я., Шуклин, А. Е. Использование метода аналогии для преодоления проблемных ситуаций, возникающих при расследовании уголовных дел / Л. Я. Драпкин, А. Е. Шуклин // Российский юрид. журнал. – 2014. – № 5. – С. 17–22.
 7. Карагодин, В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук / В. Н. Карагодин. – Свердловск, 1992.
 8. Кокурин, Г. А. Теоретические и практические основы поисковой деятельности в процессе раскрытия и расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г. А. Кокурин. – Екатеринбург, 2001; Драпкин, Л. Я., Кокурин, Г. А. Организационные и тактические основы поисковой деятельности в расследовании преступлений / Л. Я. Драпкин, Г. А. Кокурин. – Екатеринбург, 1997 и др.
 9. Мамурков, В. А. Основы криминалистического учения о биологических объектах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Мамурков. – М., 2002.
 10. Ракунов, Д. А. Проблемы формирования теоретической модели единой системы видов, разновидностей и форм расследования преступлений : дис. ... канд. юрид. наук / Д. А. Ракунов. – Барнаул, 2000.
 11. Сорокоотягин, И. Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. Н. Сорокоотягин. – Екатеринбург, 1992.
 12. Смахтин, Е. В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. В. Смахтин. – Тюмень, 2010. О соотношении юридических наук уголовно-правового цикла см., также: Владыкина, Т. А. Архитектоника межотраслевых связей уголовного и уголовно-процессуального права : материалы VI Междунар. заочной науч.-практ. конф. «Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы» / Т. А. Владыкина. – Курск, 2015. – С. 249–253.
 13. Кисленко, С. Л. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики : дис. ... канд. юрид. наук / С. Л. Кисленко. – Саратов, 2002. – С. 34–35.

КОРРУПЦИОННЫЕ «ОТКАТЫ»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ В РОССИИ

Громов Владимир Геннадьевич,
профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии
Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского,
доктор юридических наук, профессор

Сегодня в России коррупционные скандалы достаточно прочно вошли в перечень новостных сводок, а слово «коррупция» не сходит с уст политиков и общественных деятелей. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции» определяет коррупцию как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [1].

Коррупция, как и многие другие негативные проявления человеческой природы, имеет богатую историю, которая неразрывно связана с появлением иерархии в человеческом обществе, а также возникновением первых государств. Явление коррупции проходит красной нитью через все эпохи человечества, начиная свою историю от наказуемого деяния в Шумере и Древнем Египте, и заканчивая опасным преступлением в современную эпоху. Стоит отметить, что новая экономическая политика меркантилизма и выросшие на ее основе национальные демократические государства несколько изменили ситуацию, т.к. теперь властное лицо – не монарх, а избранник и выразитель народной воли. Это позволяет народу на законодательном уровне его сместить, в том числе, и за взяточничество (примером может служить американская Конституция). Но ни одна эпоха так и не ознаменовалась полной победой над этим явлением. Применяемые в борьбе с ним такие сильные инструменты, как наказание, религия, просвещение и воспитание так и не возымели должного результата. И сейчас во всем цивилизованном мире нет ни одного государства, где была бы полностью искоренена коррупция.

Современное российское общество также серьезно страдает от такого недуга, как коррупция во всех ее проявлениях, будь то взяточничество, откаты, коммерческие подкупы. Стоит ли упоминать, какие негативные по-

следствия порождает такая ситуация – это и разрушение экономики, и подрыв авторитета государственной власти, и угроза национальным интересам, в том числе безопасности страны. Большой период попустительства со стороны новой власти довел эту проблему до того, что коррупция стала составной частью политической, экономической, общественной и частной жизни российского государства и воспринимается населением как необходимый инструмент, способ реального решения проблем.

Коррупционная деятельность частного бизнеса в отношении государственных и муниципальных служащих стала настолько массовым явлением, что для многих чиновников такой способ обогащения стал существенным источником доходов. Появились неформальные коррупционные сети «чиновников и бизнесменов, которые связаны между собой взаимными обязательствами по распределению и расходованию бюджетных денег. Эти сети пропускают через себя большую часть ВВП» [2].

Зависимость государственных и муниципальных служащих от бизнесменов столь велика, что даже относительно честные чиновники, не берущие взятку ни за какие услуги, через данные сети получают настолько значительную долю своих доходов, что просто не могут существовать вне таких сетей. В итоге такая система сетей воспроизводит должностных лиц, руководствующихся в своей деятельности в первую очередь, не интересами государства и народа, а интересами сетей неформальных и нелегальных коммерческих интересов.

Такая практика настолько укоренилась, что даже после увольнения высокопоставленных служащих с полной заменой их подчиненных существует большая вероятность того, что новые лица, занявшие такие посты, вновь установят взаимодействие с оставшимися участниками таких сетей, но уже иным способом.

Самым распространенным коррупционным действием в отношении должностных лиц являются откаты, в силу большой их латентности; в сущности, они представляют собой один из способов взятки.

Откат – это вознаграждение, выплачиваемое в денежной или иной форме лицу, которое так или иначе способствует успешному совершению сделки (операции). В качестве получателя отката может выступать любой более или менее влиятельный человек: государственный чиновник, депутат, высокопоставленный сотрудник (главный бухгалтер, финансовый директор, начальник отдела продаж, начальник отдела поставок) предприятия – контрагента по данной сделке, заведующий магазином или товаровед [3, с. 13].

К наиболее распространенным видам отката в России относятся откаты:

работникам правоохранительных органов (влиятельный сотрудник правоохранительных или налоговых органов время от времени получает некое отступное, гарантируя «неприкосновенность» организации, путем предотвращения проверок или содействия в их благоприятном исходе);

за предоставление банковского кредита (за предоставление банковского кредита отдается определенный процент людям, от которых зависит решение о предоставлении такого кредита);

работникам розничной торговли (предприятия розничной торговли, предоставляющие продукцию в магазины, предлагают товароведу или директору откат, рассчитываемый как процент от суммы реализации их продукции по итогам определенного времени тем самым стимулируя продвижение своего товара);

работникам отделов поставок и снабжения (снабженцем предприятия выбирается тот поставщик, который предложит наиболее привлекательный откат);

государственным служащим (в данном случае выплачиваются наиболее крупные откаты, а схемы откатов различны, но зависят от занимаемой должности чиновника, серьезности вопроса и наличия влияния и связей);

при купле-продаже программного обеспечения (разработчики за выбор именно их программы предлагают откат руководителю фирмы либо менеджеру, отвечающему за данные вопросы).

В отношении борьбы с откатами мнения специалистов расходятся, вплоть до самых противоречивых. Некоторые авторы пишут инструкции о том, как правильно давать взятки, и считают откаты нормальным явлением российской экономики, – таким «своеобразным обычаем делового оборота» [4].

Другим решение представляется в виде комплекса профилактических мер, таких как:

ограничение времени на заключение контракта, после чего перевод специалиста в другой сектор бизнеса;

при использовании тендера обращаться к коллегиальной форме принятия решения, исключая единоличное принятие решения;

делать работу отдела закупок максимально прозрачной для руководства [5];

повышать уровень контакта с клиентом;

чаще проводить проверки сотрудников, вплоть до проверок на детекторе лжи [6].

Но для реализации данных мер, в первую очередь, необходима инициатива, исходящая не только от законодательной власти, но и от собственников конкретных фирм, что в сложившейся экономической и политической ситуации вряд ли осуществимо; это порождает интересные ситуации криминально-детективного жанра.

Так, в 2007 году администрация Смольного объявляла тендер на закупку шампуров для шашлыка авторской работы, пять наборов которых стоили около полумиллиона рублей. В это же время для гостиницы «Смольнинская» планировалось закупить продукты – панировочные сухари по 2 тыс. руб. за кг, дыни по 432 руб. за кг, корицу по 1200 руб. за кг [7]. В 2011 году Останкинский районный суд г. Москвы арестовал экс-руководителя курского филиала банка ВТБ Виктора Куликова. Бывший банкир, а затем глава комитета по экономике и развитию Курской области, обвинялся в мошенничестве при выдаче кредита на сумму более 6 млрд рублей ООО «Курская строительная компания». По данным следствия, Виктор Куликов за «откат» в 140 млн рублей выдал этой компании заведомо невозвратный заем. В рамках дела были привлечены к ответственности основной владелец ООО Владимир Лосев и первый заместитель гендиректора компании Тамара Толстова, которым было инкриминировано хищение почти 400 млн рублей из суммы кредита [8].

Ввиду того что проблема коррупции свойственна всем современным государствам, они применяют различные способы для минимизации этого негатива. Успешное противодействие коррупции осуществляется в ряде скандинавских стран.

Швеция два столетия назад считалась пораженной коррупцией. В связи с этим там был разработан и принят комплекс мер, направленных на исключение меркантильных соображений у чиновников. Государственное регулирование стало строиться через налогообложение, субсидирование и льготы. Государственное управление стало публичным, создан независимый судебный аппарат. Что особенно интересно, на начальном этапе такой политики государством были установлены зарплаты чиновникам в размерах, превышающих заработки рабочих в 12–15 раз.

Сегодня в Швеции чиновники обязаны декларировать подарки свыше 200 шведских крон (для дальнейшего налогообложения). Но самый эффективный контроль над деятельностью должностных лиц исходит непосредственно от гражданского общества. К таким рычагам относятся независимые СМИ, объективно и беспристрастно преподносящие информацию о случаях коррупции. Существует ряд гражданских организаций по борьбе с коррупцией. В Швеции не существует специализированного органа по противодействию коррупции, но в случае необходимости, такого рода функции могут брать на себя Конституционный комитет и Комитет по делам юстиции.

Шведская антикоррупционная политика зиждется на фундаменте сильного гражданского общества и вековой традиции шведского чиновничества, этические нормы которому начали прививать еще в конце XIX века. Для России такая модель применима, но исходя из современных реалий, вряд ли осуществима.

То, что в современной России очень высок уровень коррупции – это неоспоримый факт. Российская политическая элита – это верная и последовательная преемница советской политической элиты. Несомненно, можно долго рассуждать о положительном зарубежном опыте и это правильно. Но у нас в стране нет сильного гражданского общества и вряд ли возможно его появление в ближайшие 20 лет. Поэтому шведский сценарий противодействия коррупции маловероятен. А если инициативы «снизу» не будет, значит, такой импульс должен поступить «сверху», но и здесь мы встречаем пассивное отношение к данному вопросу, а активность проявляется лишь к выборам на государственные или муниципальные должности. К тому же мы видим отношение к коррупционерам в высших эшелонах власти (дело бывшего министра обороны А. Сердюкова закончилось отправкой последнего в отставку с формулировкой «за неспособностью справляться с управлением собственностью министерства» [9], а не справедливым наказанием).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что для осуществления реального противодействия коррупционным откатам в России необходима политическая воля руководства страны. При сохранении сегодняшнего положения во властных структурах и российском обществе коррупция останется на том же уровне либо положение в дальнейшем может только усугубиться.

Список использованных источников

1. О противодействии коррупции : Федеральный закон Рос. Федерации, 25 дек. 2008 г., № 273-ФЗ : ред. от 22.12.2014 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 52. – Ст. 6228 (Часть I).
2. Борьба с коррупцией с оглядкой на зарубежный опыт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/analytics/20110418/365831287.html#ixzz42DKwXB00>. – дата доступа: 05.03.2016.
3. Новак, Б. В. Взятка и откат / Б. В. Новак. – СПб. : Издательский дом «Питер», 2013. – С. 13.
4. Ткаченко, Д., Горбачев М. ОТКАТ-2. Особая Техника Клиентской Аттракции / Д. Ткаченко, М. Горбачев. – М. : Эксмо, 2010. – 160 с.
5. Кашурников, С. Н. Откаты [Электронный ресурс] / С. Кашурников // Директор по безопасности. – Режим доступа: <http://www.s-director.ru/magazine/magdocs.html>. – Дата доступа: 06.03.2016.
6. Бронских, Ю. Откат [Электронный ресурс] / Ю. Бронских // Директор по безопасности. – Режим доступа: <http://www.s-director.ru/magazine/magdocs.html>. – Дата доступа: 06.03.2016.
7. Откат по закону [Электронный ресурс] // The Chief. – Режим доступа: <http://www.sostav.ru/articles/2008/09/18/ko3/>. – Дата доступа: 06.03.2015.
8. Откат 140 миллионов рублей за кредит в 6 миллиардов [Электронный ресурс] // Компромат.Ru. – Режим доступа: http://www.compromat.ru/page_31599.htm. – Дата доступа: 06.03.2016.
9. В. Путин: У следствия нет претензий к А. Сердюкову [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/16/11/2012/825473.shtml>. – Дата доступа: 09.03.2016.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОТДЕЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Дедковский Андрей Александрович,
доцент кафедры адвокатуры юридического факультета
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
кандидат юридических наук

Новый закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» внес существенные коррективы в основы рассматриваемого вида правоохранительной деятельности, в частности правовое и организационное регулирование оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Так, внесены существенные изменения в редакцию наиболее сложных и многоэтапных ОРМ, к которым, в частности, относится оперативное отождествление (далее – ОО).

Оперативно-розыскное мероприятие «ОО» согласно ст. 25 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» – это «установление по индивидуальным признакам персональных данных гражданина или тождества гражданина, предмета и документа, в отношении которых проводится оперативно-розыскное мероприятие, соответственно с гражданином, предметом и документом, о которых ранее получены сведения при осуществлении оперативно-розыскной деятельности органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности» [1]. Сформулированное таким образом понятие вызывает различные его толкования в правоприменительной практике, а также создает почву для дискуссий относительно его сущности, содержания, объектов отождествления и порядка проведения.

По мнению В. И. Шарова, в теории оперативно-розыскной деятельности сложились две позиции по определению сущности ОО. Первая позиция (А. Ю. Шумилов и др.) сводится к пониманию отождествления как опознания людей по мысленному образу (внешности, голосу, следам запаха), материальным отображениям (фотографиям, видео- и аудиозаписям). Сторонники второй позиции – К. К. Горайнов, К. К. Кваша, К. В. Сурков – кроме опознания включают в данное оперативно-розыскное мероприятие исследование предметов, документов, биологических объектов, фотоснимков, видео- и аудиозаписей [2, с. 319].

В развитие идеи, предложенной А. Ю. Шумиловым, интерес представляет классификация видов ОО, сформулированная В. М. Шикановым, который выделяет отождествление по признакам внешности, отпечаткам пальцев рук, почерку и письменной речи; по голосу и устной речи; по биологическому материалу и выделениям человека (метод ДНК-анализа) [3, с. 113–114]. Спорной видится позиция Д. А. Степаненко, допускающая использование наряду с визуальным и слуховым еще и осязательного, обонятельного и вкусового способов идентификации [4, с. 15], так как их научные основы еще недостаточно проработаны и результаты не могут быть использованы с высокой степенью достоверности в оперативно-розыскной деятельности.

Изучение представленных точек зрения дает основание для вывода о том, что квинтэссенцию дискуссии исследователей составляет объект рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия. Законодатель в качестве такового рассматривает личность и не регламентирует возможность отождествления неопознанных трупов, предметов, вещей, животных, мест совершения преступления и т. п. Не преуменьшая важности высказанного ведущими учеными мнения относительно возможности применения различных видов отождествления только в отношении личности, следует сказать, что оно не бесспорно, равно как и позиция законодателя, так как фактически при необходимости отождествления других объектов практические сотрудники вынуждены фиксировать такой результат как полученный в ходе проведения иных оперативно-розыскных мероприятий (наведение справок, исследование предметов и документов).

Не менее острой является проблема организации проведения рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия и оформления его результатов. В ходе анкетирования оперативных сотрудников установлено, что наиболее часто при раскрытии неочевидного преступления проводятся следующие виды рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия: демонстрация фотовидеоизображений поставленных на учет лиц; совместное с потерпевшим, свидетелем патрулирование (поиск) преступника в местах наиболее вероятного его появления (эти действия являются неотъемлемой частью установления виновного). Однако ученые-криминалисты в подобных ситуациях рассматривают проведение последующего предъявления для опознания как следственного действия, не имеющего доказательственной силы. Так, выделяя основания, возникновение которых не позволяет проведение предъявления для опознания, указываются «ситуации, при которых еще до опознания опознающий уже узнал данный объект, а также опознающий ранее воспринимал данный объект в процессе производства иных процессуальных действий» [5, с. 209].

Таким образом, на сегодня практика раскрытия неочевидных преступлений, складывается так, что одно и то же лицо (потерпевший, свидетель) по одним и тем же признакам указывает на подозреваемого как в ходе оперативно-розыскного мероприятия, так и в ходе следственного действия. В подобных случаях правовые основания проведения следственного действия – предъявления для опознания становятся противоречивыми. С одной стороны, без проведения отождествления личности крайне затруднительно раскрыть преступление, с другой – недопустимо проводить предъявление для опознания в случае, если «опознающий еще до возбуждения уголовного дела или в ходе расследования случайно или при оперативно-розыскных мероприятиях уже узнал объект» [6, с. 382].

Нельзя не согласиться с тем, что проведение процессуального опознания лица после оперативно-розыскного отождествления делает заранее предопределенным его результат. Опознающий при проведении процессуального опознания будет использовать признаки, на которые он уже указал при проведении оперативно-розыскного мероприятия «ОО». В сложившихся сегодня правовых условиях объективность полученных результатов предъявления для опознания и доказательственное значение этого следственного действия ставятся под сомнение.

Так, изучение 386 уголовных дел, возбужденных по ст. 206 Уголовного кодекса Республики Беларусь, рассмотренных районными судами г. Минска, позволило выявить четыре оправдательных приговора суда, вступивших в законную силу, на основании признания судьей недопустимым доказательством протокола предъявления для опознания в связи с демонстрацией потерпевшим оперативными работниками фототеки ранее судимых лиц, среди которых они указали на обвиняемого, а также 18 уголовных дел, в ходе судебного следствия которых судьями установлен факт предварительного проведения ОО, в связи с чем протокол предъявления для опознания признан недопустимым доказательством.

Перечисленные обстоятельства определили проблемы проведения указанного мероприятия при раскрытии преступлений. Во-первых, результаты ОО не отражаются в уголовном деле, во-вторых, не передаются в органы предварительного следствия, в-третьих, процессуально оформленное опознание выглядело как первичное. Следовательно, анализ практики дает основание для вывода о том, что существующая негативная правоприменительная практика ограничивает возможности применения результатов рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия. Решая эту проблему, отдельные исследователи считают, что данное противоречие необходимо разрешать на законодательном уровне. Так, А. Л. Ганский, А. В. Гусев предлагают дополнить норму уголовно-процессуального закона, регламентирующую порядок предъявления для опознания, «указанием на то, что проведение оперативно-розыскного мероприятия «ОО» не является препятствием к последующему предъявлению для опознания тем же лицом по тем же признакам» [7, с. 92]. Вместе с тем, на наш взгляд, такая посылка решает проблему частично, так как возникает вопрос соблюдения процессуальных гарантий.

Резюмируя рассмотренные проблемы правового, организационного и тактического характера считаем возможным сделать следующие основные выводы, которые можно положить в основу их (проблем) решения.

1. С целью упорядочивания представлений о сущности, объектах ОО наиболее приемлемым является внесение дополнений в действующие нормативные правовые акты, позволяющие устранить имеющиеся разногласия. Представляется, что законодателю необходимо закрепить в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» положение о том, что объектами рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия могут являться лица, неопознанные трупы, животные, предметы и его проведение возможно по внешним, функциональным и иным идентифицирующим признакам; оно может осуществляться как путем визуального восприятия отождествляемого объекта в натуре, так и по фотографиям, видеозаписям, фонограммам.

2. Изучение практики позволило выделить следующие типичные оперативно-розыскные ситуации проведения рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия при раскрытии неочевидного преступления:

демонстрация фотовидеоизображений поставленных на учет лиц, их голоса;

совместное с потерпевшим, свидетелем патрулирование (поиск) преступника в местах наиболее вероятного его появления.

Для исключения дублирования действий оперативного сотрудника и следователя надо выработать единый механизм установления тождества с опознаваемым лицом. Мы предлагаем следующий порядок проведения ОО по фотовидеоизображению и использования его результатов в уголовном процессе: оперативный сотрудник в присутствии не менее двух независимых участников оперативно-розыскного мероприятия опрашивает отождествляющее лицо об особенностях внешности преступника, по которым он может его идентифицировать; самостоятельно или с помощью эксперта экспертно-криминалистического подразделения (при использовании автоматизированной системы портретной идентификации) демонстрирует изображения поставленных на учет лиц отождествляющему лицу; если отождествляющий указал на одно из предъявленных ему лиц, ему предлагается объяснить, по каким приметам или особенностям он узнал данное лицо. Вне зависимости от результатов оперативно-розыскного мероприятия оперативный сотрудник составляет протокол ОО.

Во второй оперативно-розыскной ситуации (в случае необходимости установления преступника в местах его возможного появления) оперативный сотрудник опрашивает отождествляющее лицо об особенностях внешности преступника, по которым последний может его идентифицировать; совместно с отождествляющим лицом и двумя участниками оперативно-розыскного мероприятия посещает места наиболее вероятного нахождения преступника (парки, скверы, дворы, вокзалы, криминогенные места и т. п.); при установлении и идентификации отождествляющим лицом личности преступника на основании описанных им ранее признаков внешности оперативным сотрудником проводится задержание отождествленного лица; по окончании составляется протокол оперативно-розыскного мероприятия «ОО», который можно использовать в уголовном процессе в соответствии со ст. 101 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

3. При проведении оперативно-розыскного мероприятия «ОО» мы получаем ценную первичную информацию о преступнике. Если лицо установлено, то результаты оформляются протоколом, который может использоваться в уголовном процессе наряду с другими доказательствами. Задача следователя – оценить их согласно ст. 105 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Когда установлены приблизительные признаки тождества лица, то проведение следственного действия не исключается. Например, установление тождества по голосу, приблизительные данные по сходству лица в ходе работы с автоматизированной системой портретной идентификации и т. д. При этом результаты должны оформляться протоколом и использоваться как ориентирующая информация для планирования оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

По мнению 95,9 % опрошенных оперативных сотрудников такой механизм при раскрытии неочевидных преступлений позволит в практической деятельности избежать нарушений уголовно-процессуального законодательства, связанных с сокрытием факта проведения оперативно-розыскного мероприятия; существенно уменьшить временные затраты, связанные с необходимостью после оперативного отождествления проводить следственное действие; выработать единый порядок проведения и документального оформления рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия.

Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республик Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Шаров, В.И. Понятие и виды отождествления в ОРД / В.И. Шаров // Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальном стимулировании оперативно-розыскной деятельности : сб. статей. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. – С. 318–328.
3. Шиканов, В. М. Отождествление личности в системе оперативно-розыскных мер обеспечения экономической безопасности / В. М. Шиканов // Вестн. Нижегород. академии МВД России. – 2009. – № 2 (11). – С. 112–117.
4. Степаненко, Д.А. Общие положения учения о криминалистической идентификации по мысленному образу / Д.А. Степаненко // Эксперт-криминалист. – М.: Юрист. – 2008. – № 1. – С. 12–16.
5. Мухин, Г. Н. Раскрытие преступлений : учеб. пособие / Г. Н. Мухин. – Молодечно, 2000. – 224 с.
6. Криминалистика : учебник / под ред. Г. Н. Мухина. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 863 с.
7. Ганский, А. Л. Некоторые проблемы правового регулирования предъявления для опознания и проведения судебной экспертизы / А. Л. Ганский, А. В. Гусев // Вестн. криминалистики. – М. : Спарк, 2003. – Вып. 2 (6). – С. 91–93.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Дубонос Евгений Серафимович,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Тульского государственного университета, г. Тула,
доктор юридических наук, профессор

Петрухина Ольга Анатольевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Тульского государственного университета, г. Тула,
кандидат юридических наук, доцент

Согласно статистическим данным, полученным в ГИАЦ МВД России, количество незаконных рубок лесных насаждений в стране в 2012 году составило 18 666, в 2013-м – 17 179, в 2014-м – 17 546, в 2015 – 16 711. Наибольшее количество рассматриваемых преступлений совершается в Иркутской области, Красноярском крае, Республике Бурятия, Пермском крае [1].

По данным космического мониторинга ежегодно в Российской Федерации незаконно вырубается 8 млн. кубометров леса. Согласно оценке Всемирного фонда дикой природы, эта цифра занижена в 2,5 раза, а нелегальный оборот древесины достигает 30% от всего объема лесозаготовок [2, с. 4].

В данных условиях задача борьбы с незаконными рубками лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) приобретает важнейшее значение. Отправной точкой для определения основных направлений в деятельности правоохранительных органов при выявлении и расследовании преступлений данной категории служит изучение их криминалистической характеристики.

Криминалистическая характеристика незаконной рубки лесных насаждений представляет собой систему обобщенных фактических данных и основанных на них научных выводов и рекомендаций о наиболее типичных криминалистически значимых признаках данных преступлений, необходимых для организации и осуществления их всестороннего, полного, объективного раскрытия и расследования.

В структуре криминалистической характеристики незаконной рубки лесных насаждений определяющее значение имеют данные о типичных способах совершения преступления.

В криминалистической литературе приоритет в определении понятия *способа* совершения преступления, несомненно, принадлежит Г. Г. Зуйкову. Он считает, что «способ совершения преступлений – это система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизическими свойствами личности, могущих быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени» [3, с. 10].

По его мнению [4, с. 63], значение способов совершения преступления способствует достижению следующих криминалистических целей: своевременному раскрытию преступлений; получению доказательств, изобличающих преступников; выявлению еще неизвестных эпизодов совершенного преступления и всего круга при-

частных к преступлению лиц; выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Подобную точку зрения применительно к исследуемой проблеме высказал А. И. Бутенко [5, с. 42].

Способы совершения незаконных рубок лесных насаждений весьма разнообразны, отличаются особой изощренностью, что выражается в использовании преступниками пробелов в действующем законодательстве, главным образом в ослаблении контроля со стороны государственных органов экологического контроля, недостатков в финансово-хозяйственной и предпринимательской деятельности.

Можно сделать вывод о наличии полноструктурного способа незаконной рубки лесных насаждений. Подготовка к совершению, как правило, включает: выбор места и времени незаконной рубки; выбор и определение предмета данного преступления; подготовку технических средств (пил, топоров, тракторов, радиоаппаратуры и т. п.); подбор соучастников; решение вопроса о дальнейшей реализации незаконно срубленных лесов; изготовление поддельной разрешительной документации на проведение рубки; использование метода «прогнозируемого аукциона» для получения разрешительной документации на определенный участок. За последние годы произошли некоторые структурные изменения в характере совершаемых в лесопромышленном комплексе преступлений, проявляющие себя повышением удельного веса квалифицированных способов их совершения. Проведенный анализ правоприменительной практики, в частности, показывает, что значительная доля этих преступлений совершается организованными группами, участники которых осуществляют свои преступные действия, зачастую, в отдаленных друг от друга районах (по месту заготовки и отгрузки леса), им удается действовать, оставаясь безнаказанными в течение длительного времени и причиняя государству значительный ущерб.

Способы совершения незаконных рубок лесных насаждений неразрывно связаны с особенностями технологического цикла заготовки леса и производства пиломатериалов. Не вызывает сомнения, что для каждой стадии характерны свои типичные способы совершения преступлений. Как показывают материалы изученных нами уголовных дел, для первой стадии наиболее характерны подкуп должностных лиц органов управления и контроля за лесным хозяйством с последующим составлением ими поддельных документов, злоупотребления при проведении лесных аукционов и отводе лесосек; для второй – незаконная заготовка древесины без разрешительных документов (для собственных нужд или в коммерческих целях), рубка с нарушением разрешенных условий заготовки, легализация незаконно добытой древесины; для третьей – хищения лесопродукции либо денежных средств материально-ответственными лицами либо с использованием служебного положения, осуществление предпринимательской деятельности по обработке лесопродукции без регистрации или соответствующих разрешений (лицензий); для четвертой – незаконное перемещение древесины через государственную границу, сопровождающееся подделкой документов либо без составления каких-либо документов; для пятой – неуплата налогов юридическими или физическими лицами, незаконное возмещение налога на добавленную стоимость.

Полагаем, что особый научный интерес при рассмотрении криминалистической характеристики типичных способов незаконных рубок представляют виды их совершения на стадии заготовки древесины. Так, выделяются три основных вида незаконных рубок.

1. Незаконные рубки, осуществляемые гражданами для собственных нужд (отопления жилищ, заготовки строительных материалов для мелких построек и текущего ремонта и т. д.). Ущерб, наносимый единичной самовольной рубкой данного типа, обычно невелик, но при этом незаконные рубки данного вида имеют наиболее массовый характер – 15,7 % изученных уголовных дел, возбужденных по ст. 260 УК РФ.

2. Незаконные рубки, осуществляемые гражданами и предпринимателями для продажи или переработки заготовленной древесины, т.е. хищение леса с целью получения дохода. От предыдущего вида самовольных рубок этот отличается масштабами, а также технической оснащенностью тех, кто их проводит. Лесозаготовители, осуществляющие заготовку древесины в коммерческих целях, получили неофициальное название «черные лесорубы». Как правило, они обеспечены техникой для заготовки древесины, транспортом для ее вывозки, неформальными связями с работниками правоохранительных органов, а также вооруженной охраной – 34,3 % дел.

3. Рубки, проводящиеся на основании разрешительных документов, но с грубыми нарушениями действующих правил, приводящими к образованию неучтенной или неправильно учтенной древесины. К таким рубкам относятся рубки на площади, превышающей разрешенную (включая рубки за границами отведенных лесосек); получение излишков древесины при некачественном отводе и таксации лесосек; заготовка древесины в большем объеме или лучшего качества при неправильном проведении выборочных рубок; заготовка лучшей древесины под видом ухода за лесами или проведения санитарных рубок – 50 % дел.

В целях более детального уяснения механизма совершения рассматриваемых преступлений необходимо выделить этапы процесса незаконной рубки леса.

1. Подготовительный этап (подбор деревьев для рубки). На данном этапе преступники подбирают деревья для спила, иногда с участием заказчиков. Как правило, подбирается качественная древесина ценных пород, произрастающая вблизи лесных дорог с целью ее удобной транспортировки, а также в лесных участках отдаленных от населенных пунктов. В каждом конкретном случае деревья, подлежащие спилу, за ранее метятся каким-либо особым образом (к примеру, делаются засечки на стволе растущего дерева), что является важным поисковым признаком при проведении оперативных осмотров потенциальных мест нелегальных рубок.

2. Основной (непосредственно валка леса). Вальщик осуществляет спил деревьев, как правило, с помощью бензопилы. Количество вальщиков ограничивается 1–2 лицами. Иногда применяются бензопилы с глушителями звука, валка леса может производиться в ночное время под освещением фар автотранспорта. Зачастую пути подъезда к местам незаконных заготовок охраняют соответствующие лица, сигнализирующие по радиостанции либо мобильным телефонам о потенциальной опасности.

3. Последующий (вытрелевка древесины из леса). Хлысты деревьев (ствол дерева без сучьев) с помощью трактора либо другой техники вывозятся к местам погрузки, где раскряжевываются на сортименты (выреза), как правило, 6-ти метровые, и складываются в штабеля.

4. Заключительный (погрузка и вывоз древесины). В целях погрузки используют лесовозы с погрузчиком (манипулятором) либо кран. Лесорубы забирают, как правило, только первый и второй выреза дерева, так называемое «мясо», а не кондицию и тонкие части дерева оставляют на местах порубок, дополнительно захламляя лесные участки.

Проведенный опрос сотрудников правоохранительных органов показал, что наиболее распространенным способом в изученных нами делах является маскировка под хищение, а именно хищение:

лесоматериалов под предлогом нерентабельности их вывозки – 8,7 %;

лесоматериалов списанных как сгнившие – 10,6 %;

лесоматериалов списанных как погибшие от лесных пожаров – 14,7 %;

на лесосеках и складах путем создания излишков древесины – 36,8 %;

денежных средств посредством приписок фактически незаготавливаемого леса (в документах завышается количество заготовленной древесины либо составляются полностью подложные документы, а затем оформляются фиктивные наряды и платежные ведомости, по которым взимаются определенные денежные суммы) – 24,7 % [6, с. 27–28].

Исследование правоприменительной практики показало, что преступники скупают и экспортируют за границу (Китай, Финляндию и др.) незаконно заготовленный лес. При этом ими готовится пакет поддельных документов (договоры, счета-фактуры, платежные поручения) о приобретении древесины у лиц, занимающихся ее заготовкой на законных основаниях. Одновременно для запутывания схемы движения денежных средств на подставных лиц организовываются фирмы, целью которых является открытие счетов в банках и создание видимости перечисления денежных средств за якобы приобретенный лес. Фактически же лес приобретается у «черных лесорубов» по ценам намного ниже рыночных, перечисленные денежные средства за фиктивно приобретенный лес проходят по счетам фирм-однодневок и в конечном счете возвращаются на счета мошенников в качестве расчета за другие услуги. Затем в налоговые органы ими подаются документы для возмещения налога на добавленную стоимость.

Следы незаконных рубок лесных насаждений на основании их общности можно подразделить на четыре группы [2, с. 47]:

1) следы, связанные с обстановкой расследуемого события: наличие пней, опилок, коры, веток, следы волочения стволов и т. п.;

2) следы, оставляемые лицами, совершающими преступные действия: следы ног; отпечатки пальцев; следы транспортных средств; микроследы и т. п.;

3) косвенные следы: сведения, остающиеся в памяти очевидцев совершенного; сведения из оперативной, финансовой, технической документации и т. п.;

4) следы от орудий совершения незаконной рубки: следы от пилящих, рубящих, режущих инструментов; следы от транспортных средств, оставляемых на пути вывоза с делян незаконно заготовленной древесины.

Предметом данного преступления являются:

лесные насаждения, то есть деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах;

деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов: насаждения в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья, насаждения в полосах отвода железнодорожных магистралей и автомобильных дорог или каналов.

Наиболее часто предметом незаконных рубок выступает древесина ценных пород, используемая в мебельном производстве, строительстве, целлюлозно-бумажной промышленности (дуб, ясень, бук, кедр, лиственница).

При этом не имеет значения, высажены ли лесные насаждения или не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники, лианы искусственно либо они произросли без целенаправленных усилий человека.

Предметом рассматриваемых преступлений не являются деревья и кустарники, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения.

В результате проведенного исследования нами получены данные, свидетельствующие о том, что чаще незаконные рубки совершаются в защитных лесах в *местах* произрастания качественной древесины, как правило, на лесных участках, не назначенных в рубку материалами лесоустройства. Выбор определенного участка в лесу не является случайным, а исходя из оптимального достижения целей рубки оценен и представляет собой интеграцию потребностей преступника и быстрого способа их удовлетворения. Так, чаще всего местами совершения незаконной рубки являются лесные участки с наиболее засаженной многолетней древесно-кустарниковой растительностью, лесные участки с максимально удобными путями для подъезда спецтехники, лесные участки, объединяющие в себе эти признаки, и местности, не имеющие характеризующего значения.

Установление *времени* совершения незаконной рубки лесных насаждений является важным условием расследования данного преступления. Чаще всего данные преступления совершаются в ночное время и при определенных погодных условиях. Дождь или мокрый снег значительно затрудняют проезд к местам предполагаемой рубки, а также вывоз незаконно добытой древесины; сильный туман, снегопад ухудшают видимость, а при сильном ветре трудно валить деревья в заданном направлении, что также является и небезопасным.

Рассматриваемые нами преступления обычно совершаются в утреннее и ночное время, *орудиями и средствами* преступления выступают бензопилы, валочно-пикетирующие машины, валочно-трелевочные машины, лесные комбайны, трелевочные тракторы, автотранспорт с погрузочным механизмом на базе трактора, гидроманипуляторы, автокраны, лесовозы.

Характеризуя *личность* преступника, совершающего рассматриваемые преступления, следует отметить, что наиболее активной является возрастная категория от 30 до 50 лет. В большинстве случаев это лица мужского пола – 95%. Для всех лиц, совершающих данные преступления, характерны неуважение к нормам природоохранительного характера, низкий уровень экологической сознательности, стремление к быстрой наживе, деформации в нравственно-психологической сфере [7, с. 157].

Исходя из мотивационной сферы, лиц, совершающих незаконные рубки лесных насаждений, можно условно поделить на три группы. Для лиц, входящих в первую группу (лесорубы, заказчики, водители) характерно желание получения быстрой выгоды, низкий уровень экологической сознательности и социальной активности. Вторую группу характеризует наличие определенных деформаций в ценностно-нормативной сфере, что выражается в отсутствии должного уважения к своим обязанностям по охране окружающей среды и в стремлении получить выгоду от занимаемого служебного положения. Это: представители органов исполнительной власти в сфере лесного хозяйства. Для представителей третьей группы характерно явное неуважение и пренебрежительное отношение к обществу, к природной среде, и желание наступления последствий от своих преступных действий либо безразличное к ним отношение. Чаще всего лица, относящиеся к данной группе, совершают противоправные действия, приводящие к повреждению лесных насаждений до прекращения степени их роста, например, при прокладке дороги или строительстве домов и т. д. [2, с. 68].

В дальнейшем содержание рассмотренных элементов криминалистической характеристики незаконной рубки лесных насаждений может расширяться в зависимости от развития правоприменительной практики и с учетом глубокого анализа материалов уголовных дел по экологическим преступлениям.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Главного информационно-аналитического центра МВД России [Электронный ресурс] : Режим доступа: mvd.ru. – Дата доступа: 10.03.2016
2. Фомина, И. А. Методика расследования незаконной рубки лесных насаждений: по материалам регионов Восточной Сибири : дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Фомина. – М., 2011. – 250 с.
3. Зуйков, Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : дис...докт. юрид. наук / Г. Г. Зуйков. – М., 1970.
4. Зуйков, Г. Г. Использование данных о способе совершения преступления в деятельности органов охраны общественного порядка / Г. Г. Зуйков // Труды ВШ МВД СССР. – М., 1968. – № 2.
5. Бутенко, А. И. Борьба с хищениями в лесозаготовительной промышленности (по материалам БХСС) : дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Бутенко. – М., 1984.
6. Телков, А. В. Оперативно-розыскное обеспечение выявления и раскрытия преступлений на объектах лесопромышленного комплекса : автореф. ... дис. канд. наук / А. В. Телков. – М., 2011. – 30 с.
7. Петрухина, О. А. Характеристика отдельных свойств личности субъектов, совершающих экологические преступления / О. А. Петрухина // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 1. – С. 156–159.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Дяблова Юлия Львовна,
заведующий кафедрой правосудия и правоохранительной деятельности
Тульского государственного университета, г. Тула,
кандидат юридических наук

Мартынова Ирина Геннадьевна,
ассистент кафедры уголовного права и процесса
Тульского государственного университета, г. Тула

Институт использования специальных знаний в расследовании преступлений регламентирует основания участия сведущих лиц в расследовании преступлений, а также условия применения этих знаний в уголовном процессе. В процессе расследования практически любого уголовного дела следователь прибегает к помощи сведущих лиц. Зачастую и возбуждение уголовного дела невозможно без информации, полученной на основе использования специальных знаний. Общепринятым является выделение двух форм использования специальных знаний в расследовании преступлений: процессуальной и непроцессуальной. Данные изученных нами 80 уголовных дел по мошенничеству, совершаемому в отношении юридических лиц, свидетельствуют о том, что процессуальными формами использования специальных знаний при данной категории преступлений являются: привлечение специалиста и производство экспертизы.

При расследовании мошенничества в сфере экономики многие вопросы, как свидетельствует практика, невозможно решить без помощи специалистов, обладающих знаниями в области бухгалтерского учета, банковской деятельности, компьютерных технологий и других.

Участие специалиста согласно действующему законодательству может быть реализовано: в производстве следственных и иных процессуальных действий (ст. 58, 168 УПК РФ); проведении проверок и ревизий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ); выполнении специального исследования и подготовки заключения по его результатам (ст. 80 УПК РФ); в консультативной и справочной деятельности сведущих лиц; в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.

Как отмечает С. А. Шейфер, деятельность специалиста можно назвать исследованием «в том смысле, что специалист активно выявляет искомую информацию». Однако «такое исследование ни в коем случае нельзя отождествлять с экспертным. Последнее производится вне рамок следственного действия и состоит в применении специальных, не обладающих наглядностью приемов и средств и обязательно включает элемент объяснения и истолкования обнаруженных фактов... Характерная особенность познавательной деятельности специалиста – наглядность применяемых им методов» [1, с. 136].

Условиями использования специальных знаний в рамках следственных действий являются наглядность воспринимаемых признаков объектов и общедоступность для восприятия. Специалист приглашается для участия в следственном действии с целью оказания следователю (дознавателю) не только криминалистической помощи, но и различного рода консультаций. Нельзя не согласиться с Н. П. Яблоковым, который указывает, что многие важные следы, вещественные доказательства, обстоятельства, имеющие значение для раскрытия и расследования преступления и для профилактической работы, выявляются в тех случаях, когда специалист принимает личное участие в следственных действиях [2, с. 206].

Виды помощи, оказываемой специалистами в проведении следственных действий, достаточно полно проанализированы в научной литературе, в частности, в работе Е. П. Ищенко [3]. Он выделяет четыре вида помощи: криминалистическую, методическую, консультативную и техническую.

В получении криминалистически значимой информации, возникающей в связи с расследованием мошенничества, совершаемого в отношении юридических лиц в сфере экономики, наиболее предпочтительны криминалистическая и консультативная помощь специалиста.

В ходе оказания криминалистической помощи в соответствии со ст. 58 УПК РФ осуществляется обнаружение, фиксация и изъятие объектов, несущих на себе криминалистически значимую информацию. Правильное обнаружение, изъятие и закрепление данной информации необходимо для ее дальнейшего экспертного исследования, а также выдвижения и проверки версий. Как правило, такая помощь необходима при проведении следственных осмотров документов, обыска, выемки, документальных ревизий и т.п.

При производстве осмотра офисных, складских, производственных помещений необходимо обеспечить присутствие специалистов для консультирования следователя по поводу обнаружения источников материально отображаемой криминалистически значимой информации, оказания технической помощи при изъятии следов, описании места преступления, тайников и т.п. [4, с. 148].

Консультационная помощь (непроцессуальная форма) применяется, как правило, на стадии работы, предшествующей назначению документальной ревизии. Знания специалиста используют при определении круга бухгалтерских документов, сохранность которых необходимо обеспечить, при выборе способа изъятия учетной информации в условиях компьютерной обработки данных, для предварительной оценки возможного доказательственного значения имеющихся материалов документальной ревизии и т. п.

Специалисты различного профиля применительно к их научным знаниям могут оказывать консультирование следователей по следующим вопросам: о порядке привлечения финансовой структурой в депозит денежных средств граждан, юридических лиц и их документальное оформление; об обоснованности расходования депозитных средств юридического лица; о порядке инвестирования денежных средств юридического лица в экономические проекты и правомерность, целесообразность вложения их, исходя из данной экономической ситуации; о правильности документального оформления движения депозитных денежных средств или ценных бумаг на различных этапах деятельности юридического лица; а также о конкретных нарушениях, связанных с ведением бухгалтерского учета в финансовой структуре, которые облегчали или способствовали мошенничеству [5, с. 209–210].

Важное значение имеет участие специалиста-бухгалтера при осмотре места происшествия, при следственном осмотре документов (процессуальная форма помощи). В этом случае специалист-бухгалтер привлекается для системного исследования контрольных функций элементов метода бухгалтерского учета (баланс, счета и двойная запись; оценки и калькуляции, инвентаризация и документация); для выявления несоответствий и отклонений в нормальном течении экономической деятельности юридического лица и т. д.

Следователь может получить консультацию о правильности оформления бухгалтерских документов, установления количества определенных видов материальных ценностей, обстоятельств, касающихся недостатков и излишков, доброкачественности проведения ревизии, причиненного материального ущерба и ответственных за него лиц.

Кроме того, знания специалиста следователь может использовать и при допросе подозреваемых, обвиняемых, особенно тогда, когда руководители финансовых структур дают необъективные показания по тем операциям, которые нашли отражение в бухгалтерских документах. С разрешения следователя специалисты задают подозреваемым и обвиняемым вопросы уточняющего или дополняющего характера, связанные со спецификой ведения бухгалтерского учета в финансовых структурах.

Основной процессуальной формой использования специальных знаний является документальная ревизия, проводимая по требованию правоохранительных органов. Право следователя требовать назначения документальной ревизии закреплено в ч. 1 ст. 144 «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» УПК РФ, в соответствии с чем он выносит мотивированное постановление. В данном документе также должен содержаться перечень вопросов, подлежащих выяснению в ходе ревизии. Акт ревизии как источник доказательств относится к «иным документам», а ревизор в случае необходимости допрашивается в качестве свидетеля. С помощью акта документальной ревизии следователь устанавливает фактические данные, имеющие значение для дела и используемые при доказывании фактов преступной деятельности.

В большинстве случаев документальная ревизия проводится, если совершены финансовые мошенничества при легально действовавших структурах. Полученные денежные средства или ценные бумаги оформлялись в этом случае бухгалтерскими документами, производилось оприходование, а после этого под видом совершения финансово-хозяйственной деятельности деньги изымались и присваивались. В данном случае документальные проверки в виде ревизий и встречных проверок следователи организовывали для установления движения денежных средств, способов и мест их противоправного изъятия. В случае необходимости осуществления розыска похищенных товаров, следователями также могут назначаться документальные ревизии.

Следует отметить, что, рассматривая данную категорию уголовных дел, невозможно установить с помощью документальной ревизии все обстоятельства, относящиеся к предмету доказывания. Например, нельзя отнести к компетенции ревизора установление источника денежных средств, отмываемых через легально действующие структуры или фирмы прикрытия.

Основной объем работы по обнаружению, изъятию и анализу экономической информации осуществляется оперативно-следственными группами с обязательным участием специалистов, в том числе специалистов в области компьютерной техники.

При расследовании мошенничества, совершаемого в отношении юридических лиц, перед следователем стоит задача назначения соответствующих экспертиз и сбора материалов, необходимых для ее проведения.

В ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» содержится определение судебной экспертизы – это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Понятие судебной экспертизы Н. П. Майлис определяет как «деятельность, которая осуществляется по поручению лиц или органов, ведущих уголовный процесс, и направленная на исследование представленных экспертам материалов и дачу по результатам исследований заключений, имеющих значение судебных доказательств» [6, с. 4].

Следующее определение предлагает Т. В. Толстухина: «Судебная экспертиза – это научное исследование, отражающее порядок и результаты его проведения, а также формулирование выводов экспертов по вопросам, требующим применения им специальных знаний, назначение и процедура которого регламентирована законодательством» [7, с. 121]. На наш взгляд, это определение наиболее логически обосновано и может быть использовано при совершенствовании законодательства.

Спецификой судебной экспертизы является:

наличие подготовительного этапа;

соблюдение специального правового регламента, определяющего права и обязанности эксперта, субъекта, назначившего экспертизу;

использование специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства или ремесла;

заключение эксперта имеет статус источника доказательства.

По результатам оценки заключения эксперта следователь может выдвинуть версии, провести дополнительные следственные действия, назначить повторную или дополнительную экспертизу, правильно определить причины и условия совершения преступления.

В процессе расследования мошенничества, совершаемого в отношении юридических лиц, могут быть назначены следующие судебные экспертизы:

1) технико-криминалистическая экспертиза документов – для установления подлинности использованных документов, печатей, штампов;

2) почерковедческая экспертиза – для установления личности исполнителя рукописного текста и подписи на документе, выполненной путем подражания;

3) судебно-бухгалтерская экспертиза – для получения источника доказательств в ходе исследования хозяйственных операций;

4) фоноскопическая экспертиза – для исследования данных контроля и записи телефонных переговоров;

5) компьютерно-техническая экспертиза – для исследования компьютерных устройств, машинных магнитных носителей информации и программных продуктов.

Назначение и проведение вышеперечисленных экспертиз при расследовании дел, связанных с мошенничеством, позволяет получить ответы на многие возникающие у следователя вопросы, и является достаточно объективным источником доказательств.

Таким образом, организации расследования мошенничества, совершаемого в отношении юридических лиц, практически невозможна без привлечения специалистов в различных отраслях знаний, а также назначения следователем судебных экспертиз с целью получения доказательственной информации, имеющей значение для разрешения конкретного уголовного дела.

Список использованных источников

1. Шейфер, С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. – М., 2001.
2. Яблоков, Н. П. Криминалистика : учебник / Н. П. Яблоков. – М., 2003.
3. Ищенко, Е. П. Специалист в следственных действиях. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты / Е. П. Ищенко. – М., 1990.
4. Лебедева, А. А. Расследование мошенничества, совершаемого с целью незаконного захвата в собственность имущества юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Лебедева. – М., 2011.
5. Дьячков, А. М. Расследование мошенничества в сфере бизнеса/ А. М. Дьячков. – Ростов н/Д : Феникс, 2007.
6. Майлис, Н. П. О соотношении криминалистических и судебных экспертиз / Н. П. Майлис // Вестник криминалистики. – 2003. – Вып. 1 (5). – С. 3–5.
7. Толстухина, Т. В. Некоторые процессуальные аспекты межотраслевого института судебной экспертизы: соотношение понятий / Т. В. Толстухина // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – Вып. 4. – Ч. II: Юридические науки. – Тула : Изд-во ТулГУ, 2013. – С. 116–122.

СОСТОЯНИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Капустина Елена Геннадьевна,
доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел,
кандидат педагогических наук

Ежегодно миллионы людей на всей планете из-за личной беспечности и неосторожности или по чьей-то преступной халатности и безответственности получают травмы, становятся инвалидами, лишаются жизни. Из всех видов травматизма наибольшую опасность для здоровья и жизни людей представляет дорожно-транспортный травматизм.

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире в результате дорожно-транспортных происшествий погибает около 1,3 млн. человек, каждый пятый из них – ребенок; от 20 до 50 млн. человек получают травмы и увечья [1]. В нашей стране ежегодно в ДТП погибают около 27 000 человек, около 200 тыс. получают разного рода травмы, ущерб от всех ДТП составляет около 2,5 % ВВП (Валового национального продукта) России, за 5 лет ущерб российской экономики составил 5,5 трлн рублей, что сопоставимо со всеми расходами на здравоохранение за тот же период [2].

Транспортные происшествия – единственная внешняя причина смерти, входящая в семи ведущих по критерию глобального бремени болезней.

Год	Кол-во ДТП	Погибло	Ранено
2006	229 140	32 724	285 362
2007	233 809	33 308	292 206
2008	218 322	29 936	270 883
2009	203 603	26 084	257 034
2010	199 431	26 567	250 635
2011	199 868	27 953	251 848
2012	203 597	27 991	258 617
2013	204 068	27 025	258 437
2014	199 720	26 963	251 785
11 мес. 2015	166 665	20 987	209 316

За период с ноября по декабрь 2015 года Госавтоинспекцией было зафиксировано 166 665 ДТП (АППГ – 8,9 %), в них пострадали 20 987 человек (–9,2) и, к сожалению, погибло 209 316 (–15,1) участников ДТП [3].

Положительная тенденция за 11 месяцев заключается в том, что видна понижающая динамика во всех трех показателях. Аварий произошло на 8,9 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года, ранено на 9,2 % меньше, а число погибших сократилось на 15,1 %.

В отличие от других заболеваний жертвами травматизма являются люди в основном трудоспособного, цветущего возраста. Возникнув в начале XX в. в виде единичных случаев, дорожно-транспортные происшествия

на улицах и дорогах за исторически короткий промежуток времени стали основной причиной ранений, инвалидности и гибели колоссального количества людей, а, следовательно, – предметом особой озабоченности человечества.

Будучи одним из самых массовых, дорожно-транспортный травматизм наносит обществу огромный социально-экономический урон, однако он продолжает оставаться относительно мало изученным видом заболеваемости населения.

17 августа 1896 г. в Лондоне произошло первое в истории дорожно-транспортное происшествие со смертельным исходом – под колеса автомобиля попала и погибла мисс Б. Дрессел. В том же году в Англии произошел второй несчастный случай со смертельным исходом (Г. Зингер, 1974).

Спустя три года, 13 сентября в Нью-Йорке была зарегистрирована первая смертельная дорожно-транспортная травма на американском континенте. Жертвой стал Г. Блосс, агент по продаже земельных участков (Г. Глязер, 1972). Эти два имени открыли скорбный список жертв автомобильных дорог, в который занесены имена более чем двух миллионов погибших американцев и нескольких сотен тысяч жителей других континентов.

Заняв первое место в мире по количеству погибших и второе по числу травмируемых, дорожно-транспортный травматизм стал серьезной социальной и медицинской проблемой для большинства развитых стран мира. Его следует характеризовать как «убийцу № 1» в связи с высокой смертностью и большой инвалидностью пострадавших в результате полученных тяжелых, в том числе множественных травм [4].

Из насчитывающихся сейчас в мире 300 млн. инвалидов 15% составляют жертвы дорожных происшествий (жителей РФ – около 15 млн чел). Среди пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях три четверти составляют мужчины, причем большинство из них лица трудоспособного возраста, занятые в сфере производства. Так, средний возраст погибших в дорожно-транспортных происшествиях на территории нашей страны составляет 34 года. Следовательно, дорожно-транспортный травматизм наносит существенный ущерб производительным силам общества. Поскольку около половины погибших и травмированных — это лица в возрасте от 20 до 40 лет, их гибель накладывает определенный отпечаток на воспроизводство населения в стране, что имеет особое социальное значение.

В наше время автомобильный транспорт – основной вид транспорта в большинстве стран мира. Число автомобилей, зарегистрированных в масштабах всего мира давно превышает миллиард (на 2010 год). Вместимость мирового автомобильного парка такова, что он может одновременно погрузить и перевезти все население Земли.

По количеству автовладельцев лидирующую позицию занимает Америка: автомобиль, согласно статистике, здесь есть практически у любого человека. На каждую машину приходится 1,3 человека. Не уступает Америке Монако, где на 1000 человек приходится 860 автомобилей. Второе место занимают Люксембург и Италия. В числе лидеров находятся и государства, находящиеся на островах, где нет железнодорожного сообщения – Мальта и Кипр. Догоняют группу самых автомобилизованных стран Великобритания, Франция, Япония. В этих государствах автомобиль есть практически у каждого второго жителя. А вот меньше всего машин среди стран Европы в Албании. Количество автомобилей там не превышает 114 на каждую тысячу человек.

По абсолютному числу машин первое место за Соединенными Штатами: общее количество автомобилей, зарегистрированных на территории этой страны, достигло 240 млн [5]. Второе место занимает Китай: там 78 млн автомобилей. В Китае складывается очень любопытная ситуация: количество автомобилей заметно уступает числу населения, машина имеется у одного из 17 жителей страны. Тем не менее в Пекине из-за проблем с загазованностью воздуха и пробками на дорогах вводится ограничение на покупку автомобилей. Ведь абсолютное количество автомобилей в Китае действительно огромно: их число превышает количество жителей России. А еще Китай – чемпион мира по росту авторынка. Так что все цифры – понятие относительное.

Россия занимает 33 место в европейском «зачете» и 50 место по количеству автомобилей в мире. В России насчитывается около 48 млн машин. Подсчитано, что автомобилем владеет каждый четвертый россиянин, включая новорожденных, т. е. примерно 340 автомобилей на каждую тысячу человек. Численность автомобильного парка во всех странах непрерывно увеличивается.

Автомобильный транспорт по праву следует считать самым массовым видом транспорта, но, к сожалению, и самым опасным. По данным американских авторов, число погибших на один миллиард пассажиро-километров составляет для автомобильного транспорта 16 человек, для воздушного – 8,5 и для железнодорожного – 1,2 человека [5].

В ДТП скрыта угроза инвалидности и гибели десятков и сотен тысяч людей, т. е. дорожно-транспортный травматизм принимает характер травматической эпидемии, превосходящей по своим размерам инфекционные эпидемии.

Возникает вопрос, что является причиной возникновения дорожно-транспортных происшествий с многочисленными жертвами: чрезмерные скорости, перенасыщение городов автомобилями, конструктивные дефекты автомобилей и неблагоприятное устройство дорог или нарушения правил дорожного движения, преступная небрежность водителей, пешеходов и других лиц?

Для предупреждения дорожно-транспортных происшествий во всех странах мира предложено много методов, охватывающих все стороны функционирующей системы автомобильного транспорта, начиная от улучшения конструкций автомобилей различных классов и заканчивая совершенствованием организационной структуры органов управления автомобильным транспортом.

В 2010 г. резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций провозгласила «Десятилетие действий по обеспечению безопасности дорожного движения на 2011–2020 гг.».

К нему присоединились 110 стран, в том числе Российская Федерация, которые взяли на себя обязательства на этот период по спасению миллионов человеческих жизней путем:

- улучшения безопасности дорог и транспортных средств;
- обеспечения надлежащего поведения пользователей дорог;
- улучшения работы служб неотложной помощи;
- проведения информационно-разъяснительной работы на самых высоких политических уровнях для обеспечения безопасности дорожного движения и уменьшения дорожно-транспортного травматизма [6].

В стране принимаются меры по снижению тяжести последствий дорожно-транспортных происшествий.

Среди таковых можно выделить меры по снижению дорожно-транспортного травматизма такие, как:

- предупреждение пьянства среди всех участников дорожного движения как одной из причин, способствующей дорожно-транспортному травматизму, в том числе ужесточение мер административной и уголовной ответственности;

- обучение лиц «первого контакта» с пострадавшими в ДТП (спасатели, сотрудники внутренних дел, лица профессий повышенного риска) по оказанию первой помощи и транспортировке пострадавших);

- оптимизация системы взаимодействия органов управления, различных ведомств;

- активное привлечение внимания общественности, СМИ к ДТП, их последствиям, а также к мерам, которые нужно принимать для их предупреждения;

- ведение широкой разъяснительной работы – популяризация среди различных категорий участников дорожного движения по формированию здорового и безопасного образа жизни с учетом того, что большинство взрослых и детей являются «уязвимыми пользователями дорог».

Несмотря на проводимые в нашей стране интенсивные профилактические меры по предупреждению дорожно-транспортных происшествий, дорожно-транспортный травматизм, к сожалению, остается еще достаточно высоким.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Всемирной Организации Здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.who.int/ru/>. – Дата доступа: 10.03.2016.

2. Дорожно-транспортные травмы : информ. бюллетень № 358 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://otvet.mail.ru/question>. – Дата доступа: 11.03.2016.

3. Госавтоинспекция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/stat/>. – Дата доступа: 11.03.2016.

4. Проблематика дорожного травматизма. Причины транспортного травматизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://meduniver.com/>. – Дата доступа: 12.03.2016.

5. Количество автомобилей или статистические рассуждения в пробке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voditeliauto.ru/poleznaia-informaciya/>. – Дата доступа: 12.03.2016.

6. Капустина, Е. Г., Лимарева, Е. С. Полномочия отдельных субъектов по обеспечению безопасности дорожного движения // Вестник ОГУ. – 2015. – № 3. – С. 47–50.

ОТДЕЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПСИХОДИНАМИКИ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Кирияк Оксана Васильевна,

доцент кафедры частного права юридического факультета

Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича, г. Черновцы,

кандидат юридических наук, доцент

Трансформация социально-экономических основ общественной жизнедеятельности, развитие новейших коммуникативных психотехнологий и общее повышение психологической культуры населения в совокупности приводят к комплексному онтогенезу качества и распространенности влияния психологии на различные сферы нашего каждодневного функционирования. Не является исключением в контексте произведенного исследования и поприще судебной деятельности, где системное взаимодействие множественных субъектов, в том числе с противоположными интересами, не исключает использование каждым из них своих интуитивных либо специально проработанных тактик и приемов психологического воздействия друг на друга и даже на орган, осуществляющий судопроизводство. При этом недобросовестное применение современных методик психологического влияния по отношению к судьбе (судьям) либо к другим участникам судебного разбирательства служить дестабилизирующим фактором, подрывающим авторитет правосудия в целом и снижающим общую эффективность судебно-правовой защиты.

В Украине все основные разработки исследуемой проблематики относятся к научному ареалу криминального процессуального права, что полностью не соответствует действительности нормативно-правового регулирования на современном этапе. При этом важно отметить, что указанная проблема испытывает стойкий научный интерес и в среде зарубежных ученых на протяжении уже многих лет [8; 9; 10; 11; 12].

Таким образом, вне зоны теоретического и прикладного интереса служителей науки остаются психология гражданского судопроизводства, административного процесса, арбитражного процессуального права и т. д.,

что, по нашему мнению, есть неприемлемым недостатком существующей правовой доктрины, действующего законодательства и правоприменительной практики в целом. Ведь, как верно отмечает А. Ю. Панасюк, судебная психология – это раздел юридической психологии в приложении к теории и практике судоустройства и судопроизводства [4, с. 3].

Исходя из этого, необходимо отдельно выделить три наиболее актуальные, с нашей точки зрения, направления в изучении судебной психологии современного периода, которые детерминируют ее поступательное развитие, и на этой основе, следовательно, разграничить существующие подвиды научной деятельности по исследованию:

1) самой общетеоретической науки «Судебная психология» как комплексного собрания множественных знаний в сфере психологической интерференции;

2) особенностей отдельных отраслевых подвидов судебной психологии (гражданской-процессуальной, уголовно-процессуальной, арбитражно-процессуальной и административно-процессуальной психологии);

3) специфики психологии судебной деятельности обособленных участников соответствующих процессуальных отношений, в первую очередь суда.

Научной справедливости ради, считаем своим долгом отметить, что каждый из выделенных нами аспектов сущностной характеристики судебной психологии заслуживает стать предметом, как минимум, отдельного монографического, диссертационного исследования. Мы же, будучи строго ограничены объемом и форматом тезисов конференции, позволим себе лишь поверхностно остановиться на каждом из предложенных нами элементов, выделяя из общего массива теоретических знаний дифференциальные и субстанциональные референции.

Рассматривая давно существующую в общетеоретическом понимании и зарождающуюся в отраслевом контексте науку «Судебная психология», следует заметить, что, как и любая другая самостоятельная ветвь обособленных знаний, судебная психология характеризуется присущим лишь ей предметом и методом правового познания и нормативного регулирования созвучных процессуально-правовых отношений. Таким образом, предметом судебной психологии, по мнению большинства отечественных ученых, выступает проблематика, касающаяся психологической характеристики правоохранительной деятельности, познавательных процессов, связанных с доказыванием, а также анализ психологической стороны формирования внутреннего убеждения судьи [7, с. 4].

Более того, судебная психология, которая функционирует и продолжает развиваться как неотъемлемая часть юридической психологии, в совокупности с общенаучной методологией исследования, использует также и отдельные специально-научные методики, что, по мнению У. Б. Михайлишин, позволяет спрогнозировать основные тенденции последующего развития судебной психологии, какими могут стать предстоящая специализация и более широкое соприкосновение её с другими отраслевыми науками [3].

Такой подход позволяет отечественным ученым справедливо утверждать, что специфические особенности судебной психологии проявляются в ее дуальном, бинарном, прикладном и интегративном характере [3]. Вместе с тем Л. Р. С. Ховард предлагает спорадически размежевывать клинические, экспериментальные, актуарные и консультативные характеристики проявления судебно-психологической деятельности [9, с. 34]. Указанные характеристики одновременно подтверждают самостоятельный характер судебной психологии как обособленной отрасли знаний и в то же время позволяют позиционировать психологию судебного производства как комплексную и динамичную сферу системного взаимодействия сторон с противоположными интересами между собой, и по отношению к судье независимо от того, о гражданском, уголовном, административном или другом судопроизводстве идет речь.

В связи с этим любое судебное производство требует от судьи использования специальных психологических знаний для разрешения ряда психологично-процессуальных вопросов, например, это касается применения различных психодиагностических методик, позволяющих сформировать психофизиологическую характеристику участника процесса (охватывающую изучение его личности, закономерностей и механизмов формирования поведения и специфику индивидуальной деятельности), предвидеть уровень объективности его показаний при судебном рассмотрении и выявить направления последующего взаимодействия с судом.

Употребление специальных психологических знаний, согласно утверждений Ю. Ю. Цимбал, обусловлено возможностью теоретического обобщения проблем применения психологии для повышения эффективности судебной деятельности [5, с. 180–186]. Основатель отдельного направления в судебной психологии – следственной психологии – Д. Кантер также считает, что в большинстве процессов судья должен проявлять себя как психолог, используя для этого весь арсенал методик и приемов общей психологии [8, с. 5–6].

Действительно, поиск взаимоприемлемых решений в ходе судебного производства по делам различной юрисдикции, может существенно замедляться в результате манипулятивных злоупотреблений участников соответствующих процессуальных правоотношений, которые в такой надуманной манере простоудушно или намеренно стараются избежать либо отстрочить принятие невыгодного для себя правоприменительного акта. Ведь любое решение суда, по мнению Л. С. Райтсмана, всегда отображает предпочтения отдельных участников, взаимодействующих между собой в процессе [12, с. 2–3]. При этом, стараясь оказать адекватное противодействие различного рода злонамеренным промедлениям и другим формам судебного «вредительства», судья обязательно должен быть подкован методами активной и пассивной психологической защиты, внешняя форма выражения которых может органически сочетать в себе как личностные модели защитного поведения, так и процессуальные меры воздействия на нарушителя судебной дисциплины.

Именно по этому следует согласиться с позицией Д. Е. Зайкова, который убеждает, что в своей познавательной деятельности судья должен быть устойчив к различным эмоционально-речевым приемам воздействия, патетическим призывам и сентиментальным оценкам. Он должен распознавать ситуативно-личностный камуф-

ляж, самомаскировку и самодемонстрацию проходящих делу лиц. За произнесенными фразами суд должен усмотреть подлинные намерения и интересы людей, раскрыть их подлинные отношения и нравственные позиции. Сложная деятельность судьи требует не только юридической, но и психодиагностической подготовки, знания общих социально-психологических особенностей поведения людей в условиях социальной группы, закономерностей их познавательной и реконструктивной деятельности. Деятельность суда, продолжает автор, осуществляется в сложных, зачастую психически напряженных условиях, что требует ориентации в проблеме конфликтного социального взаимодействия, владения приемами релаксации – успокоения эмоционально возбужденного поведения отдельных лиц. Потому важнейшим психическим качеством каждого судьи является эмоциональная устойчивость, способность к конструктивной деятельности в эмоционально напряженных условиях, спокойствие, терпимость, а также требовательность судьи как лица, наделенного властными полномочиями [1, с. 19–20].

Говоря о третьей части намеченного нами условного разделения ориентировочных направлений в исследовании отдельных аспектов судебной психологии недопустимо специально не остановиться на подчеркивании важности самостоятельного изучения магистральных психологических особенностей процессуально разрозненных партисипантов судебного производства.

Представителями науки криминального процессуального права, под эгидой которой до недавно существовала судебная психология, достаточно детально разработаны и потому заслуживают на дискретное внимание основы психологии единичных участников судебного процесса. В первую очередь все вышесказанное может и должно быть отнесено к потерпевшему, психологическое состояние которого преимущественно влияет на полноту и качество полученных от него показаний. Как отмечает корифей и основоположник украинской судебной психологии М. В. Костицкий, психология потерпевшего характеризуется своеобразными особенностями, связанные с тем, что его психологическое состояние может определяться так называемой обвинительной доминантой, негативно-эмоциональной составляющей, возникшей в результате преступления и его последствий [2, с. 363–365].

Поддерживает такую точку зрения и А. К. Черновский, который уверен, что в момент совершения преступления, поток информации про окружающую обстановку та действия преступника может быть существенно ограничен эмоциями и чувствами, которые переживает в ту минуту потерпевший, а также связанные с ними сигналы раздражения, беспомощности, ужаса, доминирующие в это время в его психологической жизни. Круг сознания, продолжает автор, сужается, логическая рациональная обработка информации угнетается и искривляется различными множественными внутренними и внешними раздражителями [6, с. 224–225].

Параллельно с этим необходимо не забывать, что стороны и прочие лица, принимающие участие в судебном разбирательстве, пребывают в неравном процессуально-правовом статусе с судьями (судьей). Такое положение вещей закономерно вытекает из кодифицированного закрепления их роли в судебном процессе, исходя из содержания комплекса принадлежащих им прав и обязанностей. Ведь умелое психологическое воздействие на лицо, отправляющее правосудие, может быть настолько юридически грамотно завуалировано либо сокрыто за расплывчатыми или противоречивыми положениями действующего законодательства, что привлечь к ответственности такого психологического «террориста» практически невозможно. Тогда когда судья, пытаясь оказать допустимое противодействие разнообразным психологическим детерминантам, постоянно пребывает под ощутимым давлением рамок закона и кодекса судейской этики, даже кажущаяся видимость отхождения от которых может послужить основанием для задействования, как минимум, процедуры отвода судьи, а как максимум, инициация дисциплинарного производства по отношению к этому служителю Фемиды, а в зависимости от степени серьезности допущенного нарушения – лишения права занимать соответствующие должности и даже привлечения судьи к криминальной ответственности.

Таким образом, подбивая некоторый итог произведенному научному исследованию, считаем целесообразным отметить незаурядную важность и актуальную своевременность системного развития всех трех обособленных и в то же время неразрывно связанных детерминант онтогенеза психологической деятельности в рамках судебного производства.

Список использованных источников

1. Зайков, Д. Е. Юридическая психология : учеб. минимум для сдачи зачета / Д. Е. Зайков. – М. : Юриспруденция, 2008. – 24 с.
2. Костицкий, М. В. Судова психологія: навчальний посібник / М. В. Костицький [та ін.]. – Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2013. – 498 с.
3. Михайлишин, У. Б. Методологія дослідження судової психології: тенденції розвитку крізь призму діахронії / У. Б. Михайлишин [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.psytir.org.ua/upload/journals/5/authors/2014/Mykhailyshyn_Uliana_Bohdaniivna_Metodologiya_doslidzhennja_sudovoi_psyhologii_tendentsii_rozvyt_ku_kriz_pryzmu_diahronii.pdf. – Режим доступу: 10.03.2016.
4. Панасюк, А. Ю. Судебная психология : избр. лекции / А. Ю. Панасюк. – М. : Норма, 2007. – 160 с.
5. Цимбал, Ю. Ю. Психологічні особливості кримінального провадження у формі приватного обвинувачення: дис. ... канд. юрид. наук : 19.00.06 / Ю. Ю. Цимбал. – К., 2013. – 238 с.
6. Черновський, О. К. Психологічні особливості особистості потерпілого у кримінальному процесі / О. К. Черновський // Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ. – № 2. – 2013. – С. 220–225.
7. Шепітько, В. Ю. Психологія судової діяльності : навч. посібник / В. Ю. Шепітько. – Х. : Право, 2006. – 160 с.

8. Canter, D. Criminal Psychology: Topics in Applied Psychology / D. Canter. – Routledge, 2014. – 316 p.
9. Haward, L. R. C. Forensic Psychology / L. R. C. Haward. – David and Charles. Inc, 1981. – 311 p.
10. Saks, M. J., Hastie, R. Social psychology in court / M. J. Saks, R. Hastie. – Oxford, England : Van Nostrand Reinhold, 1978. – 245 p.
11. Wrightsman, L. S. The Psychology of the Supreme Court / L. S. Wrightsman. – Oxford University Press, 2006. – 336 p.
12. Wrightsman L. S. Judicial Decision Making: Is Psychology Relevant? / L. S. Wrightsman. – Kluwer Academic Publishers, 1999. – 273 p.

РАССМОТРЕНИЕ ДЕФИНИЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Курбанов Габил Сурхай оглы,
заведующий отделом Теории государства и права, гражданского права и гражданского процесса
Института философии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку,
доктор юридических наук, профессор

Ни в современной уголовно-правовой науке Азербайджанской Республики, ни в новом действующем уголовном законодательстве не дается общее понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния. Отсюда возникает такой вопрос: из чего же состоят обстоятельства, исключающие преступность деяния и являющиеся одним из независимых институтов современного уголовного права?

Мы полагаем, что для того, чтобы подробно и обдуманно ответить на этот вопрос, следует остановиться на понятии преступления и его признаках.

В первую очередь преступление было и остается социальным событием. Оно историческая категория. После создания государства и права, преступление как социально-историческая категория было оценено в качестве деяния, подлежащего наказанию. В ходе исторического развития общества преступление изменилось с точки зрения формы, но можно сказать, что по содержанию осталось в прежнем виде. Развитие общества и государства, а также научно-техническая революция, различные переходные этапы изменили только методы и средства совершения преступления (например, в древние времена, раннее средневековье, средневековье, новые и новейшие времена использовалось холодное оружие, а после изобретения огнестрельного оружия оно тоже стало орудием преступления). Расширился также круг объектов, которые подвергаются посягательству преступника. Например, когда еще не было самолетов, о захвате авиалайнера и речи не могло быть. После изобретения компьютера стали появляться преступления с аналогичными названиями и их разновидности.

Еще в Дигестах Юстиниана было дано такое положение Римского права: «Никто не может быть наказанным за свои мысли и взгляды» [1, с. 36]. Этот принцип лежит в основе уголовного права Азербайджанской Республики. Так, в соответствии со статьей 3 УК АР только совершение деяния (действия или бездействия), в котором имеется все признаки уголовного содержания, предусмотренные в этом кодексе, порождает уголовную ответственность.

Значит, только уголовное поведение, выраженное в конкретном деянии (действии или бездействии), может послужить основой уголовной ответственности. Взгляды человека, его мысли и отрицательные моральные качества не могут быть основанием для уголовной ответственности. В уголовном законе (Уголовном кодексе) приводятся такие термины, как «деяние», «действие», «деятельность», «поведение», и он включает в себя то, что, преступления образуются из всех видов человеческой деятельности независимо от их сложности.

Законодатель неслучайно применяет термин «деяние». Он, в свою очередь, используется для наименования и действия или бездействия, и преступления полностью.

Первое формально-классическое определение понятия преступления нашло свое законодательское закрепление в Уголовном кодексе Франции принятом в 1791 году, а позднее и в 1810-м.

Профессор Ф. Ю. Самандаров написал: «Это определение до сих пор остается в уголовном законе с некоторыми изменениями. При сохранении принципа наследования в Уголовном кодексе Франции 1992-го года в зависимости от степени социальной опасности и степени тяжести вреда, нанесенного деянием, преступления имеют такие виды, как уголовное деяние, уголовная ошибка и уголовное нарушение. Уголовное деяние характеризуется как деяние, подлежащее позорным наказаниям, уголовная ошибка как поведение, подлежащее исправительным наказаниям, а уголовное нарушение как деяние, подлежащее наказанию за его совершение. Это определение хоть и направляет деятельность судебной власти в законные рамки, но не раскрывает социальный характер преступления, и поэтому носит формальный характер» [2, с. 79].

Выдающийся представитель классической уголовно-правовой школы Ч. Беккариа постарался дать материальное определение понятию преступления. Он оценивал преступление как деяние, наносящее вред общественному порядку и обществу [3, с. 19].

На мусульманском Востоке, в том числе в Азербайджане (в самые древние времена и средневековье), преступление всегда воспринималось как **злодеяние** и, как всякое злодеяние, всегда осуждалось. Великий азербайджанский мыслитель XIII в. Насердин Туси советовал вовремя предотвращать даже самые незначительные предосудительные деяния. По его мнению, незначительные предосудительные деяния постепенно превращаются в большие преступления. Критикуя тех, кто хвастается своими уголовными деяниями, тех, кто избрал злые

деяния ремеслом, мыслитель писал: «Человек, который думает об опасном деянии, не может считаться героем. Те, кто не боится потерять честь и уважение, ... те, кого не волнует потеря друзей, знакомых и другие несчастья этого вида, скорей всего близки к сумасшествию, чем к отваге» [4, с. 95].

В мусульманском мире (в том числе в исламе) подход к преступлению имеет свои своеобразные специфические особенности. Ислам, в том числе шариат, решительно осуждает любой плохой поступок и бездействие против человека.

Неприкосновенность собственности в мусульманской юриспруденции наводит на мысль о том, что всякое недостойное деяние, совершенное против человека, должно входить в список запрещенных деяний.

Одним словом, когда в мусульманском праве говоришь о преступлении, то подразумевается запрещенное деяние, совершенное против человека или собственности. Наряду с этим преступление – это деяние, совершенное против воли божьей. Это обуславливается тем, что отношения в мусульманском обществе регулируются божьим законом, поэтому любое покушение против этих отношений считается деянием, совершенным против божьей воли [5, с. 57].

Таким образом, опираясь на анализ вышеуказанного вопроса о преступлении и его признаках, мы, хоть и частично, но сможем добиться разъяснения смысла и сути обстоятельств, исключающих преступность деяния. Мы, в частности, утверждаем, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, остаются одними из проблематичных для тех комплексных научных исследований, которые должны вестись отдельно и в более широком кругу. Потому что нынешнее течение социальной жизни, интенсивный прогресс общества, жизнь в информационной среде и появление новшеств в технологических процессах дают нам основания говорить, что круг обстоятельств, предотвращающих преступность деяния, может постепенно расширяться.

Когда мы говорим о круге обстоятельств, предотвращающих преступность деяния, то в первую очередь имеем в виду их виды (необходимая оборона; нанесение вреда человеку, совершившему преступление, во время ареста; крайняя необходимость; обоснованный риск; исполнение приказа или распоряжения), предусмотренные в действующем уголовном законодательстве и главной целью является определение общего понятия этих обстоятельств.

Анализ общего содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния, требует и делает необходимым специальный к ним подход. Мы считаем целесообразным то, чтобы в первую очередь на примерах разъяснить, какими характерными свойствами обладает содержание этих обстоятельств и проанализировать их более обстоятельно.

Мы пришли к заключению, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, должны проявляться (в действии или бездействии виновного) соответственно определению, предусмотренному в уголовном законе. Если форма проявления действия или бездействия выходит за пределы границ, определенных уголовным законом, например, если во время необходимой обороны, действия, совершенные умышленно, которые открыто не соответствуют характеру умысла и уровню общественной безопасности, переходят границу необходимой обороны, то действия человека устраняют тот факт, что деяние является обстоятельством, исключающим преступность деяния. Это, естественно, способствует возникновению уголовной ответственности.

Во-вторых, нанесение вреда виновному лицу со стороны правоохранительных органов или других представителей государственных властей может считаться одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния (преступление, совершенное виновным) только тогда, когда меры обязательного применения являются последствием возникшей ситуации. Поэтому при аресте совершившего преступление нанесенный ему вред должен нести умышленный характер, то есть совершенные действия способствуют возникновению уголовной ответственности только при умышленном нанесении вреда виновному.

В-третьих, в ситуациях, когда невозможно предотвратить какое-либо преступление другими средствами, совершение со стороны виновного действий, подвергающих вреду объект, который охраняется уголовным законом, может считаться одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния только тогда, когда оно не переходит границу обороны, предусмотренной законом. Совершенное деяние способствует возникновению уголовной ответственности, если нанесение вреда явно не соответствует обстоятельству устранения опасности, проявленной во время совершенного преступления, и если такой вред причиняется умышленно.

В-четвертых, нанесение вреда в результате безвредных действий, совершенных для того, чтобы с полезной целью достигнуть любое юридическое или физическое лицо, или объект, охраняемый уголовным законом, составляет независимый вид обстоятельств, исключающих преступность деяния. Такое достижение должно выражаться в особом, отдельном поведении, или в необычных действиях. В противном случае, то есть рискованные действия человека, которые представляют собой открытую и реальную опасность для людей или охраняемых объектов, приводят к возникновению уголовной ответственности.

В-пятых, обстоятельства, исключающие преступность деяния, могут быть связаны с выполнением определенных поручений или видом деятельности. Так, нанесение вреда какому-нибудь объекту, охраняемому уголовным законом, в результате исполнения приказа или распоряжения (приказ или распоряжение могут быть как устными, так и письменными) не оценивается как преступное покушение. В таких или аналогичных ситуациях ответственность лежит на высокопоставленном лице (человеке, отдавшем приказ или распоряжение). Но следует обратить внимание и на другую сторону вопроса. Например, если человек, который находится в подчинении, знает, что данный ему приказ или распоряжение являются незаконными, и умышленно совершает действие общественно-опасного характера, то он может быть привлечен к уголовной ответственности соответственно общим основаниям, предусмотренным в уголовном законе.

Начиная с 1990-х годов анализ некоторых правовых институтов и их содержания, как и в советской юриспруденции, проводились и продолжают проводиться в нижеуказанных уровнях. И это, прежде всего, исходит из того, что эти анализы и исследования связаны с теоретическими вопросами.

В первую очередь, надо отметить, что более общие подходы входят в компетенцию общей теории права, и это как элемент правовой структуры охватывает самые общие признаки правового института.

С другой стороны, отраслевые правовые науки конкретизированы на подходе к правовому институту и разрабатывают отличительные признаки институтов, такие как гражданское право, уголовное право и трудовое право, и представления о правовом характере.

И наконец, идет процесс разработки содержания и форм отдельных отраслевых правовых институтов внутри отраслевых наук [6, с. 6].

Давайте обратимся непосредственно к анализу обстоятельств, устраняющих общественную опасность и противоправность деяния, принимая при этом во внимание определение правового института в общей теории права.

Необходимость, возможность и плодотворность анализа обстоятельств, исключающих преступность деяния, как отдельного правового института, должны выявляться в процессе исследований. Первоначально можно рассматривать такой подход в качестве **гипотезы**. Но, по нашему мнению, следует доказать, что необходимость формирования такого подхода вытекает из требований практики и логичного развития правовой науки, и некоторые главные положения формируются на этой основе.

В первую очередь надо рассмотреть некоторые теоретические основы вышеупомянутой проблемы. Как известно, обстоятельства, исключающие преступность деяния, всегда находились в центре внимания и занимали особое место в практике реализации уголовно-правовых норм. С полным основанием можно сказать, что внимательное отношение к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, и в теории, и в практике, а также их точная формулировка в уголовном законе, как правило, являлись одним из важных индикаторов целей, отражающих направление и содержание уголовно-правовой политики. Это до сих пор является одной из значительных проблем, находящихся в центре внимания государства и являющейся предметом исследования современной уголовно-правовой науки. Как уже отмечалось, такой подход к проблеме тесно связан с вероятностью дальнейшего постепенного расширения круга обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Необходимо указать, что многие известные юристы бывшего советского государства прилагали усилия для исследования обстоятельств, исключающих преступность деяния. И это было связано с научным подходом к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, как к одному из центральных институтов уголовного права. Такой подход наблюдался до сих пор наблюдается в творчестве современных авторов.

Во многих государствах Западной Европы данная проблема быстрее находила свое решение. Так, в Уголовном кодексе ФРГ 1871 года были предусмотрены нормы необходимой обороны (статья 32), превышения границ необходимой обороны (статья 33) и правомерной крайней необходимости (статья 34), а также крайней необходимости, исключающей или смягчающей вину (статья 35).

Вышесказанное можно отнести и к Уголовному кодексу Австрии 1975 года. В нем предусматриваются такие обстоятельства, исключающие преступность деяния, как необходимая оборона (§ 3), правомерная крайняя необходимость (§10). В соответствии с уголовным законодательством этой страны мера наказания или предупреждения может применяться за совершение деяния, которое находится под правильной законодательной санкцией уголовно-правовой нормы и под угрозой наказания за его совершение (часть 1 § 1 Уголовного кодекса Австрии) [7, с. 9].

В Швейцарии Уголовный кодекс был принят в 1937 году и является основным источником уголовного права. В первой статье данного кодекса говорится: «Человек, который совершает деяние, точно запрещенное законом под угрозой наказания, подлежит наказанию». В Уголовном кодексе Швейцарии предусматривались такие обстоятельства, исключающие преступность деяния, как необходимая оборона (статья 33) и крайняя необходимость (статья 34).

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, применяется не только путем принятия уголовно-правовых решений, но и на основе взаимоотношения со следственно-судебной практикой. Исполнение уголовно-правовых решений относительно этого института также используется в процессе охраны общественного порядка, предотвращения преступлений, задержания преступников, осуществления любого вида социальной деятельности граждан. К таким решениям можно обращаться во многих ситуациях, где требуется уголовно-правовая оценка.

Можно предположить, что институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, тесно связан с материальным понятием преступления и отражает исконные традиции не полностью реализованного развития уголовного права со стороны законодателя и практики.

Кроме того, спрос к институту уголовного права, о котором идет речь, конкретизируется объективным характером конфликта касательно уголовного права. Существование такого конфликта, в свою очередь, определяется сложностью и противоречивостью предмета и объекта уголовно-правового регулирования. Еще в начале 1990-х годов мы выдвинули по этому поводу такое заключение: «Если бы уголовные законы были бы сформированы в отдельных нормах в закрытом состоянии, полностью выражали бы волю законодателя, адекватно отражали бы реальное поведение и запрещали бы все, что противоречит интересам общества, то потребность в общепроцедурных и правоопределяющих нормах уголовного закона была бы устранена. Вопрос заключается в том, что запрет сам по себе не может охватывать поведение со всей его сложностью, и в этом плане мы все

еще нуждаемся в системе корректив и обеспечений. Процедуры относительно обстоятельств, устраняющих общественную опасность и противоправность деяния, необходимы лишь тогда, когда конфликт касается не характеристики тяжести внешних последствий и не определения элементов субъективной стороны, а именно их социальной оценки в контексте произошедшего события, его причин и обстоятельств» [6, с. 21]. Необходимо подчеркнуть, что подобная ситуация наблюдается до сих пор. По меньшей мере потому, что круг обстоятельств, исключающих преступность деяния, может расширяться по известным нам и объективным причинам.

Поэтому институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, должен опираться на криминологические данные, которые являются их эмпирическими основами, потому что ограничение или постепенное расширение круга обстоятельств, о которых идет речь, зависит от отчетных данных динамики, структуры, уровня и статистики преступности. Эта сторона вопроса не относится к предмету данного исследования, поэтому мы не считаем целесообразным подробно останавливаться на нем. Но необходимо отметить факт его существования.

В действующем уголовном законодательстве (в Уголовном кодексе) Азербайджанской Республики, обстоятельства, исключающие преступность деяния, были включены в специальную главу под аналогичным названием. Необходимо отметить, что даже если у понятия обстоятельств, исключающих преступность деяния, нет общего определения, правовой характер и характерные признаки каждого из них были определены в конкретных статьях. Именно в связи с этим появилась необходимость обобщения общего понятия этих обстоятельств.

Еще один фактор, который делает определение такого понятия необходимым, – расширение круга обстоятельств, исключающих преступность деяния, в обновленном уголовном законодательстве. Так, по сравнению с УК Азербайджанской Республики 1960 года в действующем Уголовном кодексе предусмотрены пять видов таких обстоятельств, притом в конкретных отдельных статьях. Этот показатель имеет большое уголовно-правовое значение.

В первую очередь законодатель достаточно усилил профилактическую функцию действующего уголовного законодательства в положительном направлении, наряду с его другими обязанностями. Именно обширность круга профилактических мер повышает качество деятельности в направлении борьбы с преступностью.

Во-вторых, появление новых видов обстоятельств, исключающих преступность деяния, намного увеличивает эффективность вышеуказанных мер. то, в свою очередь, положительно влияет на общую эффективность борьбы с преступностью в стране, создает благоприятные условия для использования гуманистических и демократических способов и методов в борьбе с преступностью, наряду с применением суровых и превентивных мер.

Следует принять во внимание то, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, считаются одним из древних институтов уголовного права (в первую очередь необходимая оборона и крайняя необходимость), в силу чего неслучайно такие обстоятельства предусматриваются в уголовном законодательстве большинства развитых современных государств. Прогресс общества в развитии и стремление со временем к гуманизации уголовного законодательства способствовали этому.

На данный момент в уголовных законодательствах многих стран мира, в том числе США, ФРГ, Польши, Франции, Испании, Венгрии, Болгарии и некоторых других стран, предусматриваются такие обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния, и в целом преступность деяния, как необходимая оборона и крайняя необходимость. Интересно, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, были включены в уголовные законодательства стран мира на первом этапе их составления, а не позднее. Иначе говоря, законодатели этих государств посчитали необходимым и неизбежным закрепление обстоятельств, о которых идет речь, в уголовном законодательстве в целях обеспечения прав и свобод человека.

Опираясь на выводы, изложенные в этом исследовании, можно дать обстоятельствам, исключающим преступность деяния, следующее определение: под обстоятельствами, исключающими преступность деяния (а также исключающими общественную опасность и противоправность деяния) понимаются социально-полезные действия и другие обстоятельства, которые устраняют существование уголовного покушения, совершенного против общественных отношений, действующих в определенном смысле, определенном условии и в определенной единице времени, а также исключающие наказание деяния и предусмотренные уголовным законом во время совершения этих деяний.

Список использованных источников

1. История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. – М., Юрид. лит., 1997. – С. 36.
2. Самандаров, Ф. Ю. Уголовное право. Общая часть : учебник / Ф. Ю. Самандаров. – Баку : Дигеста, 2013. – С. 79.
3. Бажанов, М. И. Уголовное право Украины. Общая часть / М. И. Бажанов. – Днепропетровск : Пороги, 1992. – С. 19.
4. ХаджаНасирад-Дин Туси. Этика Насири. – Баку : Элм, 1980. – С. 95.
5. Абу Захра М. Преступление и наказание в исламском праве. – Стамбул, 1994. – С. 57.
6. Курбанов, Г. С. Обстоятельства устраняющие общественную опасность и противоправность деяния / Г. С. Курбанов. – Баку : Гянджлик, 1991. – С. 6.
7. Уголовный кодекс Австрии. – М. : Зерцало, 2001. – С. 9.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ГОД КУЛЬТУРЫ

Мартыненко Игорь Эдуардович,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно,
доктор юридических наук, профессор

В целях объединения интеллектуальных и духовных сил общества для решения задач по сохранению историко-культурного наследия 2016 г. объявлен в Беларуси Годом культуры [1]. Для сохранения исторической памяти белорусского народа, его национально-культурной самобытности и традиций постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 марта 2016 г. № 180 утверждена Государственная программа «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы [2].

В этот же год ожидается реформирование законодательства о культуре, в состав которого входят нормативные правовые акты, регулирующие отношений в сфере выявления, охраны, использования и восстановления историко-культурного наследия. Речь идет о принятии Кодекса Республики Беларусь о культуре, проект которого внесен в Национальное собрание Республики Беларусь еще в 2015 г.

Кодификация данной сферы является закономерным результатом непрерывного развития и совершенствования законодательной базы, результатом объективной потребности в регулировании конкретной области общественных отношений. В силу своей юридической природы Кодекс способен полно и системно представить сферу отношений, которые сегодня складываются в предметной сфере культуры.

В Кодекс включены нормы семи законов, четырех указов Президента Республики Беларусь, 20 постановлений Совета Министров и 25 постановлений Министерства культуры. Это будет способствовать упрощению применения норм законодательства всеми субъектами культурной деятельности, в том числе учреждениями культуры. Поэтому с принятием и вступлением в силу Кодекса о культуре прекращается действие закона «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» [3], а также предполагаются изменения в системе управления историко-культурным наследием.

Учитывая эти обстоятельства, предлагаем обсудить некоторые предложения по совершенствованию государственного контроля и надзора в данной сфере. Ведь проблема охраны историко-культурного наследия – это проблема организации государственного управления и контроля в данной области общественных отношений. Здесь возникает вопрос разграничения понятий «контроль» и «надзор» (в сфере историко-культурного наследия) как функций правоохранительной деятельности.

Контроль как одна из функций управления в области охраны исторического наследия направлен на обнаружение и устранение отклонений в функционировании системы от нормативных предписаний, а также на выявление причин таких отклонений и на совершенствование правового регулирования. Он является важнейшей гарантией установления режима законности в сфере культуры. Эффективный контроль позволяет судить о фактическом положении дел, о том, как реализуются законы, насколько эффективны подзаконные акты, издаваемые органами исполнительной власти. На основе полученной информации можно устранять недостатки в нормотворческой деятельности, вносить изменения в нормативные правовые акты, повышать их качество.

Однако функции государственного контроля как способа обеспечения законности в сфере историко-культурного наследия не должны ограничиваться только задачей выявления правонарушений. Государственный контроль должен также выполнять и аналитическую функцию, определяя причины совершения и обстоятельства, способствующие совершению правонарушений в данной сфере. Контроль позволяет прогнозировать соблюдение законности как отдельными подконтрольными субъектами, так и в целых секторах контролируемой деятельности (т. е. в сфере использования культурного достояния страны). В этом выражается превентивная функция контроля. Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» [4] требует придать контрольной (надзорной) деятельности предупредительный характер, перейти к преимущественному использованию профилактических мер, направленных на предотвращение правонарушений (п. 5 Директивы).

Контроль за соблюдением законодательства в области охраны историко-культурного наследия осуществляют также местные исполнительные и распорядительные органы, облисполкомы и Минский горисполком, структурные подразделения областных, городских (кроме городов районного подчинения), районных исполнительных комитетов, местные администрации (п. 32 Перечня контролируемых (надзорных) органов и сфер их контрольной (надзорной) деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (в ред. Указа от 26 июля 2012 г. № 332) [5].

Круг полномочий Министерства культуры определен постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 октября 2001 г. № 1558 «Вопросы Министерства культуры Республики Беларусь». Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 июня 2013 г. № 475 «О внесении изменений и дополнений в постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30 октября 2001 г. № 1558 и от 29 июля 2006 г. № 957 о признании утратившими силу отдельных структурных элементов постановлений Совета Министров Респуб-

лики Беларусь» дополнены полномочия Министерства культуры Республики Беларусь. Данному Министерству вменена обязанность осуществлять контроль за соблюдением законодательства в области охраны историко-культурного наследия. В этих целях п. 5 Положения о Министерстве культуры Республики Беларусь, утвержденного упомянутым выше постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 октября 2001 г. № 1558, дополнен новым п. 5.5² указанного выше содержания.

Сферой контрольной (надзорной) деятельности Министерства культуры Республики Беларусь является: контроль за соблюдением законодательства в области охраны историко-культурного наследия и за соблюдением законодательства о музеях и Музейном фонде Республики Беларусь, а значит, и за сохранностью музейных ценностей (п. 11 названного выше Перечня контролируемых (надзорных) органов и сфер их контрольной (надзорной) деятельности).

Надзор за исполнением законодательства об охране историко-культурного наследия возложен на Генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему прокуроров (ст. 125 Конституции Республики Беларусь). Принципиальная разница между контролем за исполнением законодательства об охране историко-культурного наследия и прокурорским надзором за его соблюдением состоит в следующем. Во-первых, реализация контролирующими органами своих функций преследует не только цель обеспечения законности, но и целесообразного государственного управления. Реализация функции надзора имеет только цель точного и неуклонного исполнения закона и не сопровождается оценкой целесообразности принятых актов и совершенных действий. Во-вторых, контролирующие органы наделены определенными полномочиями исполнительной власти. В-третьих, контроль предполагает наличие полномочий по применению административных санкций в отношении нарушителей закона.

Полное невмешательство в текущую оперативно-хозяйственную деятельность объекта контроля характерно только для прокурорского надзора, при проведении же административно-управленческого надзора такое вмешательство не только возможно, но и необходимо. Поскольку надзор, осуществляемый прокуратурой, является одной из форм государственного контроля, то наряду с президентским, парламентским, судебным контролем и контролем органов исполнительной власти он представляет собой самостоятельный элемент (подсистему) единой системы государственного контроля.

В соответствии с приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 19 декабря 2007 г. «О внесении изменений в организационно-штатную структуру Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» в Генеральной прокуратуре создан отдел по надзору за исполнением природоохранного и земельного законодательства. С созданием данного подразделения центрального аппарата Генеральной прокуратуры эффективность (и результативность) прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране историко-культурного наследия возросла. В августе 2011 г. между Генеральной прокуратурой Республики Беларусь и Министерством культуры Республики Беларусь достигнута договоренность об организации взаимодействия в сфере обеспечения соблюдения законодательства об охране историко-культурного наследия. Основы данной деятельности регламентированы соответствующим соглашением. В рамках договоренностей указанные ведомства запланировали проведение совместных проверок, обмен информацией при осуществлении контрольных действий в сфере охраны исторических памятников, принятие мер организационного и правового характера для обеспечения охраны, надлежащего использования и содержания памятников историко-культурного наследия.

Целью прокурорского надзора является общественно-полезный результат совокупности прокурорско-надзорных действий по обеспечению прав и законных интересов государства, общества, граждан и юридических лиц. В рассматриваемой сфере это обеспечение верховенства закона, единства законности при реализации гражданами своего права пользоваться достижениями культуры, иметь доступ к ценностям национального и мирового значения; исполнение требований законодательства.

Задачами прокурорского надзора в данной сфере являются: соответствие закону нормативных правовых актов, издаваемых (принимаемых) государственными органами и должностными лицами; осуществление надзора за точным, единообразным исполнением законов в сфере историко-культурного наследия; проверка законности принятых органами государственного контроля (надзора) мер по устранению выявленных нарушений и привлечению виновных лиц к ответственности; обеспечение законности привлечения виновных к ответственности, восстановление нарушенных прав и интересов средствами прокурорского надзора; принятие мер, обеспечивающих возмещение причиненного историко-культурным ценностям (памятникам) ущерба; координация деятельности правоохранительных органов по выявлению, пресечению и профилактике преступлений в сфере историко-культурного наследия (контрабанды, хищений культурных ценностей; вандализма, умышленного либо неосторожного уничтожения или повреждения историко-культурных ценностей и др.); проведение профилактической работы по предупреждению нарушений законодательства об охране историко-культурного наследия.

Анализ принятых актов реагирования, изучение материалов проверок показывает, что в большинстве случаев предписания выносятся в связи с отсутствием охранных знаков установленной формы на историко-культурной ценности, представления – в связи с непринятием должных мер по обеспечению сохранности памятника, по этим же основаниям объявляются и официальные предупреждения. В своем большинстве выявленные прокурорами нарушения заключаются в следующем: не разработаны региональные программы по охране историко-культурного наследия, на историко-культурных ценностях не установлены охранные знаки, не утверждены зоны охраны недвижимых историко-культурных ценностей, не принимаются меры по сохранности объектов историко-культурного наследия [6, 7].

В то же время фактически не выявляются нарушения, связанные с нарушением государственного учета историко-культурных ценностей (формированием и ведением государственного списка историко-культурных ценностей, выявлением объектов для включения в этот список, незаконным исключением объектов из государственного списка и др.); осуществлением уполномоченными органами действенного государственного контроля в данной сфере; невыполнением обязанностей по выплате отчислений за осуществление предпринимательской деятельности, которая оказывает непосредственное воздействие на историко-культурную ценность или зоны их охраны путем создания дополнительных транспортных нагрузок, привнесения функций, не характерных для этой ценности, создания дополнительных объемно-пространственных сооружений, не свойственных для этой историко-культурной ценности; выплаты компенсации за вред, причиняемый историко-культурным ценностям или зонам охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей и др. Не проверялась законность согласований Министерством культуры и Белорусским республиканским научно-методическим советом по вопросам историко-культурного наследия проектной и разрешительной документации на выполнение ремонтно-строительных и реставрационно-восстановительных работ, касающихся недвижимых историко-культурных ценностей (памятников архитектуры, истории, культуры и др.). Редко задействовано такое эффективное средство как иск прокурора.

Наши выводы и предложения по этому вопросу сводятся к следующим концептуальным положениям.

1. Выявленные закономерности возникновения, формирования и функционирования системы органов охраны историко-культурного наследия позволяют предложить для учреждения новую модель государственного контроля в данной сфере. Оптимизация организационной структуры органов охраны историко-культурного наследия с учетом особенностей административно-территориального устройства Республики Беларусь достигается путем образования Государственной инспекции по охране историко-культурного наследия Республики Беларусь (при Президенте Республики Беларусь или, как вариант, при Совете Министров Республики Беларусь). Именно такой уровень подчиненности позволит повысить эффективность государственной охраны объектов историко-культурного наследия. Новый орган должен сосредоточить полномочия управления и контроля. Предполагается, что в результате исключения административной подчиненности инспекторов по охране наследия местным исполнительным и распорядительным органам изменится их пассивно-созерцательная позиция по отношению к нарушениям и нарушителям закона. Полагаем, что самостоятельный и независимый орган центрального административного подчинения будет более эффективно осуществлять контрольно-управленческую деятельность. Указанная институция должна быть наделена правом ведения административного процесса, предъявления исков (заявлений) в суды, осуществления государственного контроля и реагирования на нарушения законодательства.

2. В целях дальнейшего совершенствования организации взаимодействия органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов, а также общественных объединений, создания условий для всестороннего изучения, популяризации и пропаганды памятников истории и культуры считаем целесообразным образовать Межведомственный совет по координации вопросов охраны и использования объектов историко-культурного наследия Беларуси. Для достижения данной цели следует наделить Совет полномочиями разрабатывать межведомственные мероприятия, направленные на эффективную реализацию законодательства об охране историко-культурного наследия, организовывать их выполнение; рассматривать практику исполнения органами местного управления и самоуправления названного законодательства; разрабатывать рекомендации по применению нормативных документов; рассматривать наиболее важные проекты актов законодательства в этой сфере; разрабатывать предложения по порядку осуществления государственного контроля за охраной, сохранением и использованием историко-культурных ценностей. Персональный и количественный состав членов Межведомственного совета должен, как представляется, утверждаться Правительством Беларуси, что обеспечит учет интересов всех регионов страны и всех заинтересованных органов.

4. В Кодексе Рэспублікі Беларусь аб культуры необходимо отразить:

функции, задачи и порядок осуществления государственного контроля в области сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия;

полномочия государства в области управления историко-культурным наследием, а именно: владение, использование и распоряжение объектами, находящимися в собственности государства; осуществление государственного контроля за сохранением, использованием историко-культурных ценностей и исполнением законодательства об охране историко-культурного наследия.

5. Эффективная деятельность в сфере историко-культурного наследия невозможна без содействия институтов гражданского общества, вовлечения в эту сферу негосударственных субъектов правоохранительной деятельности. Следовательно, необходимо дополнить государственный контроль (надзор) за исполнением законодательства институтами общественного контроля, практикой общественных экспертиз и обсуждений; принять нормативные акты по регулированию данных вопросов, а именно: закон «Об общественном контроле в Республике Беларусь». В нормах Кодекса Рэспублікі Беларусь аб культуры целесообразно включить обозначенные выше положения новых форм участия негосударственных субъектов правоохранительной деятельности в сфере историко-культурного наследия.

Как представляется, практическая реализация указанных предложений в определенной мере повысит эффективность правовой охраны историко-культурного наследия.

1. Аб аб'яўленні 2016 года Годам культуры [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 28 дек. 2015 г. № 5222 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой инфрм. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Об утверждении Государственной программы «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 марта 2016 г., № 180 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой инфрм. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г., № 98-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 9. – 2/1195.
4. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь : Директива Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 1. – 1/12259.
5. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 253. – 1/11062.
6. Шостак, Г. А. Охрана историко-культурного наследия: итоги прокурорской проверки неутешительны / Г. А. Шостак // Законность и правопорядок. – 2012. – № 1. – С. 14–18.
7. Зайцева, С. А. В повестке дня – соблюдение законодательства об охране историко-культурного наследия / С. А. Зайцева // Законность и правопорядок. – 2014. – № 4. – С. 3–4.

ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ

Рубан Екатерина Павловна,
старший инспектор Тренингового центра
Главного управления Национальной полиции в Херсонской области, г. Херсон,
кандидат юридических наук

Актуальность темы о праве обвиняемого на выбор суда присяжных не вызывает сомнения и не требует дополнительного обоснования в силу значимости данного процессуального института, поскольку суд присяжных исторически связан с вынесением вердикта по наиболее тяжким преступлениям, а в дальнейшем существование такого суда в государстве стало свидетельством развитости уголовного процесса. При этом указанная развитость присуща при условии существования истинного суда присяжных (заседателей), а не «имитационных» моделей. В связи с чем и возникла необходимость написания данной работы относительно функционирования суда присяжных в украинском судопроизводстве. Поскольку суд присяжных приобретает особую актуальность, исходя из необходимости ускорения репрессивных методов проведения досудебного расследования правоохранительными органами, устранения завуалированности подбора и назначения судей, их коррумпированности, это в свою очередь будет способствовать реформированию украинской судебной системы в соответствии с европейскими стандартами.

Целью тезисов является характеристика правовой модели суда присяжных на основании рассмотрения соответствующих норм украинского законодательства, а также сравнительный анализ с аналогичными правовыми положениями актов некоторых государств, в частности Германии, Российской Федерации, Соединенных штатов Америки и др. Достижение очерченной цели возможно при выполнении следующих заданий: раскрытие исторически значимых моментов в формировании классического понимания суда присяжных по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи от 1864 г.; обоснованная аргументация существующего несоответствия украинской модели суда присяжным мировым эталонам, а также предложения по возможным изменениям законодательной базы Украины.

При написании тезисов изучались научные труды известных ученых, среди которых следует отметить С. Боботова, Б. Виленского, Ф. Леонтовича, Н. Колмакова, А. Кони, М. Михеенка, П. Щербину, О. Ярмышу, С. Пашину, А. Наумова, Н. Радугиной, В. Шишленко и др.

Существование института присяжных в Украине связано в первую очередь с принятием 13 апреля 2012 г. и вступлением в силу 19 ноября 2012 г. нового Уголовного процессуального кодекса Украины. Если законодательно точка зрения на закрепление указанного института уже определена, то однозначного мнения в кругах практиков и среди населения о необходимости его функционирования не установилось. Отсутствие убежденного большинства почитателей суда присяжных в Украине связано с целым рядом факторов, среди которых следует отметить затратность в обеспечении его деятельности, отсутствие осведомленности граждан о таком институте, низкий уровень правовой культуры, а также сопротивление со стороны приверженцев существования судебной системы без присяжных.

В частности, А. Наумов указывает, что суд присяжных может стать вредным механизмом в машине правового и государственного регулирования, поскольку суд присяжных способен корректировать закон [1]. Обстоятельства усложняются еще и тем, что от присяжных не требуется мотивирования обвинительного вердикта, а оправдательный приговор, как и во всех развитых государствах, не подлежит пересмотру.

Отметим, что в основу суда присяжных положена идея суда равных, т.е. право на него связывалось именно с правом предстать перед судом равных себе. Отечественные исследователи указывают на существование источников суда присяжных в древней судебной институции – копном суде, закрепленном еще в нормах Русской правды [2, с. 497]. Анализируя его особенности, такие как коллегиальность, широкие представительства различных слоев населения, независимость от профессионального судебного корпуса. В. Тернавская рассматривает копный суд как прототип суда присяжных, который бы мог развиваться в украинских землях при условии дальнейшего самостоятельного развития государственности [3]. Часто с присяжными сравнивают лавников, избравшихся народом из числа авторитетных жителей городов, где действовало магдебургское право. Их количество колебалась в пределах от шести до одиннадцати, они избирались по жизненно и давали присягу. В компетенции суда лавочников находилось рассмотрение уголовных дел. Традиционно в козацком обычном праве суд равных действовал по правилу: где три козака, там двое судят третьего. Поэтому в процессе реализации судебной реформы 1864 года введение суда присяжных российской модели и возрождение самой идеи функционирования таковой судебной институции было достаточно успешным [2, С. 497].

Существуют две модели суда присяжных: европейская (континентальная, франко-германская) и классическая (англо-американская).

При классической модели судом присяжных являются избранные представители общества, которые образуют обособленную от профессионального судьи коллегию и принимают решение о виновности или невиновности лица – вердикт. По континентальной модели присяжные (народные заседатели, шеффены – так в Германии называют непрофессиональных судей) выступают с теми же правами, что и судьи, принимают активное участие в исследовании доказательств, определяют наличие в действиях лица всех элементов состава преступления [4, с. 29]. Украинское законодательство имплементировало европейскую (континентальную) модель суда присяжных.

Украинский суд присяжных состоит из двух профессиональных судей и трех присяжных и применяется исключительно по желанию лиц, подозреваемых в совершении преступления, наказанием за которое предусмотрено пожизненное заключение. Рассмотрение производства судом присяжных также осуществляется относительно всех обвиняемых, если хотя бы один из них заявил ходатайство о таком рассмотрении. В последнем случае второй профессиональный судья помимо председательствующего определяется автоматизированной системой тооборота суда из состава коллегии судей, которая осуществляла подготовительное производство [5].

В Украине суд присяжных действует лишь в местном общем суде первой инстанции. В других судах (например, в специализированном) или в апелляционной или кассационной инстанциях суд присяжных не создается и не действует.

Статьей 61 «Требования к народному заседателю, присяжному» Закона Украины от 7 июля 2010 г. «О судостроительстве и статусе судей» предусмотрено, что народным заседателем, присяжным может быть гражданин Украины, достигший тридцатилетнего возраста и постоянно проживающий на территории, на которую распространяется юрисдикция соответствующего суда. Не подлежат включению в списки народных заседателей и списков присяжных граждане:

- 1) признанные судом ограниченно дееспособными или недееспособными;
- 2) имеющие хронические психические или другие заболевания, препятствующие выполнению обязанностей народного заседателя, присяжного;
- 3) имеющие неснятую или непогашенную судимость;
- 4) народные депутаты Украины, члены Кабинета Министров Украины, судьи, прокуроры, работники правоохранительных органов, военнослужащие, работники аппаратов судов, другие государственные служащие, должностные лица местного самоуправления, адвокаты, нотариусы, члены Высшей квалификационной комиссии судей Украины, Высшего совета юстиции;
- 5) лица, на которых в течение последнего года налагалось административное взыскание за совершение коррупционного правонарушения;
- 6) граждане, достигшие шестидесяти пяти лет;
- 7) лица, не владеющие государственным языком [6].

Примечательно, что закон не содержит запрета по допуску к исполнению обязанностей присяжного для лица, которое ранее совершало тяжкие либо особо тяжкие преступления, судимость за которые снята или погашена в установленном законом порядке. Не касаясь вопроса о способностях нашей пенитенциарной системы перестраивать внутренние установки осужденных, отметим, что при таких возможностях формирования состава суда присяжных, фактически, право судить за особо тяжкие преступления имеют бывшие такие же преступники. Для сравнения, в Австрии присяжным не может быть лицо, которое имеет судимость за определенные преступления, а предыдущая судимость в США является основанием для немедленной дисквалификации присяжного независимо от рода его деятельности [7].

Проводимые опросы в Украине показали, что 93 % граждан считают, что наличие судимости в прошлом за тяжкие преступления (в том числе погашенной и снятой в установленном законом порядке) влияет на осуществление присяжным обязанностей в суде [4, с. 31].

Учитывая указанное, разделяем мнение тех авторов, которые предлагают дополнить ст. 61 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей» пунктом 7 следующего содержания: «лицо, которое ранее привлекалось к ответственности за совершение тяжких или особо тяжких преступлений» [4, с. 31].

После назначения судебного разбирательства судом присяжных председательствующий выдает распоряжение о вызове присяжных в количестве семи человек, которые определяются автоматизированной системой до-

кументооборота суда из числа лиц, которые внесены в список присяжных. Из них отбираются трое основных присяжных и двое запасных. Согласно Закону Украины «О судостроительстве и статусе судей» для утверждения списка присяжных территориальное управление Государственной судебной администрации Украины обращается с представлением в соответствующий местный совет, который формирует и утверждает список граждан постоянно проживающих на территории, на которую распространяется юрисдикция данного суда, соответствуют требованиям к присяжным и дали свое согласие быть присяжными. Список присяжных утверждается один раз в два года и пересматривается в случае необходимости по представлению территориального управления Государственной судебной администрации Украины.

Присяжный имеет право принимать участие в исследовании всех доказательств в судебном заседании, с разрешения председательствующего задавать вопросы обвиняемому, потерпевшему, свидетелям, экспертам, другим лицам. В исключительных случаях суд, признав необходимым осмотреть определенное место, проводит осмотр с участием участников судебного производства, если этого требуют обстоятельства, – с участием свидетелей, специалистов и экспертов. Осмотр на месте не может проводиться при осуществлении производства судом присяжных. Такая оговорка законодателя обусловлена тем, что большая часть состава суда (трое присяжных) не являются профессиональными судьями, а следовательно, не обладают необходимыми профессиональными знаниями и навыками, психологически не подготовлены воспринимать информацию относительно обстоятельств совершения уголовного правонарушения. Например, присяжные, находясь непосредственно на месте совершения или хранения орудия, средств совершения уголовного преступления могут необъективно воспринимать увиденное и делать выводы, руководствуясь, прежде всего, внутренними ощущениями и т. д. По ходатайству стороны уголовного производства суд имеет право поручить органу досудебного расследования провести осмотр на месте. В связи с чем откладывается судебное рассмотрение на срок, достаточный для проведения этого следственного действия и ознакомления участников судебного производства с его результатами.

Принимая во внимание, что Украиной была избрана европейская модель суда присяжных, особое значение имеют вопросы, которые обязательно решаются в приговоре (ч. 1 ст. 368 УПК Украины), а именно:

- 1) имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется лицо;
- 2) содержит ли это деяние состав уголовного преступления и какой статьей закона Украины об уголовной ответственности он предусмотрен;
- 3) виновен ли обвиняемый в совершении этого уголовного преступления;
- 4) подлежит ли обвиняемый наказанию за совершенное им уголовное преступление;
- 5) имеются ли обстоятельства, отягчающие или смягчающие наказание обвиняемого, и какие именно;
- 6) какая мера наказания должна быть назначена обвиняемому и должен ли он ее отбывать;
- 7) подлежит ли удовлетворению предъявленный гражданский иск и, если так, на чью пользу, в каком размере, и в каком порядке;
- 7-1) имеются ли основания для применения к юридическому лицу мер уголовно-правового характера;
- 8) совершил ли обвиняемый уголовное преступление в состоянии ограниченной вменяемости;
- 9) имеются ли основания для применения к обвиняемому, который совершил уголовное правонарушение в состоянии ограниченной вменяемости, принудительных мер медицинского характера, предусмотренного ч. 2 ст. 94 УК Украины;
- 10) следует ли в случаях, предусмотренных ст. 96 УК Украины, применить к обвиняемому принудительное лечение;
- 11) необходимо ли назначить несовершеннолетнему общественного воспитателя;
- 12) что надлежит совершить с имуществом, на которое наложен арест, вещественными доказательствами и документами;
- 13) на кого должны быть возложены процессуальные издержки, и в каком размере;
- 14) как поступить с мерами обеспечения уголовного производства [5].

При постановлении судебного решения, в том числе судом присяжных, председательствующий руководит и последовательно ставит на обсуждение предусмотренные вопросы, проводит открытое голосование и ведет подсчет голосов. Исключение из этого правила составляет вопрос о продлении содержания обвиняемого под стражей до истечения двухмесячного срока со дня поступления в суд обвинительного акта, ходатайство о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера или со дня применения судом к обвиняемому меры пресечения в виде содержания под стражей. Данный вопрос решает председательствующий.

Все вопросы решаются простым большинством голосов. Исключение составляет случай, когда на рассмотрение выносится вопрос о мере наказания, а судья или присяжный голосовал за оправдание обвиняемого. В этом случае голос воздержавшихся добавляется к голосам, поданным за решение, которое является благоприятным для обвиняемого. При возникновении разногласий о том, какое решение для обвиняемого является более благоприятным, вопрос решается путем голосования. Выбранный законодателем подход свидетельствует о последовательной реализации принципов уголовного производства – презумпции невиновности и обеспечение доказанности вины (ст. 17 УПК Украины). Председательствующий для сохранения судьями и/или присяжными объективности при принятии решения по тому или иному вопросу голосует последним [8].

Отдельно следует уделить внимание такому важному аспекту для присяжного, как его процессуальный статус. Поскольку на период осуществления правосудия он приравнивается к профессиональному судье. УПК Украины содержит отдельную главу 37, в которой определен особый порядок уголовного производства для такой категории лиц. В частности, задержание судьи либо избрание в его отношении меры пресечения в виде

содержания под стражей или домашнего ареста до постановления обвинительного приговора судом не может быть исполнено без согласия Верховного Совета Украины.

Подводя итоги рассмотрения модели суда присяжных в Украине, обратимся к историческому и международному опыту, в частности, в России результатом судебной реформы 1864 г. стало учреждение института присяжных заседателей, который пользовался большой популярностью у большей части населения дореволюционной России. Но в настоящее время в странах общего права и особенно в странах континентальной системы права наблюдается тенденция к свертыванию деятельности суда присяжных или существенной трансформации его основных элементов. Участились роспуски состава жюри присяжных в виду нарушения присяжными уголовно-процессуальных и доказательственных правил. Произошло сужение компетенции суда присяжных снижение количества дел, направленных на его рассмотрение (США – 7,6 %; Англия – 3 %; Франция – менее 1 % от общего числа направленных в суды дел) [9]. Наделение председательствующего обширными дискреционными полномочиями, в частности правом подводить итоги, то есть делать резюме по результатам судебного разбирательства (судейская инструкция); право давать указания присяжным заседателям вынести вне зависимости от их внутреннего убеждения определенный вердикт, которое обязательно к исполнению, свидетельствуют о сужении полномочий присяжных. Постепенно уменьшилось количество вопросов факта и расширились вопросы права. Вышестоящие судебные инстанции получили право на отмену приговора, постановленного судом присяжных [9].

Суд присяжных в его классической форме сохранился в странах общего права (США, Великобритания) и некоторых; европейских (Швейцарии, Норвегии, Бельгии и Австрии), в которых дела о наиболее тяжких преступлениях рассматриваются одним – тремя профессиональными судьями и коллегией из 8–12 присяжных заседателей, раздельно решающих вопросы факта и права. И только Россия (1993), а затем Испания (1995) стали единственными странами Европы, которые возродили классический суд присяжных после его отмены или преобразования в форму «суда шеффенов» во многих европейских государствах. В то же время большинство стран континентальной Европы либо вообще не имеют такого института, как суд присяжных (Германия, Нидерланды), либо профессиональные судьи вместе с присяжными совместно решают вопросы виновности и назначения наказания (Дания, Греция, Италия, Финляндия, Швеция и т.д.) [9].

Таким образом, исторически на территории Украины, которая находилась под властью и Австро-Венгрии, и Российской империи существовала именно англо-саксонская модель суда присяжных. Другими словами, суд присяжных решал вопрос «виновен – не виновен», а профессиональный судья выносил на основе его мнения приговор. В России сегодня работает именно такая модель [10]. В Украине законодательно закреплена классическая (европейско-континентальная) модель суда присяжных, которая предполагает, что присяжные в единой коллегии решают и вопрос права, и вопрос факта [4, с. 31].

Такой подход, по мнению некоторых юристов, значительно повысил бы уровень работы следователей и обвинения в вопросе сбора доказательств преступления и причастности подсудимого к нему. Однако следует сказать непосредственно об украинском суде присяжных, который стал функционировать с 2013 года. В принципе, у присяжных недостаточно правовых знаний и юридической квалификации, чтобы решать вопрос права. Поэтому англо-саксонская модель, когда присяжные решают только вопрос факта, «виновен – не виновен» на основе тех доказательств, которые исследованы на судебном заседании, очевидно, больше всего нам подходит.

Учитывая вышеизложенное, приходим к выводам, что модель суда присяжных в Украине требует следующих усовершенствований:

- необходимости принятия закона о присяжных, заседателях или внесении изменений в существующий Закон Украины «О судоустройстве и статусе судей», в котором следует предусмотреть требования к мотивированию принятых решений присяжными;

- изменение критериев и порядка формирования коллегии присяжных, народных заседателей, в частности запрет на включение в списки народных заседателей, присяжных лиц, ранее судимых за умышленные тяжкие или особо тяжкие преступления (даже если судимость снята либо погашена);

- необходимо четко определить классификацию дел рассматриваемых судом присяжных, народных заседателей, в частности исключить из ведения особо тяжкие дела о терроризме;

- проведение краткосрочных ознакомительных семинаров для кандидатов в присяжные, народные заседатели, на которых они могли бы получить минимум знаний об уголовном судопроизводстве. Организаторами и исполнителями подобных семинаров могли бы выступать как суды общей юрисдикции, так и юридические высшие учебные заведения.

Суд присяжных – это не только сложный юридический институт, но еще и особенный социальный инструмент. Следует отметить замечания некоторых авторов, указывающих, что в полной мере потенциал суда присяжных может раскрыться в социально структурированном обществе. Если общество таковым не является, то фактически в нем отсутствует система общечеловеческих ценностей, в определенной степени данные черты присущи и украинскому обществу. Для сравнения стоит отметить, что в период внедрения судебной реформы 1864 года общество было более структурированным. Попадая в список присяжных, каждый понимал ответственность не только перед законом, но и перед обществом, непосредственно той его частью, к которой он социально принадлежал [2, С. 498]. Считается, что суд присяжных призван обеспечить реализацию конституционных принципов судопроизводства: независимости судей состязательности, гласности и т.д. Суд присяжных может положительно влиять на качество досудебного следствия. В частности, следователи понимают, что все недостатки следствия будут очевидны в ходе состязательного процесса и суд не возьмет на себя роль следователя, поэтому они будут принимать меры к выявлению всех обстоятельств – как изобличающих, так оправды-

вающих лиц, привлеченных к ответственности. Кроме того, улучшение работы прокуроров также под влиянием суда присяжных, поскольку в судебных заседаниях гособвинители должны уметь проводить допросы подсудимых, потерпевших, свидетелей, анализировать доказательства, выступать в дебатах.

В суде присяжных отделяется вопрос о виновности (решается присяжными в вердикте) от вопроса о наказании (решает судья в приговоре), чем по сути судебная власть делится на две взаимно контролирующие части, ограничивает возможности злоупотребления, коррупции и давления на судебную власть, укрепляет принцип беспристрастности и независимости суда и уменьшает риск судебных ошибок.

Список использованных источников

1. Наумов, А. Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура как институт общего надзора (обзор судебной практики) [Электронный ресурс] / А. Наумов // Российская юстиция. – № 1. – 2002. – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/jude/11047/>. – Дата доступа: 10.03.2016.

2. Обрусна, С. Ю. Механізм запровадження суду присяжних в Україні: історичний досвід та сучасні перспективи [Електронний ресурс] / С. Ю. Обрусна // Форум права. – 2012. – № 2. — Режим доступа: <http://cibs.ck.ua/files/scipub/obrusna2.pdf>. – Дата доступа: 10.03.2016.

3. Тернавская, В. М. Институт суда присяжных в Украине (историко-правовой аспект) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01/ В. М. Тернавская. – Киевский нац. ун-т имени Тараса Шевченко. – К., 2007. – Режим доступа: http://librar.org.ua/sections_load.php?s=economy_legal_science&id=937&start=7. – Дата доступа: 11.03.2016.

4. Качур, Р. П. Проблемні питання функціонування суду присяжних в Україні / Р. П. Качур // Митна справа. – 2013. – № 4(88). – Ч. 2. – С. 27–32.

5. Кримінальний процесуальний кодекс України [Електронний ресурс] : від 13.04.2012 р. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/4651-17/paran3044#n3044>. – Дата доступа: 11.03.2016.

6. Про судоустрій і статус суддів [Електронний ресурс] : Закон України від 07.07.2010 р. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2453-17>. – Дата доступа: 12.03.2016.

7. Шишленко, В. Г. Щодо удосконалення організації та діяльності суду присяжних в Україні [Електронний ресурс] / В. Г. Шишленко // Форум права. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2013-1/13svgpvu.pdf>. – Дата доступа: 12.03.2016.

8. Тертишник, В. М. Суд присяжних: ростки і суть ідей та її мімікрія при реформуванні кримінального судочинства України / В. М. Тертишник // Право України. – 2012. – № 7. – С. 274–278.

9. Пашковский Н. И., Гуртиева Л. Н. Суд присяжных: история и перспективы развития [Электронный ресурс] / Н. И. Пашковский, Л. Н. Гуртиева. – Режим доступа: <http://icrp.narod.ru/publicat/sudprs.htm>. – дата доступа: 12.03.2016.

10. Нужен ли Украине суд присяжных? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://glavred.info/archive/2011/06/02/150116-5.html>. – Дата доступа: 12.03.2016.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОПИЙ ПОЧЕРКОВЫХ ОБЪЕКТОВ

Подкатилина Мария Леонидовна,

старший преподаватель кафедры судебных экспертиз

Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА),

эксперт АНО «Содружество экспертов МГЮА им. О. Е. Кутафина», г. Москва,

кандидат юридических наук

Судебная почерковедческая экспертиза является одной из наиболее часто назначаемых экспертиз в гражданском и арбитражном процессах. Но, как показывает практика, не всегда для проведения почерковедческого исследования предоставляются оригиналы исследуемых документов. Часто лицам, обладающим специальными знаниями в области судебного почерковедения, приходится исследовать копии почерковых объектов.

Основной особенностью при производстве почерковедческих исследований по копиям документов является исследование не почерковой реализации на поверхности документа, а лишь ее изображения. Первые методические рекомендации по производству почерковедческих экспертиз по копиям были изданы Экспертно-криминалистическим центром МВД России в 2000 году [1]. Достаточно долгое время в экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации исследовать копии документов отказывались, однако в 2005 году сотрудниками РФЦСЭ при Минюсте России было подготовлено информационное письмо об особенностях исследования копий почерковых объектов [2]. С тех пор почерковедческие исследования, проводимые по копиям документов, стали достаточно распространенными, поскольку в указанных информационных письмах подробно были описаны особенности способа получения изображений почерковых объектов (копий) и специфика их исследования по сравнению с рукописными реализациями на поверхности документов.

Однако, к сожалению, несмотря на наличие рекомендаций по производству исследований, они соблюдаются не всеми экспертами. Так, в процессе рецензирования заключений почерковедческих экспертиз (по материалам

экспертной практики Автономной некоммерческой организации «Содружество экспертов МГЮА им. О. Е. Кутафина») было установлено, что эксперты зачастую не соблюдают требование методики о направлении ходатайства о предоставлении оригинала документа. В соответствии с требованиями экспертной методики по производству экспертизы по электрофотографическим копиям документов, необходимо принять все меры к тому, чтобы получить оригиналы, и лишь в случае невозможности этого производить экспертизу по копии [3].

Указанное правило связано с тем, что копия является ограниченным почерковым объектом, поскольку не позволяет исследовать ряд признаков. Если на исследование поступает копия, а не оригинал документа, и в постановлении/определении о назначении судебной экспертизы не содержится сведений о невозможности его предоставления, эксперт обязан направить ходатайство о предоставлении дополнительных материалов и только в случае получения отказа приступать к исследованию копии документа.

Другая проблема, связанная с исследованием копий почерковых объектов, заключается в том, что в процессе производства почерковедческих экспертиз эксперты проводят идентификационные исследования по тем же принципам, что и в отношении рукописных почерковых объектов [4]. Например, в одном из заключений эксперт определил степень нажима, хотя по копии установить, с какой силой осуществлялось давление на пишущий прибор в момент выполнения почерковой реализации, изображение которой исследуется, невозможно.

Наличие большого количества ошибок при составлении заключений эксперта по результатам исследования копий почерковых объектов, видимо, и обусловило проведение ЭКЦ МВД России эксперимента, суть которого заключалась в следующем: в ЭКЦ МВД России подготовлена серия копий документов, изображения подписей в которых были изготовлены способом компьютерного монтажа, с помощью факсимиле, а некоторые подписи выполнены исполнителями в оригиналах под действием сбивающих факторов или способом копирования на просвет. Полученные объекты с комплектами образцов почерка и подписей исполнителей направлены в 14 экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России и 6 судебно-экспертных учреждений иных органов исполнительной власти (Федеральную службу Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, РФЦСЭ при Минюсте России, Следственный комитет Российской Федерации и др.). Заданием являлось проведение идентификационного почерковедческого исследования подписей, изображения которых расположены в представленных на исследование документах. Подробнее ход и результаты проведенного ЭКЦ МВД России эксперимента описаны в работах [4, 5].

Основываясь на результатах эксперимента, ЭКЦ МВД России было подготовлено информационное письмо, в котором указано на невозможность исследования копий почерковых объектов [5]. В качестве обоснования причин непригодности копий почерковых объектов авторы письма ссылаются на следующее:

«по электрофотографическому изображению невозможно доказать факт существования рукописных записей, поскольку они могут быть сымитированы с применением технических средств;

невозможно установить, были ли исследуемые записи (подписи) выполнены в оригинале документа, копия которого представлена на экспертизу, либо внесены в данную копию документа путем монтажа;

невозможно установить факт предварительной технической подготовки записи (подписи);

вероятность выявления и правильной оценки диагностических признаков (в том числе нажимных, ритмических и иных характеристик почерка) является минимальной в связи с их нивелированием или искажением в изображениях, изготовленных с применением копировально-множительных устройств;

по изображению невозможно установить ряд важных идентификационных признаков;

по изображению невозможно дифференцировать природу происхождения отдельных признаков (обусловлено ли их появление особенностями письменно-двигательного навыка исполнителя или спецификой работы копировально-множительных устройств)» [5].

Но, по нашему мнению, нельзя категорически отрицать возможность исследования копий почерковых объектов, поскольку, несмотря на то что некоторыми экспертами совершались ошибки при исследовании копий, нельзя не отметить, что порой исследование копий остается единственным доказательством, которое сторона может представить, например в случае утраты оригинала документа, в том числе намеренного его уничтожения. В связи с указанным нельзя согласиться с позицией Экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, изложенной в информационном письме, о том, что производство почерковедческих экспертиз в отношении изображений документов недопустимо.

На наш взгляд, следует рекомендовать лицам, назначающим судебную почерковедческую экспертизу, перед направлением материалов попытаться получить оригинал документа и лишь в случае невозможности его предоставления направлять на исследование копию. При направлении на исследование копии следует указать в постановлении/определении о назначении судебной экспертизы, что предоставление оригинала документа невозможно. Данная оговорка необходима для того, чтобы не затягивать сроки производства экспертного исследования, поскольку, как мы указывали выше, при предоставлении копии документа эксперт обязан запросить его оригинал [6]. Кроме того, следует больше внимание уделять разъяснению особенностей исследования копий почерковых объектов при обучении экспертов, что позволит предотвратить экспертные ошибки, связанные с игнорированием особенностей их исследования.

Список использованных источников

1. Соколов, С. В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов : информ. письмо / С. В. Соколов, Е.А. Куранова, Е. В. Розанкова. – М. : ГУ ЭКЦ МВД России, 2000.

2. Ефремова, М. В. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям : информ. письмо / М. В. Ефремова, В. Ф. Орлова, А. Д. Старосельская // Теория и практика судебной экспертизы. № 1(1). – 2006. – С. 161–162.

3. Судебно-почерковедческая экспертиза: Особенная часть: Исследование малообъемных почерковых объектов ; ГУ РФЦСЭ при Минюсте России. – М. : ЭКОМ, 2011.

4. Рубцова, И. И., Волкова, С. В. Проблемные вопросы исследований копий почерковых объектов / И. И. Рубцова, С. В. Волкова // Современные возможности криминалистического исследования документов : материалы Межведомственной науч.-практ. конф., 28 мая 2013 г. – Московский ун-т МВД России, 2013. – С. 27–32.

5. Современные подходы к исследованию копий документов : информ. письмо. – М. : ФГКУ ЭКЦ МВД России, 2015.

6. Подкатилина, М. Л. Проблемы назначения и производства судебных почерковедческих экспертиз / М. Л. Подкатилина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – № 12. – 2015. – С. 116–121.

ТОВАРНАЯ КОНТРАБАНДА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Приходько Наталья Юрьевна,

старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орёл,
кандидат юридических наук

Появление понятия контрабанды и ее масштабы находятся в прямой зависимости от развития и уровня государственности. Исторический анализ понятия контрабанды и мер противодействия ей выявляет достаточно интересные криминологические особенности данного вида преступности. Появление границ между различными территориальными образованиями, ограничение и регулирование через них товаропотока, образование института пошлины на ввозимые и вывозимые товары ведут к появлению контрабанды как социального явления и лиц, нарушающих таможенные правила и законы с целью извлечения из этого дополнительной прибыли.

Жесткость репрессивных мер уголовно-правового характера не снижает уровень контрабандной преступности. Одним из первых нормативных актов советской власти, в которых говорится о контрабанде как о преступлении, был Декрет СНК РСФСР от 29 декабря 1917 г. «О разрешениях на ввоз и вывоз товаров», по которому:

товары, провозимые через границу без разрешения специально уполномоченного государственного органа, считались контрабандными и подлежали конфискации таможенными учреждениями; вводился контроль над всеми внешнеторговыми операциями.

Это был принципиально новый подход к правовому понятию контрабанды; можно сказать, что декрет вводил монополию внешней торговли на государственном уровне.

После принятия Декрета СНК РСФСР от 22 апреля 1918 г. «О национализации внешней торговли» коренным образом меняются цель и назначение таможенных органов, которые из «налоговых» превращаются в «охранительные». Теперь акцент делается не на взимание таможенных сборов, а на ограничение товаропотока. Однако понятие контрабанды в декрете не раскрывалось.

Следующим шагом советской власти на пути упорядочения мер ответственности за таможенные правонарушения было принятие Декрета СНК РСФСР от 3 января 1921 г. «О реквизициях и конфискациях», который включал в понятие контрабанды такие признаки, как сокрытие товаров, денег, всякого рода предметов от таможенного контроля путем каких-то ухищрений или их тайное перемещение помимо таможенных учреждений.

В первые годы советской власти уголовно-правовая политика государства в сфере борьбы с контрабандой характеризовалась нечеткостью и бланкетностью норм. Правоохранительные органы (ЧК, органы милиции, народные суды) руководствовались социалистическим правосознанием и общими нормами декретов советской власти. Об этом свидетельствует, например, описание контрабанды как преступления в ст. 97 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., лишь в общих чертах подразумевающего необходимость обращения к специальным законам и постановлениям о провозе через границу товаров.

Под простой контрабандой в УК РСФСР 1922 г. понимал нарушение законов и обязательных постановлений о вывозе за границу и провозе из-за границы товаров и валютных ценностей, дифференцировал ответственность за квалифицированную контрабанду и сохранил жесткие санкции. Это же поддерживал и Декрет СНК РСФСР от 1 сентября 1922 г. «О таможенной охране».

Названный декрет предусматривал гражданско-правовую ответственность за контрабанду, не осложненную обстоятельствами (в виде конфискации предметов контрабанды и штрафных санкций).

Следующий Декрет СНК РСФСР от 24 апреля 1923 г. «О таможенной охране» в качестве контрабанды предусматривал перемещение или покушение на перемещение какого-либо имущества через государственную, пограничную черту с сокрытием от таможенного контроля.

Таможенный устав Союза ССР от 12 декабря 1924 г. содержал более детальное определение понятия контрабанды: «всякое перемещение через государственную пограничную черту товаров, ценностей, имущества и всякого рода предметов помимо таможенных учреждений или через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля» [2].

Предпринимаемые Советским государством меры в сфере «борьбы» с контрабандой не привели к желаемым результатам, количество преступлений росло. Контрабанда совершалась как в коммерческих, так и в потребительских целях, то есть в современном понятии – «товарная» контрабанда. Предметом «импортной» контрабанды в основном выступали спирт, парфюмерия, мануфактура, галантерея, кожа и другие товары. Предметом «экспортной» контрабанды были ценные металлы, лен, пушнина.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. в ст. 83 «сохранил» «последнюю» редакцию нормы о контрабанде. В 1928 г. принят Таможенный кодекс СССР [3], согласно которому простая контрабанда – это всякое перемещение через границу грузов помимо таможенных учреждений или через эти учреждения, но с сокрытием от таможенного контроля, а равно всякие действия, направленные на это: приготовление, хранение контрабандных товаров, их продажа и т. п.

В 1958 г. приняты Основы уголовного законодательства СССР и Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», где контрабанда определялась как незаконное перемещение товаров или иных ценностей через государственную границу СССР, совершенное с сокрытием предметов в специальных хранилищах, либо с обманным использованием таможенных и иных документов, а равно контрабанда взрывчатых, наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ, оружия и воинского снаряжения.

Распад СССР в 1991 г. вызвал необходимость создания полноценной таможенной службы РФ, так как государство столкнулось с глубоким кризисом в области регулирования внешней торговли. Отправной точкой формирования таможенного ведомства стало принятие Правительством РСФСР постановления от 26 декабря 1991 г. № 65, в котором были определены структура, задачи и функции Государственного таможенного комитета РФ [4]. Этот шаг положил начало созданию центрального аппарата, а также вертикально выстроенной организационной структуры таможенной службы: во главе – ГТК РФ, которому подчинялись региональные таможенные управления, далее – таможни и таможенные посты. Данная структура позволила диверсифицировать таможенный контроль между центром и регионами, что увеличило объемы внешнеэкономических операций и улучшить не только размер получаемых государством таможенных платежей, но и саму систему контроля. С другой стороны, ГТК РФ не предоставлял управлениям полной автономии на осуществление таможенного дела в регионе, что было вызвано объективными причинами, связанными с нехваткой квалифицированных кадров, возможностью влияния на принятие решений руководителями регионов.

Существенным вопросом на этапе формирования РФ в целом и таможенной службы был, в частности, вопрос о создании государственной и таможенной границы. С момента распада СССР она не была определена. В связи с этим был принят Указ Президента Российской Федерации от 18 июля 1992 г. № 788 «О неотложных мерах по организации таможенного контроля», установивший таможенные границы с бывшими союзными республиками [5], а вслед за ним – Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации», в соответствии с которым административные границы с бывшими республиками СССР приобрели статус государственных [6]. Это положило начало формированию инфраструктуры таможенных органов на границе страны и стало предпосылкой для предотвращения ее разграбления путем незаконного экспорта стратегических ресурсов. Развитие таможенной службы и ее институтов сопровождалось формированием нормативно-правовой базы.

Основной вехой в данном направлении стало принятие в 1993 г. Таможенного кодекса РФ, закрепившего основополагающие принципы реализации таможенного дела в стране. В соответствии с ним в качестве предмета контрабанды рассматривались любые предметы и товары, независимо от объема и размера; сюда же были отнесены предметы художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран. Кодекс также дифференцировал субъекта в соответствии с должностным положением.

В 1994 г. на основании Федерального закона от 1 июля 1994 г. [7] ст. 78 УК РСФСР была изложена в новой редакции. В соответствии с ней уголовная ответственность наступала за незаконные перемещения через таможенную границу РФ только наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и других веществ, вооружения и оружия. Все иные товары и транспортные средства могли являться предметом данного преступления в случае перемещения их через таможенную границу вопреки прямому запрету присутствующего при этом должностного лица, осуществляющего таможенный контроль. В иных случаях незаконное перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу влекло уголовную ответственность только при совершении этих действий в крупных размерах.

В этот период, можно отметить, произошли изменения в отношении уголовной ответственности за перемещение через таможенную границу небольших сумм в валюте: указанное деяние перестало быть уголовно наказуемым. Однако, вместе с тем, возникла необходимость в установлении уголовной ответственности за незаконное перемещение предметов, ограниченных или запрещенных в гражданском обороте.

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в ст. 188 под контрабандой определял перемещение в крупном размере через таможенную границу России товаров или иных предметов, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с не декларированием или недостоверным декларированием.

Как можно отметить, до начала XXI в. в УК РФ и Таможенном кодексе РФ были закреплены существенно отличающиеся друг от друга определения понятия контрабанды.

Таким образом, правоприменитель имел существенные затруднения в своей деятельности, так как деяния, различные по степени и характеру общественной опасности, подпадающие под определение «контрабанда», необходимо было квалифицировать. В свою очередь законодатель предпринимал попытки разъяснить правоприменителю понятие и сущность контрабанды [8] и указывал на главенствующую роль УК РФ.

Необходимо сказать о недопустимости критики законодателя в этом вопросе, и к этому мнению присоединяются некоторые исследователи [12]. Однако некоторые авторы допускали мысль о разделении контрабанды по объекту посягательства. Так, Ю. И. Сучков [14] пишет, что контрабандой следует называть незаконное перемещение через таможенную границу РФ не только тех товаров и иных предметов, которые находятся в свободном обращении, но и предметов, запрещенных или ограниченных в свободном обороте. Поддерживает его в этом мнении С. А. Сирма, который в своей работе предлагает разделить контрабанду товаров от контрабанды людей и предметов, изъятых или ограниченных в обороте предметов [13].

По поводу разделения состава контрабанды по объекту высказывает мнение Б. В. Волженкин [11], который ставит под сомнение обоснованность применения термина «контрабанда» для обозначения общественно опасных деяний, посягающих не на экономические интересы, а на общественную безопасность.

Необходимо отметить, что попытка разделения состава контрабанды по объекту посягательства была впервые предпринята в Президентском проекте УК РФ 1992 г. [9], где предлагались две статьи: ст. 170 «Контрабанда товаров, культурных ценностей» и ст. 196 «Контрабанда наркотических средств, сильнодействующих и других веществ и иных предметов» УК РСФСР. Указанные статьи включались в разные разделы Уголовного кодекса: «Экономические преступления» – в главу «Хозяйственные преступления», а «Преступления против общественной безопасности» – в главу с аналогичным названием.

Такое разделение состава контрабанды учеными было воспринято критично. Так, Ю. И. Сучков высказал мнение, что включение контрабанды в главу «Преступления против общественной безопасности» является спорным, несмотря на предметы этого преступления: «... Место этого преступления в системе Особенной части Уголовного кодекса должно определяться его основным родовым видовым объектом, сущность которого свойства предметов изменить не могут. Следовательно, разделение состава контрабанды по двум главам разных разделов Уголовного кодекса было научно не оправдано» [13].

В итоге проект не был принят законодателем, и работа над ним продолжилась. В 1994 г. в новом совместном законопроекте уголовного кодекса, разработанном Государственно-правовым управлением Президента, Министерством юстиции и инициативной группой депутатов Государственной Думы, уголовная ответственность за контрабанду наступала только при перемещении предметов, материалов и оборудования, запрещенных или ограниченных к свободному обороту, стратегически важных сырьевых товаров и предметов, имеющих художественную, историческую или научную ценность. Ответственность за промышленные, продовольственные товары, валюту, т. е. так называемую товарную контрабанду, была отнесена к административному законодательству.

С этим можно согласиться только отчасти [15, 16]. Естественно, такой подход в перестроечный период был невозможен. Новое государство только входило в рыночные отношения, внешнеэкономические отношения были нестабильны, поток товаров через границу, перемещенных незаконно, был огромен, страна нуждалась в контроле товарооборота, в том числе уголовно-правовыми средствами. Однако, рассматривая уголовный закон, сконструированный самим законодателем в зависимости от объекта преступного посягательства, мы видим, что размещенная в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» ст. 188 УК РФ доказывает обратное. Непосредственным объектом контрабанды выступали самые разнообразные общественные отношения: в сфере экономики, финансовой сфере, в сфере общественной безопасности, общественного порядка. Это положение, по сути, нарушало методологию построения уголовного закона, поскольку способ и место совершения преступления, являясь факультативными элементами состава, не могут быть положены в основу закрепления того или иного состава в той или иной главе УК РФ.

Логичным, по мнению автора, являются изменения, внесенные Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ [10], который декриминализовал имевшийся в ст. 188 УК РФ состав контрабанды и определил составы преступлений двух новых видов контрабанды (ст. 226¹ и ст. 229¹ УК РФ), разместив их в одном разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» и 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» соответственно.

Декриминализовав понятие «товарная контрабанда», отнеся ее в область административной юрисдикции, законодатель устранил правовую коллизию и пошел по пути развитого правового государства, учитывая исторически изменчивую природу рассматриваемого преступного деяния, в соответствии с криминологическими реалиями современной России, современным понятием социальных ценностей и потребностей.

Однако нельзя не отметить, что в декабре 2011 г. законодатель поспешил полностью отказаться от понятия экономической контрабанды. Новые нормы содержали достаточно большой список предметов, ограниченных и запрещенных в свободном обороте на территории России, но общественные отношения, охраняющие экономическую и финансовую сферу, перестали быть защищенными. В диспозициях статей отсутствовал такой предмет как деньги и валюта, которые в современном мире являются законными платежными средствами, а также ценные бумаги (дорожные чеки, векселя и др.), используемые в финансовой сфере и ставшие распространенными в последние десятилетия на территории России. Этот пробел законодатель устранил только спустя полтора года, в июне 2013 г., дополнив список контрабанды еще одной статьей – 200¹, а затем в 2014 году и статьей 200² [10], разместив в разделе XII «Преступления в сфере экономики» в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», чем привел «контрабандные преступления» в логическое соответствие с общей методологией построения всего УК РФ.

Можно заключить, что исторический анализ понятия контрабанды и мер борьбы с ней выявляет достаточно интересные особенности данного преступления. Понятие контрабанды и ее масштабы находятся в прямой зави-

симости от развития и уровня государственности. Жесткость репрессивных мер уголовно-правового характера не снижает степени развития контрабанды. Наиболее эффективной мерой социального контроля контрабанды, как показывает исторический опыт, выступают нежесткие меры внешнеэкономического регулирования. Особенно остро проблемы борьбы с контрабандой, как показывает историко-правовой анализ, стояли в периоды смены государственной власти, изменения внешней или внутренней экономической политики. Именно в эти нестабильные исторические периоды происходит ужесточение репрессивных мер борьбы, которые в конечном итоге не оправдывали возлагавшихся на них планов, связанных либо с фискальными целями, трансфертами и ограничением ввоза – вывоза отдельных категорий сырья или товаров.

Список использованных источников

1. О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ : Декрет СНК РСФСР, 17 окт. 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 70. Ст. 564.
2. Таможенный устав Союза ССР : утв. ЦИК СССР 12 дек. 1924 г.) // Собрание законов СССР. – 1925. – № 5. – Ст. 53.
3. Таможенный кодекс : утв. постановлением ЦИК и СНК РСФСР, 19 дек. 1928 г.
4. Вопросы Государственного таможенного комитета РСФСР : постановление Правительства РСФСР, 26 дек. 1991 г. № 65 : ред. от 12 нояб. 1999 г. // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 50. – Ст. 1421.
5. О неотложных мерах по организации таможенного контроля : Указ Президента Рос. Федерации, 18 июля 1992 г., № 788 // Собрание актов Президента и Правительства Рос. Федерации. – 1992. – № 4. – Ст. 176.
6. О Государственной границе Российской Федерации : Закон Рос. Федерации, 1 апр. 1993 г., № 4730-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1993. – № 17. – Ст. 594.
7. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Федеральный закон Рос. Федерации, 1 июля 1994 г., № 10-ФЗ : ред. от 18 дек. 2001 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 10. – Ст. 1109.
8. О предмете контрабанды : письмо Государственного таможенного комитета Рос. Федерации, 24 нояб. 1997 г., № 06–10/22644 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016; О судебной практике по делам о контрабанде : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации, 27 мая 2008 г. № 6 : ред. от 28 сент. 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2008. – № 8.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации (проект), вынесенный Минюстом РСФСР на обсуждение в Верховный Совет РСФСР // Спецвып. ж-ла «Закон». – 1992.
10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон Рос. Федерации, 7 дек. 2011 г., № 420-ФЗ : ред. от 28 дек. 2013 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7362; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям : Федеральный закон Рос. Федерации, 28 июня 2013 г., № 134-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 26. – Ст. 3207.
11. Волженкин, Б. В. Экономические преступления / Б. В. Волженкин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 1999. – С. 182.
12. Карнишина, Г. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с контрабандой (на материалах Южного федерального округа) [Текст] : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г. В. Карнишина. – М. : АУ МВД России, 2005. – С. 17.
13. Сирма, С. А. Борьба с организованной преступной деятельностью в сфере таможенного контроля (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / С. А. Сирма. – М., 1999. – С. 16–17.
14. Сучков, Ю. И. Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности Российской Федерации / Ю. И. Сучков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЗАО Изд-во «Экономика», 2007. – С. 61–62, 65.
15. Антохина, Н. Ю. Об истории развития законодательства, устанавливающего наказание за контрабанду в дореволюционной России / Н. Ю. Антохина // Государство и право: история и современность : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. – Курск : Автономная некоммерческая образовательная организация высшего профессионального образования «Индустриальный институт», 2011. – С. 18–23.
16. Антохина, Н. Ю. Контрабанда: ретроспективный анализ / Н. Ю. Антохина // Наука и практика. – 2012. – № 1(50). – С. 7–11.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧИНОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1822–1917 Г.

Пчелкина Елена Витальевна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
ОЧУ ВО «Международный юридический институт», Астраханский филиал, г. Астрахань,
кандидат юридических наук

Деятельность чинов тюремной системы на рубеже XIX–XX вв. имела в своей основе серьезную правовую базу, разработка которой осуществлялась главным образом в течение 1830–90-х гг.

Так, одними из основополагающих правовых документов определяющими содержание деятельности системы исполнения уголовных наказаний были Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (1890 г. с изменениями 1906, 1908 и 1909 гг.) и Устав о ссыльных (1909 г.) [1, с. 3427–3548]. Основные нормы этих уставов базировались на положениях Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных 1832 г. (дополненный в 1842 г.), который, в свою очередь, вобрал в себя нормы отдельных частных инструкций (Московской 1804 г. и Петербургской 1819 г.), регламентировавших некоторые вопросы организации тюремного быта, и Инструкции смотрителю тюремного замка 1831 г. [2, с. 244–249] (далее – Инструкция). Указанная Инструкция пересмотрена высочайше утвержденным 3 мая 1865 г. мнением Государственного Совета «О замене военных караульных постов». Названные документы впервые в истории российского государства объемно и всесторонне определили деятельность системы мест заключения, порядок и условия отбывания арестантами наказания, формы и методы воздействия на них.

Согласно Своду учреждений и уставов о содержащихся под стражею сотрудники пенитенциарной системы России в соответствии с их правовым положением делились на две группы: классные чины и нижние чины.

Первая группа сотрудников представляла собой управленческий (руководящий) состав. Административными вопросами губернской и уездных тюрем ведал губернатор и тюремное отделение губернского правления, хозяйственными вопросами губернской тюрьмы – губернский попечительский о тюрьмах комитет, уездных тюрем – уездные отделения того же комитета. Непосредственное управление тюрьмой (замком) осуществлял смотритель, а по Закону от 15.06.1887 «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» [3, ст. 4593] – начальник тюрьмы. Закон ввел в управление тюрьмами на местах, а также помощниц или смотрительниц, заведующих женским отделением и состоящих при местах лишения свободы священников, дьяконов, псаломщиков, врачей, фельдшеров и фельдшерниц (ст. 25) [4, с. 19].

Так, с 01.09.1914 по 08.06.1915 на должность начальника Астраханской губернской тюрьмы был назначен Викентий Игнатьевич Ивашко (до указанного срока должность временно исполняющего обязанности начальника тюрьмы занимал коллежский секретарь Касаткин). Ивашко В. И., исходя из формулярного списка о службе, родился 06.04.1877, из крестьян, имение отсутствует, вероисповедание православное, воспитание получил домашнее. Был женат на девице Александре Борисовне Ременниковой. Имел троих детей (Зинаиду, 09.04.1904 года рождения; Николая, 04.12.1905 года рождения и Василия, 16.03.1907 года рождения). На момент подачи прошения на замещение вакантной должности начальника Астраханской губернской тюрьмы числился «исправляющим должность начальника Ишимской тюрьмы и Губернским секретарем». Жалование получал 750,00 рублей и 750,00 рублей столовых. Имел орден Святого Станислава 3 степени и светло-бронзовую медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых. 08.06.1915 в связи с болезнью В. И. Ивашко был уволен со службы, согласно прошению. Его должность занял начальник Новороссийской тюрьмы, надворный советник Преображенский [5, Л. 2, 16, 73–79, 187].

Ответственность за санитарно-гигиеническое состояние мест заключения была возложена на смотрителя, как «полного хозяина тюремного замка и блюстителя в оном внутреннего порядка» [6, с. 82] (ст. 206 Инструкции). Непосредственная организация лечебной и санитарно-профилактической работы в местах лишения свободы, в том числе в Астраханской губернии, в соответствии со ст. 165 Инструкции была возложена на врача, которому по медико-санитарной части подчинялись все служащие тюрьмы, а также медицинский персонал больницы и аптека. В нормах ст. 180–195 Инструкции получили юридическое закрепление основные обязанности врача тюремного замка: врачебный осмотр вновь поступающих в тюремный замок арестантов; ежедневный обход тюремного замка для проверки санитарного состояния всех помещений и распоряжений по устранению выявленных недостатков; «отведывание» пищи и питья, «заготавливаемых в тюремном замке, и в случае дурного качества уведомление о том смотрителя; также осмотр приносимых в подавание припасов, дабы не было в них примешано вредного»; заведование тюремной больницей и аптекой; направление в больницу заболевших заключенных; лечение арестантов в тюремной больнице, их осмотр не менее двух раз в день, ведение медицинской документации; ежедневное предоставление смотрителю сведений о больных арестантах; подача заявок на медикаменты, их учет и т. д. [7, с. 179–184].

Уездный врач назначался Комитетом попечительного общества о тюрьмах. Лечение осужденных и лекарственные средства оплачивало Казначейство. Между тем часто лекарства в рассматриваемый период безвозмездно жертвовал Директор и секретарь Астраханского комитета, известный и уважаемый аптекарь (основал в начале XIX века одну из первых вольных (частных) аптек в г. Астрахани), титулярный советник Карл Иванович Оссе, награжденный за благотворительность и усердную службу орденами Святой Анны, Святого Владимира, Святого Станислава и золотыми часами с цепочкой от мэрии Астрахани.

Вторую группу сотрудников пенитенциарной системы составляли вольнонаемной тюремной стражи – так называемые нижние чины. В соответствии со ст. 26 гл. 3 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею к тюремной страже относились старшие и младшие надзиратели и надзирательницы, которые уравнивались в служебных правах (Закон от 15.06.1887 (ст. 26 тома XIV, изд. 1890 г.) ввел в тюремную стражу тюремных надзирательниц для надзора за содержащимися лицами женского пола). Именно на них возлагалась вся основная работа по поддержанию установленного в местах заключения порядка [8, с. 191].

Должностные обязанности надзорсостава. В начале XX века обязанности закреплялись Общей тюремной инструкцией, утвержденной министром юстиции, сенатором А. Хвостовым 28.12.1915 и действовавшей на всей территории Российской империи вплоть до 1917 г. Несмотря на циркулярное письмо Временного правительства от 27.04.1917 № 34, в соответствии с которым Инструкция не могла считаться «подлежащей безусловному

применению», ею надлежало руководствоваться впредь до принятия нового нормативного акта, который так и не был подготовлен Временным правительством [9, с. 316]. Кроме того, Министерство юстиции Циркуляром от 23.01.1915 №4 в дополнение к Циркуляру от 10.03.1912 № 9 уведомило Астраханского губернатора о том, что «в ближайшее время будет выпущено новое издание «Памятка тюремного надзирателя», являющееся практическим пособием для чинов тюремной стражи при исполнении ими обязанностей своей службы». Памятку эту надлежало выписывать из склада изданий ГТУ, находившемся при типографии Петроградской одиночной тюрьмы [10, Л. 4].

Обязанностям чинов тюремной стражи был посвящен четвертый раздел Инструкции. При этом особо выделялись старшие надзиратели, которые могли контролировать административный порядок, хозяйственную часть, в том числе работы арестантов.

Работа старшего надзирателя в тюрьме была весьма схожа с ныне выполняемыми функциями начальника караула. Старший надзиратель наблюдал за своевременной явкой младших надзирателей на службу, проверял их экипировку, бдительность несения службы в ночное время, осуществлял смену караула.

Старший надзиратель, отвечавший за хозяйственную часть, следил за состоянием отопления и освещения тюремного здания, своевременным поступлением обмундирования для надзорсостава и одежды для арестантов, организовывал снабжение заключенных продовольствием.

В обязанности старшего надзирателя, ответственного за арестантские работы, входило распределение работ среди заключенных, снабжение их необходимыми материалами и инструментами. В его обязанности также вменялись контроль за деятельностью вольнонаемных сотрудников в части соблюдения ими установленных правил и пресечение внеслужебных связей с осужденными. На данную категорию сотрудников возлагалось заполнение статистических листков осужденных, в которых отражались антропометрические данные последних, личные сведения, сведения о совершенных ими преступлениях и их отношении к ним, состоянии их здоровья в период отбывания наказания и их поведении. Такие данные могли использоваться при розыске осужденных, совершивших побег, либо возможном представлении арестанта к досрочному освобождению. Следовательно, старшие надзиратели были ключевыми фигурами во всех сферах жизнедеятельности пенитенциарных учреждений [11, с. 140-141].

Правилам прохождения службы младшими надзирателями была посвящена гл. 3 Инструкции. В обязанности привратника входило: контроль входа и выхода с территории тюрьмы, хранение ключей от камер и служебных помещений, проведение обысков и досмотров входящих и выходящих лиц, кроме руководящего состава [8, с. 192]. Выводные надзиратели наблюдали за арестантами во время прогулок, работ, выводов в баню, школу и т. п. Надзиратели хозяйственные и при мастерских наблюдали за кладовыми и мастерскими. Дежурный надзиратель сопровождал арестантов, контролируя процедуру их приема, освобождения, свиданий. Запасные надзиратели не имели определенных обязанностей и назначались по одному на каждые 8–10 младших надзирателей на случай замены их по состоянию здоровья либо смены лиц, находящихся на отдыхе [11, с. 141].

Основной проблемой тюремной системы России в целом и Астраханской губернии в частности являлась проблема подбора кадров. Традиционная оценка исследователей, когда-либо затрагивавших этот вопрос, примерно такова: «Десятилетиями штаты тюрем и изоляторов комплектовались даже по родственному принципу: сотрудники уговаривали родственников подсобить. Но те втягивались и оставались насовсем. И до недавних пор каких-то особых требований при приеме на работу не было. Брели всех подряд» [12, с. 146].

В Астраханской губернии каждый надзиратель или надзирательница, принимаемые на службу, заполняли анкету, где указывали: ФИО, возраст, образование, профессию, «место рождения (место приписки), был ли под судом (когда и долго ли), к чему присужден, был ли в тюрьме (когда и долго ли), отношение к воинской повинности и пр.» [13, Л. 1]. После октября 1917 г. дополнительно были введены следующие пункты: «в каких советских учреждениях работал (когда, где и почему выбыл), кто из известных советских или партийных работников знает тебя лично, кто из них может удостоверить твою честность и политическую благонадежность, убеждения, состоишь ли в партии, не пострадал ли от реквизиции или от конфискации при советской власти (когда и что было реквизировано или конфисковано) и пр.» [13, Л. 1].

Кроме того, работники подписывали Обязательство (состоявшее из восьми пунктов) об условиях найма (прообраз должностного регламента), согласно которому надзиратели находились «в полном распоряжении начальника тюрьмы, а равно по его указаниям исполняли все постановления о тюремном содержании», что подтверждают п. 3 и 4 Обязательства «... за проступки мои по службе, не подлежащие преследованию в общем судебном порядке, я могу быть подвергнут по усмотрению начальника тюрьмы, его властью: замечанию, выговору и аресту до 7 дней; равным образом по его же, начальника тюрьмы усмотрению, я могу быть подвергнут штрафу в размере от 1 до 5 рублей, которые должны быть удержаны из первой выдачи мне жалования, или быть уволен вовсе от службы без счета за текущий месяц».

Начальник Астраханской губернской тюрьмы на каждого потенциального подчиненного направлял запрос в Астраханское сыскное отделение, относительно того, «... состоял ли он под судом и следствием и не имеется ли о нем каких либо компрометирующих дел» [14, Л. 11].

Штат надзирателей (старших и младших) всецело зависел от количества арестантов в исправительном учреждении. Попечительный о тюрьмах комитет, получая сведения по тюрьмам Астраханской губернии, в отдельные годы принимал решение об увеличении штата нижних чинов. Так, в 1870 г. исходя из Рапорта исполняющего обязанности при Губернаторе от 18.01.1870 № 80 следует, что «... для наблюдения за содержащимися в Астраханском тюремном замке арестантами, исполнения всех необходимых по содержанию тюремного замка работ, находится при замке всего 12 служащих... собственно для надзора за арестантами, размещенными в 11 коридорах

с 4 камерами в каждом и исполнения всех работ по содержанию арестантских камер состоит только 7 ключников (!), вследствие чего, некоторым из ключников назначено иметь надзор за арестантами, размещенными в 2 коридорах». На основании изложенного и ст. 84 гл. XIV Устава о содержащихся под стражей было предложено увеличить штат надзирателей до 11 (по количеству коридоров), наняв еще 4 сотрудника. Во исполнение Рапортом смотрителя Астраханского тюремного замка от 15.02.1871 №186 были наняты 3 надзирателя: отставные матросы Никита Мизякин (с 21.01.1871), Алексей Зуев (с 26.01.1871) и бессрочно отпускной рядовой Карл Минаев (с 28.01.1871); а 21.02.1871 в камерные надзиратели нижнего этажа замка был зачислен еще один [15, Л. 3–6].

Жалование (оклад) нижним чином выплачивалось ежемесячно. Сумма оплаты варьировалась и зависела от места заключения (город или уезд) и должности (старший или младший надзиратель).

Так, в 1871 г. вознаграждение надзирателя составляло 84,00 руб. в месяц (336,00 руб. в год) [15, Л. 4]. О жаловании в 1905 г. по тюрьмам Астраханской губернии можно судить исходя из таблицы:

Сведения о составе надзора в тюрьмах Астраханской губернии

(представлены в ГТУ от 17.02.1906 г. № 121, составлены Астраханским Губернским попечительным о тюрьмах комитетом) [16, Л. 4-5] (извлечения)

Название мест заключения	Надзиратели и надзирательницы, содержащиеся за счет казны									
	Старшие					Младшие				
	Число надзирателей каждого оклада отдельно	Годовой оклад				Число надзирателей каждого оклада отдельно	Годовой оклад			
		каждому		всем			каждому		всем	
руб.		коп.	руб.	коп.	руб.		коп.	руб.	коп.	
Астраханская	3	24 0	–	72 0	–	2 3	18 0	–	4140	–
Енотаевская	1	15 0	–	15 0	–	4	12 0	–	480	–
Черноярская	1	15 0	–	15 0	–	4	12 0	–	480	–
Царевская	1	15 0	–	15 0	–	5	12 0	–	600	–
Ордынская	1	24 0	–	24 0	–	3	18 0	–	540	–

Примечание (автора). Несмотря на указанную в таблице сумму жалования для старших надзирателей в Астраханской губернской тюрьме (240,00 руб. в год), анализ послужного списка Е. С. Дмитриенко показал, что приказом от 06.11.1905 № 14 она была назначена старшей надзирательницей в названную тюрьму с «получением содержания 216,00 рублей в год» (!) и лишь приказом по тюремному ведомству от 01.11.1910 № 259 (§1) была повторно зачислена на должность с окладом уже в 240,00 руб. в год [17, Л. 3].

Помимо оклада для нижних чинов пенитенциарной системы вводилась доплата по содержанию из экономических средств (столовое и квартирное довольствие), ее не запрещалось получать и натурой. Размер доплаты для старших и младших надзирателей был одинаков и составлял: в Астраханской губернской тюрьме – 60,00 рублей; в Черноярской и Царевской тюрьме – 24,00 рубля. В Енотаевской уездной тюрьме у старшего надзирателя доплата составляла 36,00 рублей, а у младшего – 60,00 рублей. В Ордынской тюрьме доплаты не производились.

Доплаты производились и за выслугу лет в тюремном ведомстве. Согласно ст. 33 Устава о содержащихся под стражею (1890 г.), за 5-летнюю службу надзорсоставу полагалось добавочное содержание в размере $\frac{1}{3}$ должностного оклада (так, для старшей надзирательницы Е. С. Дмитриенко эта сумма составляла 80,00 руб. в год) [17, Л. 4]. Сотрудники, прослужившие 10 лет, получали дополнительно к жалованью еще треть оклада, а за 15 лет службы полагался двойной оклад денежного довольствия [8, с. 192].

Между тем по примечанию 2 к Сведениям о составе надзора в тюрьмах Астраханской губернии с 1906 г. согласно Отношению ГТУ от 21.01.1906 № 1527 оклад отдельных надзирателей от казны был увеличен и составлял:

- 1) по Астраханской губернской тюрьме – для 2 старших надзирателей по 300 руб.; 8 младших по 240 руб.;
- 2) по уездным тюрьмам – 3 старшим надзирателям по 180 руб.; 7 младшим (Енотаевская и Черноярская по 2 и Царевская – 3) по 150 руб. в год.

Тем надзирателям, кому годовой оклад был увеличен, прибавка из экономических сумм соответственно уменьшалась [16, Л. 4–5].

У сотрудников, проходивших службу в губернских тюрьмах, оклад был несколько выше, что было обусловлено более высокими ценами губернского города. В 1910 г. вознаграждение в Астраханской губернской тюрьме для всех младших надзирателей достигло 240,00 рублей [14, Л. 17–18] (но для вновь принимаемых надзирателей, например в 1915 г., оклад также составлял 240,00 руб. в год [18, Л. 1, 7–8]), из которых в качестве залога в течение первых пяти месяцев службы удерживалось по 2,00 рубля (всего 10,00 рублей) [14, Л. 3; 17, Л. 12]. В 1913 г. отдельным служащим (младшему надзирателю С. Рунову) жалование повысили до 300,00 рублей [14, Л. 17–18; 19, Л. 11], а в 1915 г. до 400,00 рублей [14, Л. 4, 21] (у отдельных лиц эта сумма продолжала составлять 300,00 руб. [18, Л. 9–10, 1423, 25–26, 28–29]).

Общественно-политические события 1917 г. значительно снизили жизненный уровень населения страны. Осознавая тяжелое материальное положение надзирательского состава тюрем, постоянную опасность для жизни и здоровья сотрудников, исходящую со стороны осужденных, и стремясь поднять престижность службы, с 01.10.1917 Временное правительство повысило размер денежного довольствия сотрудников [20]. Изменился и размер доплат надзорскому составу за выслугу лет, который стал фиксированным. Отныне лица, прослужившие 5 лет, получали доплату к окладу в размере 120 руб. в год, а за 10 лет службы – 240 руб. в год. Была введена фиксированная доплата за получение жилья внаем, составлявшая 25,0 % от оклада денежного содержания.

С повышением денежного довольствия надзорскому составу пенитенциарных учреждений Главное управление мест заключения повысило и требования к несению службы. Так, ГУМЗ своим циркуляром от 17.08.1917 № 68 в обязанности надзирателей включило дополнительное несение службы до четырех часов в сутки; указало на необходимость своевременного прибытия по тревоге и на непосредственное подчинение надзирателей начальникам мест заключения [8, с. 192–193].

Согласимся с С. В. Шебалковым, отмечавшим, что «недостатки отечественной пенитенциарной системы рассматриваемого периода были значительны. Функционирование тюрем в губерниях и областях на практике плохо контролировалось вышестоящими инстанциями. Власть тюремной администрации нередко превращалась в произвол со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ввиду маленького жалования и определенно негативного общественного отношения к служащим тюремного ведомства, жизненный уровень и моральный облик последних были низким. В то же время в пенитенциарной системе России периода поздней Империи можно выделить и положительные моменты. Так, при проведении реформы тюремного управления царским правительством учитывался опыт западноевропейских тюремных систем, а выстроенная по ее итогам пирамида тюремного управления была достаточно жизнестойкой и продолжала функционировать вплоть до 1917 г. Повысился научный интерес к вопросам тюремного дела, в связи с чем в конце XIX в. оформилась специфичная отрасль уголовного права – тюремноеведение» [21, с. 460].

Список использованных источников

1. Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи. – СПб., 1912. – Т. 14. – С. 3427–3548.
2. Рассказов, Л. П., Упоров, И. В. Инструкция смотрителю тюремного замка 1831 года как исток уголовно-исполнительного права России / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 244 – 249.
3. ПСЗ. Собр. 3-е. СПб./Пг., 1884–1917, т. 7, ст. 4593.
4. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы / М. Н. Гернет. – М., 1952. – Т. 3. – С. 19.
5. ГААО. Ф. 17. Оп. 2. Д. 26.
6. Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. В. Н. Коковцов и С. В. Рухлов. – СПб., 1894. – С. 82.
7. Пертли, Л. Ф. Правовые основы медико-санитарного обеспечения заключенных в дореволюционной России (1831–1917 гг.) / Л. Ф. Пертли // Вестник Владимирского юрид. ин-та. – 2009. – № 2. – С. 179–184.
8. Михеенков, Е. Г. Социально-правовое положение нижних чинов пенитенциарной системы Сибири 1917–1919 гг. / Е. Г. Михеев // Вестник Владимирского юрид. ин-та. – 2010 – № 4(17). – С. 191–192.
9. Упоров, И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития / И. В. Уваров. – СПб., 2004. – С. 316.
10. ГААО. Ф. 17. Оп. 2. Д. 61.
11. Печников, А. П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): историческая хроника / А. П. Печников. – М., 2004. – С. 140–141.
12. Романов, С. Готовьте ваши денежки. Взятничество в России / С. Романов. – М., 2002. – С. 146.
13. ГААО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 21.
14. ГААО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 17.
15. ГААО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 288.
16. ГААО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 488.
17. ГААО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 18.
18. ГААО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 32.
19. ГААО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 30.
20. Об установлении нового расписания должностей и окладов начальников мест заключения и отпуске средств на улучшение быта чинов стражи и других служащих мест заключения : постановление Врем. правительства от 18 авг. 1917 г. // Вестн. Врем. правительства. – Пг., 1917. – 3 сент. (16 сент.).
21. Шебалков, С. В. Организационное устройство мест заключения и система тюремного управления в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. / С. В. Шебалков // Молодой ученый. – 2013. – № 10. – С. 456–460.

ДОМАШНИЙ АРЕСТ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СТАНОВЛЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ, ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Савчук Татьяна Анатольевна,
доцент кафедры конституционного и административного права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск,
кандидат юридических наук

Конституция Республики Беларусь допускает ограничение прав и свобод личности только в случаях и порядке, установленных законом. Одним из таких случаев, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК), является применение к подозреваемому, обвиняемому (далее – обвиняемый, если не указано иное) мер пресечения в целях обеспечения надлежащего производства по уголовному делу и исполнения приговора. Меры пресечения являются необходимым средством государственного принуждения, без которого не обходится ни одно государство мира. Поэтому их законное и обоснованное применение является важнейшей задачей органов уголовного преследования и суда, поскольку именно от этого зависят соблюдение баланса интересов личности и государства, реализация задач уголовного процесса.

В 1999 г. в систему мер пресечения законодателем был введен домашний арест, который до сих пор не получил должного внимания со стороны органов, ведущих уголовный процесс. Динамика применения данной меры пресечения на протяжении многих лет нестабильна, о чем свидетельствуют данные статистики: в 2005 г. в Беларуси под домашний арест было помещено 548 человек, в 2006 г. – 402 человека, в 2007 г. – 320 человек, в 2008 г. – 349 человек, в 2009 г. – 256 человек, в 2010 г. – 269 человек, в 2011 г. – 418 человек, в 2012 г. – 278 человек, в 2013 г. – 404 человека, в 2014 г. – 565 человек, в 1-м квартале 2015 г. – 147 человек. Как показывает отечественный и зарубежный опыт, домашний арест является эффективным средством уголовно-процессуального принуждения, поскольку позволяет лицу оставаться в привычной среде, обеспечивает его изоляцию и надлежащее поведение и экономически выгоден для государства. Рост случаев применения домашнего ареста за последние несколько лет обусловлен предписаниями Главы государства о более взвешенном применении судами и правоохранительными органами заключения под стражу и широком использовании залога и домашнего ареста. Такие требования содержатся в нормативных правовых актах Президента Республики Беларусь: Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (23.12.2010); Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь (10.04.2002); Указе «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь» (10.10.2011); Директиве «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» (31.12.2010). Вместе с тем на общем фоне применяемых мер пресечения домашний арест по-прежнему мало востребован.

Анализ нормативной базы и основанной на ней практики показывает, что вне поля зрения законодателя остались вопросы, связанные с концептуальными основами домашнего ареста с учетом сопровождающих его мер, процедурой принятия решения и порядком применения и реализации этой меры пресечения. Многие из названных проблем не нашли отражения в научных публикациях, породили неоднозначное толкование ряда новелл УПК, а также определенные трудности и недостатки при их реализации органами, ведущими уголовный процесс. Поэтому пристального внимания требуют уголовно-процессуальные нормы, регулирующие домашний арест, анализ практики их применения, выявление типичных нарушений, допускаемых при использовании этой меры пресечения, и их причин, а также овладение историческими предпосылками внедрения домашнего ареста в современное законодательство.

Следует отметить, что законодательство большинства государств – участников СНГ, бывших союзных республик, берет свое начало с законодательных норм Российской империи. Ретроспективный анализ показывает, что домашний арест на законодательном уровне впервые был закреплен в Своде законов 1832 г., в неизменном виде заимствован Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Однако, как указывали дореволюционные правоведы, эта мера пресечения применялась задолго до ее нормативного закрепления. Например, А. П. Куницын упоминает «домовой арест», которому подвергались лица духовного сословия или обвиняемые в политических преступлениях в период феодальной раздробленности Руси [1, с. 100–101]. В. А. Линовский, ссылаясь на Уставную книгу Разбойного приказа 1555 г., полагал, что применение домашнего ареста начинается с середины XVI в. [2, с. 120]. По мнению современных исследователей, данная мера пресечения в России начала применяться во времена Петра I [3, с. 5]. Домашний арест в период дореволюционных преобразований не был распространенной мерой пресечения, что объяснялось отсутствием точных формулировок его понятия в законе и указания о порядке, условиях применения и исполнения этой меры пресечения. Домашний арест применялся редко к лицам привилегированного положения и сопровождался охраной в доме обвиняемого. По Уставу 1864 г. домашний арест избирался к лицам, доставляемым к следователю путем привода после вручения им формальной повестки о явке [4, с. 335], а также к тем, кому в качестве наказания за преступление «... грозит тюремное заключение или крепость без ограничения прав» [5, с. 332] либо «ссылка с лишением прав и преимуществ, каторжные работы с лишением всех прав состояния» [6, с. 132–133]. По мнению большинства ученых того времени (С. И. Викторский, В. Д. Кузьмин-Караваев, П. И. Люблинский, Н. Н. Розин, В. К. Случевский, И. Я. Фойницкий), охрана была обязательным элементом домашнего ареста, что предполагало выставление полицейского караула в доме обвиняемого, которому запрещалось покидать свое жилище. Несмотря на трудности, связанные с обеспечением и нахождением стражи в доме, вызывающей неудобства для

обвиняемого, домашний арест вызывал положительные оценки среди представителей юридического сословия и считался гуманной и цивилизованной мерой пресечения.

Между тем законодательство советского периода исключило домашний арест из числа мер пресечения, что не препятствовало его применению на практике. Так, В. В. Лобанов указывал на то, что в период с ноября 1918 г. по октябрь 1919 г., а затем с мая 1922 г. по июнь 1923 г. под домашним арестом содержался Патриарх Тихон [7, с. 26, 28]. Возвращение данной меры пресечения в законодательство произошло в 1922 г. путем ее включения в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который установил, что домашний арест заключается в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому с назначением стражи или без таковой. При этом, как и в дореволюционный период, основания и порядок применения домашнего ареста не были указаны в законе. Такая ситуация породила неоднозначное отношение к данной мере пресечения. Одни ученые считали, что домашний арест может выполнять пресекательную функцию, например, при отсутствии оснований опасаться побега обвиняемого; ввиду его тяжелой болезни, лишаящей возможности отлучаться из дома; при необходимости выполнения обязанностей материнства; ввиду высокого морального доверия к общественному положению и личным качествам обвиняемого. Другие правоведы отрицали саму возможность существования домашнего ареста, поскольку она «вклинилась» в закон как «случайная привилегия...к обвиняемым из буржуазных классов...ее нельзя практиковать уже потому, что она требует совершенно излишнего отвлечения сил милиции...для постановки и смены стражи на дому обвиняемого в течение неопределенного и более или менее продолжительного срока» [8, с. 134–135]. Не нашедший поддержки у правоприменителя и представителей уголовно-процессуальной науки, домашний арест вновь был исключен из числа мер пресечения в 1958 г. В конце 1980-х гг. идею восстановления домашнего ареста в законе высказал И. Л. Петрухин, предложив механизм его реализации, который заключался в наложении на обвиняемого определенных запретов, применяемых с санкции прокурора, и установлении надзора за его поведением вне дома [6, с. 146–147]. Однако в тот период данные предложения не были поддержаны законодателем.

И только к началу XXI в. наблюдается возрождение домашнего ареста как меры пресечения на постсоветском пространстве и закрепление его в новых уголовно-процессуальных кодексах Республики Казахстан (1997), Республики Беларусь (1999), Кыргызской Республики (1999), Азербайджанской Республики (2000), Российской Федерации (2001), Республики Молдова (2003), Республики Таджикистан (2010), Украины (2012), а позднее – Республики Узбекистан (2014). Появление домашнего ареста в законодательстве независимых государств отражает их стремление, с одной стороны, заимствовать положительный дореволюционный и зарубежный опыт использования данной меры пресечения, с другой – способствовать гуманизации уголовного процесса и приведению его в соответствие с международно-правовыми стандартами. Белорусское законодательство постепенно идет по пути имплементации общепризнанных международных норм в обращении с правонарушителями и применении к ним мер, альтернативных заключению под стражу, в числе которых значится и домашний арест. Невостребованность этой меры пресечения у отечественных правоприменительных органов и критическое отношение к ней как к мере, не имеющей под собой практического обоснования [9, с. 48] и являющейся «данью моде» [10, с. 48], объясняется главным образом несовершенством нормативной трактовкой домашнего ареста.

Так, сущность домашнего ареста по ст. 125 УПК определяется через сравнение с другой мерой пресечения – заключением под стражу, что представляется юридически некорректным и приводит к игнорированию различий между названными мерами пресечения. Согласно ч. 1 ст. 125 УПК домашний арест не является содержанием под стражей, поэтому является неверным определение в законе домашнего ареста как изоляции обвиняемого от общества без содержания его под стражей. Законодатель выражает сущность домашнего ареста через сравнение его с другой мерой пресечения, подчеркивая их общность и единственное отличие: при домашнем аресте лицо не помещается в места содержания под стражей. Действительно, домашний арест, как и заключение под стражу, подразумевает изоляцию обвиняемого от общества, однако степень и характер такой изоляции различен. Домашний арест заключается в полной (частичной) изоляции обвиняемого от общества посредством обязательного установления запрета выхода из жилища, и в отличие от заключения под стражу позволяет обеспечить надлежащее поведение лица в ходе производства по уголовному делу без помещения его в следственный изолятор. Кроме того, надлежащее поведение лица в условиях домашнего ареста и его изоляция от общества может быть достигнута путем установления правоограничений, связанных со свободой передвижения, местонахождения и поведения этого лица, и предусматривающих минимум социальных контактов. Однако анализ ч. 2 ст. 125 УПК, предусматривающей такие правоограничения, показывает, что они включают в себя совершенно различные по характеру и содержанию юридические категории: запреты (выхода из жилища, общения, отправления корреспонденции); обязанности (отвечать на телефонные звонки, звонить контролирующему должностному лицу и являться для регистрации); способы надзора государственных органов за лицом, находящимся под домашним арестом (применение электронных средств контроля, наблюдение за этим лицом и охрана его жилища); другие меры, обеспечивающие надлежащее поведение и изоляцию обвиняемого от общества (п. 7 ч. 2 ст. 125 УПК). Такой подход не способствует единому пониманию указанных категорий и затрудняет их надлежащее применение и исполнение на практике. Поэтому считаем, что в УПК термин «правоограничения» следует заменить словосочетанием «меры, обеспечивающие надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого и осуществление за ним надзора».

Мерами, обеспечивающими надлежащее поведение обвиняемого, находящегося под домашним арестом, на наш взгляд, должны выступать предусмотренные законом запреты на совершение каких-либо действий этим лицом. Проведенное нами исследование законодательных норм и практики применения домашнего ареста позволяет

предложить оптимальный перечень таких запретов, к которым следует отнести: 1) запрет выхода из жилища круглосуточно без разрешения органа, ведущего уголовный процесс, либо осуществляющего надзор за исполнением домашнего ареста; 2) запрет выхода из жилища в определенное время, установленное органом, ведущим уголовный процесс и применяющим эту меру пресечения; 3) запрет принимать в жилище каких бы то ни было лиц; 4) запрет общаться с участниками процесса и иными лицами, заинтересованными в исходе уголовного дела, в том числе путем ведения переговоров с использованием любых средств связи и отправления корреспонденции; 5) запрет посещать места, определенные органом, ведущим уголовный процесс и применяющим эту меру пресечения; 6) другие подобные запреты, обеспечивающие изоляцию обвиняемого от общества и не противоречащие законодательству Республики Беларусь. Предложенный подход в законодательном изложении запретов, устанавливаемых на время домашнего ареста, направлен на достижение цели избрания этой меры пресечения – обеспечение надлежащего поведения обвиняемого и позволит дифференцированно осуществлять выбор наиболее оптимальных запретов для обвиняемого, исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела.

Полагаем, что в целях надлежащего исполнения домашнего ареста закон должен предусматривать меры контролирующего характера. Такими мерами могут выступать правоограничения, уже закрепленные в УПК (п. 4–6 ч. 2 ст. 125), которые фактически являются способами надзора за исполнением домашнего ареста. В данном контексте речь идет о возложении на обвиняемого обязанности отвечать на контрольные телефонные звонки и иные сигналы контроля, звонить по телефону или лично являться в определенное время в контролирующий орган (п. 5 ч. 2 ст. 125 УПК). Контролирующую функцию выполняет и установление наблюдения за обвиняемым или его жилищем, а равно и охрана такого жилища (п. 6 ч. 2 ст. 125 УПК), а также электронные средства контроля (п. 4 ч. 2 ст. 125 УПК), которые, даже исходя из их названия, предназначены для надзора и не относятся к запретам, сопровождающим домашний арест. Полагаем, что названные меры следует исключить из перечня сопровождающих домашний арест мер, но указать в законе на их пригодность в качестве способов осуществления надзора за исполнением домашнего ареста.

УПК (ч. 3 ст. 125, ч. 1 ст. 126) предусматривает одинаковые условия избрания домашнего ареста и заключения под стражу: совершение обвиняемым преступления, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет. Учитывая существенные различия названных мер пресечения как по месту и режиму изоляции обвиняемого от общества, так и по объему ограничения его прав и свобод, считаем такую позицию законодателя неприемлемой. По нашему мнению, домашний арест может применяться по любой категории преступления, независимо от санкции уголовного закона, за исключением преступлений насильственного характера, совершенных обвиняемым в отношении совместно проживающих с ним членов его семьи, близких родственников либо иных лиц, которых он обоснованно считает близкими. Кроме того, содержание обвиняемого под домашним арестом в жилище, где совместно с ним проживают совершеннолетние члены его семьи, близкие родственники либо иные лица, которых он обоснованно считает близкими, на наш взгляд, допустимо лишь в случае принятия на себя этими лицами письменного обязательства (согласия) о соблюдении правил поведения, установленных на время домашнего ареста. Установление нормы такого характера в ст. 125 УПК обусловлено следующим. Во-первых, учитывая, что, находясь под домашним арестом, обвиняемый не изолируется от таких лиц, их согласие на применение этой меры пресечения поможет выполнить установленные для обвиняемого запреты (например, запрет общаться с определенными лицами, в том числе принимать кого-либо по месту жительства). Во-вторых, при установлении для обвиняемого запрета выхода из жилища круглосуточно совместно проживающие с ним лица могут оказать ему помощь в решении вопросов его жизнеобеспечения (например, покупка продуктов питания, предметов первой необходимости, оплата различных видов услуг). В-третьих, согласие названной категории лиц необходимо и в случае совершения преступления на семейно-бытовой почве или другого противоправного деяния, в основе которого лежат неприязненные взаимоотношения либо конфликт между обвиняемым и совместно проживающими с ним лицами. На наш взгляд, такое согласие должно оформляться подпиской, при этом указанные лица ставятся в известность о характере преступления, сущности домашнего ареста и сопровождающих его мерах, а также их ответственности в случае нарушения принятых обязательств – наложении денежного взыскания по аналогии с ч. 4 ст. 121 УПК.

Законодательного уточнения требует круг должностных лиц, определяющих перечень мер, сопровождающих домашний арест. Такими лицами в ч. 1 ст. 125 УПК определены прокурор или его заместитель, Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, суд, что усложняет процедуру применения этой меры пресечения. Полагаем, что данный перечень должно определять должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, при принятии им решения о домашнем аресте. Ведь именно это должностное лицо обладает всей полной информацией о личности обвиняемого, обстоятельствах совершенного преступления, что позволяет определить оптимальные запреты для успешной реализации домашнего ареста. Такое же мнение высказывалось и в юридической литературе [11, с. 20; 12, с. 254; 13, с. 177].

Изучение нами практики применения домашнего ареста показывает различное понимание органа, осуществляющего надзор за исполнением домашнего ареста. Часть 6 ст. 119 УПК исполнение домашнего ареста возлагает на органы дознания. Однако согласно ст. 37 УПК в их перечень включается значительное число государственных органов (должностных лиц), большинство из которых не в состоянии осуществлять надзор за лицом, содержащимся под домашним арестом. Поэтому в УПК необходимо четко прописать, что постановление (определение) о применении домашнего ареста направляется для исполнения в орган внутренних дел по месту жительства обвиняемого.

Одним из существенных вопросов, который вызывает различные отклики среди ученых и практиков, является установление в УПК одинакового порядка установления и исчисления сроков домашнего ареста и заключения под стражу. В целом разделяя эту позицию законодателя, считаем, что некоторые вопросы исчисления срока домашнего ареста нуждаются в уточнении. Во-первых, в УПК следует определить, что постановление (определение) о применении домашнего ареста должно содержать указание на срок содержания лица под домашним арестом, дату его исчисления, которая устанавливается не позднее трех суток с момента вынесения указанного решения. Это предложение обусловлено нередкими случаями, когда фактическое начало отбывания домашнего ареста не совпадает с датой принятия решения о его применении. Такие случаи были выявлены нами при изучении практики применения домашнего ареста. Например, дознаватель Березинского РОВД вынес постановление о применении домашнего ареста в отношении Б., которое датировано 02.07.2008, а санкция прокурором дана 07.07.2008 [14]. Во-вторых, в УПК нужно решить вопрос о предельном сроке пребывания лица под домашним арестом с учетом его предыдущего содержания под стражей. На практике случалось, когда орган, ведущий уголовный процесс, принимая решение об изменении заключения под стражу на домашний арест, не засчитывал срок содержания под стражей в срок домашнего ареста [15]. Но такое решение не соответствует требованиям ч. 3 ст. 125 УПК об одинаковых правилах исчисления сроков этих двух мер пресечения, так как эта норма приводит к выводу, что в срок домашнего ареста должно засчитываться время содержания лица под стражей и наоборот.

Домашний арест представляет собой сложную меру пресечения, которая требует не только детальной нормативной проработки вопросов, связанных с принятием решения о ее избрании, но и правовой регламентации механизма реализации домашнего ареста и сопровождающих его мер. Из этого следует объективная необходимость в принятии специального нормативного правового акта – Инструкции о порядке применения и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. Названная Инструкция разработана автором настоящей статьи [16], получила должную положительную оценку со стороны нормотворческих и правоприменительных органов Республики Беларусь, однако ее положения до сих пор остаются не востребованными.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что современная нормативная регламентация домашнего ареста не создает предпосылок для эффективной реализации и широкого применения этой меры пресечения. Представляется, что сформулированные нами предложения помогут устранить пробелы в правовом регулировании порядка принятия решения, применения и исполнения домашнего ареста, будут способствовать правильному пониманию и использованию этой меры пресечения правоохранительными органами.

Список использованных источников

1. Адильшаев, Э. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России / Э. А. Адильшаев, И. В. Жеребятьев, А. А. Шамардин. – М. : Университет, 2013. – 277 с.
2. Линовский, В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский. – М. : ЛексЭст, 2001. – 240 с.
3. Салтыков, Е. В. Домашний арест в российском уголовном процессе / Е. В. Салтыков. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 160 с.
4. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс : учеб. пособие / С. И. Викторский / вступ. ст. Э. Ф. Куцовой ; МГУ им. М. В. Ломоносова, юрид. фак. – М. : Городец, 1997. – 448 с.
5. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И. Я. Фойницкий / общ. ред. А. В. Смирнова. – СПб. : Альфа, 1996. – Т. 2. – 608 с.
6. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – М. : Наука, 1989. – 256 с.
7. Лобанов, В. В. Патриарх Тихон и советская власть: проблема компромисса (1919–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. В. Лобанов. – М., 2005. – 29 с.
8. Громов, В. Л. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений. Руководство для органов дознания и народных следователей / В. Л. Громов. – 3-е изд., перераб., испр. и доп. – М. : Юриздат, 1928. – 364 с.
9. Гусельникова, Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. В. Гусельникова. – Томск, 2001. – 242 л.
10. Кабилова, С. А. Домашний арест как мера пресечения в отечественном и зарубежном законодательстве / С. А. Кабилова, Ш. Х. Заман // Рос. следователь. – 2004. – № 2. – С. 45–48.
11. Арестова, Е. Н. Взаимодействие дознавателя и суда при применении к участникам уголовного судопроизводства мер процессуального принуждения / Е. Н. Арестова // Рос. судья. – 2007. – № 7. – С. 19–22.
12. Кукреш, Л. И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие / Л. И. Кукреш. – Минск : Тесей, 2005. – 352 с.
13. Петухова, Т. А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе / Т. А. Петухова // Современные тенденции развития юридической науки, правового образования и воспитания : материалы междунар. науч.-практ. конф., Полоцк, 18–19 мая 2012 г. : в 2 т. / редкол.: А. Н. Пугачев (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2012. – Т. II. – С. 181–186.
14. Архив прокуратуры Березинского района Минской области за 2008 г. – Надзорное производство № 18/372м-2008.

15. Прекращение судом производства по жалобе, поданной в порядке ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, признано необоснованным [Электронный ресурс] : постановление Президиума Гродненского областного суда, 17 июля 2012 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

16. Савчук, Т. А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т. А. Савчук ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 234 л.

ДОСТАТОЧНОСТЬ СУЩЕСТВУЮЩИХ В БЕЛАРУСИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Самарин Вадим Игоревич,
доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск
кандидат юридических наук, доцент

Петухов Илья Игоревич,
лаборант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск

Гарантируя обеспечение в стране законности и правопорядка, прав и свобод граждан как высшей цели государства, Конституция Республики Беларусь допускает ограничение прав и свобод личности только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [1, с. 37–39]. Уголовная политика Республики Беларусь, развивающаяся в современных условиях в направлении гуманизации, предполагает допустимое в установленных пределах использование в правоприменительной практике институтов альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов. В целом альтернативные способы разрешения уголовного конфликта в праве Республики Беларусь соответствуют Конституции, однако их соответствие не свидетельствует о том, что данные институты эффективно реализуются и полностью отвечают потребностям современного белорусского общества.

Термин «альтернативные способы разрешения уголовных дел» применяется, прежде всего, к процедуре, призванной оканчиваться способом, отличным от классического течения уголовного процесса (постановления приговора). Такие альтернативные процедуры должны вести к прекращению производства по уголовному делу (например, за примирением лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым). Исходя из этимологии слова «альтернативный», можно заключить, что существование диспозитивного начала (возможности выбора дальнейшего хода уголовного процесса) позволяет выделить условно альтернативные способы разрешения уголовных дел. К таким способам следует относить согласительные процедуры с частичной альтернативой в уголовно-процессуальной форме: сокращенный порядок судебного следствия, ускоренное производство, институт досудебного соглашения о сотрудничестве [2, с. 29–30]. Отличие данных процедур от истинно альтернативных способов разрешения уголовных дел заключается в их разрешении по существу с постановлением приговора.

Функционирование в системе уголовно-процессуального права институтов альтернативного разрешения уголовных дел на сегодня не является высоко эффективным, действенным и достаточным, несмотря на многообразие форм освобождения от уголовной ответственности и процедур разрешения уголовных дел.

При анализе достаточности существующих в Беларуси альтернативных способов разрешения уголовных дел следует воспользоваться следующими критериями:

юридической и функциональной согласованности, взаимосвязанности институтов в системе уголовных правоотношений;

соответствия целям и задачам, стоящим перед альтернативными способами разрешения уголовного дела; эффективности правоприменения и разрешения уголовно-правового конфликта.

Необходимо отметить, что в Республике Беларусь институты альтернативного разрешения уголовного конфликта по своей юридической природе делятся на материально-правовые и процессуальные. Это связано со спецификой соответствующих отраслей права, все еще связанных с карательной системой правосудия и присутствием советских репрессивных постулатов, главным из которых является необходимость наказания преступника. Хотя уголовная политика Республики Беларусь пытается перестроиться на рельсы восстановительной юстиции, «почерк» карательной системы остается.

Процесс совершенствования уголовного законодательства идет с момента системного обновления уголовного и уголовно-процессуального законодательства (2001 г.). Развитие института освобождения от уголовной ответственности осуществлялось главным образом в направлении расширения возможности применения его видов, в том числе без учета тяжести содеянного, посредством допущения применения других видов такого освобождения и за преступления, относящиеся к категории менее тяжких: с привлечением лица к административной ответственности (ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), в силу утраты деянием общественной опасности (ст. 87 УК), в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 88 УК), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК). Несмотря на свою «альтернативность», в научной литературе отмечается неэффективность группы институтов освобождения от уголовно ответственности. Так, Э. В. Саркисова указывает, что

«...институт освобождения от уголовной ответственности, как правило, применялся адекватно пониманию его сравнительно небольшой роли в противодействии преступности» [3]. Повышение эффективности затронуто в Указе Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь» [4], где указано на необходимость шире использовать возможности по прекращению производства по уголовным делам на стадии предварительного расследования с освобождением виновных от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим и по другим основаниям.

В целом освобождение от уголовной ответственности – это материально-правовые основания разрешения уголовного дела в альтернативном порядке, в чем и заключается их восстановительный (реституционный) смысл. Некоторые ученые отмечают, что материально-правовая конструкция освобождения от уголовной ответственности, по своей юридической природе соответствует западноевропейскому *diversion* – одной из разновидностей альтернатив уголовному преследованию» [5, с. 200].

Отсутствие правовой регламентации процедуры – служит основной причиной затруднительной реализации институтов восстановительного правосудия в Беларуси. Данная причина в принципе ставит под сомнение само существования понятия «институт примирения» в уголовном праве. Институт примирения по уголовным делам в Республике Беларусь не только нуждается в разработке, полноценной регламентации, но и полной гармонизации между нормами материального и процессуального права. В целом необходимо решение проблемы процессуальной адаптации материально-правового института освобождения от уголовной ответственности [6, с. 514].

При этом, например, факт примирения лица, совершившего преступление с потерпевшим, недостаточно учтен законодателем при формулировании поощрительных норм уголовного права и содержится лишь как основание для освобождения от уголовной ответственности. Результат примирения не упоминается как смягчающее обстоятельство.

В действующем законодательстве Республики Беларусь следует разграничивать два вида допустимого в уголовном процессе примирения по делам:

частного обвинения – примирение между лицом, пострадавшим от преступления с обвиняемым;

частно-публичного и публичного обвинения – примирение обвиняемого с потерпевшим.

Недопустимо смешение указанных двух видов примирения, так как понятие частного обвинения заимствовано нашей правовой системой в немецком уголовном процессе, в котором оно представляло собой подчинение уголовной репрессии по определенной категории дел воле потерпевшего посредством уголовного иска.

Следует отметить, что институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим не в полной мере соответствует принципу презумпции невиновности, закрепленному в ст. 26 Конституции Республики Беларусь, так как орган, ведущий уголовный процесс, освобождая лицо от ответственности, по сути признает его виновным. Как верно отмечает В. М. Хомич, даже если освобождение от уголовной ответственности будет разрешаться на судебных стадиях рассмотрения уголовного дела, презумпция невиновности в любом случае не может быть сохранена, так как акт приговора суда в материально-правовом смысле выражает акт осуждения обвиняемого в качестве преступника, т. е. акт привлечения его к уголовной ответственности, а, следовательно, здесь уже может иметь место только освобождение от наказания [7, с. 341].

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) не содержится обязанности суда, органа уголовного преследования содействовать примирению лица, пострадавшего от совершенного преступления, и обвиняемого. Статьи 318, 427 УПК говорят лишь о разъяснении председательствующим потерпевшему и обвиняемому по делу частного обвинения права на примирение с обвиняемым (возможность примирения).

Согласно ч. 4 ст. 426 УПК, в случае поступления от сторон заявлений о примирении производство по уголовному делу судом прекращается на основании п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК. Следовательно, лицо, пострадавшее от преступления в дальнейшем не сможет вновь инициировать судебное разбирательство. Возможна практическая ситуация, когда стороны до возбуждения уголовного дела договариваются о том, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 2 и ч. 3 ст. 26 УПК, возмещает причиненный преступлением вред, а лицо, пострадавшее от преступления, отказывается от возбуждения уголовного дела. Однако придать указанной договоренности юридическое значение стороны не смогут, так как УПК связывает юридические последствия лишь с примирением по возбужденному уголовному делу частного обвинения. Изложенное позволяет сделать вывод, что доступ сторон к согласительной процедуре по делам частного обвинения является достаточно ограниченным.

Следует согласиться с Е. И. Аникиной, что процедура производства по уголовным делам частного обвинения должна быть построена так, чтобы обеспечить и гарантировать не только интересы потерпевшего и обвиняемого, но и наиболее экономичными и эффективными средствами достичь целей и задач уголовного процесса [8, с. 112]. На наш взгляд, эффективным и экономичным решением изложенных выше проблем производства по делам частного обвинения может стать закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве права сторон заключать медиативные соглашения как до, так и после возбуждения уголовных дел.

Норма п. 3 ст. 2 Закона Республики Беларусь «О медиации», согласно которой действие данного закона распространяется также на медиацию, которая проводится в рамках «иных видов судопроизводства в случаях, предусмотренных законодательными актами», позволяет внедрить медиативную процедуру и в сфере уголовного процесса. В то же время УПК не предусматривает возможность участия третьей независимой стороны при достижении обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим (лицом, пострадавшим от преступления) примирения.

В Республике Беларусь существует широкий ряд предпосылок как концептуально-теоретических, так и нормативно-юридических для внедрения института медиации в уголовный процесс. Принципы медиации по уго-

ловным делам выработанные международными нормами не противоречат существующей системе уголовно-процессуальных принципов в Республике Беларусь. Интеграция механизма медиации в систему белорусского уголовного процесса, представляется аддитивной, то есть он будет существовать в уголовном процессе, оставаясь относительно независимой процедурой, обращение к которой возможно на любом этапе процесса.

Институты альтернативного разрешения уголовных дел в уголовном процессе относятся к самостоятельным видам производств в силу тех или иных критериев дифференциации в сравнении с обычным производством. Ускоренное производство в Республике Беларусь, под которым понимается вид уголовно-процессуальной деятельности по расследованию преступлений, указанный в ч. 1 ст. 452 УПК, которому с учетом специфики расследуемых категорий преступлений, присущ особый процессуальный порядок регламентации этой деятельности, заключающийся в определенных изъятиях из общих правил УПК, с целью максимального приближения наказания к моменту совершения преступления для скорейшего и оптимального достижения задач уголовного процесса. При этом быстрота ускоренного производства – это не первостепенная цель, а лишь способ рационализации сил и средств органов уголовного преследования. Существующее ускоренное производство содержит ряд системных недоработок, связанных с регламентацией прав и обязанностей лиц в нем участвующих, в частности, таким недостатком является отсутствие прямого указания на право очевидцев и других лиц, принимающих участие в ускоренном производстве представлять сведения для получения доказательств, обжаловать действия и решения следователя и прокурора.

Досудебное соглашение о сотрудничестве является новым институтом уголовного процесса Республики Беларусь. Практика его применения еще только начала нарабатываться и не всегда практические работники осознают цели введения данной новеллы. Следует обратить внимание на публично-правовую природу данного соглашения, что свидетельствует об изначально неравном правовом положении его сторон. Прокурор единолично принимает решение о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а мнение потерпевшего по данному вопросу не выясняется и не учитывается. С одной стороны, это обеспечивает благоприятные условия для удовлетворения ходатайств лиц, совершивших преступления, а с другой – является в определенной степени отступлением от принципа состязательности и равенства сторон обвинения и защиты. Однако вряд ли большинство потерпевших дали бы согласие на заключение с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, так как его исполнение повлекло бы снижение наказания для осужденного. Вместе с тем считаем допустимым выяснение прокурором мнения потерпевшего при решении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, так как полученная от данного участника информация может повлиять на содержание этого документа [9, с. 322–323].

Как видится, альтернативный порядок разрешения уголовно-правовых споров должен существовать исключительно в уголовно-процессуальном праве, поскольку это задача норм данной отрасли. Материально-правовое закрепление, безусловно, необходимо, но только для очертания предмета регулирования уголовного процесса. Существующую систему альтернативных институтов необходимо выделить или вывести исключительно в процессуальную отрасль права, либо выработать специальную процедурную регламентацию для их применения. Исключения в данном случае составляют существующие согласительные институты ускоренного производства, сокращенного порядка судебного следствия и досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку они имеют достаточно целостное и системное процессуальное регулирование, соответствующее целям и задачам современного уголовного процесса.

Список использованных источников

1. Данилевич, А. А. Защита прав и свобод личности в уголовном процессе / А. А. Данилевич, О. В. Петрова. – Минск : БГУ, 2008. – 166 с.
2. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе : учеб.-метод. пособие / Л. Л. Зайцева [и др.] ; под ред. У. Хелльманна, С. А. Балашенко, Л. Л. Зайцевой. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. – 223 с.
3. Саркисова, Э. А. Реализация уголовной ответственности в право-применительной практике Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 окт. 2011 г., № 454 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. Воскобитова, Л. А. Правовое регулирование процедуры примирения в уголовном судопроизводстве / Л. А. Воскобитова // Государство и право на рубеже веков (Материалы Всероссийской конференции) : Криминология. Уголовное право. Судебное право / Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук. – М., 2001. – С. 198–203.
6. Хомич, В. М. Отказ от уголовного преследования – процессуальная альтернатива уголовной ответственности по УПК Республики Беларуси / В. М. Хомич // Экология и уголовное право: поиск гармонии ; отв. ред. : В. П. Коняхин, М. Л. Прохорова. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2011. – С. 514–518.
7. Хомич, В. М. Необходимость разной правовой формы процессуального разрешения института освобождения от уголовной ответственности и института прекращения (отказа) от уголовного преследования / В. М. Хомич // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского гос. ун-та. – Минск : Тесей, 2006. – С. 339–349.

8. Аникина, Е. И. Производство по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Елена Ивановна Аникина. – Саранск, 2000. – 171 с.

9. Самарин, В. И. Теоретико-прикладной аспект проблематики введения досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь / В. И. Самарин, А. Ю. Орехов // Університетські наукові записки. – 2014. – № 2. – С. 321–327.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Серёда Ирина Михайловна,
заведующая кафедрой уголовного права и криминологии
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
доктор юридических наук, профессор

Особенность международного уголовного права состоит в самостоятельной регламентации ответственности за неоконченное преступление и за соучастие в преступлении.

У теоретиков и практиков уголовного права не вызывает сомнений то обстоятельство, что многие преступления совершаются с заранее обдуманым умыслом и проходят свои этапы развития. В теории уголовного права такое преступное поведение получило название «неоконченное преступление».

В международном уголовном праве также закреплено, что виновное лицо может быть привлечено к ответственности не только в результате того, что им совершено окончательное преступление, но и в ситуациях, когда задуманное деяние не было доведено до конца по каким-либо обстоятельствам, не зависящим от воли и желания субъекта.

Специфические особенности международного уголовного права состоят в том, что источники последнего всегда специально предусматривают стадию совершения преступления, на которой оно может подлежать уголовной оценке. Так, ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала устанавливает преступность «заговора» и «общего плана», направленных на осуществление акта агрессивной войны. В литературе обычно утверждается, что такое планируемое преступление или сговор с целью его последующего совершения расцениваются как самостоятельные составы, образующие в совокупности преступление агрессии. Однако не все ученые полностью соглашались с этим мнением. Так, Р. А. Адельханян отмечает, что в связи с отсутствием конкретного юридического содержания этих форм поведения и их направленностью на обеспечение иных действий, образующих объективную сторону агрессивной войны, наличие «заговора» или «общего плана» (в отличие от «планирования» как деяния) является скорее приготовлением к совершению этого преступления [1, с. 20].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что международному уголовному праву известна стадия приготовления к преступлению, которая выражается в заговоре (сговоре) с целью последующего совершения преступления. Так, в научной литературе было высказано мнение, что такой «заговор» является еще и «соучастием особого вида» [2, с. 27].

Установление ответственности за приготовление к преступлению в международном уголовном праве – очень редкое явление и обусловлено данное обстоятельство, скорее всего, особым тяжким характером этих преступлений.

Такая стадия неоконченного преступления, как покушение, также хорошо известна международному уголовному праву. В различных источниках речь может идти либо о попытке совершения деяния (например, при захвате воздушного судна – п «а» ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.; при захвате заложника – Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г.) [1, с. 20].

Попытка совершения преступного деяния – это и есть стадия покушения на его совершение, когда желаемый результат не наступил по независящим от воли лица обстоятельствам. Под результатом в данном случае следует понимать исполнение деяния полностью либо наступление желаемых последствий.

Таким образом, в международном уголовном праве преступность той или иной стадии совершения преступления устанавливается применительно к каждому деянию. Причем покушение на преступление всегда является общественно-опасным деянием, а приготовление – в исключительных случаях (в форме заговора на совершение преступления). В нормах международного уголовного права какие-либо правила о дифференциации ответственности за окончательное и неоконченное преступление отсутствуют.

Представляется важным отметить, что международному уголовному праву хорошо известен институт добровольного отказа от доведения преступления до конца. В частности, в соответствии с п. «е» ч. 3 ст. 25 Римского статута лицо освобождается от наказания, если отказывается от попытки совершить преступление [3].

Освобождение от наказания по указанному основанию возможно при совокупности ряда условий:

предотвращено «завершение преступления»;

лицо полностью и добровольно отказалось от преступной цели.

Анализ указанных условий позволяет сделать вывод о том, что освобождение от наказания возможно при неоконченном преступлении и установлении критериев отсутствия вынужденности отказа и наличие у лица реальной возможности довести задуманное преступление до конца.

Институт соучастия в совершении преступления также хорошо известен международному уголовному праву. Сравнительный анализ этого института позволяет утверждать, что соучастие в международном уголовном праве характеризуется теми же основными признаками, что и в национальном уголовном праве [4, с. 120].

В соответствии с ч. 3 ст. 25 Римского статута для соучастия в преступлении характерны следующие признаки: лицо совершает преступление индивидуально или совместно с другими лицами (п. «а»);

лицо приказывает, подстрекает или побуждает совершить преступление (при оконченном преступлении или при покушении на него п. «б»);

лицо с целью облегчить совершение такого преступления пособничает или иным образом содействует его совершению или покушению на него, включая «предоставление средств для его совершения» (п. «с»).

В ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала прямо говорится о существовании таких видов соучастников как руководитель, организатор, подстрекатель и пособник.

Действия всех соучастников, не являющихся исполнителями, характеризуются «сознательным содействием совершению преступления» (п. «с» ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.). Из этого можно сделать вывод, что такие действия совершаются только с прямым умыслом.

Пределы ответственности соучастников, не являющихся исполнителями преступления, основаны на доктрине ограниченного акцессорного соучастия [1, с. 20].

Ограниченность акцессорности при установлении уголовной ответственности соучастников заключается в том, что в отдельных случаях преступная деятельность других соучастников (не являющихся исполнителями) подлежит самостоятельной правовой оценке (в частности, «прямое и публичное подстрекательство к геноциду») [5, с. 78].

Список использованных источников

1. Адельханян, Р. А. Преступность деяния по международному уголовному праву / Р. А. Адельханян. – М. : МЗ ПРЕСС, 2002. – 37 с.

2. Беляев, С. С. Конституция Российской Федерации и международное уголовное право / С. С. Беляев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. – 1995. – №3. – С. 27–28.

3. А CONF . 183/9 Russian. Римский статут.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М. : Проспект, Кнорус; 2016. – 240 с.

5. Решетников Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности / Ю. А. Решетников. – М., 1983. – 189 с.

ВОПРОСЫ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Успанов Жолдыбай Тольматович,
проректор по науке и международным связям
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы,
кандидат юридических наук, профессор, академик МАИН

Сейчас уже недостаточно говорить о правах и свободах человека лишь с политических или правовых позиций, как бы эти аспекты не были важны сами по себе. Необходим более широкий контекст и более глубинное основание прав и свобод человека в современном мире, и таким основанием могло бы быть философское осмысление взаимосвязи человека и мира, индивида и культуры. Без осознания таких глубинных оснований есть опасность кружения вокруг частных и мелких вопросов, связанных с целым комплексом мироотношенческих проблем бытия человека, его ценностей и идеалов. Это, во-первых. Во-вторых, такое осмысление позволяет четко определить место прав и свобод человека в сложной иерархии его ценностей и смыслов, его духовных ориентаций.

Жизнь показывает, что человек, настроенный на внешнее, никогда не удовлетворяется просто необходимым, а всегда стремится получить что-то еще большее и лучшее, которое он постоянно ищет во внешнем. При этом он забывает, что сам внутренне все тот же и жалуется из-за внутренней нищеты. Насыщение всем «необходимым», несомненно, есть источник счастья, но помимо этого свои требования выдвигает и внутренний человек. Необходимость гражданских требований создает возможность превращения внутреннего человека в источник необъяснимого злополучия и непонятных несчастий в жизненных условиях, позволяющих надеяться на нечто совсем иное, то есть на развитие по-настоящему организованного гражданского общества.

В Казахстане главнейшей темой XXI века станет духовно-нравственное просвещение народа, его духовно-нравственная безопасность. Есть все возможности для совершения прорыва в строительстве гражданского общества и процветающего правового государства, то есть соответствия стандартам демократической страны, основанным на приоритетах, защищающих интересы и свободы конкретной личности. Такое смещение акцентов станет сильным стимулом восстановления нравственного равновесия в обществе, когда человек действительно будет другом человеку, поскольку только взаимное уважение прав, возведенное в ранг законопослушания, снимает немало опасных противоречий.

В статье 12 Конституции Республики Казахстан указываются, что в Республике Казахстан признаются и гарантируются права и свободы человека в соответствии с Конституцией. Права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов. В статье 20 п. 2 Конституции Республики Казахстан указывается, что каждый имеет право свободно получать и распространять информацию любым, не запрещенным законом способом. Перечень сведений, составляющих государственные секреты Республики Казахстан, определяется законом [1, с. 7–9].

Интерес, проявляемый к психодиагностике со стороны не только специалистов, но и большинства обычных людей, не случаен. Это объясняется извечным стремлением человека к познанию себя и других, использованию этого знания в различных целях. Специализация общественного запроса на получение наиболее объективной информации о психологических особенностях людей привела в конечном итоге к выделению психодиагностики в самостоятельную отрасль научного знания и вид практической деятельности [2, с.3].

Термин «диагностика» образован от известных греческих корней (диа- и гнозис-) и рассматривается как «различительное познание». Этот термин, заимствованный из медицины, сегодня активно используется во многих областях науки и общественной практики (ботанике, экономике, социологии, юриспруденции, психологии и т. д.).

В самом общем виде под диагностикой понимается:

а) распознавание состояния определенного объекта или системы путем регистрации его существенных параметров и соотнесения их с некоторой диагностической категорией, позволяющей спрогнозировать дальнейшее развитие событий и наметить пути воздействия для достижения нужного результата;

б) специальная деятельность, изучающая и применяющая пути и способы выявления существенных показателей диагностируемой системы [2, с. 7].

Хочется предупредить особенно молодых оперативных сотрудников о недопустимости повторов и штампов при розыгрыше различных ролей в процессе осуществления ОРД. Данный вид профессиональной деятельности должен рассматриваться ими как искусство, требующие постоянного поиска и работы над собой и не терпящее повторов, фальши, штампов. Забыв хоть на миг об этом, оперативный сотрудник обрекает себя на неудачу. Оперативно-розыскная деятельность, как и искусство, не терпит и не приемлет ремесленников. «Самоуверенный актер-ремесленник, однажды усвоив манеры, приемы, повадки сильного человека, далее не утруждая себя, применяет чуть ли не в каждой роли, создавая себе репутацию «мастера», но забывая при этом о предлагаемых обстоятельствах и особенностях роли. Он ищет логику «вообще», а не ту, которая в данном случае только и может привести к перевоплощению в образ» [3, с. 73].

Мы согласны с мнением П. Я. Прыгунова, что оперативно-психологическая подготовка – научно организованный процесс, направленный на формирование у оперативных сотрудников взаимосвязанной системы профессиональных навыков и умений, позволяющей им наиболее эффективно решать задачи ОРД, используя при этом весь свой личностный и жизненный потенциал с учетом своих психологических особенностей и психологических особенностей осуществляемой ими деятельности. Проведение оперативно-психологической подготовки должно носить прикладной характер (исходя из специфики деятельности оперативного подразделения) и должно быть, направлено:

на формирование профессионального мышления как основы профессионального мастерства;

формирование навыков управления психическими состояниями в различных условиях и связанных с осуществлением различных видов деятельности (интеллектуальной, организаторской, поисковой);

формирование навыков волевой регуляции поведения и деятельности в различных условиях (сложных, чрезвычайных, экстремальных), исходя из специфики решаемых подразделением и сотрудником оперативных задач;

формирование навыков оперативно-ролевой деятельности, связанных с осуществлением различных видов ролевого поведения, в основе которых лежит их полное или частичное перевоплощение, связанное с необходимостью легендирования их принадлежности к правоохранительным органам в целом или к конкретному оперативному подразделению;

развитие профессиональных знаний и практических умений в лай-диагностике (способность выявлять ложь и неискренность в поведении по различным признакам), а также развитие способностей к выявлению поведенческого манипулирования у различных категорий граждан с целью его нейтрализации и использования в оперативных интересах [4, с. 169–170].

В основе данных требований лежат разработанные специалистами-психологами и психофизиологами профессиограммы, предназначенные для проведения качественного отбора лиц, осуществляющих определенный вид деятельности. Профессиография – технология изучения требований, предъявляемых профессией к личностным качествам, психологическим способностям, психолого-физическим возможностям человека, ее осуществляющего [5, с. 296].

Для подготовки соответствующего психологического заключения, а точнее, определения целесообразности (нецелесообразности) привлечения сотрудника оперативного подразделения милиции в качестве возможного кандидата на внедрение, оперативным психологом проводится работа, по установлению психологического диагноза на каждого кандидата с соответствующими рекомендациями и выводами о его пригодности (непригодности) для подготовки и участия в негласных операциях. Психологический диагноз – структурированное описание комплекса взаимосвязанных психических свойств – способностей, мотивов, устойчивых особенностей личности [6, с. 98].

Психофизиологический уровень. Исследуются свойства нервной системы: сила, динамичность, подвижность, лабильность. Определяются показатели устойчивости, переключаемости внимания, скорости протекания мыслительных процессов, объем памяти, психомоторики и другие психофизиологические особенности (моторные свойства личности), являющиеся для неё базовыми [7, с. 51].

Психологический уровень. Определяются закономерности познавательной, эмоциональной и волевой сфер личности, которые проявляются в его деятельности и поведении. Их диагностика позволяет достоверно определить цели, мотивы, потребности, интересы, склонности, способности, черты характера [7]. На наш взгляд, данное определение относится к конкретному кандидату на привлечение к негласному сотрудничеству с правоохранительными органами.

Социально-психологический уровень. Определяется закономерностями явления психики, обусловленными включением человека в различные социальные связи (социальные установки, позиции, процессы адаптации и социализации, коммуникативные способности, психологическая совместимость и т.п.) [7].

На основании выше изложенного, на наш взгляд, представляется, что практическая психодиагностика и привлечение граждан к сотрудничеству на конфиденциальной основе с правоохранительными органами – это весьма сложная и ответственная работа профессиональной деятельности оперативных работников, она требует профессионального образования и мастерства и может затрагивать судьбы людей. В связи с этим к оперативным работникам предъявляется ряд социально-этических и профессиональных требований.

Профессионально-этические нормы оперативного работника – это требования, предъявляемые к уровню профессиональной квалификации оперативного работника, реализации им в своей деятельности специфических нравственных норм поведения как во взаимоотношениях с коллегами, так и с гражданами. Вышеуказанные требования составляют содержание ряда принципов, к которым на наш взгляд относятся принцип:

соблюдения конфиденциальности, который представляет неразглашение результатов без персонального согласия на это лица, по отношению к которому проводилась беседа;

профессиональной тайны – наличие информации, которая должна быть известна только узкому кругу оперативных работников;

ненанесения морального ущерба, предполагающий, что результаты беседы ни в коем случае нельзя использовать во вред человеку, который привлекается к сотрудничеству;

эффективности беседы, который предполагает, что такие беседы обязательно должны быть полезны человеку, к которому предъявляются определенные требования к сотрудничеству.

Сообщение результатов беседы должно осуществляться с учетом ряда факторов:

во-первых, беседы должны интерпретировать достаточно подготовленные оперативные работники;

во-вторых, важен индивидуальный подход при интерпретации беседы;

в-третьих, важно не дать в ходе интерпретации беседы нежелательных установок, которые могли бы отрицательно повлиять на гражданина.

Беседа – это метод психологического изучения личности, когда в ходе равноправного общения с гражданином к сотрудничеству получает значимую информацию о личности.

Индивидуальная беседа является психологической формой опроса, в отличие от классического интервью она строится на принципах равноправного общения сотрудника органов внутренних дел с гражданином. В зависимости от целей использования данного метода беседа может быть ознакомительной, экспериментальной и профилактической.

Основной задачей ознакомительной беседы сотрудника правоохранительных органов с гражданином является первичное индивидуальное знакомство с ним как с человеком. Беседа, как правило, строится в виде свободного разговора двух собеседников, взаимную информацию получает каждый из них.

Наиболее актуальным видом индивидуальной беседы является экспериментальная беседа, которая может быть заключительным этапом социально-психологического изучения личности, когда сотрудник правоохранительных органов собрал и обобщил полученную информацию, выработал несколько рабочих гипотез, характеризующих данную личность, и в беседе подтверждает одну из них. В результате проведения этой беседы создается окончательный вывод о личности и о дальнейшем сотрудничестве с ним.

Индивидуальная беседа не должна сводиться к беспредметному разговору, она является целенаправленной формой изучения и требует соблюдения определенных условий проведения:

четкое определение цели последовательности вопросов;

доверительность обстановки, простота и понятность вопросов;

исключение каких-либо записей во время беседы;

конструктивное завершение беседы.

При даче согласия лицо должно действовать с пониманием, умышленно. Оно всегда должно осознавать значимость принимаемого решения и предвидеть возможность наступления соответствующих последствий в результате выражения согласия (так называемый интеллектуальный момент согласия). Вместе с тем желание лица (так называемый волевой момент согласия) может быть выражено как непосредственно, так и опосредованно. В первом случае лицо к последствиям выраженного согласия относится активно, желает их наступления (сотрудничать с ОРО). Во втором – пассивно, т. е. не желает, но сознательно допускает сотрудничество, при этом его воля направлена на достижение какой-либо иной цели, а сотрудничество воспринимается как средство ее достижения (например, получение какой-либо услуги, в частности стремление улучшить условия своего содержания в уголовно-исправительном учреждении) [8, с. 241–242].

Социальная и правовая защита граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в Республике Казахстан, осуществляются под контролем государства. Гражданам, изъявившим согласие содействовать органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, государство гарантирует обеспечение их прав и выполнение обязательств в соответствии с настоящим Законом, другими законами и нормативными актами Республики Казахстан. При возникновении реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество граждан в связи с их содействием органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а равно членов их семей и близких родственников, эти органы обязаны принять все необходимые меры по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, а также по проведению, в случае необходимости, специальных мероприятий по их защите в порядке, определяемом Правительством Республики Казахстан. Поэтому гражданам, изъявившим согласие содействовать органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, должен соответствовать внутренним критерием оценки, удовлетворяющим рассматриваемый вид деятельности.

Правовое государство и гражданское общество непосредственно решают разные, хотя и близкие друг другу задачи. Если государство закрепляет в своих конституционных и законодательных актах правовой статус личности, то гражданское общество обеспечивает ей высокий социальный статус. Эти два вида статуса делают акцент на разных сторонах жизнедеятельности личности и, дополняя друг друга, позволяют ей достигать своих целей и задач. Социальный статус определяет материальные, организационно-технические возможности, а также присущие каждому обществу преимущества классово-групповых, национально-этнических, социумных связей и отношений. К этим возможностям и преимуществам общество приобщает своих членов. Чем больше таких возможностей и преимуществ в распоряжении общества, тем полнее могут пользоваться ими граждане. Они подкрепляют те возможности, которые составляют содержание правового статуса [9, с. 16].

Основу работы граждан, содействующих органам, осуществляющим ОРД, составляет общественно полезная и социально ценная трудовая деятельность. Исключительная значимость, безусловная важность и целесообразность такого труда заключается в получении нередко в сложнейших условиях, порой с риском для жизни и здоровья, информации, остро необходимой для своевременного предупреждения и раскрытия преступлений, обезвреживания опасных преступников, пресечения попыток нарушения территориальной целостности страны, обеспечения безопасности и обороноспособности государства. Названная трудовая деятельность, как и любая другая, связанная с опасностью и риском, нуждается в правовой и социальной защите, что и нашло законодательное закрепление [10, с. 88–89].

В ходе беседы с человеком, дающим согласие на конфиденциальное сотрудничество, создается общее впечатление о его интеллектуальном, эмоциональном, физическом состоянии, особенностях реагирования на необычные условия. В этот момент выявляются видимые признаки привычных интоксикаций наркомании, токсикомании, алкоголизма и лекарственных зависимостей.

В связи с этим внимание оперуполномоченного должно быть обращено на особенности психологии человека, при этом следует использовать метод наблюдения или визуальной диагностики. Реальная «психодиагностика» для оперативного работника начинается с того момента, как только лицо постучал в дверь кабинета или встречи в установленном месте. Наблюдения за поведением человека в этой ситуации позволяют оперуполномоченному оценить такие характеристики личности, как робость, самоуверенность и др. Следует отметить, что в свободном, непринужденном общении, при большей раскованности в позах, мимике, жестах внутренняя сущность человека проявляется значительно точнее. Специфические условия формального, вынужденного общения с оперуполномоченным, естественно, не позволяют в полной мере наблюдать манеру субъекта общаться, характерные для него жесты, позы и положение тела.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. – Алматы : Изд-во «ЮРИСТ», 2004.. – 40 с.
2. Сыромятников, И. В. Психодиагностика: учеб. пособие / И. В. Сыромятников. – М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2005 – 640 с.
3. Ершов, П. М. Режиссура как практическая психология (Взаимодействие людей в жизни и на сцене) / П. М. Ершов. – М. : Искусство, 1972. – 350 с.
4. Прыгунов, П. Я. Психологическое обеспечение специальных операций: ролевое поведение : учеб. пособие / П. Я. Прыгунов. – Изд-во Европ. у-та (финансы, информ. системы, менеджм. и бизнес), 2000. – 303 с.
5. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.
6. Столяренко, Л. Д. Основы психологии. Практикум / Лю Д. Столяренко. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 576 с.
7. Рабочая книга практического психолога: Технология эффективной профессиональной деятельности / авт. кол. под ред. А. А. Деркач. –М. : Красная площадь, 1996. – 400 с.
8. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяйнова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М. : ИНФРА-М, 2001. – XXII, 794 с. – (Серия «Высшее образование»).
9. Основы государства и права Республики Казахстан : учеб. пособие. – Алматы : Жеті жарғы, 1999. – 320 с.
10. Галлиев, С. Ж., Сапарин, О. Е. Комментарий к Закону Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности». – Алматы : Жеті жарғы, 1998. – 96 с.

РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИКИ В ВЫЯВЛЕНИИ ДЕСТРУКТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ

Хлус Александр Михайлович,
доцент кафедры криминалистики
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Под информационной безопасностью согласно Концепции национальной безопасности, утвержденной указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г., понимается состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере.

Информационная сфера охватывает три системообразующих элемента: 1) информация, 2) информационная инфраструктура, 3) субъекты, осуществляющие сбор, формирование, распространение и использование информации. В контексте нашего исследования необходимо обратить внимание еще на одну группу субъектов, которые не упоминаются как отдельный элемент информационной сферы. Вместе с тем они имеют отношение к информации, которая призвана оказывать целенаправленное воздействие на человека. Можно ли их считать субъектами, использующими такую информацию? По всей видимости – нет. Дело в том, что использование предполагает возможность воспользоваться информацией, употребить ее с пользой.

Говорить о пользе для человека некоторых видов информации не приходится. Информация может быть не только бесполезной, но и, более того, вредной. Нельзя также рассматривать человека потребителем такого вида информации. Потребление предполагает использование человеком информации для удовлетворения своих потребностей. Призвана ли вредоносная информация удовлетворять потребности человека? Однозначно – нет. Следовательно, напрашивается вывод, что информация является не только объектом воздействия и в этом случае ее необходимо защищать. Информация также является средством воздействия и в ряде случаев от нее человек должен быть защищен.

Слово «информация» известно с давних времен. Но единообразия в понимании и определении этого понятия не существует до сих пор. Древние римляне толковали слово «информация» как сведения о чем-либо.

В XX веке изучению информации как явления посвящены работы известных ученых многих стран: Н. Винера, К. Шеннона, У. Р. Эшби, А. А. Моля, Ф. Махлупа, А. Д. Урсула и др. В словаре русского языка С. И. Ожегова, изданном в тот же период, под информацией понимаются «сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами (спец.)» [1, с. 205].

Начало XXI века ознаменовалось формированием информационного права, правовой дисциплины, предмет регулирования которой составляют общественные отношения, связанные с информацией.

Одним из первых российских ученых, принявших участие в формировании отрасли информационного права, является И. Л. Бачило. По его мнению, «информация – это воспринимаемая и понимаемая человеком характеристика окружающего мира во всем его многообразии, которое возникает в процессе познания последнего и позволяет на основе свойств предметов, процессов, фактов и отражения их в различных формах восприятия отличать их признаки, значения и устанавливать их связи и зависимости всего многообразия проявления материального, духовного, идеологического мира – формировать мировую систему знаний» [2, с. 28].

Согласно Закону Республики Беларусь от 10.11.2008 г., № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» термин «информация» означает «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» [3].

Многие белорусские ученые занимались вопросами терминологического определения информации с правовой точки зрения. Существенный вклад в развитие информационного права внесли Л. Н. Мороз [4] и Д. В. Вершок [5]. По мнению Д. В. Вершка, категория «информация» означает «не сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях или процессах, а совокупность произведенных человеком или созданных природой звуков, знаков, сигналов, символов, иных изображений или отображений, несущих передаваемые и получаемые разными способами сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, по поводу которых между участниками информационной сферы возникают юридически значимые общественные коммуникационные связи или отношения» [6, с. 15].

Анализ представленных определений понятию «информация» позволяет сделать вывод, что все они отражают в основном прикладную направленность данной категории. При этом сущность данного феномена не раскрывается. Исследователи не указывают на важное свойство информации – ее объективность.

Информация присуща как материальным предметам, так и нематериальным явлениям окружающего нас мира. Если говорить о материальных процессах, то для них информация такое же объективное свойство как масса и энергия. Так, известно, что человеческий организм состоит из огромного количества клеток, исчисляемых триллионами. Каждая клетка в своей ДНК содержит всю информацию, необходимую для создания человека. Информации в микроскопической клетке содержится столько, что ее запись на бумажном носителе потребовала бы заполнения нескольких сотен книг. При этом каждая из таких книг содержала бы пару тысяч страниц. Невероятно? Но это факт, установленный современной наукой.

Информация о человеке, содержащаяся на уровне клетки, скрыта, неочевидна. Это так называемая внутренняя информация. Добыть ее удалось сравнительно недавно, используя для этого современные технические средства исследования. А что же лежит на поверхности? Что позволяет нам судить о том или ином человеке?

Конечно же информация, но уже внешняя. Человек имеет тело, внешность, его жизненный путь начертан на лице, в глазах, на ладонных поверхностях рук. Внешность, характер и судьба вместе образуют личность. По внешности можно определить характер, привычки человека. Внешность – важное средство коммуникации. Благодаря внешности производится оценка человека в момент его первичного восприятия. А на основе чего у нас возникает чувство симпатии или антипатии к человеку, с которым мы даже не общались? Ответ очевиден. На основе внешней информации, исходящей от человека, которую мы восприняли, оценили, руководствуясь собственным жизненным опытом либо интуицией.

Аналогично и все живое на земле, состоящее из белковых клеток, содержит в себе информацию о конкретном организме. Для неживой природы, а также для созданных человеком технических систем характерно наличие информации как внутреннего, так и внешнего свойства.

Следовательно, можно сделать вывод, что информационные процессы присущи не только человеческому мозгу, но и иным системам живой природы, а также техническим системам.

Информация так и осталась бы «сама по себе», если бы человек не научился ее воспринимать, извлекать и преобразовывать. Рассмотрение информации в качестве сведений, как это считают многие авторы, может быть оправдано, если их появление опосредовано деятельностью человека. Сведения призваны снять неопределенность и сделать событие конкретным, пригодным для использования в жизни. Сведения только тогда являются сведениями, когда их содержание понятно всем, и зафиксировано на материальном (физическом) носителе. Им вначале являлся камень (наскальный рисунок), папирус, шкура животного, затем бумага, книга, а в настоящее время магнитная лента, цифровой носитель информации (компакт диск, флэш-карта и др.).

Все развитие человечества – результат освоения и переработки информации, которую получали из окружающей среды и накапливали веками. Для удобства пользования информацией человеку понадобились ее кодовые обозначения. Вначале человек для выражения информации использовал начертания, смысл которых был понятен соплеменникам – изображения животных и предметов на стенах пещер. Предметные знаки стали выступать как символы понятия, предмета или целой ситуации. Закрепление знаков за определенными понятиями означал переход к словесному письму. Начертанный знак означал слово. Постепенно произошел переход к письму, кодирующему уже не действительность, а человеческую речь. В настоящее время для кодирования информации изобретены различные системы знаков и символов. Виды информации различны: визуальная, акустическая (речь, звук), символьная (текст, письменность), компьютерная (виртуальная).

На основании изложенного под информацией следует понимать объективную реальность материальных объектов и нематериальных явлений, существующую в окружающем мире независимо от воли человека, воспринимаемую и преобразуемую последним в сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, посредством слов, письма и иных знаковых систем.

Наличие информации, возможность доступа к ней – это благо для современного человека. Но только в том случае, если информация носит позитивный (полезный) для него характер. Об информации деструктивного характера, в ряде случаев, человеку лучше не знать. Дело в том, что не все люди в равной степени устойчивы к восприятию негативной информации. При этом под негативной информацией мы понимаем ту ее часть, содержащую такие сведения, которые целенаправленно оказывают воздействие на сознание человека, вызывают отрицательные эмоции и могут существенно влиять на психологическую структуру (свойства) его личности. Такая информация может являться основой для формирования у человека устойчивой ориентации на совершение преступлений и иных противоправных деяний. Выявить ее и принять соответствующие меры, направленные на недопущение совершения противоправных действий в будущем, возможно в ходе расследования преступлений при изучении личности обвиняемого. В этих целях в ходе расследования целесообразно использовать разработанный в криминалистике метод субъектно-функционального анализа.

Субъектно-функциональный анализ преступления, являясь разновидностью криминалистического анализа, предполагает исследование функций, осуществляемых для достижения преступного результата. В процессе анализа исследуются сознательные волевые действия, проявления функций человека в наступивших вредных последствиях преступления.

В ходе применения данного анализа можно также установить причинную связь между особенностями осуществления действий (функций) человека и его психологическими качествами, умениями и особыми профессиональными навыками.

Кроме вышеуказанного субъектно-функциональный анализ обеспечивает возможность выявления всего, что послужило основанием для формирования конкретных свойств (качеств) личности обвиняемого. И в итоге определило мотивацию и направленность криминального умысла [7, с. 55–59].

Например, при изучении личности одного из обвиняемых по делу о взрыве в минском метро были выявлены признаки его патологического влечения ко взрывам. Они вызывали у него чувство удовлетворения. Но изучение его личности не в полной мере позволило ответить на все вопросы. Неясным осталось, что же способствовало формированию такого деструктивного влечения? Откуда взялся навык изготовления взрывных устройств? Почему их надо было использовать против ни в чем не повинных людей? Ответы на эти вопросы имеют профилактическое значение. Можно только предположить, что негативную роль в формировании личности данного человека, виновного в совершении особо тяжкого преступления, сыграла информация, которую он черпал из различных средств массовой информации (Интернет, телевидение и др.). Из Интернета он, возможно, добыл информацию о способах изготовления взрывных устройств.

К одной из угроз внутреннего характера относится зависимость граждан от информации (в том числе импортируемой), которая может распространять недостоверные или умышленно искаженные сведения, способные причинить ущерб не только конкретной личности, но и государственным интересам. Особенно опасным представляется информационное воздействие на личность, общество и государственные институты. Одним из основных средств информационного воздействия выступают различные средства массовой информации. Они способны предложить готовую реальность, опосредованную чьим-то мнением, упрощенную, не предполагающую размышления, анализа. В некоторых случаях информация, транслируемая средствами массовой информации, может быть опасна, так как человек принимает ее не задумываясь. В результате ему можно внушить очень многое, что входит в разрез с идеологией государства. В настоящее время стабильным каналом получения информации гражданами любого государства является Интернет [8, с. 54–59].

В современное время Интернет является источником массированного агитационно-пропагандистского воздействия на сознание людей. Он также может использоваться (и используется) в качестве средства распространения вредоносных материалов, например, экстремистских.

На наш взгляд, необходимо противодействовать различным радикальным явлениям в обществе (ксенофобии, экстремизму, терроризму и др.) начиная с Интернета. При этом нельзя ограничивать свободу распространения информации и доступа к глобальной сети. Интернет – это абсолютная коммуникация, к которой имеют отношение люди различного склада ума и целевой установки. В Интернете можно найти практически все, что интересует любого обывателя. Не исключено, что там можно обнаружить и пособия по изготовлению наркотических средств, взрывчатки и взрывных устройств, а также инструкции по проведению различных акций, в том числе и террористического характера. В связи с этим возникает необходимость организации работы по профилактике.

Немаловажную роль в этом отношении играет оперативно-розыскная профилактика [9, с. 244–247]. Она представляет собой комплекс мероприятий, предназначенных реализовать информацию, полученную в ходе оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД), и направленных на решение ее превентивных задач. Она предполагает сбор информации о криминально-активных лицах (близких связей членов организованных преступных групп, ранее судимых, наркоманах, алкоголиках и др.), степени исправления, связях, преступном опыте, намерениях, особенностях их личности и системы социальных отношений. Оперативно-розыскная профилактика также обусловлена задачей ОРД по добыванию информации о событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности государства. Совокупность сведений, которые дают основания для вывода о вероятности преступного поведения, сразу указывают на необходимость установления оперативного наблюдения за теми, кто сохранил криминальную активность либо проявил свое противоправное поведение. Широкий доступ физических лиц к Интернету предполагает необходимость усиления контроля за содержанием распространяемой в сети информацией. Не является секретом, что Интернет является своеобразным «полем» для ведения информационной войны. В связи с этим напрашивается вывод, что мировая электронная сеть в целях обеспечения национальной безопасности должна быть подвергнута цензуре, которую могут осуществить только специальные оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД. Данное утверждение, по нашему мнению, не противоречит ст. 33 Конституции Республики Беларусь, согласно которой «монополизация средств массовой информации государством, общественными организациями или отдельными гражданами, а также цензура не допускаются». Безусловно, сеть Интернет относится к средствам массовой информации. Но в данном случае цензура, во-первых, должна подвергаться информация, формируемая за пределами нашего государства и проникающая в наше информационное пространство. Во-вторых, цензура должна рассматриваться как средство защиты граждан Республики Беларусь от деструктивного информационного воздействия.

Список использованных источников

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : Ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1988. – 750 с.
2. Бачило, И. Л. Информационное право: учебник для магистрантов / И. Л. Бачило. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2011. – 564 с.
3. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Мороз, Л. Н. Информационное право. Общая часть / Л. Н. Мороз. – Минск : ОО «Право и жизнь», 2007. – 276 с.
5. Вершок, Д. В. Правовой режим радиоэлектронной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Вершок. – Минск, 2003. – 24 с.
6. Информационное право : учеб. пособие / Г. А. Василевич [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Василевича и Д. А. Плетенева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 352 с.
7. Хлус, А. М. Основы формирования деструктивного поведения личности и роль криминалистики в их познании / А. М. Хлус // Вестник (Хабаршы) КазНПУ имени Абая. Серия «Юриспруденция». – № 1(39). – 2015. – С. 55–59.
8. Хлус, А. М. Защита информации – основное направление обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь / А. М. Хлус // Юстиция Беларуси. – 2014. – № 5. – С. 54–59.

9. Хлус, А. М. Оперативно-розыскная профилактика распространения экстремистских материалов // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 4 апр. 2013 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; ред. кол.: В. Б. Шабанов [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2013. – С. 244–247.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ С ЦЕЛЬЮ РАЗРЕШЕНИЯ СИТУАЦИЙ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕКЛАМЫ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Чубина Елена Александровна,
доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва,
кандидат педагогических наук, доцент, магистр юриспруденции

Реклама как сфера общественных отношений и одна из форм коммуникации насчитывает в своем развитии, по мнению ученых, более шести тысяч лет, и вот что важно – эта сфера всегда регулировалась: в античных Афинах агораном следил за пристойностью зазывных криков бродячих торговцев на площади, древнеримские эдикты, регламентируя правила рыночной торговли, требовали, чтобы распространяемые сведения были достоверны, английские статуты ратовали за упорядоченность устной рекламы, а ордонансы французского короля угрожали повешением тем, кто самовольно и незаконно размещал афиши с информацией о товаре.

Если говорить о правоотношении в сфере производства, размещения и распространения рекламы в России XXI в., то это особая разновидность правовой практики, которая в силу объективных причин активно начала формироваться в постсоветский период, когда поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, равно как единство экономического пространства и свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств были гарантированы положениями Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года.

Формирование отечественной рыночной экономики активизировало рост коммерческой рекламы, которая потребовала правового регулирования. В 1995 году впервые появился базовый Федеральный закон «О рекламе», подвергнутый затем радикальному изменению в 2006 году.

Объективный рост рынка рекламы в России (ежегодный прирост рекламного рынка с 2013 года составляет 10–15 %), невысокое качество рекламной продукции (в 2012 году антимонопольные органы рассмотрели более 16 тыс. фактов, указывающих на нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе, в 2013 году – более 19,5 тыс. фактов; а в 2014 году – более 28 тыс.), пробелы в подготовке специалистов в области рекламы, а также имеющиеся в самом Федеральном законе от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» в ред. от 08.03.2015 (далее – ФЗ «О рекламе») лакуны – все эти причины обусловили значительное количество споров и конфликтов, разрешить которые без привлечения лиц, обладающих специальными знаниями, сложно.

Как отмечают авторы постатейного комментария к ФЗ «О рекламе», анализируя проблемные в правоприменении статьи, «...наиболее успешным методом применения нормы (речь, в частности, идет о ч. 6 ст. 5 ФЗ «О рекламе». – *Примеч. Е. Ч.*) следует признать случаи, когда реклама, содержащая признаки нарушения, исследуется специалистами» [1].

Однако на практике долго и сложно решался вопрос, какие специальные знания нужны для исследования рекламы, которая по сути своей является продуктом комплексным. В некоторых случаях предпринимались попытки проводить «комплексную визуально-лингвистическую экспертизу», «изобразительно-лингвистическую экспертизу», «комплексную гуманитарную экспертизу» [2], для исследования привлекались врачи психиатрических больниц и методисты кафедры педагогики и психологии, но результаты их исследований чаще всего не помогали, а, напротив, мешали суду.

Свой ответ на требования правоприменительной практики в части разработки теоретических и методических аспектов экспертизы рекламы как речевого продукта дала возглавляемая профессором Е. Р. Россинской научная школа судебной экспертизы Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). В русле разработанной школой концепции судебной экспертологии [3, 4], а также с учетом основ судебного речеведения [5] – раздела прикладной лингвистики, посвященного изучению речевой деятельности и ее результатов в целях решения родовых задач судебной экспертизы устных и письменных произведений речи, – было обосновано выделение судебной лингвистической экспертизы рекламного текста в качестве одного из видов лингвистической экспертизы, уточнен предмет, определены объекты и сформулированы задачи [6].

Так, под судебной лингвистической экспертизой рекламного текста (далее – СЛЭРТ) понимается процессуально регламентированное лингвистическое исследование рекламного текста как поликодового (креолизованного) текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний.

Под объектом данного вида экспертизы понимается рекламный текст как поликодовый (креолизованный) текст особой функционально-коммуникативной направленности. Такое понимание объекта СЛЭРТ коррелирует с тем, как законодатель определяет рекламу. В пункте 1 статьи 3 ФЗ «О Рекламе» реклама определена как «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [7]. Информация как сведения, кото-

рые передаются от одного к другому (в терминологии теории речевых актов от адресанта – к адресату), кодируется и декодируется с использованием различных кодов, при этом языковой код – основополагающий, но не единственный. Поэтому логично, на наш взгляд, считать, что реклама как информация представляет собой именно поликодовый (креолизованный) текст особой функционально-коммуникативной направленности: привлечь внимание, интерес к объекту рекламирования (товару, услуге и т. д.), который обязательно выявляется, распознается потребителем среди группы однородных объектов.

Определяя предмет судебной лингвистической экспертизы рекламного текста, под которым понимаются факты и обстоятельства, подлежащие доказыванию по конкретному делу посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний, школа реализует компетентностный подход, в рамках которого специальные знания видятся как известная триада *знания – умения – навыки*, именно они являются структурными компонентами профессиональной компетенции. Процесс формирования компетенций не линейный, «приращение» знаний, умений и навыков происходит на протяжении всей профессиональной деятельности эксперта.

Если говорить непосредственно о комплексе специальных знаний, необходимых для исследования рекламы как поликодового (креолизованного) текста, то это, во-первых, знания в области судебного речеведения, которое, как справедливо отмечает Е. И. Галяшина, является научной базой судебно-экспертного исследования продуктов речевой деятельности человека в судопроизводстве, во-вторых, собственно лингвистические знания. Возможность исследования креолизованного (поликодового) текста лингвистами доказана в науке, еще российский языковед А. А. Реформатский считал, что изображение как особый структурный момент высказывания принадлежит ведению лингвиста. Но для исследования рекламного текста вышеперечисленных знаний недостаточно. Чтобы проводить судебно-экспертное исследование рекламного текста, надо знать закономерности построения рекламного текста, рекламные стратегии и тактики, по-разному реализующиеся в речи, знать понятийный аппарат рекламы как одной из областей массовых коммуникаций, уметь анализировать коммуникативные предпосылки порождения правовых конфликтов в рекламе. К сожалению, недостаточное владение исследователем терминологией предметной области нередко обнаруживает себя в текстах заключений, а также в научных работах, посвященных проблемам экспертизы рекламы. Конечно, базовыми являются специальные знания в области судебной экспертологии.

В процессе развития судебной лингвистической экспертизы рекламного текста, развития ее частной теории обозначилась проблема, которая не могла не обозначиться, если принимать во внимание общие закономерности развития родов и видов судебных экспертиз, – это проблема определения специальных знаний применительно к судебной лингвистической экспертизе и, как следствие, понимание природы возникающих коллизий между общеизвестным и специальным знанием.

Остроту проблемы можно показать, проанализировав ситуацию, сложившуюся при рассмотрении дел об оспаривании решений антимонопольных органов о привлечении к административной ответственности за нарушение норм ФЗ от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», в частности части 6 статьи 5 этого закона, согласно которой в рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина. Надо отметить, что положения части 6 статьи 5 ФЗ «О рекламе» являются одними из наиболее сложных и проблемных в правоприменении.

Пленум ВАС РФ посчитал, что по делам о привлечении лиц к административной ответственности, предусмотренной статьей 14.3 КоАП РФ, за использование ими в рекламе бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений при решении вопроса об отнесении тех или иных слов к числу бранных или образов, сравнений и выражений к числу непристойных (то есть крайне предосудительных и недопустимых ввиду неприличия) и (или) оскорбительных (то есть способных причинить обиду) специальных знаний, как правило, не требуется, в связи с чем неназначение судом соответствующей экспертизы само по себе не является основанием для отмены судебного акта» [8]. Доступность самых разных информационных ресурсов (в том числе справочных, аналитических и прочих) породило у судей уверенность в том, что им как носителям языка несложно распознать оскорбительное слово

Анализ судебной практики, сложившейся после октября 2012 года, показал, что в качестве экспертных заключений некоторые суды стали рассматривать протоколы решений экспертных советов ФАС и УФАС.

В качестве примера приведем решение АС Иркутской области от 23 января 2014 г. по делу № А19-17139/2013 (дело касалось рекламы сети мужских клубов «Зажигалка», включающей в себя вербальный компонент *Отдых без цензуры в твоём городе!*): «При оценке экспертных заключений, представленных в материалы дела как заявителем, так и ответчиком, судом учтены количественный и квалификационный составы каждой экспертной комиссии. Экспертное заключение, на которое ссылается заявитель, выполнено экспертом АНО Иркутское экспертное бюро Разгуляевым А. С. единолично. Экспертное заключение, на которое ссылается ответчик в оспариваемом решении, выполнено членами Экспертного совета в составе 13 экспертов» [9]. Совершенно очевидно, что суд воспринимает здесь экспертный совет как носителя специальных знаний.

Однако согласно пункту 1.3 Положения об Экспертном совете по рекламе [10], утвержденного приказом ФАС России от 07.09.2004 № 99, экспертный совет является консультативно-совещательным органом при Федеральной антимонопольной службе. Его решения имеют рекомендательный характер и представляются в Федеральную антимонопольную службу для принятия решений о соответствии рекламы требованиям законодательства Российской Федерации, реализации государственной политики в области контроля соблюдения рекламного законодательства и подготовки предложений по совершенствованию законодательства о рекламе.

Из текста Положения понятно, что члены экспертного совета не проводят исследования объекта. Они получают его (объект) за три дня до даты заседания. Решения Экспертного совета принимаются простым большинством голосов членов, присутствующих на заседании. При равенстве голосов голос председателя является решающим. Решения Экспертного совета оформляются протоколом, подписываемым Председателем и ответственным секретарем Экспертного совета.

Во всех процессуальных кодексах статус эксперта четко определен. Согласно ч. 1 ст. 55 АПК РФ экспертом в арбитражном суде является лицо, обладающее специальными знаниями по касающимся рассматриваемого дела вопросам и назначенное судом для дачи заключения в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом. Согласно ч. 1 ст. 25.9 КоАП РФ, в качестве эксперта может быть привлечено любое не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо, обладающее специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле, достаточными для проведения экспертизы и дачи экспертного заключения.

Если говорить о составе Экспертного совета, то он формируется, согласно пункту 3.1. Положения, из специалистов Федеральной антимонопольной службы, представителей других федеральных органов исполнительной власти, представителей бизнеса.

Таким образом, согласно ст. 64 АПК РФ решения экспертных советов ФАС и УФАС следует рассматривать как письменное доказательство, но это письменное доказательство нельзя называть экспертным заключением, оно не является альтернативой заключению эксперта, поскольку собственно исследования членами совета не проводится, они не являются носителями специальных знаний. Однако в текстах решений некоторых арбитражных судов протоколы решений Экспертных советов с завидным постоянством называются экспертными заключениями. Такая правовая небрежность судов дорого обходится прежде всего самим представителям ФАС и УФАС.

Информационный характер современного общества не предопределяет особого уровня владения языком членами этого общества, поэтому говорить о том, сложный речевой продукт суду легко анализировать с опорой только на общеизвестное знание, нельзя. Отсутствие специалиста в процессе по данной категории дел стало причиной появления в текстах судебных решений многочисленных ошибок, терминологических неточностей.

Рамки статьи позволили нам обозначить лишь некоторые опорные моменты, подробные методические указания по работе со спорными рекламными текстами разрабатываются кафедрой судебных экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), так как «...лучше не опираться только на житейский опыт и здравый смысл, ибо то, что кажется простым и обыденным, на самом деле, является сложным и требует внимания специалиста» [11].

Список использованных источников

1. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе» / Д. С. Бадалов, И. И. Василенкова, Н. Н. Карташов, С. Ф. Котов, Т. Е. Никитина. – М. : Статут, 2012.
2. Иванченко, Г. В., Леонтьев, Д. А. Комплексная гуманитарная экспертиза / Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2008.
3. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. – М. : Норма, 2016. – 368 с.
4. Россинская, Е. Р. Современная концепция судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности / Е. Р. Россинская // Право и государство. – 2014. – № 2. – С. 96–100.
5. Галяшина, Е. И. Основы судебного речеведения : моног. – М. : СТЕНСИ, 2003. – 232 с.
6. Чубина, Е. А. Судебная лингвистическая экспертиза рекламы как вид судебной лингвистической экспертизы: предмет, задачи и объекты // Материалы международной научно-практической конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы», г. Алматы, 6 нояб. 2014 г. – Астана, 2014. – С. 302–305; Чубина, Е. А. Некоторые вопросы экспертного исследования двусмысленных утверждений в рекламе // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. «Кутафинские чтения» : сб. докл. – М., 2014. – С. 360–364; Чубина, Е. А. Использование специальных лингвистических знаний в арбитражном судопроизводстве: проблемные моменты // Эксперт-криминалист. – 2015. – № 2. – С. 31–34; Чубина, Е. А. Факт или интерпретация факта: анализ экспертной практики по делам о недостоверной рекламе // Законы России. – 2015. – № 10. – С. 27–31.
7. О рекламе [Электронный ресурс] : Федеральный закон Рос. Федерации, 13 марта 2006 г., № 38-ФЗ : ред. от 08.03.2015 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
8. О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе» : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации, 8 окт. 2012 г., № 58 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
9. Решение от 23 января 2014 г. по делу № А19-17139/2013. АС Иркутской области [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
10. Положение об Экспертном совете по применению законодательства о рекламе при Федеральной антимонопольной службе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fas.gov.ru/community-councils>. – Дата доступа: 11.03.2016.
11. Россинская, Е. Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы / Е. Р. Россинская // Argumentum ad iudicium. – ВЮЗИ – МЮИ – МГЮА : тр. – М. : Изд-во МГЮА, 2006. – Т. 2. – С. 235.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

Шалагин Антон Евгеньевич,
начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Казанского юридического института МВД России, г. Казань,
кандидат юридических наук, доцент

Понятие *дизайнерские наркотики* происходит от англ. *to design* (разрабатывать, проектировать). Они представляют собой психоактивные вещества, синтетического происхождения, заменяющие или воспроизводящие действие наркотических средств, сходные с ними по химическому составу и вызывающие наркотическую эйфорию. Термин «*дизайнерские наркотики*» появляется в 1980-е гг. и используется для обозначения синтетических опиоидных наркотенов. Такие наркотики приобрели массовую популярность в мире после появления и распространения среди несовершеннолетних преимущественно «клубных наркотиков», например, МДМА (экстази).

Психоделики – разновидность психоактивных веществ, воздействие которых на организм человека изменяет привычное восприятие действительности и естественное мышление. Наркотический эффект от потребления таких препаратов сопряжен с галлюцинациями, вхождением человека в транс, необычными сновидениями. К психоделикам относятся синтетические и полусинтетические вещества (DOM, DMT, 2C-B, DOB, LSD и т.п.). К их числу также относятся галлюциногенные грибы, содержащие псилоцин и псилоцибин, активный компонент (мескалин) мексиканского кактуса «Пейотл» и т.п.

В начале XXI в. множество аналогов наркотических средств (MDMC, 4-MMC, MMCAT и др.) становятся неотъемлемыми элементами молодежной субкультуры. Особое место в длинном перечне новых потенциально опасных психоактивных веществ занимают курительные смеси (CP-497, HU-210, JWH-018, JWH-250, RCS-4, RCS-8, UR-144, AB-001 и т.п.). В 2010–2012 гг. в России распространение получают мефедрон, метилон, метилдигидропировалерон и др. После того как был определен основной психоактивный компонент курительных смесей во многих странах стали приниматься антинаркотические нормы, ограничивающие или запрещающие оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ. Такие вещества в обобщенном виде стали именоваться спайсами (от англ. *Spice* – специя, смесь, приправа).

Опасность употребления спайсов и психоделиков выражается:

в нарушениях работы систем (органов) человека, в первую очередь страдает головной мозг и центральная нервная система;

расстройствах психики, нередко сопровождающихся психозами и неврозами, на фоне ухудшения памяти и сна;

систематических приступах необъяснимой агрессии, несдержанности, жестокости;

попытках и оконченных актах суицидального поведения;

совершении аморальных, антиобщественных, противоправных поступков (такие лица могут представлять реальную угрозу окружающим и охраняемым общественным отношениям).

Действие курительных смесей (новых потенциально опасных психоактивных веществ) на организм человека во много раз превышает воздействие от традиционных наркотических средств. При употреблении таких наркотенов сосуды головного мозга резко сужаются, наступает острое кислородное голодание. У человека развивается устойчивое чувство страха, паники, безысходности, галлюцинации. Нередко потребители спайсов становятся пациентами психиатрических клиник.

Анализ развития наркоситуации в Российской Федерации и результатов правоохранительной деятельности в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков за 2014–2015 гг. показывает, что стремительно развивающаяся внешняя наркоэкспансия и насыщение наркорынка новыми видами психоактивных веществ продолжают представлять прямую угрозу национальной и экономической безопасности России, здоровью населения, культурному и нравственному потенциалу страны.

За последние пять лет в России ликвидировано 50 тыс. наркопритонов и мест производства наркотиков, из незаконного оборота изъято 26 т опиатов, в том числе 11,5 т афганского героина, 18 т синтетических наркотиков, 121 т марихуаны и 10 т гашиша, выявлено свыше 700 видов новых потенциально опасных психоактивных веществ. По данным мониторинга наркоситуации в Российской Федерации, количество лиц, регулярно и эпизодически потребляющих наркотики, оценивается в 8 млн человек (5,6 % населения), в том числе около 3 млн – активные наркопотребители (2 % населения) [1].

Сотрудники правоохранительных органов отмечают опасную тенденцию на протяжении последних лет, которая выражается в стремительном и неуклонном росте преступного «профессионализма» и высокой организованности наркобизнеса. Наряду с этим происходит интенсивная структурная перестройка криминального рынка наркотиков. Синтетические наркотики вытесняют ранее традиционные марихуану, опий и героин. Меняются схемы и способы сбыта наркотиков. Так, с 2008 года на территории Российской Федерации все большую популярность начал набирать бесконтактный способ сбыта наркотиков. Для таких целей использовались средства сотовой телефонной связи, обеспечивавшие обмен информацией о времени, месте и способе их сбыта, путем голосовых переговоров и коротких SMS сообщений. Подобная система связи наркодиллеров с потребителями наркотиков сравнительно быстро была изучена и выработаны меры адекватного противодействия ей. Кроме

того, правоохранительные органы, при взаимодействии с операторами сотовой связи, получили возможность устанавливать абонента, его местонахождение и проводить комплекс своевременных оперативно-розыскных мероприятий.

С развитием информационно-телекоммуникационных систем, проникновением глобальной сети Интернет в повседневную жизнь граждан, эволюционировал механизм совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществах и их аналогов. Новые тенденции в организации сбыта наркотиков бесконтактным способом стали отмечаться в связи с использованием преступниками возможностей Интернета.

При выявлении преступлений, связанных с бесконтактным способом реализации (сбыта) наркотических средств, прежде всего необходимо установить механизм совершения сделки, отследить всю цепочку соучастников от поставщика до потребителя, с последующим установлением производителя.

Проведенный анализ научной литературы и обобщение практического опыта отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков Управления уголовного розыска МВД по Республике Татарстан позволило определить примерную структуру преступной группы наркосбытчиков с определением их ролей и функций. Она выглядит следующим образом: 1) закладчик; 2) оптовик; 3) оператор; 4) координатор; 5) курьер (перевозчик); 6) лица, осуществляющие хранение и передачу наркотических средств; 7) менеджер (финансовый директор). В таких преступных группах число звеньев может быть различным. Их количество зависит от уровня и объемов поставляемых (реализуемых) наркотиков.

На основе криминологического анализа наркоситуации в России можно сделать прогноз ее развития на ближайшие годы, который будет характеризоваться:

- увеличением количества организованных преступных групп (сообществ) с межрегиональными (транснациональными) связями, созданием ими глубоко законспирированных (разветвленных) сетей распространения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов;

- ростом международной организованной наркопреступности с наращиванием контрабандной активности (в сфере незаконного оборота наркотиков и потенциально опасных психоактивных веществ);

- возрастающим влиянием наркомафии на общеуголовную и экономическую преступность, появлением новых способов (приемов) легализации денежных средств (иного имущества), вырученного от незаконных операций с наркотиками;

- отставанием современных методик выявления (обнаружения) в организме человека следов новых потенциально опасных психоактивных веществ, что будет способствовать росту уровня латентности наркозависимых;

- оптимизацией процесса реализации (сбыта) наркотических средств и их аналогов бесконтактным способом с использованием современных информационных и компьютерных технологий [2, с. 89].

Как правило, основными участниками незаконных операций по продаже наркотических средств или психотропных веществ являются молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, нередко учащиеся (студенты), лица, не имеющие постоянного места работы (источника доходов).

Разработка преступных групп, осуществляющих сбыт наркотиков через Интернет и систему электронных платежей, достаточно сложна, требует детального и длительного документирования фактов преступной деятельности, значительного количества привлекаемых сил и оперативно-технических возможностей.

Результаты изучения проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств свидетельствуют о дальнейшем ее обострении и актуализации. Продолжается интенсивное вовлечение населения в злоупотребление наркотиками, нередки случаи культивирования и выращивания растений, содержащих наркотические средства, нарушения в области легального оборота наркотиков. Прослеживается динамика увеличения фактов выявления организации и содержания наркопритонов, имеет место противозаконная выдача либо подделка рецептов, дающих право на получение препаратов, содержащих наркотические вещества.

Анализ уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков показал, что, несмотря на предпринятые правотворческие меры по совершенствованию антинаркотического законодательства, необходимость его дальнейшего совершенствования не отпала и в настоящее время является одним из перспективных направлений уголовно-правовой политики.

С учетом сложившейся криминогенной ситуации в стране требуется дальнейшая активизация работы всех правоохранительных органов по выявлению и раскрытию преступлений данной направленности. В связи с этим особое внимание необходимо обратить на документирование, предотвращение и пресечение преступных действий, связанных с распространением наркотиков, а равно совершение таких преступлений организованными группами и преступными сообществами. Поэтому в решении организационно-управленческих, социально-экономических, политических, морально-психологических, оперативно-тактических задач значительное внимание должно быть уделено обеспечению реализации антинаркотических программ и антинаркотических стандартов [3, с. 178–180].

Большое значение в предупреждении незаконного оборота наркотиков отводится разъяснительной работе с населением и пропаганде здорового образа жизни, осуждению социально-негативных явлений, обуславливающих и воспроизводящих преступность.

Индивидуальное предупреждение наркомании и незаконного оборота наркотиков выражается в следующем комплексе мер:

- выявление и постановка на профилактический учет лиц, употребляющих наркотические средства и склонных к совершению преступлений;

профилактический контроль и проведение с такими лицами профилактических бесед;
осуществление в отношении указанных лиц мероприятий воспитательного, медицинского, психолого-педагогического, правового и иного характера с целью недопущения ими аморального, противоправного, антиобщественного поведения [4, с. 278];
профилактическая работа в учебных заведениях и трудовых коллективах;
социальная адаптация и ресоциализация лиц, ранее допускаявших немедицинское потребление наркотиков.

Список использованных источников

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» : постановление Правительства Рос. Федерации, 15 апр. 2014 г., № 299 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 18 (часть I). – Ст. 2148.
2. Шалагин, А. Е. Актуальные направления предупреждения и пресечения незаконного оборота наркотиков на современном этапе / А. Е. Шалагин, А. И. Ключкин // Научный портал МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 87–91.
3. Шалагин, А. Е. Незаконный оборот наркотиков – угроза национальной безопасности: моногр. / А. Е. Шалагин. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 248 с.
4. Криминология : учебник для бакалавров / под ред. В. И. Авдийского. – М. : Юрайт, 2014. – 351 с.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ

Шишкина Елена Александровна,
заведующий кафедрой общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Астраханского филиала Международного юридического института, Россия, г. Астрахань,
доктор социологических наук,

Глобальные экологические дисфункции, обусловленные негативной антропогенной нагрузкой и социальными практиками человечества, вызвали тотальные изменения естественной среды обитания, став причиной ее деградации, гибели больших и малых экосистем, сокращения видового разнообразия флоры и фауны. Техногенное и химическое загрязнение окружающей среды способствовало возникновению и развитию различных видов патологии, необратимых генетических мутаций, угрожающих жизни и здоровью самого человека. Влияние на организм различных экотоксикантов привело к развитию процессов подавления иммунной защиты, создав условия для роста соматической, психоневрологической, паразитарной, онкологической и иных видов патологии.

В соответствии со ст. 4.1. Федерального закона «Об охране окружающей среды» загрязняющие вещества, в отношении которых применяются меры государственного регулирования в области охраны окружающей среды, определяются уровнем токсичности, канцерогенных и мутагенных свойств химических и иных веществ, в том числе имеющих тенденцию к накоплению в окружающей среде, а также их способности к преобразованию в соединения, обладающие большей токсичностью [1]. Высокие концентрации токсических компонентов в составе жизненно необходимых сред создают множественные экологические риски и являются причиной токсико-дегенеративных, вирусных, обменно-аллергических миокардитов, стазовых и рефлюксных эзофагитов. Экологические морфофункциональные нарушения главных пищеварительных желез (печени, поджелудочной железы) играют первичную роль в формировании предраковых заболеваний всех органов.

Исследования последних лет делают вполне обоснованным несогласие с бытующим мнением о том, что влиянию экологических факторов подвержено от 25 до 50 % всех заболеваний. Характер и структура заболеваемости как в России, так и за рубежом позволяет утверждать, что экологическое неблагополучие лежит в основе всех (или почти всех) известных и неизвестных медицине заболеваний, которыми страдает современное человечество. А причины статистического и реального несоответствия локализируются в недостоверности располагаемой информацией, которая, в свою очередь, определяется объективными и субъективными факторами социальной реальности. Объективная сторона проблемы представлена сложностью клинической оценки экпатологии, которая в большинстве случаев не имеет специфической симптоматики, и отсутствием в условиях практического здравоохранения диагностических возможностей для выявления экологических влияний. Эти обстоятельства создают барьеры для сбора надежной статистической информации, не позволяют пересмотреть классификацию болезней с учетом экологически обусловленных факторов, искажают реальную картину экологических угроз здоровью общества.

Не менее, а возможно и более значимой представляется субъективная сторона ситуации, исходящая из ряда социальных и индивидуальных «соображений», создающих предпосылки к сокрытию экологически значимой информации. Реальность вступает в противоречия с Законом Российской Федерации «Об охране окружающей природной среды», регламентирующим права граждан на здоровую и благополучную окружающую природную среду (раздел II, ст. 11–14), где особо обозначено право граждан, экологических и иных общественных объединений, выполняющих экологические функции, требовать от соответствующих органов предоставления своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей природной среды и мерах по ее охране.

Интенсивность загрязнения окружающей среды промышленными выбросами тесно связана с управленческими, правовыми, нравственными установками лиц, включенных в производственную деятельность. Зачастую отсутствие в лечебных учреждениях, иных структурах и ведомствах объективных сведений о влиянии острых или хронических экологических факторов на здоровье населения продиктовано криминализированным правосознанием представителей власти, ориентированной на достижение личных и корпоративных интересов чаще всего экономического характера. В ряде случаев невыгодность оглашения таких материалов связана с целью избежания уголовной ответственности за нарушения в управлении экологически вредным объектом и иные деяния, так или иначе оказывающие влияние на качество окружающей среды и тем самым на состояние общественного здоровья.

Закрытость информации о влиянии на здоровье населения экологически вредных и опасных производств в России является повсеместным и вполне привычным явлением, вопреки ч. 3 ст. 41 Конституции РФ, согласно которой предусмотрена ответственность за сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей.

Хронические выбросы токсических веществ малыми дозами и возникновение чрезвычайных ситуаций на экологически опасных объектах – это результат множества обстоятельств, обусловленных дефектами правосознания граждан. В их диапазоне – экономия финансовых средств, предназначенных для поддержания объекта в состоянии функциональной безопасности, нарушение правил эксплуатации объекта, формальный подход к разработке плана ликвидации последствий ЧС и иные факторы. Чрезвычайные ситуации на аварийноопасных объектах, обусловленные несоблюдением необходимых мер для обеспечения безопасного функционирования производства и вызвавшие тяжелые расстройства здоровья персонала предприятия или населения, все чаще высвечивают не только административно-правовой, но и морально-нравственный характер. По данным М. Фоминой, до 80 % объемов всевозможных сбросов и выбросов, осуществляемых промышленными предприятиями, являются несанкционированными [2] и обуславливает низкую результативность действия экологического и уголовного законодательства.

Реальные шаги, предпринимаемые аппаратами управления разного уровня по обеспечению экологической безопасности, носят весьма неоднозначный характер. Например, неблагоприятная экологическая ситуация в г. Кириши Ленинградской области стала результатом деятельности расположенного на территории города завода, производившего полусинтетические белково-витаминные корма для животных. Развитие у детей города тяжелой астмы (киришский синдром) в результате большой концентрации в воздухе сенсibiliзирующих веществ послужило основанием для остановки завода в начале 1990-х годов. Но на территории города активизировал свою деятельность другой не менее опасный для здоровья объект – крупнейший нефтеперерабатывающий завод «Киришинефтеоргсинтез». Официальные заявления его руководства о регулярной модернизации технологических схем предприятия «с целью повышения качества выпускаемой продукции, сокращения эксплуатационных затрат, повышения безопасности производства и сохранения среды обитания» [3] не предотвратили воспламенение паров топлива, утечку водородосодержащей смеси, воспламенение гидроочистителя дизельного топлива и привели к масштабным пожарам в 1986, 2008 и 2009 годах. При сложившихся условиях можно гипотетически утверждать, что потенциальной опасностью является и профиль деятельности предприятия, поскольку известно, что продукты нефтеперерабатывающих производств способны вызывать синдром тикеров (неврологическое заболевание детей, проявляющееся в виде мышечных подергиваний – тиков).

Реальная и потенциальная опасность здоровью и жизни общества, возникающая как следствие нравственных дефектов сознания и правосознания определенных категорий граждан и проявляющаяся в форме халатности, пренебрежения техникой безопасности, корысти, экономии финансовых средств, имеет место не только в условиях экологически вредных и опасных предприятий. Так, глобальную экологическую опасность представляет затонувшая в 2003 году вблизи Кольского полуострова боевая субмарина «К-159», на которой осталось ядерное топливо, способное привести к взрыву под влиянием самых незначительных причин и в самые непредсказуемые сроки. В той же мере «списанные российские атомоходы с неразгруженным ядерным топливом при отсутствии должного наблюдения или чьей-то халатности могут стать причиной всемирной экологической катастрофы. И уже не является секретом факт, что корпуса боевых атомных подлодок списанных с вооружения, находятся в плачевном состоянии» [4].

Гипотезы и ожидания не заставляют себя долго ждать и находят подтверждение в реальных фактах и событиях. Так, «11 июля 2011 года на военно-морской базе неподалеку от Лимасола на Кипре произошел взрыв, в котором обвинялся президент республики Димитрис Христофиас в связи с халатным отношением к проблеме складирования боеприпасов, конфискованных в 2009 году с судна «Мончегорск» по подозрению в контрабанде оружия Ирану. Боеприпасы хранились прямо на земле на территории военно-морской базы и сдетонировали из-за высокой температуры» [5].

Следует отметить, что нравственные проблемы общества, обусловившие формирование системы устойчивых экологических и технологических рисков жизни и здоровью населения, являются делом не только России и стран, находящихся в состоянии экономического кризиса. Криминализация сознания, правосознания, корыстная мотивация, дефекты личной и групповой ответственности – не редкость и для многих экономически благополучных государств. В частности, в результате аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 году двести военных моряков получили облучение. Иск, предъявленный к Токийской энергетической компании ТЕРСО, Федеральным судом США был признан правомерным. Компания обвинялась в том, что ее руководство сознательно предоставило общественности и военным США недостоверную информацию о ситуации в первые дни аварии, в результате чего личный состав корабля «Рональд Рейган» получил высокую дозу облучения [6].

3 декабря 1984 г. в Бхопале (Индия) на химически опасном объекте по производству пестицидов, принадлежащем американской компании «Юнион Карбайд», утечка ядовитых смесей фосгена и метилизоцианата в количестве более 30 тонн привела не только к гибели 3 тысяч человек. Тяжелые расстройства здоровья получили те, кто остался жив: около 20 тысяч человек ослепли, у 200 тысяч человек были зарегистрированы поражения головного мозга, параличи. У детей, родившихся после катастрофы, наблюдались множественные случаи уродства [7]. Спустя более тридцати лет после трагедии, специалисты так и не пришли к единому мнению о причине аварии. Однако наиболее признанной является точка зрения о том, что первопричиной катастрофы стало грубое нарушение техники безопасности, необученность персонала действиям в аварийных ситуациях, экономия финансовых средств на мерах безопасности и иные обстоятельства, связанные емким понятием «человеческий фактор».

По данным Гринпис и Международной организации «Врачи против ядерной войны», в результате Чернобыльской катастрофы только среди ликвидаторов умерли десятки тысяч человек, в Европе зафиксировано 10 000 случаев уродств у новорожденных, 10 000 случаев рака щитовидной железы и ожидается еще 50 000. По данным организации Союз «Чернобыль», из 600 000 ликвидаторов 10 % умерло и 165 000 стало инвалидами [8].

При изучении заболеваний, вызванных токсическим влиянием загрязнителей на организм человека, необходимо учитывать еще одно важнейшее обстоятельство: большинство из этих загрязнителей способно вызывать отдаленные негативные последствия. Им подвержено гораздо большее число людей в сравнении с количеством тех, кто пострадал непосредственно в момент чрезвычайной ситуации. Установлено, что примерно через 7–10 лет после ЧС у населения регистрируются различные органические заболевания центральной нервной системы. Помимо этого замечено, что «после экологических катастроф возможно формирование последствий, не встречающихся после других бедствий – это эмбриотоксические эффекты, то есть патология, формирующаяся на стадии развития плода (эмбриона). Так, после взрывов атомной бомбы в Японии зарегистрировано учащение случаев микроцефалии и умственной отсталости у детей, находившихся в момент взрыва в утробе матери. Отмечено также учащение случаев шизофрении у представителей последующих поколений» [9].

Вместе с чрезвычайными ситуациями не меньшую угрозу здоровью общества представляют подострые хронические выбросы и утечки токсических веществ с экологически опасных объектов, загрязнения, вызванные работой авиа- и автотранспорта. Сегодня известно более 250 химических веществ, способных изменять структуру ДНК и приводить к злокачественному перерождению клеток, а также нарушать детородную функцию, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на здоровье потомства. Угарный, углекислый газы, оксиды серы и азота, синтетические органические вещества длительное время лидировали в списке наиболее опасных экотоксикантов. Теперь этот перечень пополнен соединениями тяжелых металлов, которые получили наибольшее распространение на урбанизированных территориях. Концентрация бензопирена, одного из наиболее опасных химических веществ, обладающих мощным канцерогенным действием, в ряде городов «превышает ПДК в воздухе в 2–4 раза, а частота заболеваний раком на 12–24% выше, чем в городах, где концентрация менее 2 ПДК. За последние годы участились аллергические заболевания, возросло число злокачественных перерождений органов дыхания» [10]. Б. Б. Тагниева, ссылаясь на данные ВОЗ, отмечает, что плохое качество воды и антисанитарные условия приводят к смерти более двух миллионов человек на планете ежегодно [11].

Рост экологозависимой патологии определяется также радиоактивным загрязнением, которое, по данным А. П. Константинова, «в помещении в среднем в 10 раз больше, чем на улице - за счет концентрирования радиоактивного радона, выделяющегося из горных пород и из строительных материалов» [12]. Этот процесс способствует развитию хронического утомления, обозначаемого в литературе синдромом «нездоровых зданий», вопреки одному из принципов законодательства о градостроительной деятельности, ориентированного на «обеспечение безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений» [13, ст. 1].

В российском законодательстве право на благоприятную окружающую среду закреплено в ст. 42 Конституции и выступает юридической формой обеспечения экологической безопасности. А Федеральный закон «Об охране окружающей среды» устанавливает, что «Российская Федерация осуществляет международное сотрудничество в области охраны окружающей среды в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации в области охраны окружающей среды» (ст. 81), поскольку решение рассматриваемых проблем не ограничивается интересами отдельных стран и регионов, а имеет глобальный характер.

В основу международно-правовой охраны окружающей среды положен широкий спектр принципов: защиты окружающей среды на благо нынешних и будущих поколений, недопустимости радиоактивного загрязнения, запрета военного и иного использования средств воздействия в концентрированном виде, обеспечения экологической безопасности и др. В то же время в прямом текстовом оформлении пока отсутствует принцип защиты здоровья человека от экологически неблагоприятных факторов. О нем можно лишь догадываться косвенно на основе явно имеющихся принципов.

Сборник «Экологические положения конституций» [14] включает около двухсот основных законов 161 страны мира и показывает, что практически все эти государства в той или иной степени предусматривают право на благоприятную окружающую среду, право на защиту здоровья граждан, право на достоверную информацию и др., свидетельствуя о том, что проблемы природного и общественного здоровья и потребность их преодоления касаются всего человечества. Наложение экономических санкций на государства, нарушающие международное законодательство по охране окружающей среды, отказ этим государствам в международной экономиче-

ской помощи и иные международно-правовые меры оказываются далеко недостаточными для решения экологических вопросов вообще и вопросов экологического здоровья, в частности. Возникает потребность в расширении механизмов оздоровления общества посредством пополнения правовой базы нормативными актами, касающимися деятельности лечебных учреждений, возможностей диагностического совершенствования, сбора достоверной статистической информации об экологической патологии. Важнейшим звеном в охране естественной среды обитания от неблагоприятного воздействия антропогенных факторов является формирование высокого экологического сознания и правосознания граждан. Анализ экологической заболеваемости и ситуаций, определяющих его уровень, высвечивает множество несоответствий в практической реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду. Множественные хронические и чрезвычайные экологические риски и связанное с ними ухудшение качества здоровья населения ставят перед обществом новые задачи и потребность в поиске каналов их реализации.

Список использованных источников

1. Об охране окружающей среды : Федеральный закон Рос. Федерации, 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ : ред. от 29.12.2015 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО « КонсультантПлюс». – М., 2016.
2. Фомина, М. Взаимосвязь здоровья человека и экологии [Электронный ресурс] / М. Фомина. – Режим доступа: <http://greenfuturegray235.livejournal.com/>. – Дата доступа: 02.03.2016.
3. Киришинефтеоргсинтез [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 02.03.2016.
4. РИАНовости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20130418/933253431.html#ixzz3XwUqPhcF/>. – Дата доступа: 14.04.2015.
5. Крупнейшие техногенные катастрофы XXI века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bigpicture.ru/?p=425483>. – Дата доступа: 04.03.2016.
6. Американские военные-ликвидаторы требуют наказать виновных в аварии на «Фукусиме» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fukushima-news.ru/news/amerikanskije_voennye_likvidatory_trebujut_nakazat_vinovnykh_v_avarii_na_fukusime/2014-12-16-2709. – Дата доступа: 04.03.2016.
7. Воздействие техногенных экологических катастроф, аварий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecology-portal.ru/publ/12-1-0-332>. – Дата доступа: 04.03.2016.
8. Чернобыльская авария – причины и последствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-85271.html?page=6>. – Дата доступа: 02.03.2016.
9. Медико-психологическая помощь пострадавшим при экологических катастрофах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://allrefs.net/c49/25z0w/>. – Дата доступа: 04.03.2016.
10. Фомина, М. Взаимосвязь здоровья человека и экологии [Электронный ресурс] / М. Фомина. – Режим доступа: <http://greenfuture:http://gray235.livejournal.com/>. – Дата доступа: 04.03.2016.
11. Таганиев, Б. Б. Международная экологическая криминология [Электронный ресурс] / Б. Б. Таганиев. – Режим доступа: <http://www.lawlibrary.ru/article2198812.html>. – Дата доступа: 03.03.2016.
12. Константинов, А. П. Особенности экологического неблагополучия в современных условиях и их влияние на здоровье населения России [Электронный ресурс] / А. П. Константинов. – Режим доступа: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7779035. – Дата доступа: 02.03.2016.
13. Градостроительного кодекса Российской Федерации // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО « КонсультантПлюс». – М., 2016.
14. Экологические положения конституций: сб. / под ред. Е. А. Высторобца. – М.-Уфа : МИРмПОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2012. – 395 с.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ (статья 53 УК Российской Федерации)

Шошин Сергей Владимирович,

доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии
юридического факультета ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов,
кандидат юридических наук, доцент

Принятое Пленумом Верховного Суда Российской Федерации постановление от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – Постановление № 58) свидетельствует об инновационной трактовке его авторами статьи 53 УК РФ, предусматривающей уголовное наказание в виде ограничения свободы. Неоднозначным, на наш взгляд, видится указание как на возможное (следуя п. 19 Постановления № 58) ограничение в виде запрета на посещение спортивных мероприятий. В перечень подобных спортивных мероприятий оказываются включенными различные олимпиады, спартакиады, универсиады, соревнования по различным видам спорта и другие аналогичные мероприятия.

Часть 2 статьи 41 Конституции РФ содержит указание на развитие физической культуры и спорта. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ред. от 03.11.2015) в пункте 1 части 1 статьи 3 указывает, что законодательство о физической культуре и спорте основывается в России на следующих принципах: обеспечение права каждого на свободный доступ к физической культуре и спорту как к необходимым условиям развития физических, интеллектуальных и нравственных способностей личности, права на занятия физической культурой и спортом для всех категорий граждан и групп населения.

В пункте 5 этой же части указанной статьи идет речь и о другом принципе: запрет на дискриминацию и насилие в области физической культуры и спорта, на противоправное влияние на результаты официальных спортивных соревнований [1, с. 1]. Спорт не запрещался даже в период боевых действий, которых в истории человечества насчитывается достаточное количество.

Интерес вызывает рассмотрение вопроса о том, является ли право каждого человека на занятие физической культурой и спортом отчуждаемым. Насколько нам известно, на сегодня действующая редакция УК России не предусматривает такого уголовного наказания. Определенные сложности при анализе данного вопроса возникают и в случае проведения неких параллелей с возможностью лишения лиц, отбывающих наказание в виде реального лишения свободы по приговору суда, избирательных прав. Автором прежде были подвергнуты анализу указанные аспекты лишения избирательных прав заключенных без прямого упоминания об этом в резолютивной части соответствующего обвинительного приговора суда [2, с. 186]. О таком положении с отсутствием возможности реализовать избирательные права российских заключенных прямо упоминается в ч. 3 ст. 32 Конституции России. Возможность запрета для осужденных занятием физической культурой и спортом действующая Конституция России не содержит. Остается только сожалеть, что среди перечисленных в тексте действующей Конституции России основных прав и свобод человека не нашлось места для отражения права человека на занятие физической культурой и спортом. Возможно, впоследствии такая ситуация будет конструктивно разрешена и сегодняшняя правовая реальность (по указанному аспекту) станет лишь достоянием российской истории.

Не похожа ситуация, сложившаяся с запретом на посещение спортивных и физкультурно-оздоровительных мероприятий лицами, осужденными к ограничению свободы и с особенностями расторжения брака с лицами, осужденными к реальному лишению свободы на срок свыше 3 лет. Похожая ситуация прежде в мировой истории права законодателем именовалась как «поражение в семейных правах» или «лишение прав». Сейчас это регламентируется лишь статьей 19 Семейного кодекса России. В результате расторжение брака с подобными заключенными лицами производится лишь по заявлению оставшихся на свободе супругов органами ЗАГС. Согласия от такого заключенного не требуется.

Об актуальности занятия физической культурой и спортом даже для осужденных, отбывающих наказание в виде реального лишения свободы, указывается и в текстах актуальных для сегодняшнего дня учебников и учебных пособий по уголовно-исполнительному праву [3, с. 259]; [4, с. 135]; [5, с. 107]. При этом не вызывает сомнения, что реальное лишение осужденного свободы по приговору суда является значительно более серьезным наказанием, чем ограничение свободы. Соответственно и сущность реализуемых при исполнении таких уголовных наказаний ограничений прав и свобод такого осужденного, по нашему мнению, должна быть распределена надлежаще правомерно. При этом, например, М. С. Зубарев прямо указывает на значимость физического воспитания в воспитательном процессе осужденных к реальному лишению свободы лиц. Данный автор делает акцент на использовании физической культуры и спорта не только для организации занятий в период свободного времени, имеющегося у таких осужденных лиц, но и на выработку при этом у данных лиц умений поддерживать собственный организм в хорошем состоянии в период отбывания указанного уголовного наказания [4, с. 135]. Лишение права заниматься физической культурой и спортом лиц, осужденных судом к ограничению свободы, посредством запрета им принимать участие в самых разнообразных спортивных мероприятиях, на наш взгляд, можно считать заведомо ошибочным. Истории российской и мировой практики занятия спортом на сегодняшний день не известно ни об одном спортивном состязании, участники которого прежде были осуждены судом к ограничению свободы. Можно предположить, что указанная проблематика сможет вызвать интерес и у ученых, специализирующихся в сфере спортивного права. Примечательно, что об обязательности наличия на территории отечественных мест реального лишения свободы спортивных площадок, которыми могли бы пользоваться и заключенные в них по приговору суда лица, говорилось и в прежние исторические периоды существования СССР [5, с. 107].

Занятие спортом способствует поддержанию обороноспособности государства. Не стоит в связи с этим игнорировать значительный потенциал и осужденных по приговорам судом индивидуумов. Факт наличия вступившего в законную силу обвинительного приговора суда не должен приводить к игнорированию и вероятности роста дальнейших достижений в области спорта подобного правонарушителя. История развития российского спорта высоких достижений знает достаточное число случаев, когда видные спортсмены на длительное время попадали в места изоляции от общества. Например, Расул Рабаданович Мирзаев, чемпион мира по боевому самбо. Другим похожим случаем здесь можно назвать историю Александра Владимировича Емельяненко, многократного чемпиона России и мира по боевому самбо. Для иностранного спорта подобные ситуации также характерны. В частности, Дэррил Строберри (*Darryl Strawberry*), бейсболист. И этот список можно продолжить. Фактор спорта влияет на процесс формирования личности и воспитания конкретного человека. Ценности спорта не способна поставить под сомнение ни одна религия, ни одно общественно-политическое учение. Возможно, интерес сегодня может представлять философский анализ проблемы указанного нами фактического потенциального запрета на занятия спортом. Остается надеяться, что Конституционный Суд РФ

сможет принять надлежащее решение по инициированному (возможно, в будущем) соответствующим заинтересованным лицом обращению согласно нормам действующей российской конституции подобной трактовки Пленумом Верховного Суда РФ сущности уголовного наказания в виде ограничения свободы, касающегося спорта и физической культуры. Занятие спортом ни при каких обстоятельствах не может способствовать формированию (развитию) криминальных проявлений потенциала человека. Как личное непосредственное занятие спортом, так и пассивное наблюдение за процессом спортивных соревнований может только лишь облагораживающее воздействие оказать на таких индивидуумов. Даже в российских местах отбывания реального лишения свободы осужденным предоставляется возможность занятия спортом. Запрет на занятие спортом при применении заведомо более мягкой меры уголовного наказания, чем реальное лишение свободы, каковой является ограничение свободы, фактически свидетельствует о применении к подобным осужденным более строгого уголовного воздействия (как минимум, в аспекте права на занятие спортом). Такое соотношение между различными уголовными наказаниями требует, как минимум, привлечения внимания научной общественности. По результатам тщательного обсуждения сложившейся ситуации с потенциально возможным запретом на занятие спортом лицами, осужденными к уголовному наказанию в виде ограничения свободы, возможным видится выработка комплекса предложений, адресованных Верховному Суду РФ. Соответственно можно предположить изменение редакции действующего сегодня постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Возможным видится и рассмотрение соответствующих инициатив, внесенных правомочными на то должностными лицами (органами) и Конституционным Судом РФ. Вероятным видится и внесение необходимых изменений в содержание отдельных норм действующего сегодня российского национального законодательства.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 04.12.2007 №329-ФЗ (ред. от 03.11.2015) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
2. Шошин, С. В. Проблемы возможного совершенствования позиции российского национального законодателя по вопросу об избирательных правах лиц, отбывающих наказание по приговору суда в местах лишения свободы (в аспекте состоявшихся постановлений Европейского Суда по правам человека) / С. В. Шошин // Парламентаризм в современном мире: теория и практика : материалы VII междунар. конституционного форума, посвященного 10-летию юрид. факультета Саратовского гос. ун-та имени Н. Г. Чернышевского : сб. тр. конф. – Саратов : Изд-во «Саратовский источник», 2016. – С. 186–189.
3. Уголовно-исполнительное право : учебник для академического бакалавриата / С. М. Зубарев, В. А. Казакова, А. А. Толкаченко. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во «Юрайт», 2016. – 455 с.
4. Уголовно-исполнительное право : учеб. пособие для прикладного бакалавриата / М. С. Зубарев. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во «Юрайт», 2016. – 186 с.
5. Уголовно-исполнительное право России. Общая и особенная части : учебник для академического бакалавриата. – 3-е изд., испр. и доп. ; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М. : Изд-во «Юрайт», 2016. – 800 с.

ФОРМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Ярмоц Елена Николаевна,
заведующий кафедрой уголовного права и криминалистики юридического факультета
Полоцкого государственного университета, г. Новополоцк,
кандидат юридических наук, доцент

В современных условиях развития белорусской государственности формируется особая модель взаимодействия государства и гражданского общества, которая основывается на принципах результативности и подотчетности обществу. В качестве важнейшего принципа и стиля государственного управления сегодня выступает так называемая транспарентность, или прозрачность явлений и процессов, происходящих в обществе и государстве. Гражданское общество, по справедливому замечанию В. Н. Бибило, это общество, которое имеет доступ к публичной власти [1, с. 33]. Несмотря на то что судебная власть исторически тяготеет к традиционализму, категория транспарентности имеет для нее важное значение, поскольку от этого зависит доверие населения к суду, а значит, и легитимность судебной власти в целом.

Транспарентность судебной власти может быть обеспечена различными способами, в том числе путем установления общественного контроля за судебной деятельностью. Отличительными особенностями осуществления общественного контроля, в отличие от государственного, являются его:

- социально-правовая природа;
- независимость от институтов государственной власти и управления;
- доступность контроля для всех желающих;
- публичность, т. е. осуществление контроля в интересах и от имени общества;
- нерегулярная основа его осуществления (по мере необходимости);

невысокая степень законодательной регламентации относительно форм, оснований, условий и порядка его осуществления;

преимущественно рекомендательный характер решений, принимаемых субъектами общественного контроля.

Классификация общественного контроля за судебной деятельностью возможна по различным основаниям: по основаниям и источнику инициирования, по субъектному составу, по времени возникновения, по продолжительности осуществления, по характеру полномочий субъектов общественного контроля и т. п. Однако наибольший интерес представляет классификация общественного контроля в зависимости от формы его институционализации, предполагающая рассмотрение и анализ его системообразующих признаков – форму выражения и статус контролирующих субъектов. Так, по данному основанию можно выделить внешний, внутренний и смешанный (гибридный) общественный контроль.

Внешний контроль за деятельностью суда и иных правоохранительных органов является самым объемным по содержанию и характеризуется наибольшим разнообразием форм его осуществления. Внешний контроль осуществляется на нерегулярной основе (по мере необходимости) независимыми субъектами (гражданами, общественными объединениями, организациями, иными лицами), деятельность которых непосредственно не связана с осуществлением судебной власти в государстве и функционированием судебной системы.

Согласно Модельному закону СНГ «Об общественной экспертизе», под общественной экспертизой нормативных правовых актов понимается деятельность уполномоченных органов, организаций и граждан (общественных экспертов), связанная с анализом решений органов государственной власти, органов муниципального управления, общественных организаций и иных лиц, влияющих на реализацию прав граждан и осуществление их обязанностей, а также с оценкой последствий принятия указанных решений, затрагивающих интересы граждан, общества и государства [2].

В Республике Беларусь понятие общественная экспертиза нормативных правовых актов традиционно употребляется в связи с регулированием отношений в сфере охраны окружающей среды [3; 4]. Однако правовое поле осуществления общественной экспертизы является более обширным, затрагивающим вопросы общественной безопасности, правопорядка, социальной защищенности граждан и др. Поэтому в нашем государстве представляется целесообразным расширить границы проведения общественной экспертизы нормативных правовых актов, в том числе касающихся судебной деятельности и деятельности иных правоохранительных органов.

Одной из форм осуществления внешнего общественного контроля за судебной деятельностью является организация и поддержание судом так называемой обратной связи с населением посредством использования информационно-коммуникационных технологий в виде, например, системы электронных обращений в суд, предполагающей определение единого порядка электронных обращений с возможностью уведомления о получении обращения адресатом либо опубликования судами своих решений, создания банка данных судебных решений, благодаря которым судебное решение приобретает статус своеобразного регулятора общественных отношений. Во многих зарубежных государствах на сайтах судов существуют так называемые коллекции судебной практики, где размещаются всех решения, вынесенные соответствующим судом.

Внутренний контроль за судебной деятельностью осуществляется, как правило, на постоянной основе с определенной периодичностью и связан с контролирующей деятельностью субъектов, прямо или косвенно задействованных в судебной деятельности и осуществлении правосудия. Объективным выражением внутреннего контроля за судебной деятельностью выступают органы судейского сообщества, поскольку в состав данных органов, помимо профессиональных судей, могут входить и иные лица. Весьма важным является появление в Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей соответствующего раздела. В. Н. Бибило указывает на то, что «сам факт функционирования судейского сообщества свидетельствует о демократических преобразованиях в обществе, причастности самих судей к упрочению организационно-правовых гарантий судебной власти» [5]. Так, по законодательству Республики Беларусь в состав квалификационной коллегии судей могут быть включены ученые-юристы, иные специалисты в области права, в полномочия которых входит: проведение (вне)очередной аттестации судей; рассмотрение заявлений о зачислении кандидатом в судьи, постановлений о возбуждении дисциплинарного производства; принятие решений об освобождении судей от должности; осуществление выездных заседаний коллегии в нижестоящие суды для изучения дел, рассматриваемых судьями, которым предстоит очередная аттестация, для контроля за соблюдением судьями культуры правосудия, для анализа жалоб непроцессуального характера, для проведения проверок выполнения судьями рекомендаций, данных квалификационной коллегией судей по результатам аттестации, соблюдения судьями норм служебной этики и др. [6].

Наиболее полно внутренний контроль выражается в форме непосредственного участия граждан в отправлении правосудия. В Законе Республики Беларусь от 13 января 1995 г. № 3514-ХІІ «О судоустройстве и статусе судей» был закреплен институт присяжных заседателей по гражданским и некоторым уголовным делам. В соответствии со статьей 8 указанного Закона суд должен был рассматривать дела по первой инстанции в составе одного судьи и коллегии из семи присяжных заседателей о преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде смертной казни и если обвиняемый не признавал себя виновным и требовал назначения суда присяжных. Однако в новом УПК Республики Беларусь было принято решение вернуть действовавший ранее институт народных заседателей. На сегодняшний момент согласно в ст. 9 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей данная форма участия граждан в осуществлении правосудия является единственной.

Представляется, что одной из форм внутреннего контроля за судебной деятельностью должен стать мониторинг общественного мнения самих судей и работников суда при планировании и организации судебной деятельности, а также в целях повышения демократизма и совершенствования процесса судебного управления [7, с. 99].

Смешанный (гибридный) контроль за судебной деятельностью сочетает в себе признаки как внешнего, так и внутреннего контроля.

Научно-консультативный совет при Верховном Суде Республики Беларусь (далее – Совет) как по составу, так и по выполняемым функциям можно отнести к смешанным формам общественного контроля за судебной деятельностью. В Совет входят судьи и представители научной общественности. Совет взаимодействует с научными организациями, вузами, экспертными советами; содействует укреплению контактов Верховного Суда Республики Беларусь с научной общественностью, освещению деятельности Верховного Суда Республики Беларусь в научных публикациях [8].

Правовая природа института обжалования судебных решений, приговоров и иных судебных постановлений, предусмотренного ч. 3 ст. 115 Конституции Республики Беларусь, сочетает в себе признаки внешнего (возможность подачи жалобы любым участником уголовного судопроизводства на решение суда первой инстанции) и внутреннего (контроль со стороны вышестоящей судебной инстанции за решением суда первой инстанции) общественного контроля.

К гибридным формам общественного контроля можно отнести проведение выездных судебных заседаний, поскольку, с одной стороны, здесь также имеются признаки как внешнего (присутствие граждан – работников какого-либо предприятия, учреждения, учащиеся школ, вузов и т. д.), так и внутреннего (контроль самих судей за проведением судебного заседания в воспитательно-профилактических целях) контроля.

Институциональным выражением гибридного контроля за судебной деятельностью выступают международные, наднациональные органы и учреждения, неправительственные организации, созданные и функционирующие, как правило, в рамках межгосударственных образований. Так, Советом Европы были созданы разнообразные организации, содействующие развитию общедемократических принципов, закрепленных в Европейской конвенции по правам человека. В сфере судебной деятельности к таким организациям относятся Консультативный совет европейских судей, Комиссия по эффективности правосудия, Консультативный совет европейских прокуроров, которые в той или иной степени участвуют в реализации механизмов контроля за процессами, происходящими в сфере осуществления правосудия. Так, Консультативный совет европейских судей (*Consultative Council of European Judges*) состоит из судей и способствует распространению идей независимости, верховенства и легитимности судебной власти посредством проведения заседаний и принятия соответствующих Заключений.

Таким образом, в целях оптимизации осуществления общественного контроля за судебной деятельностью в Республике Беларусь, представляется целесообразным:

- продолжать практику осуществления общественного контроля за судебной деятельностью;
- расширять на законодательном уровне перечень форм участия граждан в осуществлении правосудия;
- создать банк данных судебных решений и судебной практики;
- расширять практику осуществления «обратной связи» суда с населением;
- проводить мониторинг общественного мнения самих судей и работников суда при планировании и организации судебной деятельности.

Список использованных источников

1. Бибило, В. Н. Основы культуры правосудия / В. Н. Бибило // Судовы веснік. – 2000. – № 4. – С. 31–33.
2. О Модельном законе «Об общественной экспертизе» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ, 29 нояб. 2013 г., № 39-8 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Об утверждении Положения о порядке проведения общественной экологической экспертизы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 окт. 2010 г., № 1592 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. О мерах по защите конституционных прав и законных интересов граждан в области охраны окружающей среды [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 26 авг. 2005 г., № П-141/2005 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. Бибило, В. Н. Становление и развитие белорусского законодательства о судостроительстве [Электронный ресурс] / В.Н. Бибило // Белорус. гос. ун-т. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/...pdf>. – Дата доступа: 14.09.2015.
6. Об итогах работы квалификационных коллегий судей хозяйственных судов за 2011 год [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 2011, № 24 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
7. Симкин, Л. С. Функции организационного руководства судами / Л. С. Симкин // Советское государство и право. – 1980. – № 8. – С. 93–99.
8. Об утверждении положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 27 марта 2014 г., № 8 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

ОСНОВЫ И СОДЕРЖАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, СОВЕРШАЕМЫХ ПО ЭКСТРЕМИСТСКИМ МОТИВАМ

Аристархова Татьяна Анатольевна,
доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности
Тульского государственного университета, г. Тула

При осуществлении расследования по уголовному делу возникает необходимость построение определенной системы в деятельности следователя. Организовать такую деятельность невозможно без разработки методик расследования по делам определенных категорий, каждая из которых содержит рекомендации, учитывающие следственно значимые особенности данных категорий деяний, а также деятельности по их раскрытию, расследованию и предупреждению.

Криминалистическая характеристика преступлений как важный элемент методического обеспечения расследования таких деяний разрабатывается на основе изучения и анализа судебно-следственной практики, однако нельзя недооценивать и возможности использования при этом методов моделирования и прогнозирования. Наличие различных подходов к определению содержания, структуры и сущности криминалистической характеристики не мешает большинству ученых-криминалистов рассматривать ее в качестве одного из основных элементов частной методики расследования преступлений.

Уже, наверное, традиционно для отечественной криминалистики пионерами в использовании собственно термина «криминалистическая характеристика преступления» считаются А. Н. Колесниченко и Л. А. Сергеев. Так, А. Н. Колесниченко в автореферате докторской диссертации писал, что к числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик, относится «общая криминалистическая характеристика данного преступления» и что «преступления имеют общие черты криминалистического характера» [1, с. 10–14]. Л. А. Сергеев же определил рассматриваемое понятие как «особенности преступлений отдельных видов, имеющие значение для следственной практики и для разработки научных рекомендаций». По его мнению, содержание криминалистической характеристики должно включать в себя информацию о способе совершения преступлений; те или иные условия и обстановка, при наличии которых совершаются преступления [2, с. 473].

В криминалистической науке представлено немало других взглядов и суждений относительно категории «криминалистическая характеристика преступления».

Следует отметить, что нами разделяется представление о криминалистической характеристике преступления как о самостоятельной частной теории, способной генерировать практические знания о закономерностях преступной деятельности и тем самым способствовать выработке новых методов расследования [3, с. 6].

Анализируя вопрос о круге элементов, составляющих содержание криминалистическую характеристику преступлений, стоит согласиться с мнением тех ученых-криминалистов, которые считают, что нет необходимости в императивном закреплении перечня элементов, которые должны войти в криминалистическую характеристику того или иного преступления [4, с. 205]. Добавим, что справедливость приведенной позиции обусловлена особенностями в структуре и механизме преступной деятельности различного вида и уровня, спецификой закономерностей совершения преступных деяний и, как следствие, разным наполнением содержания криминалистических характеристик преступлений различных видов и групп.

Уже само указание на экстремистский характер преступлений, а также то, что мотив расовой, национальной, религиозной, политической или иной социальной вражды или ненависти был положен в основу объединения исследуемых деяний в одну группу, позволяет утверждать, что цель преступного поведения и мотив совершения преступления необходимо рассматривать в качестве одного из центральных элементов криминалистической характеристики преступлений данной группы.

Поскольку цель и мотив не могут существовать самостоятельно, в отрыве от личности, целесообразно рассматривать их во взаимосвязи, исходя из того, что они представляют собой подсистему системы преступления данной группы. По нашему мнению, правильным и обоснованным рассматривать в качестве одного из основных элементов события любого преступления против законных интересов человека и гражданина, совершаемых по экстремистским мотивам, психическую деятельность субъекта, которая включает выбор целей, средств достижения этих целей, мотивации преступного поведения, формирования отношения как к своим действиям, так и к их последствиям (возможным или уже наступившим).

Именно содержание и специфика такой деятельности предопределяет выбор способа совершения преступления и остальных его элементов, таких как время, место, орудия и прочее.

Таким образом, если говорить конкретно о преступлениях против законных интересов человека и гражданина, совершаемых по экстремистским мотивам, то в качестве основных структурных элементов криминалистической характеристики данного вида преступлений, по нашему мнению, следует выделять типовые сведения и данные: о мотивах совершения преступлений рассматриваемого вида; о субъектах преступления (как в индивидуальном, так и групповом аспектах); о способе совершения преступления (включая подготовку, совершение и сокрытие), сокрытии совершенного деяния, реализуемого вне способа его совершения, а также ином осуществляемом преступниками или иными связанными с ними лицами противодействии предстоящему или проводящемуся расследованию; о личностных особенностях жертв рассматриваемых деяний, специфике поведения

потерпевших до, в момент и после совершения таких деяний; о времени, месте и обстановке совершения экстремистских преступлений рассматриваемого вида.

Необходимо отметить, что все элементы криминалистической характеристики тесно связаны между собой, образуя сложную многостороннюю систему и выделение и рассмотрение какого-либо элемента без учета влияния всей их совокупности вряд ли целесообразно. Стоит подчеркнуть, что нередко неудовлетворенность практических работников правоохранительных органов комплексом сведений, составляющих содержание криминалистической характеристики, объясняется, прежде всего, тем, что эти сведения носят предельно общий описательный характер без выявления и раскрытия ключевых корреляционных связей и зависимостей между различными элементами такой характеристики. Как справедливо отмечается в криминалистической литературе, по сути, обязательным является установление отношений и связей (корреляций) между объектами, элементами целого. В силу этого набор элементов превращается в связанное целое, где каждый элемент оказывается в конечном счете связанным со всеми другими элементами и его свойства не могут быть поняты без учета этой связи. Только в таком системном виде криминалистическая характеристика может служить важным информационным средством определения оптимальных путей раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений [5, с. 122].

Качественное представление сведений, составляющих криминалистическую характеристику экстремистских преступлений против законных интересов человека и гражданина, является научно-информационной основой для разработки и совершенствования методических рекомендаций по их расследованию и предупреждению.

В подавляющем большинстве случаев закономерные связи между элементами криминалистических характеристик преступлений носят вероятностно-статистический характер, когда установление одного элемента позволяет с большей или меньшей степенью вероятности предположить наличие другого, причем вероятность тем выше, чем чаще совместная встречаемость элементов.

Раскрытие и установление указанных выше взаимосвязей имеет и очевидное практическое значение. Например, характеристика и особенности выбора преступниками жертвы преступления позволяют следователю делать обоснованные предположения о наличии или отсутствии экстремистских мотивов в совершенном деянии, а также о конкретном виде такого мотива.

В свою очередь, достижение экстремистских целей и реализация мотива совершения рассматриваемых деяний предопределяет способ их совершения, а последний в свою очередь обуславливает место и время их совершения и т. д.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что знание типичных взаимосвязей между различными элементами криминалистической характеристики преступлений экстремистского характера против законных интересов человека и гражданина дает дополнительные возможности органам предварительного расследования в построении соответствующих версий по делу, определения основных направлений расследования и постановки ключевых стратегических задач следственной деятельности. Изложенное указывает на необходимость подробного рассмотрения каждого из названных выше блоков типовых сведений (элементов) криминалистической характеристики преступлений против законных интересов человека и гражданина, совершаемых по экстремистским мотивам.

Список использованных источников

1. Колесниченко, А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Н. Колесниченко. – Харьков, 1967. – С. 10–14.
2. Сергеев, Л. А. Руководство для следователей / Л. А. Сергеев. – М., 1971. – С. 473.
3. Яблоков, Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории / Н. П. Яблоков // Вестник Московского ун-та. Серия: Право. – 2000. – № 2. – С. 6.
4. Головин, А. Ю., Желдакова, А. А. Научные основы методики расследования преступлений, связанных с незаконным подключением к газопроводам / А. Ю. Головин, А. А. Желдакова // Известия Тульского государственного ун-та. Серия: Экономические и юридические науки. – 2008. – № 1. – С. 205.
5. Головин, А. Ю. Криминалистическая систематика / А. Ю. Головин. – М., – 2002. – С. 122.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ КОНКУРЕНЦИИ НОРМ

Бапанова Тогжан Талгаткызы,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин»
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы,
магистр юридических наук.

Уголовная ответственность находит свою реализацию, как правило, в наказании. Но борьба с преступностью в ряде случаев возможна и без применения уголовного наказания. Достаточно широкое распространение получили институты освобождения от уголовной ответственности и наказания. Основания для применения данных институтов различны в зависимости от видов освобождения, но юридическая природа совершенных деяний остается неизменной – деяние рассматривается как преступное.

Уголовным кодексом Республики Казахстан (далее – УК РК) предусматриваются следующие виды освобождения от уголовной ответственности: в связи с деятельным раскаянием (ст. 65 УК РК); при превышении пределов необходимой обороны (ст. 66 УК РК); при выполнении условий процессуального соглашения (ст. 67 УК РК); в связи с примирением с потерпевшим (ст. 68 УК РК); с установлением поручительства (ст. 69 УК РК); в связи с изменением обстановки (ст. 70 УК РК); в связи с истечением сроков давности (ст. 71 УК РК); освобождение несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 83 УК РК) [1]. Перечисленные виды освобождения характеризуются тем, что их применение возможно только за деяния, являющиеся преступлениями.

Назначение наказания возможно только при привлечении виновного к уголовной ответственности, поэтому совершение лицом преступления наличествует о необходимости привлечения его к данной ответственности. Последнее означает, что любая норма Особенной части УК РК о преступлении выступает в виде общей или специальной нормы, или нормы-целого, или нормы-части и предписывает правоприменителю привлекать к уголовной ответственности каждое лицо, в деянии которого имеется соответствующий состав преступления.

Норма же об освобождении от уголовной ответственности (ст. 65–71, ч. 1 ст. 83 УК РК) в противоположность этому позволяет при соответствующих условиях освобождать виновного в совершении преступления от такой ответственности. По характеру и свойствам данная норма относится к исключительной. Таким образом, происходит столкновение норм общей, специальной, части или целого с исключительной. Указанное столкновение норм должно разрешаться по правилам конкуренции уголовно-правовых норм в пользу нормы исключительной.

Каждый вид освобождения от ответственности может применяться лишь при наличии оснований, установленных уголовным законом. Так, основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием следующие. Во-первых, небольшая степень общественной опасности лица, определяемая совокупностью названных ч. 1 ст. 65 УК РК обстоятельств: 1) совершение преступления впервые; 2) добровольная явки с повинной, или способствование раскрытию преступления, или возмещение причиненного ущерба, или иное заглаживание вреда. Во-вторых, совершение преступления небольшой тяжести. При установлении указанных оснований правоприменитель может использовать исключительную норму, т. е. освободить виновного от уголовной ответственности.

Помимо общих видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных Общей частью УК РК, имеются и специальные виды освобождения от ответственности, установленные примечаниями к статьям 125, 175, 244, 253, 255, 261, 267, 287, 288, 297, 367, 420, 441, 442 Особенной части УК РК, которыми, по существу, определены коллизионные нормы. Из этих видов освобождение, сформулированное примечанием к ст. 255 УК РК, строго говоря, только к рассматриваемому институту освобождения от уголовной ответственности отнести нельзя. Последний объединяет такие виды освобождения, которые характеризуются посткриминальным позитивным поведением лица или явлениями, чаще всего возникающими после совершения преступления и влияющими на освобождение.

Освобождение лица, участвовавшего в подготовке акта терроризма, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма (ст. 255 УК РК), представляется, имеет двойственную юридическую природу, являясь специальным видом и освобождения от уголовной ответственности, и добровольного отказа. Последний по своей юридической природе отличается от института освобождения от ответственности. Позитивное поведение лица осуществляется или при подготовке к преступлению, или в процессе совершения преступления, а не после завершения окончательного или прерывания неоконченного преступления. Когда добросовестное способствование предотвращению совершения террористического акта не удалось, добровольного отказа нет. Но поскольку в примечании к ст. 255 УК РК говорится о способствовании предотвращению, а не о предотвращении акта терроризма, то такое неудачное способствование все-таки является основанием для освобождения лица от ответственности за терроризм. Учитывая большую общественную опасность терроризма, наличие «компромиссной» нормы, стимулирующей террористов остановиться и пытаться предотвратить преступление в обмен на безоговорочное освобождение даже в случаях неудавшейся попытки, имеет немаловажное значение в предотвращении и раскрытии этого преступления.

В этом свете представляет интерес мнение Х. Д. Аликперова, что подобного рода нормы можно назвать нормами, допускающими компромисс с лицом, совершившим преступление, как гарантию освобождения его от уголовной ответственности взамен на его позитивное поведение, указанное в законе. При этом стимулом позитивного поведения лиц им называется полное и безоговорочное освобождение их от уголовной ответственности [2, с. 72].

Нормы об освобождении от уголовной ответственности могут быть обязывающими или управомочивающими. Наличие первой предписывает правоприменителю освободить лицо от ответственности, а вторая решение вопроса об освобождении относит на усмотрение правоприменителя.

Конкурировать могут не только нормы о привлечении к ответственности (общая, специальная, часть, целое) и об освобождении от нее (исключительная), но и нормы об освобождении от ответственности между собой. В Уголовном кодексе нет нормы об общем понятии и основаниях освобождения от уголовной ответственности. Такое понятие выработано теорией уголовного права [3, с. 10–47]. Как уже отмечалось ранее, освобождается лицо от уголовной ответственности при наличии оснований для этого: отпадении общественной опасности лица либо существенном ее уменьшении и совершении преступления определенной категории. Эти общие основания освобождения от уголовной ответственности конкретизируются нормами об отдельных общих видах освобождения.

Поэтому общее теоретическое понятие освобождения от уголовной ответственности условно можно назвать «общей нормой», тогда нормы об общих видах освобождения, установленные Общей частью УК РК, будут специальными.

Каково соотношение специальных норм об этих видах освобождения? Какой вид освобождения надлежит применять при наличии одновременно оснований для двух и более видов освобождения от уголовной ответственности? В теории эти вопросы специально не исследовались, не встречались они автору и при изучении судебно-следственной практики. Тем не менее исследование данных вопросов представляет интерес в плане конкуренции норм.

Возможно одновременное наличие оснований для освобождения в связи с деятельным раскаянием (ст. 65 УК РК), примирением с потерпевшим (ст. 68 УК РК) и с истечением сроков давности (ст. 71 УК РК). Поскольку специальная норма об освобождении в связи с истечением давностного срока является обязывающей, то применению подлежит именно она.

В соответствии со ст. 68 УК РК лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, «может быть» освобождено от ответственности при примирении с потерпевшим и заглаживании причиненного потерпевшему вреда. Сравнение конкурирующих норм, предусмотренных ст. 65 или 68 УК РК, по основаниям и условиям освобождения показывает, что, видимо, приоритетнее первая, как содержащая более мягкие условия для лица, совершившего преступление. Разновидности деятельного раскаяния зависят полностью только от этого лица. Согласно норме, закрепленной ст. 68 УК РК, в примирении участвуют две стороны: само лицо и потерпевший. Не исключены ситуации, когда эти стороны не могут прийти к согласию и нередко в силу позиции потерпевшего (например, потерпевший согласен на примирение только при возмещении лицом ущерба на сумму, значительно превышающую реальную, которую лицо не имеет). Конкуренция рассматриваемых норм решается по правилам специальных, из которых приоритетной является норма с более мягкими признаками (ст. 65 УК РК).

При одновременном наличии оснований для освобождения в связи с истечением сроков давности (ст. 71 УК РК) и несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 83 УК РК), а также вследствие изменения обстановки (ст. 70 УК РК) применять следует норму об освобождении вследствие истечения давности как обязывающую. Эта норма, как говорилось ранее, не применяется, если против такого освобождения возражает лицо, совершившее преступление. Когда правоприменитель приходит к выводу о возможности освобождения лица как в соответствии со ст. 83 УК РК, так и ст. 70 УК РК, имеется конкуренция специальных норм.

Как и в случае конкуренции норм об освобождении в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим, вопрос о преимущественной норме следует решать по принципу, какая из норм предусматривает более мягкие условия освобождения. Учитывая, что освобождение в связи с изменением обстановки является безусловным в отличие от освобождения несовершеннолетнего с применением принудительных мер, являющегося условным видом, предпочтение, очевидно, следует отдать норме, предусмотренной ст. 70 УК РК.

Безусловное освобождение от ответственности означает безоговорочный отказ от признания лица преступником. При условном освобождении от ответственности также идет речь о таком отказе, однако с сохранением возможности возобновления уголовного преследования при невыполнении условий освобождения: систематическом неисполнении несовершеннолетним назначенных принудительных мер воспитательного воздействия. При освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия выполнение им нового преступления после освобождения, видимо, следует считать совершенным впервые. Условный характер освобождения не означает его автоматической отмены при совершении нового преступления.

Совершение более тяжких преступлений в соответствии с примечаниями к известным статьям Особенной части УК РК не получает негативной государственной оценки, когда имеется хотя бы один вид деятельного раскаяния, указанный в ч. 1 ст. 65 УК РК, чаще всего явка с повинной, например, добровольное сообщение компетентному государственному органу о даче взятки.

Возможна конкуренция норм о специальных видах освобождения, предусмотренных примечаниями к статьям Особенной части УК РК, с нормой о давности. Реально данный вид конкуренции возможен крайне редко, учитывая единичные случаи освобождения за давностью, а также продолжительный давностный срок (1 год – после совершения уголовного проступка, 2 года – после совершения преступления небольшой тяжести, 5 лет – в случае совершения преступления средней тяжести, 15 лет – тяжкого и 20 лет – особо тяжкого преступления). Вопрос об освобождении в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РК возникает, как правило, раньше появления основания для освобождения по ст. 71 УК РК. В ряде случаев основание для специального вида освобождения является необходимым условием начала течения давностного срока (имеется в виду добровольная явка лица, совершившего такие деяния преступления, как организация незаконного военизированного формирования – ст. 267 УК РК, незаконное хранение огнестрельного или иного оружия – ст. 287 УК РК, незаконное хранение наркотических средств – ст. 297 УК РК и др.). В нормах об освобождении Особенной части УК РК говорится об индивидуальном преступлении, а в норме о давности – о любых преступлениях. В нормах о специальном освобождении содержатся виды постпреступного позитивного поведения (деятельного раскаяния). Обе нормы относительно «нормы» об общем институте освобождения будут специальными. Преимущественной из них, по-видимому, предпочтительнее признать норму, связанную с социально позитивным постпреступным поведением лица, а это – норма о специальном освобождении.

На основании изложенного можно заключить, что конкуренцию норм о привлечении к ответственности и освобождении от таковой, о разных видах освобождения от уголовной ответственности нужно осуществлять в соответствии с содержательными коллизионными нормами.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Кодекс от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226/k226_.htm. – Дата доступа: 01.02.2016.
2. Аликперов, Х. Д. Уголовно-правовые нормы, допускающие компромисс в борьбе с преступностью / Х. Д. Аликперов // Гос. и право. – 1992. – № 9. – С. 71–74.
3. Келина, С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / С. Г. Келина. – М. : Наука, 1974. – 232 с.

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УКРАИНЕ

Боровик Андрей Владимирович,

аспирант Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки, г. Луцк

Анализ современного уголовного законодательства и других юридических, социальных, политических процессов в Украине дает основания для вывода, что процесс формирования и развития уголовно-правовых институтов проходит одну из своих активных фаз. Целью данной работы является исследование института освобождения от уголовной ответственности за коррупционные преступления и механизм его правоприменения.

Уголовно-правовой институт представляет собой нормативно оформленный структурный элемент области уголовного права. Признаками этого института следует считать идейно-нормативный и соответствующий ему социальный смысл. Вторым признаком института является множественность норм, его образующих. Третьим признаком уголовно-правового института является его направленность на решение детализированных внутриотраслевых проблем и внешних для данной области социальных задач [1].

Сегодня одной из тенденций уголовного законодательства можно назвать тенденцию нормирования межотраслевых институтов. Это происходит вследствие того, что отдельные элементы методов уголовно-правового регулирования «накладываются» на предмет другой отрасли права или является результатом применения к регулированию уголовно-правовых отношений методами других отраслей права.

Несмотря на использование бланкетных диспозиций в уголовном праве, во многих случаях можно говорить именно о межотраслевых институтах, одним из ярких примеров которых можно назвать институт уголовной ответственности за коррупционные преступления. Этот институт можно и нужно, по нашему мнению, считать межотраслевым. Анализируя антикоррупционное законодательство, В. М. Киричко пишет, что коррупционными преступлениями следует признавать такие предусмотренные УК умышленные общественно опасные деяния, которые содержат не только признаки соответствующего состава преступления, но и признаки коррупции, указанные в соответствующем законе [2, с. 14], в данном случае в ст. 1 Закона Украины от 14 октября 2014 г. «О противодействии коррупции» [3].

Кроме того, межотраслевой характер указанного института обусловлен взаимосвязью с уголовно-процессуальными нормами, которые во многом определяют непосредственную практическую реализацию специальных видов освобождения от уголовной ответственности за коррупционные преступления. Процессуально основанием прекращения уголовного преследования выступает выполнение виновным совокупности необходимых и достаточных условий (будь то формы и виды позитивного поведения виновного или обстоятельства, предшествующие совершению преступления), включенных в конструкцию соответствующей нормы об освобождении. В совокупности они свидетельствуют об отсутствии целесообразности претерпевания виновным всех правовых последствий, вытекающих из совершенного преступного деяния: официального осуждения лица и признания его преступником, назначения ему наказания, наличия судимости. Процессуальной формой облачения подобного основания является решение уполномоченного органа власти, содержащееся в постановлении (определении) о прекращении уголовного преследования. Вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности в специальных случаях может быть решен как на досудебных стадиях, так и в порядке предварительного слушания материалов уголовного дела и в судебном разбирательстве.

Одним из первоочередных и определяющих в применении института освобождения от уголовной ответственности за коррупционные преступления является такое основание, как добровольное сообщение субъекта о совершенном им преступлении соответствующему служебному лицу. Адресатом добровольного сообщения должен быть орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, судья или суд, а содержание сообщения должна составлять информация о преступлении.

Например, есть обозначенная правоприменительная позиция, при которой лицо не освобождается от уголовной ответственности за дачу взятки по мотивам добровольного заявления, если оно сообщило о ней на допросе по другому делу, полагая, что об этом известно органам следствия [4]. Заметим, что, на наш взгляд, клю-

чевым является добровольность подобного сообщения, а мотивы играют второстепенную роль и могут быть различными (страх ответственности, месть, заблуждения и пр.).

Активное способствование раскрытию и (или) расследованию преступления является одним из обязательных условий освобождения от ответственности за преступления предусмотренные ст. 354, 368-3, 368-4, 369, 369-2 УК Украины, которые отнесены к коррупционным согласно примечания к ст. 45 УК Украины [5]. При установлении данного признака необходимо, чтобы виновный совершил деяние путем действия. Действия могут быть разные и объективно зависят от обстоятельств совершенного преступления, например сообщение о месте хранения предмета преступления (неправомерной выгоды) или о других участниках причастных к его совершению. Невыполнение лицом этого условия исключает применение освобождения [4].

Следует отметить, что активность виновного в данном случае – некий качественный критерий. В широком смысле активность (от лат. *activus* – деятельный) представляет собой определенную деятельность человека [6]. Говоря конкретнее, активность – это социальное качество личности, воплощенное в способности совершать социально значимые действия.

Возможно предположить, что законодатель, используя указанный термин – «активное способствование» раскрытию и (или) расследованию преступления – указывал на инициативные посткриминальные действия виновного, направленные на максимальное упрощение деятельности правоохранительных органов при установлении обстоятельств содеянного, изобличении виновных, отыскании имущества и иных ценностей, добытых преступным путем, с целью экономии сил и средств уголовной юстиции. Кроме того, следует акцентировать внимание на том, что законодательно в ч. 5 ст. 354 УК Украины закреплено условие «активное способствование раскрытию преступления», а предложенное нами дополнение к примечанию в виде «и (или) расследованию», является авторским. Исключительной необходимости в изменении указанной нормы не усматривается ввиду трактования «раскрытия преступления» от стадии выявления до принятия решения судом в отношении виновных. Таким образом, проводимое расследование является составляющей частью раскрытия такового коррупционного преступления. Исходя из вышеизложенного, применение института освобождения от уголовной ответственности за данные преступления зависит от реализации на практике процесса раскрытия. Подобное разъяснение необходимо изложить в постановлении Пленума Верховного Суда Украины с целью единообразного понимания и применения характеризуемого признака (условия). Полагаем, что активное способствование раскрытию преступления выражается в действиях виновного по предоставлению органам следствия ранее неизвестной информации. При этом законодатель обоснованно выделяет качественную сторону рассматриваемого условия. Со стороны преступника способствование раскрытию преступного деяния может быть добровольным или вынужденным, явным или скрытым, инициативным или по заданию правоохранительных органов.

Таким образом, развитие института освобождения от уголовной ответственности за коррупционные преступления и усовершенствование его правоприменения позволит сократить расходы на уголовное преследование по малозначительным деяниям и преступлениям небольшой тяжести, которые необходимы для организации борьбы с тяжкими коррупционными преступлениями, а также снизить крайне высокую загруженность судов и следствия. В данной работе аргументировано отнесение указанного института к межотраслевым, что определяет механизм применения, который связан с уголовно-процессуальными нормами и антикоррупционным законодательством.

Список использованных источников

1. Лихова, С. Я. Розвиток кримінально-правових інститутів в Україні на сучасному етапі [Електронний ресурс] / С. Я. Лихова – Режим доступу: eg.nau.edu.ua:8080/bitstream/NAU/12882/1/Лихова%20С.Я.docx. – Дата доступу: 01.03.2016.
2. Киричко, В. М. Кримінальна відповідальність за корупцію / В. М. Киричко – Х. : Право, 2013. – 424 с.
3. Про запобігання корупції [Електронний ресурс] : Закон України від 14 жов. 2014 р. – Режим доступу: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/1700-18>. – Дата доступу: 02.03.2016.
4. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации, 9 июля 2013 г., № 24. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/26878.html>. – Дата доступа: 01.03.2016.
5. Кримінальний кодекс України [Електронний ресурс] : Кодекс від 05 квітня 2001 р.. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>. – Дата доступу: 02.03.2016.
6. Философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gufo.me/content_fil/aktivnost-17494.html. – Дата доступа: 02.03.2016.

ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ СУДЕБНОГО ПРИКАЗА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Закирова Ольга Николаевна,

старший преподаватель кафедры гражданского процесса

Уральского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Челябинск

Известно, что с развитием правоотношений в различных сферах жизни количество дел в судах неуклонно возрастает, что как следствие ведет за собой перегруженность судов делами и необходимость неуклонного увеличения штата судей. Тенденция упрощения регламента судопроизводства прежде всего направлена на соблюдение основных принципов судопроизводства, таких как: доступность правосудия, прозрачность и процессуальной экономии времени. Упрощение судебной процедуры назрело достаточно очевидно, а также направлено на исполнение Директивы Европейского союза о процедуре рассмотрения малых исков.

В Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) указывается, что «за прошедшее время рассмотрение дел в порядке упрощенного производства доказало свою эффективность. В 2013 году по результатам рассмотрения дел в порядке упрощенного производства обжаловано только 4,2 % из всех решений судов, лишь в 0,4% случаев жалобы признаны обоснованными. Применение процедуры упрощенного производства позволяет минимизировать судебные издержки лиц, участвующих в деле, в том числе за счет отсутствия необходимости лично присутствовать в судебных заседаниях и наличия возможности ознакомления с документами посредством удаленного доступа» [1, с. 1].

В постановлении Президиума Совета судей Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 262 «О разработке концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2013–2017 годы» указывается, что «задача обеспечения эффективной деятельности органов правосудия до конца еще не решена. Осуществляемые в стране социально-экономические преобразования также ставят новые задачи, диктуют необходимость перехода органов правосудия на качественно новый уровень деятельности. Это обуславливает необходимость принятия новой федеральной целевой программы по развитию системы правосудия» [2, с. 2].

Как известно, с 15 сентября 2015 г. введен в действие Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), которым предусмотрено, что административные дела о взыскании обязательных платежей и санкций с физических лиц рассматриваются судом по общим правилам административного искового производства с особенностями, установленными в главе 32. Это и стало ключевым моментом увеличения нагрузки судов, так как до этого времени заявления по данной категории рассматривались в порядке выдачи судебного приказа в соответствии с главой 11 ГПК РФ.

При этом КАС РФ не предусматривает рассмотрение дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, мировыми судьями (ст. 1 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», ст. 17–21 КАС РФ), что также не упрощает задачи районных и городских судов, поскольку в разы увеличивается количество дел, подлежащих рассмотрению по общим правилам административного искового производства, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Как показала практика, уже на этом коротком промежутке времени применения КАС РФ, эти новеллы процессуального законодательства в своём итоге несколько не упростили и не ускорили порядок рассмотрения дел данной категории, а наоборот усложнили ситуацию, так как взыскание обязательных платежей и санкций это с одной стороны одна из наиболее бесспорных, но в то же время распространённых категорий дел.

Наличие упрощенного (письменного) производства в административном процессе несколько не облегчают задачу судов быстро и правильно рассматривать дела, так как, во-первых, это зависит о волеизъявления сторон, а во-вторых, суду необходимо выполнить ряд условий. Здесь присутствуют и ограничения по существу спора, так как по делам о взыскании задолженности по обязательным платежам максимальная сумма, допускающая применение упрощенного судопроизводства, составляет 20 000 руб.

Как упоминает Т. В. Пешкова, «Упрощенный порядок предусмотрен и нормами АПК РФ; сходство двух кодексов относительно его правового регулирования состоит в едином понимании сути такого процесса (судом исследуются только письменные доказательства, без проведения устного разбирательства) и большинства условий рассмотрения дел в порядке упрощенного производства» [3, с. 12].

В настоящее время в ГПК РФ также вводится упрощенный порядок рассмотрения дел, однако помимо этого в нем есть и заочное, и приказное производство. КАС РФ в значительной степени позаимствовал нормы АПК РФ об упрощенном порядке рассмотрения дел, но не содержит норм о выдаче судебного приказа и о заочном производстве. Еще в мае 2012 г. на пленарном заседании Совета судей Председатель Верховного Суда России В. М. Лебедев предложил вынести на съезд судей вопрос о создании в стране специальных судов для споров граждан с государством. На указанном заседании В. М. Лебедев подчеркнул, что «гражданин должен иметь возможность защитить свои права в споре с властью в открытой и понятной процедуре. Ведь человек в подобных процессах заведомо более слабая сторона. Задача особых процедур – уравнивать у судебного барьера гражданина с любым государственным ведомством» [4, с. 2].

Думается, что судебные приказы несколько не преуменьшат открытости и понятности процедуры судебного рассмотрения, и даже максимизирует его эффективность и быстроту. Тем более в ч. 2 ст. 287 КАС РФ указывается, что к административному исковому заявлению о взыскании обязательных платежей и санкций прилагают-

ся документы, подтверждающие указанные в административном исковом заявлении обстоятельства, включая копию направленного административным истцом требования об уплате взыскиваемого платежа в добровольном порядке. Поэтому административный ответчик о наличии притязаний уже знает.

Итак, сформулированные предложения в статье направлены на преодоление существующих пробелов в административном судопроизводстве. Должна совершенствоваться сама процедура рассмотрения административных дел и думается, что она должна пойти по пути упрощения судебного рассмотрения.

Список использованных источников

1. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : одобр. решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, 8 дек. 2014 г., № 124(1). – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Дата доступа: 22.01.2016.

2. О разработке концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2013–2017 годы [Электронный ресурс] : постановление Президиума Совета Судей Рос. Федерации, 25 мая 2011 г., № 262. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Дата доступа: 01.03.2016.

3. Пешкова, Т. В. Административное судопроизводство в судах общей юрисдикции в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. В. Пешкова. – Воронеж, 2014. – 24 с.

4. Куликов, В. Иск к начальству [Электронный ресурс] / В. Куликов // Российская газета. – 2012. – 23 мая. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/23/nachalstvo.html>. – Дата доступа: 01.03.2016.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖЕБНО-РОЗЫСКНЫХ СОБАК ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Зезюлько Вячеслав Витальевич,

старший преподаватель кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Витебского филиала Международного университета «МИТСО», г. Витебск

Для современной практики борьбы с преступностью задача извлечения криминалистически значимой информации из вещной обстановки преступления по-прежнему относится к числу приоритетных. Ведущее место в этом процессе по праву отведено осмотру места происшествия. Более 100 лет назад русский процессуалист Я. И. Барышев отмечал, что осмотры следует проводить «во всех случаях, когда в исследуемом уголовном деле находятся наружные признаки и следы, подлежащие осмотру, осмотр которых и приведение в известность должны иметь влияние на будущий приговор».

Доказательства, полученные в результате названного следственного действия, становятся все более актуальными и значимыми в условиях распространения организованной преступной деятельности и роста числа случаев незаконного воздействия преступников на свидетелей и потерпевших с целью вынудить их к отказу от показаний.

С осмотром места происшествия связаны возможность получить решающую для результатов расследования информацию либо, наоборот, вероятность допустить невосполнимую утрату крайне важных сведений. С учетом уникального положения осмотра места происшествия в системе расследования учеными-процессуалистами широко исследованы общетеоретические и частные вопросы, связанные с названным следственным действием.

Тем не менее низкая результативность осмотров места происшествия вызывает наибольшее (по сравнению с другими следственными действиями) число нареканий, а проблема повышения эффективности этого следственного действия остается актуальной. Об этом говорят оценки, содержащиеся в нормативных актах прокуратуры и МВД, частных определениях и постановлениях судов различных уровней.

Согласно этим оценкам причины указанных недостатков заключаются в ненадлежащей квалификации лиц, проводящих данное следственное действие, в неготовности к целенаправленному поиску значимой информации на месте происшествия, неспособности организовать на должном уровне взаимодействие участников следственного действия и проконтролировать качество их работы.

Представляется, что перечисленные выше упреки в адрес органов следствия и дознания справедливы лишь отчасти, поскольку не в полной мере учитывают особенности названного следственного действия: трудности гносеологического, организационного и управленческого плана, жесткие стрессовые нагрузки, с которыми следователь сталкивается в процессе его проведения, а также дефицит времени и сил. С учетом вышесказанного становится очевидным, что совершенствование тактики осмотра места происшествия во многом связано с устранением разрыва между высоким уровнем имеющихся научных разработок и объемом знаний, реально используемых следователями, дознавателями в процессе осмотра места происшествия.

При этом необходимо отметить, что вопросы совершенствования тактики ОМП в настоящее время вызывают особый интерес как у теоретиков, так и у правоприменителей.

Успех ОМП во многом зависит от того, насколько широко и умело применялись научно-технические средства. Минимум научно-технических средств следственного чемодана не всегда достаточен. В случае участия в осмотре эксперта существенно расширяется техническая оснащенность. Плановость или систематичность

ОМП означает правильное определение последовательности познавательных действий во время осмотра. Этого можно достичь при условии, если к обстановке МП подойти не как к случайному скоплению отдельных следов и предметов, а как ко взаимосвязанной системе объектов, закономерно отображающих действия преступника, его жертвы и иных лиц. И здесь немаловажное значение имеет привлечение к осмотру места происшествия кинолога со служебно-розыскной собакой. Смоделируем несколько ситуаций:

1. Совершена кража в сельской местности. Это может быть магазин, частный дом, телятник и тому подобное. Применение служебно-розыскной собаки при определенных условиях может привести по следам к преступнику, чаще всего проживающему в данном населенном пункте или соседнем.

2. Кража совершена из квартиры в городе. Служебно-розыскная собака вывела к подъезду. Можно выдвигать версию о том, что преступники использовали какой-либо транспорт. Этим транспортом может оказаться такси, особенно если преступление совершили так называемые гастролеры. Проведя оперативно-розыскные мероприятия можно установить такси, адрес где высадились преступники и их приметы. Второй вариант. Служебно-розыскная собака вывела на остановку общественного транспорта. По пути следования от места кражи к остановке могут оказаться камеры видеонаблюдения, в поле видения которых могут попасть преступники, переносящие какие-либо крупногабаритные вещи.

3. Применение служебно-розыскной собаки при совершении уличных грабежей и разбойных нападений даст возможность определить пути отхода преступника, который также может оказаться в поле видения видеокамер, а также может проживать недалеко от места совершения преступления, или же покупающего спиртные напитки на похищенные деньги в каком-либо магазине недалеко от места совершения преступления.

Таким образом применение служебно-розыскной собаки при осмотре места происшествия позволит раскрыть преступление по «горячим следам». К сожалению, как таковой кинологической службы для использования служебно-розыскных собак при осмотрах мест происшествий, во всяком случае в УВД Витебского облисполкома нет. Есть малое количество служебных собак в Департаменте охраны Республики Беларусь по городу Витебску, которые практически не привлекаются к осмотру мест происшествий. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что результативность осмотра мест происшествий резко снижена. На взгляд автора статьи, следует в кратчайшие сроки реанимировать кинологическую службу в органах внутренних дел Республики Беларусь и в дальнейшем включать кинолога со служебно-розыскной собакой для несения дежурства в составе следственно-оперативной группы и выезда на каждый осмотр места происшествия во всяком случае в областных центрах и других крупных городах

Положительные результаты ОМП достигаются лишь вследствие напряженной, слаженной и организованной работы.

Проведенный ОМП можно считать эффективным, если в итоге достигнута запланированная цель: обнаружены вещественные доказательства, следы, т. е. добыта исходная информация для выдвигания версий, получены данные для организации розыска преступников, похищенного, установления свидетелей.

Эффективность ОМП находится в прямой зависимости от соблюдения его задач и принципов. Именно поэтому, очень важно придерживаться их на практике. ОМП, проведенный с четким пониманием его принципов и задач, можно по праву считать залогом полного, всестороннего и объективного расследования преступления.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Зими́на Улья́на Евге́ньевна,
студентка магистратуры Иркутского института (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г.Иркутск

Субъектом преступления, предусмотренным ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, а именно мать новорожденного ребенка, находящаяся в особом психофизическом состоянии, вызванном родами, либо в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, либо в условиях психотравмирующей ситуации.

Анализируя диспозицию рассматриваемого состава преступления, необходимо обратить внимание на трактовку понятия «мать». Данный термин не имеет законодательной дефиниции, что усложняет правоприменителям квалификацию этого деяния.

Еще в 1980-х гг. одним из основных направлений экономического и социального развития СССР было исследование вопросов демографии, упрочение семьи как важнейшей ячейки социалистического общества. Для решения этих задач существенное значение имела борьба с бесплодием [1].

Так, в настоящее время очень распространенным стал институт суррогатного материнства. Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям [2].

Наиболее точной формулировкой следует признать формулировку, принятую Всемирной организацией здравоохранения в 2001 году: «Гестационный курьер: женщина, у которой беременность наступила в результа-

те оплодотворения ооцитов, принадлежащих третьей стороне, сперматозоидами, принадлежащими третьей стороне. Она вынашивает беременность с тем условием или договором, что родителями рожденного ребенка будут один или оба человека, чьи гаметы использовались для оплодотворения» [3].

Несмотря на развитие современной медицины, вполне справедливой представляется позиция ученых, что именно зачатие, вынашивание, а также претерпевание самого процесса родов дают нам основания считать женщину матерью, а следовательно, дает основание квалификации совершенного ею убийства новорожденного ребенка по ст. 106 УК РФ. Так, А. Н. Бабий справедливо и точно отражая смысл заложенный законодателем в диспозиции рассматриваемой статьи указывает: «Женщина, родившая ребенка, является его матерью, и никакое семейное или медицинское право не могут ни отменить, ни изменить этот факт» [4]. Считается, что именно эти критерии подразумевались законодателем, при определении субъекта данного преступления.

В связи с тем что в диспозиции статьи не говорится именно об убийстве матерью своего ребенка, это дает основания считать, что и суррогатная мать может стать субъектом рассматриваемого преступления.

Список использованных источников

1. Литвинова, Г. И. Правовые аспекты искусственного оплодотворения / Г. И. Литвинова // Сов. государство и право. – 1981. – № 9. – С. 117.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон Рос. Федерации, 21 нояб. 2011 г., № 323-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 23 нояб.
3. Проблемы репродукции. – Изд-во «Медиа Сфера».
4. Бабий, Н. А. Убийства при привилегирующих обстоятельствах и иные преступления против жизни. – М., 2013.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНЫМ БАНКРОТСТВАМ

Иванова Анна Борисовна,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Иркутского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск

Экономическая преступность – самая интеллектуальная, самая мощная, самая распространенная, самая скрытая, самая организованная и самая опасная криминальная деятельность, но ею не брезгают даже короли, президенты, премьер-министры и другие высокопоставленные особы [3, с. 429]. Преступления, связанные с банкротством, являются одними из самых скрытых элементов экономической преступности. Уголовная ответственность установлена за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ). Бесспорным следует считать тот факт, что их совершение наносит ущерб не только кредиторам должника, но и создает реальную угрозу экономической безопасности государства.

Криминальные банкротства связаны с такими угрозами экономической безопасности как: повышение уровня безработицы; уклонение от уплаты налогов; увеличение коррумпированности государственных служащих и представителей судейского корпуса; монополизация ряда сегментов рынка; разрушение и спад производства; утрата конкурентоспособности; дискредитация представителей федеральной и региональной власти, правоохранительных органов и судов; ухудшение инвестиционного климата; активизация процессов отмывания денег, полученных преступным путем; деформация правовой идеологии и распространение правового нигилизма [8, с. 59–60]. Следовательно, не только правовое, но и политическое значение имеет противодействие криминальным банкротствам.

Одними из главных стратегических рисков и угроз национальной безопасности в экономической сфере являются сохранение значительной доли теневой экономики, а также криминализация хозяйственно-финансовых отношений [7]. Криминальные банкротства представляют собой «центроостремительные» виды криминальной деятельности. Соответственно, если отсутствуют эффективные меры противодействия со стороны государства, то они начинают распространяться от центра к периферии. Другими словами, происходит расширение географии криминальных банкротств.

Криминальные банкротства являются одними из общественно опасных видов противоправных проявлений в сфере корпоративных отношений. Будучи инструментами свободной рыночной экономики, в условиях криминализации экономических отношений криминальные банкротства становятся средствами недобросовестного обогащения, захвата и передела собственности. Свидетельством этого является рейдерство, под которым подразумевается захват и последующее разорение предприятия с целью получения сверхприбыли. Рейдерство и криминальные банкротства вместе представляют собой инструментарий продолжающейся криминализации экономики России и легализации организованной преступности [8, с. 58].

С криминологической точки зрения криминальные банкротства рассматриваются как явления, выражающиеся в преднамеренных общественно опасных противоправных действиях по искусственному созданию неплатежеспособности предприятия или его захвату, направленных на приватизацию чужого имущества [1, с. 12].

Криминальные банкротства – это латентные преступления, наносящие вред государственным интересам, охраняемым законам правам отдельных юридических лиц и граждан, подрывающие основы частной собственности и предпринимательства.

В системе противодействия криминальным банкротствам задействованы правоохранительные, судебные органы, некоммерческие организации (саморегулируемые организации арбитражных управляющих), которые осуществляют контроль за соблюдением законодательства о банкротстве.

Государственная политика противодействия криминальным банкротствам осуществляется на основе действующего законодательства. Меры и механизмы, обеспечивающие экономическую безопасность Российской Федерации, разрабатываются одновременно с государственными прогнозами ее социально-экономического развития, а реализуются в программе социально-экономического развития России определяется, что для эффективного и динамичного экономического роста необходимо повысить мобильность капиталов в экономике, обеспечить опережающий рост финансовых рынков по сравнению с другими отраслями путем обеспечения имущественной и административной ответственности реальных собственников за действия, приведшие к банкротству финансовых институтов [5]. В связи с этим можно говорить об особой роли в предупреждении криминальных банкротств административно-правовых мер. Соответствующие статьи предусмотрены в Кодексе об административных правонарушениях (ст. 14.12 и 14.13). В Концепции также указывается на повышение стандартов прозрачности деятельности финансовых институтов, повышение требований к раскрытию информации. Думается, это позволит факт преступления сделать очевидным, поскольку внешне криминальные банкротства выглядят как обычные гражданско-правовые последствия неудачного бизнеса.

Противодействие криминальным банкротствам входит в число первоочередных задач российского общества, поэтому разработка его правовых основ и механизма реализации имеет особую важность. Создание эффективного механизма противодействия криминальным банкротствам невозможно без объективного прогноза предполагаемых угроз финансово-экономическим отношениям страны, всестороннего анализа основных тенденций развития криминологической ситуации (установление механизма и выявление факторов, способствующих совершению вышеназванных преступлений). В этих условиях необходим научно обоснованный подход к исследованию данной проблемы и разработка на этой основе комплекса мер экономико-правового и организационно-технического характера в целях создания единой федеральной концепции противодействия криминальным банкротствам [2, с. 3].

Вместе с тем государственная политика по противодействию криминальным банкротствам как система мер, реализуемая государственными органами во взаимодействии с населением, недостаточно проработана. В завершённом виде, например, в качестве закона или иного нормативно-правового акта (указа) она не существует.

Для сравнения: в России существует Концепция противодействия терроризму. В рамках утверждённой Концепции обозначены принципы государственной политики в области противодействия терроризму, цели, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму. Дается характеристика конкретных мер по предупреждению (профилактики) терроризма.

В связи с этим будущая Концепция по противодействию криминальным банкротствам должна представлять собой целостную систему, включающую в себя меры по обеспечению экономической безопасности государства, защите прав и интересов кредиторов и иных лиц от преступного банкротства. В ее основу должны быть положены: экономический прогноз, изменения законодательства, рекомендации специалистов различных отраслей права. Главная цель государственной политики противодействия криминальным банкротствам в России – обеспечение экономической безопасности государства, а также защита прав и интересов кредиторов.

К основным задачам государственной политики противодействия криминальным банкротствам можно отнести: юридическое закрепление государственной политики противодействия криминальному банкротству и определение основ ее правового положения; выявление, предупреждение и пресечение преступлений, связанных с банкротством; контроль за соблюдением законодательства о банкротстве; контроль за деятельностью арбитражных управляющих; профилактика правонарушений в сфере банкротства.

Криминальные банкротства причиняют существенный вред корпоративным отношениям, поэтому ключевым направлением деятельности по противодействию криминальным банкротствам следует указать противодействие корпоративным захватам чужой собственности.

Итак, роль государства в регулировании экономических отношений должна быть достаточно высокой, чтобы не допустить критических значений криминализации экономики в виде криминальных банкротств. Роль правоохранительной, судебной системы состоит в том, чтобы оградить экономику, граждан от мошенничества и преступников и защитить права, собственность, достоинство всех, кто соблюдает закон, честно ведет свое дело [4]. Полагаем, что одним из приоритетных направлений государственной политики по противодействию криминальным банкротствам будет являться разработка единой федеральной концепции.

Список использованных источников

1. Бобков, А. В. Криминальное банкротство: криминологическая характеристика и противодействие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Алексей Владимирович Бобков. – Омск, 2006. – 23 с.

2. Краснов, Д. Г. Государственная политика противодействия криминальному банкротству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Дмитрий Германович Краснов. – Н. Новгород, 2006. – 29 с.
3. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник для вузов: в 2 т. / В. В. Лунеев. – М. : Изд-во Юрайт, 2013. – Т. II: Особенная часть – 872 с.
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 3 дек. 2015 г. // Рос. газета. – 2015. – 4 дек.
5. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 17 нояб. 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 41. – Ст. 5489.
6. О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положений) : Указ Президента Рос. Федерации, 29 апр. 1996 г. № 608// Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 18. – Ст. 2117.
7. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 31 дек. 2015 г., № 683 // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.
8. Федоров, А. Ю. Правовая охрана корпоративных отношений : актуальные проблемы, противодействие современным криминальным угрозам, зарубежный опыт : науч.-практ. пособие / А. Ю. Федоров. – М. : Юстицинформ, 2012. – 816 с.

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Казakov Игорь Геннадьевич,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
ОЧУ ВО «Международный юридический институт», астраханский филиал, г. Астрахань,
судья в отставке

Целью проводимой в России судебной реформы является совершенствование существующей системы правосудия, оптимизация ее форм и механизмов функционирования, повышение эффективности и качества принимаемых судебных решений. В связи с этим возникают вопросы относительно того, какое правосудие является эффективным, какие критерии являются мерилем эффективности и какие методы являются допустимыми для такой оценки. Фундаментальная наука не сформировала единого подхода для разрешения данных вопросов. Тем не менее о необходимости единого подхода в понимании «эффективность правосудия» заявляли советские ученые-правоведы еще в 1970-х гг., когда стала зарождаться теория эффективности правосудия, которая не повторяла известные положения, основывающиеся на «классовой» теории, а разрабатывала и обогащала теорию эффективности правосудия с использованием доктрины решений в системе социального управления (М. П. Лебедев, Ю. А. Тихомиров и др.) Одними из первых данную проблематику в своих работах осветили И. Л. Петрухин [1, с. 17] и член-корреспондент Академии наук СССР В. Н. Кудрявцев [2, с. 21–32], которые указывали на важность теории эффективности правосудия, имеющей большое теоретическое и прикладное значение.

Большой вклад в развитие теории эффективности правосудия внес А. В. Цихоцкий, который дал следующее определение: «Эффективность правосудия ... есть способность (свойство) правосудия как вида осуществляемой судом в установленной законом процессуальной форме государственной деятельности по рассмотрению и разрешению конкретных судебных дел с вынесением по ним законных, обоснованных и справедливых постановлений обеспечивать при определенных условиях достижение социально значимых целей» [3, с. 139–149]. Такое понятие в достаточной мере отражает основные факторы эффективности правосудия и может считаться ее теоретическим базисом.

Рассматривая понятие эффективности правосудия, необходимо отметить, что данная категория является оценочной, что предполагает возможность ее измерения и оценки. Такое измерение эффективности правосудия возможно, если, во-первых, сформулированы стандарты эффективного правосудия как эталона идеальности, во-вторых, выделены оценочные критерии эффективности, а также разработан механизм оценки и система показателей для каждого критерия.

Сложность такого измерения заключается в многоплановости самого предмета познания, поскольку необходимо, прежде всего, выделить понятие «правосудие» из тождественных понятий «судебная система» и «судопроизводство», которые в научной литературе часто употребляются в одном и том же смысле, но по существу являются совершенно разными понятиями, имеющие различную форму, субъектов и цели.

Этимологический анализ понятия правосудия показывает, что оно состоит из двух частей: «право» и «судие», что также означает судить по праву, т. е. по справедливости.

Следующим проблемным моментом является определение факторов, влияющих на эффективность правосудия, т. е. по существу, на принятие судом законного, обоснованного и справедливого решения, отражающего социальную сущность рассматриваемого юридического спора.

По данным вопросам в научном мире также ведутся довольно оживленные споры, предлагаются различные варианты и подходы.

Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет выделить два основных подхода к оценке факторов эффективности правосудия. Отечественная система основывается на оценке достижения целей правосудия,

где эффективность равноценна достижению поставленной перед правосудием задачи. Существенным недостатком данного подхода можно считать то, что фактически основным критерием оценки эффективности является так называемая утверждаемость рассмотренных в апелляции дел (не отмененных и не измененных апелляционной инстанцией).

Предметом познания в данном случае выступает судебная практика, основными методами получения информации о судебном правоприменении: а) сбор (наблюдение, изучение документов, опросы, сплошное и выборочное исследование, экспериментальное наблюдение) и б) соответствующая обработка (описание, классификация, экспериментальный, статистический, системный и исторический анализ, типологизация, социальное моделирование) [4, с. 18–22].

Необходимо признать недостаточность определения лишь методов оценки для осуществления анализа эффективности правосудия и излишне узкий подход к понятию эффективности, несмотря на то что такой статистический подход в настоящее время является основным при оценке качества деятельности судьи.

Несколько иной подход к оценке эффективности судебной системы демонстрирует европейская доктрина. Основное отличие заключается в характере правоотношений между судом и гражданином. Если отечественный, исторически сложившийся, опыт отношений этих двух сторон ставит в приоритетное положение суд, то западная доктрина определяет место суда как поставщика услуг по оказанию юридической помощи. Такое отличие является во многом решающим. В связи с этим положением деятельность суда в европейских странах ориентирована, во-первых, на удовлетворение потребностей граждан – пользователей судебных услуг и, во-вторых, на результативность деятельности судов, а именно состояние общественно-правовых отношений в различных сферах. Поэтому применяются методы оценки факторов, влияющих на эффективность правосудия, на основе как количественных, так и качественных показателей.

Отмечая своеобразный подход к определению характера деятельности судов, для получения реалистичной и полной картины зарубежная модель оценки качества судов оперирует совокупностью таких методов познания, как самооценка, опрос, экспертная оценка и статистические данные.

Для непосредственного измерения полученной информации также используется метод шкалирования: характеристикам качественного критерия присваиваются определенные баллы. Комплексный анализ этой шкалы дает более полное представление о реальном состоянии эффективности суда и служит определяющим вектором в судебных реформах.

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта определения эффективности правосудия наглядно демонстрирует, что западная практика оценивания качества судебной деятельности является более прогрессивной, поскольку позволяет оценить судебную систему как комплексный институт, признавая, что на эффективность его функционирования влияет достаточно много факторов.

Смещение акцента в сторону интересов именно гражданина позволяет в наибольшей мере освободить суд от бюрократических амбиций, в значительной мере уменьшить коррупционные риски и повысить его социальную значимость.

Наиболее продуктивным в оценке эффективности правосудия представляется комплексный подход, который сочетает в себе и доктрину европейской оценки, и отечественный метод учета рассмотренных дел, с точки зрения законности, обоснованности и справедливости принятого судом решения.

Список использованных источников

1. Петрухин, И. Л., Батуров, Г. П., Моршакова, Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия (по уголовным делам) / И. Л. Петрухин, Г. П. Батуров. – М., 1979. – 392 с.
2. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок : моногр. ; авт. коллектив ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М., 1975. – Ч. 1. – 298 с.
3. Цихоцкий, А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам / А. В. Цихоцкий. – Новосибирск : Наука, 1997. – 392 с.
4. Москвич, Л. Н. Основы концепции эффективности функционирования судебной системы / Л. Н. Москвич // Юридическая наука. – 2013. – № 2. – С. 18–22.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Квятович Антонина Алексеевна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
ЧУО «БИП – Институт правоповедения», г. Минск

Одной из функций таможенных органов Республики Беларусь является информационная, так как данные органы осуществляют информирование и консультирование по вопросам, касающимся таможенного законодательства Таможенного союза, законодательства Республики Беларусь о таможенном регулировании, и иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов, обеспечивают в установленном порядке государственные органы, иные организации и граждан информацией по вопросам таможенного регулирования.

В соответствии со ст. 51 Закона Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» (далее – Закон) информирование об актах таможенного законодательства Таможенного союза и законодательства Республики Беларусь о таможенном регулировании осуществляется путем их обнародования (опубликования) в официальных периодических печатных изданиях в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь, а также путем доведения информации о них до всеобщего сведения по телевидению и радио, посредством иных способов распространения информации, в том числе через официальные сайты таможенных органов в глобальной компьютерной сети Интернет [1].

В пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь, в аэропортах, портах, на борту водных и воздушных судов, выполняющих международные перевозки пассажиров, в зонах таможенного контроля и других местах, определяемых таможенными органами, осуществляется информирование путем устных разъяснений и объявлений, различных печатных материалов, информационных стендов, табло, видео-, аудио- и других технических средств, применяемых для распространения информации. Данная информация предоставляется бесплатно.

Согласно ст. 10 Таможенного кодекса Таможенного союза комиссия Таможенного союза и таможенные органы обеспечивают беспрепятственный доступ лицам к информации о таможенном законодательстве Таможенного союза, размещенной на их официальных веб-сайтах в сети Интернет [2].

Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (далее – ГТК) обеспечивает информирование о подготавливаемых проектах законов Республики Беларусь, актов Президента Республики Беларусь и постановлений Правительства Республики Беларусь по вопросам таможенного регулирования в Республике Беларусь через официальный сайт ГТК в глобальной компьютерной сети Интернет и (или) средства массовой информации, за исключением проектов, которые содержат информацию, составляющую государственные секреты, и иные охраняемые законодательством сведения, а также проектов, предварительное уведомление о которых будет препятствовать проведению таможенного контроля или способствовать снижению его эффективности (ст. 51 Закона).

Уполномоченные должностные лица таможенных органов осуществляют в устной и письменной формах консультирование заинтересованных лиц по вопросам, касающимся таможенного законодательства Таможенного союза, законодательства Республики Беларусь о таможенном регулировании, и другим вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов. Консультирование осуществляется на безвозмездной основе.

В 2012 г. в ГТК поступило 1661 письменное обращение граждан, в 2013 г. – 2689, в 2014 г. – 3093, в 2015 г. – 3472 [3]. При этом более 90 % обращений отправлено посредством электронной почты [4, с. 43].

С каждым годом количество письменных обращений, поступающих в таможенные органы, увеличивается. Это связано с возникающими вопросами граждан в отношении таможенного оформления товаров и автотранспортных средств, а также с возможностью граждан направлять свои обращения в таможенные органы посредством электронной почты через систему Интернет.

Работа с обращениями граждан в таможенных органах осуществляется в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» [5], Указом Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц» [6].

Таможенные органы должны проводить информационно-разъяснительную работу в сфере таможенного дела в Республике Беларусь с участием средств массовой информации; сотрудничать с различными информационными агентствами и редакциями печатных изданий в целях пояснения вопросов таможенного законодательства Республики Беларусь и осведомления о деятельности таможенных органов; организовывать и проводить различные пресс-конференции в области таможенного дела; осуществлять прием граждан, своевременно и правильно рассматривать обращения граждан, принимать соответствующие решения по обращениям граждан и направлять ответы в срок, установленный законодательством; обеспечивать совместно с Управлением информационных технологий реализации прав граждан и организаций на получение информации о деятельности ГТК при помощи информационных технологий (например, пополнение информации на WEB-сервере); разрабатывать планы проведения различных мероприятий (например, конференций, презентаций, встреч, совещаний, и др.) ГТК и иными государственными органами и организациями; разрабатывать и внедрять планы сотрудничества таможенных органов с представителями внешнеэкономической деятельности и иностранными инвесторами.

Изучив структуру ГТК, мы считаем, что управление информационных технологий, таможенной статистики и анализа лучше разделить и создать управление информационных технологий и программного обеспечения и управление статистики и анализа.

Управление информационных технологий и программного обеспечения должно выполнять следующие функции: разработка предложений по развитию и совершенствованию информационно-технических средств и технологий, которые могут применяться в таможенных органах, а также по обеспечению информационной безопасности; подготовка планов оснащения таможенных органов средствами информационных технологий и программным обеспечением, а также средствами защиты информации; анализ поступающей информации с применением системы управления рисками с целью применения методов выборочного таможенного контроля, обеспечивающих своевременное реагирование на угрозы нарушения таможенного законодательства; разработка, согласование и внедрение технологий информационного сотрудничества таможенных органов с информационными системами других органов государственного управления; модернизация и осуществление ремонта информационно-технических средств и др.

1. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2014 г., № 129-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Таможенный кодекс Таможенного союза, Приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года, № 17. – Режим доступа: http://www.tks.ru/codex_ts/1000000005. – Дата доступа 07.03.2016.
3. Электронное обращение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://customs.gov.by/ru/social_recursion. – Дата доступа: 05.03.2016.
4. Денисов, И. Электронные обращения – новая тенденция в работе / И. Денисов // Таможенный вестник. – 2014. – № 3. – С. 43–45.
5. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
6. О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 окт. 2007 г., № 498 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

НАКАЗАНИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ОТ ДИКОСТИ ЧЕРЕЗ ВАРВАРСТВО К ЦИВИЛИЗАЦИИ

Корнеев Сергей Владимирович,
старший преподаватель кафедры адвокатуры
юридического факультета Международного университета «МИТСО», г. Минск,
магистр юридических наук

Общепринятым порядком месторасположения слов в словосочетании, обозначенном в названии данной научной статьи, считается такой, где первое место занимает понятие преступления, а наказание как его правовое последствие – второе. Однако нами не случайно был изменен этот «устоявшийся веками» порядок, поскольку мы считаем, что и само наказание может влечь за собой преступление, быть, так сказать, причиной преступления.

Попытаемся доказать, выдвигаемую нами гипотезу, на примере такой разновидности действий, дезорганизующих работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, как действия, выразившееся в терроризировании осужденного с целью воспрепятствования его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности (ч. 1 ст. 410 Уголовного кодекса Республики Беларусь; далее – УК) [1].

Вооружимся следующим методологическим арсеналом, представленным в работах отечественного ученого-исследователя Н. А. Бабия: «Преступление есть не что иное, как нарушение содержания, охраняемого уголовным законом общественного отношения. Иными словами, преступление – это нарушение установленного в обществе порядка поведения людей в их взаимодействии по поводу тех или иных социальных благ», «... преступление есть нарушение субъектом общественного отношения его правомочий в этом отношении (прав и обязанностей)» [2, с. 11, 14; 3, с. 92–104].

Исходя из вышеизложенного, нам предстоит установить стороны общественного отношения; объект, т.е. те социальные блага по поводу которых возникает общественное отношения; содержание общественного отношения, выраженное во взаимных правах и обязанностях.

Стороной, которое нарушает общественное отношение является лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы или арестного дома.

Сторона, которая претерпевает неблагоприятные последствия преступления или обладает соответствующим социальным благом, на которое посягает виновный, представлена двумя категориями осужденных: осужденный, стремящийся к исправлению, и осужденный, исполняющий общественную обязанность.

Объект общественного отношения составляет исправление. Вовлечение осужденного в процесс исправления и есть суть данного преступления, как нам кажется. Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения по поводу формирования у осужденных правопослушного образа жизни.

Правопослушный образ жизни (исходя из ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 104 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь; далее – УИК), его ведение, включает в себя:

- 1) занятие общественно полезной деятельностью;
- 2) добросовестное отношение к труду;
- 3) соблюдение требований законодательства и принятых в обществе правил поведения;
- 4) повышение образовательного и культурного уровня [4].

Однако формирование у осужденных готовности вести правопослушный образ жизни связано с вопросами управления поведением осужденных, а отсюда и с проблемами наказания, власти, подчинения.

Органы самоуправления осужденных в исправительных учреждениях (следственных изоляторах) представлены самостоятельными организациями осужденных: совет исправительного учреждения, секции совета исправительного учреждения, советы отрядов, секции совета отрядов. Секции совета отрядов и совета исправительного учреждения представлены следующими направлениями: содействие внутреннему порядку и защите прав осужденных; содействие организации и охране труда осужденных; содействие организации быта и досуга осужденных [4; 5].

Нас интересует в первую очередь секция содействия внутреннему порядку и защите прав осужденных. Выделим наиболее существенные полномочия этой секции:

1) информирование вновь прибывших осужденных о сложившихся традициях и взаимоотношениях между осужденными;

2) оказание содействия администрации исправительного учреждения (следственного изолятора) в обеспечении выполнения осужденными распорядка дня, поддержании установленного порядка отбывания наказания;

3) проведение бесед с осужденными, допустившими нарушение установленного порядка отбывания наказания, с целью предупреждения совершения с их стороны нарушений в дальнейшем.

При проведении бесед с осужденными, допустившими нарушение установленного порядка отбывания наказания, совет отряда дает общественную оценку поведению осужденного и рекомендации относительно его дальнейшего поведения.

Можно предположить, что осужденные являются своеобразными должностными лицами, а именно: представителями общественности, то есть лицами, не находящимися на государственной службе, но наделенными в установленном порядке полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия.

Способы исправления осужденных можно подразделить на убеждающие и принуждающие.

И все бы ничего, казалось бы, есть правовые основания возможности применения к осужденному способов как убеждения, так и принуждения, да вот только контингент в местах лишения свободы состоит из лиц, осужденных преимущественно за тяжкие и особо тяжкие преступления, к тому же педагогически запущенный в нравственном отношении, а иногда и готовый в дальнейшем вести преступный образ жизни.

В связи с этим чтобы наряду с уголовно-правовой охраной осужденных, стремящихся к исправлению, осужденных, исполняющих общественную обязанность, обеспечить уголовно-правовую защиту другой части осужденных от их вовлечения в исправительный процесс преступными способами (издевательства, пытки, насилие и др.), предлагаем исключить из УК ст. 410 (действия, дезорганизирующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома) и дополнить его новыми статьями следующего содержания:

«Статья 410¹. Нарушение правил обращения с осужденными или лицами, содержащимися под стражей

1. Издевательство над осужденным или лицом, содержащимся под стражей, т. е. умышленное унижение его чести и достоинства, совершенное путем принуждения к совершению оскорбительных действий или претерпеванию таких состояний, либо принудительное использование такого осужденного в личных интересах, либо вымогательство или отобрание у него продуктов питания, предметов и (или) вещей, находящихся в личном пользовании, –

наказываются арестом на срок до шести месяцев или лишением свободы на срок от одного года до трех лет.

2. То же деяние, совершенное:

1) способом, носящим характер мучения или истязания;

2) должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, –
наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Статья 410². Угроза или насилие в отношении осужденных

1. Угроза применением физического насилия, уничтожением или повреждением имущества, в отношении осужденного или его близких либо угроза распространением клеветнических или оглашением иных сведений, которые эти лица желают сохранить в тайне, а также угроза ущемлением их прав, свобод и законных интересов, совершенная с целью воспрепятствовать поведению осужденного или принуждения к изменению его поведения или из мести за осуществление осужденным правопослушного поведения, –

наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок.

2. Применение насилия, опасного для жизни и (или) здоровья, к осужденному или его близким в целях изменения характера его поведения или из мести за отказ выполнения этих требований, –
наказывается лишением свободы от пяти до десяти лет.

3. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

1) повторно;

2) по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия;

3) в отношении нескольких лиц;

4) группой лиц;

5) повлекшие по неосторожности причинение потерпевшему тяжкого телесного повреждения или смерти;

6) повлекшие иные тяжкие последствия;

7) совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, – наказываются лишением свободы от десяти до пятнадцати лет.».

Наличие данных статей в Уголовном кодексе будет реальной гарантией реализации принципа гуманизма (по крайней мере одной из его составляющих) – наказание и иные меры уголовной ответственности не имеют своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ч. 7 ст. 3 УК).

Остается только надеяться, что мы станем на новую ступень (из обозначенных в названии статьи) – ступень цивилизации; как это сделало до нас человечество, поднявшись над дикостью (когда осужденного объявляли вне закона, не субъектом права), но, к сожалению, застряв на ступени варварства, наделив одну часть осужденных властью управления поведением другой части осужденных.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.04.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Бабий, Н. А. Соучастие в преступлении : формы, виды, ответственность : монография / Н. А. Бабий. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 744 с.

3. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.

4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 декабря 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

5. Об утверждении Инструкции о порядке аттестации осужденных к наказанию в виде лишения свободы, инструкции о порядке формирования и деятельности самодеятельных организаций осужденных к наказанию в виде лишения свободы и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства внутренних дел Республики Беларусь : постановление Министерства внутренних дел Респ. Беларусь, 10 нояб. 2010 г., № 353 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ

Коротич Елена Алексеевна,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина», г. Брест

Личная свобода – «благо настолько ценное, что ограничение ее с трудом терпимо только при исключительно важных обстоятельствах» [1, с. 10]. Представленное суждение М. С. Балабанова, высказанное им более 100 лет назад, созвучно не только современным доктринальным оценкам значимости личной свободы, но и получило отражение в нормах Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), закрепляющих механизм охраны данной свободы. Отмечая прогрессивный характер соответствующих уголовно-правовых норм, следует тем не менее признать наличие и ряда недостатков, предопределяющих необходимость дальнейшего реформирования уголовного закона в этой области. При этом наиболее актуальными видятся следующие направления изменения УК.

Во-первых, системно-структурное совершенствование уголовного закона. В основе данного направления – изменение законодательного сегмента в сфере охраны личной свободы на основе реализации системного подхода к построению перечня соответствующих преступлений. С практической точки зрения воплощение данного подхода предполагает, во-первых, пересмотр круга деяний, составляющих исследуемую систему преступлений; во-вторых, обособление преступлений против личной свободы в рамках самостоятельной главы «Преступления против личной свободы», а также обеспечение их внутренней упорядоченности посредством учета специфики основных форм проявления личной свободы. При этом следует сразу же оговориться, что практическое воплощение указанных направлений реформирования УК имеет некоторую специфику: если первое из них может быть реализовано на основе и в рамках технико-юридических возможностей действующего уголовного закона (т. е. в краткосрочной перспективе), то осуществление второго направления – перспектива отдаленного периода, обусловленная необходимостью разработки новой модели главы УК «Преступления против личной свободы». Несмотря на данное обстоятельство, видится целесообразным, прежде всего, уделить внимание последнему из указанных направлений.

Итак, в основе перспективного изменения законодательного подхода к уголовно-правовой охране личной свободы – необходимость устранения присущей действующему УК (равно как и предшествующим источникам отечественного уголовного права) тенденции фрагментарного учета свойства единства и целостности преступ-

лений против личной свободы, подтверждением чего является их объединение с посягательствами на честь и достоинство человека в рамках одной рубрикации уголовного закона – главы 22 УК. Даже не подвергая детальному анализу существующие определения таких объектов, как личная свобода, честь и достоинство, можно констатировать, что они обозначают различные явления, в связи с чем не представляется возможным говорить о единстве родового объекта систематизированных в указанной главе преступлений.

Для того чтобы обеспечить структурное и функциональное единообразие уголовного закона в сфере охраны личной свободы, представляется целесообразным структурировать преступные деяния, направленные против указанного объекта, в рамках отдельной главы – «Преступления против личной свободы», отразив соответствующие изменения в названии и содержании главы 22 УК. При этом, учитывая конституционную и международно-правовую оценку значимости личной свободы, видится целесообразным изменить ее место в системе объектов уголовно-правовой охраны посредством расположения указанной выше главы после системы норм об ответственности за преступления против жизни и здоровья человека.

Необходимость строго учета сущности и содержания личной свободы в качестве объекта уголовно-правовой охраны лежит в основе корректировки и перечня преступлений, признаваемых действующим УК посягательствами на личную свободу. С этой точки зрения заслуживают внимания следующие возможные изменения уголовного закона:

1) исключение из рассматриваемой системы таких деяний, как угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества, а также незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей, и помещение норм об ответственности за их совершение в гл. 19 и гл. 23 УК соответственно;

2) дополнение главы УК, объединяющей преступления против личной свободы, нормой об ответственности за захват заложника, что в большей степени отвечает признакам данного преступления и является более рациональным, с точки зрения юридической техники.

Второе направление развития уголовного закона в исследуемой области – совершенствование нормативного описания признаков преступлений, которые уже предусмотрены белорусским УК в качестве посягательств на личную свободу, а также криминализация деяний, которые не охватываются действием существующей системы уголовно-правовых запретов. Данное направление предполагает, в частности, следующие изменения уголовного закона Беларуси:

1) использование сбалансированных по характеру и степени общественной опасности альтернативных деяний при описании признаков отдельных преступлений рассматриваемой системы. Прежде всего, это замечание касается основного состава торговли людьми (ч. 1 ст. 181 УК). В целях предупреждения возможных проблем квалификационно-разграничительного характера, предопределяемые действующей редакцией ч. 1 ст. 181 УК, видится целесообразным возврат к традиционной для УК формы совершения данного преступления, а именно: «купили-продажи или совершения иной сделки в отношении человека», а также закрепление противоправности вербовки людей в целях эксплуатации в рамках отдельной статьи;

2) определение преступления, предусмотренного ст. 181¹ УК, следующим образом: «Использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабстве или подневольном состоянии, либо обращение человека в рабство или подневольное состояние при отсутствии признаков торговли людьми или похищения человека»;

3) исключение и (или) уточнение оценочных признаков в диспозициях соответствующих уголовно-правовых норм (таковы, в частности, негативный признак в составе незаконного лишения свободы (ч. 1 ст. 183 УК); понятие «психически здоровое лицо» в системе криминообразующих признаков незаконного помещения в психиатрический стационар (ч. 1 ст. 184 УК), уточнение которого возможно посредством закрепления конструкции «лицо, которое заведомо для виновного не нуждается по состоянию здоровья в госпитализации и лечении в психиатрическом стационаре») и др.).

Наконец, третье направление реформирования УК – устранение недостатков технико-юридического характера, которые не только негативно влияют на общее качество уголовно-правовых норм, но и в ряде случаев затрудняют понимание и практическое применение предусмотренных ими запретов. Применительно к рассматриваемой нами системе преступлений основные замечания данного порядка касаются следующих аспектов:

1) воспроизведение названия преступления для раскрытия сущности характеризующего его деяния. В УК такой подход использован в диспозиции ст. 185. В целях устранения отмеченного недостатка видится целесообразным определить признаки деяния в составе принуждения при помощи понятия «требование». Характерно, что подобный юридический прием используется законодателем для описания признаков видовых составов данного преступления (например, вымогательства (ст. 208 УК));

2) игнорирование отдельных признаков преступлений против личной свободы, которые непосредственно предусмотрены в их названии, при отражении противоправности деяния в диспозиции соответствующей нормы УК. В частности, подчеркивая в названии преступления, предусмотренного ст. 183 УК, незаконность криминализируемого деяния, в самой норме закона данный признак не обоснованно игнорируется;

3) несоответствие названия преступления объему уголовно-правового запрета. Так, устанавливая запрет на использование рабского труда, т. е. одной из возможных форм эксплуатации человека, в диспозиции ч. 1 ст. 181¹ УК законодатель криминализирует все формы ее проявления. Чтобы устранить отмеченное логическое несоответствие, представляется целесообразным в названии преступления, предусмотренного ст. 181¹ УК, указать и на иную эксплуатацию человека.

1. Балабанов, М. Личная свобода. (Неприкосновенность личности, жилища, частной переписки и свобода передвижения) / М. Балабанов. – 2-е, доп. изд. – СПб. : Новый Мир, 1906. – 48 с.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 4 СТ. 111 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ

Кружкова Яна Алексеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Иркутского института (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск

Высокая общественная опасность и распространенность насильственных преступлений представляют интерес для их глубокого изучения. Личность жертвы преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), на сегодня также недостаточно изучена.

Исследование умышленного причинения тяжкого вреда здоровью ныне обусловлено прежде всего тем, что насилие в межличностных отношениях все чаще остается одной из наиболее острых, злободневных проблем современного российского общества.

Преступность, связанная с насилием, это не просто совокупность насильственных преступлений, это посягательство на исконные права и интересы граждан, что порождает страх у значительного числа людей за свои жизнь и здоровье. [1]

Жертвой преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, законодатель называет потерпевшего. Он обладает теми же характеристиками, что и жертва преступления, предусмотренного ч. 1–3 ст. 111 УК РФ, отличие ч. 4 данной статьи состоит только в том, что она предусматривает еще одно последствие – смерть потерпевшего в результате причинения ему тяжкого вреда здоровью.

Развитие механизма индивидуального преступного поведения напрямую зависит не только от преступника, но и от жертвы преступления. Действия преступника очень часто определяются не только его агрессивными побуждениями, но и личностными качествами и поведением жертвы. Личность и поведение жертвы являются элементами внешней среды, формирующей преступный умысел.

В ч. 4 ст. 111 УК РФ лицо, которому нанесен вред, в результате преступления называется «потерпевшим от преступления». По мнению В. И. Даля, слово «потерпевший» трактуется следующим образом: пожираемое, уничтожаемое, гибнущее. Далее он поясняет, что пострадавший от чего-либо есть жертва этих причин. Один бывает невинно жертвою злонамеренности, другой же необузданности своей.[4]

Определение жертвы, данное В. И. Далем, как нельзя более точно совпадает с понятием потерпевшего от преступления в виктимологическом смысле [3].

В общеуголовном смысле жертва преступления – это лицо, реально понесшее физический, моральный или имущественный вред от противозаконных действий другого лица [3].

Остановимся на рассмотрении типологии жертв.

1. Полностью невиновная жертва. На умышленное причинение тяжкого вреда здоровью на лиц, в отношении которых совершается преступное посягательство, по тем или иным причинам не способных противостоять преступнику, приходится высокий процент жертв преступления, и это лица старше 60 лет.

2. Жертва с незначительной виной. Этой жертвой могла быть и женщина, которая провоцирует ошибочное нападение на себя, в результате которого она умирает.

3. Жертва, которая является столь же виновной, как и обидчик, т. е. лица, которые своим поведением целенаправленно провоцирует обидчика к совершению преступления.

Таким образом, можно сделать вывод, что «специфическая предрасположенность» отдельных людей становиться жертвами при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, носит не биологический, а социальный характер, она представляет собой степень относительной способности оказаться в роли потерпевшего и обусловлена совокупностью личностных качеств того или иного человека.

Взаимоотношение между преступником и жертвой, предшествовавших совершению преступления, также имеет существенное виктимологическое значение. В результате эмпирического исследования было выявлено, что около 70 % всех жертв находились в родственной связи с преступником, 10 % являлись знакомыми или малознакомыми и 20 % совершенно незнакомыми.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что такое преступное поведение является своего рода способом «разрешения» социального конфликта. Проведенный анализ также позволил сделать вывод, что большая часть жертв преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, распивали спиртные напитки с преступником.

Особое место занимает и тот фактор, что виктимологически значимым являются пол и возраст жертвы. На первом месте в большинстве случаев – лица мужского пола в возрасте от 18 до 65 лет. В отдельную группу входят несовершеннолетние, т. е. лица, согласно гражданскому законодательству не достигшие восемнадцатилетнего возраста. Для данной категории жертв характерны эмоциональная неустойчивость, отсутствие жизненного опыта, затрудняющего выбор варианта поведения в сложных жизненных ситуациях.

Подводя итог, отметим, что изучение виктимологических проблем преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, имеет важное значение для правильной квалификации деяния, а также предупреждения этих преступлений.

Список использованных источников

1. Антонова, Г. И. Криминальный анализ личности преступника и жертвы по преступлениям, предусмотренным ст. 111 УК РФ / Г. И. Антонова // Пробелы в российском законодательстве. – № 1. – 2014. – С. 179.
2. Варчук, Т. В., Вишневецкий, К. В. Виктимология: учеб. пособ. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С. Я. Лебедева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. – С. 71.
3. Гаптелганиев, Р. Г. Криминальная виктимология: понятие, виды и степень виктимности. Актуальные вопросы теории и практики / Р. Г. Гаптелганиев // Мировой судья. – 2009. – № 7. – С. 7.
4. Толковый словарь / под ред. В. И. Даля. – М., 1955. – Т. 1. – С. 335.

ИСПОЛНЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лимарева Елена Станиславовна,
старший преподаватель кафедры АПиАД ОВД
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова,
полковник полиции

Мировой опыт показывает, что ни одно даже самое стабильное государство не может решить проблемы обеспечения безопасности дорожного движения без использования научного инструментария изучения ее истоков, прогнозирования тенденций развития, выбора оптимальных превентивных мер, а также без опоры власти на сознательные слои населения.

По словам Президента России Владимира Владимировича Путина, «повышение безопасности дорожного движения должно стать самостоятельным направлением государственной политики... В этой сфере нужно создавать адекватные механизмы управления и взаимодействия. Должны быть четко распределены зоны ответственности, как по уровням власти, так и по ведомствам. Важно укрепить законодательную базу дорожно-транспортной деятельности, восполнить существующие здесь пробелы» [1].

Первоначальной задачей, решение которой необходимо для обеспечения возможности ведения государственной политики в области безопасности дорожного движения, является определение уполномоченных органов, а также наделение их компетенцией. Вопросам распределения полномочий в области обеспечения безопасности дорожного движения между Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления посвящена статья 6 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», конкретизирующая конституционные положения, предусматривающие три уровня правового регулирования в Российской Федерации: федеральный, уровень субъектов РФ и муниципальный.

Само понятие «совместная компетенция» по-разному понимается центром и субъектами. Согласно п. 5 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] к вопросам местного значения относятся дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов поселения и обеспечение безопасности дорожного движения на них, включая создание и обеспечение функционирования парковок, осуществление муниципального контроля за сохранностью автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов поселения, а также осуществление иных полномочий в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации. В связи с этим в данной статье также регулируются вопросы, связанные с определением полномочий органов местного самоуправления поселения, муниципального района и городского округа в области обеспечения безопасности дорожного движения [3, с. 47].

Вопросы, которые входят в сферу обеспечения безопасности дорожного движения и не отнесены к компетенции Российской Федерации, являются компетенцией субъектов Российской Федерации.

Полномочия, осуществляемые органами государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, определяются Конституцией России, федеральными законами, договорами о разграничении полномочий и соглашениями, а также законами субъектов Российской Федерации, которые должны устанавливать права, обязанности и ответственность органов государственной власти субъекта Российской Федерации, порядок и источники финансирования осуществления соответствующих полномочий, не могут одновременно возлагать аналогичные полномочия на федеральные органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также должны соответствовать другим требованиям, установленным Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ [4].

Сфера полномочий органов исполнительной власти субъектов России ограничена осуществлением мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения на автомобильных дорогах исключительно регионального или межмуниципального значения. Критерии отнесения автомобильных дорог общего пользования к автомобильным дорогам общего пользования регионального или межмуниципального значения и перечень автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения утверждаются высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Полномочия органов исполнительной власти субъектов России конкретизированы путем непосредственного указания следующих мероприятий:

принятие решений о временных ограничениях или прекращении движения транспортных средств на автомобильных дорогах регионального или межмуниципального значения в целях обеспечения безопасности дорожного движения:

осуществление мероприятий по предупреждению детского дорожно-транспортного травматизма:

информирование граждан о правилах и требованиях в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Полномочия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения являются расходными обязательствами субъектов России, которые регулируются ст. 85 БК РФ [5].

Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ [6] вопросы местного значения – это вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией России и настоящим Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ отдельно перечисляет полномочия органов местного самоуправления поселения, муниципального района и городского округа.

Законодатель конкретизирует названные полномочия органов местного самоуправления муниципальных образований, включая в них:

1) принятие решений о временных ограничениях или прекращении движения транспортных средств на автомобильных дорогах местного значения в целях обеспечения безопасности дорожного движения для всех типов муниципальных образований в соответствии с закрепленной за ними территорией.

2) участие в осуществлении мероприятий по предупреждению детского дорожно-транспортного травматизма для муниципального района и городского округа в соответствии с закрепленной за ними территорией. Федеральное законодательство предусматривает также, что федеральные органы исполнительной власти по соглашению с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации могут передавать им осуществление части своих полномочий в области обеспечения безопасности дорожного движения [3, с. 48].

Заключение административного договора между органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления по наделению государственными полномочиями является одной из разновидностей договорного способа разделения полномочий по вопросам совместной компетенции на основе Конституции [7].

Учитывая сложность решаемых задач по обеспечению безопасности дорожного движения, в Российской Федерации создана Правительственная комиссия по обеспечению безопасности дорожного движения [8], которая является координационным органом, образованным для обеспечения согласованных действий федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Подводя итог, следует отметить, что уровень человеческих и материальных потерь от дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации, соотнесенный с темпом непрерывного развития автомобилизации, в несколько раз превышает соответствующие параметры развитых стран. В современной жизненной обстановке, характеризующейся высокой интенсивностью дорожного движения, в которое вовлечены огромные массы людей и колоссальное количество транспортных средств, деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения, предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий является многоплановой и многообразной. Поэтому особую важность приобретает вопрос регулирования и разграничения полномочий различных субъектов в сфере дорожного движения.

Список использованных источников:

1. Материалы заседания президиума Госсовета Российской Федерации, посвященного безопасности дорожного движения обзор материалов СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/stcdocs/2005/12/100714.shtml>. – Дата доступа: 01.03.2016.
2. О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] : Федеральный закон Рос. Федерации, 10 дек. 1995 г., № 196-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
3. Капустина, Е. Г., Лимарева, Е. С., Полномочия отдельных субъектов по обеспечению безопасности дорожного движения / Е. Г. Капустина, Е. С. Лимарева // Вестник ОГУ. – № 3. – 2015. – С. 47–50.
4. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Рос. Федерации, 6 окт., 1999 г., № 184-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Рос. Федерации, 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
7. Конституция Российской Федерации 1993 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.
8. О Правительственной комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 25 апр. 2006 г., № 237// КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ

Мельников Игорь Сергеевич,
студент магистратуры юридического факультета
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

Уголовный кодекс Российской Федерации является основным источником уголовного права, закрепляющим преступность и наказуемость деяния, а также основания освобождения от уголовной ответственности и наказания. Ежегодно в Российской Федерации рассматривается более 900 000 уголовных дел, что, вне всякого сомнения, свидетельствует о широком и постоянном применении норм УК РФ. Вместе с тем далеко не все положения действующей редакции Общей части уголовного закона являются «работающими». К таковым, на наш взгляд, можно отнести, в частности ст. 80.1 УК РФ «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки». Ни в текущей судебной практике, ни в статистических данных Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации найти «следы» применения данной статьи невозможно. Попробуем разобраться в причинах такого молчания.

Статья 80.1 УК РФ закрепляет в качестве основания освобождения от наказания совершение преступления небольшой или средней тяжести, при условии, что лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными. Если проследить историю становления данного основания освобождения от уголовной ответственности (наказания), то необходимо отметить, что впервые оно появилось в УК РСФСР 1926 г. Дополнение уголовного закона подобного рода нормой были вызваны «нестабильной «социально-политической и экономической ситуацией того времени. К переменам, влекущим изменение обстановки, относили переход к новой экономической политике в 1920-х гг., индустриализацию страны, коллективизацию, становление новой политической системы» [3, с. 281], что давало возможность законодателю оперативно реагировать на происходящие в обществе и стране изменения.

В дальнейшем данное основание претерпело изменение, и уже в УК РСФСР 1960 г. предстало в том виде, который содержится и в тексте ныне действующего уголовного закона до 2003 г. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ ст. 77 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки» УК РФ была заменена на ст. 80.1 УК РФ, содержащую аналогичное основание, но с одним новшеством – лицо теперь могло быть освобождено от уголовного наказания. Введение указанных изменений моментально породило вопросы и критику в научной литературе. Так, А. Кибальник отмечал: «Возникает закономерный вопрос: если ФЗ РФ от 8 декабря 2003 г. призван ослабить уголовную репрессию и стимулировать позитивное поведение лица, совершившего преступление, зачем законодательно сужать перечень оснований освобождения от уголовной ответственности, при наличии которых дело не доходит до приговора суда?» [4, с. 28]. Такую позицию законодателя можно объяснить лишь стремлением передать решение такого важного вопроса, как освобождение от уголовного наказания, на усмотрение суда, исключив из числа субъектов применения данной нормы органы предварительного расследования.

Но вышеприведенным вопросом проблемы не ограничиваются. Отметим, что получение полного представления о данном основании освобождения от наказания возможно путем соотнесения рассматриваемой нормы с отдельными положениями Общей части УК РФ, в частности, ст. 9, 10, 14, главы 11 УК РФ, а также с положениями УПК РФ, регламентирующими виды и порядок постановления приговоров.

Обратим внимание на проблемы материального характера. Статья 14 УК РФ содержит одно из важнейших понятий уголовного права – понятие преступления, каковым признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания. В свою очередь ст. 80.1 УК РФ предусматривает освобождение от наказания в ситуации, когда деяние или лицо, его совершившее, утратило общественную опасность. Подчеркнем, что общественная опасность – обязательный признак преступления. В итоге складывается противоречивая ситуация, когда лицо освобождается от наказания, которое в принципе не может быть назначено, так как деяние ввиду отсутствия признака общественной опасности преступлением не признается. До 2003 г. такой коллизии не возникало, что в очередной раз указывает на противоречивость законодателя.

Далее, на наш взгляд, необходимо определить случаи, которые обуславливают применение положений ст. 80.1 УК РФ, то есть случаи изменения обстановки. В научной литературе и судебной практике приводятся самые различные примеры, как-то: легальное разрешение охоты, бывшей в момент задержания лица незаконной [5, с. 21], изменения внутри предприятия, учреждения, организации [6, с. 505], причинение вреда при осуществлении лицензируемой деятельности при отсутствии самой лицензии [7, с. 246], возмещение виновным ущерба и иное заглаживание вины, изменения в жизни или в поведении лица, привлекаемого к уголовной ответственности [6, с. 505]. На наш взгляд, каждому из приведенных примеров можно найти логическое объяснение вне сферы применения положений ст. 80.1 УК РФ. Так, изменение отраслевого законодательства с позиций уголовного права влечет применение обратной силы уголовного закона. Изменения статуса юридических лиц (реорганизация, ликвидация и т. п.) или направленности их деятельности никакого отношения к исключению общественной опасности не имеют в принципе. Получение лицензии не отменяет факта совершения преступления в связи с тем, что преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния (ч. 1 ст. 9 УК РФ). Заглаживание вины и изменения, касающиеся поведения и личности преступника, влекут возможность применения к последнему смягчающих обстоятельств, а также рассмотрения вопроса об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Еще одна, на наш взгляд, довольно интересная ситуация указана в качестве влекущей изменение обстановки – истечение продолжительного времени с момента совершения преступления, но в пределах срока давности [9, с. 63]. Считаем, что в данном случае никакого освобождения от уголовного наказания априори не может быть, так как законодатель целенаправленно предусмотрел сроки, в течение которых лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности.

Подводя итоги, отметим, что, ст. 80.1 УК РФ лишь усложняет правовое регулирование института освобождения от наказания. В связи с чем, считаем целесообразным ее исключение из текста уголовного закона как «мертвой» и криминологически необоснованной.

Список использованных источников

1. Отчет Судебного департамента при Верховном суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>. – Дата доступа: 28.02.2016.

2. СудАкт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/>. – Дата доступа: 01.03.2016.

3. Файзуллина, Д. Р. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки: необходимость или архаизм советского судебного усмотрения? Д. Р. Файзуллина // Актуальные проблемы экономики и права. – Казань : Познание, 2012. – № 1 (21). – С. 280–284.

4. Кибальник, А., Соломоненко, И. Юридические оплошности действующего уголовного закона / А. Кибальник, И. Соломоненко // Российская юстиция. – № 6. – 2004. – С. 28–29.

5. Мальцев В. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки / В. В. Мальцев // Российская юстиция. – 2005. – № 11. – С. 20–22.

6. Уголовное право России. Часть Общая : учебник для вузов / отв. ред. проф. Л. Л. Кругликов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 592 с.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2010. – 851 с.

8. Жоголева, Е. В. Изменение обстановки при производстве по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Жоголева. – Екатеринбург, 2006- 188 с.;

9. Михайлов, К. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки / К. В. Михайлов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право. – 2007. – № 28 (100). – Вып. 12. – С. 61–68.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В МОТИВАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Михайлов Владимир Александрович,
старший преподаватель кафедры правосудия Киевской государственной
академии водного транспорта им. гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, г. Киев

В последние годы в юридической литературе явно прослеживается системный подход к сложной проблеме причин преступности и комплексный характер ее исследования. Личность преступника с его сознанием и волей является тем центральным звеном, которое связывает причину и следствие. Здесь созревает решение совершить преступление, которое затем и осуществляется [1, с. 10]. Поэтому среди двух групп факторов (объективных и субъективных) немаловажную роль, а в отдельных случаях и решающую, играют индивидуально-психологические факторы, которые позволяют связать в единое целое все многообразие присущих человеку признаков. Надо сказать, что в учении о личности используются такие термины, как «свойства», «особенности», «качества» и др. Бесспорно, эти понятия очень близки по смыслу, поскольку отражают те или иные стороны внутреннего мира человека. Вероятно, по этой причине они применяются иногда произвольно и неточно, порой их даже считают синонимами. На самом деле при всей их близости это не тождественные понятия, так как в неодинаковой степени и объеме выражают различные стороны личности. Кроме того, указанные понятия не дают обобщенного представления о них. Эту роль, по мнению автора, может выполнить понятие «индивидуально-психологические факторы», условно обозначающее субъективную как причину, так и условие. Выявление их представляет большой интерес для криминологической теории и практики. Сделать это возможно лишь при четко научном обосновании структуры личности, элементами которой являются ее свойства, процессы, состояния. Однако среди психологов и философов нет единства взглядов по данному вопросу. И это вполне объяснимо, поскольку «теория системных исследований, – отмечает А. Р. Ратинов, – позволяет определить личность как сверхсложную систему, обладающую не одной, а множественностью структур, каждая из них “просвечивается” лишь в определенной проекции. Этим обусловлены и сверхсложность исследования, и множество вполне оправданных подходов и концептуальных построений» [2, с. 3].

Большинство ученых, занимающихся проблемой личности, в ее разработке придерживаются следующего положения С. Л. Рубинштейна: «В психологическом облике личности выделяются различные сферы или области черт, характеризующие различные стороны личности; но при всем своем многообразии, различии

и противоречивости основные свойства личности, взаимодействуя друг с другом в конкретной деятельности человека и взаимопроникая друг в друга, смыкаются все же в реальном единстве личности. Поэтому равно не правильны как та точка зрения, для которой единство личности выражается в аморфной целостности, превращающей ее психический облик в бесформенную туманность, так и другая, противоположная ей, которая видит в личности лишь отдельные черты и, утрачивая всякое подлинное, внутреннее единство психического облика личности, тщетно затем ищет “коррекцию” между внешними проявлениями этих черт» [3].

Взяв за основу данное положение, Б. Г. Ананьев предположил, что структура личности должна строиться по двум принципам: 1) субординационному или иерархическому, при котором более сложные и более общие социальные свойства личности подчиняют себе более элементарные и частные социальные и психофизиологические свойства; 2) координационному, при котором взаимодействие осуществляется на паритетных началах, допускающих ряд степеней свободы для коррелируемых свойств, т.е. относительную автономию каждого из них. Введенный субординационный принцип учитывает, таким образом, и генетическую упорядоченность структурных элементов, и существование некоторого ядра, стержневого, центрального компонента, связывающего остальные в целостную систему [4, с. 14]. Такую же мысль высказал и В. Г. Афанасьев, говоря об общих, специфических и особенных чертах (качествах, свойствах) личности. Под последними он понимает «поступки и действия, мысли и стремления, потребности, способности и другие психические свойства (характер, темперамент, чувства, привычки и т. д.). Перечисленные проявления жизни человека, его разнообразные черты, свойства и есть компоненты целостной человеческой личности. В своем единстве, взаимодействии, в своей координации и субординации они образуют личность как целостную систему» [5, с. 177].

Таким образом, в подходах Б. Г. Ананьева и В. Г. Афанасьева к изучению структуры личности высказана интересная мысль о координации и субординации как формах связей элементов целого.

Оставляя в стороне полемику о наиболее оптимальных структурах личности, отметим, что в рамках решаемой нами проблемы более предпочтительной, как нам представляется, является структура личности, предложенная К. К. Платоновым [6], который в основу отличия уровней положил степень обусловленности свойств социальными или биологическими факторами и фактически свел всю свою динамическую структуру к структуре всего человека. По мнению автора, данная структура является наиболее последовательной и четкой, поскольку идея о различных уровнях социализации психического в человеке помогает понять внутренние механизмы чередования различных общественно опасных поступков в поведении преступника.

Пользуясь терминологией К. К. Платонова, все индивидуальные факторы можно классифицировать на пять подструктур, которые характеризуют:

1) побудительную сферу личности (потребности, интересы, мотивы, установки, идеалы, мировоззрение, правосознание, наклонности, привычки);

2) социальные отношения личности (семейное и должностное положение, уровень профессиональной квалификации, участие в общественной работе и общественно полезном труде, уровень образования);

3) степень общественной опасности личности (наличие судимостей или иных правонарушений и антиобщественных поступков);

4) психологическую сторону личности (эмоциональные, волевые и интеллектуальные особенности, наличие психических аномалий, темперамент, способности);

5) психофизиологическую сторону личности (пол, возраст, состояние здоровья, особенности физической конституции).

Указанные подструктуры личности преступника, входящие в них индивидуальные факторы, находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Это вовсе не означает, что между ними не существует противоречий. Напротив, зачастую положительные (антикриминогенные) факторы вступают в конфликт с отрицательными (криминогенными) или наоборот – отрицательные с положительными. Своевременное выявление и учет этих противоречий необходим в работе по предупреждению преступлений. При этом важно выяснять ведущие, наиболее существенные факторы, определяющие направленность личности, поскольку «одни из них ближе к преступлению, другие – дальше; одни определяют содержание преступления, другие – его форму или интенсивность; одни относятся к причинам совершенного преступления, другие в причинной зависимости с ним не находятся» [7, с. 69].

С учетом изложенного, предлагается следующее определение: под индивидуально-психологическими факторами автор понимает совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов структуры личности, которые во взаимодействии с ситуацией в известной степени определяют ее поведение.

Разумеется, приведенная классификация индивидуальных факторов и данное им определение не претендуют на бесспорность, а являются лишь попыткой упорядочить существующие в криминологии представления по этим вопросам, требующим своего дальнейшего разрешения.

Список использованных источников

1. Кудрявцев, В. Н. Причинность в криминологии / В. Н. Кудрявцев. – М., 1969. – С. 10.
2. Ратинов, А. Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход / А. Р. Ратинов // Личность преступника как объект психологического исследования. – М., 1979. – С. 3.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1940. – С. 518.
4. Ананьев, Б. Г. Избр. психол. Труды / Б. Г. Ананьев. – М., 1980. – Т. 2. – С. 14–15.

5. Афанасьев, В. Г. Целостная структура человеческой личности / В. Г. Ананьев // Проблемы исследования систем и структуры : материалы конф. – М., 1965. – С. 177.
6. Платонов, К. К. О системе психологии / К. К. Платонов. – М., 1972.
7. Дагель, П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве / П. С. Дагель. – Владивосток, 1970. – С. 69.

ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ТОВАРНОГО КРЕДИТОВАНИЯ КАК СВЯЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА В ТОВАРНО-КРЕДИТНОЙ СФЕРЕ

Михайловская Юлия Валентиновна,
старший преподаватель кафедры гражданского и международного права
Частного учреждения образования «БИП-Институт правоведения», г. Минск

С учетом того, что кредитными услугами охвачена только треть населения Республики Беларусь (33,7 %) [1], можно прогнозировать дальнейшее расширение форм и видов товарного кредитования граждан не только банками, но и торговыми предприятиями. В этих условиях следует ожидать динамичного роста товарного кредитования торговыми предприятиями путем предоставления товарного кредита (с взиманием процентов за товарный кредит или рассрочки оплаты товара). Коммерческие банки в Республике Беларусь предоставляют товарные кредиты физическим лицам и предлагают торговым предприятиям специальные программы сотрудничества в области продажи товаров и услуг в кредит.

Информационная модель товарного кредитования представлена рядом стадий. Первая стадия – определение дееспособности и кредитоспособности заявителя. Прежде чем банк вступит в товарно-кредитные правоотношения с потенциальным заемщиком, сотрудникам банка необходимо оценить риск непогашения суммы товарного кредита, поскольку кредитные риски являются одним из основных видов банковских рисков, а также объективно оценить персональные качества кредитополучателя (покупателя), его финансовые возможности и т. п. Сходные функции выполняют и уполномоченные работники торговых предприятий при продаже товаров в кредит.

Анализ материалов уголовных дел о мошенничестве в товарно-кредитной сфере свидетельствует, что оценка персональных качеств заемщика имеет нередко формальный характер, что является одним из факторов, детерминирующих мошенничество в товарно-кредитной сфере: достижение 18 лет, наличие стабильного заработка либо наличие дохода последние три месяца. Для заключения с торговым предприятием договора купли-продажи в кредит (с рассрочкой платежа) иногда достаточно наличия только документа, удостоверяющего личность.

В ходе опроса сотрудников банков и торговых предприятий нами установлено, что нередко дееспособность кредитополучателя проверяется по его внешнему виду, так как детальная проверка информации о нем требует времени, что может привести к утрате клиентов, следовательно, банки и торговые предприятия зачастую осознанно рискуют. На необходимость определения дееспособности и оценки кредитоспособности заявителя указали 98 % опрошенных нами сотрудников банков; 96 % процентов респондентов отметили, что одним из условий выдачи товарного кредита является заключение службы безопасности банка, 52 % опрошенных сотрудников банков отметили, что у банка достаточно полномочий для обеспечения эффективной профилактики товарно-кредитного мошенничества, 86 % респондентов указали на наличие взаимодействия с другими банками по обмену информацией о мошенничестве в сфере кредитования.

Вторая стадия товарного кредитования – согласование условий договора товарного кредита и его заключение. В зависимости от способа кредитования кредитодателями в отношении по товарному кредитованию являются банк или торговое предприятие. Условия, порядок заключения (оформления) и исполнения договора товарного кредита регулируются как гражданско-правовыми нормами о кредитном договоре и договоре купли-продажи, так и специальными нормами банковского и торгового законодательства. Задачами данной стадии являются принятие положительного решения о выдаче товарного кредита и заключение договора товарного кредита между заемщиком и банком либо между заемщиком и торговым предприятием. На данной стадии товарного кредитования сторонами согласовываются все существенные условия договора и осуществляется его подписание.

Порядок заключения и исполнения гражданско-правовых договоров, включая кредитные договоры, определен Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК Беларуси). Регулируя гражданский оборот, гражданско-правовые нормы в процессе их применения на всех стадиях товарного кредитования способствуют предупреждению совершения многих уголовно-наказуемых деяний, включая мошенничество в товарно-кредитной сфере. Получение кредита оформляется кредитным договором, понятие и содержание которого закреплены в ст. 771 ГК Беларуси [2] и в ст. 137 Банковского кодекса Республики Беларусь [3]. В действующем гражданском законодательстве установлено, что по кредитному договору банк или небанковская кредитно-финансовая организация (кредитодатель) обязуется предоставить денежные средства (кредит) другому лицу (кредитополучателю) в размере и на условиях, предусмотренных договором, а кредитополучатель обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее (ст. 771 ГК Беларуси). В данном договоре предусматриваются предмет, права и обязанности сторон, срок действия договора, порядок передачи имущества, порядок расчетов, основания и порядок расторжения договора и т. д.

Третья стадия – выдача и получение товарного кредита. Товарное кредитование физических лиц банками и (или) торговыми предприятиями, осуществляется следующими способами: 1) деньги перечисляются банком на кредитную карточку кредитополучателя; 2) деньги перечисляются банком непосредственно торговому предприятию на оплату расчетно-денежных документов, предъявленных кредитополучателем (покупателем товара); 3) товарный кредит предоставляется торговым предприятием на условиях взимания процентов за товарный кредит или рассрочки оплаты товара кредитополучателем (покупателем); 4) банк перечисляет деньги по договору с торговым предприятием о кредитовании покупателей, а предприятие выступает поручителем по кредитным обязательствам покупателей – кредитополучателей (экспресс-кредитование).

Четвертая стадия – контроль за выполнением условий договора и возврат товарного кредита. Практически во всех случаях мошенничества в товарно-кредитных отношениях мошенники производили частичную оплату по договору, создавая тем самым, видимость исполнения обязательств. На вопрос «какие меры по возврату невыплаченной своевременно суммы товарного кредита вами предпринимаются?» сотрудниками банков и торговых предприятий даны следующие варианты ответа: обращение в суд; досудебная работа с клиентом в форме беседы, включая беседы по телефону; SMS-сообщения, о необходимости погашения кредита; претензионный порядок; беседы с родственниками кредитополучателей, администрацией по месту работы; исполнительные надписи нотариуса. Следует отметить, что в случае неисполнения кредитополучателем условий договора применяются гражданско-процессуальные нормы, определяющие порядок рассмотрения судами общей юрисдикции споров по возврату товарных кредитов, исполнению условий кредитных договоров, признанию недействительными этих договоров, а также порядок взыскания по нотариальной исполнительной надписи.

Связующим компонентом криминологической характеристики элементов товарно-кредитного мошенничества является информационная модель, состоящая из четырех стадий товарного кредитования, каждая из которых урегулирована нормативными правовыми актами, имеет свои задачи, четкое выполнение которых является своего рода мерой профилактики товарно-кредитного мошенничества.

Список использованных источников

1. О плане совместных действий государственных органов и участников финансового рынка по повышению финансовой грамотности населения Республики Беларусь на 2013 – 2018 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь и Нац. банка Респ. Беларусь, 17 янв. 2013 г. № 31/1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2013. - № 5/36811.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 25 окт. 2000 г. № 441-З : принят Палатой представителей 3 октября 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

О НЕКОТОРЫХ ГАРАНТИЯХ ЗАКОННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Нечаева Виктория Александровна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь, г. Могилев

Уголовно-процессуальную деятельность, связанную с термином «дознание» в Республике Беларусь, наряду с органом дознания и лицом, производящим дознание, может осуществлять также начальник органа дознания.

Начальник органа дознания относительно «новый» участник уголовного процесса, чье процессуальное положение регламентировано Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК). Анализ источников уголовно-процессуального права советского периода показал, что они не содержат норм, посвященных данному субъекту. Так, в УПК БССР 1923 года в главе 8 «О дознании» говорится лишь об органах дознания (ст. 102) [1]. О начальнике органа дознания, о его процессуальном статусе, в том числе процессуальном контроле за деятельностью данных органов с его стороны ничего не сказано. Более того ст. 109 данного нормативного правового акта указывает на то, что «общий надзор за производством дознания принадлежит прокуратуре». УПК БССР 1960 года также не внес значительных изменений в регламентацию процессуального статуса данного участника [2]. В то же время на практике процессуальный контроль в деятельности начальника органа дознания присутствовал. Подтверждение тому мы находим в работах авторов тех лет. А. К. Гаврилов пишет: «На практике это (*ведомственный процессуальный контроль – авт.*) выражается в том, что все основные процессуальные решения лица, производящего дознание приобретают силу только тогда, когда они утверждены начальником органа дознания» [3, с. 170]. При этом он констатирует, что «уголовно-процессуальный закон не предусматривает специальной статьи о процессуальных полномочиях начальника органа дознания» [3, с. 171].

УПК 1999 года устранил пробел правовой регламентации процессуального статуса начальника органа дознания,

закрепив его положения в ст. 35, в ч. 1 которой определил, что «начальником органа дознания являются руководитель органа дознания, а также каждое из должностных лиц, перечисленных в части 1 статьи 37 настоящего Кодекса» [4].

«Начальник органа дознания обязан осуществлять процессуальное руководство рассмотрением заявлений и сообщений о преступлениях, дознанием по уголовным делам, контроль за законностью и своевременностью совершаемых действий, законностью и обоснованностью принимаемых решений, полным и качественным выполнением поручений следователя, суда, указаний прокурора» [5, с. 116].

Вместе с тем в настоящее время процессуальный статус начальника органа дознания требует дальнейшего совершенствования. Обеспечение прав и интересов участников уголовного процесса обуславливает необходимость наделения начальника органа дознания рядом полномочий. В этой связи обращает на себя внимание отсутствие в УПК гарантий законности в отдельных случаях деятельности данного субъекта.

В частности, УПК предусматривает институт отводов и самоотводов как уголовно-процессуальную гарантию соблюдения законных прав и интересов физических и юридических лиц, являющихся субъектами уголовного процесса. При этом законодатель не предусмотрел возможность отвода и самоотвода начальника органа дознания. Здесь может возникнуть вопрос, для чего это необходимо? Ведь начальник органа дознания, воспользовавшись правом принять уголовное дело к своему производству и лично проводить дознание (ч. 4 ст. 38 УПК), занимает статус, лица, производящего дознание, а возможность его отвода или самоотвода регламентирована законом (ст. 82). В данном случае следует согласиться с мнением А. П. Рыжакова, который пишет: «Действительно, при определенных обстоятельствах руководитель учреждения, наделенного правами органа дознания (его начальник), может выступать в уголовном процессе в качестве лица, производящего дознание. Однако и в этом случае такой человек будет обладать более широким объемом прав, нежели любой другой сотрудник, выступающий в этом качестве.» [6, с. 114]

Осуществляя такие полномочия, предусмотренные ч. 4 ст. 38 УПК, как поручение проверки по заявлениям и сообщениям о преступлении, производства дознания по уголовным делам, дача указаний по материалам проверки и уголовным делам, передача таких материалов и дел от одного уполномоченного им лица, производящего дознание, другому, поручение производства дознания нескольким лицам, начальник органа дознания выступает не как лицо, производящего дознание, а именно начальник органа дознания. При этом он может лично, прямо или косвенно быть заинтересованным в исходе дела, что, на наш взгляд требует наличия возможности заявления его отвода или самоотвода.

Обращает внимание также то, что ч. 3 ст. 82 УПК требует, чтобы отвод лица, производящего дознание, разрешался прокурором. При этом аналогичный вопрос, касающийся следователя, разрешается начальником следственного подразделения, что представляется логичным и целесообразным. На наш взгляд, отвод лица, производящего дознание, также должен разрешаться его руководителем, т. е. начальником органа дознания. В случае если начальник органа дознания сам занимает статус лица, производящего дознание, отвод ему должен разрешать вышестоящий начальник органа дознания.

Аналогичная ситуация выглядит и с рассмотрением жалобы на действия лица, производящего дознание. Глава 16 «Обжалование и опротестование действий и решений органа, ведущего уголовный процесс» УПК не называет начальника органа дознания в качестве субъекта, которому может быть обжалованы действия и решения лица, производящего дознание. Хотя на наш взгляд это следовало бы сделать. Думается, что такое предложение способствует экономии уголовного процесса и соответствует современным требованиям государственной политики по работе с обращениями граждан. Ведь зачастую физические и юридические лица обращаются именно к начальнику (руководителю) того должностного лица, которое произвело какое-либо действие или приняло решение. Из положений ч. 4 ст. 139 УПК следует, что если жалоба на действия сотрудника органа дознания поступила начальнику этого органа, он обязан направить ее надзирающему прокурору. Такой механизм реализации права гражданина на обжалование не способствует его рассмотрению в кратчайшие сроки. Может возникнуть еще один вопрос: будет ли объективен начальник органа дознания при рассмотрении жалобы на действия и решения своих подчиненных? Думается, что этот вопрос не актуален в связи с тем, что согласно той же ст. 139 УПК, жалобы на действия и решения остальных участников, ведущих уголовный процесс, могут быть рассмотрены должностными лицами того же ведомства: следователя – начальником следственного подразделения, прокурора – вышестоящим прокурором, суда – вышестоящим судом. Следует также предусмотреть возможность обжалования действий и решений самого начальника органа дознания.

Таким образом, на наш взгляд, вышеуказанные предложения по внесению изменений в соответствующие нормы УПК, послужили бы дополнительными гарантиями законности деятельности начальника органов дознания.

Список использованных источников

1. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации труда суда и прокуратуры 1917–1954 гг. : сб. док. ; под ред. С. А. Голунского. – М. : Госюриздат, 1955. – 635 с.
2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12781> – Дата доступа: 10.03.2016.
3. Гаврилов, А. К. Раскрытие преступлений на предварительном следствии (правовые и организационные вопросы) / А. К. Гаврилов. – Волгоград : Высшая следственная школа МВД ССР, 1976. – 198 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июл. 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от

5 янв. 2016 г. // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 [2] с.

6. Рыжаков, А. П. Органы дознания в уголовном процессе / А. П. Рыжаков. – М. : Городец, 1999. – 360 с.

К ВОПРОСУ О ХИЩЕНИИ ИМУЩЕСТВА В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Новикова Мария Алексеевна,
ассистент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности
Тульского государственного университета, г. Тула

Проблема функционирования жилищно-коммунальной системы является одной из наиболее актуальных проблем российского права. Жилищно-коммунальное хозяйство – одной из наиболее крупных отраслей современной экономики, функционирующей в сфере интересов всего населения страны и большинства органов государственной и муниципальной власти. В жилищно-коммунальном хозяйстве занято более 4 млн человек, а средний годовой объем производств в этой отрасли превышает 5 % от ВВП всего государства. Преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства является существенным препятствием на пути развития не только самой отрасли, но и всей экономики в целом.

Анализ судебно-следственной практики по уголовным делам о хищениях в ЖКХ позволяет констатировать, что действия виновных лиц квалифицируются как мошенничество (ст. 159 УК РФ, 159.4 УК РФ), присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ) и кража (ст. 158 УК РФ). В отдельных случаях возможно привлечение виновных лиц к уголовной ответственности за такие преступления, как злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ), злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и другие [1, с. 27].

Хищение собственности организаций и предприятий в жилищно-коммунальной сфере невозможно без предварительной подготовки, изучения и оценки обстановки, создания определенных условий, облегчающих доступ к чужому имуществу, обеспечения возможности сокрытия хищения и реализации похищенного. При совершении хищений действия по приготовлению и сокрытию преступления совершаются одновременно с изъятием чужого имущества или предшествуют ему. Иногда отсутствие предпосылок для сокрытия хищения заставляет преступников отказаться и от самого хищения. Исследования отдельных способов хищения свидетельствуют, что изъятие преступником материальных ценностей не является определяющим элементом способа хищения. Большее значение имеют действия виновных по созданию источников хищения и сокрытию следов.

Выделяются четыре группы источников хищения, под которыми понимаются подотчетные ценности, резервные ценности, сторонние ценности и неучтенная продукция. Подотчетные ценности – это любое имущество, находящееся на учете организации (предприятия), в том числе и вверенное виновному. Резервные ценности – это неучтенные излишки и суммовые резервы, умышленно создаваемые на производственном участке виновного. Под сторонними ценностями понимается изымаемое расхитителем имущество сторонних организаций, предприятий либо физических лиц. Неучтенная продукция – это изготавливаемые в процессе производственной деятельности из неучтенного или сэкономленного сырья и полуфабрикатов материальные ценности, которые не учитываются на балансе организации (предприятия).

При совершении хищений в жилищно-коммунальной сфере используются различные способы, среди которых выделяются неполное оприходование поступающих материальных ценностей; оформление бестоварных накладных, счетов-фактур, товарных чеков; получение наличных денег без оформления кассового чека или путем искажения данных контрольной кассовой ленты; изъятие денег из кассы под предлогом возврата товара покупателем; оформление подложных документов, служащих основанием для получения или выдачи наличных денег; фальсификация результатов инвентаризации; присвоение денежных средств (заработной платы) путем фальсификации записей в платежных ведомостях; внесение подложных записей в иные первичные учетные документы и другие действия, направленные на создание резерва для хищения, изъятие ценностей и сокрытие недостачи; фальсификация количественных и качественных показателей при приеме товарно-материальных ценностей; необоснованное списание материальных ценностей на выполнение строительных, ремонтных или иных хозяйственных работ; внесение подложных записей в регистры бухгалтерского учета и счета бухгалтерского баланса [2].

Способы хищения с использованием специфических приемов обусловлены прежде всего особенностями документооборота, нормативными требованиями, действующими в жилищно-коммунальном хозяйстве.

В жилищно-коммунальном комплексе достаточно типична практика необоснованных расходов, которые: экономически не оправданы, выражены в натуральной форме, не подтверждены соответствующими документами. Достаточно типично расхождение между данными документов по расходу и фактически произведенными затратами.

Решения данной и связанных с ней задач определяют необходимость совершенствования методического обеспечения расследования преступлений в сфере ЖКХ. В этой связи важными являются обобщение и систематизация следственной и судебной практики и разработка на этой основе рекомендаций по повышению эффективности производства по делам о преступных деяниях рассматриваемого вида. Анализ практики расследования преступлений в сфере ЖКХ показывает наличие многочисленных проблем, сложностей и недостатков, к которым относятся: – недостатки в организации взаимодействия правоохранительных и контролирурующих органов в сфере предупреждения, выявления и пресечения преступлений [3].

Изучение материалов судебно-следственной практики свидетельствует о немалом положительном опыте успешного раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения хищений в сфере ЖКХ. Но, к сожалению, имеются ошибки и упущения в этой работе, что вызвано дефицитом знаний о природе и характере учета и отчетности в сфере ЖКХ, недостаточным опытом расследования и судебного рассмотрения анализируемых преступлений и отсутствием соответствующих криминалистических методик по их расследованию.

Состояние раскрываемости хищений в жилищно-коммунальной сфере, а также отсутствие методических рекомендаций по их выявлению и расследованию указывает на необходимость комплексного исследования преступной деятельности в этой сфере и требует научного анализа теории и практики для разработки практических рекомендаций по выявлению и расследованию данного вида преступлений. Важно разработать такие законные процедуры раскрытия, пресечения и доказывания фактов коррупции, которые были бы адекватны механизмам совершения и защиты преступлений (сокрытия, распределения ролей с выделением фигур организаторов, исполнителей и других, создания систем легализации преступных доходов и т. п.).

Список использованных источников

1. Лебедева, А. А. Способы совершения преступлений в сфере ЖКХ, проблемы их расследования / А. А. Лебедева // Безопасность бизнеса. – 2015. – № 1.
2. Обзор практики борьбы с экономическими преступлениями в жилищно-коммунальном комплексе от 28.06.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.police-rf.ru/index.php?showtopic=1458>. – Дата доступа: 29.11.2012.
3. Шмонин, А. В. Некоторые проблемы расследования преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства и пути их решения / А. В. Шмонин // Российский следователь. – 2013. – № 21.

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ

Омарова Айман Бижановна,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы,
магистр юридических наук

Современное экономическое развитие характеризуется тенденцией интеграции национальных экономик в региональные и единый мировой комплексы, стремлением к созданию обширных зон свободной торговли, таможенных союзов, к подписанию международных соглашений по обмену товарами и услугами. Создаются предпосылки для формирования мирового рынка с едиными правилами.

Большинство стран, вовлеченных в систему мировой торговли, сталкиваются с проблемами, возникающими в связи с увеличением объема международной торговли, с быстро меняющейся экономической ситуацией национального и мирового характера. В то же время перед таможенными службами на первый план выдвигаются задачи обеспечения экономической безопасности государства, предотвращения попыток провоза запрещенных или ограниченных товаров, осуществление упрощенных процедур таможенного оформления и таможенного контроля.

При этом таможенные службы должны перестроить свою работу таким образом, чтобы не стать тормозом на пути развития национальных экономик государств и максимально содействовать развитию мировой торговли, соблюдая баланс между необходимостью проведения достаточного таможенного контроля и выполнения минимальных таможенных процедур при перемещении товаров. На этом пути перед таможенными органами стоят более масштабные и ответственные задачи в области проведения фискальной политики, регулирования внешней торговли и обеспечения экономической безопасности государства.

Этим требованиям на сегодня отвечают основополагающие принципы, заложенные в положениях Киотской конвенции: «максимальное содействие развитию мировой торговли путем принятия стандартных упрощенных таможенных правил и процедур, широкого внедрения информационных технологий, совершенствования методов таможенного контроля, обеспечивающих надлежащее соблюдение таможенного законодательства, установление партнерских соглашений с законопослушными участниками внешнеэкономической деятельности» [1].

В соответствии с Концепцией развития таможенных органов Республики Казахстан до 2002 года должны быть упразднены неэффективные или излишние таможенные процедуры, разработаны новые технологии таможенного оформления и контроля, обеспечена информационная прозрачность. Таможенное оформление и контроль будут развиваться в направлении ускорения таможенного оформления товаров и транспортных средств перемещаемых через таможенную границу Республики Казахстан путем упрощения таможенных процедур, приближения их к мировым стандартам, полного соблюдения международных договоров Республики Казахстан.

Одной из главных задач, возложенных на таможенные органы, является экономическая безопасность страны. Инструментом обеспечения экономической безопасности государства служит валютный контроль, так как проблема полноценного участия Республики Казахстан в мировой торговле не может быть решена без внедрения мирового опыта в областях валютного регулирования и валютного контроля.

Не секрет, что на сегодняшний момент наиболее актуальной и обсуждаемой проблемой нашего государства является коррупция, или взяточничество. Коррупция охватила практически все секторы в масштабе государственного и местного управления, также всецело имеет место в предпринимательской и общественной деятельности. Данное явление весьма опасно, но, как показывают исследования, в нашей стране оно не получает должного осуждения и презрения со стороны общества. Более того, люди, занимающиеся предпринимательской деятельностью, а зачастую и рядовые граждане, вполне нормально относятся к фактам коррупции среди государственных служащих в сфере органов власти и управления, зная о таком бесчинстве многие, напротив, склонны к тому, чтобы с помощью коррупции можно добиться многих решений возникающих проблем. Отдельные госслужащие, в свою очередь, рассматривают взятки, коммерческие подкупы, откаты и другие коррупционные действия как почти легальную дополнительную форму оплаты своего труда.

На данном этапе социально-экономического развития нашей страны преодоление коррупции является одним из важнейших стратегических направлений экономического и политического развития страны. В первую очередь это решение проблем в области экономики, ведь как говорит Н. А. Назарбаев: «Сильная экономика – сильная страна» [2].

Экономическая безопасность республики невозможно без резкого снижения уровня коррупции, которая препятствует развитию малого и среднего бизнеса, приводит к расхищению природных ресурсов, осуществлению невыгодных для национальной экономики инвестиций и т.п. Подпольное производство и контрабандный ввоз в страну поддельной продукции, неправильное таможенное оформление грузов, как правило, сопряжены с коррумпированностью и криминогенностью экономики [3].

Как уже было сказано выше, коррупция присутствует практически во всех секторах государственных органов. Но чаще всего ставят в пример таможенные органы, считая их самыми коррумпированными. И думается все это не зря, вспомним громкие дела о таможенных постах «Хоргос», «Калжат», ЦТО «Алатау» и это только в одной Алматинской области. По данным уголовного дела, в качестве обвиняемых проходило около 45 таможенников [4]. Это дело даже количеством обвиняемых внушительно, не говоря об ущербе причиненном государству. Наиболее распространенными видами коррупционных преступлений, совершаемых в сфере таможенных органов, является: в первую очередь – получение взятки (ст. 311 УК РК), также часто встречается превышение власти и должностных полномочий (ст. 308 УК РК) и т. д.

Все эти коррупционные действия в сфере таможенных органов, несомненно, оказывают самую отрицательную роль на деятельность государства. Создавая ряд проблем – это недополучение всех налогов и таможенных сборов, как следствие – большой минус государственному бюджету, данные коррупционные деяния отражаются на имидже как таможенных органов, так и на имидже всего государства, тем самым снижается уровень инвестиций и уровень транзитного прохода и т. д. Последняя проблема стала наиболее актуальной после послания главы государства (17.01.2014), на котором прозвучал один из приоритетов, а точнее в четвертом приоритете президент обозначил: «*Надо обеспечить динамичное развитие инфраструктурной триады – агломераций, транспорта, энергетики*», где указал на основные принципы работы таможенных органов ...*Нужно сокращать сроки таможенной обработки грузов, повышать пропускную способность пограничных переходов, усилить мощимость порта Актау, упростить процедуры экспортно-импортных операций...* [5].

Для реализации данных принципов и противодействий коррупции, необходимо принять следующие меры: внедрение новых информационных технологий, для минимизации человеческого фактора, основной целью которого является ограждение таможенника от непосредственного контакта с лицом пересекающим границу; полное оснащение таможенного поста камерами видеонаблюдения, современной досмотровой техникой; так же не стоит забывать и о самих таможенниках, нужно обратить внимание на благосостояние служащих, для стимулирования предлагается повысить заработную плату и т.д.

Таким образом нужно понимать, что коррупция подрывает развитие страны, ослабляет демократию, к которой мы стремимся все эти годы, негативно влияет на борьбу с организованной преступностью, терроризмом и другими угрозами всеобщей безопасности. Для оказания противодействия коррупции в таможенных органах и в целом в Казахстане необходимо решить ряд задач в общественной, экономической и политической жизни страны.

Список использованных источников

1. Tengrinews [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tengrinews.kz/>. – Дата доступа: 01.02.2016.
2. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 27 янв. 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.akorda.kz/>. – Дата доступа: 18.02.2016.
3. Коррупция в Казахстане: сущность, формы и методы преодоления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.group-global.org/>. – Дата доступа: 10.02.2016.
4. Уголовное дело по факту контрабанды на «Хоргосе» передано в суд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zonakz.net/>. – Дата доступа: 08.02.2016.
5. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 17 янв. 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.akorda.kz/>. Дата доступа: 15.02.2016.

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА МАТЕРИАЛЬНОЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Осокина Наталья Владимировна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики
Полоцкого государственного университета, г. Полоцк

Жизнь в современном обществе невозможно представить без информационных технологий, которые проникли практически во все сферы повседневной и профессиональной деятельности человека. Они значительно облегчают жизнь, позволяют всегда оставаться на связи и получать новую информацию, помогают в трудовой деятельности и во взаимодействии с государственными органами. Но существует и обратная сторона, современные информационные телекоммуникационные технологии несут с собой и новые виды преступлений, требующие соответствующей правовой регламентации и способов раскрытия.

На сегодня в Уголовном кодексе Республики Беларусь преступлениям в сфере информационной безопасности посвящены: статья 212 «хищение путем использования компьютерной техники» и глава 31 «Преступления против информационной безопасности». Кодекс об административных правонарушениях содержит статью 22.16 «Нарушение требований по использованию национального сегмента сети Интернет».

Перечисленные нормы относятся к компетенции Управления по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий Министерства внутренних дел Республики Беларусь или Управление «К».

Есть нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь, не относящиеся к компетенции данного управления (например, статья 188 «Клевета», 189 «Оскорбление», 209 «Мошенничество» и др.), но они могут быть совершены в сети Интернет или мобильной сети либо с использованием высокотехнологичных приспособлений, и в этом случае Управление «К» окажет содействие органам и подразделениям милиции, ведущим разбирательство по данному делу. Таким образом, преступления, совершаемые в виртуальном пространстве, наказываются в реальности [1].

Большим подспорьем для квалификации и расследования преступлений в данной сфере является подписанная Республикой Беларусь Европейская конвенция по киберпреступлениям от 23 ноября 2001 года. В главе II «Меры, которые предстоит принять на национальном уровне» Конвенции содержится раздел 1 «Материальное уголовное право», включающий части: преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; преступления, связанные с компьютерами; преступления, связанные с содержанием (например, статья 9 – преступления, связанные с детской порнографией); преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав, и дополнительная ответственность и санкции. Кроме этого в Конвенции оговорены вопросы сотрудничества правоохранительных органов различных государств в ситуациях, когда преступник и жертва находятся в разных государствах и соответственно под действием различных законов. В Конвенции для интернет-провайдеров установлены правила хранения личной информации пользователей и ее предоставления для расследования киберпреступлений [2].

Неслучайно в Новой военной доктрине Республики Беларусь говорится о новых гибридных войнах, механизмах «цветных» революций.

Так называемые цветные революции и беспорядки зародились в интернете и социальных сетях «путем распространения специально подобранной информации (дезинформации). Оно осуществляется путем: рассылки электронных писем e-mail; организации новостных групп; создания сайтов для обмена мнениями; размещения информации на отдельных страницах или в электронных версиях периодических изданий и сетевого вещания (трансляции передач радио- и телестанций)» [3].

Можно выделить несколько групп факторов, которые мешают адекватному и однозначному определению источников спецопераций в киберпространстве: геополитические, правовые, технические, экономические и психологические [4, с. 76].

Довольно сложно вычислить преступника в сети Интернет, но у специалистов есть свои способы. Например, А. Лукацкий определяет один из будущих способов: «изучать почерк программистов и определять по нему школу программирования: американская, русская, китайская и т. п.». И еще он связывает с анализом почерка лингвистику, «а точнее стилометрию, которая позволяет определить стилистику языка в тех же самых комментариях или сопутствующих текстах. Известно, что то, в какой стране родился человек, в какой культуре рос, в какой языковой среде воспитывался, определяет его стиль письма, который можно выделить и зафиксировать» [4, с. 82].

А. Лукацкий выделяет еще одну проблему – отсутствие привязки киберпространства географически. Усложняют идентификацию и возможность арендовать сервер, позволяющий скрывать истинный адрес.

Список использованных источников

1. Управление по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by> – Дата доступа: 29.02.2016.
2. Европейская конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве) [Электронный ресурс] : [заключена в г. Будапешт, 23 нояб. 2001 г.]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603>. – Дата доступа: 29.02.2016.

3. Польских, Л. О применении глобальной компьютерной сети Интернет в интересах информационного противоборства [Электронный ресурс] / Л. Польских // Зарубежное военное обозрение. – 2005. № 7. – Режим доступа: http://www.soldiering.ru/psychology/internet_psyops.php – Дата доступа: 12.11.2014.

4. Лукацкий, А. Определение источника кибератак [Электронный ресурс] / А. Лукацкий // Индекс безопасности. – № 2. – Т. 21. – С. 73–86. – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/media/content/files/13/14374607050.pdf>. – Дата доступа: 15.01.2016.

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ АПЕЛЛЯЦИИ

Пискунович Екатерина Владимировна,
преподаватель-стажер кафедры уголовного права и криминалистики
юридического факультета Полоцкого государственного университета, г. Новополоцк

Совершенствование уголовного судопроизводства привело к переходу от кассационного к апелляционному производству в уголовном процессе Республики Беларусь. Поправки, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (далее – Закон № 356-З) [1], влекут изменения функций суда, других участников уголовного процесса. Введённый апелляционный порядок пересмотра не вступивших в законную силу судебных решений направлен на окончательное разрешение каждого дела, по которому обжалован или опротестован приговор, непосредственно в суде второй инстанции.

Подобные реформы в системе пересмотра судебных решений произошли в Казахстане и Украине. В УПК Украины [2] и УПК Республики Казахстан [3] предусмотрен как апелляционный, так и кассационный порядок обжалования судебных актов.

Как отмечалось выше, в УПК Беларуси внесены изменения, обусловленные введением апелляции в уголовное судопроизводство. В связи с этим возникает необходимость анализа некоторых положений.

Существенные поправки, внесенные в ч. 1 ст. 378 УПК Республики Беларусь, отражают отличие кассационного производства от апелляционного. Так, изменению подверглись предмет и пределы рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции. Суд наделяется правом исследовать и давать оценку собранным и представленным дополнительно по делу доказательствам, что дает возможность **проверять** правильность установления фактических обстоятельств по уголовному делу. По правилам кассационного производства суд ограничивался лишь проверкой правильности применения закона к фактам, установленным судом первой инстанции.

Необходимо отметить, что, помимо указанных выше полномочий, предоставляемых суду, его роль и место в апелляционном производстве возрастает, по сравнению с положением в кассационной инстанции. Изменения касаются введения стадии подготовки уголовного дела, что повлечет некоторые корректировки в работе суда апелляционной инстанции. В частности, судья-докладчик наделяется широкими полномочиями по подготовке судебного заседания, что потребует разрешения вопроса о достаточности времени и предоставлении условий для его подготовки, поскольку круг его полномочий, соответствии со ст. 380 УПК Республики Беларусь, достаточно широк.

В редакции части 1 ст. 381 УПК Республики Беларусь устанавливается двухмесячный срок апелляционного рассмотрения дела. Данное положение влечёт, помимо соблюдения судом установленного срока, необходимость своевременного изучения материалов уголовного дела, разрешения ходатайств сторон и принятия иных мер по подготовке заседания суда. Это связано с тем, что перенесение рассмотрения дела для обеспечения принятых мер по подготовке заседания суда апелляционной инстанции возможно лишь в пределах данного срока, а возможность его продления на один месяц предусматривается в исключительных случаях.

Следует обратить внимание на изменения, вносимые в ст. 385 УПК Республики Беларусь, которые связаны с уточнением предусмотренных оснований отложения рассмотрения уголовного дела. Основания, изложенные в данной статье, дополняются возможностью суда отложить рассмотрение дела, если в судебное заседание не явились лица, чье участие признано необходимым судом апелляционной инстанции либо судьей при подготовке дела к рассмотрению, а также при назначении экспертизы.

Как известно, отличие апелляционного производства от кассационного во многом состоит в том, что суд наделён широким кругом полномочий, которые направлены на проверку и оценку доказательств по уголовному делу. Данные полномочия могут быть реализованы судом по ходатайству сторон либо по собственной инициативе. Так, в соответствии с ч. 7 ст. 385 УПК Республики Беларусь суд апелляционной инстанции при необходимости вправе назначить любую экспертизу. Ранее это касалось только назначения дополнительной или повторной экспертизы. У суда также появилась возможность истребовать любые иные документы и сведения, имеющие значение для разрешения дела. Однако, на фоне расширения полномочий суда второй инстанции, следует отметить отсутствие у суда апелляционной инстанции права вызова свидетелей, которые не были допрошены в ходе рассмотрения уголовного дела в первой инстанции. Указанное ограничение характерно для кассационного производства.

При рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции необходимо помнить о том, что апелляционное рассмотрение дела не предусматривает участия секретаря судебного заседания и ведения протокола судебного заседания, в отличие от рассмотрения дела по существу судом первой инстанции. Данное обстоятельство, очевидно, требует применения технических средств фиксации хода судебного заседания. Возможность такого применения предусматривается в редакции ч. 11 ст. 385 УПК Республики Беларусь. Так, в случаях заслушивания судом второй инстанции объяснений обвиняемого, потерпевшего, частного обвинителя, разъяснений свидетелей, экспертов, специалистов по существу данных ими показаний или заключений в суде первой инстанции, также при исследовании дополнительных материалов.

Следует отметить, что полномочия суда апелляционной инстанции, связанные с улучшением положения обвиняемого, по сравнению с полномочиями суда кассационной инстанции не изменились. Как и ранее отмена оправдательного приговора возможна только с направлением дела на новое рассмотрение. Также у суда второй инстанции отсутствуют полномочия на отмену оправдательного приговора и постановление вместо него обвинительного. Однако расширены пределы полномочий на изменение приговора по основаниям, ухудшающим положение обвиняемого. Так, у суда появилась возможность увеличения срока или размера как основного, так и дополнительного наказания, что установлено в редакции ч. 3 ст. 396 УПК Республики Беларусь.

Редакцией ч. 2 ст. 387 УПК Республики Беларусь ограничена возможность отмены обвинительного приговора с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, что допустимо лишь в том случае, если допущенные судом первой инстанции нарушения, лишают суд апелляционной инстанции самостоятельно исправить их. Эти нарушения могут быть связаны с недостаточным исследованием доказательств, необоснованным отказом в удовлетворении ходатайств.

Рассмотрение дела завершается вынесением апелляционного определения, которое является итоговым судебным решением.

Таким образом, проанализировав внесенные изменения и дополнения в УПК Республики Беларусь, можно говорить о совершенствовании уголовного судопроизводства. Прежде всего, это связано с расширением полномочий суда второй инстанции по непосредственному исследованию доказательств, по вынесению решений; с уточнением ряда положений УПК Республики Беларусь, касающихся содержания апелляционной жалобы (протеста), и т.д. Однако нельзя однозначно говорить о введении полного апелляционного производства в уголовное судопроизводство Республики Беларусь, поскольку у суда второй инстанции существует возможность отмены приговора и направления дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции, отсутствует право вызова свидетелей, которые не были допрошены в первой инстанции. Классическая же апелляция предполагает пересмотр вышестоящей судебной инстанцией не вступивших в законную силу приговоров путем повторного рассмотрения дела по существу с исследованием всех необходимых доказательств и постановлением нового приговора, который заменяет собой приговор нижестоящего суда. В связи с этим имеет смысл говорить о введении частичной (неполной) апелляции в уголовный процесс Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2016 г. № 356-З. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 10.03.2016.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : Закон Украины, 13 апр. 2012 г. № 4651-VI. – Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua/>. – Дата доступа: 10.03.2016.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 4 июля 2014 г. № 231-V. – Режим доступа: <http://kodeksy-kz.com/>. – Дата доступа: 10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Ремнёва Татьяна Ивановна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики
юридического факультета Полоцкого государственного университета, г. Новополоцк

Преступления против экологической безопасности и природной среды – общественно опасные и запрещенные нормами главы 26 Уголовного кодекса виновные деяния, которые посягают на экологическую безопасность и природную среду. Общественная опасность данных преступлений определяется спецификой объекта посягательства. Изучение общественной опасности названных преступлений продиктовано потребностями законотворческой деятельности (в частности, потребностью в криминализации новых видов экологических преступлений) и правоприменительной практики (в целях правильной квалификации деяния).

Специфика общественной опасности преступлений выражается в ее характере и степени, правильная оценка которых является важнейшим фактором в решении вопроса об уголовной ответственности за совершенное преступление.

Некоторые авторы (А. И. Долгова, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов) общественную опасность данных преступлений усматривают лишь в причинении вреда окружающей среде, составляющими которого является вред, нанесенный охраняемым видам животных и растений и местам их обитания; вред, нанесенный водным ресурсам; вред, нанесенный почвам.

Однако, на наш взгляд, оценка характера и степени общественной опасности экологической преступности должна даваться с позиций интегрированного криминологического подхода, согласно которому общественная опасность экологической преступности состоит из качественной и количественной характеристик и «...не сводится к сумме вредных единичных последствий, к сумме причиненного экологического и экономического вреда, а также вреда здоровью людей, хотя эта составная часть общественной опасности наиболее очевидна и ощутима» [1]. Качественная сторона общественной опасности экологической преступности выражается в том, что вред от указанных преступлений становится многоаспектным, поражающим различные сферы жизнедеятельности человека; ее негативном влиянии на все институты общества; длящемся характере негативных последствий, выражающемся в существовании разрыва во времени между совершенным деянием и наступившими ощутимыми и зачастую необратимыми последствиями; трансграничном характере.

Количественная характеристика общественной опасности экологической преступности выражается в ее степени и учитывается законодателем как в санкциях, так и в содержании ответственности за совершенное деяние. Для этого используются различные параметры – размеры причиненного вреда, набор разнообразных квалифицирующих признаков и др.

На наш взгляд, общественная опасность экологической преступности заключается не только в самом факте причинения вреда, но и в отсутствии достаточно эффективного механизма его возмещения, которое должно осуществляться посредством выполнения первостепенных восстановительных мер, заключающихся в приведении природных ресурсов и их свойств в первоначальное состояние; дополнительных восстановительных мер, предпринимающихся в случае неполного восстановления природных ресурсов и их свойств, и компенсационных восстановительных мер, направленных на возмещение временных потерь природных ресурсов и их свойств во время восстановления.

Количественную характеристику общественной опасности экологической преступности дополняет многообразие экологических преступлений. Выделение в отдельную главу Уголовного кодекса преступлений против экологической безопасности и природной среды свидетельствует об изменении взглядов на степень общественной опасности, однако появление новых видов экологически опасной деятельности ставит вопрос о необходимости введения норм, предусматривающих ответственность за трансграничные перевозки особо опасных веществ, загрязнение территории сопредельных государств.

Однако за пределами уголовного закона остается систематическое загрязнение компонентов природной среды вредными веществами с невысоким превышением установленных величин вредного воздействия. В связи с этим необходимо найти «...те критерии криминализации, которые будут соответствовать уровню общественной опасности таких посягательств и позволят без затруднений применить уголовный закон» [3, с. 30].

Таким образом, общественная опасность экологической преступности – категория комплексная, состоящая из совокупности качественных и количественных характеристик, включающих длящийся характер негативных последствий, трансграничный характер, учет и оценку реально причиняемого и накаливаемого вреда, многообразии экологических преступлений, высокую латентность.

Список использованных источников

1. Джунусова, Д. Н. Экологическая преступность и ответственность за экологические преступления [Электронный ресурс] / Д. Н. Джунусова. – М. : ИД Академии Естествознания, 2012. – 136 с. // Научная электронная библиотека. – Режим доступа: <http://www.monographies.ru/176>. – Дата доступа: 10.09.2013.
2. Станкевич, О. Г. Общественная опасность как основополагающий признак экологической преступности / О. Г. Станкевич, И. В. Вегера, Т. И. Ремнева // Сборник научных трудов Национального центра проблем укрепления законности и правопорядка. – Минск, 2013. – Вып. 6 – С. 58–65.
3. Попов, И. В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения норм главы 26 УК РФ: моногр. / И. В. Попов. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 336 с.

ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рашева Гульнур Койшыновна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Казахской Академии труда и социальных отношений г. Алматы,
магистр юридических наук

Провозгласив высшими ценностями государства человека, его жизнь, права и свободы (ст. 3) [1], Конституция тем самым сформировала правовую базу для обеспечения каждому гражданину гарантий соблюдения его прав и законных интересов. Соблюдение и охрана органами государства прав и свобод граждан в значительной мере зависят и от такого важного общественно-правового института, как адвокатура, который определяет основные принципы деятельности лиц, осуществляющих профессиональную юридическую помощь гражданам и организациям.

Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в Послании народу Казахстана стратегия «Казахстан-2050» от 14 декабря 2012 года [2] поставил задачу выдвижения Республики Казахстан в число тридцати

наиболее конкурентоспособных государств мира. 17 января 2014 г. для выполнения стратегии «Казахстан-2050» было принято послание Президента «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее». В послании Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев озвучил: «Казахстан должен стать одной из самых безопасных и комфортных для проживания людей стран мира. Мир и стабильность, справедливое правосудие и эффективный правопорядок – это основа развитой страны... При движении в число 30 развитых стран мира нам необходима атмосфера честной конкуренции, справедливости, верховенства закона и высокой правовой культуры. ...Равенство перед законом должно стать реальной основой правопорядка. Судебная система должна стать на практике прозрачной и доступной, просто и быстро решать все споры. Надо поднять качество работы всей правоохранительной системы. Люди в погонах, наделенные большими полномочиями, должны отличаться безупречным поведением и высоким профессионализмом» [3].

Актуальность исследуемой темы возрастает в условиях формирования независимого правового государства, поскольку в рамках государственной правовой реформы в Республике Казахстан и в связи с принятием Закона «Об адвокатской деятельности» правовое положение адвоката в суверенном Казахстане меняется коренным образом.

Конституционная гарантия права на защиту в уголовном процессе объективно выдвинула необходимость создания структуры, которая выступила бы в качестве гаранта обеспечения продекларированного Конституцией права на получение качественной юридической помощи по делам уголовного процесса. Таким гарантом в системе правоохранительных органов выступают профессиональные защитники, наделенные широкими полномочиями при представительстве интересов своих подзащитных в уголовных процессах.

В Республике Казахстан каждому гражданину гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Для обвиняемого и подозреваемого это право реализуется через предоставление возможности иметь защитника, которым является лицо, осуществляющее в установленном законом порядке защиту их прав и интересов и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Защитник по поручению, с согласия обвиняемого участвует в деле, защищая его права и законные интересы, стремясь опровергнуть необоснованное обвинение или подозрение либо смягчить ответственность, оказывает юридическую помощь подзащитному. Участие в процессе защитника – важная гарантия прав обвиняемых.

Защита по уголовным делам – это неотъемлемое, необходимое и основополагающее свойство адвокатуры, объективная закономерность ее функционирования. Место и роль профессионального защитника в уголовном процессе предопределяет приоритетность усилий по обеспечению качественной юридической помощи строго в рамках закона с использованием средств и способов, не запрещенных законодательством.

Институт защиты в уголовном процессе обладает огромной социальной ценностью, в связи с чем исследование закономерностей его становления и развития представляет не только гносеологический, но и практический, прикладной характер. Исследование опыта функционирования института защиты, нормативно-правовой базы его деятельности позволяет выявить его основные задачи, а также методы осуществления адвокатских функций.

Анализ компетенции и деятельности профессиональных защитников позволяет сделать вывод о том, что основополагающие принципы адвокатской деятельности в целом позволяют обеспечить гарантированное Конституцией право на оказание качественной юридической помощи по уголовным делам.

Участие защитника в уголовном судопроизводстве является гарантией принятия судом более правильного и справедливого решения. Кроме того, создается важная предпосылка укрепления конституционных гарантий уголовного процесса, позволяющих рассматривать Конституцию как действующее право. Профессиональные защитники входят в число участников уголовного процесса, и по своим задачам, статусу и роли в уголовном процессе они призваны на началах состязательности и равноправия сторон обеспечить установление объективной истины по делу.

Однако на практике в связи с меньшим объемом прав стороны защиты по отношению к стороне обвинения, возникает коллизия формального равенства сторон. Поэтому необходимо дальнейшее расширение прав защитника, а также работа над совершенствованием организационно-правовых форм участия адвоката в уголовном процессе.

Приоритетным направлением деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве принято считать защитную. Ученые-процессуалисты, исследуя вопрос об участии адвоката в уголовном деле, рассматривают это направление уголовно-процессуальной деятельности адвоката как основное.

Адвокат – не только защитник, но и независимый гарант обеспечения законных прав и интересов любого лица, вовлеченного в сферу судопроизводства. И потому участие адвоката в уголовном процессе всегда будет способствовать эффективной защите прав каждого гражданина Республики Казахстан. В исследовании проблем роли защиты в отправлении правосудия предпринимаются решительные шаги. Они в стадии совершенства, поэтому очень многое предстоит сделать как в теории организационно-правовых форм участия адвоката в уголовном процессе, так и в практической деятельности защиты по оказанию населению качественной и всеобъемлющей юридической помощи по уголовным делам.

В числе мер по повышению статуса института профессиональной защиты необходимо предусмотреть дальнейшее расширение полномочий защитника, придание письменным консультациям и справкам (заверенным надлежащим образом) императивной формы, уравнивание процессуального положения защитника с положением государственного обвинителя и др.

В связи с выше изложенным представляется целесообразным сформулировать ряд выводов и предложений: требуют разработки механизмы реализации положения ст. 14 Закона РК «Об адвокатской деятельности»,

устанавливающей профессиональные права адвоката, в числе которых установлено право на самостоятельный сбор фактических данных, необходимых для оказания юридической помощи, и предоставление доказательств, а также право на доступ в помещения, где содержатся их подзащитные [4]. Данная проблема требует пересмотра и изменения целого пакета законодательных актов, включая Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы, Закон «О судебной системе и статусе судей», Закон «Об адвокатской деятельности». Однако эту проблему необходимо решать, поскольку продекларированный принцип состязательности и равенства сторон в уголовном процессе предполагает наличие одинаковых условий для обвинения и защиты при сборе и предоставлении доказательств, как изобличающих подозреваемого, так и оправдывающих его либо уменьшающих степень его вины;

следующая проблема, требующая решения – это проблема доступа адвоката в административные здания государственных органов, судов прокуратуры, органов дознания и предварительного следствия, а также в места содержания задержанных, арестованных и отбывающих наказание. В последнее время наметилась устойчивая тенденция со стороны работников правоохранительных органов к воспрепятствованию адвокатам в осуществлении своих функций путем создания надуманных правил, инструкций и приказов. Полагаем, что реализация высказанных нами предложений позволит решить организационные и правовые проблемы функционирования адвокатуры и в итоге повысит эффективность защиты прав и законных интересов граждан. Адвокатура должна занять подобающее место в правозащитной системе государства, и только в этом случае мы без всяких оговорок сможем утверждать, что наше государство является подлинно правовым и демократическим, а общество – уверенным в том, что человек, его права и свободы действительно являются высшими ценностями государства.

Анализ рассмотренных проблем не может претендовать на исчерпывающую полноту и законченность. Предложенные ориентиры и выводы в развитии института защиты в уголовном процессе и проблемы участие адвоката в уголовном процессе требуют дальнейшего обсуждения.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] : принята на респ. референдуме 30 авг. 1995 г. : с изм. и доп. на 02.02.2011. – Режим доступа: [//online.zakon.kz](http://online.zakon.kz). – Дата доступа: 04.02.2016.

2. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана, 14 дек. 2012 г. Стратегия «Казахстан-2050» Новый политический курс состоявшегося государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-14-dekabrya-2012-g_135781374](http://akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-14-dekabrya-2012-g_135781374).

3. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана, 17 янв. 2014 г. «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//akorda.kz/ru/page/page_215750_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-17-yanvarya-2014-g](http://akorda.kz/ru/page/page_215750_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-17-yanvarya-2014-g). – дата доступа: 04.02.2016.

4. Об адвокатской деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан – Режим доступа: [//online.zakon.kz](http://online.zakon.kz). – Дата доступа: 02.02.2016.

ИНСТИТУТ ОТСРОЧКИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Саядян Сусанна Григорьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

В настоящее время в правовых исследованиях активно используется сравнительно-правовой метод, имеющий, по мнению ученых, значительный познавательный потенциал.

Анализ регламентации института отсрочки в уголовном законодательстве зарубежных стран позволяет сравнить содержание, вкладываемое законодателем той или иной страны в данный термин, выявить сходства и различия регламентации данного института в правовых системах разных стран.

Нами были проанализированы нормы, непосредственно посвященные институту отсрочки. В силу многозначной правовой природы отсрочки обращалось внимание также на смежные нормы, например, посвященные условному осуждению (пробации).

При изучении и анализе института отсрочки в уголовном законодательстве зарубежных стран было обнаружено многообразие видов отсрочки.

Возможность отсрочить (приостановить) назначение или исполнение наказания представляет собой универсальное требование оптимальной организации деятельности по исполнению судебного решения, поэтому в законодательстве зарубежных стран предусмотрены институты и процедуры в большей или меньшей степени схожие с отсрочкой.

В основном существует две разновидности отсрочки: отсрочка исполнения наказания (Франция, Швейцария, Дания, Румыния и т.д.) и отсрочка назначения наказания (Франция, Англия).

Отсрочка исполнения наказания содержательно ближе всего к отсрочке отбывания наказания, предусмотренной Уголовным кодексом Российской Федерации. Напомним, что УК РФ содержит две нормы об отсрочке: отсрочка отбывания наказания (ст. 82), отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1). Согласно ст. 82 УК РФ отсрочка предоставляется осужденным беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет и являющемуся единственным родителем, в соответствии со ст. 82.1 УК РФ – осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию.

Изучая уголовное законодательство зарубежных стран, мы обнаружили такие разновидности отсрочки исполнения наказания, как простая отсрочка и отсрочка в режиме испытании.

Особенности простой отсрочки заключаются в том, что на лиц, которым она предоставляется, не возлагаются дополнительные обязанности. Кроме того, осужденные с простой отсрочкой не находятся под контролем или надзором соответствующих органов (должностных лиц). Простая отсрочка предусмотрена только УК Франции, в то время как отсрочку с режимом испытании предусматривают и некоторые государства с континентальной системой права (Франция, Германия и др.) [1]. Другая разновидность отсрочки исполнения наказания – отсрочка в режиме испытании, которая имеет и другие названия – «пробация», «условная отсрочка наказания», «приостановление наказания с испытанием» [2, с. 310–311].

Отсрочка исполнения наказания в режиме испытании по своей природе ближе к условному осуждению, предусмотренному ст. 73 УК РФ, чем к отсрочке отбывания наказания в соответствии со ст. 82 УК РФ.

Одной из юридических особенностей отсрочки с режимом испытании – назначение судом разного по длительности испытательного срока, который устанавливается с учетом личности виновного, обстоятельств совершенного деяния и размера и вида назначенного наказания. Например, испытательный срок по УК Швейцарии и по УК Германии может быть длительностью в пределах от 2 до 5 лет (§56а УК Германии, ст. 41 УК Швейцарии) [3], по УК Франции – от 18 месяцев до 3 лет (ст. 132-42) [4].

В зарубежных странах в течение испытательного срока в отношении осужденного в целях его перевоспитания применяется система мер контроля и помощи с участием специально назначенного лица. В таких странах, как Польша, Болгария, осужденный может быть передан под надзор общественной организации, объединения или учреждения.

Практически всех зарубежных уголовных законов является отмена отсрочки полностью или частично, в случае если осужденный не подчиняется мерам контроля или не выполняет возложенные на него обязанности; осужденный совершил в течение испытательного срока общеуголовное преступление.

Отсрочка исполнения наказания (или схожие с ней по правовой природе институты) достаточно распространена в зарубежном законодательстве в отличие от отсрочки назначения наказания. Отсрочка назначения наказания как инструмент индивидуализации ответственности в последние годы вызывает интерес у законодателей разных стран. Например, действующее законодательство Франции помимо отсрочки исполнения наказания содержит и отсрочку назначения наказания, которая также представлена двумя видами – с режимом испытании и с предписанием. Суд вправе отсрочить назначение наказания в случае, когда социальная реадaptация виновного находится на пути к достижению, причиненный ущерб возмещается и вредные последствия, вызванные преступным деянием, в скором времени прекратятся (ст. 132-60).

В ходе изучения зарубежных уголовных законов растет число стран, в которых применяются разнообразные лечебно-реабилитационные программы в отношении осужденных с наркологическими заболеваниями. В УК Испании содержится достаточно схожая со ст. 82.1 УК РФ норма. Законами ФРГ предусмотрен порядок освобождения от реального отбывания наказания (условное осуждение или отсрочка исполнения приговора) в случае согласия лица прохождения лечения от наркомании. Во Франции предусмотрено принудительное лечение осужденных в качестве альтернативы реальному отбыванию наказания. В некоторых других странах (например, Польша, Аргентина, Дания) прохождение курса лечения от наркомании предусмотрена в качестве обязанности (указания) возлагаемого на осужденного в период испытательного срока при отсрочке исполнения наказания.

При изучении уголовных кодексов стран Европы только в Уголовном кодексе маленького государства Сан-Марино мы нашли максимальное сходство института отсрочки с институтом отсрочки отбывания наказания беременной женщине и женщине, имеющей малолетних детей (ст. 82 УК РФ). Кроме того, уголовные кодексы постсоветских стран (за исключением Узбекистана и Латвии) содержат норму об отсрочке беременной женщине и лицам, имеющим малолетних детей.

В уголовных законах зарубежных стран существует разнообразие институтов близких по правовой природе, что позволяет вариативно индивидуализировать и дифференцировать возможность привлечения осужденного к уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. УК Франции // Юридическая Россия / Федеральный правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?...ext>. – Дата доступа: 02.03.2016.
2. Жалинский, А. Э. пользуется переводом указанного института как «условное лишение свободы» // Современное немецкое уголовное право. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – С. 310–311.
3. УК Германии // Юридическая Россия / Федеральный правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733>. – Дата доступа: 04.03.2016.
4. УК Франции 1992 г. // Юридическая Россия / Федеральный правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018>. – Дата доступа: 02.03.2016.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ТИПОЛОГИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Стороженко Сергей Николаевич,
доцент кафедры адвокатуры юридического факультета
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
магистр юридических наук

Право традиционно считается явлением национальным, характеризующимся принципиальными особенностями у различных народов, цивилизаций и государств. [1, с.3]. Вполне закономерно, что каждое государство имеет свою правовую систему, обладающую специфическими особенностями в той, или иной степени имеющими сходства и отличия от правовых систем других стран. Правовая система каждого государства отражает закономерности развития общества, его исторические, национальные, культурные особенности, обеспечивает законность и правопорядок.

Особенностью белорусского уголовно-процессуального права является то, что оно кодифицировано и имеет глубокие национально-исторические основы, заложенные еще Статутами Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг. И хотя названные нормативно-правовые акты отражали природу феодального права, но для своего времени они имели прогрессивный характер. [2].

Современной реформе уголовно-процессуального права положила начало Концепция судебно-правовой реформы Республики Беларусь, принятая Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г.

Активное обновление норм уголовно-процессуального права, иных отраслей права и национального права, в целом, обусловлены провозглашением Республики Беларусь самостоятельным и независимым государством. Ныне действующий уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) был принят в 1999 г. Относительно короткий исторический период действия УПК показал правильность его концептуальных положений, правовую эффективность, динамичность его норм, что позволяет оценить УПК 1999 г. с позиций достижений юридической науки и практики.

Вопрос о типе уголовного судопроизводства Республики Беларусь, как и в России давно является предметом острой полемики. Разумеется, теперь его не называют социалистическим или капиталистическим. Одни процессуалисты, вслед за М. С. Строговичем, считают российский уголовный процесс состязательным. Другие – розыскным [3, с. 6; 4, с. 10–11]. Однако, большинство исследователей относят уголовный процесс существующий как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации к смешанному типу (форме). Есть и другие позиции. Например, А. С. Кобликов называет отечественный процесс «процессом смешанной формы и состязательным». При этом последнее утверждение настолько расплывчато, насколько многозначен термин «смешанный процесс» [5, с. 10].

Представляется, что тип уголовного процесса нашей республики с точки зрения идеального подхода является смешанным, так как сочетает в себе элементы розыска и состязательности, а вот, основываясь на морфологической типологии, принадлежит к романо-германской правовой семье, к континентальному типу.

С позиций исторической типологии уголовный процесс Республики Беларусь прошел частно-состязательную и розыскную формы развития и с реформы 1864 г. вступил в публично-состязательную. До недавнего времени в Республике Беларусь довольно последовательно реализовывалась французская модель публично-состязательного процесса, предусмотренная кодексом Наполеона 1808 г. Эту модель можно назвать начальной, поскольку в развитых европейских странах состязательность прочно закрепила свои позиции и на досудебном производстве. [6, с. 27]

Национальные особенности, имеющие общие цивилизационные основы, могут вписываться в систему единого цивилизационного права прошлых и современных народов. В то же время было бы неразумным навязывать всем народам и государствам мира национальное право какой-нибудь одной страны или право группы стран (правовой семьи) [1, с. 4]. Именно поэтому, основываясь на собственном историческом и правовом опыте, Республика Беларусь не ставила целью избавиться от элементов розыскного процесса на стадии предварительного расследования, поскольку на практике (особенно эта тенденция стала проявляться после создания Следственного комитета Республики Беларусь) все большее распространение получает тесное взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Без углубления и расширения такого взаимодействия на современном этапе развития общества невозможно эффективно противостоять угрозам и вызовам национальной и международной преступности и решить задачи уголовного процесса.

Таким образом, в белорусском уголовном процессе наметились две противоборствующие тенденции: с одной стороны, курс на упрочение состязательности, а с другой – попытки уравнивать значимость оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий [2].

Сходство общественных отношений у различных народов и государств объективно формирует и сходство правовых регуляторов, правовых понятий, норм и институтов. Сегодня уже вырисовывается и сходство понимания права у различных народов и государств, рассматриваемого с точки зрения отраслевого его деления или его деления на публичное и частное право [1, с. 4]. Республика Беларусь, являясь частью мирового сообщества, воспринимает и активно использует в своем национальном праве общие правовые ценности других народов, государств и цивилизаций, позиционируя себя как активный участник реализации и созидания прогрессивных правовых моделей.

Влияние общецивилизационных ценностей отразилось и на динамике реформирования типологии уголовного процесса нашей республики. По мнению В. Н. Бибило, исходя из структуры и содержания норм УПК, можно констатировать, что современный состязательный уголовный процесс достиг своего апогея и в его недрах зарождается новый тип уголовного процесса, который можно назвать реституционным (от лат. *restitutio* – восстановление прежнего положения). При этом принцип состязательности продолжает осуществляться, но получает свое новое проявление. [7, с. 43]. Приведенные В. Н. Бибило обоснования зарождения нового типа отечественного уголовного процесса нами сводятся к следующей квинтэссенции: необходимость восстановления положения, существовавшего до совершения общественно опасного деяния путем устранения конфликта между сторонами, возмещения вреда потерпевшему и расходов, понесенных государством; устранение не только юридического конфликта, но и его остаточных явлений, находящихся в сфере сознания человека, его морали; направление усилий всех участников уголовного процесса на решение этих задач.

Проблема возмещения причиненного преступлением материального ущерба для уголовно-процессуального права не нова. К ней в разное время в той или иной степени и форме обращались российские ученые С. А. Александров, Н. Н. Полянский, М. А. Чельцов, М. С. Строгович, Н. С. Алексеев, В. М. Савицкий, В. П. Божьев, Б. Т. Безлепкин, В. П. Малков, В. Т. Томин, А. С. Кобликов, Л. Д. Кокорев, П. А. Лупинская, И. Л. Петрухин и другие, а также белорусские ученые В. Н. Бибило, Л. Л. Зайцева, Л. И. Кукреш, П. В. Мытник, В. В. Мелешко, Н. И. Порубов, А. И. Швед и др. Но лишь немногие из них подвергли глубокому и всестороннему анализу такую форму возмещения причиненного преступлением ущерба, какой является реституция.

Достаточно спорным является вопрос о юридической природе реституции, осуществляемой при производстве по уголовному делу. Б. Т. Безлепкин [8, с. 33] и С. А. Александров [9, с. 38] называют реституцию уголовно-процессуальной. З. З. Зинатуллин, А. М. Мазалов и др. отстаивают точку зрения о том, что реституция носит уголовно-правовой характер, поскольку является последствием преступления [10, с.48].

Вопрос о содержании реституции в уголовном судопроизводстве также является дискуссионным. А. Г. Мазалов [11, с.17], Н. И. Порубов и другие ученые сводят реституцию только к возврату потерпевшему вещественных доказательств, по большей части непосредственно похищенных в результате преступления материальных ценностей [12, с.41].

Белорусским ученым предстоит решить ряд задач для достижения цели эффективного развития нового типа уголовного процесса на отечественной правовой почве с учетом опыта, накопленного другими странами и правовыми системами. Такими задачами, по нашему мнению, являются:

- разработка теоретических положений, касающихся реституции как формы возмещения причиненного преступлением материального ущерба (вреда);
- разработка правового механизма действия реституции на различных стадиях уголовного процесса;
- формулирование самого понятия реституции как формы возмещения причиненного преступлением материального ущерба и как нового типа уголовного процесса;
- обоснование уголовно-правовой и уголовно-процессуальной природы реституции;
- определение субъектов правоотношений по реституции;
- обоснование и раскрытие содержания возможных мер обеспечения уголовно-процессуальной реституции и ряд других задач.

Реституционный тип уголовного процесса предполагает гуманистическую ресоциализацию, основой которой является вынесение законного и обоснованного приговора, назначение судом уголовной ответственности, соразмерной особенностям личности обвиняемого. [7, с. 47].

В качестве одного из инструментариев обеспечения бесконфликтной уголовно-процессуальной реституции и упрощения уголовного процесса специалистами обсуждается проблема института медиации в уголовном процессе. В этой связи накопленный англо-саксонской правовой системой опыт использования медиации для упрощения и экономичности уголовного процесса может быть полезен при производстве предусмотренного УПК нашей республики ряда упрощенных форм уголовного процесса: ускоренное производство (гл. 47), сокращенный порядок судебного следствия (ст. 326), производство по уголовным делам частного обвинения (гл. 44).

Указанные формы уголовного процесса являются резервом для применения процедур медиации при условии возмещения вреда, что должно быть урегулировано в УПК. В этой связи представляется целесообразным законодательно закрепить перечень обстоятельств, препятствующих проведению процедуры примирения.

В последние годы в Республике Беларусь активно совершенствуется законодательство, направленное на решение задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, доминирующей тенденцией которого является расширение поощрительных мер и мер профилактического характера, которые и определяют реституционный тип уголовного процесса. Однако развитие процессуальных институтов построения указанного типа уголовного процесса не предполагает полного отказа от применения уголовной ответственности, связанной с изоляцией человека от общества. Только суд вправе, руководствуясь гуманистическими принципами уголовного процесса в сочетании с неотвратимостью наказания, определить вид наказания в зависимости от тяжести содеянного и личности виновного.

Список использованных источников

1. Витушко, В. А. Теория цивилизационного права : монография / В. А. Витушко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2015. – 320 с.

2. Реализация реформы белорусского уголовно-процессуального права в современных условиях В. Н. Бибило [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/>. – Дата доступа: 14.03.2016.
3. Якупов, Р. Х. Уголовный процесс : учебник / Р. Х. Якупов ; под ред. В. Н. Галузо. – М. : Зерцало, 1998. – 438 с.
4. Смирнов, А. В. Нужен суд правый и милостивый, решительный и скорый / А. В. Смирнов // Рос. юстиция. – 1995. – № 10. – С. 18–21.
5. Кобликов, А. С. Исторические формы уголовного процесса / А. С. Кобликов // Учебник уголовного процесса / А. С. Кобликов [и др.] ; отв. ред. А. С. Кобликов. – М., 1995. – С. 9–11.
6. Антонова, О. А. Уголовный процесс / О. А. Антонова, Е. Н. Котов. – Минск : Беларусь, 2013. – 263 с.
7. Бибило, В. Н. Реституционный тип уголовного процесса как сочетание традиционных и инновационных норм права / В. Н. Бибило // Уголовный процесс и криминалистика: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 дек. 2015 г. : в 2 ч. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; И .В. Данько (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015 – Ч. 2: Криминалистические чтения памяти заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Н. И. Порубова. – 311 с.
8. Безлепкин, Б. Т. Правовые средства взыскания нажитого преступным путем / Б. Т. Безлепкин // Сов. гос-во и право. 1984. – № 7. – с 32-34.
9. Александров, С. А. Реституция в уголовном процессе / С. А. Александров // Сов. юстиция. –1990. – № 5. – С. 38.
10. Зинатуллин, З. З. Уголовно-правовая реституция как форма возмещения причиненного преступлением материального ущерба / З.З. Зинатуллин // Изв. вузов. Правоведение. – 1972. – № 2. – С. 47–49.
11. Мазалов, А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе / А. Г. Мазалов. – М. : Юрид. лит., 1977. – С. 20.
12. Порубов, Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии / Н. И. Порубов. – Минск, 1978. С. 62.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИ ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ИСПОЛНЕНИИ

Стрельцова Елена Геннадиевна,
доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

1. Лицо, чья обязанность признана уполномоченным юрисдикционным органом, должно эту обязанность исполнить. Эта обязанность является юридической, т. е. должной влечь неблагоприятные правовые последствия для лица, её не исполнившего.

Государство, в свою очередь, принимает на себя гарантию принудительного исполнения постановлений юрисдикционных органов, прямо указанных в законе (ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). Однако эта гарантия может действовать лишь в случае, если обязанность, подтвержденная или установленная постановлением юрисдикционного органа, к моменту принятия соответствующего решения является исполнимой. Исполнимость постановления существует, если, во-первых, не исключается сама возможность фактического исполнения и, во-вторых, существует возможность его осуществления в принудительном порядке, путем применения способов и средств, установленных законом. Соответственно если уполномоченный юрисдикционный орган принимает постановление, которое по своему содержанию не может быть исполнено принудительно, оно не может охватываться гарантией исполнимости, исходящей от государства. В отношении решений, принимаемых третейскими судами, проверку исполнимости осуществляют государственные суды. Акты иных юрисдикционных органов на их соответствие условию исполнимости не проверяются.

2. Особенность принудительного исполнения состоит в переложении обязанности совершать активные действия по исполнению с должника на другое лицо. При этом по общему правилу воля должника в исполнительном производстве не ограничивается¹. Следовательно, главным признаком принудительного исполнения является то, что оно осуществляется третьим лицом помимо воли должника. Профессор М. А. Гурвич особо подчеркивает, что принудительность исполнения осуществляется «помимо и против воли должника» [1, с. 420]. Представляется, что значимым все же является лишь условие возможности осуществления принуждения помимо воли должника. Должник может быть как активно против исполнения, так и равнодушно относиться к нему – ни то, ни другое не влияет на саму возможность принудительного исполнения, а потому для него не значимо в целом. Противодействие должника (как активное волевое поведение) имеет значение предпосылки лишь в случаях, когда принуждение непосредственно направляется на личность должника с целью нейтрализации его противодействия, что встречается отнюдь не во всяком исполнительном производстве. В большинстве случаев принудительность касается именно совершения предписанного в исполнительном документе вне зависимости от воли должника.

¹ Будь это общим правилом, можно было бы говорить о неблагоприятном последствии принудительного исполнения для должника, ведь в этом случае должник не может осуществить желаемое им действие, что можно считать поражением общего права свободно и в своем интересе осуществлять принадлежащие им права и блага (ст. 1, 9 ГК РФ). Однако в настоящее время это правило действует лишь секторально, при применении обеспечительных мер и мер косвенного принуждения.

Можно ли тогда считать ответственностью само принудительное исполнение, наступающую для должника за неисполнение предписания юрисдикционного органа? В принуждении как в действии помимо воли должника другое лицо фактически исполняет то действие, от которого воздерживается должник. Поскольку при замещении воли должника волей исполняющего лица должник не подвергается сам по себе никаким неблагоприятным последствиям, такое замещение нельзя считать обременением должника, нельзя это называть и ответственностью.

3. Профессор С. В. Курылев обратил внимание на то, что в ряде случаев в ходе принудительного исполнения в области материального гражданского права никаких неблагоприятных последствий для должника не наступает, указывая при этом, что это не означает, что не поражаются другие субъективные права должника [2, с. 550]. О. Э. Лейст, утверждая, что принудительное исполнение само по себе является санкцией [3, с. 89–90], в целом согласился с доводами и примерами С. В. Курылева, когда при имущественных взысканиях имущественные права не претерпевают лишения, за исключением взыскания исполнительского сбора, но их вполне заменяют ограничения иного рода: ограничиваются права по распоряжению имуществом, утрачивается неприкосновенность жилища и т.д. [3, с. 88]. Следует отметить, что в этом доводе в значительной степени присутствует элемент гипотетичности наступления соответствующих неблагоприятных последствий, что полностью отвечает концепции С. В. Курылева о принудительности как угрозе наступления юридических последствий для правонарушителя, но отнюдь не обязательном их применении [2, с. 549]. Другими словами, право распоряжаться имуществом в исполнительном производстве может быть ограничено, а может быть и не ограничено; неприкосновенность жилища может быть нарушена, а может быть и не нарушена и т. д. Между тем правовые лишения для должника, не исполнившего исполнительный документ добровольно, должны неминуемо наступать в каждом случае применения принудительного исполнения. Только в этом случае можно утверждать, что наравне с мерами восстановительными при принудительном исполнении действуют меры ответственности за неисполнение должником предписанного в исполнительном документе.

Соглашаясь с точкой зрения на понятие ответственности, выраженную профессором О. С. Иоффе, что ее основной характеристикой является дополнительное для нарушителя обременение, связанное с личным виновным запрещенным поведением [4, с. 167, 169], надо признать, что в конструкции «исполнительное производство есть только совершение предписанного вместо должника другим лицом» угроза принудительности сама по себе для должника не является мотивом к добровольному исполнению исполнительного документа. Более того, обязательство, взятое на себя государством по приведению в принудительном порядке любой подтвержденной юрисдикционным органом обязанности, становится чрезмерным бременем, приводящим к массовому неисполнению исполнительных документов, если не будет стимулироваться добровольное исполнение исполнительного документа должником. Такое стимулирование возможно в двух направлениях: путем снижения бремени возложенной на должника обязанности (это право в полной мере принадлежит взыскателю и неподвластно государственному воздействию), либо путем возложения на должника дополнительного обременения за неисполненную обязанность (это право полностью находится в сфере государственного регулирования).

Профессор С. Н. Брагусь верно отмечает, что принуждение к соблюдению нормы права в случае нарушения, содержащихся в них велений сохранится до тех пор, пока существует право [5, с. 58]. Но представляется неверным при этом соглашаться с им же поддержанной позицией о психическом принуждении как отдельном и самостоятельном виде принуждения, проявляющемся в отсутствии выбора варианта поведения у обязанного лица вследствие предписанного ему определенного порядка поведения под угрозой государственного принуждения [5, с. 56-57].

В теории права почти не находит возражения мысль, что в соблюдении права не имеет значения, по каким причинам достигнуто соответствующее поведение: из-за угрозы наказания или вследствие личного одобрительного отношения лица к установленному законом правилу поведения, предписанной юрисдикционным органом обязанности. Законодателя должен интересовать не образ мыслей, а итоговое поведение. Поэтому содержанием принуждения может выступать только реальное принуждение, т. е. только конкретные меры, применяемые к должнику, а не общая угроза применения принуждения в целом.

Что касается психической стороны, то эта естественная реакция лица на любой факт – как положительный, так и отрицательный. Законодатель может учитывать ее предположительное влияние в целях достижения ожидаемого поведения, но невозможно осуществлять правовое регулирование психических процессов, а ведь именно к этому выводу будет необходимо прийти, если следовать мысли о психическом компоненте в содержании принуждения. Из этого вытекает, что принуждение представляет собой только реальное воздействие на обязанное лицо с целью восстановления правопорядка.

4. Признавая, что исполнение предписанного в исполнительном документе помимо воли должника является универсальным условием всех принудительных исполнений, исходим из того, что принудительное исполнение выступает мерой защиты нарушенного права взыскателя. При этом само по себе исполнение исполнительного документа третьим лицом не является для должника мерой воздействия, побуждающей к добровольному исполнению, поскольку по своей сути принуждение, осуществляемое за должника третьим лицом, направлено не против должника, а на защиту прав взыскателя. Безусловно, это связанные категории, однако их воздействие относительно самостоятельно.

Это значит, что мера защиты, применяемая в целях защиты интересов взыскателя, не является одновременно такой мерой ответственности, которая способна настолько воздействовать на должника, чтобы стимулировать его к добровольному исполнению.

Следовательно, для стимулирования должника необходимы самостоятельные меры ответственности, наступающие для должника за неисполнение в добровольном порядке предписанного уполномоченным юрисдикционным органом независимо от применения мер защиты¹.

5. С момента возникновения юридической силы у постановления юрисдикционного органа, принявшего решение об обязанностях должника, должник становится лицом, на которого возложена обязанность, имеющая для него силу закона. Однако санкции за неисполнение возложенной на него обязанности с этого момента, как представляется, к должнику еще не могут быть применены.

Сама по себе обязанность должника безусловна, она не связана с правом взыскателя не предъявлять исполнительный документ ко взысканию. Нельзя также сказать, что обязанность должника находится в «спящем» состоянии до начала принудительного исполнения и активизируется в момент предъявления исполнительного документа к исполнению: она существует непрерывно в течение всего срока исполнительности давности. Поскольку юридическая обязанность либо существует, либо отсутствует, к ней нельзя применять критерии «большей» или «меньшей» силы по отношению к ней самой; ее «усиления» либо «ослабления» внутри срока исполнительности давности. Следовательно, момент начала принудительного исполнения – это не момент начала действия обязанности, и не момент какого-то специфического её усиления, а момент, с которого возможно применение ответственности за неисполнение исполнительного документа добровольно.

6. Вопрос о том, должно ли влечь обязательную ответственность неисполнение постановления юрисдикционного органа, чье решение потенциально может быть исполнено принудительно, требует положительного ответа. Однако в нашем законодательстве решение этого вопроса двойственно. Неодинаковость решения вопроса о том, каковы последствия за неисполнение исполнительного документа для должника ныне зависит от того, какой способ принудительного исполнения избрал взыскатель. Если возбуждается исполнительное производство в подразделении службы судебных приставов, с должника, не исполняющего добровольно решение суда, взыскивается исполнительский сбор: его Конституционный Суд России считает мерой ответственности штрафного характера [6, п. 3]². Однако если лицо обращается в банк, к работодателю, иным лицам, указанным в ст. 7–9 ФЗ «Об исполнительном производстве», решение исполняется без дополнительного обременения для должника и по сути для него не существует никакой разницы, добровольно или принудительно будет исполнен исполнительный документ: действие воли другого лица взамен собственной воли должника по исполнению должного не влечет непосредственно для должника неблагоприятных последствий.

Однако неисполнение любого исполнительного документа в добровольном порядке является нарушением возложенной на должника обязанности, поэтому должно влечь наступление неблагоприятных для него последствий в любом случае.

Применительно к принудительному исполнению санкцией за неисполнение исполнительного документа добровольно должен выступать исполнительский сбор, взыскиваемый независимо от того, в каком порядке осуществляется принуждение: через службу судебных приставов либо через иных уполномоченных лиц. В этом случае исполнительский сбор будет в полной мере выполнять функцию штрафного характера и выступать мерой ответственности должника за неисполнение исполнительного документа в добровольном порядке. Соответственно, ясное отграничение момента начала течения обязанности от момента возникновения ответственности при принудительном исполнении должно быть стимулирующим моментом к добровольному исполнению. Безусловно, распространение исполнительного сбора на все случаи принудительного исполнения не решает полностью проблемы стимулирования должника к добровольному исполнению (так, если у должника нет имущества, эта ответственность становится декларативной³).

Применение меры ответственности к должнику в виде взыскания исполнительного сбора ставит вопрос о вине должника как условия действия соответствующей санкции. Представляется, что вина должника, не исполнившего исполнительный документ добровольно, должна презюмироваться, что не исключает опровержения этой презумпции должником в судебном порядке. Безусловно, в случае, если должник в период до начала принудительного исполнения совершал действия, реально направленные на исполнение, либо обращался к юрисдикционным органам с ходатайством об отсрочке исполнения, предпринимал иные действия, направленные на добросовестное исполнение своей обязанности, от этого вида ответственности он должен быть освобожден и с него могут быть взысканы только реальные расходы по исполнению.

7. Верно отмечаемая С. В. Курьелевым специфика санкции как неблагоприятного юридического последствия заключается в том, что она должна выступать преградой для неправомерного поведения [2, с. 557]. Соглашаясь с этим определением в целом, дополнительно делаем акцент на том, что в случае неисполнения исполнительного документа юридическая ответственность должна быть реальной, и настолько существенной, чтобы активно стимулировать принудительное исполнение. Следует подчеркнуть, что для должника, не желающего исполнять исполнительный документ, уклонение от исполнения в настоящее время влечет больше выгоды⁴, чем доброволь-

¹ Следует подчеркнуть, что сказанное не относится к должникам, не исполняющим исполнительный документ по объективным причинам: из-за болезни, сложного материального положения и т. д., поскольку в этом случае отсутствует условие виновности.

² Позиция теоретически неоспорная, но признаваемая правоприменителем.

³ В России невозможна замена меры принуждения в виде денежных взысканий на обязательные работы с целью погашения суммы долга и штрафов из заработной платы должника, поскольку закон для этих случаев обязательных работ не предусматривает, что, на наш взгляд, ошибочно.

⁴ Статистики количества добровольных исполнений в сравнении с принудительными нет. Однако ежегодное кратное увеличение числа исполнений, производимых через ФССП, косвенно свидетельствует о незаинтересованности должников в добровольном исполнении. Так, в 2013 году впервые возбуждено 11,4 млн. исполнительных производств (всего на исполнении в 2013 г. находилось 25,4 млн. исполнительных производств (<http://pravo.ru/news/view/102740/>)). А в первом полугодии 2015 года на в ФССП возбуждено уже 21,9 млн. исполнительных производств, что на 3,4 млн. исполнительных производств больше чем в аналогичном периоде 2014 года (<http://fssprus.ru/2199523/>). Помимо

ное исполнение. Это прямо противоречит идее санкции как неблагоприятного юридического последствия для должника: ответственность – это всегда негативные для должника последствия. Негативность является таковой не в случае, когда одно или другое последствие законодатель причисляет к негативным, а в силу реальных невыгод, возникающих у должника.

В этом смысле ответственность в принудительном исполнении, в том числе ответственность за неисполнение в добровольном порядке исполнительного документа, должна выступать дополнительной существенной нагрузкой на должника к уже имеющейся обязанности. Следовательно, повышение эффективности принудительного исполнения должно развиваться по направлению разработки мер воздействия на должника, являющихся дополнительными по отношению к исполнению установленной обязанности, а также предусматривать порядок их применения.

Поскольку судебное решение (а за ним и акты иных юрисдикционных органов) совмещают в себе обязанность должника восстановить нарушенные права и интересы по отношению к взыскателю и одновременно обязанность должника подчиниться приказу юрисдикционного органа, то и ответственность должна распадаться на два вида – в неисполненной по отношению к взыскателю части быть компенсационной; по отношению к игнорируемому исполнительному документу – штрафной. И. С. Самощенко верно указывает, что если одно деяние одновременно затрагивает различные стороны правопорядка, оно является одновременно проступком нескольких видов (гражданско-правовым и административным, административным и дисциплинарным и т. д.). В этих случаях лицо может нести одновременно ответственность различных видов - гражданско-правовую и административную, административную и дисциплинарную, кроме случаев, когда закон прямо это запрещает [7, с. 15]. Следуя этому пути, в каждом принудительном исполнении должно быть предусмотрено применение как компенсационной, так и штрафной ответственности. Причем если компенсационная ответственность должна налагаться лишь после подтверждения произведенных расходов, затрат, убытков, то штрафная ответственность должна взыскиваться по самому факту начала принудительного исполнения, но, безусловно, должна сохраняться возможность должника опровергнуть ее применение при отсутствии вины. Помимо этого не должно исключаться применение дополнительных мер ответственности при принудительном исполнении: за виновное поведение в ходе принудительного исполнения, т.е. за воспрепятствование надлежащему исполнению. Замечание О. Э. Лейста о необходимости разработки сложной системы санкций [3, с. 22] было высказано не в отношении к исполнительному производству, но вполне к нему применимо. Эта система должна охватывать санкции, применяемые в каждом принудительном исполнении на основании презумпции вины неисполняющего должника и по сути своей направленные на стимулирование добровольного исполнения; санкции, пресекающие неправомерное поведение должника и других лиц в ходе исполнительного производства. Эта группа санкций должна применяться лишь при доказанности вины нарушившего лица. Наконец, санкции, компенсирующие затраты и убытки, причиненные взыскателю и другим лицам действиями (бездействием должника), могут, очевидно, применяться как по правилам презюмирования наличия ответственности должника, так и по правилам доказывания его вины.

Список использованных источников

1. Гурвич М.А. Решение советского суда в исковом производстве. В кн.: Гурвич М. А. Избранные труды / М. А. Гурвич. – Краснодар, 2006. – Т. 1. – 672 с.
2. Курылев, С. В. Санкция как элемент правовой нормы // В кн. : Курылев, С. В. Избранные труды / С. В. Курылев . – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. – 607 с.
3. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы) / О. Э. Лейст. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 240 с.
4. Иоффе, О. С. Вина и ответственность по советскому праву // В кн. : Иоффе, О. С. Избранные труды / О. С. Иоффе. – СПб., 2010. – Т. IV. – 681 с.
5. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С. Н. Братусь. – М. : Городец, 2001. – 208 с.
6. По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез "Изыхский"» : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации, 30 июля 2001 г., № 13-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. – 6. – 2001.
7. Самощенко, И. С. Правонарушения и юридическая ответственность : учеб. пособие. – М. : ВЮЗИ, 1966. – 30 с.

этого, принудительное исполнение нередко не достигает своих целей, так как одной из существенных проблем современного принудительного исполнения по денежным взысканиям является юридическое (но не фактическое) отсутствие у должника имущества и доходов. Так, в 2015 г. фактически исполнены только 38,6% всех исполнительных производств, находящихся на исполнении в ФССП (<http://fssprus.ru/2235125/>).

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ФРАНЦИИ И США

Сущенко Светлана Алексеевна,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Москва

Допустимость доказательств в уголовном процессе является фактором, обуславливающим их достоверность. Применение в процессе собирания доказательств недопустимых способов расследования может в дальнейшем повлечь незаконное и необоснованное привлечение человека к уголовной ответственности, применение мер процессуального принуждения, в том числе ограничивающих конституционные права личности, а в некоторых случаях – и необоснованное осуждение подсудимого. Допускаемые нарушения иного характера, связанные с несоблюдением формальной процедуры получения доказательств, могут повлечь нарушение права подозреваемого, обвиняемого на защиту, то есть несоблюдение одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, что автоматически должно исключать использование их в доказывании. Таким образом, проблема обеспечения допустимости доказательств является весьма актуальной для уголовно-процессуальной науки.

Стоит отметить, что ч. 1 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК России) установила признак недопустимости доказательств. В соответствии с этой правовой нормой недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением требований, установленных названным кодексом.

Такая формулировка с учетом того, что УПК России формулирует лишь процедурную сторону осуществления следственных и иных процессуальных действий, в результате которых могут быть получены доказательства, обуславливает ситуацию, когда недопустимым может быть признано доказательство при наличии лишь формального несоответствия определенным правовым нормам. При этом необходимо отметить, что УПК России прямо не предусматривает возможности считать формально недопустимое доказательство допустимым, если оно впоследствии может быть «исправлено» посредством судебных действий.

В этом смысле заслуживают внимания подходы к решению проблемы, связанной с признанием доказательств недопустимыми, которые сложились в государствах с долговременной историей развития уголовно-процессуального законодательства.

Уголовно-процессуальный кодекс Франции [2] (далее – УПК Франции) содержит самое общее положение, касающееся исключения недопустимых доказательств. Статья 427 этого Кодекса устанавливает: «За исключением случаев, когда закон предусматривает иное, преступление может быть доказано любым видом доказательств, которые судья оценивает в соответствии с его внутренней убежденностью». Обобщающее положение, подобное ч. 1 ст. 75 УПК России, в УПК Франции отсутствует. В вопросах допустимости доказательств суды ориентируются на позиции Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), о чем прямо говорится в исследовании Кассационного суда Франции 2004 г. «Лояльность доказательств в некоторых решениях по уголовным делам» [3]. Хотя право Франции, в том числе уголовно-процессуальное, не характеризуется как прецедентное, однако национальная судебная практика оценки допустимости доказательств по уголовным делам в значительной степени основана на толковании Кассационным судом Франции ситуаций по конкретным уголовным делам применительно к критериям ЕСПЧ, приводимым в его текущей судебной практике, а в последнее время – также в соответствующем руководстве ЕСПЧ [4, с. 87]. Таким образом, в случаях отсутствия прямой оговорки в законе о недопустимости того или иного доказательства в случае нарушения правил его получения, у судьи остается определенная возможность личного усмотрения при решении вопроса об исключении доказательств в законе.

В США, как известно, не существует кодифицированного уголовно-процессуального закона; в каждом штате существует свой уголовно-процессуальный кодекс, по правилам которого осуществляется уголовное судопроизводство в пределах юрисдикции штата; на федеральном уровне суды опираются на Федеральные правила о доказательствах (*Federal Rules of Evidence* [5]) и Федеральные правила уголовного судопроизводства (*Federal Rules of Criminal Procedure* [6]), а также на отдельные нормы главы 18 Свода законов США (18 *US Code*). Суды первой инстанции штатов широко используют прецедентную практику соответствующих Верховных судов, а федеральные суды – Верховного суда США в основе принятия судами решений о недопустимости доказательств. Общее правило об исключении доказательств (*exclusionary rule*) сформулировано в 1961 г. Верховным судом США в решении по делу Мэпп против штата Огайо (*Mapp v. Ohio*). Согласно этому решению, сущность рассматриваемого правила состоит в том, что оно необходимо для удержания сотрудников правоохранительных органов от нарушения конституционных прав личности (таким образом, правило носит определенную профилактическую направленность) и сохранения целостности судебной власти, т. е. «гарантировать, что суды не станут пособниками в деле нарушения конституционных прав личности, принимая к рассмотрению доказательства, которые были получены в результате таких нарушений, и принимая решения на основе неправомерно добытых доказательств» [7, с. 499]. Однако в уголовно-процессуальном праве существует целый ряд изъятий из правила об исключении доказательств, например, в случаях так называемого «добросовестного заблуждения» (*«Good Faith» Exemption*), изъятие, касающееся процессуально опорожденных доказательств (*impeachment evidence exemption*), исключение, касающееся производных доказательств, которое в сущности является исключением из известной доктрины «плодов отравленного дерева» (*«fruits of the poisonous tree» doctrine*). Совокупность изложенных факторов с учетом того, что Верховные суды штатов зачастую создают несогласованные прецеденты, а прецеденты Верховного суда США обязательны для судов штатов лишь по вопросам федерального законодательства, в этой стране объективно суще-

ствуется положение, при котором судьи судов как первой, так и апелляционной инстанции имеют достаточно большую свободу личного усмотрения по оценке допустимости доказательств.

Такое разнообразие взглядов на проблему признания доказательств недопустимыми представляет серьезный интерес для изучения в целях выявления наиболее приемлемых правовых подходов к рассматриваемой проблеме и последующего использования полученных результатов для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального закона и, как следствие, оптимизации следственной и судебной практики.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ // Российская газета. – 22 дек. 2001 г. – № 249.
2. Code de procédure pénale (CPP) [Электронный ресурс] // Официальный сайт правовой информации Министерства юстиции Франции. – Режим доступа: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte= LEGITEXT 000006071154>. – дата доступа: 15.02.2016.
3. La loyauté de la preuve (à travers quelques arrêts récents de la chambre criminelle) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Кассационного суда Франции. – Режим доступа: https://www.courdecassation.fr/publications_26/rapport_annuel_36/rapport_2004_173/euxieme_partie_tdes_documents_176/tudes_diverses_179/travers_quelques_6401.html. – Дата доступа: 15.02.2016.
4. Practical Guide on Admissibility Criteria. The 3-th ed. // Council of Europe. – Strasbourg, 2014. P. 87.
5. Институт правовой информации Корнэлльского университета США [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/rules/fre>. – Дата доступа: 14.02.2016.
6. Института правовой информации Корнэлльского университета США. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp>. – Дата доступа: 16.02.2016.
7. Бернам, У. Правовая система США / У. Бернам. – М. : Новая юстиция, 2006. – Вып. 3. – С. 499.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Турабаева Дана Сейтхановна,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казахской Академии труда и социальных отношений г. Алматы,
магистр юридических наук

Нравственные основы деятельности по осуществлению правосудия изучает наука, именуемая судебной этикой, которая включает в себя «учение о специфике действия общеэтических норм в этой сфере трудовых отношений и особых нравственных нормах, рождаемых своеобразием возникающих отношений при отправлении обязанностей судьи, прокурора, следователя, адвоката».

Судебная этика – это совокупность правил поведения судей и других профессиональных участников уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства, обеспечивающих нравственный характер их профессиональной деятельности и внеслужебного поведения, а также научная дисциплина, изучающая специфику проявления требований морали в этой области [1].

Судебная этика – один из разделов профессиональной этики, составляющий учение о нравственных идеалах, принципах и нормах осуществления правосудия, определяющих нравственное содержание деятельности участников судопроизводства. Этим определением охватываются три составные части предмета судебной этики как науки: 1) нормативная часть – принципы и нормы; 2) регулируемые ими отношения; 3) нравственное сознание участников судопроизводства.

Нравственный статус носителя судебной власти – нравственно-психологические качества, обязанности, правила поведения при осуществлении профессиональной деятельности и во внеслужебной деятельности:

- 1) приоритет профессиональной деятельности;
- 2) обязанность придроживаться независимой и беспристрастной позиции в отношении всех участников процесса;
- 3) судья не вправе заниматься адвокатской и иной юридической практикой, оказывать юридические услуги в период нахождения в должности судьи;
- 4) безупречность репутации судьи и т. д. [2].

Судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи.

Судья должен добросовестно пользоваться своими гражданскими правами и исполнять гражданские обязанности. Он не должен использовать свое служебное положение для получения личных преимуществ в гражданско-правовых отношениях.

Судья не должен использовать свой статус в целях получения каких-либо благ, услуг, коммерческой или иной выгоды для себя, своих родственников, друзей, знакомых (например, получение кредита, заключение договоров на иных условиях, чем это предусмотрено в отношении других лиц); требовать либо принимать не

предусмотренные законодательством Республики Казахстан льготы, выплаты и преимущества (например, ссуды, беспроцентные займы, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов) и обязан принять разумные меры к тому, чтобы указанные льготы, выплаты и преимущества не могли быть приняты членами его семьи, если это вызвано действиями, которые судья совершил или намеревается совершить, либо бездействием судьи в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

В настоящее время действует Кодекс судейской этики, утвержденный постановлением V Съезда судей Республики Казахстан от 18 ноября 2009 года. Действие Кодекса судейской этики распространяется на всех судей Республики Казахстан, в том числе пребывающих в отставке.

Правила профессионального поведения, установленные Кодексом судейской этики, применяются также к лицам, привлекаемым в соответствии с законом к осуществлению правосудия, в период выполнения ими функции по отправлению правосудия.

Во внесудебной деятельности и во внеслужебных отношениях судья должен избегать всего того, что могло бы умалить авторитет судебной власти, вызвать сомнения в ее беспристрастности и справедливости. В статье 4 Кодекса судейской этики Республики Казахстан подчеркнуто: «Вне работы судья должен вести себя так, чтобы не было оснований для сомнений в его порядочности и честности. Его действия и поступки не должны порочить звание судьи и умалять авторитет судебной власти» [3].

Судья может заниматься различными видами внесудебной деятельности, включая научную, образовательную, творческую, общественную, благотворительную и иные виды деятельности, и участвовать в различных публичных мероприятиях, если это не противоречит Конституционному закону Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» и не причиняет ущерб интересам правосудия [4].

Судье не следует заниматься теми видами внесудебной деятельности и участвовать в тех публичных мероприятиях, которые создают препятствия судье для исполнения им своих профессиональных обязанностей, оказывают негативное влияние на независимость и беспристрастность судьи, приводят к частым заявлениям об отводе или самоотводе судьи либо выходят за рамки ограничений, установленных законодательством о судебной системе и статусе судей Республики Казахстан.

Правила поведения, установленные Кодексом судейской этики, обязательны для каждого судьи Республики Казахстан, независимо от занимаемой должности, а также для судей, находящихся в отставке, но сохраняющих звание судьи и принадлежность к судейскому сообществу.

При нарушении положений, предусмотренной в Кодексе судейской этики в отношении судьи могут быть приняты меры общественного воздействия, предусмотренные положением о Комиссии по судейской этике [5].

При применении Кодекса судейской этики учитываются все обстоятельства совершенного проступка, а также ущерб, причиненный авторитету судебной власти и званию судьи, личность судьи и его отношение к совершенному проступку.

Итак, этические аспекты поведения судьи особенно наглядно проявляются в его общении с участниками судопроизводства, а также коллегами и гражданами. Во исполнение положений Кодекса судейской этики судья не должен проявлять неприязнь, брезгливость, нетерпимость, предвзятость, несдержанность по отношению к личности человека, стоящего перед судом, и к другим участниками процесса. Судья обязан соблюдать достоинство, спокойствие, беспристрастность и принципиальность в судебном заседании и во внеслужебной обстановке. Во время судебного разбирательства судье следует избегать ненужных эмоциональных всплесков, нравоучительных замечаний, нотаций и поучений. Как верно отмечается в литературе, задача суда – «рассудить», а не «осудить» [6].

Список использованных источников

1. Этические основы судебной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.helipiks.org. – Дата доступа: 15.02.2016.

2. Беспалов, Ю. Ф. Судейская этика: пределы, стимулы, ограничения / Ю. Ф. Беспалов // Судейская этика. – М., 2010. – С. 21.

3. Кодекс судейской этики [Электронный ресурс] : утв. постановлением V Съезда судей Респ. Казахстан, 18 нояб. 2009 г. // Информационная система «ПАРАГРАФ». – Режим доступа: <http://online.zakon.kz/>. – Дата доступа: 17.02.2016.

4. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Конституционный закон Респ. Казахстан, 25 дек. 2000 г. № 132-II : с изм. и доп. на 04.12.2015 // Информационная система «ПАРАГРАФ». – Режим доступа: <http://online.zakon.kz/>. – Дата доступа: 17.02.2016.

5. Положение о комиссии по судейской этике филиала Союза судей [Электронный ресурс] : утв. постановлением Центрального Совета Союза судей Респ. Казахстан, 5 февр. 2010 г., № 7 : с изм. и доп. // Информационная система «ПАРАГРАФ». – Режим доступа: <http://online.zakon.kz/>. – Дата доступа: 19.02.2016.

6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник для вузов / отв. ред. П. А. Лупинская. – М., 1997. – С. 139.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «ТЕРРОРИЗМ», СОДЕРЖАЩИХСЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЗАКОНАХ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОДКБ

Хамзяева Юлия Радиковна,
преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД
Казанского юридического института МВД России, г. Казань

В современном мире одной из наиболее опасных угроз безопасности отдельных государств, региональным конгломератам стран и мировому сообществу в целом является терроризм. Терроризм существует издавна, но в настоящее время, укрепляясь численно, финансово и материально, он расправил свои «черные крылья». Деятельность современных наиболее опасных международных террористических организаций, таких как ИГИЛ, Талибан, Аль-Каида и других, позволяет говорить, что данная проблема является по-настоящему международной и решать ее необходимо совместными усилиями.

С целью противодействия терроризму каждое государство на территории своей юрисдикции использует национальное антитеррористическое законодательство. В государствах – членах Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), куда в настоящее время входят 6 государств постсоветского пространства (Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Кыргызская Республика и Российская Федерация), приняты законы о противодействии терроризму и финансированию терроризма, о противодействии политическому и религиозному экстремизму, о борьбе с организованной преступностью и прочие, установлена уголовная ответственность за совершение преступлений террористического характера, экстремистской направленности, за сопутствующие терроризму преступные деяния. Вне сомнений, на современном этапе государствам – членам ОДКБ удалось достичь определенных положительных результатов в сфере национального противодействия терроризму, однако следует отметить, что законодательство данных государств далеко от совершенства и отличается друг от друга. «Такое положение настоятельно диктует необходимость... проведения сравнительного анализа антитеррористического законодательства различных государств и поиска путей... к сближению национальных законодательств» [1, с. 15–16]. Условием повышения эффективности противодействия терроризму является унификация законодательства [2, с. 143; 3, с. 105].

«Унификация уголовного законодательства и криминологической профилактики в противостоянии транснациональной преступности предполагает четкое законодательное определение понятий и терминов» [4, с. 318], поэтому одним из центральных мест в унификации антитеррористического законодательства государств – членов ОДКБ является разработка и закрепление в правовых актах единого понятия терроризма. Анализ правовых актов показывает, что в рамках Организации отсутствует единообразно выработанное и документально закрепленное общепризнанное определение терроризма, а его дефиниции, содержащиеся в национальных законах «О противодействии терроризму» («О борьбе с терроризмом»), хотя и основаны на осуждении любых его проявлений, в ряде случаев являются нечеткими, неоднозначными и противоречивыми.

Как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения государственными органами, органами местного самоуправления или международными организациями определяют терроризм законодательные акты «О противодействии терроризму» Республики Казахстан и Российской Федерации. Понятие, представленное в законе России, полностью соотносится с понятием, изложенным в Модельном законе «О противодействии терроризму». Закон Республики Казахстан данное понятие дополняет угрозой совершения насильственных и (или) иных преступных действий, а также совершенно справедливо выделяет цель – причинение ущерба личности, обществу и государству.

Закон Кыргызской Республики «О противодействии терроризму» под терроризмом понимает значение, указанное в статье 226 «Терроризм» Уголовного кодекса, то есть «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях». При этом в Законе содержится понятие террористического акта, обозначенного как непосредственное совершение преступления или преступлений террористического характера, под которыми, в свою очередь, понимаются преступления, предусмотренные статьями 226–229, 232, 294, 296, 376 УК КР. Таким образом, законодатели Кыргызстана соотнесли понятия терроризм и преступления террористического характера как часть и целое соответственно, что противоречит логике.

Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» содержит отдельную ст. 3 «Понятие терроризма» и дает нецелесообразно широкое толкование терроризма, первая часть которого содержит в себе признаки терроризма, а вторая перечисляет составы преступлений, подпадающих под соответствующие статьи УК республики.

Законодатели Республики Армения не включили в Закон «О борьбе с терроризмом» понятие «терроризм», но дали определение террористической акции, террористической деятельности и борьбы с терроризмом.

Проведенный сравнительный анализ дефиниций терроризма указывает на наличие «терминологической разноголосицы», «пагубно сказывающейся на правоприменительной практике» [5, с. 50]. Терроризм – это, прежде всего, явление, основанное на определенной идеологии, выражающееся в совершении противоправного наси-

лия и имеющее политические цели. Акцент внимания на терроризме как социально-политическом и криминальном явлении необходим с целью обозначения его как объекта криминологического противодействия, так как именно «криминологию можно рассматривать как науку о преступности» [6, с. 14].

Наиболее корректной представляется позиция, изложенная в Законе «О борьбе с терроризмом» Республики Беларусь. В ст. 3 документа терроризм определяется как «социально-политическое криминальное явление, представляющее собой идеологию и практику применения насилия или угрозы насилием в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, провокации международных осложнений или войны, устрашения населения, дестабилизации общественного порядка». Совершение конкретных действий в целях терроризма в рассматриваемом Законе обозначено как акт терроризма.

Список использованных источников:

1. Емельянов, В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования : уголовно-правовое исследование / В. П. Емельянов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 291 с.
2. Щерба, С. П. Законодательство стран СНГ в области борьбы с терроризмом и проблемы его гармонизации (сравнительно-правовой анализ и предложения) / С. П. Щерба, А. В. Бриллиантов // Прокурорская и следственная практика. – 2004. – № 3-4. – С. 142–153.
3. Бриллиантов, А. К вопросу о направлениях унификации законодательств государств-участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом заложника / А. Бриллиантов, В. Бурковская // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 105–107.
4. Кузнецова, Н. Ф. О международном уголовном праве / Н. Ф. Кузнецова // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: сб. науч. стат. по итогам междунар. науч.-практ. конф. 14–15 сентября 2007 г. / под науч. ред. С. В. Изосимова, В. И. Кандыгина, А. Ю. Чупровой. – Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2008. – С. 317–336.
5. Баранов, В. М. Гармонизация законодательства России: философский и правовой аспекты / В. М. Баранов, М. А. Пшеничников // Философия права. – 2000. – № 1. – С. 43–55.
6. Антонян, Ю. М. Криминология : учебник для бакалавров / Ю. М. Антонян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., Юрайт, 2012. – 523 с.

ИНСТИТУТ ДЕЛОВОГО РИСКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Цуприк Алина Николаевна,
адвокат Брестской областной коллегии адвокатов, г. Брест,
аспирант кафедры уголовного права Белорусского государственного университета,
магистр юридических наук

Неопределенность и непредсказуемость результатов хозяйственно-экономической деятельности значительно выше, чем сложившаяся практика их определения в системе экономических рисков, и требует более детальной разработки в правотворческой сфере, в том числе в плане выделения специфических условий правомерности экономического (делового) риска в системе обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Статья 39 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) до внесения в нее изменений Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-3 регулировала условия обоснованного риска. Однако применительно к экономическому (деловому) риску в виде принятия рисков-решений руководителями субъектов хозяйствования с целью эффективного достижения желаемо-полезных экономических результатов не срабатывала в силу того, что сама по себе экономическая деятельность в аспекте получения социально-рентабельной прибыли объективно рискованна по отношению к ее социальному результату.

На практике в системе экономической деятельности норма об обоснованном риске (ст. 39 УК) не применялась и не могла применяться ввиду специфики делового риска в экономической деятельности в отличие от производственно-хозяйственного риска, ведь применение делового риска предполагает определенную свободу на ее использование при принятии руководителем рискованных экономических решений.

Обоснованный риск (ст. 39 УК) был рассчитан лишь на ту сферу производственно-экономической деятельности, которая связана с введением научных инноваций в технологию производства, реализация которых связана с нарушением технологии производства и определенными технологическими рисками (разрушением, авариями, причинением вреда операторам производственной деятельности и т.п.) и часто связана с причинением вреда человеку.

Специфика нормативной регламентации института экономического (делового) риска проявляется в том, что данный риск связан исключительно с причинением материального ущерба.

Деловой риск, как правило, допускается рискующим с целью извлечения прибыли. Одним из основных начал становления и развития системы экономической деятельности является закрепленный в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) принцип свободы предпринимательской деятельности, направленной на систематическое получение прибыли (ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК), что породило в обществе неверное представление о предпринимательстве как системе, направленной лишь на наращивание прибыли. Тем не менее важной целью любой хозяйственной деятельности является наращивание полезности и ценности производимых благ и услуг. Экономическая деятельность направлена, прежде всего, на увеличение прибыли либо повышение экономической эффективности производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, что осуществимо при наличии адекватной возможности для руководителей и должностных лиц субъектов хозяйствования проявлять предпринимательскую инициативу.

Согласно утверждению В. М. Хомича «деловой экономический риск не имеет никакого отношения к бесхозяйственности, нарушениям технологии производства, а также к принятию экономических решений на основе групповых корыстных и индивидуальных интересов. Практикой подтверждено, что проблема делового риска связана с обоснованием экономического решения на основе учета всех аспектов и интересов службы со стороны лица, принимающего такое решение» [1, с. 256].

Нововведенная категория «экономический (деловой) риск» на практике еще вызывает много вопросов и спорных ситуаций, требующих правового комментария ее применения, в том числе применения критерий обоснованности рисков-решений в экономической деятельности и ответственности за ущерб, связанный с их реализацией, которые не могут сопровождаться, по крайней мере, уголовной ответственностью должностных лиц (руководителей), если они действовали не вопреки интересам службы и не допустили очевидной халатности.

По общему правилу за все последствия принятия и реализации необоснованных решений, в том числе рискованных, приведших к определенным экономическим неудачам-последствиям, в рыночных отношениях несет субъект хозяйствования. Институт уголовной ответственности в таких случаях не используется, если это не связано с определенными негативными последствиями для экологии, жизни и здоровья людей, и если соответствующим рискованным экономическим решением не причинен преступный (по направленности и характеру) ущерб другим субъектам. Во всех иных случаях устранение вреда разрешается в рамках института гражданско-правовой ответственности, носящей компенсационный характер. Разумеется, что в этом случае должны быть исключены различного рода мошеннические способы достижения поставленной экономической цели, а также вольный или невольный расчет субъекта управления на их использование и реализацию [1, с. 256–257].

В связи с этим особое внимание следует обращать на выяснение условий наличия экономического (делового) риска в контексте соответствия решения руководителя интересам службы и причин, вследствие которых данное рискованное решение оказалось все-таки неуспешным и повлекло нежелательные (ущербные) последствия.

В рамках проблемы практического применения обоснованного экономического (делового) риска и его учета как обстоятельства, исключающего противоправный характер деяния руководителя субъекта хозяйствования, предполагает выяснение специфических особенностей данного вида риска.

К экономическому (деловому) риску, который является видом обоснованного риска, применяются все базовые условия правомерности обоснованного риска, закрепленные в ст. 39 УК, с учетом смягчения условий правомерности и административно-обременительного характера управления экономической деятельностью.

Здесь идет речь о таком условии правомерности обоснованного риска, как достижение поставленной цели не связанными с риском действиями. Законодатель снял данное условие правомерности применительно к экономическому (деловому) риску, которое, однако, действует во всех остальных случаях. Таким образом, с учетом исключения, закрепленного в ч. 2¹ ст. 39 УК, экономический (деловой) риск признается обоснованным и в том случае, если указанные цели могли быть достигнуты и не рискованы действиями, но это потребовало бы больше времени, сил и материальных средств, а при принятии рискованного решения руководителем субъекта хозяйствования была объективная возможность достичь этих целей с меньшими затратами времени, сил и средств.

Внесение данного изменения в статью 39 УК имеет ключевое значение для практического применения ее в системе экономической деятельности. По нашему мнению, устранение данного ограничения применительно к деловому риску увеличит социальную и творческую активность руководителей, что приведет к проявлению руководителями должной инициативы, а результатом этого станет развитие профессионализма, самой экономики и реализация экономической политики государства по переходу на инновационный путь развития.

Рискованные управленческие решения руководителя должны соответствовать закономерностям развития экономики в условиях рыночных отношений и конкуренции.

Список использованных источников

1. Хомич, В. М. Институционализация делового риска в системе экономической деятельности и уголовного права / В. М. Хомич // Конституционализация национального правового порядка : материалы круглого стола, Полоцк, 12–13 дек. 2014 г./ редкол. : А. Н. Пугачев (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2014. – С. 255–257.

СУБЪЕКТ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УСЫНОВЛЕНИЮ (УДОЧЕРЕНИЮ) ДЕТЕЙ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Шерайзина Людмила Олеговна,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Брест

Одним из ключевых моментов для правильной квалификации преступлений является определение субъекта преступления и наличие всех его признаков, содержащихся в конкретной норме права. Незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей имеют специальный субъект: лицо, не уполномоченное законодательством Республики Беларусь на совершение действий по подбору и передаче детей на усыновление (удочерение).

Законодательство Республики Беларусь содержит исчерпывающий перечень органов, уполномоченных на совершение действий по подбору и передаче детей на усыновление (удочерение): Национальный центр усыновления, органы опеки и попечительства, организации, уполномоченные осуществлять защиту прав и законных интересов детей, по выявлению, учету и устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также специально уполномоченные иностранными государствами организации по усыновлению детей, которые осуществляют на территории Республики Беларусь в рамках согласований между Министерством образования Республики Беларусь и компетентными государственными органами иностранных государств процедуры усыновления (удочерения).

Защита прав и законных интересов детей, находящихся в социально опасном положении, возлагается на комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, а также на иные организации, уполномоченные законодательством Республики Беларусь. Учет усыновленных детей осуществляют управления (отделы) образования и Национальный центр усыновления. Управление (отдел) образования осуществляет подбор ребенка, соответствующего запросам кандидатов в усыновители, в детских интернатных учреждениях, организациях здравоохранения, опекунских семьях, приемных семьях, детских домах семейного типа, находящихся на территории местного исполнительного и распорядительного органа. Кандидаты в усыновители имеют право обратиться в Национальный центр усыновления, который обязан поставить их на учет, осуществить подбор ребенка в республиканском банке данных об усыновлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Национальный центр усыновления проводит работу по подбору ребенка для международного усыновления из числа детей, включенных в список детей, в отношении которых возможно международное усыновление, или по международному усыновлению конкретного ребенка, включенного в список детей, в отношении которых возможно международное усыновление, если он указан в заявлении кандидатов в усыновители.

Необходимо обращать внимание на специально уполномоченные иностранными государствами организации по усыновлению детей, которые осуществляют на территории Республики Беларусь в рамках согласований между Министерством образования Республики Беларусь и компетентными государственными органами иностранных государств процедуры усыновления (удочерения). Такие организации должны быть указаны в протоколе о согласовании процедуры международного усыновления для сотрудничества с Национальным центром усыновления и включены в Реестр иностранных организаций по международному усыновлению, ведение которого осуществляется Национальным центром усыновления. Например, согласно Протоколу о сотрудничестве между Министерством образования Республики Беларусь и Комиссией по международному усыновлению при Президиуме Совета Министров Итальянской Республики по вопросам усыновления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь гражданами Итальянской Республики определены следующие международные организации: Associazione Italiana Pro Adozioni – Onlus Erga Pueros; Associazione Adozioni «Alfabeto» Onlus; Associazione «Rete Speranza» Onlus; Associazione «La Cicogna – Amici di Chernobyl»; Associazione «Ariete Onlus»; Associazione «Brutia Onlus»; Associazione «Bambini di Chernobyl Onlus». С другими государствами, кроме стран СНГ, Республика Беларусь процедуру усыновления не согласовывала.

Не представленные выше лица являются субъектами преступления, предусмотренного статьей 177¹ УК Республики Беларусь. Некорректно дана характеристика субъекта в комментарии к Уголовному кодексу Республики Беларусь: «Субъект преступления – не только представитель определенного органа, учреждения или организации, но и любое иное лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста» [1, с. 383]. Такая интерпретация прямо указывает на общий субъект преступления. Однако законодатель исключает из числа лиц, совершивших рассматриваемое преступление, уполномоченных законодательством на совершение действий по подбору и передаче детей на усыновление (удочерение). Что указывает на специальный субъект преступления. Далее в качестве примера в комментарии приводится пояснение: «Им может быть лицо, не уполномоченное совершать действия по подбору и передаче детей на усыновление (удочерение) по законодательству Республики Беларусь». Другими словами, в специально-юридическом толковании допускается совершение преступления лицом, уполномоченным на совершение указанных действий, что полностью исключается самой нормой уголовного права.

Думается, что при совершении преступления лицами, уполномоченными на помещение в семью детей, оставшихся без попечения родителей, из корыстных побуждений подобные деяния надо квалифицировать по общим правилам – как преступления против интересов службы. Однако по объекту преступления вред причиняется прежде всего не интересам службы, а именно интересам ребенка, незаконно помещенного в семью либо помещенного в семью из корыстных побуждений. В своем диссертационном исследовании С. Р. Абрамова характери-

зует субъектов рассматриваемого преступления как корыстных, расчетливых людей, которым свойственны безжалостность и безразличие к судьбе усыновленных (удочеренных), а также мягкотелых людей, преступающих закон и оправдывающихся себя тем, что в любой семье ребенку будет лучше, чем в детском доме. Из этого следует, что в статье 177¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь необходимо расширить круг субъектов, совершающих посреднические действия при усыновлении (удочерении) из корыстных побуждений. В связи с этим в абзаце первом статьи 177¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь слова «этим лицом» исключить.

Еще одним аргументом для отказа законодателя от конкретизации признаков субъекта рассматриваемого преступления является опыт Российской Федерации. В диссертационном исследовании С. Р. Абрамова обращает внимание на то, что «такие преступления обычно совершаются группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой. Последние чаще всего создаются для осуществления международного усыновления» [2, с. 33]. Обязательным участниками таких групп она называет руководителей воспитательных, лечебных учреждений, организаций социальной защиты населения и других аналогичных учреждений, должностные лица органов опеки и попечительства и иные лица, осуществляющие действия по усыновлению (удочерению). Иначе говоря, критерием криминализации и условием уголовной ответственности должен быть не специальный субъект, а мотив (корысть), которым руководствуется лицо при совершении преступления.

Таким образом, с учетом предлагаемых изменений характеристика субъекта будет зависеть от формы действия, как и признаки субъективной стороны преступления. Для данного преступления в форме действий по подбору и передаче детей на усыновление (удочерение) от имени или в интересах лиц, желающих их усыновить (удочерить), субъект останется специальным, а для преступления в форме склонения к согласию на усыновление (удочерение) детей станет общим.

Список использованных источников

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
2. Абрамова, С. Р. Методика расследования торговли несовершеннолетними, подмены ребенка и незаконного усыновления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. Р. Абрамова. – М., 2009. – 265 с.

ОБ ОДНОМ ИЗ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ПРИМЕНЕНИЯ УСКОРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Шилко Жанна Анатольевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь, г. Могилев

Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [1] в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) в ускоренное производство внесен ряд изменений, в частности касающихся условий для начала данного производства. Так, до принятия вышеуказанных изменений в числе обязательных условий, при наличии которых возможно применение ускоренного производства, в ч. 1 ст. 452 УПК законодатель называет ситуацию, при которой «известно лицо, подозреваемое в совершении преступления, и оно не отрицает своей причастности к совершению преступления». В данном случае, по нашему мнению, следует понимать ситуацию, при которой на момент принятия решения о начале ускоренного производства, следователь обладает достаточными данными, подтверждающими факт совершения преступления конкретным лицом. Причем, как утверждают И. В. Данько и О. В. Рожко: «данное лицо поставлено в известность о начале уголовного процесса по факту совершенного им деяния» [2, с. 11]. Однако в дальнейшем в этой же уголовно-процессуальной норме (в частях 3 и 4) законодатель употребляет формулировку «лицо, совершившее преступление». Непонятно, имела ли место в данном случае терминологическая неточность либо неудачная попытка формулирования процессуального статуса ключевого участника ускоренного производства на досудебном этапе. Разумеется, что, употребляя термин «лицо, подозреваемое в совершении преступления», законодатель не имеет в виду подозреваемого. «Лицо, подозреваемое в совершении преступления по смыслу ч. 1 ст. 452 УПК, и подозреваемый, правовой статус которого закреплен в ст. ст. 40 и 41 УПК, – как поясняют данную ситуацию И. В. Данько и О. В. Рожко, – это разные процессуальные фигуры» [2, с. 11]. Если правовой статус подозреваемого детально регламентирован вышеуказанными нормами, то применительно к лицу, в отношении которого осуществляется ускоренное производство, уголовно-процессуальный закон оставляет не решенным вопрос о его процессуальном положении, а именно о его правах и обязанностях.

Анализ новой редакции ст. 452 УПК показал, что, несмотря на предпринятые законодателем попытки уточнения формулировки статуса лица, в отношении которого будет начато ускоренное производство, единого подхода в данном вопросе рассматриваемые новеллы в уголовно-процессуальном законодательстве так и не выработали. Так, в ч. 1 ст. 452 УПК употребляется формулировка «лицо, подозреваемое в совершении преступле-

ния, и не отрицающее совершения им этого преступления», а в ч. 3 и ч. 4 этой же нормы «лицо, не отрицающее совершение преступления», то есть такое условие, как наличие подозрения в отношении лица, не отрицающего совершение им преступления, не всегда принимается во внимание при ускоренном производстве, по крайней мере, до принятия решения о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. Полагаем, смысл положений ст. 452 УПК, касающихся содержания подозрения в отношении лица, совершившего преступление, относящее к определенной категории, заключается в наличии таких фактических данных, которые подтверждают факт совершения преступления конкретным лицом.

Кроме того, считаем необходимым уточнить, что наличие такого условия применения ускоренного производства, как не отрицание лицом совершения им преступления, возможно только в тех случаях, когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, подтверждает следователю непосредственное совершение им общественно-опасного деяния, то есть является его исполнителем. В рассматриваемом нами случае представляется необходимым затронуть следующее обстоятельство, имеющее непосредственное отношение к лицу, в отношении которого осуществляется ускоренное производство.

Согласно действующему уголовному законодательству Республики Беларусь исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление, либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами, либо совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности или совершивших преступление по неосторожности (ч. 3 ст. 16 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Следовательно, теоретически, проведение ускоренного производства возможно и в случаях совершения преступления группой лиц. Представляется, что в подобных случаях обязательным условием для начала ускоренного производства будет являться не только известность всех подозреваемых лиц, не отрицающих совершения ими преступления каким-либо образом, но и полное отсутствие противоречий относительно роли, объема выполненных действий каждого лица в инкриминируемом деянии. По нашему мнению, в практической деятельности проведение ускоренного производства в отношении группы лиц категорически не может иметь места. Считаем, что каждое лицо по своей природе уникально и наличие идеальной согласованности в действиях участников группы, совершившей какое-либо преступление, пусть даже не являющееся тяжким либо особым образом спланированным и подготовленным, практически невозможно. Кроме этого при установлении обстоятельств преступления, совершенного в группе лиц, для разграничения ролей и степени участия каждого участника, для детализации и уточнения фактических обстоятельств дела, устранения имеющихся противоречий, как показывает практика, невозможно обойтись без дополнительных (повторных) допросов соучастников, без проведения между ними очных ставок, а использование таких процессуальных возможностей получения фактических данных при ускоренном производстве, как известно, запрещено. Вместе с тем анализ статистических данных об уголовных делах ускоренного производства, оконченных, например следственными подразделениями Могилевской области в 2015 году, свидетельствует о фактах привлечения в качестве обвиняемых по таким делам двух и даже трех лиц, в то время как следственными подразделениями г. Минска в 2015 году подобных случаев не допущено. Полагаем, что принятые в ч. 1 ст. 452 УПК изменения исключают различные подходы в правоприменительной практике.

В продолжение рассуждений о наличии рассматриваемого здесь условия для применения ускоренного производства выражаем солидарность с мнением И. В. Данько и О. В. Рожко, полагающих, что «определенная сложность будет возникать и в случае, когда лицо, не отрицая совершения им преступления, опровергает определенные обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела, но не влияющие на квалификацию деяния» [2, с. 12]. Считаем, что в рассмотренных случаях ускоренное производство недопустимо, поскольку на момент принятия решения о его начале установление обстоятельств, влияющих на законность, обоснованность и справедливость разрешения дела, не должно вызывать затруднений и требовать проведения сложного комплекса следственных и других процессуальных действий.

Таким образом, с учетом принятых Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» изменений в ч. 1 ст. 452 УПК, уточнивших по сути содержание такого условия осуществления ускоренного производства, как известность лица, подозреваемого в совершении преступления, и не отрицание им совершения этого преступления, будет способствовать формированию единого подхода у правоприменителей в случаях, когда данное лицо является исполнителем, то есть непосредственно, без участия других лиц, совершило преступление, относящееся к категории менее тяжких либо не представляющих большой общественной опасности.

Список использованных источников

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2016 г., № 356-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Данько, И. В. Ускоренное производство : лекция / И. В. Данько, О. В. Рожко ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. м-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 30 с.

РАЗДЕЛ VI ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

УСЛОЖНЕНИЕ СУДЕБНОГО ДЕЛА: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ

Банников Руслан Юрьевич,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Воронежского государственного университета, г. Воронеж
кандидат юридических наук

«Не бывает легких дел, бывает легкое отношение к ним» – будучи стажером адвоката, мне не раз приходилось слышать эти слова. С тех пор многое изменилось, а главное теперь я сам пытаюсь донести эту истину до своих стажеров. Однако до последнего времени я не задумывался о ее глубине, действительном смысле, что, как я сейчас понимаю, было неверно.

В самом общем виде моя точка зрения заключается в том, что каждое судебное дело с момента его возбуждения имеет тенденцию к усложнению. Даже начинаясь как относительно простое, оно подобно «снежному кому» непременно обрастает дополнительным процессуальным материалом. Это объясняется тем, что все процессуальные действия, независимо от того, кем именно они совершаются – судом или иными субъектами процесса, – должны фиксироваться, что, в свою очередь, влечет за собой увеличение количества процессуальных документов [1, с. 15] в деле. В. В. Ярков выделяет следующие существенные признаки процессуальных документов: 1) наличие волеизъявления или сообщения по правовым вопросам суда, лиц, участвующих в деле, либо других участников процесса; 2) четкая юридическая регламентация их формы и содержания; 3) предназначенность документов для *оформления и удостоверения процессуальных действий (выделено нами – Б.Р.)*; 4) их включение в судопроизводство влечет наступление правовых последствий, так как документы выступают своеобразными юридическими фактами в сфере гражданского процесса. Таким образом, усложнение дела всегда сказывается на объеме процессуального материала по нему, поскольку объем является внешним выражением сложности дела.

Надо сказать, что причин усложнения судебных дел несколько. Одна из таких причин состоит в том, что *предмет доказывания по делу не является статичным*, раз и навсегда установленным. В ходе разбирательства по делу он может неоднократно меняться, к примеру, для целей исследования фактов, о существовании которых не было известно при вынесении определения суда о принятии искового заявления к производству и подготовке дела. И это – не исключение, а общее правило. Дело в том, что суд принимает вышеуказанное определение, руководствуясь «дозированной» информацией, изложенной в исковом заявлении. На этом этапе он не знает и не может знать всех аспектов спорного правоотношения. Ему известно лишь то, что было изложено в иске. Но и сам иск, по моему опыту, «понятие, развивающееся по ходу судебного процесса», так как редкое исковое заявление доходит до итогового судебного акта в первоначальном виде. Причин этому, как представляется, множество: от изначального незнания истцом всех обстоятельств дела до сознательного замалчивания их до удобного случая. С другой стороны, позиция ответчика станет известна суду не ранее, чем тот окажется в зале судебного заседания и (или) представит мотивированные возражения на иск. В этой связи думается, что при вынесении определения о принятии заявления и подготовке дела к разбирательству суд определяет предмет доказывания лишь предварительно и исключительно на основании норм материального права, регулирующих спорное правовое отношение, имея в виду типовой предмет доказывания для соответствующей категории дел.

Кроме того, следует учитывать, что юридические события и факты могут обладать так называемым рефлексивным действием. Данное понятие, впервые введенное Рудольфом фон Иерингом, заключается в следующем. В мире юридическом, подобно миру физическому, невозможно безусловное изолирование юридического акта. Напротив, из него вытекают не только последствия, составлявшие прямую цель его совершения, но и другие, которые, не находясь в причинной связи с намерением совершивших его лиц, касаются третьих, совершенно посторонних и в акте безучастных, субъектов [2, с. 22]. Вместе с тем важно предостеречь от буквального понимания рефлексивного действия факта в цивилистическом процессе, где возможность нарушения прав и интересов лица судебным актом традиционно рассматривается в качестве основания для привлечения его к участию в деле, а принятие судом акта о правах и об обязанностях лица, не привлеченного к участию в деле, является безусловным основанием для отмены такого акта вышестоящим судом (п. 4 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 270 АПК РФ). Рефлексивное действие факта правильнее толковать расширительно, так как его определяющий признак заключается не столько во влиянии, оказываемом на постороннее лицо, сколько в тех непредвиденных правовых последствиях, которые при этом наступают. Эти последствия неизбежно входят в предмет доказывания и тем самым усложняют дело. Суд обязан исследовать каждый факт, имеющий значение для дела, на предмет наличия непредусмотренных последствий, ведь в противном случае, он рискует неправильно определить и неполно выявить обстоятельства по делу, что является основанием для изменения или отмены судебного акта (п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 270 АПК РФ). В этой связи можно согласиться с утверждением, что одна и та же сделка или событие могут формировать или составлять различные предметы доказывания [3, с. 46].

Более того, действие в отношении постороннего лица, на самом деле, является частным проявлением более

общего рефлексивного действия факта в виде наступления случайных последствий. Рефлексивное действие может вообще не затрагивать иных лиц, а заключаться в неожиданных последствиях для заранее определенных участников правоотношения. Однако, если данные последствия все же касаются посторонних лиц, это является основанием для привлечения таких лиц к участию в судебном процессе. В этом случае суд должен будет исследовать дополнительные факты, ведь указанные лица не молчат, они совершают соответствующие процессуальные действия, пытаясь донести свою позицию до суда, убедить его в своей правоте. Таким образом, при вступлении в дело нового лица либо без такового для суда ничего не меняется: его деятельность в обоих случаях одинакова – суд исследует все «вскрывающиеся» дополнительные обстоятельства под угрозой наступления неблагоприятных последствий, предусмотренных ст. ст. 330 ГПК РФ, 210 АПК РФ. Если это, на самом деле, так, то непривлечение лица в судебный процесс (п. 4 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 270 АПК РФ) представляет собой частный случай неполного или неправильного определения судом обстоятельств по делу (п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 270 АПК РФ). При этом то, что в ГПК РФ и АПК РФ указанные нарушения закона образуют разные составы, влекущие различные по тяжести последствия, объясняется достаточно просто: по моему мнению, это продиктовано исключительно необходимостью повышенной защиты прав и (или) интересов лица, не привлеченного к участию в деле, ведь при вынесении судебного акта в отношении такого лица уничтожается сама идея правосудия.

В дальнейшем стороны представляют суду свои позиции по вопросам факта и права. Иными словами, каждая из них стремится убедить суд в своем видении дела, начиная от определения предмета доказывания по делу, круга лиц, участвующих в деле, и заканчивая объемом доказательственного материала, необходимого для разрешения спора по существу. В подобных условиях суд сталкивается как минимум с двумя равнозначными версиями обстоятельств по делу, он должен их сопоставить, соотнести друг с другом. Поэтому за одни факты «цепляются» другие, а за них – третьи и так до установления судом всех обстоятельств по делу. При этом очевидно, что чем больше участников процесса, тем он сложнее. Тем более что, как верно утверждает Д. И. Смольников, поведение лица в процессе хотя и не является доказательством, также оценивается судом [4, с. 9].

В связи с этим можно утверждать, что усложнение судебного дела – это сложное многоуровневое явление, требующее самостоятельного исследования.

Список использованных источников

1. Приводится по: Рассахатская, Н. А. Гражданская процессуальная форма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Рассахатская. – Саратов, 1995. – 26 с.
2. Приводится по: Нолькен, А. Договоры в пользу третьих лиц: опыт теоретического исследования по гражданскому праву / А. Нолькен. – СПб. : Типография Императорской акад. наук, 1885. – 155 с.
3. Клейменов, А. Я. Состязательность в гражданском судопроизводстве Соединенных Штатов Америки / А. Я. Клейменов. – М. : Проспект, 2012. – 256 с.
4. Смольников, Д. И. Косвенные доказательства в гражданском судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. И. Смольников. – М. : 2016. – 23 с.

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Булгакова Ирина Валериевна,
профессор кафедры хозяйственного и транспортного права
Киевской государственной Академии водного транспорта
им. гетьмана Петра Канашевича-Сагайдачного, г. Киев,
кандидат юридических наук, доцент

Кардинальные изменения общественно-политической жизни, которые возникли в Украине в последнее время, вынуждают обратиться к одной из основных теоретических проблем юриспруденции – пониманию источников права, в том числе к такому ее аспекту, как судебное усмотрение. К сожалению, украинские ученые не уделяют достаточного внимания этому явлению, хотя вопрос судебного усмотрения ведет свою историю еще с древних времен. Сегодня можно выделить ряд российских ученых, которые занимаются этой проблемой, а именно: Д. Б. Абушенко, А. Барак, Р. С. Вахитов, О. В. Севастьянова, Д. Б. Добрачев и т. д.

Длительное время доктрина судебного усмотрения поддавалась критике и не учитывалась на практике. Считалось, что каждая правовая проблема имеет одно законное решение. Нищета и зарегулированность общественной жизни, неразвитость рыночных отношений, типичный характер возникающих конфликтных ситуаций и подобные процессы порождали рутинную практику и сводили на нет необходимость использования такого тонкого и сложного инструмента, как судебное усмотрение. В настоящее время законодатель не успевает за стремительными изменениями, которые возникают в процессе становления гражданского общества: действующая законодательная база содержит большой объем устаревших и противоречивых норм. Именно здесь, когда суд должен найти правовые основания для решения дела в аналогии, общих принципах или принципах справедливости, разумности, со всей актуальностью возникает проблема судебного усмотрения [5, с. 31].

Еще в начале XX века известный процессуалист И. А. Покровский отмечал, что закон не действует механически: для своего осуществления в жизни он нуждается в живом посреднике, которой применит его к конкретным случаям. Таким посредником является суд. Но суд не является обычным счетным или логическим механизмом, он также имеет свой ум и свои убеждения о справедливости, и для права возникает важная проблема: каким должно быть принципиальное отношение судьи к закону – должен ли он всегда и при всех обстоятельствах быть только толкователем и примирителем закона или же перед лицом действительности ему должна быть предоставлена более самостоятельная и более творческая роль? [11, с. 91].

Этот вопрос приобретает особое практическое значение в тех случаях, когда закон ощущается как норма несправедливая или когда оставляет неясности или пробелы. Как быть в случаях такого рода? Должен ли судья, несмотря на все это, все же обращаться исключительно к закону и с помощью тех или иных способов вытягивать из него его скрытую волю; должен ли он применять закон даже тогда, когда это приводит к несправедливости? Или все же, наоборот, суду должно быть дано право более свободного толкования, дополнения и даже исправления закона в соответствии с требованиями справедливости и велением судейской совести? Это проблема, которая стоит перед гражданским правом с той поры, как появился закон. Она создается не временем, а самой природой вещей, возникает из самого наличия закона и суда. Проблема эта появилась давно, еще в античном мире, в правовой истории Греции и Рима.

Приблизительно с III века до н. э. в Риме общественные отношения начали значительно усложняться, в результате чего старые неподвижные и ограниченные количественно нормы гражданского права перестали удовлетворять требования жизни. Новые потребности стали получать удовлетворение, в частности, с помощью эдиктов магистров, особенно преторского эдикта. Осуществляя руководство гражданским процессом, претор стал отказывать в иске при таких обстоятельствах, когда за буквой гражданского права должна была бы предоставлена защита, и, наоборот, давать иск в случаях, не предусмотренных в гражданском праве. Таким образом преодолевались трудности, которые возникали в результате несоответствия старых норм гражданского права новому укладу общественных отношений. Праву предоставлялся прогрессивный характер, хотя формально не отменялись исконные нормы, к которым консервативные римляне относились с особым уважением. Таким образом, преторский эдикт, не отменяя формально нормы гражданского права, указывал пути для признания новых отношений и этим становился формой правосоздания. Давая средства защите вопреки гражданскому праву (или хотя бы и дополнение гражданского права), преторский эдикт создавал новые формы права. Юрист Мариан называет преторское право живым голосом гражданского права именно в том понимании, что преторский эдикт быстро откликался на новые потребности жизни и их удовлетворял [11, с. 19].

Необходимо отметить, что судебное усмотрение в современных условиях в Украине возможно, на наш взгляд, только в пределах формально-логического подхода, то есть судебное усмотрение может быть применено только в случаях, предусмотренных нормами действующего материального и процессуального закона, в порядке и в формах, установленных этими нормами.

Современные ученые правильно указывают на то, что хозяйственный процесс (так как и гражданский) тесно связан с гражданским оборотом, а применение судебного усмотрения – с формализмом судопроизводства. С развитием рыночной экономики, реформированием социально-экономических отношений в обществе, повышением роли гражданского и хозяйственного права как основных регуляторов товарно-денежных и других отношений, которые складываются в рыночном хозяйстве, постепенно уменьшается значение формализма в хозяйственном и гражданском процессе. Присущие гражданско-правовому регулированию начала инициативы и диспозитивности, равенства и взаимной ответственности субъектов тянут за собой расширение области применения судебного усмотрения в правовом государстве, которое формируется, в частности, в хозяйственном (гражданском) процессе путем расширения возможностей осуществления судебного усмотрения. Все указанное свидетельствует о возможности применения судебного усмотрения только на соответствующем этапе развития гражданского оборота, при переходе к цивилизованным видам и формам рыночных отношений, которые основываются на доверии, беспорном выполнении обязательств, соблюдении всех требований, которые связаны с товарно-денежным обращением и функционированием гражданского оборота.

Обратившись к проблеме судебного усмотрения в гражданском процессе, О. А. Папкина пришла к следующим выводам. Считаем, что указанные выводы с некоторыми особенностями могут быть применены и в отношении судебного усмотрения в хозяйственном процессе.

Во-первых, судебным усмотрением является деятельность суда по рассмотрению спорных правовых вопросов, которая определяется нормами процессуального и материального закона.

Во-вторых, применение судебного усмотрения в процессе рассмотрения дела может осуществляться только в рамках норм действующего процессуального и материального закона, и потому является правоприменительной деятельностью.

В-третьих, субъектом, который осуществляет усмотрение в судопроизводстве, является суд. Применение усмотрения затрагивает интересы лиц, которые заинтересованы в рассмотрении дела: истцов, ответчиков, третьих лиц и т.д.

В-четвертых, поскольку в гражданском процессе (как и в хозяйственном) суд может осуществлять только те действия, которые предусмотрены процессуальными нормами (то есть формой), судебное усмотрение тоже осуществляется в процессуальной форме.

В-пятых, своеобразие отношений, которые возникают в процессе применения судебного усмотрения состоят из того, что они могут осуществляться в порядке и в форме, установленных теми нормами процессуального и материального права, которые предоставляют суду возможности по применению усмотрения. В процессе ука-

занной деятельности осуществляются действия, которые вытекают из целей, преследуемых законодателем, принципов права и других общих положений закона.

В завершение О. А. Папкина на основании обобщения вышеуказанных признаков судебного усмотрения предложила следующее определение данного правового явления: «Судебным усмотрением является урегулированная правовыми нормами и осуществленная в процессуальной форме правоприменительная деятельность, сущность которой состоит из предоставления суду в соответствующих случаях права разрешать спорный правовой вопрос, исходя из целей, которые преследуются законодателем, принципов права и других общих положений закона, конкретных обстоятельств дела, а также начал разумности, добросовестности, справедливости и основ морали» [10, с. 34–35].

По мнению Р. С. Вахитова и Е. В. Севастьяновой, судебное усмотрение предусматривает существование правовой проблемы, которая имеет больше одного законного способа ее решения. Таким образом, судебное усмотрение предусматривает:

наличие нескольких, как минимум двух вариантов решения проблемы, из которых судья имеет право избрать один;

выбор должен осуществляться только между имеющимися законными вариантами [5, с. 33].

Достаточно удачное определение, которое отображает сущность данного явления, предложил А. Барак: «Судебное усмотрение – это полномочия, которые закон дает судье, чтобы сделать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая является законной» [4, с. 15].

Обобщая позиции разных авторов, Д. Б. Абушенко указывает на общие начала, которые характерны для данной проблемы. Во-первых, каждый из авторов обращает внимание на соответствующую свободу суда, на наличие у суда права выбора. Во-вторых, так или иначе все авторы указывают на относительный характер такой свободы, на ее ограниченность. В-третьих, само установление свободы, и способы ее ограничения непосредственно вытекают из правовых норм (точнее, соответствующие указания на данные правовые явления содержатся в известных правовых источниках) [3, с. 19–20].

Таким образом, большинство современных исследователей данной проблемы подчеркивают, что применение судебного усмотрения возможно лишь в случаях и в порядке, предусмотренных нормами действующего материального и процессуального законодательства.

Кроме того, считаем, что при применении судебного усмотрения должны придерживаться соответствующие ограничения.

Бесспорно, что при осуществлении судебного усмотрения в хозяйственном процессе должен строго соблюдаться принцип законности, который заключается в обеспечении судьями хозяйственных судов правильного применения законов и других нормативно-правовых актов при решении споров, а также соблюдением всеми судьями хозяйственных судов правил, которые определены законодательством Украины о судостроительстве.

Так, А. Барак разделяет ограничение судебного усмотрения на процедурные и материальные: первые – это непредвзятость самого судьи, справедливость по отношению к сторонам во время судебного процесса, вторые сводятся к тому, что судья должен использовать свое усмотрение разумно [4, с. 32].

Д. Б. Абушенко выделяет три способа, с помощью которых законодателем определяется соответствующая свобода для правоприменителя:

простое указание;

использование оценочных категорий;

комбинированный способ [3, с. 23].

Первым способом, с помощью которого законодатель устанавливает право выбора для правоприменителя, является простое указание на судебное усмотрение. Существенным признаком простого указания является полное отсутствие в норме юридических фактов, на основании которых суд принимает правоприменительный акт (суд самостоятельно определяет для данной нормы те факты, которым будет придано юридическое значение).

Вторым способом, с помощью которого законодатель определяет право выбора для правоприменителя, является использование оценочных категорий.

Упоминание понятий, которые мы сегодня называем оценочными категориями, встречается уже в кодексе Наполеона. Но намного больше их можно встретить в Германском Гражданском Уложении, и не секрет, что наше гражданское законодательство очень много положений переняло от германского [7, с. 132].

За десятилетия советского периода как в теории гражданского права, так и в правоприменительной практике мы отвыкли от оценочных категорий. В гражданском законодательстве относительно деятельности участников гражданского оборота не было таких определений-характеристик, как «разумный», «добросовестный», «справедливый». Цивилистическая теория называла их каучуковыми определениями, которые не нужны гражданскому законодательству, поскольку порождают своеволие и путаницу на практике [13, с. 62].

Времена изменились, и сегодня мы имеем унифицированное гражданское законодательство Украины, в котором многие нормы созвучны заграничным аналогам, при этом они имеют свое лицо, следуя отечественным законодательным традициям. Заслуга украинского законодателя состоит в том, что за достаточно короткий срок создан новый механизм гражданско-правового регулирования имущественных отношений. Создание нового правового поля требует нового восприятия его всеми участниками гражданского оборота, в том числе правоприменителями. Другими словами, сегодня судья вынужден толковать не только нормы, работая с буквой закона, но и исходить из действительных намерений контрагентов, индивидуализируя каждый случай.

Следует указать, что новые Гражданский и Хозяйственный кодексы Украины, которые приняты 16 января 2003 года [1, 2] пошли своим путем. Они используют оценочные категории, следуя, в частности международной практике (например, Венской конвенции о договорах купли-продажи). Соответствующие нормы призваны предоставить судам в достаточно определенных пределах возможность учитывать при рассмотрении дел особенности каждой отдельной ситуации. Это имеет важное значение для случаев, когда сама соответствующая норма имеет императивный характер.

По общему правилу законодатель не раскрывает сути соответствующего понятия, хотя и создает его. Следовательно, если он отказывается от определения их сути, то таким образом выражает волю расширить рамки свободного усмотрения тех, кто эту норму применяет. Не вызывает сомнения, что в выработке представления об этих понятиях важную роль играет именно судебная практика.

Как справедливо отмечает В. В. Витрянский, очевидно, что закон не в состоянии определить общие критерии добросовестности, разумности и справедливости. Это может сделать суд при рассмотрении спора с учетом конкретной ситуации. И только анализ судебных актов, которые содержат оценку поведения участников имущественного оборота с точки зрения добросовестности, разумности и справедливости в наиболее типичных ситуациях, позволит разработать какие-либо общие подходы [6, с. 15].

Кроме того, по всему тексту Гражданского и Хозяйственного кодексов Украины можно найти такие оценочные понятия, как «существенное нарушение», «существенные недостатки», «разумный срок», «необходимые расходы», «необходимые действия» и т. д., параметры которых могут быть определены лишь многогранной практикой хозяйственных судов, которая применяется к конкретным ситуациям, возникающим при разрешении споров.

В свою очередь Д. А. Гараймович указывает на то, что при применении гражданско-правовых оценочных понятий в качестве основания оценки могут использоваться такие факторы, как правосознание, мораль, судебная практика, теоретические знания. В качестве основания оценки может выступать как обобщенная судебная практика, так и практика конкретных дел. Судебная практика раскрывает содержание гражданско-правовых оценочных понятий, разрабатывает единственную линию их применения, устанавливает пределы, определяет стандарты оценочных понятий [7, с. 139].

Третьим способом, с помощью которого законодатель устанавливает право выбора для правоприменителя, является комбинированный способ. Он имеет место тогда, когда вместе с оценочным сроком законодатель использует указанные конструкции.

По нашему мнению, необходимы соответствующие ориентиры, к которым судьи должны стремиться при применении судебного усмотрения. Бесспорно, что при наличии коллизии в действующем законодательстве Украины, сложности в применении той или другой нормы закона, отсутствия определенного правила при вынесении судебного акта судьи должны стремиться к тому, чтобы данный судебный акт отвечал общим началам и сути гражданского законодательства и, кроме того, требованиям добросовестности, разумности и справедливости.

Это те правовые ориентиры, которые в принципе должны всегда учитываться при вынесении судебного акта по конкретному делу. Судебный акт должен наиболее адекватно отображать содержание и суть законов с точки зрения соответствия их общеправовым ценностям.

Задача суда в развитом демократическом обществе, как правильно отмечает Д. В. Добрячев, состоит именно в применении и толковании закона, установлении на его основе права в широком понимании этого слова как состоянию справедливости в обществе [8, с. 11].

Как отмечает К. И. Скловский, право не результат воли законодателя, а продукт развития общества, отражения и закрепления отношений, которые сложились между людьми. Можно утвердить закон, который вступает в противоречие с основами права, со справедливостью, но тогда это уже будет не право, а своеволие. Закон – это всегда более или менее точное, более или менее полное отражение права, и только суд при рассмотрении конкретного спора может дать оценку соответствия закона праву при применении к данному случаю [12, с. 15].

В заключение отметим, что необходимость адекватного осознания и толкования содержания закона в каждом конкретном случае требует от судьи высокого профессионализма, нравственности и интеллекта, которые проявляются в концентрированном виде всего их культурно-личного содержания и умственного напряжения. Именно в том, что законы не применяются сами собой, а лишь через индивидуальное сознание конкретных судей и складывается необходимость такого феномена, как правовая культура – единство юридических, экономических, технических, организационных и других средств и приемов, которые обеспечивают качество судебной деятельности.

Список использованных источников:

1. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 року // Голос України. – 2003. – № 45–46; 47–48.
2. Господарський кодекс України від 16 січня 2003 року // Голос України. – 2003. – № 49. – 50.
3. Абушенко, Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе / Д. Б. Абушенко. – М, 2002.
4. Барак, А. Судейское усмотрение / А. Барак. – М., 1999.
5. Вахитов, Р. С., Севастьянова, Е. В. Судейское усмотрение и некоторые проблемы его реализации / Р. С. Вахитов, Е. В. Севастьянова // Арбитражная практика. – 2002. – № 6.
6. Витрянский, В. В. Новый гражданский кодекс и суд / В. В. Витрянский // Хозяйство и право. – 1997. –

№ 6.

7. Гараймович, Д. А. Оценочные понятия в современном гражданском праве / Д. А. Гараймович // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. – М., 2001.

8. Добрачев, Д. В. Судебное усмотрение в арбитражном процессуальном праве / Д. В. Добрачев / Юрид. журн. – 2003. – № 3.

9. Новицкий, И. А. Римское право / И. А. Новицкий. – М., 1998.

10. Папкина, О. А. Судейское усмотрение в гражданском процессуальном праве / О. А. Папкина // Законодательство. – 1999. – № 2.

11. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М., 1998.

12. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К. И. Скловский. – М., 1999.

13. Щенникова, Л. В. Злоупотребление правом (дух и буква закона) / Л. В. Щенникова // Законодательство. – 1999. – № 5.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАССМОТРЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ

Ионова Дина Юрьевна,

преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Корпоративные отношения были выделены в отдельную группу отношений, регулируемых гражданским законодательством Федеральным законом «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». С 1 сентября 2014 года начала действовать новая редакция главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященной юридическим лицам, в соответствии с которой подавляющее большинство известных организационно-правовых форм юридических лиц (как коммерческих, так и некоммерческих организаций) приобрели статус корпораций. Теперь в абз. 1 п. 1 ст. 65.1 ГК РФ указывается на два главных признака этого вида юридических лиц: участие (членство) в них их учредителей (участников) и формирование ими высшего органа юридического лица. Второй вид юридических лиц именуется унитарными юридическими лицами (согласно абз. 2 ч. 1 ст. 65.1 ГК РФ учредители таких юридических лиц не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства).

Однако в арбитражном процессуальном законодательстве глава 28.1 «корпоративные споры» появилась задолго до внесения указанных изменений в Гражданский кодекс и разделения юридических лиц на корпоративные и унитарные. В связи с этим многие ученые отмечали несогласованность норм материального и процессуального права. Однако значительное изменение норм ГК РФ, посвященных юридическим лицам, привело к еще большему несоответствию норм главы 28.1 АПК и материального законодательства. Рассмотрению указанной проблемы и посвящена настоящая статья.

1. Пункт 2 ч. 1 ст. 33 АПК устанавливает специальную подведомственность корпоративных споров арбитражным судам. Таким образом, имеет существенное значение четкое определение, какие именно категории дел и по каким критериям относятся к корпоративным спорам.

Согласно ст. 225.1 АПК корпоративный спор - это спор, связанный с созданием юридического лица, управлением им или участием в: юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, некоммерческом партнерстве, ассоциации (союзе) коммерческих организаций, иной некоммерческой организации, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей, некоммерческой организации, имеющей статус саморегулируемой организации в соответствии с федеральным законом. Таким образом, к корпоративным относятся споры, связанные с созданием, управлением или участием в юридическом лице, относящемся к виду организаций или действующем в правовой форме, обозначенной в абз. 1 ст. 225.1 АПК.

Обратимся к гражданскому законодательству. Согласно ст. 2 ГК «корпоративные отношения» – это отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Таким образом, если исходить из определения корпоративных отношений содержащегося в ст. 2 ГК, то корпоративными спорами следует признать споры, возникающие в связи с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. В соответствии с ГК государственные и муниципальные унитарные предприятия относятся к коммерческим юридическим лицам, но не имеют статуса корпорации, однако согласно ч. 1 ст. 225.1 АПК, поскольку они являются коммерческими организациями, то споры, связанные с их созданием, управлением или участием в таких юридических лицах будут рассматриваться арбитражными судами по правилам гл. 28.1 АПК. Такой вывод подтверждается и позицией, отраженной в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Перечень корпоративных споров установлен в ст. 225.1 АПК, вместе с тем он не носит исчерпывающего характера. При этом среди них есть дела, явно возникающие из корпоративных правоотношений, как, например, дела, связанные с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паев членов кооперативов, установлением их обременений и реализацией вытекающих из них прав (п. 2 ст. 225.1); споры о созыве общего собрания участников юридического лица (п. 7 ст. 225.1); споры об

обжаловании решений органов управления юридического лица (п. 8 ст. 225.1). Однако в ст. 225.1 АПК поименованы и другие категории дел, отнесение которых к корпоративным спорам, учитывая содержащееся в ст. 2 ГК определение корпоративных отношений, как отношений, связанных с участием в корпоративных организациях или с управлением ими, вызывает сомнения. Например, это такие дела как, споры, связанные с эмиссией ценных бумаг, в том числе, с оспариванием ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов (п. 5 ст. 225.1); споры, вытекающие из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, (п. 6 ст. 225.1); споры, вытекающие из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (п. 9 ст. 225.1). Представляется правильной позиция Н. Г. Фроловского, который предлагает в законе выделить две категории споров: непосредственно корпоративные споры, т.е. споры, возникающие в связи участием в корпоративных организациях или с управлением ими, а также споры, непосредственно связанные с корпоративными отношениями [6, с. 12]. При этом законодателю необходимо четко решить вопрос о перечне споров, непосредственно связанных с корпоративными отношениями. Следует согласиться с распространенной в литературе точкой зрения о том, что споры, вытекающие из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, должны быть исключены из перечня корпоративных споров. Если нотариус отказал в удостоверении сделки по отчуждению доли, а участник общества с ограниченной ответственностью и покупатель оспаривают его отказ, то представляется правильным применение гл. 37 ГПК РФ, которая предусматривает специальный порядок рассмотрения заявлений о совершении нотариального действия или об отказе в его совершении [1].

2. Еще одно введенное в 2014 году положение ГК РФ, привело к очевидной несогласованности норм материального и процессуального законодательства. Речь идет о вопросе, какое процессуальное положение занимают участники юридического лица по делам о взыскании убытков, причиненных такому юридическому лицу. Согласно действующей без изменений с 2009 года редакции ч. 1 ст. 225.8 АПК в случаях, предусмотренных федеральным законом, участники юридического лица вправе обратиться в арбитражный суд с иском о возмещении убытков, причиненных этому юридическому лицу. Такие участники пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности истца, а также обладают правом требовать принудительного исполнения решения арбитражного суда в пользу этого юридического лица. Таким образом, закон предоставляет право участникам обращаться в суд с исками о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу от своего имени, но в интересах такого юридического лица, косвенно защищая свои интересы как участников юридического лица. Однако в п. 1 ст. 65.2 ГК РФ указывается, что участник вправе требовать, действуя от имени корпорации (п. 1 ст. 182 ГК), возмещения причиненных корпорации убытков (ст. 53.1 ГК), а также оспаривать, действуя от имени корпорации (п. 1 ст. 182 ГК), совершенные ею сделки по основаниям, предусмотренным статьей 174 ГК или законами о корпорациях отдельными организационно-правовых форм, и требовать применения последствий их недействительности, а также применения последствий недействительности ничтожных сделок корпорации. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» не внес ясности в возникшее несоответствие норм материального и процессуального права. В п. 32 данного постановления в противоречие с положениями ст. 225.8 АПК указывается, что участник корпорации, обращающийся в установленном порядке от имени корпорации в суд с требованием о возмещении причиненных корпорации убытков (статья 53.1 ГК РФ), а также об оспаривании заключенных корпорацией сделок, о применении последствий их недействительности и о применении последствий недействительности ничтожных сделок корпорации, **в силу закона является ее представителем**, в том числе на стадии исполнения судебного решения, а истцом по делу выступает корпорация (п. 2 ст. 53 ГК РФ, п. 1 ст. 65.2 ГК РФ). Однако такое указание Верховного Суда представляется трудно применимым на практике. В соответствии с ч. 2 ст. 3 АПК судопроизводство в арбитражных судах определяется Конституцией России, указанными в данной статье федеральными конституционными законами, АПК **и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами**. Таким образом, при рассматриваемом возникшем противоречии норм ГК и АПК, судам следует применять положения ст. 225.8 АПК. Несмотря на приведенное разъяснение Верховного суда РФ в судебной практике участники обращаются в суд от своего имени и пользуются правами и обязанностями истца, а также в силу ч. 3 ст. 225.8 АПК именно участники несут в равных долях судебные расходы, связанные с рассмотрением дела по иску участников юридического лица о возмещении убытков. Неслучайно С. В. Моисеев указывает на необходимость тщательного теоретического осмысления общественных отношений, в том числе возникающих в сфере деятельности корпораций, и необходимость их продуманного, последовательного и непротиворечивого законодательного регулирования [2, с. 43]. Однако указанный автор ставит под сомнение наличие у участников корпорации самостоятельного юридического интереса, дающего право требовать возмещения убытков от лиц, из причинивших, независимо от личности последних [2, с. 39].

На наш взгляд, вносить изменения в части определения процессуального статуса участника юридического лица по искам о взыскании убытков, причиненных юридическому лицу, следует не в АПК, а в п. 1 ст. 65.2 ГК. В таких делах участники, обращаясь в интересах юридического лица, косвенно защищают свой интерес как участника юридического лица, который, прежде всего, заключается в обеспечении приносящего прибыль, а не убытки функционирования юридического лица, участниками которого они являются, недопущении наступления вследствие недобросовестных действий соответствующих органов управления таких негативных последствий как, например, уменьшение чистых активов или банкротство корпорации. В противном случае теряется

смысл участия в корпорации. Ведь неслучайно в науке сама конструкция юридического лица рассматривается как «корпоративный щит», ограничивающий или исключаящий ответственность его учредителей (участников) перед его кредиторами [4], но при этом обеспечивающий более эффективное использование капитала (имущества), в том числе, при его объединении учредителями (участниками). Таким образом, представляется, что конструкция косвенного иска в соответствии со ст. 225.8 АПК имеет сходство с установленными в ч. 2 ст. 53 АПК случаями, предусмотренными федеральным законом, когда организации и граждане вправе обращаться от своего имени в защиту прав и законных интересов других лиц. Но важная особенность дел, указанных в ст. 225.8 АПК состоит в том, что обращаясь от своего имени в защиту интересов юридического лица, его участник защищает и свои интересы, о которых было сказано выше.

3. Нормы Гражданского кодекса установили два взаимосвязанных положения, имеющих важное значение при рассмотрении судами корпоративных споров. Первое положение касается обязанности участника корпорации (вне зависимости от ее организационно-правовой формы), требующего возмещения причиненных корпорации убытков (на основании ст. 53.1 ГК), признания сделки корпорации недействительной или применения последствий недействительности сделки (п. 2 ст. 65.2 ГК), а также в случае оспаривания решения собрания участников корпорации (п. 6 ст. 181.4 ГК) «принять разумные меры по заблаговременному уведомлению других участников корпорации и в соответствующих случаях корпорации о намерении обратиться с такими требованиями в суд, а также предоставить им иную информацию, имеющую отношение к делу». Применение на практике такого положения вызвало значительные трудности, в том числе, такое правило привело к созданию препятствий в доступности судебной защиты корпоративных прав граждан и организаций. Так как, во-первых, появилась противоречивая судебная практика по вопросу о том, считать ли такое требование закона досудебным претензионным порядком урегулирования спора и следует при его несоблюдении оставлять исковое заявление без рассмотрения; а, во-вторых, какие меры по предварительному уведомлению о намерении обратиться в суд с иском считать «разумными». В настоящее время уже сложилась позиция арбитражных судов, согласно которой правило о заблаговременном уведомлении участников соответствующего гражданско-правового сообщества о намерении обратиться с иском в суд направлено на соблюдение права указанных лиц на присоединение к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, находящемуся в производстве арбитражного суда, и, как следствие, не связано с досудебным порядком урегулирования спора, поэтому суд не может в случае невыполнения указанного требования оставить исковое заявление без рассмотрения. По вопросу о порядке и форме уведомления о намерении обратиться в суд с иском высказался Верховный Суд, который в п. 33 указанного выше постановления Пленума указал, что по смыслу п. 2 ст. 65.2 ГК учредительными документами не может быть предусмотрен такой порядок уведомления, который создаст существенные препятствия для обращения истца в суд, в частности возложит на участника чрезмерные расходы. Например, не допускается установление требования о направлении уведомления или связанных с ним документов акционерам публичного акционерного общества на их почтовые адреса.

Необходимость и целесообразность введения в ГК правил о предварительном уведомлении о намерении обратиться с иском в суд вызывает сомнения. В ч. 3 ст. 225.4 АПК установлено право арбитражного суда указать в определении о принятии искового заявления, заявления к производству на обязанность юридического лица, в связи с участием в котором или управлением которым возник спор, уведомить о возбуждении производства по делу, предмете и об основании заявленного в арбитражный суд требования, об иных обстоятельствах спора участников этого юридического лица, лиц, входящих в его органы управления и органы контроля, а также держателя реестра владельцев ценных бумаг этого юридического лица и (или) депозитария, осуществляющих учет прав на эмиссионные ценные бумаги этого юридического лица. Представляется, что такое установленное в законе правило в достаточной мере гарантирует возможность для заинтересованных лиц вступить в процесс с целью защиты своих прав и законных интересов.

Однако в ГК содержится и второе взаимосвязанное с рассмотренным положение. В абз. 2 п. 2 ст. 65.2 ГК РФ содержится правило о том, что получившие уведомление участники корпорации, не присоединившиеся в порядке, установленном процессуальным законодательством, к иску о возмещении причиненных корпорации убытков (статья 53.1 ГК) либо к иску о признании недействительной совершенной корпорацией сделки или о применении последствий недействительности сделки, в последующем не вправе обращаться в суд с тождественными требованиями, если только суд не признает причины этого обращения уважительными. Аналогичное положение установлено в п. 6 ст. 181.4 ГК по делам об оспаривании решений собраний. Статья 65.2 ГК содержит отсылку к процессуальному законодательству, которое должно устанавливать порядок присоединения участника корпорации к иску, поданному другим участником. Как правильно отмечает Д. А. Туманов, единственный процессуальный институт, который в целом совпадает с моделью, предложенной в п. 6 ст. 181.4 ГК РФ, – это институт защиты интересов группы лиц. При этом из закона следует, что решения суда по делам в защиту интересов группы лиц, как и по делам об оспаривании решений собраний, исключают право на обращение в суд для лиц, не присоединившихся к требованию, вне зависимости от оснований (ч. 5 ст. 225.16 АПК РФ). Следует согласиться с Д. А. Тумановым, что механизм защиты группы лиц является специальным, применяемым при соблюдении определенных условий, и обращение в суд в таком порядке является правом, а не обязанностью заинтересованного лица. Однако в данном случае ее применение обязательно даже в тех случаях, когда указанные в гл. 28.2 АПК РФ условия для обращения в защиту группы лиц будут не соблюдены [5, с. 41–42]. Следует также добавить, что в настоящее время глава АПК, посвященная защите интересов группы лиц, на практике практически не применяется, в том числе из-за недостатков ее законодательного регулирования.

Законодатель при установлении рассматриваемых последствий неприсоединения участников к предъявленному иску, видимо, исходил из необходимости избежать рассмотрения судами большого числа исков участников корпораций с одинаковым предметом и основанием. Однако установление такого правила привело к ситуации, которую как нельзя точно характеризуют слова Е. Г. Стрельцовой о том, что имеет место «запрет на судебную защиту в отношении лица, в судебном процессе не участвовавшего именно потому, что его воли на это не было» [3].

В заключение следует отметить, что проф. М. С. Шакарян писала о том, что предпосылками доступности и эффективности правосудия должно быть внутренне согласованное процессуальное и связанное с ним материальное законодательство [7, с. 869]. К сожалению, на практике, в том числе в связи с бурно меняющимся как материальным, так и процессуальным законодательством, о такой согласованности сложно говорить. Представляется, однако, что следующим этапом в реформировании как материального законодательства, регулирующего корпоративные отношения, так и процессуального законодательства, устанавливающего особенности рассмотрения корпоративных споров, должно быть приведение их в соответствие. При этом законодатель должен руководствоваться целью обеспечения максимальной доступности правосудия при защите корпоративных прав, а не целью избежать рассмотрения исков разных участников одного юридического лица о том же предмете и по тем же основаниям.

Список использованных источников:

1. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 3-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс] / под ред. В. В. Яркова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
2. Моисеев, С. В. Процессуальное положение корпораций и лиц, обращающихся в защиту их прав / С. В. Моисеев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 12. – С. 33–44.
3. Стрельцова, Е. Г. О некоторых сложностях практического применения гл. 28.2 АПК РФ [Электронный ресурс] / Е. Г. Стрельцова // Право и политика. – 2010. – № 4 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
4. Суханов, Е. А. Комментарий к ст. 65.1–65.3 ГК РФ [Электронный ресурс] / Е. А. Суханов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
5. Туманов, Д. А. Проблемы оспаривания решений собраний по статье 181.4 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] / Д. А. Туманов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 7 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
6. Фроловский, Н. Г. Понятие корпоративного спора / Н. Г. Фроловский [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 6 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
7. Шакарян, М. С. Проблемы доступности и эффективности в судах общей юрисдикции / М. С. Шакарян // Избр. тр. – СПб., 2014. – 880 с.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА
МЕЖДУНАРОДНОЙ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ
УНИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Ластовская Ольга Александровна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно,
кандидат юридических наук

Право возбуждать дела в суде, выступать в качестве истца и ответчика является неотъемлемым полномочием международной межправительственной организации (далее – ММПО) и, как правило, закреплено в ее учредительных документах. Так, например, раздел 2 ст. IX Статей соглашения Международного валютного фонда от 22 июля 1944 г. наделяет организацию статусом юридического лица, а также следующими правами: вступать в договорные обязательства; приобретать недвижимое и движимое имущество и распоряжаться им; возбуждать судебное преследование [1]. Аналогичные нормы содержатся в источниках правового регулирования многих международных организаций [2, с. 106]. Таким образом, нормы международных договоров рассматривают ММПО в качестве участника процесса. И международные межправительственные организации пользуются предоставленным им процессуальным статусом.

Тем не менее, несмотря на содержание международных договоров и учреждение в Республике Беларусь ряда представительств ММПО, процессуальные кодифицированные акты Республики Беларусь неоднозначно регламентируют процессуальный статус ММПО.

Так, ст. 1 ХПК Республики Беларусь закрепляет понятие иностранного лица – это иностранные организации, международные организации, иностранные граждане, лица без гражданства, осуществляющие предпринима-

тельную и иную хозяйственную (экономическую) деятельность [3]. В соответствии со ст. 39 ХПК Республики Беларусь суд, рассматривающий экономические дела, рассматривает также подведомственные ему дела с участием юридических лиц, организаций, не являющихся юридическими лицами, индивидуальных предпринимателей и граждан Республики Беларусь, а также иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства и беженцев, осуществляющих предпринимательскую деятельность, если иное не предусмотрено международным договором Республики Беларусь. В силу ст. 239 ХПК Республики Беларусь судебный иммунитет международной организации определяется международными договорами Республики Беларусь.

Обратившись к гражданскому процессуальному законодательству, можно констатировать следующий факт: в ГПК Республики Беларусь ММПО непосредственно не рассматривается в качестве участника гражданского процесса. Содержание ст. 58 ГПК Республики Беларусь, определяющей лиц, за которыми признается гражданская процессуальная правоспособность, а также раздела X ГПК Республики Беларусь «Международный гражданский процесс» свидетельствует об отсутствии прямого указания на возможность обращения международной межправительственной организации в суды Республики Беларусь, а также об отсутствии коллизионных норм, позволяющих определить гражданскую процессуальную правоспособность ММПО [4].

Таким образом, можно констатировать различный подход законодателя к регламентации статуса ММПО как участника хозяйственного процесса и статуса ММПО как участника гражданского процесса.

В настоящее время в условиях совершенствования судебной системы в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь, 29 ноября 2013 г., № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» [5], который предусмотрел объединение Верховного Суда Республики Беларусь и Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь и образование единого высшего судебного органа по гражданским, уголовным, административным и экономическим делам – Верховного Суда, особенно актуальным становится *вопрос о единстве гражданского и хозяйственного процессов*.

Международная межправительственная организация может выступать как участник и гражданского и хозяйственного процессов. Следовательно, статус данного субъекта, определенный кодифицированными законами, должен быть единым.

Следует отметить, что в Российской Федерации объединение Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации создало основу для дальнейшего реформирования процессуального законодательства и создания единого Гражданского процессуального кодекса. В результате была разработана Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [6], содержание главы 55 которой указывает на целесообразность закрепления унифицированных норм главы 43 ГПК Российской Федерации и главы 33 АПК Российской Федерации. В частности, глава 55 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации посвящена вопросам рассмотрения судами дел с участием иностранных лиц, в том числе вопросам, связанным с определением процессуальной правоспособности ММПО и предъявлением исков к международной межправительственной организации.

Таким образом, унификация процессуального статуса ММПО может быть осуществлена следующими способами: 1) разработка и принятие единого процессуального кодекса, нормы которого будут регламентировать процессуальный статус ММПО, судебный иммунитет ММПО; 2) внесение изменений и дополнений в действующие ГПК Республики Беларусь и ХПК Республики Беларусь.

На наш взгляд, в настоящее время совершенствование правового регулирования процессуального статуса ММПО может быть осуществлено путем дополнения действующего процессуального законодательства Республики Беларусь. Регламентация статуса ММПО как участника процесса создаст условия для защиты оспоренных или нарушенных прав как самой ММПО, так и иных субъектов, вступающих в частноправовые отношения с международной межправительственной организацией.

В связи с этим предлагаем дополнить ГПК Республики Беларусь «Международный гражданский процесс» новой статьей 553¹ *следующего содержания: «Судебный иммунитет международной межправительственной организации определяется международными договорами Республики Беларусь»*. Кроме того, предлагаем дополнить статью 550 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь частью третьей следующего содержания: *«Процессуальная правоспособность международной межправительственной организации устанавливается на основе международного договора, в соответствии с которым она была создана, ее учредительных документов и соглашений, заключенных с компетентным органом Республики Беларусь»*. Аналогичная норма, содержащая указание на право, подлежащее применению для определения процессуальной правоспособности ММПО, может дополнить ХПК Республики Беларусь.

Предлагаемые изменения ГПК и ХПК Республики Беларусь будут способствовать единству процесса и находиться в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь», 29 ноября 2013 г., № 6.

Таким образом, международная межправительственная организация, являясь одним из основных субъектов международного публичного права, вступает и в отношения, регулируемые международным частным правом, является участником гражданского (хозяйственного) процесса. В условиях унификации гражданского и хозяйственного процессов процессуальный статус международной межправительственной организации должен быть единым. Совершенствование процессуального статуса ММПО в настоящее время может быть достигнуто прежде всего путем дополнения процессуальных кодексов Республики Беларусь. Вместе с тем, дальнейшая унификация гражданского и хозяйственного процессов обусловит постановку вопроса о едином процессуаль-

ном кодексе с включением в него норм, регламентирующих процессуальный статус международной межправительственной организации.

Список использованных источников

1. Статьи соглашения Международного валютного фонда [Электронный ресурс] : [заключено в г. Вашингтоне 22.07.1944 г. : в ред. от 15.12.2010 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Кохненко, О. А. Международная межправительственная организация как участник хозяйственного и гражданского процесса / О. А. Кохненко // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2008. – № 17. – С. 105–118.

3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-3 : принят Палатой Представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г., № 356-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-3 : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.05.2016 г., № 356-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 29 нояб. 2013 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

6. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071. – Дата доступа : 01.03.2016.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧРЕДИТЕЛЕЙ (УЧАСТНИКОВ) ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Матвийчук Сергей Борисович,
профессор кафедры адвокатуры юридического факультета
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Защита участников юридического лица от злоупотреблений руководителей и других участников этих юридических лиц является одной из важных задач хозяйственного законодательства во всех странах с развитой рыночной экономикой. Эта проблема становится более актуальной в условиях, когда хозяйственное общество контролируется одним или несколькими учредителями и в их руках сосредоточены крупные пакеты акций или долей в уставном фонде общества. В силу этого учредители (участники) юридических лиц нуждаются в установлении действенных средств их защиты.

Защита прав и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц может осуществляться путем использования предусмотренных законом соответствующих правовых способов. В юридической литературе отмечается, что наиболее совершенной формой защиты права является судебная форма [1, с. 9]. Представляется целесообразным рассмотреть отдельные вопросы судебной защиты учредителей (участников) хозяйственных обществ в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Наиболее распространенным является обращение в суд от имени участника, которое направлено в защиту его прав. В Законе Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» предусмотрены, например следующие случаи таких обращений. Так, в соответствии с ч. 7 ст. 45 данного закона решения общего собрания участников хозяйственного общества, принятые с нарушением законодательства или устава хозяйственного общества и (или) нарушающие права и законные интересы участника этого общества, не принимавшего участия в голосовании либо голосовавшего против их принятия, могут быть обжалованы в суд участником акционерного общества в течение шести месяцев, а участником общества с ограниченной ответственностью и общества с дополнительной ответственностью – в течение двух месяцев со дня, когда они узнали или должны были узнать о принятии таких решений.

Обращаясь в суд в таком порядке, учредители (участники) юридического лица, как правило, защищают свои собственные интересы. Однако, развивая частноправовые способы защиты гражданских прав, гражданское законодательство предусмотрело новый по характеру порядок судебной защиты – возможность предъявления так называемого косвенного иска, которым защищаются права не только отдельных участников, но и юридического лица в целом.

Уникальность и новизна такого способа защиты состоит в том, что правом на предъявление такого иска наделяются лица, которым не принадлежит имущественное требование, составляющее предмет судебного производства, в то время как по общему правилу судебный процесс может возбуждаться тем, кто стремится к защите свое-

го собственного права, и против того, на ком лежит соответствующая обязанность. Согласно ст. 6 ХПК Республики Беларусь в экономический суд вправе обращаться юридические лица и индивидуальные предприниматели, а также организации, не являющиеся юридическими лицами, и граждане в случаях, предусмотренных законодательными актами, в целях защиты своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Однако смысл косвенного иска и заключается в том, что лицо, его заявляющее, защищает свои интересы, но не прямо, а опосредованно, путем предъявления иска в защиту другого лица. Например, участники общества предъявляют иск о неправомерных действиях органов управления хозяйственного общества. Это иск о защите прав корпорации, участники которого понесли убытки. В таких делах участники являются истцами, а управляющие – ответчиками. По понятным причинам личной заинтересованности органы управления юридического лица, которые выступают от его имени самостоятельно не иницируют предъявление таких исков.

Анализ законодательства Республики Беларусь позволяет выделить следующие правовые основания возможности защиты прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц с помощью косвенных исков.

Пункт 3 ст. 49 ГК Республики Беларусь. Согласно данной норме лицо, которое в силу акта законодательства или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Оно обязано по требованию собственника имущества (учредителей, участников) юридического лица, поскольку иное не предусмотрено законодательными актами или договором, возместить убытки, причиненные им юридическому лицу.

Данная норма распространяется на все организационные формы юридических лиц и имеет помимо материально-правового еще и процессуальное значение:

Во-первых, определяется субъектный состав участников данных отношений как в материальном, так и в процессуальном праве. С одной стороны, материально-правовое требование принадлежит юридическому лицу, а обязанным субъектом, который должен возместить ему убытки, является лицо, выступающее от имени такого юридического лица. С точки зрения процессуальных правил право на предъявление иска предоставлено участникам юридического лица, которые рассматриваются в качестве истцов.

Во-вторых, норма п. 3 ст. 49 ГК Республики Беларусь в части определения надлежащих ответчиков является отсылочной по характеру, поскольку круг лиц, наделенных правом выступать от имени юридического лица, определяется в законе либо учредительных документах. Поэтому следует анализировать, прежде всего, положения Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах», а также учредительных документов (в основном уставов) с целью установления уполномоченных лиц, которым предоставлено право выступать от имени юридических лиц.

В-третьих, определен характер искового требования, которое заключается в возмещении убытков, причиненных управляющими юридическому лицу. Какие-либо иные требования могут предъявляться только в обычном порядке, предусмотренном процессуальным законодательством.

Пункт 3 ст. 105 ГК Республики Беларусь. Участники (акционеры) дочернего общества вправе требовать возмещения основным обществом (товариществом) убытков, причиненных по его вине дочернему обществу, если иное не установлено законодательством о хозяйственных обществах. Содержание ст. 7 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» почти дословно воспроизводит содержание одноименной ст. 105 ГК. Однако в отличие от норм п. 3 ст. 105 ГК частью пятой ст. 7 Закона установлена императивная норма о праве участников дочернего хозяйственного общества требовать возмещения основным обществом или товариществом убытков, причиненных по их вине дочернему обществу. Возмещение убытков в указанной ситуации будет определяться наличием вины, т. е. совершением основным хозяйственным обществом умышленно либо по неосторожности любого действия, повлекшего столь нежелательные для дочернего общества последствия.

Винное поведение основного общества (товарищества) может выражаться как в действии (например, дача указаний, привлечение к участию в договорных отношениях с иными лицами и т. д.), так и в бездействии (например, невыполнение своих договорных обязательств перед ним или третьими лицами и т. д.). Винное действие необязательно должно быть противоправным, т. е. нарушающим норму законодательства. Вина может выражаться и в экономическом просчете, принятии юридически правомерного, но экономически нецелесообразного решения (например, распоряжение дочернему обществу об участии в проекте, который превышает финансовые и иные возможности дочернего общества).

Статья 174 ГК Республики Беларусь. Сделка, совершенная юридическим лицом в противоречии с целями его деятельности либо юридическим лицом, не имеющим специального разрешения (лицензии) на занятие соответствующей деятельностью, может быть признана судом недействительной по иску собственника имущества (учредителя, участника) этого юридического лица или государственного органа, осуществляющего контроль или надзор за деятельностью юридического лица, если другая сторона в сделке знала или в силу акта законодательства обязана была знать о ее неправомерности, но заключила такую сделку умышленно или по неосторожности.

Часть 9 ст. 57 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах». Сделка, в совершении которой имеется заинтересованность аффилированного лица хозяйственного общества и которая совершена с нарушением требований данной статьи, является оспоримой и может быть признана судом недействительной по иску участников хозяйственного общества, самого хозяйственного общества, а также членов совета директоров (наблюдательного совета).

Часть 11 ст. 58 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах». Крупная сделка, совершенная с нарушением предъявляемых требований, является оспоримой и может быть признана судом недействительной

по иску участников хозяйственного общества, самого хозяйственного общества, а также членов совета директоров (наблюдательного совета).

Вышеназванные положения данного закона совместимы с мировыми стандартами правового регулирования защиты акционеров и участников иных корпораций.

Так, в соответствии с п. 23.1 Правил гражданского судопроизводства в федеральных районных судах США допускается рассмотрение производных исков, поданных акционерами с целью принудить директора корпорации действовать определенным образом от имени корпорации против третьего лица, а также с целью возмещения убытков корпорации, причиненных корпорациями, нарушившими свои доверительные обязанности [2, с. 96].

Положение аналогичного характера отражено в Законе «Об акционерных обществах» ФРГ. Согласно ст. 147 данного закона акционеры, владеющие по крайней мере 5 процентами акций либо акциями на сумму 500 000 Евро могут потребовать от акционерного общества предъявить управляющим и директорам иски о возмещении убытков, вызванных ненадлежащим управлением, если существует причина подозревать, что акционерное общество управляется ненадлежащим образом или недобросовестно [3, с. 44].

В Российской Федерации нормы, регулирующие порядок защиты прав акционеров при помощи косвенных исков закреплены в ряде законов. В то же время сам вопрос о существовании косвенных исков и возможности их применения подвергается серьезной критике со стороны отдельных ученых. Так, Г. Л. Осокина считает, что «конструкция косвенного (производного) иска, несмотря на внешнюю привлекательность, крайне нелогична, вследствие чего порождает больше вопросов, чем дает на них ответы» [4, с. 97]. Излагая свое видение возможности применения косвенного иска в Российской Федерации, П. П. Колесов делает вывод, что анализ нормативных предписаний, содержащихся в ГК Российской Федерации свидетельствует о том, что «... производного иска быть не может, поскольку причинитель вреда известен и акционерам не требуется доказывать, что ущерб причинен обществу» [5, с. 22]. Тем не менее и они признают специфику таких правоотношений и необходимость их регулирования и защиты, но только не с помощью косвенного, а с помощью так называемого корпоративного иска.

Данные доводы представляются неубедительными, так как возражения противников косвенных исков в основном можно свести к следующему. Взамен понятия косвенного иска предлагается использовать термин «корпоративный иск» как охватывающий собой различные требования, связанные с защитой прав акционерного общества – коллективного субъекта прав и корпоративных отношений. На наш взгляд, такая критика не плодотворна, поскольку выделение корпоративного иска основано совершенно на других (нежели косвенных исков) критериях, а именно на давно известной процессуальному праву классификации по материально-правовому признаку, т.е. характеру материального правоотношения, из которого возникли соответствующие спор и требование. В. В. Ярков неоднократно подчеркивал, что косвенные иски выделяются в рамках принципиально иной классификации – в зависимости от характера защищаемого интереса и выгодоприобретателя по иску [6, с. 79].

Анализ законодательства Республики Беларусь позволяет сделать однозначный вывод, что дела, возбуждаемые по косвенным искам, подведомственны только экономическим судам, в связи с чем вопросы применения такого способа защиты следует рассматривать с точки зрения хозяйственного процессуального права. Однако, с другой стороны, многие проблемы данной отрасли права имеют сходное содержание с аналогичными проблемами в гражданском процессуальном праве, в связи с чем В. В. Жандаров подчеркивал, что «при решении таких проблем хозяйственное судопроизводство должно воспринимать положительный опыт правосудия в области гражданской юрисдикции ...» [7, с. 1].

Косвенный иск не является универсальным средством защиты. Право на его предъявление в соответствии со ст. 49, 105, 174 ГК Республики Беларусь и ст. 57, 58 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» ограничено и предоставлено только участникам (учредителям) юридического лица.

Возможность использования косвенного иска в качестве средства защиты прав и охраняемых законом интересов ставит большое количество дискуссионных вопросов.

Наибольшую дискуссию вызывает вопрос определения процессуального положения лиц, участвующих в деле по косвенному иску, и, в первую очередь, кого следует считать истцом по косвенному иску. В научной литературе по этому поводу высказаны следующие точки зрения: истцом является само общество, а его участник действует аналогично порядку, предусмотренному ст. 87 ГПК Республики Беларусь; как законный представитель; истцом является сам участник общества.

Решение данной проблемы, на наш взгляд, зависит от ответа на два вопроса: какой характер имеет юридический интерес участника общества в такой ситуации и как будет развиваться процессуальное правоотношение при реализации указанных вариантов процессуального положения лиц в рамках действующего ХПК Республики Беларусь?

Субъективное материальное право не является единственной формой охраны интереса субъекта как социальной категории. В ряде случаев законодатель берет его под защиту не путем предоставления лицу субъективных материальных прав, а дает возможность прибегнуть к судебной защите охраняемого законом интереса. Интерес (в широком смысле) в такой ситуации существует «за пределами субъективного гражданского права», являясь его предпосылкой [8, с. 7]. Как верно отмечает Т. С. Таранова, «лицо, требующее возбуждения дела в суде, должно иметь правовой интерес, свою позицию в споре» [9, с. 54]. О такого рода интересе речь идет в ст. 6 ХПК Республики Беларусь, когда говорится о защите нарушенных или оспариваемых законных интересах лица, обращающегося в экономический суд. Однако для того, чтобы истец являлся надлежащим, недостаточно такого рода заинтересованности. Необходимо, чтобы лицо лично обращалось в суд за защитой своего права или охраняемого законом интереса, за исключением случаев, предусмотренных законодательством, когда возможна за-

щита прав других лиц. Предположительно существующая косвенная или будущая связь между решением по делу и правами лица не является основанием для признания истца надлежащим. Как указывалось выше, применительно к анализируемой сфере общественных отношений критерием для определения надлежащего характера истца при косвенной связи между решением по делу является установление права лица на обращение в суд в форме охраняемого законом интереса. Можно было бы ограничиться указанием на то, что в данной ситуации речь идет о защите только охраняемого законом интереса, однако этого недостаточно для того, чтобы обосновать самостоятельность института косвенного иска в ряде иных способов судебной защиты. Обращаясь в экономический суд с косвенным иском, участник общества защищает свой интерес как социальную категорию, отраженную не только в наличии у него охраняемого законом интереса, но и в его имущественных правах.

Абстрактные имущественные права, предоставляемые участнику хозяйственного общества в силу отношений участия, являются лишь одним из юридических фактов, входящих в сложный состав, лежащий в основе конкретного субъективного имущественного права. Одним из таких юридических фактов применительно к праву на дивиденд (участие в прибыли хозяйственного общества) является само наличие прибыли. От взыскания убытков в такой ситуации и будет зависеть формирование прибыли. Таким образом, при взыскании убытков по косвенному иску имеет место объективно существующая связь между решением по делу и предполагаемыми правами и охраняемыми законом интересами (одновременно) участника общества. Следовательно, можно согласиться с Р. Е. Гукасяном, что «интерес акционера, как лица, участвующего в деле, имеет материальный характер» [10, с. 47]. Другой проблемой является то, что решение по делу как юридический факт в данной ситуации не будет находиться в непосредственной связи с правами участников хозяйственного общества. Возникновение прав будет зависеть еще от целого ряда обстоятельств, а, следовательно, участник общества в деле по данному иску имеет лишь косвенный интерес.

Проанализируем возможности участия в рамках ХПК Республики Беларусь и ГПК Республики Беларусь указанных выше вариантов состава лиц, участвующих в деле по косвенному иску.

Обращаясь в суд с косвенным иском, участник защищает непосредственно субъективные права другого лица. В гражданском процессе такой бы участник попал в круг лиц, предъявляющих иски в порядке, предусмотренном ст. 87 ГПК Республики Беларусь, в соответствии с которой граждане могут обращаться в суд «с заявлениями в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц в... случаях, предусмотренных законодательными актами». Обращает на себя внимание тот факт, что ст. 67 ХПК Республики Беларусь вообще не предусматривает право граждан на обращение в суд в защиту прав и интересов других лиц.

Представляется, что процессуальный статус участника (учредителя), предъявившего иск и хозяйственного общества следует определить исходя из следующих соображений. Так как право на косвенный иск содержит две составляющие, а именно право на предъявление иска принадлежит участнику (учредителю), а право на возмещение убытков – хозяйственному обществу, то участника (учредителя) хозяйственного общества следует считать процессуальным истцом по аналогии с иском прокурора и государственного органа. Следовательно, по мнению Н. Г. Елисеева, хозяйственное общество является истцом в материальном смысле, так как в случае удовлетворения иска именно оно получает компенсацию убытков [11, с. 85]. Однако, по нашему мнению, возможны ситуации, в которых надлежащая защита охраняемого законом интереса и будущих прав учредителей (участников) при таком определении их процессуального статуса не будет осуществлена, так как лицо – единственный исполнительный орган, действующий в процессе в интересах общества (как истца в материальном смысле), будет совпадать с ответчиком по делу. Существует возможность, что после вступления в процесс в качестве истца общество в лице его органов вообще может отказаться от иска. Кроме того, не ясно, в какой степени будут учтены интересы участников при заключении обществом мирового соглашения в таком деле.

Нельзя согласиться с высказанной в литературе точкой зрения о том, что лицо, предъявившее косвенный иск, является представителем юридического лица. Применительно к косвенным искам, предъявленным в защиту прав юридических лиц, это вряд ли возможно из-за формальных причин. В соответствии со ст. 76 ХПК Республики Беларусь представлять интересы юридического лица вправе его представитель, который в силу законодательства или учредительных документов уполномочен выступать от имени этого юридического лица. Однако смысл косвенного иска и заключается в том, чтобы привлечь к ответственности именно это лицо, т. е. истец и ответчик совпадают, что представляется явно бессмысленным.

Как с теоретической, так и с практической точки зрения правильнее истцом по косвенному иску считать участника общества. Выше указывалось, что он, с одной стороны, обладает материальным интересом в исходе дела, а следовательно, отвечает основному признаку истца как лица, юридически заинтересованного в исходе дела, а с другой – принято считать, что надлежащими сторонами по делу являются предполагаемые субъекты спорного материального правоотношения. Участник общества в такой ситуации представляет собой новый тип истца, правовой статус которого не укладывается в существующие процессуальные конструкции.

По такому пути развивается хозяйственное процессуальное законодательство Российской Федерации где в арбитражный процессуальный кодекс введена новая глава полностью посвященная особенностям рассмотрения дел по корпоративным спорам.

Важной новеллой ч. 1 ст. 225.8 АПК Российской Федерации является то, что в ней прямо определен процессуальный статус участников общества. В ней указано, что участники пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности истца, включая право требовать принудительное исполнение решения арбитражного суда в пользу соответствующего юридического лица.

Вместе с тем данная норма не дает ответа на вопрос о процессуальном положении юридического лица, в интересах которого предъявлен иск о возмещении убытков. Как мы выяснили ранее, хозяйственное общество, действующее через свои органы управления, самостоятельно не инициирует возбуждение процесса, так как члены органов управления имеют в этом личную заинтересованность. Следовательно, истцом общество не является, нельзя рассматривать общество в качестве соистца и третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, ибо в соответствии со ст. 6 ХПК Республики Беларусь участие в процессе в данном качестве является правом юридического лица, а не обязанностью и привлечь в процесс помимо его воли не представляется возможным. Пока в судебной практике, как отмечает А. А. Грось, нет единого подхода, и общество, в интересах которого подан иск, «примеряет» на себя статусы всех лиц, участвующих в деле [12, с. 14]. Наиболее точно, по нашему мнению, положение хозяйственного общества соответствует понятию третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований ввиду того, что судебное решение по косвенному иску, как подчеркивает В. С. Каменков, может повлиять на его права и обязанности по отношению к одной из сторон [13, с. 53]. Хозяйственное общество имеет в деле правовой интерес, обладает ключевыми доказательствами, относящимися к предмету спора. Его можно привлечь к участию в деле по ходатайству сторон или инициативе хозяйственного суда. Следовательно, общество обладает всеми признаками третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований.

Таким образом, анализ п. 3 ст. 49, п. 3 ст. 105 и ст. 174 ГК и Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» позволяет сделать вывод, что учредители (участники) юридического лица вправе предъявлять иски к лицу, которое в силу закона или учредительных документов выступает от имени юридического лица о возмещении причиненных им убытков в пользу юридического лица. Вместе с тем хозяйственное процессуальное законодательство не содержит механизм реализации данного права, в связи с чем нуждается в теоретической разработке и внесении изменений в действующее законодательство.

Список использованных источников

1. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – Минск: Амалфея, 2000. – 576 с.
2. Малышев, П. Н. Косвенные иски акционеров в судебной практике США / П. Н. Малышев // Рос. юрид. журн. – 1996. – № 1. – С. 95–102.
3. Горлов, В. А. Производные иски в системе иностранного корпоративного права / В. А. Горлов // Право и политика. – 2000. – № 5. – С. 44–48.
4. Осокина, Г. Л. Иск (теория и практика) / Г. Л. Осокина. – М. : Городец, 2000. – 192 с.
5. Колесов, П. П. К ревизии отечественной теории производного иска / В. В. Колесов // Арбитр. и гражд. процесс. – 2005. – № 2. – С. 21–25.
6. Ярков, В. В. Гражданское судопроизводство: особенности рассмотрения отдельных категорий дел / В. В. Ярков. – М. : Юристъ, 2001. – 381 с.
7. Жандаров, В. В. Процессуальные особенности рассмотрения дел в хозяйственном суде: первой и кассационной инстанциях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / В. В. Жандаров; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, – 2001. – 20 с.
8. Власова, А. В. Структура субъектов гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. В. Власова. – СПб., 1998. – 24 с.
9. Таранова, Т. С. Конституционные принципы гражданского процесса / Т. С. Таранова // Суд. весн. – 2000. – № 2. – С. 54–57.
10. Гукасян, Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Р. Е. Гукасян. – Саратов: СЮИ, 1970. – 192 с.
11. Елисеев, Н. Г. Право акционеров на иск о возмещении убытков, причиненных АО. Процессуальные аспекты / Н. Г. Елисеев // Закон. – 2004. – № 9. – С. 82–86.
12. Грось, Л. А. Лица, участвующие в делах гражданского и арбитражного судопроизводства – влияние норм материального права: учеб. пособие / Л. А. Грось. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 1997. – 170 с.
13. Каменков, В. С. Хозяйственный процесс : учеб. пособие / В. С. Каменков. – Минск : Книж. дом, 2005. – 320 с.

О ПРАВЕ СУДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ ПЕРЕДАТЬ ДЕЛО В «ДРУГОЙ СУД»

Скобелев Владимир Петрович,
доцент кафедры гражданского процесса и трудового права
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Реформа судоустройства, осуществленная на основании Декрета Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь», породила в отечественных доктрине и практике целый ряд сложных вопросов, в том числе и вопрос о том, на уровне какого института – подведомственности или подсудности – теперь разграничивается компетенция между судами экономического

(бывшие хозяйственные суды) и судами неэкономического (бывшие общие суды) профиля по разрешению гражданских дел и соответственно каким образом должен поступить судья в случае обращения лица в ненадлежащий суд (в суд экономической юрисдикции вместо суда неэкономического профиля и наоборот) [1, с. 58].

С одной стороны, имелись достаточно веские основания для того, чтобы относить решение указанного вопроса к институту подведомственности. Ведь после реформы суды экономической и неэкономической юрисдикции продолжили руководствоваться разными процессуальными регламентами – ХПК и ГПК, которые сохранили в себе свои самостоятельные правила подведомственности, а правила подсудности, предусмотренные каждым из указанных кодексов, никаких изменений не претерпели и, как и ранее, регулировали распределение дел лишь между звеньями какого-то одного вида судов – между звеньями судов экономического профиля (в ХПК) и между звеньями судов неэкономического профиля (в ГПК).

Представляется, однако, что поскольку суды экономической и неэкономической юрисдикции были объединены в одну судебную систему, то разграничение компетенции между ними должно происходить на уровне подсудности. Относительно же приведенных выше доводов сторонников первой точки зрения необходимо заметить следующее. Сохранение после реформы судостроительства в ГПК и ХПК самостоятельных правил подведомственности связано не с тем, что разграничение полномочий между судами экономического и неэкономического профиля есть по-прежнему вопрос подведомственности, а продиктовано совсем другими обстоятельствами. Коль скоро какой-либо юрисдикционный орган или система юрисдикционных органов одного вида (в нашем случае – система судов общей юрисдикции) может разрешать юридические дела в соответствии с разными процедурными регламентами (применительно к судам общей юрисдикции – это ГПК, ХПК, УПК и ПИКоАП), то регулирование подведомственности такого органа (органов) неминуемое будет сопряжено с определением круга юридических дел, которые этот орган (органы) вправе разрешать по правилам каждого из регламентов, или, другим словами, с включением в каждый регламент своих собственных правил подведомственности [2, с. 33–34]. Поэтому сохранение в ГПК и ХПК правил подведомственности обусловлено исключительно лишь множественностью процессуальных кодексов как таковой и не имеет никакого отношения к особенностям современного судостроительства, в частности, к делению судов общей юрисдикции на две разновидности – суды экономического и неэкономического профиля. Даже если бы образованная в результате реформы судебная система не имела в своем составе специализированных органов экономической компетенции, правила подведомственности в ГПК и ХПК все равно необходимо было бы оставить.

Теперь несколько слов по поводу того, почему правила подсудности в ГПК и ХПК не претерпели изменений. Только на первый взгляд может показаться, что эти правила требовали корректировки, коль скоро разграничение компетенции между судами экономической и неэкономической юрисдикции перешло на уровень подсудности. В действительности, однако, подобная корректировка являлась совершенно излишней. Суды экономической юрисдикции рассматривают дела, руководствуясь лишь ХПК, а суды неэкономической юрисдикции – только ГПК. Следовательно, разграничение подсудности между указанными судами есть не что иное, как вопрос о том, в отношении каких дел подлежит применению ХПК, а в отношении каких – ГПК. Вопрос же последнего рода в ГПК и ХПК уже решен, а именно (как было отмечено в предыдущем абзаце) урегулирован в правилах подведомственности. Таким образом, разграничение подсудности между судами экономического и неэкономического профиля вполне может осуществляться на основе использования имеющихся в ГПК и ХПК норм о подведомственности без какой-либо дополнительной модификации норм этих кодексов о подсудности [2, с. 35]. При этом важно подчеркнуть: применение норм о подведомственности не означает того, что разграничение компетенции между судами экономической и неэкономической юрисдикции превращается в вопрос подведомственности. Это указывает лишь на то, что в современных условиях правила ГПК и ХПК о подведомственности выполняют несколько функций: с одной стороны, разграничивают предметы ведения между судами общей юрисдикции и всеми иными органами, организациями и должностными лицами, а с другой – выступают критериями разграничения компетенции внутри самой системы судов [2, с. 31, 35].

Из вышесказанного следует, что при обращении лица в некомпетентный суд (в суд экономической юрисдикции вместо суда неэкономического профиля и наоборот) ему необходимо отказывать в возбуждении дела по мотиву несоблюдения подсудности (п. 1 ст. 246 ГПК, абз. 3 ч. 1 ст. 163 ХПК). Сложнее после реформы судостроительства было ответить на вопрос о том, как поступить суду, если указанное нарушение обнаружено им уже после возбуждения производства по делу. Ни одно из оснований для оставления заявления без рассмотрения (ст. 165 ГПК, ст. 151 ХПК) или прекращения производства по делу (ст. 164 ГПК, ст. 149 ХПК) к такой ситуации не подходило, в том числе не являлось подходящим и основание для прекращения производства по делу, предусмотренное абз. 2 ст. 149 ХПК, – «спор не подлежит рассмотрению в суде, рассматривающем экономические дела», поскольку оно подразумевает нарушение подведомственности и некоторых иных процессуальных правил, но никак не подсудности [3, с. 231] (хотя, например, на практике в этом случае суды применяли абз. 2 ст. 149 ХПК, равно как и аналогичную норму п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК, что свидетельствовало не только о стремлении судей найти хоть какое-то решение проблемы, но и о том, что они разграничение компетенции между судами экономического и неэкономического профиля, очевидно, по-прежнему относили к сфере подведомственности). Передать дело в компетентный суд (как это обычно имеет место при обнаружении факта нарушения подсудности уже после возбуждения дела) также не представлялось возможным, поскольку по своему буквальному смыслу ст. 51 ГПК и ст. 53 ХПК допускали передачу дел только между судами однотипной юрисдикции: ст. 51 ГПК – между судами, рассматривающими гражданские дела, ст. 53 ХПК – между судами, рассматривающими экономические дела.

Чтобы снять обозначенную проблему, Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З (далее – Закон № 356-З) в ст. 53 ХПК были внесены изменения и дополнения, позволившие судам экономической юрисдикции передавать дела, ошибочно принятые ими к производству, в суды неэкономического профиля. Безусловно, сам по себе факт того, что законодатель обратил внимание на существующую проблему и предусмотрел способ ее разрешения, заслуживает только одобрения. Кроме того, Закон № 356-З является знаковым и еще по одной причине. Полагаем, что он поставил окончательную точку в дискуссии о том, правилами какого института – подведомственности или подсудности – разграничивается компетенция между судами экономической и неэкономической юрисдикции. Передача дел между юрисдикционными органами, в частности судами, возможна только в том случае, если полномочия между ними разграничиваются на уровне подсудности, но никак не подведомственности. Коль скоро законодатель допускает передачу дел из судов экономической юрисдикции в суды неэкономического профиля, то, значит, он признает: разграничение компетенции между этими судами есть вопрос именно подсудности. В пользу этого говорит и факт регламентации вопроса о передаче дел в статье о подсудности – ст. 53 ХПК. Собственно, в ч. 3 ст. 53 ХПК прямо сказано, что дело подлежит передаче, если оно было принято к производству «с нарушением правил подсудности», а не подведомственности.

Вместе с тем Закон № 356-З вызывает и ряд критических замечаний. Прежде всего бросается в глаза явная непоследовательность законодателя. Описанная выше проблема актуальна не только для хозяйственного, но и для гражданского процесса, ведь суд неэкономической юрисдикции тоже может ошибочно принять к производству дело, подсудное суду экономического профиля. Тем не менее хоть Законом № 356-З и вносились изменения в ГПК, указанная проблема в гражданском судопроизводстве осталась неразрешенной.

Нельзя не обратить внимание также на весьма низкий уровень законодательной техники произведенных в ст. 53 ХПК корректировок. Так, новая норма, содержащаяся в ч. 3 ст. 53 ХПК, говорит о передаче дела на рассмотрение «другого суда общей юрисдикции». Однако подобная формулировка не позволяет сделать однозначный вывод о том, что здесь подразумевается передача дела именно в суд неэкономического профиля. Так, в ст. 1 ХПК разъяснение термина «другой суд общей юрисдикции» отсутствует. Учитывая, что с точки зрения судостройства суды общей юрисдикции объединяют две разновидности судов – суды экономического и суды неэкономического профиля, – термин «другой суд общей юрисдикции» вполне правомерно интерпретировать и как указание на другой суд экономического профиля. Лишь путем соотнесения анализируемой нормы с ч. 2 ст. 53 ХПК (она посвящена передаче дел в «другой суд, рассматривающий экономические дела»), а также принимая во внимание практическую проблему, обусловившую принятие Закона № 356-З, можно сделать вывод, что под «другим судом общей юрисдикции» в ч. 3 ст. 53 ХПК нужно понимать только суд неэкономического профиля.

Тем не менее только этим проблема юридической техники не исчерпывается. Фактически тот же самый термин – «другой суд» – в названии и ч. 4–6 ст. 53 ХПК был использован законодателем уже в совсем ином смысле. Под «другим судом» здесь понимается не только суд неэкономической компетенции, но и суд экономического профиля, т. е. обе разновидности судов общей юрисдикции. Причем к такому выводу опять же можно прийти лишь путем системного толкования положений ст. 53 ХПК в целом, прямо данная мысль законодателем не выражена. Более того, Законом № 356-З в названии и ч. 5, 6 ст. 53 ХПК был введен еще один не характерный для ХПК термин – просто «суд». Из контекста его употребления можно догадаться, что имеется в виду суд экономической компетенции, однако для обозначения таких судов в ХПК применяется совсем другой термин – «суд, рассматривающий экономические дела» (см. абз. 15 ст. 1 ХПК).

Очевидно, что употребление одного и того же термина для обозначения разных понятий, равно как и использование недостаточно определенных терминов, может только запутать правоприменителей и, как следствие, привести к серьезным ошибкам в судебной практике. Чтобы этого избежать, законодателю при корректировке ст. 53 ХПК (коль скоро именно в изменении данной статьи он увидел решение описанной выше проблемы) необходимо было сделать как минимум следующее: изложить наименование статьи примерно таким образом – «Передача дел по подсудности»; в части третьей вместо выражения «другой суд общей юрисдикции» использовать термин «суд, рассматривающий гражданские дела» (по смыслу п. 18 ст. 1 ГПК именно этот термин нужно считать официальным наименованием судов неэкономической компетенции); содержание частей четвертой–шестой изложить вообще без упоминания о «другом суде»; в частях пятой и шестой вместо термина «суд» использовать традиционное для хозяйственного процесса обозначение суда экономического профиля – «суд, рассматривающий экономические дела».

Внесенные в ст. 53 ХПК новации вызывают возражения и по существу. Дело в том, что суды экономической и суды неэкономической юрисдикции «работают» по разным правилам – ГПК и ХПК, не считая многих других актов законодательства, предусматривающих те или иные особенности гражданского и хозяйственного судопроизводства. Поэтому при передаче дел из судов экономической компетенции в суды неэкономического профиля неизбежно возникнет проблема совместимости указанных правил, на что мы указывали еще ранее, до корректировки законодателем ст. 53 ХПК [1, с. 61; 4, с. 55–56].

Прежде всего в гражданском и хозяйственном процессах различаются ставки государственной пошлины. Например, для имущественных требований в хозяйственном процессе действует пропорциональная шкала ставок государственной пошлины (5%, 3% и 1% цены иска в зависимости от размера последней), а в гражданском – плоская (5% цены иска). Поэтому в результате передачи дела вполне может оказаться, что по объективным причинам государственная пошлина была уплачена истцом в меньшем, чем это требуется для гражданского процесса, размере. Более того, в этом случае есть все основания полагать, что обязательство по уплате государственной пошлины за рассмотрение искового заявления в порядке гражданского судопроизводства истцом во-

обще не исполнено. Ведь согласно постановлению Министерства финансов Республики Беларусь от 30 декабря 2014 г. № 90 «О распределении государственной пошлины и штрафов за совершение правонарушений между республиканским бюджетом и (или) соответствующими местными бюджетами» государственная пошлина при обращении в суды экономической и суды неэкономической юрисдикции подлежит уплате в бюджеты разного уровня. Так, государственная пошлина за рассмотрение дел судами экономической юрисдикции, а также судебной коллегией по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь уплачивается в республиканский бюджет, а государственная пошлина за рассмотрение дел судами неэкономического профиля (за исключением названной судебной коллегии) – в районный или городской (города областного подчинения) бюджет. При этом, как следует из ч. 3 п. 1 ст. 37 НК после внесения в эту норму изменений Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2014 г. №224-З, ошибочная уплата государственной пошлины в бюджет не того уровня уже не признается исполнением налогового обязательства.

Таким образом, независимо от того, в каком соотношении между собой находятся ставки государственной пошлины в гражданском и хозяйственном процессах, при передаче дела в суд неэкономической юрисдикции истцу необходимо будет применительно к ч. 4 п. 2 ст. 251 НК (применительно – потому что данная норма оговаривает лишь последствия недоплаты государственной пошлины и прямо не касается тех случаев, когда обязательство по уплате государственной пошлины вообще не было исполнено) заново уплатить государственную пошлину, только теперь уже в размере, предусмотренном Приложением 14 к НК. Но это в свою очередь порождает ряд новых вопросов: в какой срок истец должен уплатить государственную пошлину, что будет с производством по делу, пока истец не исполнит свое налоговое обязательство, наконец, как поступить суду, если истец государственную пошлину все-таки не уплатит?

Скорее всего, чтобы не искать ответы на эти непростые вопросы, суды не будут требовать от истца уплаты государственной пошлины, а будут взыскивать необходимую сумму государственной пошлины при разрешении дела по существу с проигравшей спор стороны. По крайней мере, именно таким образом в соответствии со сложившейся практикой [5, с. 19] и разъяснением, содержащимся в ч. 3 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2001 г. №7 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса при рассмотрении дел в суде первой инстанции», поступают суды неэкономической юрисдикции в том случае, когда из-за проявленной невнимательности факт неуплаты (недоплаты) государственной пошлины обнаруживается судьей уже после возбуждения гражданского дела. Однако, по нашему мнению, в анализируемой ситуации более правильно оставлять исковое заявление без движения согласно ч. 1 ст. 111 ГПК (поскольку эта норма находится в «общей части» ГПК, оставить заявление без движения возможно не только на стадии возбуждения дела, но и на более поздних этапах процесса), при этом в период оставления заявления без движения никакие процессуальные действия по делу совершаться не должны. Если государственная пошлина истцом будет уплачена, то процесс может развиваться дальше в обычном порядке, если же нет – исковое заявление следует оставить без рассмотрения по аналогии с п. 11 ч. 1 ст. 165 ГПК [6, с. 77].

При передаче дела в «другой суд» возникает также и вопрос о том, что будет с государственной пошлиной, уплаченной истцом при обращении суд в экономической компетенции. По логике вещей истец должен иметь право на ее возврат или согласно п. 2¹ ст. 259 НК зачет в счет государственной пошлины, подлежащей уплате им за рассмотрение в гражданском процессе переданного дела, или же в счет исполнения налогового обязательства по уплате других налогов, сборов (пошлин), пеней. Однако проблема заключается в том, что п. 1 и 2 ст. 259 НК не предусматривают такого основания для возврата (зачета) государственной пошлины, как передача судом экономической юрисдикции дела в суд, рассматривающий гражданские дела. Имеющиеся же в п. 1, 2 ст. 259 НК основания для возврата (зачета) государственной пошлины к нашей ситуации не подходят, в том числе не является подходящей и норма подп. 1.1 п. 1 ст. 259 НК – «государственная пошлина уплачена в большем размере либо не должна была уплачиваться», так как при обращении (пусть и ошибочном) в суд экономического профиля заинтересованным лицом должна уплачиваться государственная пошлина в установленном размере.

Но даже если бы в ст. 259 НК и имелась норма, которая позволяла зачесть государственную пошлину, уплаченную при обращении в суд экономической юрисдикции, в счет государственной пошлины, подлежащей уплате за рассмотрение в рамках гражданского судопроизводства переданного дела, окончательно всех проблем, связанных с государственной пошлиной, это бы не решило. В частности, оставался бы открытым вопрос о том, имеет ли истец право на возврат государственной пошлины в связи с уменьшением цены иска, если такое уменьшение было произведено им до передачи дела, т.е. еще в рамках хозяйственного судопроизводства. Согласно ч. 3 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 2 июня 2011 г. №1 «О практике взыскания судебных расходов по гражданским делам и процессуальных издержек по уголовным делам» в случае уменьшения цены иска в процессе рассмотрения дела государственная пошлина плательщику может быть возвращена (как следует из контекста данного разъяснения, Пленум имеет в виду возврат государственной пошлины в соответствии с подп. 1.1 п. 1 ст. 259 НК как излишне уплаченной). Однако это разъяснение имеет отношение только к гражданскому процессу. В нашем же случае истец уменьшил цену иска в хозяйственном процессе, а согласно ч. 4 ст. 127 ХПК «при уменьшении цены иска уплаченная государственная пошлина не подлежит возврату».

Достаточно проблемным нам представляется также вопрос о распределении между сторонами издержек, которые они понесли в хозяйственном судопроизводстве до момента передачи дела (расходы на представителей, на производство экспертизы и т.п.). Не исключено, что в гражданском процессе, вынося решение по переданному делу, суд может отказать в распределении между сторонами указанных издержек, поскольку ст. 135–142

ГПК регулируют распределение лишь тех судебных расходов, которые имели место в гражданском процессе, в то время как указанные выше издержки были понесены сторонами в хозяйственном судопроизводстве, где действуют свои правила распределения судебных расходов – ст. 133, 133¹ ХПК. Но распределить эти издержки в рамках хозяйственного процесса тоже не представляется возможным. Так, до передачи дела суд экономической юрисдикции объективно не может распределить по нему расходы, т.к. дело еще не разрешено. Когда же итоги разбирательства дела становятся известны, то распределить названные издержки посредством использования хозяйственного судопроизводства в лучшем случае можно лишь только путем предъявления в экономический суд иска о взыскании издержек. Однако, во-первых, по смыслу п. 12, 15 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2007 г. №13 «О применении Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь при распределении издержек, связанных с рассмотрением дела в хозяйственном суде» самостоятельные иски о взыскании судебных издержек недопустимы. Во-вторых, даже если бы такие иски и были разрешены, то в данном конкретном случае иск о взыскании издержек был бы подсуден (по тем же самым причинам, что и основной спор сторон) не экономическому суду, а суду, рассматривающему гражданские дела.

В хозяйственном процессе наличие заключенного сторонами третейского соглашения само по себе не мешает принятию соответствующего дела к производству суда; только если ответчик не позднее своего первого заявления по существу спора возразит против разбирательства дела в государственном суде, исковое заявление будет оставлено без рассмотрения (абз. 3 ст. 151 ХПК). Однако в гражданском процессе третейское соглашение является безусловным препятствием для рассмотрения спора судом (п. 7 ч. 1 ст. 164, п. 4 ст. 245 ГПК). В этой связи передача в суд неэкономической юрисдикции дела, в отношении которого сторонами заключено третейское соглашение, автоматически приведет к прекращению производства по п. 7 ч. 1 ст. 164 ГПК (конечно, при условии, что в хозяйственном процессе ответчиком не были совершены конклюдентные действия, свидетельствующие о его согласии на рассмотрение дела в государственном суде (например, отсутствие возражений против компетенции экономического суда при первом выступлении по существу спора) и тем самым указывающие на расторжение третейского соглашения). Имеет ли тогда смысл передавать дело в «другой суд» только для того, чтобы оно там было прекращено?

Еще одна проблема связана с тем, сохраняют ли свое значение в гражданском процессе действия (акты), которые были совершены по делу в соответствии с правилами ХПК до момента фактической передачи дела в «другой суд». Если эти действия (акты) никакого значения в гражданском процессе иметь не будут, то закономерно возникает вопрос: какой резон осуществлять передачу дела, кто и каким образом от этого выиграет? Не проще ли было бы просто завершить производство по делу в экономическом суде безрезультатно для сторон (т.е. или в форме прекращения производства по делу, или в форме оставления заявления без рассмотрения) и затем начать производство по делу в суде неэкономического профиля с «чистого листа» – на основании поданного по всем общим правилам искового заявления заинтересованного лица?

Если же действия (акты) все-таки не утратят своего значения, то достаточно сложно будет решить, какие из них и в каком объеме можно будет использовать в гражданском процессе, равно как и насколько они будут обязательны для суда. Ведь в хозяйственном процессе существуют институты (правила), которых нет в гражданском судопроизводстве, в частности, соглашение сторон по обстоятельствам дела (ст. 107 ХПК), примирительная процедура (глава 17 ХПК), правила о возврате поданного заявления (абз.13, 14 ст. 151 ХПК). Поэтому трудно сказать, что будет в гражданском процессе с заключенным сторонами соглашением об обстоятельствах дела, результатами частичного урегулирования спора в примирительной процедуре, отзывом истцом одного из заявленных требований. Другие институты (правила) хозяйственного процесса аналогичны институтам (правилам) гражданского судопроизводства – правила о распорядительных действиях истца по изменению предмета или основания иска (ст. 63 ХПК), судебная экспертиза (ст. 92–96 ХПК), представительство (глава 7 ХПК), подготовка дела к судебному разбирательству (глава 19 ХПК) и др. Однако относительно того, что совершенные по этим правилам действия будут иметь значение в гражданском процессе, тоже возникают определенные сомнения. Во-первых, названные институты (правила) закреплены в другом, совершенно отличном процессуальном регламенте – ХПК (как известно, действующий ХПК формировался совсем иным образом, нежели ГПК [7, с. 37–39, 45–46]); во-вторых, содержание данных институтов (правил) не является полностью тождественным аналогичным институтам (правилам) гражданского судопроизводства; в-третьих, соответствующие действия были совершены в суде ненадлежащей – экономической – компетенции.

Далее согласно ч. 6 ст. 53 ХПК дело, направленное из одного суда в другой, подлежит безусловному принятию к производству судом, в который оно направлено. Но ведь экономический суд при направлении дела в суд неэкономического профиля может ошибиться с применением правил территориальной подсудности, предусмотренных ст. 46–50 ГПК, и направить дело в суд, которому оно в территориальном плане не подсудно. Означает ли правило ч. 6 ст. 53 ХПК, что суд, получивший дело, не вправе в этой ситуации направить его в компетентный суд согласно п. 3 ч. 1 ст. 51 ГПК? Кроме того, даже если территориальная подсудность при передаче дела была соблюдена, то позволяет ли норма ч. 6 ст. 53 ХПК суду, получившему дело, направить дело в другой суд неэкономической компетенции, например, по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 2 ст. 51 ГПК?

С правилом ч. 3 ст. 53 ХПК о передаче дела в «другой суд» связана еще одна непростая проблема: может ли вышестоящий суд (как в гражданском, так и в хозяйственном процессе) отменить решение суда первой инстанции на том основании, что дело было рассмотрено ненадлежащим судом (судом экономической юрисдикции вместо суда неэкономического профиля и наоборот). На практике уже достаточно давно сформировалась точка

зрения о том, что нарушение правил подсудности по общему правилу не влечет отмену судебного решения. Однако, во-первых, на наш взгляд, это слишком упрощенное отношение к соблюдению правил подсудности (даже если речь идет о правилах территориальной, а не родовой подсудности), не учитывающее положения ч. 1 ст. 60 Конституции Республики Беларусь о том, что каждому гарантируется защита его прав и свобод *компетентным* судом. Думается, что фраза о компетентном суде в этой конституционной норме предполагает в том числе соблюдение при рассмотрении дела любых правил подсудности, и уже одно это является поводом для того, чтобы включить нарушение подсудности в число безусловных оснований к отмене судебных постановлений в гражданском и хозяйственном процессе. Во-вторых, в нашем случае имеет место не только нарушение правил подсудности, но и рассмотрение дела в соответствии с ненадлежащим регламент (по правилам ХПК вместо ГПК и наоборот) [4, с. 56].

С учетом сказанного полагаем, что вышестоящий суд в любом случае должен отменить решение суда первой инстанции, если будет установлено, что дело было разрешено судом ненадлежащей юрисдикции. Но отсюда применительно как к хозяйственному, так и гражданскому процессу возникает вопрос, а как вышестоящему суду поступить дальше с делом? Если мы ведем речь о хозяйственном процессе, то может ли вышестоящий суд сам реализовать предписания ч. 3 ст. 53 ХПК и передать дело в «другой суд» или же ему следует вернуть дело в нижестоящий суд, дав последнему указания о необходимости применения ч. 3 ст. 53 ХПК? Что же касается гражданского процесса, то при отмене решения вышестоящим судом, вопрос о судьбе дела повисает в воздухе, поскольку производство по делу невозможно завершить (нет соответствующего основания для прекращения производства или оставления заявления без рассмотрения), равно как и нельзя передать дело в экономический суд.

Помимо этого в гражданском процессе актуализируется еще одна проблема: может ли вышестоящий суд вообще отменить решение по причине рассмотрения дела судом ненадлежащей юрисдикции, если дело нижестоящим судом было получено из экономического суда в порядке ч. 3 ст. 53 ХПК, ведь в ч. 6 ст. 53 ХПК сказано, что «споры о подсудности между судами не допускаются». Фактически это означает, что суды неэкономического профиля, в том числе вышестоящие, не вправе входить в обсуждение правильности определения, вынесенного согласно ч. 3 ст. 53 ХПК. Более того, могут ли в порядке гражданского судопроизводства быть пересмотрены какие-либо другие определения экономического суда, вынесены по делу до момента его передачи в «другой суд» (определения об утверждении мирового соглашения по части требований, об утверждении результатов примирительной процедуры и др.)?

Таким образом, изменения, внесенные Законом №356-З в ст. 53 ХПК, представляются явно неудачными, поскольку вместо однозначного и четкого решения проблемы порождают массу новых сложных вопросов. Это говорит о том, что аналогичные нормы не следует переносить в гражданское судопроизводство (в ст. 51 ГПК). По нашему мнению, проблема, связанная с принятием судом к своему рассмотрению дела, подсудного судам другого вида юрисдикции, должна решаться не за счет введения норм о передаче дела в «другой суд», а путем закрепления в ст. 151 ХПК и ст. 165 ГПК нового основания для оставления заявления без рассмотрения – «заявление подано с нарушением правил подсудности». Причем это основание охватывало бы собой не только анализируемую нами ситуацию, но и все иные случаи принятия судами к производству дел с нарушением правил подсудности. Что же касается норм абз. 2 ч. 2 ст. 53 ХПК и п.3 ч.2 ст. 51 ГПК, то они как ущемляющие интересы ответчика (благодаря им процесс, несмотря на нарушение истцом правил подсудности, не завершается, а продолжается в ином суде), на наш взгляд, должны быть исключены из законодательства [1, с. 61; 2, с. 36].

Список использованных источников

1. Скобелев, В. Как применять правила судебной подведомственности после реформы судостройства? / В. Скобелев // Юрист. – 2015. – № 11 (174). – С. 58-61.
2. Скобелев, В. Правила подведомственности в современном цивилистическом процессе: функции и последствия нарушения / В. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2015. – № 10. – С. 31–36.
3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / А. Д. Авдеев [и др.]: под общ. ред. В. С. Каменкова, И. Н. Колядко. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2006. – 735 с.
4. Скобелев, В. О новеллах в регулировании гражданского судопроизводства / В. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2014. – №10. – С. 54-58.
5. О практике взыскания судебных расходов по гражданским делам и процессуальных издержек по уголовным делам (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2011. – №3. – С. 18-34.
6. Скобелев, В. Судебные расходы в гражданском процессе: некоторые проблемы правоприменительной практики / В. Скобелев // Судовы веснік. – 2011. – №2. – С. 74-78.
7. Скобелев, В. Гражданский процесс в Республике Беларусь: становление и развитие в условиях суверенного государства / В. Скобелев // Евразийский гражданский процесс: к 25-летию стран СНГ и Балтии: сб. науч. ст. / под ред. Д. Я. Малешина. – М.: Статут, 2015. – С. 33–62.

О СООТНОШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНТЕРЕСОВ И ЕГО ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Туманов Дмитрий Александрович,

доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

От ответов на вопросы: что такое общество; что представляет собой общественный интерес; как он соотносится с другими интересами (отождествляется с ними или нет, признается или нет самостоятельным объектом защиты и т. д.) – напрямую зависят процессуальные механизмы защиты общественного интереса.

1. Необходимо учитывать, что понятию «общество» нередко придается различный смысл [1, 2, с. 55–70]. В самом упрощенном социологическом значении общество – это некая совокупность людей. В то же время определение общества в качестве такой совокупности несколько не характеризует его существенные черты. Социологами было предпринято множество попыток охарактеризовать общество, его черты, а также явления общественной жизни. Мы же остановимся лишь на тех из них, которые видятся важными в целях нашего исследования.

Эмиль Дюркгейм писал, что «теперь охотно соглашаются, что факты индивидуальной и коллективной жизни в какой-то степени разнородны... Всякий раз, когда какие-либо элементы, комбинируясь, образуют фактом своей комбинации новые явления, нужно представлять себе, что эти явления располагаются уже не в элементах, а в целом, образованном их соединением. Живая клетка не содержит в себе ничего, кроме минеральных частиц, подобно тому как общество ничего не содержит в себе вне индивидов. Тем не менее совершенно очевидно, что характерные явления жизни не заключаются в атомах водорода, кислорода, углерода и азота... Она едина и, следовательно, может иметь своим местонахождением только живую субстанцию в ее целостности. Она в целом, а не в частях... И то, что мы говорим о жизни, можно повторить о всех возможных синтезах... Применим этот принцип к социологии. Если указанный синтез *sui generis*, образующий всякое общество, порождает новые явления, отличные от тех, что имеют место в отдельных сознаниях... то нужно также допустить, что эти специфические факты заключаются в том самом обществе, которое их создает, а не в его частях, т. е. в его членах. В этом смысле, следовательно, они являются внешними по отношению к индивидуальным сознаниям» [3, с. 12–13]. Подобный подход был предложен представителями органической школы социологии, отождествлявшими общество с биологическими организмами. Разумеется, его не стоит принимать безоговорочно. Необходимо также заметить, что излишняя увлеченность таким подходом приводила некоторых авторов к выводу об исключительном значении общества и о том, что отдельный индивид сам по себе не представляет никакого значения, а является лишь частью некоего значимого целого. Однако очевидно, что вся мировая история подтверждает, что человек (каждый, отдельный) – это самостоятельная ценность, не поглощаемая совокупностью других людей. В то же время ею подтверждается и то, что индивид сильнейшим образом зависит от общества. Как заметил еще Аристотель, человек – по природе существо общественное, и «жизнь сообща прирождена ему» [4]. Индивид в обществе и вне его не одинаков¹. Многие потребности индивида могут быть реализованы только через общество, за счет того, что индивид – это его часть. При этом в настоящее время некоторые из важных положений, обоснованных органической школой, признаются практически повсеместно. Речь идет о том, что общество не рассматривается как простой набор человеческих единиц, а признается такой совокупностью, в определенной мере представляющей собой некое самостоятельное по отношению к своим элементам явление, которое как целое способно иметь интересы, нередко противопоставляемые интересам отдельных лиц.

Как указал Питер Л. Бергер, «общество означает широкий комплекс человеческих отношений или... взаимодействий. Слово “широкий” в данном контексте трудно определить количественно. Социолог может говорить об обществе, включающем миллионы людей... а может обозначить этим термином гораздо меньшую по численности совокупность... Им обозначают, скорее, достаточно отчетливо выделяемый для самостоятельного анализа комплекс отношений, понимаемый как некое автономное целое, существующее наряду с другими, ему подобными» [1].

Следовательно, общество характеризуется тем, что в нем существует взаимодействие между лицами, его составляющими (присутствует некая связанность); могут появляться некие институты, а также общие цели и ценности. Это взаимодействие (связь, объединение) происходит в той или иной мере как в общемировом обществе, так и в обществах отдельных государств, и в различных социальных группах. Такие группы, с одной стороны, являются частью общества в широком смысле («впяаны» в него) и в этом смысле едины с ним, но, с другой стороны, будучи образованными на основании определенного признака, внутри себя могут содержать присущие только им связи, институты и ценности. Нет сомнений, что такие группы также могут иметь свои интересы, отличные как от интересов других групп, так и от интересов общества в целом.

Отсюда ясно, что об общественном интересе можно говорить тогда, когда речь идет о чем-то общезначимом

¹ Речь здесь идет о многом: о том, что конкретная общественная среда влияет на формирование личности; о том, что человек, как правило, не может существовать вне общества; о том, что оторванные от общества в самом раннем возрасте и проведенные среди животных несколько лет своей жизни «одичавшие дети», или «дети Маугли», практически не могут освоить человеческую речь, общаться с другими людьми, т. е. не совсем люди в социальном смысле слова, не совсем часть человеческого общества. Однако в данном случае речь идет и о том, что даже сформировавшийся «социальный» человек не одинаков, когда он в обществе и вне него.

либо для общества в целом, либо для отдельных социальных групп. При этом такое общезначимое (общее) неделимо в том смысле, что оно имеет значение для всего общества или группы. Например, общество определенного государства заинтересовано в обеспечении безопасности в этом государстве. Или группа жителей определенного района города заинтересована в сохранении парка, находящегося рядом с местом их проживания. Однако в силу принадлежности определенных лиц к обществу или группе каждое из них может удовлетворять свои частные интересы посредством соответствующего общего блага. Так, если в государстве гарантирована безопасность всех, то и безопасность отдельного лица также гарантируется. Наличие парка в определенном районе города дает возможность каждому жителю этого района его посещать и т. д.

2. В науке неоднозначно решается вопрос о соотношении государственного и общественного интереса. В российской дореволюционной юридической литературе такие интересы зачастую отождествлялись. Среди ученых, не придерживавшихся подобного подхода, в частности следует выделить Е. В. Васильковского [5]. В советский период ответ на вопрос о соотношении государственного и общественного интереса ставился в зависимости от того, о каком государстве шла речь. Считалось, что «по отношению ко всему обществу в целом государство выступает как орудие руководства и управления со стороны господствующего класса, по отношению к противникам этого класса (в эксплуататорском обществе – по отношению к большинству населения) – как орудие подавления и насилия» [6, с. 162]. Исключением признавалось социалистическое государство [7, с. 26], интересы которого на страницах юридической печати практически повсеместно (по понятным причинам) отождествлялись с общественными.

В настоящее время в трудах юристов можно встретить различные подходы к вопросу о соотношении государственного и общественного интереса. Например, нередко государственные и общественные интересы вновь отождествляют. Подобный подход зачастую основан на неодинаковых предпосылках. Некоторые авторы считают государство особым типом общества и делают вывод, что его интересы – это и есть общественные интересы. Другие ученые, не отождествляя государство и общество, в то же время считают, что государство не может иметь своих интересов, в силу чего через его деятельность могут реализовываться только общественные интересы. Отдельные исследователи, понимая, что далеко не все государства во все времена действовали в интересах общества, при этом указывают, что в идеале государственные и общественные интересы – это по сути одни интересы, однако такое совпадение возможно только в правовом государстве. В данном случае весомую роль играет идея, согласно которой в демократическом государстве – при власти большинства – общественный интерес соответствует интересу большинства, а потому государство, реализующее волю большинства, всегда поступает в интересах общества.

Однако некоторые исследователи (в их числе и мы) не отождествляют государственные и общественные интересы¹. При этом несовпадение таких интересов может проследиваться в разных аспектах. Первый, конечно, заключается в том, что государство далеко не везде и не всегда поступало в интересах общества. При этом речь идет как о многих известных истории случаях очевидного презрения правителей к населению определенного государства, так и о часто встречавшейся дискриминации представителей тех или иных социальных групп (национальных, религиозных и т. д.), например, заключавшейся в том, что права представителей таких групп урезались по сравнению с правами остального населения. Более того, нередко они вообще были лишены прав или права на судебную защиту и т. д., что явно противопоставляло интерес таких групп интересам государства. Безусловно, необходимо всеми силами стремиться к тому, чтобы государство ассоциировалось с наличием свободных и полноправных граждан, а не с управляемыми людьми, лишенными всяких прав, как и предлагали многие известные мыслители. Однако «по существу, во всех этих случаях речь идет об идеале правового государства, о том, каким оно должно быть. Но идеальные мерки не подходят к реальным явлениям. История не знала совершенных государств, однако изобиловала государствами, нарушающими законы и права человека»² [8, с. 93–94]. Очевидно, что и в настоящее время государство через создаваемое им право может учитывать интересы различных групп далеко не одинаково, а некоторые интересы не учитывать вовсе. При этом понятно, что интересы общества, а также отдельных социальных групп существуют вне зависимости от того, учитываются они действующим в государстве правом или нет. Даже в государствах с демократическим политическим режимом действия государства, которые по идее должны отражать волю большинства, зачастую не учитывают интересы меньшинства, которое также составляет общество, и могут противопоставляться и большинству, и государству³. По этому поводу заметим, что государство может (должно) стремиться к максимальному учету интересов различных социальных групп (обеспечению возможного их сосуществования), однако в этой области вряд ли достижима полная гармония. Более того, по нашему мнению, учет интересов и их совпадение – это далеко не одно и то же, а потому даже в этом смысле говорить об отождествлении интересов общества и государства применительно ко всем возможным случаям вряд ли возможно.

¹ При этом в данном случае необходимо пояснить, что, по нашему мнению, государство – это такое уникальное образование, которое может участвовать в общественной жизни в различных ипостасях, а следовательно, отождествлять или различать его и общественные интересы применительно ко всем возможным ситуациям вряд ли возможно.

² Именно это обстоятельство в значительной степени предопределяет необходимость применения механизмов, дающих возможность противостоять государству, в том числе посредством судебных процедур.

³ Георг Еллинек, описавший формы, с помощью которых такие интересы обеспечиваются в конституционном законодательстве, указывал, что определенных прав политическое меньшинство не может быть лишено даже по воле большинства. E. de Vattel считал, что большинство может изменять как угодно конституцию, но отказывал большинству в праве навязывать свои решения меньшинству [9].

Далее необходимо отметить, что мы солидарны с учеными, считающими, что государство – это не само общество, а его организация. При этом в определенном смысле «совпадение понятий *государство* и *общество* невозможно по многим причинам, в том числе и потому, что государство – даже демократическое – так или иначе отделено от населения. Поэтому у него, как и у любой другой организации, есть собственные цели, которые не совпадают с целями части или большинства общества. Так, например, государство может вести непопулярную в обществе войну или заключить непопулярный мир»¹ [10, с. 165].

Нельзя забывать и о том, что публичные образования (государства, субъекты государства, муниципальные образования) признаются самостоятельными субъектами права, а это означает, что такие образования самостоятельно вступают в различные правоотношения. В связи с этим, как любой субъект права, они признаются носителями интересов, которые могут противопоставляться любым другим интересам. Как самостоятельные носители интересов они могут выступать в качестве стороны в судебном деле. В данном случае не будет неуместным сравнение публичного образования и юридического лица, которое, с одной стороны, создается для достижения целей, поставленных его учредителями, однако будучи созданным признается самостоятельным субъектом права и в таком качестве вступает в правоотношения. Безусловно, деятельность юридического лица в конечном итоге направлена на удовлетворение тех интересов, которые определены его учредителями, но, вступая в правоотношение, такое лицо считается носителем самостоятельного интереса в этом правоотношении, а его учредители субъектами такого правоотношения не становятся. В то же время, если юридическое лицо поступает вопреки интересам своих учредителей (участников), такие учредители могут предъявлять ему иски, что приводит к тому, что юридическое лицо и его учредители станут сторонами по делу с противоположными интересами. Возвращаясь к публичным образованиям, заметим, что, с одной стороны, такие образования как самостоятельные субъекты права могут признаваться, например, собственниками определенного имущества. Но, с другой стороны, зачастую такое имущество имеет исключительно социальное назначение. В свою очередь, если соответствующее образование использует такое имущество не по назначению, очевидно – это противоречит общественному интересу, и в случае предъявления иска к такому образованию речь, следовательно, будет идти о противоположности в деле интересов общества и публично-правового образования как собственника имущества².

3. Как было сказано в самом начале статьи, от ответа на вопрос: что представляет собой общественный интерес и как он соотносится с другими интересами – зависят процессуальные механизмы его защиты. Так, если общественный интерес не признается самостоятельным объектом защиты, например, отождествляется с государственным интересом, то это зачастую приводит к тому, что государство в лице своих органов сохраняет исключительную монополию в вопросах обращения в суд в его защиту. Практически исключается ситуация, при которой государство признается возможным нарушителем таких интересов, а следовательно, не допускается (ограничивается) юридическое противопоставление общества и государства, хотя фактически возможность такого противостояния очевидна. Напротив, признание интересов общества в качестве самостоятельного объекта защиты (что, по нашему мнению, безусловно правильно) дает основу для формирования механизмов, всецело направленных на его защиту. В частности, признается допустимым, что в суд в защиту общественных интересов обращаются не государственные органы, а общественные организации и даже отдельные граждане как часть общества или социальной группы, чей интерес подлежит защите. Это в свою очередь ведет к формированию особых порядков рассмотрения дел в защиту общественного интереса. При этом ответчиками по таким делам нередко могут выступать публичные образования, а также их органы.

Мировой опыт показывает, что при рассмотрении дел о защите общественных интересов в судебном порядке нередко обнаруживается, что такие интересы не в должной мере учтены действующим в государстве правом. В результате судебная практика по таким делам развивает позитивное право, приспособливает к реально существующим общественным потребностям.

Список использованных источников

1. Бергер, П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / П. Бергер ; пер. с англ. О. А. Оберемко. – М., 1996.
2. Кравченко А. И. Социология : учебник. – М., 2012.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э Дюркгейм ; пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. – М. : 1995.
4. Аристотель. Никомахова этика [Электронный ресурс] / Библиотека Максима Мошкова. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt>.

¹ Л. Е. Гринин правильно указал и на то, что вопрос о соотношении государственного и общественного во многом зависит от того, о каком государстве (раннем, развитом или зрелом) идет речь [10, с. 169–198].

² От описанной нужно отличать ситуацию, когда соответствующее публичное образование выступает как собственник своего имущества и для своих нужд, т. е. для обеспечения своего функционирования. В предлагаемой публикации мы не рассматриваем вопрос о соотношении категории «общественный интерес» с категорией «публичный интерес», однако заметим, что решить этот вопрос также весьма сложно. Речь, в частности, идет о том, что, с одной стороны, при рассуждении о публичном интересе речь, по сути, должна идти об общественном интересе, поскольку слово «публичный» происходит от лат. *publicus*, что означает «общественный». В англоязычной юридической литературе термин *public interest* используется именно для обозначения общественных интересов. Однако, с другой стороны, в российской правовой литературе под публичным интересом зачастую понимают неодинаковые явления. Так, нередко его используют для обозначения интересов государства; любых общественных интересов; общественных интересов, признаваемых государством; интересов неопределенного круга лиц; интересов и общества, и государства; интересов, имеющих значение для широких масс или для большинства граждан государства, или даже всех его граждан и т. д.

5. Васьковский, Е. В. Организация адвокатуры / Е. В. Васковский. – СПб., 1893. – Т. 1 и 2.
6. Основы марксизма-ленинизма. – М., 1960. Цит. по: Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве / под ред. П. С. Ромашкина, М. С. Строговича, В. А. Туманова. – М., 1962.
7. Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве / под ред. П. С. Ромашкина, М. С. Строговича, В. А. Туманова. – М., 1962.
8. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. О. В. Мартышина. – М., 2007.
9. Еллинек, Г. Права меньшинства / Г. Еллинек ; под ред. М. О. Гершензона. – М., 1908.
10. Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс: эволюция государственности: от раннего государства к зрелому / Л. Е. Гринин. – М., 2016.

ПРАВИЛО ПУНКТА «Г» СТАТЬИ 9 СОГЛАШЕНИЯ О ПОРЯДКЕ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТОЛКОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУДА СНГ

Щукин Андрей Игоревич,
преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (п. 1 ст. 6), а также Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (п. 1 ст. 14) закрепляют право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, при соблюдении принципа равенства всех перед судом в случае спора о гражданских правах и обязанностях. Судебное разбирательство признается справедливым при условии обеспечения равного процессуального положения лиц, участвующих в деле, а без надлежащего их извещения нельзя вести речь о состязательности процесса и даже просто о фактической возможности участия заинтересованного лица во всех этапах рассмотрения дела.

Одно из положений, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие, гласит, что лицо, защищающее свои частные права, должно: фактически подробно уведомляться на понятном ему языке о времени и месте судебного заседания; иметь возможность защищать свои права лично или через своих представителей, адвокатов, а также получить помощь переводчиков; свободно представлять доказательства, подтверждающие его права; и т. д. (имеется в виду принцип «возможности быть выслушанным судом») [1, с. 95–96].

Рассмотрение дела без участия лиц, о правах и об обязанностях которых принято решение, ограничивает конституционное право таких лиц на судебную защиту, является отступлением от принципов равенства всех перед законом и судом, осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон; в таком случае искажается сама суть правосудия, безусловно предполагающая при разрешении спора по существу реальную возможность участвующих в деле лиц высказать свою позицию перед лицом независимого и беспристрастного суда [2].

Соответственно надлежащее извещение лиц, участвующих в деле, и других участников судебного разбирательства – действие, имеющее исключительное значение для реализации принципа законности и влекущее за собой важнейшие процессуальные последствия. Так, рассмотрение спора в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц, не извещенных в соответствии с требованиями закона, является безусловным основанием к отмене судебного акта. Сложившаяся судебная практика и доктрина исходят из того, что надлежащее извещение стороны о судебном процессе, в отношении которой иностранным судом принято решение, является необходимым условием для его признания и исполнения, поскольку извещение о месте и времени судебного разбирательства обеспечивает реализацию фундаментального права на судебную защиту [3, с. 89].

Таким образом, надлежащее извещение всех участников судебного процесса о дате и месте проведения судебных заседаний является необходимой предпосылкой обеспечения справедливого и публичного разбирательства дела [4, с. 148].

Каждый случай участия в судебном разбирательстве иностранного лица требует индивидуального подхода к организации процесса судебного извещения. Например, в российском законодательстве о судопроизводстве в арбитражных судах, если иностранные лица, их органы управления, филиалы, представительства либо их представители, уполномоченные на ведение дела, находятся или проживают на территории России, применяется общий порядок извещения, установленный гл. 12 АПК РФ «Судебные извещения». При этом правила данной главы будут использоваться только в том случае, если иное не предусмотрено Кодексом или международным договором РФ. Соответственно, если указанные лица находятся или проживают вне пределов РФ, они могут извещаться о судебном разбирательстве несколькими способами, а именно: дипломатическим путем, через учреждение юстиции или путем направления поручения об оказании правовой помощи непосредственно компетентному суду иностранного государства.

Для России последний способ сношений судебных органов получил наиболее широкое распространение во взаимодействии с судами стран СНГ, что обусловлено, как отмечают некоторые авторы, принципом корпоративной поддержки [5, с. 62]. Так, ст. 4 Соглашения о сотрудничестве хозяйственных арбитражных судов Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины от 21 декабря 1991 года предусмотрено, что хозяйственные, арбитражные суды государств – членов СНГ обязуются оказывать взаимную правовую помощь, включая выполнение различных процессуальных действий по просьбе суда, в производстве которого находится дело. При этом суды государств – членов СНГ сносятся друг с другом непосредственно. Интересна в этом отношении позиция российского кассационного суда, который, приведя в своем постановлении названное Соглашение, отменил судебные акты нижестоящих судов, сочтя, что ответчик по делу – иностранное юридическое лицо, находящееся на территории Республики Беларусь, не было извещено надлежащим образом о времени и месте судебного заседания. Как указал кассационный суд, суд первой инстанции не направлял извещение в компетентный орган Республики Беларусь в целях информирования ответчика о судебном процессе, извещение ответчика осуществлялось путем направления копии судебного акта непосредственно ответчику в нарушение указанного Соглашения. Ответчик не считал себя связанным таким извещением, не выразил намерения участвовать в судебном разбирательстве и не направлял свои возражения против заявленного требования [6].

Схожий порядок предусмотрен ст. 5 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. (далее – Киевское соглашение 1992 г.), где сказано, что при оказании правовой помощи компетентные суды и иные органы стран – участниц СНГ сносятся друг с другом непосредственно. Вместе с тем порядок извещения сторон о судебном процессе в Киевском соглашении 1992 г. не конкретизирован, отсутствие его детализации вызывает затруднения в применении данного документа, что требует соответствующего разъяснения со стороны компетентного органа. К тому же, согласно п. «г» ст. 9 данного Соглашения 1992 г., одним из оснований отказа в приведении в исполнение иностранного судебного решения является представление стороной, против которой вынесено решение, доказательства того, что она не была извещена о процессе.

Как отмечает Л. Э. Каменкова, правом официального толкования международных договоров и актов органов Содружества наделен единственный международный суд – Экономический Суд СНГ (Суд СНГ) [7]. По мнению Г. Г. Шинкаревой, Экономический Суд занимает важное место в развитии СНГ благодаря его толковательной компетенции. Вынося толковательные решения по запросам органов СНГ, Экономический Суд способствует развитию не только внутреннего права СНГ (уточняя, например, функции его органов), но и национального права государств-членов [8]. Кроме того, с учетом позиции Экономического Суда СНГ рассматриваются дела судами государств-участников Содружества.

В связи со сказанным весьма интересным и полезным представляется заключение Экономического Суда СНГ по вопросу извещения стороны о судебном процессе применительно к п. «г» ст. 9 Киевского соглашения 1992 г., подготовленное по запросу Совета председателей высших арбитражных, хозяйственных, экономических и других судов, разрешающих дела по спорам в сфере экономики [9]. Поводом для обращения явились, в частности, случаи отказа в приведении в исполнение решений на территории одного государства-участника, которые вынесены по существу спора судом другого государства-участника до получения результатов исполнения собственных поручений об извещении стороны спора. Заявитель просил разъяснить, что следует понимать под надлежащим извещением стороны о процессе. Суть правой позиции Экономического Суда СНГ сводится к следующему.

Во-первых, Киевское соглашение 1992 г., закрепляя норму о непосредственном сношении компетентных судов и иных органов при оказании правовой помощи, имело целью установить упрощенный порядок их взаимоотношений, преимущества которого заключаются, прежде всего, в оперативном рассмотрении дел по хозяйственным спорам и исполнении вступивших в силу иностранных судебных решений.

По мнению Суда СНГ, в контексте нормы п. «г» ст. 9 Киевского соглашения 1992 г. *под извещением о процессе следует понимать действия, направленные на информирование (уведомление) стороны о судебном процессе. Такие действия в рамках Соглашения осуществляют компетентные суды и иные органы государств-участников на стадии рассмотрения дела по существу, в том числе в рамках взаимного оказания правовой помощи.* Суд СНГ отметил, что при исполнении поручений об оказании правовой помощи компетентные суды и иные органы, у которых испрашивается помощь, применяют законодательство своего государства.

Как указано в заключении Суда СНГ, в национальных процессуальных кодексах ряда государств-участников Киевского соглашения 1992 г. прямо оговорено, что иностранные лица извещаются о судебном процессе путем направления поручения в компетентные органы иностранного государства, т. е. в порядке взаимного оказания правовой помощи. Так, согласно ст. 241 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, если иностранные лица, участвующие в деле, рассматриваемом экономическим судом в Республике Беларусь, находятся или проживают за пределами Республики Беларусь, они извещаются о судебном разбирательстве определением суда путем направления поручения в учреждение юстиции или другой компетентный орган иностранного государства.

Иной порядок уведомления иностранных лиц за пределами Республики Беларусь, как разъяснено в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 21 «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц», может применяться только в случаях, прямо предусмотренных международными договорами Республики Беларусь. При условии соблюдения требований международных договоров об оказании правовой по-

мощи не исключается одновременная пересылка судебных документов заинтересованным лицам за пределы Республики Беларусь заказной почтовой корреспонденцией, а также вручение их надлежащим представителям иностранных лиц в Республике Беларусь, если иное прямо не указано в исковом заявлении [10].

Вместе с тем в процессуальном законодательстве других государств – участников Киевского соглашения 1992 г. (например, Армении, Киргизии, Узбекистана) порядок извещения иностранных юридических и физических лиц о судебном разбирательстве путем направления судебных поручений отдельно не регламентирован: национальные законодатели детально устанавливают общие правила направления и вручения судебных уведомлений, которые применимы, прежде всего, к юридическим и физическим лицам, находящимся или проживающим в данном государстве, и распространяют эти правила на иностранных лиц.

Урегулированный национальными процессуальными законами порядок извещения о судебном процессе, по мнению Экономического Суда СНГ, является неоднозначным, но в основном направлен на обеспечение эффективного и экономичного уведомления, которое позволяет, с одной стороны, обеспечить надлежащую защиту своих прав соответствующим участникам процесса, в том числе путем сокращения установленного срока рассмотрения спора, а с другой, – минимизировать расходы суда, рассматривающего дело, на такое извещение.

Во-вторых, Суд СНГ констатировал, что извещение стороны о процессе в государствах – участниках Соглашения допускается как в порядке направления судебных поручений об оказании правовой помощи, так и в ином предусмотренном национальным законодательством порядке, обеспечивающем информирование. При этом *само по себе соблюдение судом, вынесшим решение, правил национального законодательства, регулирующих извещение о судебном процессе, не исключает возможность отказа судом государства, где испрашивается исполнение, в приведении решения в исполнение согласно п. «г» ст. 9 Киевского соглашения 1992 г., если на основании доводов и доказательств стороны, против которой вынесено решение, суд государства, где испрашивается исполнение, сочтет, что извещение не являлось надлежащим. В случае же извещения посредством судебного поручения являются бесспорные доказательства и дополнительные гарантии исполнения судебного акта.*

Наглядным подтверждением тому может служить судебный акт Арбитражного суда Московского округа, который со ссылкой на п. «г» ст. 9 Киевского соглашения 1992 г. счел правомерным отказ нижестоящих судов в признании и приведении в исполнение на территории РФ заочного решения Специализированного межрайонного экономического суда Карагандинской области (Республика Казахстан) по мотиву отсутствия сведений об исполнении компетентным российским органом судебного поручения иностранного суда о вручении документов, т. е. доказательств надлежащего извещения ответчика о судебном процессе [11]. Как указал российский суд, для того чтобы запрашивающее государство могло считаться выполнившим обязательство по извещению ответчика, находящегося в иностранном государстве, оно обязано не только направить соответствующее судебное поручение о вручении, но и дожидаться получения от компетентного органа запрашиваемого государства доказательств такого вручения либо, если правовая помощь не могла быть оказана, сведений об обстоятельствах, которые препятствуют исполнению поручения. По этим основаниям не были приняты во внимание доводы кассационной жалобы о наличии в материалах дела заявления, повестки о судебном заседании в суде иностранного государства, отправленных экспресс-почтой напрямую в адрес ответчика.

Таким образом, несмотря на то, что в Киевском соглашении 1992 г. порядок извещения сторон о процессе в суде иностранного государства не детализирован, арбитражные суды в Российской Федерации исходят из того, что такое извещение осуществляется в рамках оказания международной правовой помощи посредством направления поручения о вручении судебных документов, которое запрашиваемое государство исполняет в соответствии со своим законодательством.

Необходимо сказать, что в рассматриваемом заключении Суд СНГ привел позицию ВАС РФ о том, что «более простым и эффективным в аспекте сроков может оказаться извещение арбитражными судами РФ лиц, находящихся в Республике Беларусь, по почте, нежели чем с использованием процедуры, регламентированной Киевским соглашением».

В целом стоит отметить, что арбитражные суды в Российской Федерации придерживаются позиции, согласно которой вручение судебных документов лицам, участвующим в деле (ответчикам и третьим лицам), должно осуществляться в соответствии с положениями применимых международных договоров (*концепция официального извещения*) [12, с. 240–241]. Иными словами, извещения о судебном процессе, направленные с нарушением норм международного договора, обеспечивающих государственные гарантии защиты лицам на территории, находящейся под юрисдикцией того или иного государства, не могут считаться надлежащими. Подобные ненадлежащие извещения сами по себе не должны порождать у получивших их лиц какие-либо неблагоприятные правовые последствия, связанные с неучастием в судебном процессе. Тем самым извещение, осуществляемое стороной по делу и обеспечивающее реальное получение извещаемым лицом соответствующих сведений о дате, времени и месте судебного разбирательства (*концепция эффективного извещения*), по общему правилу не признается надлежащим. Однако если указанные лица, получив такие извещения, все-таки приняли участие в процессе, в том числе посредством представления объяснений суду иностранного государства, то впоследствии они уже не могут ссылаться на ненадлежащее уведомление о судебном разбирательстве в силу принципа эстоппель (*estoppel*).

Экономический Суд СНГ считает, что такая практика национальных судов государств-участников Киевского соглашения 1992 г. не противоречит положениям данного международного акта, поскольку в нем отсутствует четкая детализация порядка извещения стороны о судебном процессе.

В-третьих, Суд СНГ обратил внимание на следующий актуальный вопрос, требующий решения, – вопрос о соотношении норм Киевского соглашения 1992 г. с нормами других специальных международных договоров,

регламентирующих процедуру извещения о ведущихся в иностранных судах разбирательствах. Так, ряд государств – участников Киевского соглашения 1992 г. участвуют в универсальных международных договорах, специально регулирующих порядок извещения иностранных лиц о судебном процессе. В частности, Армения, Беларусь, Россия, Украина являются участниками Гаагской конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 г. Эти же страны являются участниками Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г.

В СНГ вопросы признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений наряду с Киевским соглашением 1992 г. являются предметом регулирования Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Минске 22 января 1993 г. (Минская конвенция), Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Кишиневе 7 октября 2002 г. (Кишиневская конвенция), а также двусторонних международных договоров государств – участников Содружества о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам.

Экономический Суд СНГ исходит из того, что государствам-участникам Киевского соглашения 1992 г. при оказании взаимной правовой помощи по хозяйственным спорам надлежит руководствоваться данным Соглашением, поскольку положения Минской и Кишиневской конвенций не затрагивают прав и обязательств участников Киевского Соглашения 1992 г., а также в силу специального характера его норм.

В-четвертых, Экономический Суд СНГ в своем заключении подчеркнул, что одним из важнейших процессуальных правил, обеспечивающих право на справедливое судебное разбирательство, является закрепленный в процессуальных законах всех государств-участников принцип процессуального равенства сторон. Составляющим элементом данного принципа является в том числе право стороны быть выслушанной – право участвовать в судебном заседании, давать суду свои объяснения, делать заявления, заявлять ходатайства, аргументировать свою позицию по делу. Суд обязан создавать условия для осуществления участвующими в деле лицами своих процессуальных прав и контролировать соблюдение соответствующих процессуальных гарантий. Гарантией реализации принципа процессуального равенства сторон является обязанность суда уведомить участников судебного процесса о дате, времени и месте судебного разбирательства надлежащим образом в порядке, предусмотренном применимым процессуальным законодательством. Порядок и сроки направления извещения должны быть такими, чтобы извещаемое лицо имело достаточно времени для подготовки к судебному разбирательству и для явки в суд. Суд, рассматривающий дело, не вправе проводить заседание или совершать отдельное процессуальное действие при отсутствии доказательств извещения участников процесса о времени и месте судебного разбирательства. Судебное постановление, принятое в отсутствие кого-либо из заинтересованных лиц, не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, подлежит отмене в стране, в которой оно вынесено.

Суд СНГ особо отметил, что бремя доказывания ненадлежащего извещения лежит на стороне, возражающей против исполнения решения иностранного суда. Однако сторона, ходатайствующая об исполнении такого решения, в силу ст. 8 Киевского соглашения 1992 г. также обязана приложить доказательства надлежащего извещения другой стороны о процессе к ходатайству о приведении в исполнение судебного решения.

Таким образом, Суд СНГ исходит из того, что при применении п. «г» ст. 9 Киевского соглашения 1992 г. и оценке надлежащего характера извещения о процессе стороны, против которой вынесено решение, суды государств-участников Соглашения должны решать вопрос о соотношении применимых в конкретном государстве норм международных договоров, национального законодательства, оценивать представленные сторонами доказательства извещения (неизвещения) в совокупности с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности, имея при этом в виду необходимость обеспечения стороне, против которой вынесено решение иностранным судом, права на справедливое разбирательство и права на судебную защиту.

На основании всего изложенного Экономический Суд СНГ счел, что в целях установления в рамках Содружества единообразной практики извещения стороны о судебном процессе представляется целесообразной выработка на многостороннем (двустороннем) уровне единого порядка извещения. Такая детализация может проводиться с учетом международного опыта, в том числе положений Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г.

Таким образом, все сказанное выше показывает значимость выработки оптимального подхода к обеспечению надлежащего извещения иностранных лиц о судебном разбирательстве дела, гарантирующего реализацию фундаментального права на судебную защиту нарушенных прав и законных интересов, и неопределимую роль Экономического Суда СНГ в решении этой задачи.

Список использованных источников

1. См.: Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие : информац. письмо Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации, 20 дек. 1999 г. № С1-7/СМП-1341 (п. 70 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. – 2000. – № 2. – С. 93–96.

2. См.: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации, 16 янв. 2007 г. № 233-О-П по жалобе гражданина Шпончикова А. И. на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 259 АПК РФ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 28.05.2007. – № 22. – Ст. 2687.

3. См.: Нешатаева, Т. Н. О признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений / Т. Н. Нешатаева // Арбитражная практика. – 2004. – № 11. – С. 84–96; постановление ФАС Московского округа от 16 янв. 2012 г. по делу № А40-62226/11-50-520 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант плюс». – М., 2016.
4. Куделич, Е. А. Трансграничное исполнение судебных решений в России: в плену устоявшихся стереотипов или поступательное движение вперед? / Е. А. Куделич // Закон. – 2015. – № 5. – С. 143–157.
5. Шарамова, Г. И. О порядке взаимного оказания судебной помощи, процессуальных сроках и легализации: Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 11.06.1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» / Г. И. Шарамова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. – 1999. – № 9. – С. 62–64.
6. См.: постановление ФАС Московского округа от 26.12.2013 г. по делу № А40-11260/2012 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант плюс». – М., 2016.
7. Каменкова, Л. Альтернативы нет! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sudsg.org/download_files/publication/2015/article_20151230.pdf. – Дата доступа: 09.03.2016.
8. Цит. по: Каменкова, Л. Альтернативы нет! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sudsg.org/download_files/publication/2015/article_20151230.pdf. – Дата доступа: 09.03.2016.
9. Консультативное заключение Экономического Суда СНГ от 26.04.2014 г. № 01-1/4-13 о толковании п. «г» ст. 9 Киевского соглашения 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sudsg.org/download_files/rh/2014/zk_01-1_4-13_20140426.pdf. – Дата доступа: 09.03.2016.
10. Национальный правовой портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=X21100021>. – Дата доступа: 09.03.2016.
11. См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.11.2015 г. по делу № А40-155439/14 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант плюс». – М., 2016.
12. См.: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации, 28 янв. 2014 г., № 3366/13 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. – 2014. – № 6. – С. 236–242.

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Шамаев Глеб Петрович,
доцент кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заместитель директора АНО «Содружество экспертов МГЮА им. О.Е. Кутафина», г. Москва,
кандидат юридических наук

В настоящее время в рамках арбитражного процесса всё чаще рассматриваются споры хозяйствующих субъектов, связанные с качеством поставляемого промышленного оборудования, выполненных работ, разработанного программного обеспечения. Данная категория дел во многом аналогична спорам о защите прав потребителей, однако здесь имеет место определённая специфика, существенно затрудняющая рассмотрение дела по существу. Основная сложность заключается в том, что претензии по качеству предъявляются не к товарам народного потребления массового производства, а к изделиям, проектируемым, разрабатываемым и изготавливаемым индивидуально под конкретные требования заказчика. В такой ситуации для правильного рассмотрения спора необходимо использование специальных знаний в форме судебной инженерно-технологической экспертизы, и на этапе назначения экспертизы остро встает первая проблема – выбор кандидатуры эксперта.

Многообразие отраслей и технологических процессов обуславливает широкий спектр задач, решаемых в рамках данного рода экспертизы [1], что обуславливает необходимость привлечения экспертов, владеющих специальными знаниями в самых разных областях. Очевидно, что держать в штате государственного судебно-экспертного учреждения целую группу экспертов-технологов для производства относительно редких экспертиз попросту нецелесообразно. Представляется, что именно проблемы кадрового обеспечения судебной инженерно-технологической экспертизы являются одним из главных препятствий для её развития и формирования единой научно-методической базы, поэтому мы хотели бы рассмотреть возможности привлечения к производству судебной инженерно-технологической экспертизы лиц, не являющихся государственными судебными экспертами.

В первую очередь к производству судебных инженерно-технологических экспертиз могут быть привлечены преподаватели профильных кафедр высших учебных заведений или научно-исследовательских институтов. Основными преимуществами данной категории специалистов являются большой объем теоретических знаний, опыт проведения экспериментов и научных исследований, умение объяснить в доступной форме информацию, сложную для восприятия несведущими лицами. Кроме того, сотрудники вузов в большинстве случаев не заинтересованы в каком-либо конкретном исходе дела, а потому вероятность заявления им отвода участниками процесса минимальна.

Следует отметить, что уставы практически всех учебных заведений не предусматривают осуществления судебно-экспертной деятельности, поэтому целесообразно привлекать сотрудников вузов как физических лиц. Основная проблема в данной ситуации заключается в том, что преподаватели высших учебных заведений не

занимаются профессионально судебной-экспертной деятельностью, в связи с чем довольно расплывчато представляют себе свой процессуальный статус, а также не в полной мере знают требования, предъявляемые к заключению эксперта. Вследствие этого повышается вероятность совершения процессуальных экспертных ошибок, для предотвращения которых целесообразно назначить комиссионную судебную экспертизу с участием профессионального судебного эксперта [2]. Представляется, что наиболее эффективно подобные экспертные комиссии смогут решить следующие задачи:

исследование проектной документации на предмет соответствия требованиям технического задания;

исследование аукционной и тендерной документации на предмет обоснованности заявляемых государственным заказчиком требований;

исследование причин и механизмов аварий и несчастных случаев.

Помимо преподавателей в качестве экспертов могут выступать представители организаций, занимающихся разработкой, изготовлением, наладкой и обслуживанием исследуемого технологического оборудования. Поскольку и в этом случае экспертом выступает лицо, не занятое судебной-экспертной деятельностью на регулярной основе, возможные негативные последствия привлечения к производству судебной инженерно-технологической аналогичны рассмотренным выше. Привлечение таких специалистов к производству судебной инженерно-технологической экспертизы целесообразно при решении следующих задач:

исследование технологического комплекса на предмет исправности, соответствия требуемым и заявленным характеристикам;

исследование технологического комплекса для установления причин несоответствия производимой продукции предъявляемым требованиям;

определение возможности и целесообразности восстановительного ремонта оборудования после аварии и его дальнейшей эксплуатации.

Это обусловлено тем, что специалисты, занимающиеся разработкой, изготовлением, наладкой и обслуживанием исследуемого технологического оборудования обладают наибольшим объемом знаний о нем, а потому способны наиболее полно ответить на вопросы, поставленные в отношении конкретного оборудования. Однако в данном случае дополнительные проблемы возникают при рассмотрении дел, в которых стороной является единственный поставщик/производитель исследуемого оборудования. Подобные ситуации нередки, и выбор кандидатуры эксперта в таких случаях наиболее труден. Еще сильнее усложняется задача выбора эксперта в случае, если поставщиком/производителем является иностранная компания. В подобных нетипичных ситуациях следует в качестве экспертов привлекать сотрудников образовательных или научных учреждений, квалификация которых позволит решить поставленную задачу, хотя это, возможно, потребует более длительного времени.

К решению задач по установлению факта использования запатентованных устройств, способов изготовления (производства работ), полезных моделей, промышленных образцов, признаков формулы изобретения, целесообразно привлечение патентоведов, а также патентных поверенных. В отдельных случаях, когда может потребоваться исследование полезного эффекта каких-либо изменений, внесенных в запатентованную конструкцию, следует назначить комиссионную судебную экспертизу с участием инженера соответствующего профиля.

Экспертные задачи по исследованию технологического комплекса и его элементов на предмет установления правильности присвоения кодов общероссийских классификаторов (ОКОФ, ТН ВЭД и др.) и процедуры сдачи-приёмки работ на различных этапах жизненного цикла технологического комплекса могут быть успешно решены профессиональным государственным или негосударственным судебным экспертом, имеющим базовое техническое образование, поскольку классификация оборудования осуществляется на основании его функционального назначения, которое может быть установлено путем исследования его сопроводительной документации (паспортов, руководств по эксплуатации, спецификации и т.п.). То же относится и к анализу процедуры сдачи-приёмки технологического комплекса, где объем работ может быть объективно установлен из технического задания и сопроводительной документации на оборудование. Некоторой спецификой обладает исследование по оценке объёма выполненных мероприятий (капитального ремонта, реконструкции и т. д.), которая иногда необходима в рамках спора между хозяйствующими субъектами и подразделениями Федеральной налоговой службы, поскольку подобные работы влияют на амортизацию основных средств предприятия. Для решения подобной весьма специфической задачи необходимо сопоставить характеристики и параметры оборудования до и после выполнения работ, что может быть выполнено инженером соответствующего профиля, в том числе, сотрудником негосударственного судебного-экспертного учреждения. Однако объём необходимых специальных знаний будет различаться в разных ситуациях.

На основании изложенного выше можно выделить три уровня специальных знаний, необходимых для решения поставленных задач.

1. Базовая инженерная подготовка, которой могут обладать государственные и негосударственные судебные эксперты, имеющие техническое образование, позволяет решить простые экспертные задачи в части классификации технологического оборудования, отнесения его к определённой группе, функциональном назначении отдельных узлов, агрегатов, деталей.

2. Инженерная подготовка по соответствующему профилю, которая позволяет исследовать определённые технологические процессы, проверять соответствие технологического комплекса предъявляемым требованиям, устанавливать механизм развития аварийной ситуации, оценивать эффективность и целесообразность принятых проектных и технических решений. Данный уровень специальных знаний характерен для преподавателей профильных кафедр учебных заведений и сотрудников научно-исследовательских учреждений.

3. Инженерная подготовка для работы с конкретным технологическим оборудованием необходима для выявления неисправностей определенного технологического комплекса, оценки объема необходимых работ по его наладке, ремонту, установлению причин отклонений от штатного режима работы. Знаниями подобного уровня обладают сотрудники организаций, занимающихся проектированием, изготовлением, наладкой и обслуживанием исследуемого технологического оборудования.

В ситуациях, когда поставленные экспертные задачи не могут быть решены силами сотрудников экспертного учреждения, в силу недостатка имеющихся специальных знаний, представляется целесообразным назначать комиссионную экспертизу с участием профессиональных экспертов и профильных специалистов, что позволит обеспечить проведение полного и всестороннего исследования с точным соблюдением всех требований действующего законодательства.

Вторая проблема назначения и производства судебной инженерно-технологической экспертизы связана с выбором объектов, подлежащих исследованию. И здесь целесообразно классифицировать их в зависимости от вида решаемой задачи:

1. Исследование проектной документации на предмет соответствия требованиям технического задания. Проведение судебной инженерно-технологической экспертизы на предмет соответствия требованиям технического задания, позволит решить следующие типичные экспертные задачи:

установить принципиальную выполнимость требований технического задания;

оценить соответствие предложенных проектом технических решений требованиям действующих нормативов и технического задания;

определить обоснованность вносимых в техническое задание изменений и объем мероприятий по корректировке проектной документации для приведения её в соответствие с техническим заданием.

Для решения данных задач суду необходимо представить эксперту следующие материалы, предварительно истребовав их у сторон:

техническое задание, утвержденное заказчиком и исполнителем;

проектная документация, разработанная исполнителем;

замечания на проектную документацию, представленные заказчиком;

заключение государственной экспертизы;

сопроводительная техническая документация на оборудование, использование которого предусмотрено проектом.

2. Исследование аукционной и тендерной документации на предмет обоснованности заявляемых государственным заказчиком требований. Данная задача может решаться в рамках расследования коррупционных преступлений и проверок, проводимых антимонопольными органами, для проверки обоснованности заявляемых государственным заказчиком требований к закупаемому оборудованию технологического комплекса. Исследование положений аукционной и тендерной документации позволит решить следующие типичные задачи:

проверить объем требований, предъявляемых государственным заказчиком к поставляемому оборудованию, на предмет их искусственного завышения или занижения;

сравнить предложения и аукционную документацию участников торгов с целью определения правильности принятого решения о выборе победителя. В рамках решения данной задачи может проводиться сравнительное исследование наиболее важных показателей объектов закупки, в том числе, не указанных в технических требованиях к закупаемым товарам или работам.

проверить возможность использования взаимозаменяемой альтернативной продукции (оборудования).

Для решения данных задач в распоряжение эксперта надлежит передать следующие материалы:

аукционная документация;

оспариваемые заявки участников конкурса;

сопроводительная техническая документация на оборудование, использование которого предусмотрено в соответствии с заявкой.

3. Исследование технологического комплекса на предмет исправности, соответствия требуемым и заявленным характеристикам. Подобная экспертная задача может решаться в рамках судебного спора между заказчиком и производителем/поставщиком технологического оборудования, а также в рамках расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности. В рамках данного вида инженерно-технологической экспертизы будут решаться следующие типичные задачи:

исследование технического состояния поставленного оборудования, выявление имеющихся дефектов и неисправностей, их характера, возможности устранения;

сопоставление технических характеристик оборудования с предъявляемыми требованиями, при выявлении факта несоответствия – разработка компенсационных мероприятий.

Данная группа задач требует проведения исследования в отношении следующих групп объектов:

проектная документация на технологический комплекс;

технологические карты производства продукции;

сопроводительная техническая документация на оборудование, входящего в состав технологического комплекса.

Помимо перечисленного эксперту надлежит предоставить возможность экспертного осмотра технологического комплекса, а также разрешить проведение испытаний и разборку узлов и агрегатов. В этой связи возника-

ет необходимость обязательного участия в экспертном осмотре представителя производителя оборудования или обслуживающей организации, поскольку в противном случае будут нарушены условия гарантийного обслуживания, что существенно затруднит последующую эксплуатацию оборудования. Данное обстоятельство должно быть в обязательном порядке учтено судом при назначении экспертизы.

4. Исследование технологического комплекса для установления причин несоответствия производимой продукции предъявляемым требованиям. Предмет экспертного исследования сосредоточен не на технических характеристиках технологического комплекса, а на качестве производства пусконаладочных работ и правильности настройки оборудования. При производстве данного вида судебной инженерно-технологической экспертизы последовательно решаются следующие задачи:

установление несоответствия характеристик изготавливаемой продукции от требований технического задания и проверка принципиальной возможности их выполнения;

проверка комплектности технологического комплекса и функциональных возможностей оборудования;

установление пригодности оборудования для выпуска продукции, соответствующей предъявляемым требованиям;

исследование качественных характеристик используемого сырья;

проверка возможности устранения недостатков выпускаемой продукции путём проведения дополнительных пусконаладочных работ.

Для решения этих задач в распоряжение эксперта следует направить следующие материалы:

проектная документация на технологический комплекс;

технологические карты производства продукции;

сопроводительная техническая документация на оборудование, входящего в состав технологического комплекса.

Помимо перечисленного, эксперту надлежит предоставить возможность экспертного осмотра технологического комплекса, а также разрешить проведение испытаний, в том числе, выпуск пробной партии продукции, а также при необходимости – разборку узлов и агрегатов. Здесь также требуется обязательное участие в экспертном осмотре представителя производителя оборудования или обслуживающей организации. В некоторых случаях, вопрос о качестве выпускаемой продукции и её соответствии требованиям нормативов может быть решён в ходе товароведческого исследования в рамках комплексной судебной экспертизы.

5. Исследование причин и механизмов аварий и несчастных случаев. Данные экспертные задачи традиционно относятся к предмету судебной инженерно-технологической экспертизы [3].

При установлении причин и механизмов возникновения и развития аварийных ситуаций необходимо последовательно решить следующие задачи:

установить техническую причину (механизм) аварии (пожара, взрыва) или несчастного случая;

определить, в каком режиме (штатном/нештатном) функционировало оборудование на момент начала аварийной ситуации;

реконструировать последовательность событий, приведших к возникновению аварийной ситуации или несчастного случая;

выявить факты несоответствия обстановки, предшествующей аварийной ситуации или несчастному случаю, требованиям специальных норм и правил;

установить организационно-техническую причину аварии (пожара, взрыва) или несчастного случая;

выявить факторы, способствовавшие развитию нештатной ситуации и увеличению тяжести последствий аварии или несчастного случая.

Под организационно-технической причиной принято понимать комплекс действий или бездействий, в результате которых возникла нештатная ситуация [3].

Перечень объектов, подлежащих исследованию при решении данных задач, наиболее широк:

проектная документация на технологический комплекс;

сведения о проведенных работах по техническому обслуживанию капитальных ремонтах;

технологические карты производства продукции;

журналы, составляемые в ходе выполнения технологических операций;

журналы производства работ по обеспечению промышленной безопасности (инструктаж, проверка работы систем безопасности, контроль состояния средств защиты и т.п.);

заключения экспертизы промышленной безопасности;

предписания, выданные уполномоченными государственными органами (ОГПН, Ростехнадзор и т. п.);

паспорта на партии сырья (если применимо);

объяснения очевидцев аварии;

видеограммы системы видеонаблюдения на объекте;

протоколы работы систем сигнализации;

материалы расследования аварии, составленные уполномоченными органами (ОГПН, Ростехнадзор и т. п.);

протоколы осмотров места аварии;

заключения ранее проведенных экспертиз.

Обычно большая часть из перечисленных документов содержится в материалах проверки по факту пожара (если авария сопровождалась пожаром или взрывом), формируемых органами государственного пожарного надзора (если авария сопровождалась пожаром или взрывом), Ростехнадзора или инспекции по охране труда. По-

мимо перечисленных выше материалов, экспертам должна быть предоставлена возможность экспертного осмотра объекта и исследования изъятых с места происшествия вещественных доказательств. Целесообразно также разрешить эксперту изымать в ходе осмотра места аварии объекты, необходимые для производства экспертизы.

6. Определение возможности и целесообразности восстановительного ремонта оборудования после аварии и его дальнейшей эксплуатации. В рамках судебных споров, возникающих между страховыми компаниями и юридическими лицами, возникает потребность определения суммы страхового возмещения, которая во многом определяется возможностью и целесообразностью реконструкции технологического комплекса, пригодностью его для дальнейшей эксплуатации. В рамках данной экспертизы необходимо определить объём и степень повреждений, полученных оборудованием в результате аварии, возможность и способ их устранения, а также оценить стоимость работ по ремонту и реконструкции. В данном случае в рамках экспертизы должны быть исследованы:

- проектная документация на технологический комплекс;
- технологические карты производства продукции;
- сведения о проведённых работах по техническому обслуживанию и капитальным ремонтам оборудования;
- протоколы осмотров места аварии.

Помимо перечисленных выше материалов, экспертам должна быть предоставлена возможность экспертного осмотра объекта с целью определения фактического состояния его элементов.

7. Установление факта использования запатентованных устройств, способов изготовления (производства работ), полезных моделей, промышленных образцов, признаков формулы изобретения. Данную задачу некоторые авторы относят к области патентоведческих или патентно-технических экспертиз [4], однако ответ на некоторые вопросы невозможен без использования специальных знаний не только в области патентного права, но и в области промышленных технологий. В рамках экспертизы данного вида могут быть решены следующие типичные задачи:

- определение степени новизны и технических результатов изобретения;
- выделение совпадающих признаков изобретения в сравниваемых изделиях;
- выявление объёма и значимости изменений, внесённых в конструкцию или технологический процесс;
- оценка влияния внесённых изменений на качественные характеристики изделия.

С учётом специфики решаемых задач для производства экспертизы необходимо передать в распоряжение эксперта следующие материалы:

формула изобретения;

проектная документация на технологический комплекс, в составе которого предполагается использование изобретения, либо технологическая карта процесса, в ходе которого предполагается использование изобретения.

8. Исследование технологического комплекса и его элементов на предмет установления правильности присвоения кодов общероссийских классификаторов (ОКОФ, ТН ВЭД и др.), а также объёма выполненных мероприятий (капитального ремонта, реконструкции и т.д.). В ряде случаев для решения вопроса об относимости определённых элементов технологического оборудования к той или иной позиции в перечне утверждённого классификатора. Такие задачи решаются в рамках рассмотрения споров между хозяйствующими субъектами и подразделениями ФНС и ФТС.

Для исследования по решению данной группы задач следует представить в распоряжение эксперта следующие материалы:

- сопроводительная техническая и таможенная документация на спорный товар или основное средство;
- проектная документация на технологический комплекс, в составе которого используется спорное изделие;
- фотографии спорных изделий (в случае невозможности их экспертного осмотра).

Следует отметить, что для решения данных вопросов достаточно предоставление не всей проектной документации на технологический комплекс, а только отдельных её разделов: пояснительной записки, функциональных схем, сборочных чертежей и спецификаций узлов и агрегатов, в составе которого используются спорные изделия. Проведение экспертного осмотра технологического комплекса не является в данном случае обязательным.

9. Экспертиза процедуры сдачи-приемки работ на различных этапах жизненного цикла технологического комплекса. Данный вид инженерно-технологической экспертизы является достаточно редким, однако необходимость в определении сроков, в течение которых должна быть осуществлена приёмка работ и оборудования (если это не оговорено условиями договора поставки), иногда возникает на практике.

Ввиду редкости данной задачи попробуем определить примерный перечень объектов, подлежащих исследованию в рамках судебной экспертизы:

- проектная документация на технологический комплекс;
- договоры поставки и сопроводительные документы на единицы оборудования;
- акты выполнения монтажных и пусконаладочных работ;
- протоколы испытаний систем технологического комплекса;
- замечания заказчика по выполненным работам.

Предложенный нами перечень объектов судебной инженерно-технологической экспертизы не является закрытым. В каждом конкретном случае её назначения может возникнуть потребность исследования каких-либо объектов, не включённых нами в перечень. Однако в данной статье мы предприняли попытку составить общий

перечень материалов, которые должны быть предварительно собраны для производства экспертизы и направлены эксперту для проведения исследования. На наш взгляд, систематизация субъектов и объектов, подлежащих исследованию, в соответствии с поставленной экспертной задачей позволит упростить процесс назначения судебных инженерно-технологических экспертиз, сократить сроки и повысить эффективность их производства.

Список использованных источников

1. Шамаев, Г. П. Система задач судебной инженерно-технологической экспертизы / Г. П. Шамаев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 3. – С. 173–180.
2. Шамаев, Г. П. Субъекты инженерно-технологической экспертизы / Г. П. Шамаев // Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерения. II Московский юридический форум (Кутафинские чтения) (2–4 апреля 2015 г., Москва): материалы круглых столов : в 2 ч. – Ч. 1. – М. : Проспект, 2015. – С. 642–648.
3. Таубкин, И.С. Пожарно-техническая и взрыво-технологическая экспертизы. Сборник «Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». – М.: Антидор, 2004.
4. Антонова, Е. Н. Судебная экспертиза в арбитражном процессе / Е. Н. Антонова [и др.] ; под ред. Д. В. Гончарова, И. В. Решетникова. – М. : Волтерс Клувер, 2007.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Велиев Руслан Ариф оглы,
аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин
Белорусского государственного экономического университета, г. Минск,
адвокат, член Коллегии адвокатов Азербайджанской Республики,
магистр юридических наук

Право на судебную защиту, закрепленное в конституциях многих стран, является одним из фундаментальных прав человека в современном демократическом мире. Судебная защита должна быть не иллюзорной, а реальной и эффективной. Институт обжалования судебных актов является одним из гарантий судебной защиты. Но зачастую вступление в законную силу судебных актов затрудняет или делает невозможным обжалование судебных решений, тем самым нарушая права человека.

Обжалование судебных актов как конституционное право, закрепленное в статье 115 Конституции Республики Беларусь, осуществляется в результате несогласия участника процесса (или иного заинтересованного лица) с судебным постановлением с целью препятствования наступлению неблагоприятных для него событий по постановлению суда [1].

Со вступлением в законную силу определения кассационной инстанции с момента вынесения согласно ст. 432 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) теряется юридическая значимость процесса обжалования, так как вступление в законную силу влечет за собой совершение определенных исполнительных действий, что чревато неизбежными последствиями для лица (особенно в делах о выселении, о сносе и т. д.). Наступление неблагоприятных условий со вступлением в законную силу определений судов кассационных инстанций может помещать лицу вовремя и надлежащим образом подать жалобу в порядке судебного надзора [2]. Приостановление исполнения судебных постановлений до окончания производства в порядке надзора согласно ст. 441 ГПК не является обязательным и зависит от должностного лица, которому предоставлено право принесения протестов в порядке надзора. Статьи 436 и 437 ГПК регулируют вопросы обжалования определений кассационной инстанции и проверки дела в порядке надзора [2]. Учитывая, что по ст. 447 ГПК суд надзорной инстанции может изменить, а также отменить полностью или частично судебное постановление, а это чревато в дальнейшем поворотом исполнения судебного постановления, указанным в ст. 472 ГПК, то целесообразней была бы отсрочка на вступление в законную силу определения судов кассационной инстанции до окончания производства в порядке надзора [2].

Законодательство некоторых стран содержит положения об отсрочке вступления в законную силу решений судов второй инстанции. Например, согласно ст. 254 ГПК Республики Молдова решения, вынесенные в апелляционной инстанции, вступают в силу по истечению срока кассационного обжалования, если заинтересованные лица не воспользовались этим, путем обжалования [3]. Согласно ст. 264 ГПК Грузии решение (определение) апелляционного суда, вступает в законную силу после истечения срока его обжалования в порядке, если оно не было обжаловано [4]. В ст. же 393 ГПК Азербайджанской Республики указано, что, если решение суда апелляционной инстанции не обжаловано, оно вступает в законную силу через 2 месяца после его вынесения [5].

Кроме того, обжалование вступивших в законную силу судебных решений в порядке надзора нарушает «принцип правовой определенности», согласно которому пересмотру в апелляционном и (или) кассационном порядке подлежат судебные постановления, не вступившие в законную силу. Пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений должен осуществляться в исключительных случаях.

В связи с тем что ГПК Российской Федерации содержат аналогичные с ГПК Республики Беларусь положе-

ния о пересмотре судом надзорной инстанции вступивших в законную силу постановлений суда кассационной инстанции, а также с учетом постановлений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Рябых против России» и по делу «Волкова против России», предметом которых являлось рассмотрение жалоб на отмену президиумами областных судов окончательных судебных решений, вынесенных в пользу заявителей путем пересмотра их дел в порядке надзора в результате принесения протестов председателями тех же областных судов на основании статей ГПК Российской Федерации, Комитет министров Совета Европы принял предварительную Резолюцию ResDH (2006)1 «О нарушении принципа правовой определенности процедурой пересмотра дел в порядке надзора в гражданском судопроизводстве в Российской Федерации». В резолюции Комитет выразил особое беспокойство тем обстоятельством, что на региональном уровне часто один и тот же суд действует последовательно как кассационная и надзорная инстанции по одному и тому же делу. Комитет обращает внимание на то, что вышестоящий суд должен исправлять все выявленные недостатки в постановлениях судов низшей инстанции в одном-единственном слушании дела таким образом, чтобы последующее обращение за помощью к «процедуре пересмотра судебного постановления в порядке надзора» являлось действительно исключительной мерой, если уж без этого нельзя обойтись. Далее Комитет подчеркнул, что в эффективной судебной системе ошибки и недостатки в судебных постановлениях нужно исправлять прежде всего использованием процедуры обычного апелляционного обжалования и/или рассмотрения дела в кассационной инстанции, после чего судебное постановление должно становиться окончательным и обязательным для исполнения, что позволит таким образом избежать последующего риска нарушения права сторон быть уверенными в окончательности судебного постановления, вынесенного по их делу [6].

ЕСПЧ в постановлениях в делах против России неоднократно указывал на то, что нарушение принципа правовой определенности процедурой пересмотра дел в порядке надзора в гражданском судопроизводстве в Российской Федерации, является нарушением права на справедливое судебное разбирательство, как это гарантировано ст. 6 §1 Конвенции о правах и основных свободах человека [7].

В судебном деле «Рябых против России» ЕСПЧ указал что, правовая определенность предполагает уважение принципа «res judicata», то есть принципа окончательности судебных решений. Этот принцип настаивает на том, что ни одна сторона не имеет права требовать пересмотра окончательного и обязывающего судебного решения просто в целях проведения повторного рассмотрения и вынесения нового решения по делу. Полномочия вышестоящих судов на пересмотр должны использоваться для исправления судебных ошибок, неправомерных судебных решений, а не для того, чтобы заменить пересмотр. Пересмотр не может рассматриваться как замаскированная апелляция, а простая возможность существования двух взглядов на вопрос не является основанием для повторного рассмотрения. Отступления от этого принципа оправданы, только если они необходимы в обстоятельствах существенного и неопровержимого характера [8].

ЕСПЧ в постановлении в деле «Петров против России» подчеркнул, что вступившее в силу и обязательное для исполнения решение суда может быть отменено только в исключительных обстоятельствах, а не для единственной цели получить другое решение по делу. В российской юридической системе основанием для отмены или изменения судебных решений кассационными судами в основном совпадают с основаниями для отмены или изменения судебных решений в порядке судебного надзора [9].

В деле «Кот против России» ЕСПЧ повторяет, что «ст. 6 §1 Европейской Конвенции закрепляет за каждым право обращаться в суд в случае любого спора о его гражданских правах и обязанностях. Таким образом, она заключает в себе «право на суд», одним из аспектов которого является право на доступ к правосудию, то есть право инициировать производство в судах по гражданским вопросам. Однако это право было бы иллюзорным, если бы внутренняя правовая система государств-членов допускала отмену судебного решения, ставшего окончательным и обязательным для исполнения, вышестоящим судом по жалобе, поданной должностным лицом государства, чье полномочие на подачу такой жалобы не подпадает под какие-либо временные ограничения, в результате чего судебные решения подлежали безусловному оспариванию» [10].

Аналогичные указания ЕСПЧ дал в своих постановлениях по делу «Бодров против России» [11], «Волкова против России» [12], «Росэлтранс против России» [13], «Паролов против России» [14], «Праведная против России» [15] и др. В постановлении по делу «Бабаев (Гасан) против Азербайджана» от ЕСПЧ указал, что Пленум Верховного Суда Азербайджанской Республики не может считаться судебной инстанцией, так как:

1) возбуждение дела в Пленуме не зависит от заявителя (вынесение дела на рассмотрение в Пленуме (истребование) дела зависит от «воли» председателя Пленума);

2) противоречит принципу правовой определенности, так как является тем же судом, который рассматривал дело в кассационном порядке;

3) рассматривает дела по жалобам на вступившие в законную силу решений Верховного суда [16].

Таким образом, ЕСПЧ подчеркнул, что для исчерпания внутренних средств правовой защиты обязательно обращаться в Пленум Верховного суда Азербайджанской Республики. Согласно законодательству Азербайджанской Республики судебные инстанциими считаются:

1) районные (городские) суды, суды по тяжким преступлениям, военные суды, административно-экономические суды – в качестве судов первой инстанции;

2) областные апелляционные суды (с судебными коллегиями по гражданским, уголовным, военным и административным экономическим делам) – в качестве судов второй инстанции (апелляционная инстанция);

3) Верховный суд Азербайджанской Республики (с судебными коллегиями по гражданским, уголовным, военным и административным экономическим делам) – в качестве суда третьей инстанции (кассационная инстанция).

Учитывая вышесказанное, предлагается изменить соответствующие статьи ГПК Республики Беларусь, в частности ст. 432, с внесением отсрочки на вступление в законную силу определения суда кассационной инстанции во время обжалования на период до вынесения постановления судов надзорной инстанции.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 11 янв. 1999 г., № 238-3 : с изм. и доп.: текст по состоянию на 21 янв. 2013 г. – Минск. Национальный центр правовой информации Респ. Беларусь. 2013 г. – 336 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : Кодекс Молдовы, 30 мая 2003 г., № 225-XV. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3837. – Дата доступа: 21.02.2014 г.
4. Гражданский процессуальный кодекс Грузии [Электронный ресурс]: Кодекс Грузии, 14 нояб. 1997 г., № 1106-Is : с изм. и доп.: текст по состоянию на 28 июня 2000 г. – Режим доступа: http://www.jguard.ru/images/attaches/235/GPK_Georgia.txt. – Дата доступа: 21.02.2014.
5. Гражданский процессуальный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : Кодекс Азербайджанской Респ., 28 дек. 1999 г., № 780-IQ. – Режим доступа: http://www.taxes.gov.az/uploads/qanun/2011/mecelleler/mulki_prosessual_mecelle_rus.pdf. – Дата доступа: 21.03.2014.
6. О нарушении принципа правовой определенности процедурой пересмотра дел в порядке надзора в гражданском судопроизводстве в Российской Федерации [Электронный ресурс] : предварительная Резолюция Комитета министров Совета Европы ResDH (2006)1 от 8 февр. 2006 г. – Режим доступа: <http://forum.klerk.ru/showthread.php?t=76149>. – Дата доступа: 16.11.2014.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция) от 4 нояб. 1950 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf. – Дата доступа: 20.11.2014.
8. Рябых против России [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ по жалобе № 52854/99, Страсбург, 24.07.2003 г. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/new/003.htm>. – Дата доступа: 16.11.2014.
9. Петров против России [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ по жалобе № 1861/05, Страсбург, 10.05.2007. – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/euro/Rpetrovcase.html>. – Дата доступа: 16.11.2014.
10. Кот против России [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ по жалобе № 20887/03. Страсбург, 18.01.2007. – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/euro/Rkotcase.html>. – Дата доступа: 16.11.2014 г.
11. Бодров против России [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ по жалобе № 17472/04, Страсбург, 12 февр. 2009 г. – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/euro/Rbodrovcase.html>. – Дата доступа: 13.12.2014.
12. Волкова против России [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ по жалобе № 48758/99, Страсбург, 5 апр. 2005 г. – Режим доступа: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/volkova-protiv-rossii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>. – Дата доступа: 13.12.2014.
13. Росэлтранс против России [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ по жалобе № 60974/00, Страсбург, 21 июля 2005 г. – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/euro/Rroseltranscase.html>. – Дата доступа: 13.12.2014.
14. Паролов против России [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ по жалобе № 44543/04, Страсбург, 14 июня 2007 г. – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/euro/Rparolovcase.html>. – Дата доступа: 13.12.2014.
15. Праведная против России [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ по жалобе № 69529/01, Страсбург, 18 нояб. 2004 г. – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/euro/Rpravednayacase.html>. – Дата доступа: 13.12.2014.
16. Бабаев (Гасан) против Азербайджана [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ по жалобе № 36454/03, Страсбург, 27 мая 2004 г. – Режим доступа: <http://www.monitoring.az/public/print.php?lngs=eng&ids=32>. – Дата доступа: 13.12.2014.

УНИФИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ИСПРАВЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Галисултанова Амина Тимербулатовна,
студент магистратуры Уральского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Челябинск

В статье 1 Конституции России закреплено, что Российская Федерация – это правовое государство. Жизнь и работа в условиях правового государства невозможны без предоставления гражданам гарантий прав и свобод. Одной из гарантий, мер, обеспечивающих возможность использования гражданином принадлежащих ему прав и свобод, является право на их судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). Одной из установленных законом форм судебной защиты права является гражданское судопроизводство, которое осуществляется путем правильного и своевременного рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях гражданских дел (ст. 2 ГПК РФ).

Каждое решение суда должно быть законным и обоснованным. Каждое неправосудное постановление суда, явившееся результатом допущенной судебной ошибки, означает, что правосудие не осуществилось и задачи гражданского судопроизводства остались не решенными, не защищенными остались субъективные права, свободы и законные интересы субъектов гражданских правоотношений. Судебные ошибки не только оказывают отрицательное влияние на авторитет конкретных судей, но и подрывают доверие граждан ко всей судебной власти.

Судебная ошибка представляет собой результат процессуальной деятельности суда (судьи), связанный с неправильным восприятием, анализом или воспроизведением норм закона, отступлением от принципов правосудия, результатом чрезмерной дифференциации судебной системы и процессуального законодательства, повлекшие принятия судебного постановления, нарушающего права, свободы и интересы сторон и (или) других лиц, участвующих в деле.

Судебную ошибку характеризуют следующие признаки.

1. Судебная ошибка представляет собой процессуальную деятельность, причем не любую, а непропорциональную, но не содержащую признаков уголовно наказуемого деяния.

2. Судебная ошибка – непропорциональная процессуальная деятельность не всякого правоприменителя, а конкретного суда (судьи).

3. Судебная ошибка отражается и фиксируется в процессуальном документе – судебном постановлении, в котором непременно должны содержаться основания для его отмены или изменения.

4. В результате судебной ошибки нарушаются права, свободы и законные интересы субъектов правоотношений [3, с. 122].

Судебные ошибки появляются не самопроизвольно; их возникновение обусловлено наличием определенных обстоятельств – причин и условий [2, с. 34]. Понимание причин возникновения такого негативного явления, как судебная ошибка, является основанием не только для поиска средств их устранения, но и для разработки, и совершенствования методик применения организационно-правовых средств на различных стадиях гражданского судопроизводства. Указанное свидетельствует о необходимости поиска способа их устранения.

Одной из причин, порождающих судебные ошибки, являются особенности отечественного судоустройства и связанная с этим необходимость исследования возможности унификации как способа устранения ошибок в гражданском и арбитражном процессах.

В полном соответствии со ст. 118 Конституции РФ в российской правовой реальности нет арбитражного судопроизводства, а имеет место гражданское судопроизводство, представленное двумя процессами, гражданским и арбитражным, имеющими единую цивилистическую сущность. Состоявшаяся дифференциация, т. е. появление двух процессуальных кодексов и относительно самостоятельных процессов – результат действия преимущественно субъективных факторов, а не объективных предпосылок. Это подтверждается и явно выраженной тенденцией постоянного и неуклонного сближения процессов, т. е. их унификации [1, с. 5].

Предложения о едином и одном процессуальном цивилистическом кодексе правильны по сути, но не соответствуют реалиям и обстановке современного периода. Представляется что более верно стремиться извлечь пользу из существования «дублирующих» кодексов, чтобы выявлять наиболее приемлемый вариант правового регулирования с целью использования его в качестве образца для унификации.

Пока остаются в силе и действуют оба кодекса, не следует форсировать тенденцию их унификации, а также стремиться к полной унификации.

Арбитражный процесс «имеет право» на своеобразие в корреляции со своеобразными целями (задачами), закрепленными в АПК РФ, и каждый из цивилистических процессов может быть уникальным в части действия специальных процессуальных норм, которые определяют особенности рассмотрения дел, отнесенных только к компетенции судов одной подсистемы.

Вместе с тем унификация нашла свое проявление в организационных изменениях построения судебной системы. Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) стал единственным высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, а также по разрешению экономических споров. Положения о подсудности дел ВС РФ исключены из ст. 27 ГПК РФ. Вместо них приводится ссылка на Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде РФ», содержащий соответствующие нормы.

Из Конституции РФ исключено упоминание о Высшем арбитражном суде РФ (далее – ВАС РФ). Аналогичные изменения внесены в другие нормативные правовые акты. Из Конституции РФ также исключено упомина-

ние об арбитражных судах. Кроме того, в ст. 71 Конституции РФ вместо гражданско-процессуального, уголовно-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства теперь идет речь только о процессуальном законодательстве.

Функции по разрешению экономических споров, ранее подсудных ВАС РФ, теперь осуществляет Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ, состоящая из 30 судей. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ стала второй кассационной инстанцией, в которой пересматриваются определенные судебные акты (см. ч. 1 ст. 291.1 АПК РФ в редакции Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»). Кассационная жалоба предварительно изучается единолично судьей ВС РФ, после чего может быть передана (или не передана) в указанную коллегию.

Кроме того, акты Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ обжалуются в Президиум ВС РФ. Надзорная жалоба, как и кассационная, предварительно изучается судьей ВС РФ и лишь после этого может быть направлена для рассмотрения в Президиум ВС РФ.

Основной причиной унификации системы высших судов являлось объективное требование обеспечить единообразие судебной практики по толкованию и применению одного и того же законодательства двумя высшими судами – Верховным судом и Высшим арбитражным судом. В этом смысле объединение и то, что происходит в его результате, – положительный результат унификации.

В настоящее время обновленный Верховный суд РФ ведет работу по выявлению расхождений в судебной практике двух судебных подсистем. После того как эта работа будет завершена, по-видимому, будут приняты меры по снятию противоречий и исправлению ошибок в гражданском и арбитражном процессах.

Возвращаясь к дискуссии об объединении ГПК и АПК РФ, их унификации, а также полной унификации гражданского процесса необходимо отметить, что в прошедшем году состоялось 150-летие судебной реформы 1864 года. Тогда в России была выстроена трехзвенная судебная система общей юрисдикции: окружные суды, судебные палаты (обычно на несколько губерний, выполнявшие роль апелляционной инстанции), вверху Сенат – высшая судебная инстанция (кассационная).

Но до революции в России были и коммерческие суды, весьма прогрессивные для своего времени, причем их система была создана намного раньше — еще в 1832 году. Коммерческие суды работали по Уставу торгового судопроизводства, а общие суды рассматривали дела по своему гражданскому процессуальному законодательству. И вот с 1864 года шли дискуссии: предлагалось объединить суды и создать единый процессуальный кодекс. Дискуссии продолжались десятки лет, но ничего так и не произошло.

Вопрос построения унифицированного процессуального кодекса очень непростой. Действующий Гражданский процессуальный кодекс и Арбитражный процессуальный кодекс сильно различаются. Во-первых, тем, что структура судов различная и без изменения структуры судов выработать единые процедуры весьма затруднительно.

Если будет создаваться единый кодекс, главным приоритетом должно стать недопустимость снижения уровня процессуальных гарантий для защиты прав.

Список использованных источников

1. Громошина, Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореферат дис. ... доктора юридических наук / Н. А. Громошина. – М., 2010. – 50 с.
2. Зайцев, И. М. Теоретические вопросы устранения судебных ошибок в гражданском процессе: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / И. М. Зайцев. – Свердловск, 1987. – 46 с.
3. Руденко, Ю. М. Деятельность адвоката по предупреждению, выявлению и исправлению судебных ошибок в гражданском судопроизводстве: организационно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук / М. Ю. Руденко. – М., 2009. – 222 с.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБЫ НА НЕ ВСТУПИВШЕЕ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Латышев Павел Сергеевич,
адвокат Минской областной юридической консультации № 2 Минской областной коллегии адвокатов
аспирант Белорусского государственного экономического университета,
магистр юридических наук

Анализ судебной практики и законодательства свидетельствуют об одном из слабых мест законодательства об административных правонарушениях, а именно об имеющих место проблемах, связанных с участием представителей государственных органов, вынесших постановление по делу об административном правонарушении на стадии рассмотрения жалобы на это постановление в суде.

Данная проблема будет исследована через призму собственной правоприменительной практики на примере

участия представителей Государственной автомобильной инспекции (далее – ГАИ) в административном процессе на стадии рассмотрения жалобы на не вступившего в законную силу постановления.

Автор обращает внимание, что проблема касается только стадии рассмотрения жалоб в суде. На первом этапе, когда дело об административном правонарушении рассматривается в ГАИ, этот момент достаточно четко урегулирован Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) [1]. При определенных условиях представители ГАИ могут участвовать в рассмотрении дела об административном правонарушении в качестве свидетелей, их права и обязанности оговорены ст. 4.6 ПИКоАП.

Проблема же возникает на стадии обжалования вынесенного по делу постановления. В ч. 2 статье 12.8 ПИКоАП указано, что при рассмотрении жалобы имеют право присутствовать «лицо, в отношении которого вынесено постановление по делу об административном правонарушении, потерпевший, их представители, защитник».

В ч. 3 ст. 12.8 ПИКоАП указывается, что «Рассмотрение жалобы (протеста) начинается с доклада судьи, должностного лица органа, ведущего административный процесс, которые излагают существо дела об административном правонарушении и жалобы (протеста). После доклада лицо, в отношении которого вынесено постановление по делу об административном правонарушении, потерпевший, их представители, защитник, если они участвуют в рассмотрении жалобы (протеста), дают объяснения...»

Из оценки данных норм следует вывод, что перечень участников административного процесса на стадии рассмотрения жалобы на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении является исчерпывающим.

Между тем до 2012 года практиковалась схема участия в рассмотрении жалобы на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении инспекторов ДПС, составивших процессуальные документы, в качестве свидетелей.

После того как Верховный Суд в постановлении по результатам рассмотрения жалобы на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, отметил, что подобное участие инспекторов ДПС в процессе рассмотрения жалобы на не вступившее в законную силу постановление, является неправомерным, районные суды, рассматривающие подобные жалобы, стали вызывать представителей ГАИ в судебное заседание для рассмотрения жалобы по существу.

Между тем, как отмечено выше, на стадии рассмотрения жалобы на не вступившее в законную силу постановление Закон не предусматривает процессуальную возможность участия представителя органа, вынесшего постановление по делу об административном правонарушении, в рассмотрении данной жалобы в судебном заседании.

Ни в главе 3, ни в главе 4 ПИКоАП не определен процессуальный статус такого представителя государственного органа, его права и обязанности.

Если мы говорим о состязательности и равенстве сторон – например, уголовный процесс – предусматривает, что процессуальные участники (обвинитель и защитник) не имеют права обращаться друг к другу, задавать вопросы, перебивать. Все общение происходит через судью. В случае, когда в процессе рассмотрения жалобы на не вступившее в законную силу постановление участвует представитель ГАИ, мы получаем подобие уголовного процесса, где инспектор как бы выступает обвинителем, но при этом он может прервать защитника, высказать свои замечания прямо посередине речи защитника, начать задавать защитнику вопросы. И здесь к представителю ГАИ суд не может применить меры воздействия, так как такого участника административного процесса в Законе нет.

Автор, выступая в качестве защитника на данной стадии административного процесса, неоднократно заявлял суду ходатайство, в котором просил не допускать в процесс рассмотрения жалобы в судебном заседании такого лица, излагая в качестве мотивировки доводы, изложенные выше. Однако суд в большинстве случаев отказывал в удовлетворении данного ходатайства.

В последующих жалобах излагалось это нарушение требований Закона, однако вышестоящие суды, проверяющие законность и обоснованность вынесенных по делу постановлений, не признавали факт участия представителя ГАИ в процессе рассмотрения жалобы на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, за нарушение требований ПИКоАП.

Исходя из вышеизложенного, автор считает, что необходимо участие представителя государственного органа, вынесшего постановление по делу об административном правонарушении, в процессе рассмотрения жалобы на вынесенное постановление для полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела и проверки законности и обоснованности этого постановления.

Однако участие данного представителя должно быть закреплено в нормах ПИКоАП, путем определения его процессуального статуса (прав и обязанностей) в соответствующей главе ПИКоАП, а также должны быть внесены соответствующие изменения в статью 12.8 ПИКоАП, в которой закрепляется перечень участников, которые могут участвовать в процессе рассмотрения жалобы на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении.

Список использованных источников

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г. № 194-3 : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Сове-

К ВОПРОСУ О ТРЕБОВАНИИ О ПРИЗНАНИИ ДОГОВОРА НЕЗАКЛЮЧЕННЫМ

Парахневич Владимир Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского права юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск,
магистр юридических наук

В настоящее время в Республике Беларусь актуальным является вопрос о возможности заявления самостоятельного требования о признании договора незаключенным в экономическом суде.

На протяжении длительного времени требование о признании договора незаключенным не признавалось самостоятельным требованием, что было обусловлено следующими причинами.

Статья 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) не предусматривает признание договора незаключенным в качестве способа защиты гражданских прав. Статья 41 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) также напрямую не относит споры о признании договора незаключенным к подведомственности экономических судов. В письме Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 3 марта 2004 г. № 03-24/1149 было разъяснено, что «возможность подачи искового заявления о признании договора незаключенным не предусмотрена законодательством».

Противники возможности заявления самостоятельного требования о признании договора незаключенным указывают, что незаключенность договора не поставлена в зависимость от признания его таковым судом, так как в ГК содержится формулировка «договор считается заключенным» [1, с. 23]. Кроме того, подобный способ защиты зачастую используется недобросовестными контрагентами с целью избежать предусмотренной в договоре ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства.

Вопрос о возможности заявления требования о признании договора незаключенным являлся дискуссионным до принятия Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г., которым внесены изменения в Приложение 16 к Налоговому кодексу Республики Беларусь. В результате внесения указанных изменений взимается государственная пошлина за рассмотрение искового заявления о признании договора незаключенным. Следовательно, подтверждена возможность заявления требования о признании договора незаключенным.

Законодательство Республики Беларусь не предусматривает правовых оснований для отказа в праве на предъявление иска о признании договора незаключенным. Перечень способов защиты гражданских прав, содержащийся в ст. 11 ГК, не является исчерпывающим. Статья 41 ХПК не ограничивает перечень споров, относящихся к подведомственности экономических судов. С учетом вышеизложенного отказ в судебной защите по иску о признании договора незаключенным является примером ограничительного толкования законодательства и нарушает право на судебную защиту.

Д. П. Александров указывает на то, что «объективной предпосылкой возможности предъявления этих исков является обширный нормативный материал» [2]. Законодательство Республики Беларусь содержит множество норм, посвященных существенным условиям тех или иных гражданско-правовых договоров. Заявление требования о признании договора незаключенным в данном случае способствует непосредственному применению положений о существенных условиях договоров, упрощает судебную защиту участниками гражданского оборота своего нарушенного права.

На изменение законодательства отреагировала и судебная практика. В частности, были рассмотрены по существу иски о признании договора незаключенным и вынесены решения экономического суда Витебской области от 26.05.2015 (дело № 59-18/2015) и от 09.06.2015 (дело № 117-17/2015).

Принимая во внимание вышеизложенное, полагаем необходимым рассмотреть порядок признания договора незаключенным, отличающийся от порядка признания сделки недействительной.

Признание договора незаключенным может происходить в рамках иска о признании или иска о присуждении. В рамках иска о признании несостоятельность сделки выступает в форме самостоятельного искового требования, т.е. предметом требования является признание договора незаключенным. Например, иск о признании договора займа незаключенным в связи с отсутствием передачи денежных средств (п. 3 ст. 765 ГК).

В рамках иска о присуждении незаключенность договора является правовым и фактическим основанием для удовлетворения исковых требований. Предметом иска в данном случае являются иные материально-правовые требования. Например, заявление требования о взыскании суммы неосновательного обогащения в связи с тем, что договор является незаключенным.

Постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16 «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров» (п. 3) предусматривает, что при рассмотрении хозяйственным судом спора, вытекающего из договора, согласование существенных условий которого не нашло своего подтверждения, суд на основании соответствующей нормы закона, не позволяющей считать подобный договор заключенным, должен указать на данное обстоятельство в мотивировочной части судебного решения. Следовательно, суд может самостоятельно по своей инициативе констатировать факт незаключенности договора. В этом незаключенные договоры

схожи с ничтожными сделками (п. 2 ст. 167 ГК). Однако в ситуации с заявлением требования о признании оспоримой сделки недействительной подобные полномочия у суда отсутствуют (п. 3 ст. 167 ГК).

С учетом вышеизложенного сформулируем следующие выводы.

Во-первых, законодательство Беларуси и судебная практика подтверждают возможность предъявления требования о признании договора незаключенным, что свидетельствует о появлении самостоятельной категории исков о признании договора незаключенным.

Во-вторых, отличием незаключенного договора (несостоявшейся сделки) от оспоримой сделки является то, что для признания договора незаключенным необязательно предъявление самостоятельного искового требования или встречного иска, суд может самостоятельно по своей инициативе констатировать незаключенность договора.

Список использованных источников

1. Рожкова, М. А. Требование о признании в арбитражном процессе / М. А. Рожкова // Арбитражная практика. – № 11. – 2002. – С. 19–26.

2. Александров, Д. П. Получит ли путевку в жизнь иск о признании договора незаключенным? [Электронный ресурс] / Д. П. Александров // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

РАЗДЕЛ VII
АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИНЫХ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ
ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ И СПОРОВ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ,
ВЫЗВАННЫЕ ЕГО ПРАВОВОЙ ПРИРОДОЙ

Бельская Ирина Александровна,
доцент кафедры международного частного европейского права
факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск,
кандидат юридических наук

С принятием Закона Республики Беларусь «О медиации» (далее – Закон о медиации) и иных нормативных правовых актов в сфере медиации в правовое поле Республики Беларусь введен не только сам правовой институт медиации, но и новый вид договора – медиативное соглашение.

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) не содержит подобной правовой конструкции соглашения или договора, направленного на достижение цели в виде прекращения спора (конфликта сторон).

Предметом медиативного соглашения являются действия сторон по созданию, прекращению или изменению правоотношений. Основная особенность этих действий состоит в том, что их совокупность, включая заключение медиативного соглашения, направлены на урегулирование спора (конфликта).

Если в медиации урегулируется спор, вытекающий из гражданско-правовых отношений, стороны принимают на себя обязательства в соответствии с гражданским законодательством. Соответственно медиативное соглашение, имеющее данное содержание, представляет собой гражданско-правовой договор, хотя указания об этом действующее законодательство не содержит.

Признание медиативного соглашения гражданско-правовым договором требует распространения на него общих положений о таком договоре. Вместе с тем многие действия, обязанность совершить которые принимают на себя стороны медиативного соглашения, регулируются законодательством в качестве определенных видов договоров и сделок.

Таким образом, медиативное соглашение имеет обобщающий характер всех условий, обязательств и действий сторон (в том числе процессуальных, если медиация проводится по судебному делу), направленных на прекращение спорных материальных отношений (и прекращение производства по делу в суде).

Тот факт, что медиативное соглашение не закреплено в ГК, не дает оснований считать его непоименованным договором уже потому, что данный договор прямо назван в Законе о медиации. Медиативное соглашение является вполне самостоятельным договором гражданского права, обеспечивающим собой единую уникальную направленность отдельных действий (сделок) на урегулирование существующего спора (конфликта).

Разумеется, медиативное соглашение должно соответствовать общеправовым требованиям — не противоречить законодательству, не нарушать интересов третьих лиц. Однако относительно его содержания закон никаких ограничений не содержит.

С точки зрения содержания, медиативное соглашение должно быть законным, понятным для обеих сторон, однозначным и реалистичным, отвечать интересам всех участвующих в нем лиц. Интересы лиц, не участвующих в медиации, не должны затрагиваться условиями данного соглашения. В медиативном соглашении должно быть четко и однозначно определено, какой стороной, какие действия и в какое время осуществляются [1, с. 39–42].

При оценке места медиативного соглашения в системе гражданско-правовых договоров следует учитывать, что с точки зрения характера отдельных действий, составляющих его содержание, медиативное соглашение не обладает качествами договора (*sui generis*), скорее представляет собой специальную договорную конструкцию (как, например, договор присоединения или публичный договор). Следует также учитывать, что может различаться предмет медиативного соглашения по результатам медиации и предмет поступившего в медиацию спорного правоотношения, выраженный в заявленном требовании или иске. Например, стороны, обратившиеся к медиации в связи с урегулированием спора, возникшего в связи с неисполнением договора поставки, могут заключить новый договор купли-продажи в отношении совсем иного товара либо заключить дополнительное соглашение к спорному договору, установив рассрочку, отсрочку платежа, изменив график поставки товара либо объем товара.

На гражданско-правовую природу медиативного соглашения как сделки по возникшему из гражданских правоотношений спору указывают следующие признаки:

во-первых, сделка является действием, то есть волевым актом. Как и любой волевой акт, сделка включает два элемента: внутренняя воля лица, совершающего сделку, и волеизъявление, то есть выражение внутренней воли вовне. Закон исходит из презумпции (предположения) соответствия воли и волеизъявления;

во-вторых, сделка является действием граждан и юридических лиц, основных участников регулируемых гражданским правом отношений;

в-третьих, сделка имеет целевую направленность: воля в сделке специально направлена на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [2, с. 22].

Медиативное соглашение полностью соответствует указанным признакам.

Как известно, в гражданском законодательстве выделяются односторонние, двусторонние и многосторонние сделки. Для совершения односторонней сделки достаточно выражения воли одной стороны. Медиативное соглашение заключается по воле двух, а иногда и более сторон правоотношения. Таким образом, оно представляет собой двустороннюю (а в некоторых случаях многостороннюю) сделку, заключаемую при этом в обязательной письменной форме.

Поскольку медиативное соглашение можно рассматривать как сделку, то вполне обоснованным является его соответствие требованиям и правилам гражданского законодательства об отступном, о новации, прощении долга, зачете встречного однородного требования, возмещении вреда, т. е. положениям гражданского законодательства о прекращении обязательств и возмещении вреда, применяемым к обычным сделкам.

Медиативное соглашение, заключенное в результате медиации сторонами, может быть оформлено как в виде самостоятельного документа, к которому установлены конкретные требования, так и являться частью иного договора (купли-продажи, договора поставки, новации, дарения и т. п.).

В случае если законодательством предусматривается обязательная регистрация такого договора, данное действие для сторон является обязательным. Если необходимо соблюдение установленной юридической формы договора, предъявляемые к особым видам сделок требования также будут распространяться на медиативное соглашение.

Например, залог предприятия государственной формы собственности, предусмотренный в медиативном соглашении, должен быть согласован в установленном порядке с компетентными органами и зарегистрирован в регистрирующем органе.

К медиативному соглашению Законом о медиации установлены существенные условия, при отсутствии которых соглашение считается незаключенным. Существенными признаются условия о сторонах, медиаторе, предмете спора, а также о принятых сторонами обязательствах, направленных на урегулирование спора, и сроках их выполнения.

Следует разграничивать существенные условия, установленные Законом о медиации к содержанию медиативного соглашения и к отдельным соглашениям (договорам), которые являются его содержанием и (или) частью.

Важным квалифицирующими признаками медиативного соглашения являются его заключение при наличии спора в присутствии медиатора, в том числе оно должно содержать его подпись. Медиатор может оказать действие сторонам в формировании условий и подписании медиативного соглашения, но он не обязан заниматься его подготовкой. В его составлении могут, а в сложных случаях необходимо привлекать к участию адвокатов, юристов или других специалистов. Принятое решение должно быть справедливым, эффективным и стабильным [3].

Но нельзя ограничивать медиативное соглашение только пониманием гражданско-правового договора. Если медиативное соглашение заключено по спору, правовое содержание которого регулируется иным законодательством, например, трудовым, семейным, земельным, жилищным или др., то его содержание должно отвечать императивным требованиям специального законодательства, как в части существенных условий заключаемого договора, так и требований к оформлению сделки.

Например, заключенный в результате медиации брачный договор подлежит утверждению нотариусом. Подписание его медиатором наряду со сторонами не освобождает стороны от обязанности обращения к нотариусу, который оценивает заключенное медиативное соглашение, содержащее в себе брачный договор, на его соответствие требованиям брачного договора.

Поскольку медиативное соглашение подчиняется общим нормам о договорах, оно также может быть признано недействительным. Заключая медиативное соглашение, стороны должны руководствоваться нормами гражданского и иного специального законодательства о сделках, обязательствах, условиях договоров, порядке оформления.

Еще один важный признак медиативного соглашения состоит в том, что существовавшие ранее между сторонами основанные на заключенных договорах правоотношения, приобретшие спорный характер, с момента заключения медиативного соглашения прекращают свое существование или видоизменяются.

Поскольку правоотношения между сторонами претерпели трансформацию, а в медиативном соглашении стороны предусматривают установление новых взаимных прав и обязанностей, предыдущий договор, если стороны не установили иное, обычно прекращает свое действие. В случае неисполнения медиативного соглашения в судебном порядке может производиться защита прав по условиям медиативного соглашения, а не по существовавшему первично гражданскому договору.

Необходимо отметить проблему соотношения медиативного соглашения и мирового соглашения. Данные соглашения не идентичны. Более того, понятие медиативного соглашения много шире и включает в себя в качестве одной из многочисленных содержательных возможностей составление и представление суду на утверждение мирового соглашения.

По мнению С. В. Лазарева, мировое соглашение является межотраслевым институтом в связи с наличием его внешнего и внутреннего сходства. Однако в каждой из отраслей законодательства мировое соглашение имеет определенную специфику. Различия, прежде всего, касаются нормативного регулирования этого института, характера отношений сторон, юридического положения его участников. Более того, существует специфика мирового соглашения даже в рамках одной отрасли применительно к отдельным категориям дел [4, с. 11–12].

Мировое соглашение, заключенное в судебном заседании, и мировое соглашение, достигнутое в медиации, не могут быть идентичными в силу субъектного состава лиц, участвующих в процессе его достижения, их процессуального положения, характера их отношений и деятельности по разрешению спора, объема урегулированных требований, путей достижения мирового соглашения

Законом о медиации установлены требования о письменной форме и некоторые требования к содержанию медиативного соглашения: сведения о сторонах, предмете спора, проведенной процедуре, медиаторе, согласованные обязательства и сроки их выполнения, а также в медиативном соглашении сторонами могут быть установлены последствия неисполнения медиативного соглашения.

Согласно части третьей 3 статьи 122 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) мировое соглашение должно содержать согласованные сторонами сведения об условиях, размере и сроках выполнения обязательств друг перед другом либо одной стороной перед другой, а также о последствиях его неисполнения в добровольном порядке.

Следовательно, стороны в первом случае могут, а во втором – должны предусмотреть как в медиативном соглашении, так и в мировом соглашении последствия неисполнения его в добровольном порядке.

Специфика мирового соглашения в части установления последствий неисполнения его добровольно отражена в пункте 9 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2011 г. № 14 «О некоторых вопросах прекращения судебного спора мировым соглашением». Так, мировое соглашение должно содержать согласованные сторонами сведения об условиях, размере и сроках выполнения взаимных обязательств либо обязательств одной стороной перед другой; а также о последствиях неисполнения мирового соглашения в добровольном порядке, установленных частью второй статьи 124 ХПК, пунктом 3 статьи 254 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК), частью третьей пункта 2 статьи 254 НК (в случае заключения мирового соглашения в примирительной процедуре).

Перечисленные последствия мирового соглашения четко установлены законодательными актами (как ХПК, так и НК). Указаний в части любых аналогичных последствий в результате медиативного соглашения в законодательстве не имеется. Установлено, что мировое соглашение не может содержать санкции за неисполнение условий мирового соглашения.

Данное исключение обусловлено не только пределами судебного рассмотрения по заявленным стороной требованиям, но и этими ограничениями содержания мирового соглашения по судебному делу.

Признается, что поскольку медиация даже по судебному делу предоставляет сторонам возможность вести переговоры более широкого свойства, не ограничиваясь исковыми требованиями, результат договоренностей может формулироваться гораздо шире, что отражает наличие в ХПК наряду с мировым соглашением отдельно соглашения о примирении.

Поэтому ограничений возможности установления в медиативном соглашении санкций за неисполнения его условий в виде неустойки не имеется. Автономия сторон при заключении медиативного соглашения ничем не ограничена, кроме общеправового принципа законности.

На практике достаточно часто стороны определяются в трансформации связывающих их правоотношений, породивших спор, в новые отношения, которые позволят им в дальнейшем взаимодействовать в новом правовом режиме. Договоренности могут привести к новому правоустанавливающему договору (либо ряду договоров), который по своему содержанию не может утверждаться судом, поскольку представляет собой новую гражданско-правовую сделку (ряд сделок). Названный договор нельзя исполнить принудительно, поэтому неисполнение нового хозяйственного договора в последующем может повлечь подачу в суд самостоятельного иска. Заключение нового договора свидетельствует о трансформировании спорных отношений в новые, что отражает урегулирование спорных отношений и продолжение сотрудничества сторон.

Таким образом, исключается коллизия между двумя изначально взаимосвязанными материальными правоотношениями по договору. Стороны утрачивают право ссылаться на существовавшие ранее положения спорного договора, если они не перенесли необходимые условия в содержание медиативного соглашения или не установили конкретные последствия неисполнения выработанных условий.

Кроме того, следует признать, что по результатам медиации стороны могут прийти к соглашению неправового характера, которое вообще не может рассматриваться как юридический документ. Вместе с тем выработанные условия могут иметь значение для сторон для целей исчерпания конфликта — например, условия о принесении извинений, либо выражение сожаления по поводу сложившейся ситуации, признания достоинств и качеств личности или любые другие важные для сторон факты. Утверждение, что такого рода условия не могут быть включены в медиативное соглашение, является неверным.

Список использованных источников

1. Владимирова, М. О. Правовая характеристика медиативного соглашения / М. О. Владимирова // Юрист. – 2013. – № 8.
2. Учебное пособие по гражданскому праву (краткий курс) / отв. ред. Н. М. Коршунов. – Ульяновск: Изд-во Ульянов. гос. ун-та., – 2010. – 274 с.
3. Бесемер, Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / Х. Бесемер ; пер. с нем. Н. В. Масловой. – Калуга : Духов. познание, 2004. – 176 с.
4. Лазарев, С. В. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / С. В. Лазарев ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕДИАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Каменков Виктор Сергеевич,

председатель общественного объединения «Белорусский республиканский союз юристов»,
заведующий кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск,
медиатор, доктор юридических наук, профессор

Закон о медиации [1, ст. 1] определяет медиацию как переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими *взаимоприемлемого соглашения*.

В основе медиативных технологий положены такие основополагающие принципы, как добровольность, добросовестность, равноправие и сотрудничество сторон, беспристрастность и независимость медиатора, конфиденциальность. Медиация основывается на доверии [1, ст. 3].

Но медиативные технологии можно и нужно рассматривать не только с узко-формальной, но и с межотраслевой, общеправовой и даже с философской точки зрения. Как мировоззрение, как образ мышления, как метод регулирования общественных отношений. И как эффективное средство, развивающее юридическую науку. Почему так?

В юридической литературе достаточно много внимания уделяется определению понятия «метод правового регулирования». Данное понятие позиционируется, прежде всего, как разновидность общенаучного метода, в свою очередь представляющего собой систематизированную совокупность шагов, действий, которые необходимо предпринять, чтобы решить определенную задачу, достичь поставленной цели. Метод – это способ достижения цели, а способы – это приемы и средства достижения чего-либо. Таким образом, метод – это совокупность приемов и способов применения имеющихся средств и ресурсов в целях достижения определенной цели, решения поставленной задачи.

Наиболее распространенными методами правового регулирования с позиции участия воли самих субъектов правоотношений являются, как известно императивный и диспозитивный. В свою очередь в диспозитивном методе регулирования имеет место саморегулирование. Но это только теория права.

В жизни, в том числе в правотворческой и правоприменительной практике, мы, уважаемые коллеги, как юристы привыкли оценивать любую правовую ситуацию с каких позиций? Чаше всего мы стараемся в любой форме ответить на вопрос: кто прав, а кто не прав? Кто из субъектов конкретного правоотношения виноват и в какой степени?

Эти вопросы-принципы имеют разные уровни проявления в зависимости от отрасли права. Но они до настоящего времени остаются приоритетными в правовом регулировании абсолютного большинства общественных отношений. Императив в правовом регулировании стал стремиться к преобладанию над диспозитивом. А методу саморегулирования в нашей правовой системе *пока отведено совсем немного места*.

Обратите внимание на действующее законодательство в этом смысле. Найдём упоминание о саморегулировании в законодательстве: об инвестициях, о ценных бумагах, об адвокатуре, о медиации, о спорте, об общественных организациях. Почти все.

Но становится уже общепризнанным, что наиболее опасными «болезнями» нашего времени являются глобализация (когда ее приверженцы, абстрактно заботясь о всех, забывают о конкретном человеке) и монополизм (когда интересы одного ставятся в противовес общему). Спускаясь ниже по субъектной лестнице этих явлений, мы находим их «отпрысков», таких как ведомственный подход, эгоизм. **В ущерб общим интересам.**

А вот медиация, медиативные технологии, сама медиативная методология ставят перед собой главной целью не выявление вины и степени виновности сторон, а наоборот, обнаружение причин правового факта (конфликта, спора, правонарушения и т.д.) и **общих интересов конфликтующих сторон** с целью его урегулирования.

Давайте задумаемся над следующими вопросами: стал ли комфортнее чувствовать себя человек от увеличения в разы объема правовых актов? нужно ли государству, как одному из субъектов правового регулирования, стремиться быть регулятором буквально всех областей общественных отношений?

Ответ на второй вопрос однозначен: нет, не нужно. В противном случае будет создаваться впечатление вмешательства государства во все сферы человеческой жизни. И это напрямую будет противоречить конституционным принципам о человеке, его правах, свободах и гарантиях их реализации, как высшей ценности и цели общества и государства (ст. 2 и иные). Да и второй ответ на поверхности.

Поэтому методу саморегулирования нужно уделять больше внимания в механизме государственного и общественного регулирования правоотношений. Медиация тому яркий пример.

Давайте проанализируем возможности и перспективы медиации в различных сферах общественных отношений. При этом будем учитывать еще и наш небольшой опыт в применении медиации.

Конечно, медиативное регулирование не панацея от всех бед. Его нужно применять по принципу «не вместе», а «вместе». Но необходимо знать особенности каждой сферы общественных отношений и их возможную подверженность медиативным технологиям. Например.

А. Банковская деятельность. Банки в любом государстве имеют важное и специфическое значение для стабильного развития экономики. Но банковская сфера также подвергается различным рискам, в ней наблюдаются колебания финансовой стабильности.

О том, что банковский сектор Беларуси нуждается в стабилизации экономических показателей, имеется достаточно свидетельств. Судя по статистике Главного управления банковского надзора Национального банка Республики Беларусь, проблемная кредитная задолженность организаций-резидентов выросла с 0,7 % в октябре 2013 года до 1,4% в октябре 2014 года. Уровень риска в банках вырос с показателя -0,7 в октябре 2012 года до показателя +3,3 в октябре 2014 года. За этот же период показатель достаточности капитала банков сократился с +5,5 до -3,7. Доля проблемных активов, предоставленных юридическим лицам, остается практически на одном уровне с 2012 годом, а доля таких же активов, предоставленных физическим лицам, возросла с 0,4 до 1,5 [2].

Поэтому в квалифицированной медиативной помощи нуждаются как банки, так и клиенты банков. Исследования показывают, а многие правовые системы признают, что в отношениях «банк-клиент» складываются неравные отношения, что может создавать конфликтную ситуацию. Имеются в виду так называемые диспропорции, возникающие между сторонами договора на оказание банковских услуг: информационная (клиент банка по вполне объективным причинам не всегда хорошо понимает содержание оказываемой услуги), договорная (клиент банка практически не может влиять на содержание договора, он может лишь согласиться с его содержанием или не согласиться) и процессуальная (клиента банка не имеет таких возможностей отстаивания своих интересов в судебном порядке, которыми располагает банк). Данное положение дел считается общепризнанным на уровне европейского банковского права. Подход современного банковского права к данной проблеме выражается в создании альтернативных (внесудебных) способов рассмотрения споров между банками и потребителями. Делается это таким образом, что не лишает потребителя права на традиционные судебные способы защиты, но расширяет его возможности по выбору оптимального способа рассмотрения возникшего спора с кредитным институтом. Представляется, однако, что более всего сказанное относится к клиентам банка – физическим лицам.

Характерными именно для банковской, страховой и в целом финансовой сфер являются принципы **конфиденциальности, оперативности и доверительности**. Эти отличительные особенности одновременно нужно рассматривать в качестве стимулирующих факторов для использования медиативного регулирования.

Б. Банкротство. Правовые нормы Закона о медиации и Закона о банкротстве [3] очень хорошо взаимно дополняют друг друга в материально-правовом смысле. В процессуальном смысле также не просматривается каких-либо препон для медиации в банкротстве.

Остается только законодательно допустить медиацию в указанную сферу. Конечно, потребуется еще подготовить медиаторов-профессионалов для успешного проведения медиации в данном межотраслевом и комплексном институте и решить ряд иных сложных вопросов.

Не лишним будет вспомнить, как минимум, некоторые из всех специфических особенностей банкротных процедур, которые располагают к медиации, содержат медиативный потенциал, даже предполагают участие медиатора.

Во-первых, высокий уровень и многослойность конфликтности и спорности по большинству дел об экономической несостоятельности (банкротстве). Это не только конфликт, существующий априори между должником и кредиторами, приведший к банкротной процедуре, но и конфликт между кредиторами одной очереди, между кредиторами разных очередей. Возможны конфликты между должником и управляющим, между кредиторами и управляющим, между управляющим и государственным органом по делам о банкротстве и т. д.

Судебная практика и судебная статистика подтверждают практическую направленность и значимость этих правовых норм. Из-за отсутствия данных статистики экономических судов Беларуси сошлемся на статистику арбитражных судов России. Там ежегодно отмечается в судебной статистике о сотнях тысяч заявлений, жалоб и ходатайств, которые рассматриваются арбитражными судами в рамках дел о банкротстве. Собственный практический опыт также подтверждает это.

Основными негативными последствиями таких конфликтов в деле об экономической несостоятельности являются, потеря большого количества времени на их рассмотрение, что приводит, в свою очередь, к увеличению финансовой неустойчивости должника, к убыткам кредиторов, к снижению качества активов должника, к потере квалифицированных работников и т. д.

В таком случае есть острая необходимость обратиться к медиации, которая определяется как переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения. На этом фоне ярко выделяются преимущества, которые имеет медиация в отличие от других способов разрешения конфликтов в банкротных отношениях:

более высокая скорость урегулирования конфликтов;

более высокий процент реализации принятых решений в результате того, что стороны оказались удовлетворенными принятым решением;

конфиденциальность;

более низкие затраты на проведение процедуры медиации в сравнении с затратами, неизбежными при решении спора в суде, и т. д.

Во-вторых, наличие фигуры управляющего в банкротных процедурах, который имеет законодательно закрепленные не только задачи, права, но и обязанности по обеспечению равной защиты прав и интересов, как должника, так и кредиторов, в том числе по предъявлению необходимых исков, оспариванию требований кредиторов. Иными словами, управляющий в банкротных процедурах призван минимизировать негативные последствия, в том числе возможные конфликты и отчасти уже выполняет функции медиатора, но может их осуществлять более эффективно в случае получения необходимой квалифицированной подготовки.

В-третьих, концептуальная нацеленность Закона о банкротстве, подкрепленная соответствующими правовыми конструкциями, нормами и терминологией (реструктуризация, оздоровление, восстановление платежеспособности и т.п.), свидетельствует о его приверженности к предупреждению банкротства, к медиации, к примирению, к санации и созиданию, а не к разрушению. Возьмем, например, такие основополагающие целеобразующие понятия из упомянутого Закона, как досудебное оздоровление, защитный период, санация, мировое соглашение, комиссии по предупреждению банкротства. Все это направлено на одну конечную цель: не допустить реального банкротства должника.

Дальнейшее совершенствование законодательства о банкротстве можно ориентировать на следующие вероятности использования медиации в банкротной процедуре:

1) формирование медиативной компетенции управляющих в целях сглаживания конфликтов, возникающих в процессе банкротства и выработки мирового соглашения;

2) введение обязательной досудебной процедуры медиации для разрешения экономических споров между должником и кредитором (кредиторами);

3) использование медиации на стадии досудебного предупреждения банкротства в целях регулирования отношений между кредиторами и должником (потенциальным банкротом). Ведь профессиональные медиаторы могут оказать реальную помощь даже в прописанных в упомянутом Законе формах, в том числе при:

взыскании дебиторской задолженности;

привлечении инвестиций;

заключении соглашений юридических лиц и индивидуальных предпринимателей с кредиторами о реструктуризации их кредиторской задолженности;

проведении переговоров о выделении должнику бюджетных средств для погашения задолженности перед кредиторами, заключению договоров займа (кредитных договоров), погашению кредиторской задолженности за счет иных источников;

предоставлении кредитов, бюджетных ссуд, субсидий, иных видов финансовой помощи в порядке, установленном законодательством и т. д.;

4) применение компетенции медиаторов в комиссиях по предупреждению экономической несостоятельности (банкротства);

5) использование медиации на иных стадиях развития дела о банкротстве, вплоть до ликвидации должника. В процедуре признания должника экономически несостоятельным, т. е. с перспективой его санации, возможности медиации вполне реальны и эффективны. Либо это будут усилия прошедшего специализированное медиативное обучение управляющего по делу о банкротстве, либо совместные усилия управляющего и привлеченного медиатора. Конечно, такое участие медиатора возможно только с согласия должника и кредиторов, требует дополнительного правового регулирования и определенных материальных затрат. Поэтому считать такие расходы потребуются должнику, управляющему и кредиторам.

В процедуре ликвидационного производства, которая определяется как процедура конкурсного производства, применяемая к должнику, признанному банкротом, в целях ликвидации должника – юридического лица или прекращения деятельности должника – индивидуального предпринимателя, продажи имущества должника и удовлетворения требований кредиторов в соответствии с установленной очередностью медиация также возможна, но с меньшей эффективностью. Здесь «банкротный», т. е. специализирующийся в данной сфере отношений медиатор, может оказать содействие в отыскании наиболее оптимальных вариантов продажи имущества должника и справедливого распределения полученного от продажи, между кредиторами.

Для повышения количества и эффективности мировых соглашений по делам о банкротстве участие медиаторов даже необходимо. Или, как минимум, «медиативных управляющих», т. е. управляющих, прошедших медиативную подготовку. Вспомним, что мировое соглашение – это процедура экономической несостоятельности (банкротства) в виде соглашения между должником, конкурсными кредиторами, а также третьими лицами об уплате долгов, в котором предусматриваются освобождение должника от долгов, или уменьшение сумм долгов, или рассрочка (отсрочка) их уплаты, а также срок уплаты долгов и тому подобное, применяемого на любой стадии конкурсного производства в целях прекращения производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) и утверждаемого хозяйственным судом, рассматривающим дело об экономической несостоятельности (банкротстве). Профессиональный переговорщик или медиатор в таких процедурах никогда не бывает лишним.

Понятно, что подробности возможного участия медиатора в перечисленных процедурах банкротства требуют дальнейшего изучения, правового регулирования, согласования и т. д. Но главное в другом. Польза от медиации в делах о банкротстве весьма реальна.

В. Медицина. Практика (не только отечественная) показывает, что только судебный порядок разрешения «медицинских» споров при всех его достоинствах и с его процессуальной формой не является единственно эффективным. Нужно согласиться, что отсутствие глубокой специализации судебного корпуса в медицинских познаниях вызывает потребность использования в судебном процессе экспертных заключений и привлечения специалистов. В свою очередь, выводы привлеченных экспертов, которые не соответствуют ожиданиям пациента, могут подрывать в его глазах как доверие к беспристрастности врачей, так и авторитет судебной власти, и доверие пациента к суду.

Длительные сроки судебного разбирательства, обязательное производство судебных медицинских экспертиз по «врачебным» делам, материальные и моральные издержки, обусловленные длительным противостоянием сторон, распространением нелюбезной, противоречивой информации, не отвечают интересам ни одной из сторон.

Кроме того, публичность и гласность судебного процесса по этим спорам имеют и серьезные недостатки. **В ходе судебного разбирательства может публично оглашаться информация, являющаяся «чувствительной»** для спорящих сторон. Разглашаются сведения как о состоянии здоровья (заболеваниях, способах лечения) и жизнедеятельности пациента, так и о допущенных недостатках медицинской помощи, ошибках врачей и иного медицинского персонала, что в условиях конкуренции наносит непоправимый ущерб медицинскому учреждению вне зависимости от исхода судебного спора.

Все это способствует появлению и развитию новых альтернативных способов разрешения возникающих конфликтов в медицине.

Г. Строительство. В само понятие «строительство» включены около пятнадцати видов деятельности человека или пятнадцать относительно самостоятельных специфических потенциально конфликтных сфер отношений (от проектирования до капитального ремонта и сноса). И каждая из них со своим специфическим и тоже многочисленным кругом субъектов, огромным количеством физических и юридических лиц.

Строительный комплекс в Республике Беларусь представлен более 6 тыс. строительных предприятий, свыше 1,4 тыс. предприятий и производств промышленности строительных материалов, 254 проектно-исследовательскими организациями с численностью работников около 400 тыс. человек (9,3 % от всех занятых в экономике). При таких цифрах о количестве субъектов с учетом показателей, характеризующих объемы строительных работ, конфликты и споры в строительстве объективно неизбежны. Причем конфликты как внутрисистемные (между структурами, входящими в систему Министерства архитектуры и строительства), так и внешние.

Неотвратимость конфликтов и споров в строительстве признана официально, в том числе на уровне законодательства. Читаем в отраслевой программе на очередной год: «Прогнозируется, что выполнение мероприятий отраслевой программы позволит достичь следующих результатов.

По градостроительным объектам:

сокращение сроков проектирования на 10–15 % (читай – наличие конфликтов по срокам проектирования);

повышение обоснованности проектных решений (подразумеваются конфликты в связи с необоснованностью или недостаточной обоснованностью проектных решений);

сокращение сроков подготовки градостроительных обоснований инвестиционных проектов на 15–20 %;

сокращение строительных и компенсационных затрат на освоение и реконструкцию территорий до 20–30 %; **снижение конфликтов при развитии территорий до 30 %** [4].

Во-первых, с каждым годом «строительные» конфликты и споры не просто усложняются, но приобретают комплексный и, как правило, многосторонний характер, что требует длительного времени и больших финансовых затрат для их судебного разрешения. Поэтому объективно напрашивается не просто юридическое, а квалифицированное медиативное сопровождение каждого крупного строительного проекта и объекта. Именно медиация, используемая с ранних стадий выстраивания отношений строителей с их партнерами, способна предотвратить перерастание конфликтов в многолетние судебные споры.

Во-вторых, при разрешении строительных споров, как и иных, в государственном суде каждая из спорящих сторон основное время затрачивает либо на доказывание виновности другой стороны, либо на оправдание себя. В такой жесткой обстановке состязательности судебного процесса отношения сторон порой приобретают вместо партнерского характера оттенок противостояния, соперничества и вражды. А строительная отрасль должна быть нацелена на созидание, на сохранение добрых деловых отношений. И на это нацелена медиация.

В-третьих, для судебного разрешения всех строительных споров, как правило, а иногда это требование законодательства, необходимо проведение одной или нескольких судебных экспертиз (строительно-технической, экспертизы проектно-сметной документации, экологической, экспертизы энергетической эффективности, бухгалтерской, экспертизы рыночной стоимости материалов) и многих иных. А это значительные дополнительные временные и финансовые расходы. И здесь медиация – реальный помощник, потому что необходимость в экспертизах может отпасть. Такова практика во многих государствах мира.

В-четвертых, преимущество медиации в строительстве заключается также в следующем. Никто другой, кроме самих строителей и их партнеров, не знает тонкостей и нюансов их взаимоотношений лучше, чем они сами. Поэтому стоит им самим договориться. А если нет, то поможет медиатор. Но не случайный. Например, в Финляндии «...при проведении медиации в службе медиации Ассоциации строителей Финляндии указывается, что один из медиаторов должен иметь опыт работы в сфере строительства» [5].

В-пятых, без переговоров (т. е. без медиации) практически невозможно разрешить в судах отдельные строительные споры, где одной из спорящих сторон выступают коллективы собственников (застройщиков, дольщиков и т.п.). Их актуальность, остроту и сложность подчеркивает даже сам факт принятия Главой государства отдельного указа по этой теме. Известно, что по таким делам в переговорном процессе участвовали не только строительные организации и застройщики, но и исполнительные комитеты различных уровней, суды и иные органы власти, физические лица и другие.

В своем материале я назвал только четыре сферы, где ярко выражена потребность в медиации. Но этот перечень с не менее убедительными доводами можно продолжить за счет таких сфер, как школьные, внешкольные и иные учебные отношения (школа, ССУЗ, вуз), семья (брак, наследство, подростковые проблемы), трудовые отношения, внешняя торговля, спортивные отношения, уголовно-правовая область, корпоративные отношения, налоги, административная ответственность, судебное разбирательство и т. д.

Все, что я вам рассказал сегодня, – это уже не только теория. По некоторым из перечисленных направлений

(судебная, школьная, корпоративная, строительная, семейная медиация и иные) в учреждении «Центр Медиация и право» уже имеются конкретные позитивные практические результаты.

Почему подчеркиваю эти нюансы на этой конференции? По нескольким причинам.

Во-первых, вы можете быть реальными участниками перечисленных проектов по развитию медиации.

Во-вторых, для того, чтобы проникнуться медиативным «духом», т. е. воспринять суть медиативных технологий, вам необходимо пройти хотя бы минимальную подготовку в этом смысле.

В-третьих, другие участники настоящей конференции являются также активными участниками законотворческого процесса и им полезно все это знать.

В-четвертых, медиация и медиативные технологии, воплощенные в жизнь через правовые нормы, могут стать нормами повседневной жизни нашего общества (с меньшим показателем конфликтности), каждого человека и сыграть центральную роль в создании условий для всестороннего и гармоничного развития личности, активного ее участия в принимаемых решениях, формирования у нее ответственности за последствия собственных решений.

Список использованных источников

1. О медиации : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г. № 58-3 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Национальный банк Республики Беларусь, Главное управление банковского надзора: Банковский сектор Республики Беларусь, 1 окт. 2014 г. Краткая характеристика устойчивости функционирования [Электронный ресурс] // Национальный банк Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.nbrb.by/publications/banksector/bs_20141001.pdf. – Дата доступа: 04.03.2016.

3. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-3 : с изм. и доп. на 04.01.2014 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Об утверждении отраслевой программы по разработке и внедрению информационных технологий комплексной автоматизации проектирования и поддержки жизненного цикла здания, сооружения на 2012 – 2015 годы [Электронный ресурс] : постановление Министерства архитектуры и строительства Респ. Беларусь, 31 янв. 2012 г., № 4 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Круголевич, Е. Откровенно о сокровенном [Электронный ресурс] / Е. Круголевич // Республиканская строительная газета. – 2014. – № 40. – Режим доступа: http://www.mas.by/ru/news_ru/view/otkrovenno-o-sokrovennom-331. – Дата доступа: 02.03.2016.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕИСПОЛНЕНИЯ ДОЛЖНИКОМ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРА

Ващебрович Марина Геннадьевна,
преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Альтернативные способы разрешения споров между субъектами хозяйствования включают в себя заключение: медиативного соглашения, соглашения о примирении или мирового соглашения. Все упомянутые выше соглашения не могут содержать санкции за неисполнение условий данных соглашений.

На практике, большинство субъектов хозяйствования, которым уже довелось заключить то или иное соглашение о примирении, столкнулись с негативным опытом неисполнения должником своих обязательств в добровольном порядке. На данном этапе в менее выгодном положении остается взыскатель: мало того, что он уже пошел на уступки перед должником, отказавшись, как правило, от части пени (неустойки) и процентов за пользование чужими денежными средствами, тем самым уменьшив долговые обязательства для должника, так и встретившись с проблемой несвоевременного исполнения должником своих обязательств, что и без того усугубляет положение взыскателя. Введение и совершенствование альтернативных способов разрешения споров должны защищать права и интересы не только должника, но и взыскателя, и тем самым предусмотреть санкции за неисполнение медиативного соглашения, соглашения о примирении, мирового соглашения, иначе подрывается важность альтернативных способов разрешения споров.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-3 «О медиации» медиативное соглашение – это соглашение, заключенное сторонами по результатам переговоров, проведенных в порядке, предусмотренном Законом о медиации, в целях разрешения спора (споров). Пункт 3 ст. 15 Закона о медиации предусматривает установление сторонами в медиативном соглашении последствий неисполнения данного соглашения [4]. В соответствии с ч. 1 ст. 262-3 Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК) предусматривает, что суд, рассматривающий экономические дела, может отказать в выдаче исполнительного документа на принудительное исполнение медиативного соглашения, если установит, что условия медиативного соглашения противоречат требованиям ХПК о мировом соглашении [6].

В данном случае можно отметить, что к медиативному соглашению, принятому во внесудебном порядке, применяются те же требования, что и к мировому соглашению, иначе в случае неисполнения должником его в добровольном порядке, взыскатель не сможет обратиться в отдел принудительного исполнения для принудительного исполнения соглашения.

Соглашение о примирении – это медиативное соглашение, заключенное сторонами по результатам проведения примирительной процедуры в суде, рассматривающем экономические дела. Порядок утверждения и исполнения соглашения о примирении, предусматривается ХПК [6].

ХПК также раскрывает понятие мирового соглашения, а именно, это соглашение сторон о прекращении судебного спора на основе взаимных уступок.

Опять же ст. 122 ХПК не исключает, что мировое соглашение должно содержать сведения о последствиях его неисполнения в добровольном порядке [6].

На основании этого можно сказать, что взыскатель и должник обязаны предусмотреть в медиативном соглашении, соглашении о примирении и мировом соглашении последствия неисполнения его в добровольном порядке, но последствия, исходя из практики, не тождественны санкциям.

Последствия – это результат, следствие чего-либо [2], а санкции – это элемент правовой нормы, предусматривающий неблагоприятные последствия для лица, нарушившего содержащееся в такой норме правило или наоборот поощрение для лица, соблюдающего содержащееся в такой норме правила [2].

В свою очередь, мировое соглашение должно содержать согласованные сторонами сведения о последствиях неисполнения мирового соглашения в добровольном порядке, что исключает применение санкций за неисполнение условий мирового соглашения [5].

Необходимо закрепить на законодательном уровне применение и законное согласование сторонами санкций за неисполнение медиативного соглашения, соглашения о примирении и мирового соглашения в добровольном порядке.

Так, требуется предусмотреть более худшие, а где-то и более жесткие условия для должника за неисполнение данных соглашений в добровольном порядке, что, безусловно, будет лучше стимулировать и дисциплинировать должника и повысит эффективность добровольного исполнения медиативных соглашений, мировых соглашений и соглашений о примирении, а также повысит их роль и значимость в судебном процессе.

Если должник добровольно не исполняет обязательства, принятые на себя по такому соглашению, экономический суд по заявлению взыскателя выдает судебный приказ, который может быть предъявлен к принудительному исполнению.

Но невозможно исключить то, что при принудительном исполнении судебного приказа взыскатель может ничего не получить от должника. Причиной того может быть и плохое финансовое положение должника и элементарное уклонение должника от исполнения судебного постановления.

Необходимо также закрепить обязательное требование к форме медиативного соглашения, соглашения о примирении и мирового соглашения, которая должна обязательно содержать ответственность должника за неисполнение данных соглашений в добровольном порядке в соответствии со ст. 11.18 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, что влечет предупреждение или наложение штрафа в размере от шести до двадцати базовых величин, или административный арест за уклонение индивидуального предпринимателя или должностного лица юридического лица от погашения по вступившему в законную силу судебному постановлению кредиторской задолженности при наличии возможности выполнить обязательство, если в этих действиях нет состава преступления [3].

Данное законодательное нововведение повысит роль и качество, а также, своевременное исполнение должником судебного постановления при применении альтернативных способов разрешения спора.

Список использованных источников

1. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Санкция>. – Дата доступа: 11.03.2016.

2. Викисловарь. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/последствие> – Дата доступа: 11.03.2016.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г., одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г.; с изм. и доп. на 28.04.2015 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. О некоторых вопросах прекращения судебного спора мировым соглашением [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 29 июня 2011 г., № 14 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

6. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г., одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г.; с изм. и доп. на 01.07.2014 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ

Лазаренкова Ольга Валерьевна,
старший преподаватель кафедры финансового права
и правового регулирования хозяйственной деятельности юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск

В современном обществе, наряду с проблемой защиты прав и свобод личности, остро стоит вопрос о цивилизованном разрешении конфликтов, основанном не на состязательности, а на сотрудничестве сторон. В роли эффективного инструмента выступает институт медиации.

Принятый 12 июля 2013 года Закон Республики Беларусь «О медиации» – это не только попытка разгрузить суды, а прежде, всего предложение применения нового подхода к урегулированию конфликтов в обществе [1]. На сегодня применение альтернативных способов урегулирования споров является общемировой тенденцией развития правосудия. Мирное разрешение конфликтов – показатель уровня развития гражданского общества.

Проведенные медиации в судах показывают большую эффективность данного института. Зачастую люди годами не разговаривают, не слышат друг друга, не обсуждают наиболее болезненные вопросы. Но только ли в судах применим данный механизм? На наш взгляд, начинать знакомить людей с принципами медиации необходимо еще в школах. В школах дети не только осваивают новые знания, но и учатся строить отношения с окружающими. «Если за время обучения подросток не освоил допустимые в обществе способы взаимодействия с другими людьми, возникает риск, что он не сможет выстроить нормальные отношения и станет отвергнутым. Это может проявиться в дальнейшем в виде правонарушений, попыток суицида, конфликтов, примыкания к группировкам» [2, с. 5].

Конфликты в школах существовали всегда из-за разного социального положения, культурного уровня, национальностей, вероисповедования. Как обычно разрешаются конфликты в школах? В большинстве своем, очевидно, в административно-приказном порядке. Сегодня настало время создать и запустить иной механизм урегулирования: школьную медиацию.

Определим основные функции службы примирения в школе.

1. Восстановительная. Способствует восстановлению состояния пострадавшего, возмещению причиненного ему вреда, налаживанию отношений между обидчиком и жертвой, с одноклассниками, родителями, педагогами.

2. Образовательная. Медиаторы (обученные приемам медиации педагоги и школьники) на тренингах и при рассмотрении конкретных ситуаций в школе учатся налаживать диалог, снижать эмоциональный накал, слушать, понимать чувства других людей и за столом переговоров находить взаимовыгодные решения. Приобретенные навыки переговорщиков они принесут в свои семьи, в личные отношения, в будущие рабочие коллективы.

3. Воспитательная. В ходе медиативных встреч под руководством медиатора стороны учатся строить мирную коммуникацию, спокойно описывать свои чувства (обида, стыд, страх и др.), самим предлагать пути разрешения конфликта. Важным моментом является принятие подростком на себя ответственности за содеянное.

Нередко родители спешат заглянуть последствия и полностью возместить причиненный ребенком вред, не требуя от него даже некоторого участия. В таком случае работа медиатора с родителями заключается в необходимости дать им понять, действительно ли они готовы всю жизнь исправлять ошибки своего ребенка и выручать его из всех сложных ситуаций. Важным шагом в разборе конфликтов является обсуждение способов избегания повторения подобного. Ребенок – участник конфликта в ходе медиативных сессий обучается новым формам рассмотрения ситуации, не известным ему ранее способам взаимодействия с другими людьми, возможности быть услышанным. Все это получило название восстановительного способа разрешения конфликтов.

4. Профилактическая. Важная роль медиации в школе состоит в регулировании мелких, незначительных с точки зрения взрослых ситуаций, накопление которых при определенном стечении обстоятельств может привести к серьезным правонарушениям, попыткам суицида или даже преступлениям среди подростков.

Задачами службы применения в школах является создание системы защиты, помощи и обеспечения гарантий прав и интересов детей всех возрастов и групп, включая детей, попавших в трудную жизненную ситуацию и находящихся в социально опасном положении, детей из неблагополучных семей; формирование безопасного пространства не только для детей, но и взрослых, путем содействия воспитанию у них культуры конструктивного поведения в различных конфликтных ситуациях.

«Школа сегодня может и должна стать местом апробации и внедрения технологий ценностно гуманистического выбора и действия, позитивного ориентирования в дальнейшей жизни» [3, с. 6].

Список использованных источников

1. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Коновалов, А. Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / под общ. ред. Л. М. Карнозовой. – М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. – 256 с.

3. Хананашвили, Н. Л. Общественная активность и школьные конфликты / Школьные службы примирения. Методы, исследования, процедуры : сб. материалов ; сост. и отв. ред. Н. Л. Хананашвили. – М. : Фонд «Новая Евразия», 2012. – 90 с.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ III. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО, ФИНАНСОВОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА	4
Артамонов Алексей Николаевич К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА РЕГИОНАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	4
Безвербная Марина Юрьевна К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В РОССИИ С ПОЗИЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ.....	7
Валюшко-Орса Наталья Викторовна К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	9
Власова Елена Львовна ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ И САНКЦИЙ С ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ	10
Куленко Наталья Ивановна О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 29 ДЕКАБРЯ 2015 Г. № 391-ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	13
Кураков Денис Владимирович ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	17
Куницкая Ольга Михайловна СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ.....	19
Лопуть Надежда Александровна ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ БЮДЖЕТА	21
Мамедов Заур Алирза оглы СОСТОЯНИЕ НОТАРИАТА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	24
Минько Наталья Сергеевна ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ	27
Михайлов Дмитрий Игоревич НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ АТИПИЧНЫХ СДЕЛОК ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА: ДЕЛИКТНЫЙ АСПЕКТ	30
Мороз Олег Васильевич СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ СПОРА В ПРИРОДООХРАННОЙ СФЕРЕ.....	32
Орса Александр Евгеньевич ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННО-РЕАЛИЗАЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК	35
Павлов Владимир Павлович ЗАКОН СТОИМОСТИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ..	37
Павлова Евгения Васильевна, Сидорова Маргарита Владимировна ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	39
Пилипенко Александр Анатольевич НАЛОГОВО-ПРАВОВАЯ ПРЕЗУМПЦИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	42
Сидорчук Валерий Кириллович ПОНЯТИЕ И ВИДЫ КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ	45
Цареградская Юлия Константиновна ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОЛГОМ: ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ.....	49
Цегельник Ольга Владимировна ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА	51
Шаповалова Ольга Викторовна МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С УЧЕТОМ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ УКРАИНЫ	54

Бочарова Наталья Николаевна О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ	58
Будько Виктор Николаевич КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ПУНКТОВ ПРОПУСКА ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»	60
Гладкая Екатерина Николаевна К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ДОЛЖНИКА	62
Коваленко Дмитрий Владимирович ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА ПРИ ОКАЗАНИИ УСЛУГ В ОБЛАСТИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	65
Конаневич Юрий Григорьевич КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ФИНАНСОВОЙ И ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	67
Кухарчук Марина Леонидовна ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ЕСТЬ ЛИ ОСОБЕННОСТИ?.....	69
Кучура Петр Игоревич ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО»	70
Мамадамонов Умед Мулкамонович К ВОПРОСУ ОБ НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН ПО ВСТУПЛЕНИЮ ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ (ВТО).....	73
Мартюшевская Елена Николаевна К ВОПРОСУ О ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	74
Солодченко Сергей Викторович ПАСПОРТИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО САМОКОНТРОЛЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ.....	76
Шашкевич Анастасия Валерьевна ДОГОВОРНАЯ БАЗА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ.....	78
Швед Юлия Николаевна ПРОЦЕДУРЫ ЗАЧЕТА И ВОЗВРАТА В РАМКАХ ИСЧИСЛЕНИЯ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ	79
РАЗДЕЛ IV. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	82
Береговцова Диана Сергеевна ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	82
Гречуха Владимир Николаевич СУЩНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА, ЕГО СИСТЕМА.....	85
Абдурахманова Тахмина Джамолиддиновна ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ФРАНЧАЙЗИНГА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН.....	88
Давлатов Хизр Хакимович МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ	90
Поцепня Вероника Игоревна МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ИНВАЛИДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	91
Шевко Надежда Михайловна РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В БОРЬБЕ С ПРОБЛЕМОЙ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА.....	93
РАЗДЕЛ V. УГОЛОВНОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, КРИМИНАЛИСТИКА, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И СУДОУСТРОЙСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ	95
Акопян Норайр Айрапетович ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ ОБ ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	95
Бочкарёва Юлия Владимировна СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	97

Боярская Александра Владимировна ФОРМЫ ПОЗИТИВНОГО ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	99
Владыкина Татьяна Анатольевна НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУК УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА.....	104
Громов Владимир Геннадьевич КОРРУПЦИОННЫЕ «ОТКАТЫ»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ В РОССИИ	105
Дедковский Андрей Александрович ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОТДЕЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	108
Дубонос Евгений Серафимович, Петрухина Ольга Анатольевна КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ	110
Дяблова Юлия Львовна, Мартынова Ирина Геннадьевна ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ	113
Капустина Елена Геннадьевна СОСТОЯНИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ	116
Кирияк Оксана Васильевна ОТДЕЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПСИХОДИНАМИКИ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА.....	118
Курбанов Габил Сурхай оглы РАССМОТРЕНИЕ ДЕФИНИЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ	121
Мартыненко Игорь Эдуардович НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ГОД КУЛЬТУРЫ	125
Рубан Екатерина Павловна ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ .	128
Подкатилина Мария Леонидовна АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОПИЙ ПОЧЕРКОВЫХ ОБЪЕКТОВ.....	132
Приходько Наталья Юрьевна ТОВАРНАЯ КОНТРАБАНДА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	134
Пчелкина Елена Витальевна СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧИНОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1822–1917 Г.	137
Савчук Татьяна Анатольевна ДОМАШНИЙ АРЕСТ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СТАНОВЛЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ, ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	142
Самарин Вадим Игоревич, Петухов Илья Игоревич ДОСТАТОЧНОСТЬ СУЩЕСТВУЮЩИХ В БЕЛАРУСИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ.....	146
Серета Ирина Михайловна РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	149
Успанов Жолдыбай Тюльматович ВОПРОСЫ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	150
Хлус Александр Михайлович РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИКИ В ВЫЯВЛЕНИИ ДЕСТРУКТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ.....	1544
Чубина Елена Александровна ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ С ЦЕЛЬЮ РАЗРЕШЕНИЯ СИТУАЦИЙ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕКЛАМЫ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ	1577
Шалагин Антон Евгеньевич КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ.....	1600

Шишкина Елена Александровна КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ	1622
Шошин Сергей Владимирович ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ....	1655
Ярмоц Елена Николаевна ФОРМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ	1677
Аристархова Татьяна Анатольевна ОСНОВЫ И СОДЕРЖАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, СОВЕРШАЕМЫХ ПО ЭКСТРЕМИСТСКИМ МОТИВАМ.....	1700
Бапанова Тогжан Талгаткызы ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ КОНКУРЕНЦИИ НОРМ.	1711
Боровик Андрей Владимирович ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УКРАИНЕ	1744
Закирова Ольга Николаевна ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ СУДЕБНОГО ПРИКАЗА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	176
Зезюлько Вячеслав Витальевич ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖЕБНО-РОЗЫСКНЫХ СОБАК ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ	1777
Зимица Ульяна Евгеньевна ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА.....	1788
Иванова Анна Борисовна ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНЫМ БАНКРОТСТВАМ	17979
Казаков Игорь Геннадьевич РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ.....	1811
Квятович Антонина Алексеевна ИНФОРМАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	1822
Корнеев Сергей Владимирович НАКАЗАНИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ОТ ДИКОСТИ ЧЕРЕЗ ВАРВАРСТВО К ЦИВИЛИЗАЦИИ	1844
Коротич Елена Алексеевна ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ..	1866
Кружкова Яна Алексеевна ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 4 СТ. 111 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ	188
Лимарева Елена Станиславовна ИСПОЛНЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	1900
Мельников Игорь Сергеевич К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ.....	1922
Михайлов Владимир Александрович ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В МОТИВАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	1933
Михайловская Юлия Валентиновна ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ТОВАРНОГО КРЕДИТОВАНИЯ КАК СВЯЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА В ТОВАРНО-КРЕДИТНОЙ СФЕРЕ.....	1955
Нечаева Виктория Александровна О НЕКОТОРЫХ ГАРАНТИЯХ ЗАКОННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	1966
Новикова Мария Алексеевна К ВОПРОСУ О ХИЩЕНИИ ИМУЩЕСТВА В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА.....	1988
Омарова Айман Бижановна ПРОБЛЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ	199

Осокина Наталья Владимировна ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА МАТЕРИАЛЬНОЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО	2011
Пискунович Екатерина Владимировна О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ АПЕЛЛЯЦИИ.....	2022
Ремнёва Татьяна Ивановна СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ	2033
Рашева Гульнур Койшыновна ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	2044
Саядян Сусанна Григорьевна ИНСТИТУТ ОТСРОЧКИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	2066
Стороженко Сергей Николаевич РЕФОРМИРОВАНИЕ ТИПОЛОГИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	20808
Стрельцова Елена Геннадиевна ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИ ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ИСПОЛНЕНИИ.....	2100
Сущенко Светлана Алексеевна ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ФРАНЦИИ И США	2144
Турабаева Дана Сейтхановна ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	2155
Хамзяева Юлия Радиковна СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «ТЕРРОРИЗМ», СОДЕРЖАЩИХСЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЗАКОНАХ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОДКБ.....	2177
Цуприк Алина Николаевна ИНСТИТУТ ДЕЛОВОГО РИСКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ.....	21818
Шерайзина Людмила Олеговна СУБЪЕКТ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УСЫНОВЛЕНИЮ (УДОЧЕРЕНИЮ) ДЕТЕЙ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ	2200
Шилко Жанна Анатольевна ОБ ОДНОМ ИЗ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ПРИМЕНЕНИЯ УСКОРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	2211
РАЗДЕЛ VI. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА	2233
Банников Руслан Юрьевич УСЛОЖНЕНИЕ СУДЕБНОГО ДЕЛА: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ.....	2233
Булгакова Ирина Валериевна ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ.....	2244
Ионова Дина Юрьевна О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАССМОТРЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ	22828
Ластовская Ольга Александровна ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА МЕЖДУНАРОДНОЙ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ УНИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	2311
Матвийчук Сергей Борисович ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧРЕДИТЕЛЕЙ (УЧАСТНИКОВ) ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА	2333
Скобелев Владимир Петрович О ПРАВЕ СУДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ ПЕРЕДАТЬ ДЕЛО В «ДРУГОЙ СУД»	2377
Туманов Дмитрий Александрович О СООТНОШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНТЕРЕСОВ И ЕГО ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	2433

Щукин Андрей Игоревич ПРАВИЛО ПУНКТА «Г» СТАТЬИ 9 СОГЛАШЕНИЯ О ПОРЯДКЕ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТОЛКОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУДА СНГ	2466
Шамаев Глеб Петрович ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	2500
Велиев Руслан Ариф оглы ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА.....	2555
Галисултанова Амина Тимербулатовна УНИФИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ИСПРАВЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	25858
Латышев Павел Сергеевич К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБЫ НА НЕ ВСТУПИВШЕЕ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ	25959
Парахневич Владимир Сергеевич К ВОПРОСУ О ТРЕБОВАНИИ О ПРИЗНАНИИ ДОГОВОРА НЕЗАКЛЮЧЕННЫМ	2611
РАЗДЕЛ VII. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИНЫХ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ И СПОРОВ.....	2633
Бельская Ирина Александровна ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ, ВЫЗВАННЫЕ ЕГО ПРАВОВОЙ ПРИРОДОЙ	2633
Каменков Виктор Сергеевич ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕДИАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	2666
Ващебрович Марина Геннадьевна ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕИСПОЛНЕНИЯ ДОЛЖНИКОМ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРА	2700
Лазаренкова Ольга Валерьевна ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ	2722